ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТҮРКІ АКАДЕМИЯСЫ
INTERNATIONAL TURKIC ACADEMY
МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЮРКСКАЯ АКАДЕМИЯ

«ҰЛЫ ДАЛА»
І-ші ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМИ
ФОРУМЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ

PAPERS PRESENTED TO THE Ist
FORUM OF SOCIAL SCIENCES
“THE GREAT STEPPE”

МАТЕРИАЛЫ І ФОРУМА
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
«ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ»

І

АСТАНА
2016

ӘОЖ 001:030
ҚБЖ 6/8
Ұ 46

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТҮРКІ АКАДЕМИЯСЫ

Бұл жинақта Астана қаласында өткен І Ұлы Дала гуманитарлық ғылымдар форумында жасалған баяндамалар мен ғылыми мақалалар жинақталып беріліп отыр.

Жинақ ғалымдарға, студенттер мен ізденушілерге, сонымен қатар жалпы көпшілік оқырманға арналған.

ISBN 978-601-7793-44-9

ISBN 978-601-7793-45-9

© ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТҮРКІ АКАДЕМИЯСЫ

Мазмұны/ Content /Содержание

Қазақстан Республикасының Президенті Н.А. Назарбаевтың құттықтау сөзі
Greetings of President of Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev
Приветствие Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева

Пленарлық отырыс
Plenary session
Пленарное заседание

Халықаралық Түркі академиясы президентінің алғыс сөзі
The introduction of president of International Turkic academy
Благодарственное слово президента Международной Тюркской академии
Д. К. Қыдыралі 9

Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Başkanı
D. Örs.....11

Director Geneal Statical, Economic and Social research
and traning centre for Islamic countries
M.Kulaklıkaya.....13

Coordinator General of COMSTECH
S. H. Khan.....14

Director General of the Islamic Educational, Scientific and Cultural Organization (ISESCO)
A. O. Altwaijri.....16

Genel Direktörü IRCICA
H. Eren.....19

President ECO Science Foundation
M. H. Soomro 23

Президент Академии наук Республики Татарстан
М.Х. Салахов 27

Türkiye Bilimler Akademisi (TÜBA) Başkanı
A.C. Acar.....29

Президент Национальной академии наук Республики Казахстан
М.Ж. Журинов.....31

ТАРИХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖӘНЕ ЭТНОГРАФИЯ / HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY/ ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Б.Е. Кумеков
О специфике степной цивилизации.....33
С. Жолдасбайұлы, А. Б.Қалыш
Значение письменных и археологических источников о савроматах-сарматах.....39

С. Утениязов
Проблемы исследования истории гуннов.....47
А.А. Аскаров
Автохтонность тюркского этноса в Центральной Азии на примере изучения археологических и антропологических материалов в связи с интерпретацией древнекитайских письменных источников.....56
З. Г. Гасанов
Надпись на серебряной чаше из Иссыкского кургана.....67
А.У. Инамов
Древние населения среднего бассейна Сырдарьи в письменных источниках и тюркских корни термина Чач.....88
Ж. Хакимниязов
Зороастрийские памятники Южного Приаралья.....96
N. G. Jafarov
Historical conceptions of the ancient Turks.....102
D. Karimova
Unvestigation cultures cattle-breeding tribes of the bronze in North Baktriya.....105
İ. Ə. Həbibbəyli
Azərbaycanda ilkin sivilizasiya: tarix və müasirlik.....113
Osman Horata
Türk dünyası'nın kültürel ufukları: tarihsel bağlam içinde genel bir değerlendirme.....123
Telli Korkmaz
Büyük Bozkırın Sırlı Atları.....134
F.A. Maksudov
On problems of studying the ancient mobile pastoralism in the Syrdarya basin: GIS approach.....143
Н. Е. Бөгенбаев
Алтайдағы Түрк дәуірінің археологиялық кезеңдері.....149
Н. Базылхан
Этносемантические особенности некоторых этнонимов кочевых этносов.....159
М. А. Азбанбаев, Г. И. Байгунисова
Образ Таутеке – символ тюркских каганов.....164
Л.Д. Чадамба
Образы и сюжеты петроглифов древнетюркской эпохи Тувы.....174
Н.В. Екеев
Образ Алтая в мифологии, эпосе и истории.....180
Қ. Сарткожаулы
Суджинские надписи (новый перевод и толкование).....188
Hahashi Toshio
Mediaeval Eurasian Steppe states: the Uighurs and the Khazars.....204
M. Nasriddinova
İslam öncesi dönemlerde Orta Asya'nın kuzey-doğu hudutlarındaki etnik süreçlerde Soğdlular'ın rolü.....212
К. Умиров
Печати эпохи Тюркского каганата.....219
Ш. С. Камолиддин
Саманиды – первая исламская тюркская династия в Средней Азии.....231
М. М. Саидов
Средневековый жилой дом Афрасиаба (XI-XII вв.).....239
С.К. Алымкулова
Место кыпчаковедения в современной историографии.....243
К.Ж. Нурбаев
О китайском и тунгусо-маньчжурском факторе в истории татаро-монгольских племен и Чингис хана.....252
Қ.С. Анарбаев
«Кодекс Куманикус» (XIII-XIV гг.) материалдарындағы этнографиялық деректер және

жазба ескерткішті зерттеудегі кейбір мәселелер.....267
С.Т. Саипов
Неполивные кувшины средневекового Хорезма.....274
Ж.М. Сабитов
Уйсуны в Дешт-и Кыпчаке в XIII-XV веках.....283
А. Г. Ситдиков
Историко-археологическое наследие улуса Джучи (Золотой орды): изучение и сохранение.....291
В.В. Ушницкий
Центральноазиатские татары: вопросы этнической истории и этногенеза.....294
Б.С. Қорганбеков
Тоқтамыс ханның қабірі және ол жөніндегі тарихи, фольклорлық деректер.....295
Ә.Ә. Әзімбай
Тарих өткеліндегі ноғайлы жұрты.....313
Е. Қуандық
Шоқан Уәлихановтың құпия қызметі мен ұлтжандылығы хақында.....325
И.В. Пискунова
Города Низовьев Амударьи в хивинских хрониках Муниса и Агехи (XVIII-XIX вв.).....331
Д.Б. Ескекбаев
Батыс Сібір және Омбы өлкелеріндегі қазақтардың қоныстану тарихындағы мәселелер.....339
Г.У. Сейдаметова
Взаимоотношения кочевых и оседло-земледельческих народов Центральной Азии на примере города Ходжейли (конец XIX – начало XX вв.).....349
А.Г. Салихов
Участие башкирской делегации в работе первого тюркологического Съезда 1926 года в Баку.....354
И.К. Загидуллин
Вопросы реформирования управления духовными делами казахов в петициях мусульман Волго-Уральского региона 1905-1906 гг.....359
А.Т. Сайтов
Образ города в мемуарах и воспоминаниях (1925-1941 гг.).....368
С.Т. Рысбекова, Т.З. Рысбеков
Түркі өркениеті – тарихи мұра.....378
З.К. Сураганова
Нематериальное культурное наследие казахского населения зарубежного Алтая, как форма манифестации этнической идентичности.....386
C.Davlatova
Geleneksel Özbek el işlemeleri sanatı ve onun diğer Türk topluluklarıyla bağlantıları.....394
Б.К. Қалшабаева
Түркі халықтарындағы бақсылық (қазақ және сібірдің түркі тілдес халықтары материалдары негізінде).....403
В.В. Медведев
Дом в воззрениях чувашей и нагайбаков: параллели традиции.....414
Я.Б. Абдуллина
Бухарский этнический компонент в составе татар Сибири.....423
Р.А. Султангареева
Тенгрианство башкир и казахов: основные составляющие и особенности учения.....427
Г.Н. Билялова, А. Гереева, А.Тургазин
В этноментальной памяти казахов.....438
Н.С. Тунтеев
Военное дело тюркскоязычных народов.....447
Сампилдондов Чулуун
Монгольская археологическая наука: прошлое и современность.....451

ӘЛЕУМЕТТАНУ, САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ ЭКОНОМИКА / SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE AND ECONOMICS/ СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

A. Muradov
Avrasya'da bilimsel işbirliğinin yeni platformu: Türk dünyasi iktisatçılar birliği.....461
N. A. Graham
Prosperity and Security Through Regional Cooperation in Central Eurasia.....465
C. Feyziyev
Ümumtürk birliyi: realliqlar və perspektivlər.....473
Б.А. Әрінова
Ұлы Дала құндылықтары «Мәңгілік Ел» идеясының негізі және жастардың ұлттық тәрбиесініңқұралы.....482
Н. Назаров
Лакайцы: некоторые этнические аспекты развития.....487
И.Р. Атнагулов
Этнодемографическая характеристика и самоидентификация казахов Челябинской области.....492
С.А. Бадретдинова
К вопросу о межкультурном взаимодействии тюркоязычных народов на рубеже XX-XXI веков.....501
С.Б. Булекбаев
Тюркский мир в контексте философии истории.....510
Я.М. Махмудов, И. Алиева
Великая Степь – пространство дружбы тюркских народов: истоки и вызовы современности.....518
Р.А. Муратова
История развития экономических отношений в Великой Степи.....528
Н.А. Овчар
Социальное самочувствие жителей в социокультурном пространстве города (на примере Волгограда).....537
З.Р. Сабирова
К истории башкиро-таджикских социально-экономических и культурных связей.....543
A. Toleubayeva
Küreselleşme sonucunda oluşan çokkültürlülük paradigmasi (Kazakistan örneği).....552
А.А. Фадеева
История развития интеграционных процессов в Центральной Азии.....559
Н.В. Дулина, В. А. Парамонова, И.Н. Наумов
Город и Степь: невозможное возможно.....565
Т.С. Шахбазов
К вопросу изучения и сохранения историко-культурных ценностей тюркских народов в условиях глобализации.....574
Е.С. Косых
Национальная интеграция в условиях этнокультурного многообразия (на примере Республики Башкортостан).....581
İ. Demirci, Kuşhanoğlu N. A.
DemirİpekyoluDemirİpekyolu.....589

Қазақстан Республикасының Президенті
Президент Республики Казахстан

АСТАНА, АҚОРДА 19/05/2016

«Ұлы Дала» I гуманитарлық ғылымдар форумына қатысушыларға

Құрметті қонақтар,
зиялы ғылыми қауым!

Сіздерді «Ұлы Дала» I гуманитарлық форумының ашылуымен құттықтаймын!

Ұлы Дала – Еуразия кеңістігін мекендеген халықтардың мыңжылдық байланыстарының шежірелі куәсі, Батыс және Шығыс өркениеттерін тоғыстырған тоғыз жолдың торабы. Оның географиялық ауқымы алыс көкжиектерді қамтиды. Тарихи тамырлары тереңнен таралады. Бай мәдени мұрасы – бүкіл адамзаттың ортақ игілігі. Сондықтан бүгінгі форум тақырыбының ынтымақтастырушы қуатқа ие символикалық мәні бар деп ойлаймын.

Менің бастамам бойынша құрылған Халықаралық Түркі академиясы алғаш рет мұндай форматтағы алқалы жиынның өтуіне ұйытқы болып отыр. Осы арқылы Еуропа мен Азия арасындағы алтын көпір саналатын Астананың өз қақпасын әлемдік ғылымға айқара ашқаны – мағынасы зор оқиға.

Бұл форум құрлықтарды шекарасыз жалғаған ғылыми интеграцияға үлкен серпін береді деп сенемін. Оның аясындағы баршаға пайдалы пікір алмасулардың өзара түсіністік пен ықпалдастықтың дамуына игі ықпалы болары сөзсіз.

Жұмыстарыңызға сәттілік тілеймін!

Нұрсұлтан Назарбаев

Уважаемые гости,
представители научного сообщества!
Поздравляю вас с открытием I Форума гуманитарных наук «Великая Степь»!

Великая Степь – свидетель тысячелетних связей между народами, населяющими просторы Евразии, перекресток всех путей, связавших между собой цивилизации Запада и Востока. Ее географический размах охватывает дальние горизонты, а ее исторические корни уходят в глубь веков. Культурное наследие Великой Степи является общим достоянием всего человечества. Поэтому я считаю, что тема сегодняшнего форума несет символический смысл, наполненный консолидирующей энергией.

Международная Тюркская академия, основанная по моей инициативе, впервые проводит мероприятие высокого уровня в таком формате. Таким образом Астана, которая является золотым мостом между Европой и Азией, широко открывает свои двери мировой науке, и это событие имеет большую значимость.

Я уверен, что этот форум даст мощный импульс научной интеграции, объединяющей континенты поверх всех границ. Не сомневаюсь, что полезный для всех заинтересованных сторон обмен мнениями в рамках форума окажет позитивное влияние на развитие взаимопонимания и сотрудничества.

Желаю успеха вашей работе!

Нурсултан Назарбаев

АЛҒЫСӨЗ

Ұлы дала әлемдік өркениеттің ежелгі бесігі ғана емес бүгінгі жаһандану заманында шығыс пен батысты түйістіріп, жалпы адамзаттық мәдени құндылықтар мен саяси экономикалық мүдделердің жарасымды тоғысуына алтын қазық болып, геосаяси маңызды алаңға айналып отыр. Бұл аймақта Кеңес Одағы ыдыраған соң тәуелсіздігін жариялаған түркі тілді мемлекеттер әлемдік қауымдастықтан салиқалы да салмақты орын алып, сарабдал саясат ұстануымен ғасыр көшіне өзіндік өрнекпен айшықты үлесін қосып үлгерді. Жаһандық интеграция заманында алыс кеңістіктер жақындап, халықтар мен халықтар қою араласып, тарихта бұрын болмаған деңгейде мүмкіндіктердің есігі ашылып, мәдениетаралық, дінаралық үндестіктер күнтәртібінде алға шықты. Заманауи ықпалдастық пен уақыттың қарқыны сан түрлі мүдделер қақтығысын да туғызып, бейбіт өмірімізге жат ұғым террорлық қауіпті де ортаға әкелді. Әлбетте, адам баласының жан әлемін күйзеліске ұшырататын мүндай сын-қатерлерге парасатты адамзаттың ақыл-ой қазынасы, соның бір құрамдас бөлшегі Ұлы даланың ізгілік пен мейірбандықты іргетас еткен мәйекті руханияты тосқауыл жасап, өскелең жас ұрпақты адасудан сақтандыра алатын тегеурінді күш болатыны айқын. Дала данагөйі Асан қайғы «қой үстіне бозторғай жұмыртқалаған» мамыражай тыныштық пен молшылық заманды аңсады, желмаясына мініп Жерұйық мекенді іздеді, арман-аңсар болдырды. Ұлы Абай «Адамзаттың бәрін сүй, бауырым деп» ұран тастап, гуманизмді ту етіп, шын мәнінде көшпенділік пен отырықшы өркениеттің үйлесім мен үндестік тауып, құлпыра түлеп, жаңғыруын мұрат етті.

Ұлы далада бүгінгі таңда дана бабалардың асыл аманатын ардақтаған тәуелсіздігіне 25 жыл толған жас мемлекеттер саясат айдынында ақ желкенін айқара керіп, түркі ақыл-ой алыптарының нұрлы шырағы қайтадан жанды, өркениет керуеніне қуатты жаңа толқын қосылды.

Осы тұрғыдан қарағанда Түркі дүниесінің тарихы, әдебиеті, өнері мен мәдениеті, экономикасы мен саясатын жаңа заманның талабы тұрғысынан кешенді зерттеу, саралау аса өзекті.

I Ұлы дала гуманитарлық форумы Түркі жазуы күніне орай ұйымдастырылып, жиында қазіргі түркі елдерінің әліп-би мәселесі де қызу талқыланды. Әйгілі Баку конгресінің 90

жылдығының тағлымы да сараланды, қай тұрғыдан қарағанда да жаңа түркологиялық бетбұрыстар өткенімізбен рухани сабақтастықта болғанда ғана алға жылжитыны айқын байқалды. АҚШ, РФ,ҚХР, Түркия, Германия, Венгрия, Жапония, Корея секілді елдерден келген ғалымдардың қазіргі түркологияға деген ізденіс аймақтары, әдіс-тәсілдері, көзқарастары мен концепциялық тұжырымдары әр қилы болғанымен жаңа кезеңдегі түркітану ғылымы ендігіде түркі мемлекеттерінің рухани жаңғыруына, қайта түлеуіне құрал болатындығы ортақ саралануы маңызды түйін деуге болады.

Түркі рухани интеграциясына дем беруші «Түркі академиялар одағының» кезекті мәжілісі де жиын аясында табысты өтті.

I Ұлы дала гуманитарлық форумына әлемнің түкпір-түкпірінен келген әйгілі ғылым қайраткерлері, қаламгерлер, жас зиялылар келелі ізденістер жасап, тың деректер мен байыпты уәждерді, байсалды байламдарды жасағаны жиында талқыға ұсынылған баяндамалардан анық байқалады. Білікті түрколог мамандардың жинақта жарияланып отырған жүйелі зерттеулерінен Астана төрінде өткен I Ұлы дала гуманитарлық форумының жұмысы нәтижелі де жемісті болғанын білуге болады. Әйткенмен бұл гуманитарлық алғашқы форум болғандықтан тәжірибе жинақтау,емін-еркін пікір алмасу, мамандар бетпе бет кездесу райында өткенімен, әлеуетті ғылым әрқашанда ортақ идеяларды біріктіре алатын теңдессіз құндылық екендігі айқын байқалды. Ғылыми қазына байып, зерделі зерттеуші қауымның қаламы ұшқыр болсын!

Халықаралық Түркі академиясының президенті
Дархан Қыдырәлі

Приветствие участникам Форума
Форум қатысушыларының құттықтау сөздері
Greetings of Participants of the Forum

Saygıdeğer Protokol
Muhterem Katılımcılar
Çok Değerli Bilim İnsanları,

Türk Akademisi Uluslararası Teşkilatı, Kazakistan Cumhuriyeti Kurucu Cumhurbaşkanı Kütüphanesi ve Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu işbirliği ve çok sayıda paydaş kurumun katılımı ile ata yurdumuz Kazakistan'da düzenlenen "Büyük Step" başlıklı "Uluslararası Sosyal Bilimler Forumu"nda sizlerle birlikte olmaktan büyük sevinç ve kıvanç duyuyoruz.

21. yüzyılın ilk çeyreğinde bulunduğumuz şu zaman diliminde, toplam nüfusu 200 milyonu bulan ve dünya tarihinin çeşitli dönemlerine damgasını vurmuş bulunan Türk dilli ve Türk soylu ülkelerin ve dünyanın her yerinden Türkoloji sahasında araştırma yapan kıymetli bilim insanlarının böylesine kapsamlı bir toplantıda bir araya gelmesi hepimiz için büyük bir kazançtır.

Türkler, insanlık tarihinin en eski devirlerinde Orta Asya'nın uçsuz bucaksız bozkırlarından neşet etmiş ve zamanla dünyanın çeşitli coğrafi bölgelerine yayılarak çok sayıda büyük ve kalıcı devletler kurmuşlardır. Türk Dünyası adı verilen bu muazzam ve muhteşem yapıyı oluşturan Türk milletinin tarihi, hiç kuşkusuz dünya tarihinin önemli bir bölümünü oluşturmaktadır.

Türklerin özellikle Avrasya coğrafyasında İslamiyetten önce ve sonra kurdukları müşterek medeniyetin günümüze dek süren yansımalarının irdeleneceği ve inceleneceği bu Forum'a katılan bilim insanları, bir yandan yeni bilgi ve belgeler ışığında konuyla ilgili görüşlerini sunma imkânı bulacak, bir yandan da Türk dünyasının ve Türk soylu halkların geleceğini belirleyecek yeni stratejik yaklaşımlar ortaya koyacaklardır.

Bizler Türkiye Türkleri olarak, Türk tarihini, kültürünü ve medeniyetini ortak bir miras olarak görüyor ve kültür siyasetimizi bu doğrultuda yürütmeye çalışıyoruz. Bundan dolayı Türk dünyasına mensup ülkelerin birbirlerini daha yakından tanıyıp daha derin ve sürekli ilişkiler kurabilmeleri yolunda atacakları her türlü adımı yakından takip ediyor ve samimiyetle destekliyoruz.

Böyle bir anlayışla hareket eden Türkiye Cumhuriyeti devleti, bütün kurum ve kuruluşlarıyla, geçmişte olduğu gibi bugün de,

bağımsızlıklarının 25. yıldönümüne ulaşmış olan kardeş Türk Cumhuriyetlerinin yanında yer almaya, soydaşlarının sevinçleriyle sevinmeyi ve dertleriyle dertlenmeyi kendisine bir borç bilmektedir.

Saygıdeğer katılımcılar,

Birkaç gün boyunca Türk Dünyası'nın ve Türklük biliminin kalbinin birlikte atacağı Uluslararası Sosyal Bilimler Forumu'nun hayırlara vesile olmasını Cenab-ı Hak'tan niyaz ediyor, başta bu toplantının düzenlenmesi için üstün gayret sarfeden Uluslararası Türk Akademisi Başkanı Prof. Dr. Darhan Kıdırali olmak üzere Forum'un gerçekleşmesinde emeği geçen herkese teşekkür ederek hepinizi saygı ve sevgiyle selamlıyorum.

Prof. Dr. Derya Örs
Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu
Başkanı

STATISTICAL, ECONOMIC AND SOCIAL RESEARCH AND TRAINING CENTRE FOR ISLAMIC COUNTRIES (SESRIC)

I would like to express my great appreciation for your Excellency`s kind invitation to the opening ceremony of Social Sciences Forum in Astana.

Being aware of fact that the international Turkic Academy (TWESCO) serves a unique center in coordinating scientific researches on the language, literature, culture, history of Turkic world and evaluating the contribution to the human civilization on the basis of indigenous sources, as the Statistical, Economic and Social Research and Training Centre for Islamic Countries (SESRIC) family, we closely follow and appreciate activities of your esteemed organization including the Social Sciences Forum.

I have firm believe that forum which brings distinguished participants across the Turkic world will make great contributions to Turkic studies in terms of not only providing a fresh perspective on Turkic history, culture and language but also expressing Turkic world`s determination in its fight against extremism, radicalism and terrorism.

It would be a great honor to attend and contribute to such a distinguish event, however, due to the prior commitment and scheduled activities during this period. I regret to inform your Excellency that could not be able to attend this important event. And I would like to convey my sincere wishes for the success of the Forum.

Thanking you once more for your kind invitation, please accept, your Excellency, with my apology for being unable to be in Astana, the assurances of my sincere consideration.

Musa KULAKLIKAYA
Director General

COMSTECH ORGANISATION DE LA COOPERATION ISLAMIQUE COMITE PERMANENT DE LA COOPERATION SCIENTIFIQUE ET TECHNIQUE

The International Turkic Academy is to be congratulated for organising this Forum where renowned scholars, political leaders and International Organizations will discuss the growing importance of Turkish peoples in human history. The Turkish people have had a profound effect on the culture, language, and political development of entire regions from Central Asia to South Asia, the Middle East, North Africa and Western Europe. In fact the history of the Muslim world has been very strongly influenced by the Turks until the beginning of the 20th Century, and their importance in this Century is growing again. The Turks and Turkish speaking people ruled the Indian sub-continent for nearly 800 years, and Pakistan's language Urdu (means army ... the 'ordu' of Chengiz Khan) evolved in the army camps, and is a strong mixture of Turkish, Farsi and Arabic languages. Further, the architecture of the entire region has a strong Turkish origin.

How do I see the last one hundred years ? Here I would like to mention the exchange of correspondence between the poet Iqbal in Lahore, Muhammad Abduh in Egypt and the Young Turks such as Ziya Gokalp and Namik Kemal in Istanbul. This took place a little over a hundred years ago, when the Ottomans were being pushed back from Europe and the Arab countries. The debate centred around revival of the Khilafat, and the consensus which emerged was that the future of the Turkish people was firmly linked to three factors, namely Islamic principles as the foundation, coupled with the history and evolution of Turkish administrative systems, and thirdly by embedding modern education and science. It was extremely important to maintain a balance among these three streams. Let me also mention that the Ottomans had gone through two major reforms or 'tanzimat' in the 1850s and then the 1870s, where the power of the Sultan was gradually reduced.

What does the future hold? The Forum has emphasized the critical role played by science and scientific thinking in the fight against extremism, radicalism and terrorism. This must however be viewed holistically in the context of the end of the colonial period, and gradual re-assertion of self determination and cultural values. However, we must avoid and reduce the growing threat of sectarian conflict or cultural racism in Muslim societies, whose strength in the past has been its enrichment by people of different origin. As far as

solidarity and historical association is concerned, I well remember the Muslim ladies in India selling their jewellry to support of the Ottoman Empire during the 1st World War. Science and knowledge are disruptive, and flourish in an environment of irreverence. We must allow and nurture the thinking mind in our societies. Science coupled with technology is the 'Great Game' in the 21st Century, and an entirely new relationship is emerging between science and society, whose morphology is still not defined.. Let us prove worthy of this enterprise. I wish you a very fruitful discussion, and suggest most humbly that you may consider hosting a similar forum in Pakistan in the near future. After all, we have many people of Turkish origin in Pakistan! COMSTECH will be ready to assist in this matter.

Dr. Shaukat Hameed Khan
Coordinator General, COMSTECH
Social Sciences Forum Astana

ISLAMIC EDUCATIONAL, SCIENTIFIC AND CULTURAL ORGANIZATION (ISESCO)

Excellencies,
Ladies and gentlemen,
Assalamu Alaikum warahmatu Allah Wabarakatuh,

It is a great pleasure that ISESCO can take part in such an important academic forum being held in this modern city blessed with natural beauty, which has become a hub for international meetings and conferences and a beacon for knowledge.

The peoples who have populated this region from ancient times to the present have greatly contributed to building human civilization, bringing together diverse cultures and civilizations. It is in this fertile setting that shared cultural values emerged and are still prevailing among the Eurasian and Turkic nations who have provided inspiring models of coexistence between ethnic groups, religious beliefs and social traditions.

This vital region known today as Central Asia was the natural bedrock of several human civilizations and cultures which served as a catalyst for cross-pollination and integration and produced common cultural values out of the core principles of the heavenly religions which enlighten the path of the peoples of the region in their daily life.

Assalamu Alaikum warahmatu Allah Wabarakatuh,

It is a great pleasure that ISESCO can take part in such an important academic forum being held in this modern city blessed with natural beauty, which has become a hub for international meetings and conferences and a beacon for knowledge.

The peoples who have populated this region from ancient times to the present have greatly contributed to building human civilization, bringing together diverse cultures and civilizations. It is in this fertile setting that shared cultural values emerged and are still prevailing among the Eurasian and Turkic nations who have provided inspiring models of coexistence between ethnic groups, religious beliefs and social traditions.

This vital region known today as Central Asia was the natural bedrock of several human civilizations and cultures which served as a catalyst for cross-pollination and integration and produced com-

mon cultural values out of the core principles of the heavenly religions which enlighten the path of the peoples of the region in their daily life.

Reviewing the history of Islamic culture will show that the majority of leading thinkers, great philosophers, distinguished poets and prominent scholars who excelled in the various branches of knowledge originated from this region, providing substantial input into Islamic civilization and culture.

A concrete example in this regard is that the scholars having compiled the six major hadith collections originated from this region, and exactly from Bukhara, Samarkand, Tashkent, Balkh, Nishapur, Nasa, Farab (Otrar), Qazvin, Kazan, Khiva, Ganja, Ghazni, Gorgan, Zamakhshar and other cities and regions where prominent scholars highly excelled in science, jurisprudence, hadith, philosophy, medicine, astronomy, thought, literature and poetry.

This part of the world, known in history books as Transoxiana, has been a source of knowledge for many centuries, and has seen the emergence of great figures who have over the ages asserted themselves as inspired teachers, advocates of enlightenment and makers of civilization. Indeed, we proudly refer to them as role models, following in their tracks to extend the boundaries of knowledge, serve humanity, lay down firm foundations for coexistence, tolerance and human brotherhood, and establish world peace.

The prevailing cultural values and moral principles in Eurasian and Turkic nations are common denominators which have over the ages helped forge close bonds among these peoples in spite of the creative cultural diversity and ethnic pluralism. They have served as models for understanding, harmony, tolerance, coexistence and dialogue among the followers of religions, cultures and civilizations.

Against this backdrop, we ought to promote these values and translate them into solid and fruitful cooperation relations advancing the supreme interests of Eurasian countries, particularly at this critical juncture marked by acute crises and problems and growing challenges and threats to peace and security, not only in this region but in the world as a whole.

You are certainly all aware of the growing significance of the Turkic world on the international scene. This region boasts a rich cultural and civilizational heritage which is a source of strength for the peoples of the region. This valuable asset should therefore be harnessed for promoting peace, tolerance and harmony, and actively engaging in the international synergy for global peace. In this way, these cultural values shared by all countries of the region will not

remain as mere theoretical ideals with no concrete impact at the regional and international levels.

ISESCO, as an organization engaged in promoting dialogue among followers of religions, cultures and civilizations, will be more than willing to provide expertise and advice to the countries of the region - some of which are among its members - in order to enhance and enrich academic studies aimed at reinvigorating the cultural values and civilizational heritage in peoples' lives in pursuit of comprehensive and sustainable development goals.

Thank you for your attention and I wish every success to this Forum.

Wassalamu alaikum warahmatu Allah wabarakatuh.

Dr. Abdulaziz Othman Altwaijri
Director General of the Islamic Educational,
Scientific and Cultural Organization (ISESCO)

AVRASYA'DA İLMİ İŞBİRLİĞİ VE ENTEGRASYON: YENİ YAKLAŞIMLARIN ARAYIŞI"

Saygıdeğer meslektaşlarım, kıymetli katılımcılar,

Tarihte ve günümüzde dünya siyaseti ve ekonomisinde önemli pay sahibi olan Avrasya bölgesi aynı zamanda büyük medeniyetlerin ve kültürlerin beşiği olmuştur. Balkanlardan Çin seddine uzanan alanda diller, inançlar, felsefeler, etnik gruplar ve milletler çeşitli mozaikler oluştururlar. Avrasya sanayi, tarım, ulaştırma, enerji, tabii bilimler ve teknolojide olduğu gibi sosyal bilimlerin tüm dallarında, sanatlarda, kurumlarında ve uluslararası ilişkilerinde dinamizm içindedir. Konuşmam bu çerçeve içinde yer alacak. Günümüzün bazı önemli meselelerine buradan hareketle sağlanabilecek katkılara değineceğim.

İstanbul'da bulunan uluslararası merkezimiz IRCICA'da uyguladığımız metodolojide çoğunlukla bölgesel yaklaşımlara ağırlık veriyoruz. Kültürel kalkınma, bilim ve sanat tarihi, kültürler arası ilişkiler gibi her alanda bu yaklaşım faydalı oluyor. Medeniyetleri, toplumları veya ülkeleri tek tek değil de, bulundukları bölgeyle beraber ve uzak-yakın başka toplumlarla etkileşimlerini dikkate alarak incelemek, analizleri daha isabetli ve derin kılıyor. Çünkü kültür ve medeniyetlerin gelişmesi de birbirinden soyutlanmış değil, etkileşim içinde gerçekleşiyor. Avrasya bu anlamda önemli bir bölge ve geniş bir bölge. Ayrıca, toplumlar artık sadece benzerliklerine ve ortak tecrübelerine değil, farklılıklarına ve birbirini tamamlayıcı unsurlara dayanarak da ortaklıklar kurmak gerektiğini biliyorlar. İdeal durumda bu, küresel bir gaye haline gelmelidir. Geleceğe bakışta bu farklılıklar "ötekilik", ayrılık veya anlaşmazlık faktörleri olarak değil, yüceltilmesi ve korunması gereken, barış faktörleri olarak algılanmalıdır. Bu gayenin gerçekleşmesi toplumların birbirlerini daha iyi tanımalarını ve diyaloga açılmalarını gerektirir. Merkezimiz IRCICA ve bağlı olduğu İslam İşbirliği Teşkilatı, Birleşmiş Milletler Medeniyetler İttifakı, ve başka uluslararası kuruluşlar değişik konularla ve faaliyetlerle bu gayeye katkıda bulunuyorlar. Bu çalışmalar coğrafi bölgelere odaklandığında, benzerlik ve farklılıklar içinde birlikte yaşama ve alışverişler tecrübesi ve neticeleri hakkında, bugün için örnek alınabilecek zengin malzeme elde ediliyor. Bu sebeple, Avrasya bölgesiyle ilgili yapılacak bilimsel çalışmalar, günümüzün önemli bazı küresel problemleriyle mücadelede entelektüel katkı yapabilir. Buna örnekler vereceğim. Bunlardan biri tüm dünyada barış ve huzuru

bozan şiddet eğilimli uç akımlardır. Günümüzde, kendilerini hangi dinin adı altında konumlandırmış olurlarsa olsunlar radikal ve aşırı akımlar din ve mezhep farklılıklarını, etnik köken farklılıklarını vurgulayarak güçleniyorlar. Bu uç gruplar kendilerini başkalarından ayrı ve diyaloga kapalı tutuyorlar. Böyle bir ortam kutuplaşmalara, çatışmalara zemin hazırlıyor. Bunlarla mücadelede bunun tersini yapmak, çeşitliliği yüceltmek ve desteklemek lazım. Çok dinli, çok dilli, çok uluslu ve etnik gruplu birlikte yaşama ve etkileşim örneklerini göstermek bunun için önem kazanıyor. Biz IRCICA'da bu işi, tüm dünyadan uzmanların katıldığı ve neticeleri tüm dünyada yayınlanan kongrelerde yapıyoruz. Kültür tarihi ve bugünkü mirasını inceleyen kongre serilerimiz arasında Orta Asya bölgesine odaklanan kongreleri 2007'de Astana'da, Kazakistan Eğitim ve Bilimler Bakanlığı Şarkiyat Enstitüsüyle beraber ve 2012'de Bişkek'te, Manas Üniversitesiyle beraber düzenlemiştik. Volga-Ural bölgesiyle ilgili olarak 2001-2012 arasında Tataristan'da ve Başkirya'da beş kongre düzenledik. Kafkasya bölgesine odaklanan iki kongreyi Baku'de, Karadeniz çevresi tarih ve medeniyeti hakkındaki kongreyi 2014'te Bükreş'te düzenledik. Ayrıca Balkanlar bölgesi kültür ve medeniyetiyle ilgili olarak 2000'den beri beş kongre tertipledik, sonuncusu 2015'te Saraybosna'da toplandı. Bu kongreleri saymamın sebebi şudur. Bu kongreler ve sonucunda yayınladığımız kitaplar, bu bölgelerdeki ve civarlarındaki felsefe ekollerinden mimari eserlere, edebiyattan güzel sanatlara kadar her türlü alandaki kültürler arası paylaşma ve alışverişlerin örneklerini analiz ediyorlar. Bunlardan, tüm bu alanlarda toplumların faaliyetinin münferiden değil, beraberlik içinde geliştiğine dair sayısız deliller çıkıyor. Bunun gibi, arkeoloji kongrelerimiz ortak tarih ve kültür mirasını ortaya koyuyor. İstanbul ve İslamabad'dan sonra üçüncü arkeoloji kongremiz Temmuz 2016'da Kazan'da yapılacak.

Bir diğer ihtiyaç, Avrasya içindeki ve çevresindeki çok kültürlü yaşama ve çalışma tecrübelerini canlı tutmak ve bilimsel işbirliği imkanlarını değerlendirmektir. Tüm dünyada üniversitelerde ve Avrasya ülkelerinin kendilerinde Avrasya etütleri için kürsüler ve programlar mevcuttur. Özellikle lisansüstü seviyedeki bu programlar yalnız siyasi tarih ve dil ile ilgili değil; daha geniş, disiplinler arası bir yelpazede dinler tarihi, bilim tarihi, mimari ve sanat tarihi, antropoloji gibi alanları kapsıyorlar. Bunları Avrasya'nın dilleri, İpek Yolu gibi Avrasya'ya has konular ve Avrasya'nın coğrafi kesimleri üzerinde uzmanlıklar bakımından daha fazla derinleştirmek gerekiyor. Bir de İç Asya veya Altay etütleri gibi belirli bölgelerin uzmanlarını bir araya getiren komiteler ve periyodik forumlar var. IRCICA'nın

kongreleri de bu uzmanlaşmış toplantılara örnektir ama bu akademik yönünün yanında aynı zamanda bir diplomatik misyona da hizmet eder. IRCICA, 56 İslam ülkesini temsil eden kültür kurumu olması sıfatıyla, ele alınan tüm bu konularda bu bölgeler ile İslam dünyası arasındaki köprüleri ve alışverişleri hem ortaya çıkarıyor, hem de pekiştiriyor. Avrasya'da IRCICA'nın birçok üye ülkesi bulunuyor. Bu ülkelerle dört kıtadaki diğer İslam ülkeleri arasında akademik ve kültürel işbirliğini ve kültür turizmini geliştiren faaliyetlerimiz var. Bir de tarih araştırmalarında katkılarımız var. Bilindiği gibi günümüz toplum bilimlerinde bütünleyici ve bütünden gelen yaklaşımlar yanında ve bunların bir gereği olarak, çeşitli vakalara mahsus olmak üzere geleneksel tarihlerle birlikte yerel tarihleri, arşivleri, biyografik ve bibliyografik kaynakları kullanan, çok pencereli, çok perspektifli gayretler gelişiyor. Tarih araştırmalarına devletler tarafından artan bir önem verilmesiyle arşiv ve koleksiyonlar ulaşılır hale geliyor. Biz de üye ülkelerimize ve bunlar arasında Avrasya ülkelerine ait entelektüel hazineleri, elyazması ve baskı bilim eserlerini kütüphane ve bibliyografya çalışmalarıyla değerlendirmeye, araştırmacıların istifadesine sunmaya yardımcı oluyoruz. Bu bölgenin bilginlerinin, din alimlerinin, filozoflarının, yazarlarının eserlerinde yer alan, başka din ve kültürlere saygıyla ilgili öğretiler, deyişler nelerdir? Bu bilgiler ve yorumlar Avrasya ülkeleri arasında ve başka ülkelere nasıl yayılmıştır? Bugünkü toplumlarda barış kültürü ve diyalog zihniyetine katkı için bunlardan alınabilecek örnekler nelerdir?

Bu konuları Avrasya ile ilgili olarak değil, genel küresel çerçevede ele alan bir başka çalışmamız yakın zamanda oldu. BM Medeniyetler İttifakının geçen ay, 25-27 Nisan 2016'da Baku'de yapılan 7. Forumu sırasında "Şiddet eğilimli akımlarla mücadele için çok kültürlülüğün geliştirilmesi" konulu bir oturum düzenledik. Uluslararası Türk Akademisinin Başkanı Sayın Darkhan Kydyrali'nin kıymetli bir konuşma ile katıldıkları bu oturumda aynı konular vurgulandı. Radikalleşme ve fanatik uç akımlarla mücadele ve çoğulcu – "pluralistic" zihniyeti geliştirici politikalar üzerinde görüş teatisinde bulunuldu. Eğitimde tarihten ve günümüzden örnekler göstererek bu bilincin geliştirilmesi metotları konuşuldu. IRCICA bu konularda 2006'dan beri uluslararası projeler yönetiyor. Bunlardan biri, Avrupa Konseyi ile gerçekleştirdiğimiz projeydi. Üç yıl süren ve bir sempozyumla noktalanan projede, bilhassa Avrupa ülkelerinde okullarda okutulan ders kitaplarında başka milletlere ve kültürlere yapılan atıflar ve bunlardan bahisler incelendi, tavsiyelerde bulunuldu. Avrupa Konseyi ile ondan sonra yaptığımız projede

ise yine eğitimde öğretilmek üzere, Akdeniz çevresindeki toplumlar arasında ve bunlarla dünyadaki başka toplumlar arasında tarih boyu yer almış kültürel etkileşimlerin somut örnekleri ele alındı. Bundan sonra da IRCICA bu çalışmalarına dünyanın çeşitli bölgeleriyle ilgili olarak devam edecek. Bu yönde Avrasya üniversiteleri, kurum ve kuruluşlarıyla işbirliğimiz, devam ettirmek arzusundayız. Sizleri saygıyla selamlıyorum.

IRCICA Genel Direktörü Doç. Dr. Halit Eren, Astana

"ECO Science Foundation - A Catalyst for Promotion of Science, Technology, Education and Cooperation among ECO Countries and Beyond"

Dear Prof. Darkhan Kydyrali, President of International Turkic Academy,
Excellencies, High Officials from Kazakhstan,
Intellectuals and Scholars from other Turkish Speaking Countries,
Ladies and Gentlemen
Assalam-o-Alaikum and Very Good Morning!

At the outset, I thank the organizers and the hosts of this historical event in this beautiful city of Astana and this elegant building for inviting me and providing me an opportunity to speak to you.

Dear colleagues, Economic Cooperation Organization (ECO) as you know is an Intergovernmental Organization of 10 countries; Afghanistan, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Pakistan, Tajikistan, Turkmenistan, Turkey and Uzbekistan. Most of them can speak Turkish. The ECO is meant for economic wellbeing and integration of the people of the region. It has a number of Specialized Agencies like ECO Cultural Institute in Tehran; ECO Educational Institute in Ankara, ECO Science Foundation in Islamabad; the ECO Development Bank in Istanbul and so on.

Ladies and Gentlemen, ECO Science Foundation (ECOSF) is mandated to promote Science, Technology, Innovation and Science Education leading to economic development and integration of the community. Thus we support scientific research, and to provide the stronger research base, we also emphasize on nurturing Inquiry Based Science Education (IBSE) at school level, in collaboration with our collaborators and partners which include the Academies of Sciences of each country, *La main a la pate* (LAMAP) Fondation of France, International Science Technology and Innovation Centre for South-South Cooperation under the auspice of UNESCO (ISTIC)- Kuala Lumpur, Malaysia, Inter Academy Partnership Science Education Program (IAP-SEP), UNESCO and more.

Dear Colleagues, the world has always been in search of a system of science teaching, tailored to create thinkers, inquirers and discoverers, needed to fuel the scientific revolution of the day. Since the Great Scholars & Scientists are actually nurtured at schools and the concept of "inquiry" i.e., critical thinking and critical observa-

tion which fosters the understanding of scientific and technological innovations needs to be inculcated among the young generation at primary and secondary school levels.

IBSE approach is used for teaching of Science Technology Engineering and Mathematics (STEM) subjects at primary and secondary school levels. The main objective of this approach is to promote inquiry to instill the willingness of learners to explore new ideas through reliance on evidence and logic. It provides young people with relevant contexts and practical experience of scientific concepts, and boosts their interest and participation in the classroom. IBSE develops understanding of different science concepts through children's own physical and mental activity. In IBSE, different facts, questions, problems and scenarios are presented to the pupils for investigation by using their own skills of observation, raising investigable questions, planning and conducting investigations, reviewing evidence in the light of what is already known, drawing conclusions and communicating and discussing results. Therefore, IBSE is a step forward to ensure sustainable supply of young talent for linking advance research with economic development. It not only enhances research interest through improving knowledge levels of the young generation, but is also helpful in building a science community at national as well as global level.

Dear friends, the legacy of education in Islam is that Quran and the Prophet Muhammad PBUH always promote gaining knowledge and education. The Quran's first revealed verse began with the word "Iqra'a" meaning- "read". Sura Az-Zumar, Verse (39:9) in Quran reveals, "Are those who know, equal to those who do not know?" Only those endowed with understanding take heed. There is another verse in Quran asking the Prophet (PBUH) to pray; "Lord! increase my knowledge". We find many sayings of the Holy Prophet (PBUH) on this subject like he said: "acquiring knowledge (education) is obligatory to every Muslim male and female"; "Seek knowledge, from cradle till grave"; "Seek knowledge even if you have to go to China"; which perhaps was considered a far away from the Muslim base of the time and perhaps a difficult journey? In Islam, the concept of *taqwa* means the moral ground that underlies human actions and signifies the ethical sense which makes human beings aware of their responsibility to God and the society.

Ladies and gentlemen! Let us recall the golden era of Islam and the great Ottoman and Safvid empires when Muslim scientists and scholars led the scientific world and it all began with Madrasah-the schools of learning. Islam's emphasis on acquisition of knowledge,

led the early era of Islam to a rapid development of education in various parts of the world from Central Asia to North Africa, and from Indonesia to Eastern Europe. Muslims started learning ancient sciences like philosophy, mathematics, medicine, astronomy, physics and chemistry, trigonometry, mechanics, optics, visual arts, geography and literature. Greek philosophy translated, preserved, and elaborated by scholars during the period of the Abbasid Dynasty was later used in European universities!

If we recall the education in Ottoman & Safavid Empires, the famous Islamic educational institution, the Madrasah (any type of educational institution) started to develop in the 10th century. Initially the curriculum of the Madrasah was concerned with religion and law, and not mathematics (or other secular sciences). But Maths did creep in occasionally because of topics like inheritance problems (a branch of law), which require calculation, and religious topics finding the direction to Mecca, times of prayer, etc., which require spherical trigonometry.

Nizamiyya Madrasah was the first University during the Seljuk Empire (1037-1194 A.D) and cities like Baghdad, Damascus, Cairo, Konya, Malatya, Mosul, Meshed, Tabriz, Isfahan & Merv became great centres of learning. The Seljuk Sultan Alp Arsalan (d.1072), founded a Nizamiyya Madrasah in every major city of which Baghdad Madrasah was the most famous. This has been considered as one of the first universities and the largest university of the medieval world. Jurisprudence was the main course of study in this system. The first Ottoman Madrasah was established in 1331 in Iznik (Nicaea) by second Ottoman Sultan, Orhan Bey (1324-60). Men of learning and statesmen, members of Sultan's family, continued to found religious schools through pious endowments (Waqf). Tradition of sending scholars abroad and inviting foreign scholars from Iraq, Iran, Syria and Egypt to Anatolia (Asian part of Turkey) continued.

But with the passage of time, the role of the traditional madrasahs has been restricted just to impart religious education and they have become just the seminaries (training schools for clergy). But after the 9/11 event in the United States of America, Madrasahs became controversial educational institutions. All events of terrorism have been attributed to Islamic militancy linked with Madrasahs around globe. The scholars have developed a dual opinion about Madrasahs. One group understood Madrasahs "as jihad factories having less to do with education and more to do with political indoctrination; incubators of Muslim terrorists; origins of conservative violent ideologies, and thus, a security threat to the modern world".

The other group of scholars presents Madrasah playing peaceful roles in society; like, increasing literacy rate, spreading religious morality and human values, giving space to marginalized class of society, discourage criminality, and thus, maintain a social order

Instead of studying math, science and English, students in Madrasahs, spend large part of their days memorizing religious materials, without understanding! The content of curriculum being taught in Madrasahs is not guiding the tender and immature minds towards positive thinking. Moreover, inappropriate education and society's condemnation of Madrasahs, perhaps encourages the youth towards militancy. Some Madrasahs, teach a distorted version of Islam, indoctrinate children to discriminate against non-muslims, raising children to hate non-muslims and muslims outside their sects as enemies of Islam and so on!

But Ladies and Gentlemen, how the Madrasah has been synonymised with terrorist factories! What has happened over the last eight centuries? What went wrong, why we lost track, who has been playing and continues to do so? What are the factors leading to terrorism engagement, all this must be investigated. After all, it is not easy to end one's life!

Ladies and Gentlemen, I think we collectively must document our history, teach it to our children and their children and revive our legacy through concentrating on Science, Technology, Engineering and Mathematics-STEM education and follow the approach of inquiry (IBSE) in teaching at schools. And we can do this together in cooperation and collaboration; and ladies and gentlemen, I assure you of full cooperation of ECO Science Foundation.

Later today I hope to sign MoU with International Turkic Academy and hope that it will open new avenues for cooperation for the good of us all. I thank you ladies and gentlemen-God bless all.

Professor Dr. Manzoor Hussain Soomro
President ECO Science Foundation

Уважаемые коллеги!

От имени коллектива Академии наук Республики Татарстан, научного сообщества нашей республики хочу искренне поздравить вас с открытием представительного научного собрания, посвященного анализу достижений гуманитарного знания в области изучения Тюркского мира – уникальной этноязыковой общности. Хотя многочисленные тюркские народы разделяют большие растояния, у них есть одна яркая черта – они никогда не забывают о своих единых корнях, о своем богатом прошлом и культурных взаимосвязях. Трудно переоценить значение деятельности созданной по инициативе Президента Республики Казахстан господина Нурсултана Абишевича Назарбаева Международной тюркской академии для развития тюркологических исследований, координации процессов межгосударственной и межэтнической интеграции.

Новым свидетельством плодотворной стратегии этого признанного международного научного центра является настоящий Форум гуманитарных наук, призванный на современном этапе осмыслить место и роль традиционных ценностей Великой Степи в развитии мировой цивилизации. Это, несомненно, способствует обогощению культурного пространства Евразии, содействует укреплению мира и согласия между представителями различных национальностей и вероисповеданий.

Происходящее сегодня углубление сотрудничества Академии наук Татарстана с Международной тюркской академией, другими научными центрами открывает новые возможности для развития татароведения как составной части тюркологии, прояснения тех сторон нашего общего наследства, которое по разным причинам оставались до последнего времени в тени. Значение всестороннего изучения татарского этноса определяется не только тем, что это весьма заметный сегмент общетюркского пространства, который воплощает в себя его характерные черты и особенности, но и тем, что Татарстан – уникальный пример сбалансированного развития на стыке Запада и Востока.

Убежден, что совместными усилиями мы сумеем поднять тюркологию на качнственный уровень, продвинуться в поиске адекватных ответов на вызовы времени, с которыми сталкиваюся Тюркский мир, его различные территории.

Желаю вем участникам Форума гуманитарных наук в столице Казахстана – городе Астана новых творческих достижений, успехов и благополучия.

Салахов М.Х.
Президент Академии наук
Республики Татарстан

"BÜYÜK BOZKIR" KONULU 1. SOSYAL BİLİMLER FORUMU AÇILIŞ KONUŞMASI

Sayın Kazakistan Cumhuriyeti Devlet Sekreteri, Sayın Diplomatlar, Değerli Başkanlar, Kıymetli Akademisyenler ve Bilim İnsanları.

Sözlerime başlarken, Uluslararası Türk Akademisi, Atatürk Kültür Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Kazakistan Cumhurbaşkanlığı Kütüphanesi tarafından düzenlenen ve TÜBA, Türk Tarih Kurumu ve Türk Dil Kurumu tarafından da desteklenen "Büyük Bozkır" konulu 1. Sosyal Bilimler Forumu'na hoş geldiniz diyor, formun düzenlenmesine katkı ve destek sağlayan kurumları ve siz değerli bilim insanlarını saygı ile selâmlıyorum.

Bilindiği gibi, toplumların ve insanlığın gelişimi bakımından bilimsel ilişkiler ve faaliyetler önemli bir yere sahiptir. Bu çerçevede, ortak tarihe ve geçmişe sahip toplumlar ve komşu ülkeler arasındaki bilimsel ve kültürel ilişkilerin geliştirilmesi ve sürdürülmesi konusunda özellikle sosyal ve beşeri bilimler alanında çalışan bilim insanlarına önemli görev ve sorumluluklar düşmektedir. Bu gibi ortak bilimsel toplantılar, özellikle sosyal ve beşeri bilimler açısından büyük bir potansiyele sahip olan Türk dünyası ve bölge ülkeleri arasındaki ilişkilerinin geliştirilmesine, hem de bölgesel ve küresel gelişmeye ve barışa da önemli katkılar sağlayacaktır.

Kazakistan'da Uluslararası Türk Akademisi'nin ev sahipliğiyle ilk defa düzenlenen "Büyük Bozkır" konulu "Sosyal Bilimler Forumu"na 20 farklı ülkeden yaklaşık 150 bilim insanı, akademi başkanları, diplomatlar ve bürokratlar katılıyor. "Türk Dili Konuşan Devletler"in bağımsızlıklarının 25. yıl dönümü çerçevesinde; Türk Yazı Günü dolayısıyla organize edilen Forum, Türk Dünyası'nın kültürel değerlerinin insanlığın gelişimindeki yerini ve rolünü değerlendirmeyi amaçlıyor. Forum'da tarih, arkeoloji, etnografya folklor, edebiyat, sanat, dilbilim ve "Çağdaş Türkoloji" alanında yürütülen temel araştırmalar çerçevesinde elde edilen bilimsel sonuçlar ve deneyimler paylaşılacak, karşılıklı bilgi alışverişinin yanı sıra ortak çalışma imkânları ele alınacak. Forumun bölge ülkelerinin sahip olduğu zengin potansiyelin ortaya çıkarılması, bilimsel ve kültürel işbirliğinin gelişmesi bakımından önemli yararlar sağlayacağına inanıyorum. Bu vesileyle, son yıllarda Cumhurbaşkanı sayın Nursultan Nazarbayev liderliğinde önemli gelişmeler gösteren ve bu toplantıya ev sahipliği yapan Kazakistan Cumhuriyeti'ne ve

Uluslararası Türk Akademisi'ne de teşekkürlerimizi ifade ediyorum.

Türkiye Bilimler Akademisi (TÜBA) olarak, diğerleri yanında Türk dünyası, komşu ve bölge ülkeleri arasında bilimsel ilişkilerin ve işbirliğinin geliştirilmesinin, hepimiz açısından yararlı ve önemli olduğuna inanıyoruz. Bu doğrultuda, Ülkelerimiz, akademik ve bilimsel kuruluşlarımız ve bilim insanlarımız arasındaki ilişki ve işbirliğini geliştirmeye yönelik girişimleri destekleyemeye devam edeceğiz.

Ülkelerimiz, bilim kuruluşlarımız ve bilim insanlarımız arasındaki ilişkiler ve işbirliğinin gelişimi açısından önemli bir adım oluşturan "Büyük Bozkır" konulu 1.Sosyal Bilimler Forumu'na ev sahipliği yapan Kazakistan Cumhuriyeti ile Uluslararası Türk Akademisi'ne ve Forumun gerçekleştirilmesine katkı, destek ve katılım sağlayan tüm paydaşlarımıza içtenlikle teşekkür ediyor; forumun başarıyla gerçekleşmesi ve yararlı olması dileğiyle, hepinizi saygıyla selamlıyorum.

Prof. Dr. Ahmet Cevat ACAR
Türkiye Bilimler Akademisi (TÜBA) Başkanı

Уважаемые гости – члены делегации Союза Национальных академий наук стран Тюркского мира! Уважаемые коллеги, дамы и господа!

Разрешите мне сердечно приветствовать уважаемых и высоких гостей из разных республик, это государственные и общественные деятели, руководители международных организаций, дипломаты и известные ученые-исследователи. Добро пожаловать на казахской земле, столице Казахстана, в прекрасном городе Астана! От имени Президиума Национальной академии наук Республики Казахстан и от себя лично я желаю всем участникам Форума больших творческих успехов.

Народы независимых тюркских государств - Турции, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Туркменистана, Кыргызстана - и еще более 200 млн представителей тюркских народов, разбросанных по всему миру, - все они происходят от одного великого предка - тюрка-воина.

Единство тюркских народов – это завет наших общих предков; единство - источник всех побед, оно придает силы для защиты Родины. «В XXI веке тюркские народы, разделенные судьбой, но имеющие общий язык, традиции, веру и происхождение, должны сотрудничать друг с другом. К этому призывает история предков. Об этом говорил Глава государства Нурсултан Назарбаев в своем докладе на торжественном собрании, посвященном 550-летию образования Казахской государственности.

Он также напомнил, что позднее Тюркский каганат распался именно в результате внутренней борьбы за власть. Но и сегодня тюркские народы связаны между собой тысячью незримых нитей, главной из которых является общность культуры и языка.

Я думаю, что на это был нацелен и прозвучавший доклад Президента страны Нурсултана Назарбаева. Это своего рода призыв к тому, чтобы казахстанцы, и молодежь в особенности, поняли важность поэтической метафоры «Великая степь», восприняли ее, как реальность. Чтобы они смогли сделать свою родину по-настоящему Великой степью, страной, у которой глубокие корни, серьезная история. Прийти к этому нужно своим трудом, главное, чтобы мировоззрение людей понимало и принимало такую задачу как должное. Мы – дети Великой степи, у которой великое прошлое и великое будущее.

Сегодняшнее мероприятие, с научной точки зрения, – очень важное событие, поскольку ученые разных стран получили

возможность выработать общие рекомендации для дальнейших совместных исследований.

Мы должны понять друг друга, чтобы двигаться вперед. В последнее время казахстанские ученые стали более активно работать с иностранной общественностью, значительно увеличилось число научных публикаций

Уже сегодня Казахстан как страна Великой степи может считать полноправным центром интеграции тюркского мира.

Цивилизация в Казахстане и Центральной Азии имела место быть, но она была иного типа, чем в той же Европе. У кочевой цивилизации есть свои особенности, и это целый пласт для работы ученых историков, востоковедов. Я уверен, что участие в такого рода мероприятиях даст толчок в развитии исследований ученых тюркского мира, в определении фундаментальных направлений развития науки.

Желаю всем участникам Форума благополучия и процветания!

Спасибо за внимание!

Мурат Журинов,
президент Национальной академии наук РК,
академик, президент Союза национальных академий
наук тюркского мира, лауреат Государственной премии РК
в области науки и образования

ТАРИХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖӘНЕ ЭТНОГРАФИЯ/ /ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ /HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

О СПЕЦИФИКЕ СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кумеков Булат Ешмухамбетович*

Переход к кочевому скотоводческому хозяйству в Великой степи Евразии, в начале I тыс. до н.э., привел к кардинальному скачку в развитии степных обществ. В эту эпоху наблюдаются существенные изменения в уровне общественного развития и материальной культуры, приведшие к развитию степной (кочевой) цивилизации. Между тем, основные параметры цивилизации оседлого ареала большинство исследователей связывают с институтом государства, городами, письменностью и культурой. Это понимание дефиниций главных составляющих цивилизации проистекало из закономерностей развития оседло-земледельческих культур, где формировались основы урбанизма и первых цивилизаций. Впрочем, парадигмы цивилизации оседлых культур имеют проявления и в степной цивилизации, наделенной самобытной спецификой.

Специфика кочевого быта убедительно свидетельствует о том, что в любом кочевом обществе Великой степи можно проследить существование нескольких хозяйственно-культурных типов от основного скотоводства вплоть до земледельческого хозяйства, городов и поселений. Очевидно, никогда не было чистого кочевого общества, оно всегда имело полукочевой и полуоседлый характер. Поэтому в употребляемых в научной литературе понятиях «кочевое общество» и «кочевое государство» термин «кочевой» имеет условное значение.

Специфика степной цивилизации во многом сопряжена с родоплеменной системой, ставшей основополагающим принципом общественного и государственного развития. Вместе с тем с эпохи ранних кочевников специфика кочевого общества была связана с радикальной трансформацией в развитии производительных сил скотоводов, которые преимущественно ступили на биологический путь развития вместо технологического, характерного для оседлых культур.

* Академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор ЕНУ Астана, Казахстан

Знамением эпохи стало генеральное направление, связанное с селекцией, выведением пород и мастей скота. Так, гунны разводили лошадей лучших пород. Конница гуннов, как отмечается в китайской летописи, делилась на четыре армии, различавшиеся мастью коней, при этом десятки тысяч воинов восседали на одной масти: на белых, серых, вороных и рыжих конях, что, безусловно, указывает на высокий уровень культуры производства. Хорошо обученные и выносливые, они были основой армии и могущества государства. В эпоху раннего средневековья арабский путешественник Тамим ибн Бахр (IX в.) видел царя кимеков и его войско, восседавших на лошадях «с тонкими копытами», по всей вероятности, он имел в виду стройную породу лошадей. Вследствие высокой специализации лошади Дешт-и Кипчака были всегда востребованы в сопредельных и отдаленных странах, вплоть до Индии и ценились высоко. Наряду с этим в источниках имеются описания пород овец. У тюрков, сообщает арабский географ X в. Ибн аль-Факих, «овца дает приплод не менее четырех, а бывает, что и пять и шесть ягнят. Если же приплоду бывает два или три, то только в единичных случаях». Вместе с тем одна порода овец была с маленьким хвостом и короткой шерстью, приспособленная покрывать большие расстояние. Другая, очень крупная с большим хвостом (курдюком), который волочился по земле. Иногда такие курдюки клали на маленькие тележки. Выведение пород скота, способного к сезонному кочеванию, выработка методов использования пастбищ и водных ресурсов территории позволили создать экологическую материальную основу развития степной цивилизации. При отсутствии внешних воздействий такая цивилизация вела к интенсификации производства без ущерба экологического фонда. Развитие степной цивилизации привело к формированию специфических элементов государственности и образованию кочевых государств. На протяжении веков была выработана кочевая государственная традиция, которая прослеживается в организации населения, в политическом управлении, хозяйстве, духовной культуре, нравственных и поведенческих нормах.

Зарождение государственности на территории Казахстана связано с сакским обществом (VIII-III вв. до н.э.), основным видом деятельности которого было кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство. Очевидцы характеризуют их как доблестных воинов, богатых конями, великолепных наездников и самых искусных стрелков из лука в мире. Саки находились на

стадии формирования раннеклассового общества, с рельефным выделением трех сословий во главе с элитой, с тенденцией развития по пути военного аристократического политогенеза. Верховный вождь (царь) считался избранником богов, посредником между небом и землей. Принципиально новым явлением в культурном творчестве саков стало изобразительное искусство, получившее наименование «звериный стиль», который сложился как выражение их мировоззрения, как воплощение в художественной культуре их мифологии, как особая знаковая система для выражения идеологии кочевников. Это и свидетельство высокого уровня знания технологии металла и развитости художественного мышления.

В IV-III вв. до н.э. у саков появляется письменность - важный атрибут государственности. Судя по всему, ход становления государства и появления письма у саков был процессом взаимосвязанным, одновременным. Процесс государственного зарождения, начавшийся в сакском обществе, получил дальнейшее развитие в обществе гуннов, создателей первой кочевой империи во Внутренней Азии, а вскоре - прототюркских государственных образований в Центральной Азии. Преемниками сакских племен в Жетысу стали усуни, а в бассейне Сырдарьи и южном Казахстане канглы, создавшие во II веке до н.э. сильные государства. Усуни и канглы были кочевыми скотоводами, отдельные их группировки занимались земледелием, ремеслом, имели города и поселения. Личные гвардии правителей были главной опорой верховной власти. Согласно военно-административному управлению земли государства были разделены на три части: левое крыло, центр и правое крыло. Центр кочевого государства находился в ставке (орде), здесь принимались решения военно-административного, политического, хозяйственного и культурного характера. Правители усуней и канглы могли выставить многотысячное войско. В кочевых обществах имело место социальное и имущественное неравенство. Военно-племенная знать усуней имела до пяти тысяч лошадей, которые являлись мерилом богатства. Великий Шелковый путь, пролегавший по территории этих государств, приносил большую выгоду. В обществе пользовались письменностью и печатями. Усуни и канглы находились в тесных военно-политических и торговых связях с сопредельными и отдаленными народами и странами.

Политегенез гуннов служит во многом моделью для последующих государственных образовании. Специфика

верховной власти гуннского общества заключалась в том, что государством правил династийный род во главе с верховным правителем. Конфедерация гуннов состояла из 24 племен, структура которой была строго регламентирована в соответствии с династийным, социальным и политическим уровнем каждой из этнических единиц. Строгая иерархия родов и племен в кочевнических государствах Великой степи была основополагающим принципом общественного и государственного развития. Своеобразие динамики этносоциальной общности степной цивилизации обнаруживает атрибуты развитой государственности с родоплеменными структурами, существующими как активно действующие социальные и социально-психологические факторы.

Армия гуннов строилась по десятичной системе исчисления, для поддержания в ней строго порядка и дисциплины. Военно-административная система в кочевом обществе составляла единое целое в отличие от оседло-земледельческой полосы, где они были разделены. Все высшие администраторы одновременно являлись и военачальниками. Военной организации и военно-административной системе придавалось исключительное значение, ибо они отражали специфику кочевого быта и были наиболее органичными и удобными для кочевого способа существования.

Государственные традиции гуннов стали реальным прообразом государств кочевников евразийских степей. В VI в. начинается новый этап в развитии государственности кочевников, связанный с первой евразийской империей – Тюркским каганатом. Китайская историография связывает историю тюрков с распадом гуннской державы. По представлениям тюрков, средоточием их государственности, лицом, воплощавшим в себе государство, являлся каган. Тюркские каганы правили по воле Неба, которое они чтили и понимали в двух ипостасях – в материальном смысле и как верховное божество. Они верили, что каганы обладают «небесной харизмой», особой силой и качествами, дарованными им Небом. Традиционная форма военно-административного управления включала разделение на центр, восточную и западную части, обеспечивая стабильность управления и обороны. Племена в социальном плане делились на аристократические, подчиненные и вассальные, связанные между собой строго установленными иерархическими отношениями.

Одним из высших достижений эпохи стало создание и

широкое распространение в Центральной и Средний Азии, Восточной Европе древнетюркской письменности, которая обладала двумя существенными и неоспоримыми достоинствами – автохтонностью и аутентичностью. Древнетюркская письменность была наиболее приспособленной для передачи фонетических закономерностей тюркских языков и диалектов. Очевидно, необходимость в письме возникла из нужд административной, хозяйственной и дипломатической практики, из потребности фиксации государственных актов и традиций. Древнетюркское письмо стало важным атрибутом духовности кыргызов на Енисее и в Семиречье. Арабский путешественник Абу Дулаф (X в.) свидетельствовал о наличие письменности и у кимеков. Археологические находки двух бронзовых зеркал из Прииртышья и Тарбагатая с древнетюркской надписью были прочтены С.Г. Кляшторным и атрибутированы как кимекские. Кимекского царевича Джанаха ибн Хакана ал-Кимеки, пожалуй, можно считать первым известным нам писателем, уроженцем Восточного Казахстана, жившего, по всей вероятности, в X–XI вв., написавшего книгу на арабском языке о своем народе и государстве.

Разнообразно собственно кипчакское письменное наследие XII-XVII вв., охватывающее хроники, юридические документы, ярлыки, лингвистические труды, агиографические сочинения, военные трактаты, художественные произведения в прозе и лирике. Этнополитические объединения IX–XII вв. огузов, карлуков, кыргызов, кимеков, кипчаков продолжили государственно-административные, военные и социально-культурные традиции тюркских каганатов. Схожесть общественного устройства, политической организации, их этнокультурное родство позволяет рассматривать время их существования как относительно цельный историко-культурный период степных империй. Исследование степной цивилизации периода ее расцвета в особенности значимо на материалах по Кипчакскому ханству (XI–нач. XIII в.), так как именно оно явилось последним государством с наиболее развитой системой цивилизации, приспособленной к условиям хозяйствования в аридной зоне. Образование Кипчакского ханства на территории Казахстана в нач. XI в. знаменовало собой становление кипчакской эпохи, как завершающего этапа развития единого древнетюркского историко-культурного комплекса, где рельефно отразились кочевые государственные традиции. С изменением этнополитической ситуации в литературе появился

этногеографический термин Дешт-и Кипчак (Степь кипчаков). Политические устои ханства заметно укрепились в середине XI в., после миграции кипчакских и куманских племен в причерноморские степи, сопредельных Византии.

Описание в арабских и персидских источниках мусульманского круга тюркоязычных народов и племен Великой степи как кочевников, не знающих других занятий, кроме скотоводства и охоты, стало обязательным трафаретом. Однако, в этом же блоке письменных памятников совершенно другие сведения сообщают независимые друг от друга средневековые авторы IX-XII вв. об освоении кочевниками городской культуры. В частности, Тамим ибн Бахр, лично видевший кагана кимеков, свидетельствует, что около ставки кагана имеются селения и возделанные земли. Большую информацию о городской культуре огузов, карлуков, кыргызов, кимеков, кипчаков приводит ал-Идриси. Их города располагались по берегам озер, рек, неприступных горных районах, местах разработок полезных ископаемых. Значительная часть городов и поселений находилась на торговых трассах. Характерной чертой этих городов было то, что все они были хорошо укреплены, в каждом из них располагалось войско с наместником.

Сильная каганская власть и запросы элитарной кочевой знати стали атрибутами социального заказа, стимулировавшего развитие высоких образцов ремесел и изготовление престижных предметов повседневного быта. Так, в кимекском городе Гагане имелась мастерская по изготовлению одежды из красного и желтого шелка, которую носили только знатные люди. «Из железа тамошние мастера делают предметы необычайной красоты», сообщает ал-Идриси. Поэт ал-Джахиз (IX в.) воздает хвалу кимекской деревянной посуде, которая наряду с китайской посудой повсюду пользовалась популярностью.

Тесная взаимосвязь городской и степной культур в кочевом обществе привела к новации в сфере урбанизации, к появлению ремесленно-торговых городов, специализирующихся на производстве экспортных товаров. В том же городе Гагане делали искусные меховые одежды, а «купцы развозили их во множестве в другие страны» (ал-Идриси). В целом наметившийся симбиоз степной и городской культур составил подвижную структуру, определивший сравнительно высокий динамизм степной цивилизации. Благодаря межпоколенной адаптации к географической среде и доминирующему скотоводческому хозяйству кочевые племена развивали традиции степной

культуры, наиболее устойчивый блок которой был связан с особым феноменом, со степным образом жизни. Его глубинные истоки берут начало в бронзовом веке, стандарты утверждаются в сакской историко-культурной общности, дальнейшее развитие по линии преемственной связи наблюдается в тюркский период. В целом высокая степень преемственности характерна для степного образа жизни во времени и пространстве. При всех этнических и локальных вариантах были выработаны стереотипы в культуре, сохранившиеся в течение длительных исторических периодов.

Мировоззрение кочевников Великой степи отличалось от миропонимания населения оседло-земледельческой полосы. Специфика кочевого образа жизни отражалась в менталитете кочевников по отношению к человеку, обществу и природе. В кочевом обществе проявлялась симпатия и предрасположенность к человеку, связанному родственными узами с общиной в рамках родоплеменной системы, равно как выказывалось благоволение к окружающей природе, с которой кочевники находились в состоянии гомеостаза.

Вместе с тем, на просторах Великой степи создавалось специфическое информационное поле повышенной коммуникабельности, приведшей к высокой степени преемственности хозяйственных, социальных, культурных и политических институтов, возникавших в разное время и сохранявшихся в течение длительных исторических периодов. Сложившееся в степной цивилизации историко-культурное наследие стало бесценным достоянием и неувядаемой сокровищницей народов Тюркского мира и в целом, народов Евразии.

ЗНАЧЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ О САВРОМАТАХ-САРМАТАХ

Жолдасбайулы Сейден*
Калыш Аманжол Боранбайулы**

* Доктор историчских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра археологии Международного Казахско-Турецкого университета имени Х.А. Яссави. E-mail: s. zholdasbayuly @mail.ru.
** Доктор историчских наук, профессор, зав. кафедрой археологии, этнологии и музеологии Казахского Национального университета имени аль-Фараби. E-mail: kalysh_54@mail.ru.

The value of written archaeological sources about sauromates-sarmatians

ABSTRACT:

The report analyzes the history and the role of place of the nomadic Iranian tribes Savromats-Sarmatians, lived on the territory of Western Kazakhstan. Considered ancient written sources, including Herodotus, the Pseudo-Hippocratic, Pseudo-Scilack, Polien telling them in VI-III centuries. Showing the contribution of pre-revolutionary, Soviet and Kazakh archaeologists in discovering the studied problems. Details covered Savromats of archaeological sites on the territory of the Aktobe region and the Ural-Kazakhstan steppes, as well as the status of their research.

KEY WORDS: Sauromats, Sarmatians, the Amazons, the ancient authors, archaeological sites.

Письменные источники о савроматах, сарматах**.** Судя по сведениям известного греческого историка Геродота, савроматы произошли в результате слияниях скифов с амазонками. По сведениям историка, в местечке, где р. Терме вливается в Каспийское море, была битва с греками. В этой битве греки, захватив амазонок, попытались переплыть море. Однако амазонки полностью разбили греков. Не умея управлять кораблями, амазонки плыли в безвестном направлении. Корабль подплыл к одному острову. Оказалось что это земля скифов. Амазонки вступили с ними в битву, истребили почти всю авангардную часть, вышли замуж за скифских юношей. Но опасаясь оставаться своими мужьями на этом острове, они уговорили их уйти отсюда. Мужья согласились. Так амазонки заселились в восточной части Дона и на исторической арене появились савроматы [Геродот 1972: 21].

Действительно территорию между Доном и Волгой населяли савроматы. Географические названия, которые упоминаются в легенде, полностью соответствуют с археологическими исследованиями на этой земле.

Еще одно обстоятельство, на которое указывает Геродот, это то, что в савроматском обществе женщины имели равные права с мужчинами. Савроматские женщины наравне с мужчинами сидели верхом на лошади, на полном скаку умели стрелять из лука, бить копьем, участвовать в походах. Девушки не выходили замуж пока не убьют хотя бы одного врага [Геродот 1972: 110-117]. Об этом пишет и известный географ, ученый Псевдо-Гиппократ в своем труде «Земля, вода, воздух» [Псевдо-Гиппократ: 29-30]. Полиэн пишет о сарматской царице Амаге [Полиэн 2002: 56]. Обнаруженные в ходе раскопок по-

гребений сарматских женщин, различных видов оружия тоже подтверждают данные письменных источников.

По сведениям Геродота савроматы жили в восточной части Дона (Танаис), чуть позже в сведениях Псевдо-Гиппорката указывается, что савроматы в VI в. до н.э. стали заселять западную часть Дона, то есть территорию скифов. Еще один ученый Псевдо-Скилак пишет, что во второй половине IV в. до н.э. савроматы жили в восточной части Дона [Яйленко 2006: 158]. Тем не менее непостоянство отношений савроматов и скифов указывает на то, что савроматы стали заселять нижнее течение Дона и Азовского моря. Главное свидетельство – это савроматские погребения 70-х годов IV в. до н.э. между р. Дон (Танаис) и Северск Дон (Донц).

Согласно греческим письменным источникам эти изменения между савроматами и скифами связаны с передвижениями племен на востоке Урала и северо-востока Каспия. Главная причина передвижения связана с вторжением Александра Македонского в Центральную Азию, которая нарушила сложившиеся экономические торговые отношения кочевников. Это привело в движение восточные племена и заставило сдвинуться племена между Волгой и Доном. В греческих письменных источниках IV-II в.в. до н.э. уже появляются новые этнонимы «сирмат», «сармат», населявшие побережья Танаис (Дон) и Меотид (Азов). Современник Псевдо-Скилакта Евдокт сообщает, что «сирматы» кочевали близ Танаиса (Дон). Как указывается в трудах авторов IV-III в.в. до н.э. (Евдокт, Псевдо-к, Гераклид-Понтинский, Теофраст) термины «сирмат», «сармат» это названия одного и того же племени. В начале XX в. это утверждение подтверждают и археологи М.И. Ростовцев [Ростовцев 1925: 241-245], Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов [Мачинский, Воронятов 2010: 61-62].

Однако академик, археолог К.Ф. Смирнов в монографии «Сарматы» предлагает свою новую концепцию. Сарматы появились в европейской части в V в. до н.э. у побережья Дона и Азовского моря, «сарматами» стали называть позже савроматов [Смирнов 1964: 17-18] .

Судя по письменным источникам в 339 г. до н.э. после смерти царя Атея скифы пережили длительный экономический упадок. Вдобавок к этому периодические нашествия сарматов окончательно привели к тому, что скифы ушли с исторической арены. Политическая власть на северном побережье Черного моря теперь перешла к сарматам. Согласно археологическим

исследованиям племена савроматов, сарматов – это продолжение андроновцев и племен бронзового века южных районов России.

Памятники савроматов на территории Западного Казахстана очень мало исследованы по сравнению с другими племенами. Впервые исследовал могильники сарматов ученый секретарь Оренбургской архивной комиссии И.А. Кастанье. Он провел археологические раскопки в Актюбинском уезде в 1904, 1906, 1909 г.г. 5-6 могильников в долинах р. Шиели, Жаман Каргалы, Жаксы Каргалы [Кастанье 2007].

После установления советской власти в 1930 г. Б.Н. Граков провел археологические исследования могильников на р. Орск. Результаты этих исследований были опубликованы в статье «Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана» [Граков 1930: 56-59]. После этого спустя 20 лет в связи с освоениям целинных земель В.С. Сорокин сделав учет археологических памятников в Актюбинской области, составил карту и провел ряд археологических раскопок [Сорокин 1955, 1958]. В 1960 г. сарматские памятники исследовали К.Ф. Смирнов и В. Петренко [Смирнов, Петренко 1963]. К.Ф. Смирнов делает вывод о том, что исседоны упоминаемые в греческих письменных источниках, есть сарматы Западного Казахстана [Смирнов 1975: 20].

С 1970 г. под руководством видного ученого археолога М.К. Кадырбаева проведены исследования могильников Кумисай, Бесоба, Сынтас на р. Илек Актюбинской области. Материалы исследований открыли новые страницы сарматских племен в истории Казахстана [Кадырбаев 1984: 84-93]. В результате проведенных исследований памятников племен раннего железного века в Западном и Северо-Западном Казахстане их принято было рассматривать в два периода: 1) VII-V в.в. до н.э.; 2) IV-II в.в. до н.э.

Согласно указанной периодизации археологические материалы первого периода соответствуют древним савроматам, второй период – сарматам. Под этими названиями они были известны до IV в. н.э.

Памятники савроматов и их исследования**.** Преобладающую численность памятников савроматов представляет собой могильники. В основном они расположены в Актюбинской области в среднем течении р. Илек. По всей вероятности этот регион был местом зимних стоянок савроматов. Проведенные археологические исследования указывает на сходство этих памятников в культурно-типологическом, хронологическом

плане с памятниками нижнего течения р. Илек. Вместе с этим они схожи по типу с могильниками, сконцентрированными в Уральском регионе. В целом памятники Западного Казахстана имеют сходства и с памятниками, расположенными на левом берегу в нижнем течении Волги. Эти сходства указывают на то, что культура савроматов VII-IV в.в. до н.э. была однородной. Исследование особенностей культур савроматских племен Северного Казахстана и междуречья Волги и Дона указывают на локальные отличительные черты. Во-первых, в обрядах захоронения. Во-вторых, в имеющихся различиях по видам захороненных вместе покойников. К.Ф. Смирнов утверждает, что у этих культур было много общих черт [Смирнов 1975: 112-113].

Как видно из хода археологических раскопок, савроматы хоронили покойника на земле, потом возводили курган, иногда укладывали умершего в неширокую яму прямоугольной формы, длиной 1,5-2,4 м, затем также строили курган. Глубина могильников не превышает одного метра. Встречаются широкие могильники, где покоятся несколько людей. По предположениям археологов это может быть семейные группы. Некоторые ученые считают, что это возможно военоначальник захороненный вместе с воинами.

Погребальные сооружения особенно в восточных районах, среди них курганы на р. Илек, устроены в форме катакомбно-подбойных могил. Голова покойника чаще всего была направлена на запад, реже на восток. В могильниках восточных сарматов VI-V в.в. до н.э. встречаются и с южной ориентировкой. В районе Самара-Урал встречаются могильники, сверху перекрытые бревенчатым накатом в форме шатера. В восточной части обитания савроматов насыпь кургана сложена из камня, песка, а также со смешанной насыпью – земля-камень. Сверху могилы перекрывали различными ветками, деревом, камышом, травой, хворостом, затем насыпали курган. Зафиксированы случаи сожжения надгробных сооружений. В некоторых могильниках, видимо от большой силы огня, заметно частичное трупосожжение. В действительности случаи трупосожжения очень редки. Они свидетельствуют о существовании культа огня у савроматов.

Большинство сохранившихся памятников – курганы. Для курганов указанного периода характерно сходство внешних форм. Диаметр – 20-60 см, высота – 1,5-2 м. Покойников укладывали в могильную яму различной ширины 1,3-1,5-2 м, длина – 2-2,5 м, глубина – 0,3х1,5-2 м. Высота курганов

тоже различная, зависела от социального положения умершего. Ориентировка покойного на юг или юго-запад. При исследовании курганов Бесоба, Сынтас в верхнем течении р. Илек было обнаружено, что покойника не укладывали в яму, а похоронили на заранее подготовленной площади земли, затем укладывали бревно в форме шатра и перекрывали хворостом, потом с помощью песка, земли и камня насыпали курган. Различные обряды захоронения свидетельствуют о том, что у савроматов существовали локальные особенности обычаев, обрядов, верований.

Погребальный инвентарь могильника Сынтас позволяет сделать вывод о том, что это захоронение военоначальника. Рядом с умершим уложены два трупа, скорее всего служивших ему в качестве прислуги.

В сарматских погребениях чаще всего встречаются кинжалы, мечи, стрелы, среди украшений: различные бусы, бронзовые зеркала, застежки, золотые бляшки с зооморфным рисунком. Обнаруженные каменные подсвечники свидетельствуют о том, что они поклонялись солнцу и огню. Ножки подсвечников изготовлены в форме зверей.

Среди погребального инвентаря часто встречаются конское снаряжение: уздечки и удила. Удила бывают разных типов. Многие из них орнаментированы изображениями зверей. Некоторые изображения «птицы в полете» или «птицы с открытым клювом» [Мошкова, Кушаев 1973: 258-268]. В целом савроматские мастера уделяли особое внимание изготовлению конской узды. Видно что развивается традиция выведения верховых коней. Удила изготавливались из бронзы, железа, кости. Видный этнограф Х.А. Аргынбаев пишет, что казахские мастера тоже были искусными умельцами в изготовлении конской сбруи [Арғынбаев 1987: 39-40]. В VII-IV в.в. до н.э. у саков, с VI в. у тюркских племен наблюдаются общие традиции в изготовлении конской узды. Это единство указывает на их этническую близость (единство).

В захоронениях среди погребального инвентаря преобладает посуда различной формы. Встречаются плоскодонные и круглодонные. В могильнике Сынтас были обнаружены три костяные ложки. Предназначение этих ложек было, скорее всего, не для повседневного обихода, а для особо почетных гостей. Орнамент инкрустированный на ложке является одним из образцов бесценного наследия для будущего поколения оставшееся от сарматских мастеров. Мифические изображения

словно передают дух того времени и представления древних племен [Кадырбаев, Курманкулов 1976: 137-156].

Такие ценные вещи встречаются не во всех погребениях. Состав погребального инвентаря и размеры курганов свидетельствуют о социальной и имущественной дифференциации. Захоронение умерших вместе с вещами свидетельствует о распространении веры в загробную жизнь, существовании культа предков. Эти религиозные верования берут свое начало еще с эпохи бронзового века. Одним из примеров является сохранение обряда сжигания трупа и захоронение праха умершего у савроматов.

Находки ярких образцов различных украшений в савроматских погребениях являются доказательством того, что сарматские мастера были первоклассными ювелирами. Железные удила, псалии, различные металлические изделия указывают на тот факт, что савроматские мастера продвинулись далеко вперед в литье железа.

В сарматских погребениях первых веков нашей эры (например, женское погребение в кургане № 2 из лебедевского могильного комплекса) обнаружены медные, чугунные котлы, кувшины, серебряные ложки. Среди инвентаря встречаются и дорогие золотые изделия [Мошкова 2009: 108-109]. Савроматские мастера были искусными умельцами в литье всех видов металла.

В исследованных могильниках повсеместно встречаются конское снаряжение. Отсюда следует вывод, что савроматские племена занимались скотоводством. Зимой они жили в сооруженных постоянных жилищах. Такие зимовки обнаружены в поселении Борки [Зах и др. 2015]. Это означает, что савроматы занимались и полукочевым скотоводством. Савроматские погребения богаты оружием. Встречаются в основном мечи, кинжалы, которые очень схожи со скифскими. Рукоятки изготовлены в «зверином стиле». На Урале они встречаются различной формы. Длина колеблется от 15-20 см до 1 м. Встречаются копья, бронзовые, железные шлемы, пластинчатые кольчуги [Боталов, Гуцалов 2000: 240-242].

В целом, памятники савроматских племен исследованы недостаточно полно. Материалы исследованных погребений указывают на социальную и имущественную дифференциацию савроматского общества. Это крупные племенные объединения на уровне близкой к народности со сложившимися отличительными чертами обычаев, обрядов, идеологической

концепции. Язык сарматов еще точно не определен. Среди археологических находок есть изделия из Ближнего Востока, Центральной Азии. В могильниках Южного Урала были найдены печати Ахеменидов. Это указывает на широкие связи с этими народами.

ЛИТЕРАТУРА

Арғынбаев Х.А. Қазақ халқының қолөнері: Ғылыми зерттеу еңбек. – Алматы: Өнер, 1987. – 128 б.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 265 с.

Геродот. История в девяти книгах. V век до н. э. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

Граков Б.Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана // Вестник Центрального музея Казахстана. – Алма-Ата, 1930. – № 1. – С. 56-59.

Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии иэтнографии. – 2015. – № 2 (29). – С. 4-14.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев реки Илек // Древности Евразии в скоифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 84-93.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского воина на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата,1976. – С.137-156.

Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 516 с.

Мачинский Д.А., Воронятов С.В. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Germania-Sarmatia II. – Калининград-Курск. – 2010. – С.57-75.

Мошкова М.Г. Женское погребение в кургане 2 из лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. – СПб.: СПБ. Гос. ун-тет, 2009. – С. 99-113.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 258-268.

Полиэн. Стратегемы / Пер. с греческого. Под общ. ред. А.К. Нефёдкина. – СПб.: Евразия, 2002. – 608 с.

Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местности // Известия Ростовского областного музея краеведения. – Вып. 5. – Ростов-на-Дону, 1988. – С. 24-30.

Ростовцев М.И. М. И. Скифия и Боспор. – Т. I. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. – Л.: Б. и., 1925. – 621 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы: раняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. – 376 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 376 с.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Урала // Свод археологических источников. – 1963. – Вып. Д1-9. – М.: ИАН СССР, 1963. – 127 с.

Сорокин В.С. Археологические памятники Актюбинской области Казахской ССР по материалам Западно-Казахстанского отряда археологической экспедиции ИИМК АН СССР на целинные земли 1955 г. Рукопись / Фонды АОИКМ. – Актюбинск, 1955: Его же. Археологические памятники северо-

западной части Актюбинской области // Краткие сообщения ИИМК. – 1958. – Вып. 71. – С. 78–85.

Яйленко В.П. Очерки этнической истории Скифии в IV в. до н.э. // Античная цивилизация и варвары / Отв. ред. Л.П. Маринович. – М.: Наука, 2006. – С. 149-170.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ГУННОВ

Утениязов Самат Кушенович*

ABSTRACT:

The creative life of A.Bernshtam as the researcher and archeologist was very exciting. His fundamental discoveries on the Hunns brought him a worldwide flame, but the Soviet ideology was quite critical towards him.

KEY WORDS: Hsing-nu – Hun, Central Asia, Northern China, Eastern Europe, Atilla.

У казахов имеется пословица такого содержание, «Жақсының жаттығы жоқ...» это значит от хорошего или от добро никто не откажется... В истории Евразии гунны занимают особое место. На наследие гуннов претендовали многие народы и государств... Их грозные имена, подвиги заставили подражать не одно поколении и не одного представителя народов Евразии. Уже несколько веков культурное наследие гуннов привлекает многих ученых... Древнетюркские ремесла в том числе ювелирное искуство (золотые украшения гуннов полихромного стиля) до сих пор исследуется учеными Евразии как уникальные образцы неповторимого мастерства..

Если посмотреть историю исследования материиальной культуры гуннов много лет спорили ученые... Еще 60-годы XX века известный археолог А.П.Уманский сделал пречень споров ученых на принадлежность ювелирных изделии гуннов [Уманский 1966: 96]. Исторической науке известны ювелирные изделия древних турков с начала XYIII века после того как Петр I отправил в Голландия золотые украшения Сибири. Сибирские золотые ювелирные изделий из курганов (могилы) в основном найдены в Алтайском крае и Восточном Казахстане...

Принадлежность Сибирских курганов Джон Белл когда видел их первый раз приписовал калмыкам... Так же начали приписовать во время Петра I даже славянам. Конечно такое недальновидное предположение за приделы России не вышли...

* Кандидат исторических наук, профессор Казахско – Американского Университета, E-mail:

Об этом мы знаем из высказывании И.Унковского... «В этом смысле любопытен спор И.Унковского и тайши Доржи. Доржи заявив, что курганы раскапывают русские люди в поисках золотых стремян и чашек, утверждал при этом, что курганы сооружены предками калмыков. На это Унковский весьма резонно заметил, что это их (калмыков – А.У.) вере умерших людей жгут и в воду бросают, собакам и птицам на корм отдают, а с золотом и ни с каким богатством не погребают». В свою очередь, капитан от артилерии выдвынул абсурдное предположение, что, вероятно, когда-то в междуречье Оби и Иртыша жили русские люди, у коих до принятия христианства принято было хоронить сородичей «со всем военным убранством» и насыпать на могилы «великие бугры земли» - писал А.П.Уманский и далее он писал научное определение как на камне: «Забегая вперед, скажем, что ни русские, ни калмыки не причастны к алтайским курганам: и те и другие появились в Сибири лишь в конце XYI – начале XYII вв.» [Уманский 1966: 97].

После Петра I крупный исследователь Сибири Миллер думал и приписал все золотые украшений монголам времени Чингиз хана. В 1826 году провел научную раскопку в Горном Алтае профессор Дерптского университета К.Ф.Лебедур Он раскопал 4 кургана (3 из которых были ограблены. Хотя это было настоящей научной раскопкой, Лебедур не смог определить принадлежность. Но он высказал свою мнение что самое глубокое захоронение может быть принадлежить финно- угорским племенам, остальные может быть относиться калмыкам.

В 1862 году фанцузский ученый Менье по совету известного краеведа С.И.Гуляева раскопал несколько курганов не далеко от Барнаула. Интересно в этих курганах были захоронены люди с лошадьми (обычно такие захоронений принадлежат кипчакам – С.У.) и умершие были снабжены различными железными предметами, костяными наконечниками стрел и др. инвентарем.

Менье Мари-Луи-Густав (1827-1862) Ученый, исследователь, археолог, путешественник. Родился в г. Нант во Франции. Имел ученую степень доктора. Посетил Америку, Африку, Восточную Индию. В 1861 г. участвовал в экспедиции на Алтай, организованной на средства барона д’Эйхталя. Маршрут путешествия пересекал всю Российскую империю от ее западных рубежей до восточной границы по реке Амур. Особое внимание было уделено Южной Сибири. По отзывам современников экспедиция была снабжена первоклассными

инструментами, приборами и дорожными принадлежностями. Менье посетил Змеиногорск, окрестности Локтевского завода, Николаевкого и Чагырского рудников, Колыванскую шлифовальную фабрику, Чарышский форпост. Были изучены пещеры на реке Ине, Ханхаре и близ деревни Чагырки на реке Чарыш. Побывав в Бийске, экспедиция вернулась в Барнаул. Густав Менье и Луи д'Эйхталь были первыми исследователями Алтая, имевшими Открытый лист – специальное разрешение на проведение археологических изысканий. При раскопках в пещерах на реке Ине были найдены кости ископаемых животных и орудия первобытного человека. Эти работы были первыми научными спелеоархеологическими исследованиями в Алтайском крае.

По возвращении в Барнаул, путешественники раскопали четыре кургана около Казачьего взвоза, рядом с дорогой в с. Гоньба. Французская экспедиция 1861 г. положила начало профессиональному научному изучению археологических памятников Алтайского края, продолженному затем В.В. Радловым. Были произведены геологические исследования, метеорологические наблюдения, собрана зоологическая коллекция. Все материалы отправлены в Париж. Самый интересный факт заключается в том что, в этих раскопках участвовал знаменитый археолог и тюрколог академик В.В.Радлов. После этого он посвятил всю свою жизнь на исследование наследия тюркских народов. Радлов на основе своих исследований 1862 – 1905 гг. датировал курганы Западной Сибири эпохой меди и бронзы, а также разными этапами железного века. При этом курганы железного века он связывал с тюрками, за исключением приобских курганов.... (107-109). Радлов по происхождению немец... Несмотря на это другой немецкий археолог реакционного круга Коссин (Gustaf Kossinna (*Kossina*) (28 сентября 1858, Тильзит — 20 декабря 1931, Берлин) — немецкий филолог, профессор германской *археологии) высказывал принадлежность Сибирских археологияческих материалов в адрес германского пройсхождении... Конечно это было время теории которого были приняты на вооружение германского империализма, в конце XIX в. Многие археологи были заняты поисками «прародины» своих народов. В частности скандинавские археологи Аспелин, Гейкель, Мартин, Тальгрен активно участвуя в изучении памятников древности Сибири причисляли часть курганов Алтая к древностям Скандинавского круга...* В.М.Флоринский (Василий

Ма́ркович Флори́нский (1834(18340216)-1899) - русский врач и писатель, археолог,) профессор Томского университета, находил в Сибири – прародину славян, которым он приписал большинство курганов и бугровых вещей Западной Сибири.... [Уманский 1966: 98].

Ювелирное изделие древних тюрков, в том числе полихромный стиль принадлежит гуннам давно, всесторонне было доказано учеными Европы. В этом большая заслуга Петербургского ученого, одно их учеников А.Н.Бернштама - И.П.Засецкой. Что касается самих гуннов – до сих пор немало спорных вопросов... Тюркского происхождения гуннов наиболее полно сформулирована К. А. Иностранцевым, который предложил называть гуннами зап. ветвь, а хунну - вост. ветвь единого тюркоязычного народа. Ее разделяют советские. ученые С. В. Киселев, М. И. Артамонов, Л. Р. Кызласов, Н. Я. Мерперт, Л. Н. Гумилев, англ. - Мак-Говерн, чеш. - Е. Прицак. Эту точку зрения оспаривают: англ. ученый Э. А. Томпсон, амер. - О. Мэнчен-Хелфен, считающие гунны. автохтонами Вост. Европы, т. е. уграми, и Ф. Альтхейм (ФРГ), связывающий их с хионитами, эфталитами и ху (частью тоба). Советский. ученый А. Н. Бернштам считал, что часть гуннов пришла из Азии, часть же возникла автохтонно, а также предполагал существование среднеазиатские гунны, опираясь на археол. раскопки Кенкольского могильника (ошибочность гипотезы доказана С. С. Сорокиным).

Вот обзор исследований об отождествлении азиатских хунну с гуннами:

Иностранцев К. А., Хунну и гунны, Л., 1926 (дается история вопроса до 1926).

Интерпретация событий и его точки зрений поддержали: McGovern W., The early empires of Central Asia. L., 1939; Гумилев Л. Н., Хунну. Срединная Азия в др. времена, М., 1960. Их опровергали следующие ученые: Maenchen-Helfen O., Huns and Hsiung-Nu, «Byzantion», American series 3, v. 17, 1944-1945; Thompson E. A., The history of Attila and the huns, Oxford, 1948. Им подробный научный ответ дал Л.Н.Гумилев, Смотрите: Гумилев Л. Н., Некоторые вопросы истории гуннов, «ВДИ», 1960, No 4.

Теперь расмотрим все исследований о роли и историческое значение гуннов. В середине XIX первую попытку сделал крупный французский историк А.Тьиерри (Thierry 1856) После многолетного труда он отвергал многих прохристиан-

ских исследователей и очистил Аттилу от множеств клеветы и подытожил место и значение Аттилы в истории Евразии такими заключениями: «Имя Аттилы завоевал себе место в истории Европы рядом с именами Александр Македонский и Ю.Цезарь...» [Thierry 1856: 4] . А в XX веке известный археолог и тюрколог А.Н.Бернштам примерно через сто лет углубил и расширил научные доказательста французского ученого и в своем известном труде «Очерк истории гуннов. Л., 1951». Известный археолог и тюрколог А.Н.Бернштам (1910-1956) всесторонне и глубоко исследуя историю гуннов и Аттилы, подытожил таким образом, что в истории Европы гунны имели особое значение и писал «...в этом заключается всемирно-историческое значение гуннского похода на запад, в этом заключается всемирно-историческая роль Аттилы» [Бернштам 1951: 162].

Также он определил уровень культуры гуннов так: «Если источники (Иордан и Приск) отмечают субъективные причины похода гуннов на Запад (требование дани, которую римляне отказались платить после смерти Феодосия младшего и при Марциане, а также отказались выдать за Аттилу Гонорию), то несравненно важнее отметить объективную историческую роль гуннского нашествия.

Гуннское «нашествие» всей буржуазной литературой рассматривалось и рассматривается как движение «азиатов», громивших европейскую цивилизацию. Гунн — синоним дикаря, разбойника. Это представление, доминирующее в литературе, ничего общего с действительностью не имеет. (Томпсон). Гунны и созданный ими огромный племенной союз отнюдь не были, как это представляет западноевропейская наука, разбойничьим отрядом. Они стояли несравненно выше многих европейских племен и по своему социальному строю и по своей культуре. Разгромив готов, гунны, тем самым, высвободили из-под их политического господства славянские племена и сами восприняли скифо-сарматскую и древнеславянскую культуру. Стоит только вспомнить постройки гуннов, одежду, пищу и т. п., столь красочно описанные Приском. Культурное влияние гуннов на западноевропейские племена отмечается даже буржуазными учеными на основании археологического материала... [Бернштам 1951: 162-163].

Научные доказательствы не понравились советской идеологии того времени.

Бернштаму опровержение дали некоторые ученые, на

статьи которые обвиняли его как пан- тюркиста... Но эти маститые ученые хотя много раз устно выступали, но сами не подписали, а заставили подписать молодых ученых такие как З.В.Удальцова» [Удальцова 1952: 68-72], Л.Р.Кызласов, Н.Я.Мерперт» [Кызласов, Мерперт 1952] и еще один неизвестный молодой ученый А.Х.Рафиков [Рафиков 1952: 126- 131]. После того как они опубликовали вышеназванные клеветнические статьи в Москве устроили 3 дня обсуждений. Это было в июне месяце 1953 года. Короткое содержание этого обсуждения опубликовали в журнале Советской Археологии [Обсуждение в ученом совете ИИМК книги А.Н.Бернштама «Осерки истории гуннов» 1953: 320-326].

Взгляды многих ученых и советской идеологии в этом отношении точно совпадали с буржуазной идеологией Запада. Например года три раньше английский историк Томпсон несмотря на многих своих открытия по всякому отвергал место гуннов в истории Европы. Томпсон называл гуннов «паразитическими мародерами», всячески отрицал их прогрессивную роль и считал, что гунны задержали развитие Западной Европы [Thompson 1948: 204-207, 214-215].

Знаменитый ученый археолог известный тюрколог А.Н.Бернштам после многих придирок в 1956 году ушел из жизни, но оставил после себя бесмертные научные работы. В некрологе С.П.Толстов писал: «... он никогда, несмотря на иной раз грубые и несправедливые выпады своих противников, не соглашался «исправлять» действительную историю народа в угоду цитатчикам и догматикам продолжая смело идти избранным им путем, зная, что партия, научная общественность и народ неизменно поддержат его...» [Толстов 1957: 178-183]. Действительно было так, Бернштам не признал свои ошибки наоборот он настоял на том, что он прав. Жизнь это доказала позже. Тридцатые, сороковые и пятидесятые годы для любого советского ученого, даже естествоиспытателя, не говоря уже о гуманитариях, были временем риска. Любая его работа могла быть последней. Это сознавал и С.П. Толстов...

Теперь некоторые сведения о выступающих молодых авторов которые клеветническо обвиняли А.Н.Бернштама в начале 50-е годы. Скоро от своих высказываний З.В.Удальцова (1918-1987) отказалась... 1980-1987 годы будучи директором Института Всемирной истории она полности поддержала мнение Бернштама о гуннах... Она полностью оправдала Аттилу от всяких клеветнических наветов и показала его

многостороннюю государственную деятельность: «...В тонкой дипломатической игре, которую ведет Аттила, он пускает а ход то угрозы, то обещания, всегда, однако, проявляя государственную мудрость и осторожность.

Если для Иордана Аттила прежде всего грозный завоеватель, угрожавший всему миру, то для Приска король гуннов скорее не воитель, а правитель, не полководец, а судья, выслушивающий жалобы народа и выносящий приговор по судебным делам...» [Удальцова 1984], - вот такого рода научные высказывания З.В.Удальцова.

Что касается Кызла́сова Леонида Романовича (1924–2007) - советский, российский археолог-востоковед, тюрколог, специалист по истории и этнографии Сибири, Средней и Центральной Азии, Заслуженный профессор МГУ. По национальности он тувинец... В своей плодотворной жизне он углубил и расширял высказывания Бернштама. Например его исследования по городам гуннов... [Кызласов 1997]. Многие ученые Западной Европы и Советские ученые в основном занимались обливая грязью всякого рода на гуннов. Например реально научные исследований французского историка А.Тьерри в XX веке не разу не переиздавались. А книга Томпсона впервые появилась в 1948 году. Потом ее несколько раз переиздавали. Если бы гунны не были тюркоязычными (были бы любой другой – германоязычный, финноязычный или славяноязычный) их возвысили бы до самой звезды... Значит гуннам не повезло из-за того что они тюркоязычные...

Несмотря на все эти придирки историческая правда уже набирает силы...

Теперь речь идет как славянофилы относились к гуннам и к наследий гуннов. После того как появилась книга Тьерри в Париже (Thierry 1856.) который совершил переворот в исследовании гуннов, русские патриоты подхватили и претендовали на наследие гуннов. Через два года т.е. в 1858 году А.Вельтман выпустил книгу «Аттила и Русь». Он во многом поддержал французского ученого. И еще одно достоинство его книги высказываний о Каталунской битве. В этом он отвергал всякие клеветнические высказываний историков Запада. Единственной его ошибкой является то, что он гуннов связывал с Киевскими русскими. Конечно эта была глупость... Поэтому его книга до недавного времени не была в научном обороте. Дело в том, что Российская историческая наука добилась многих успехов во 2-ой половине XIX века в лице таких ученых Г.С.Дестунис,

Стасюлевич, Латышев и др....

Фундаментальные труды французского ученого А.Тьерри в России первыми оценили казахский ученый Ч.Ч.Валиханов и А.Вельтман... Например Вельтман высоко оценивая заслуги Тьеррри: « Отстраняя однако же некоторые размахи красноречивого пера г. Тьерри, нельзя не сознать высокаго достоинства труда его, в отношении увлекательного обозрения исторических, легендарных и поэтических преданий об Аттиле.

Предупрежденные им в высказанном удивлении пред подобным лицом Истории, как Аттила, мы однако же удивляемся ему не так как выходцу из степных улусов,.... ...как великому полководцу, разбившему в прах соединенныя силы Римлян и Визиготов на полях Каталаунских, как царю (βασίλεύς), который заключал письменные договоры с просвещеннейшими державами того времени, и к которому явился на поклон сам Папа Леон, в полном облачении апостольского наместника, сопровождаемый всем духовенством Рима и посольством Императора Валентиниана. Положим, что Аттила был варвар в Греческом смысле, т. е. язычник; но варвар политик, который прежде чем брался за оружие, состязался переговорами; варвар, по сознанию просвещенных врагов своих, мудрый в советах, снисходительный к просьбам, верный в данном слове» [Вельтман 1858: 3-4] - писал и подытожил.

Пост Советское время русские ученые подняли труды славянофилов и переиздали книгу Вельтмана. Даже сделали тему гуннов и Аттилы диссертабельным. Например диссертация А.Д.Черниенко на соискание кандидата исторических наук, «Гуннский этнокультурный контекст и Аттила : Личность - образ - символ. Опыт реконструкции и моделирования» 2000 год г.Ижевск (Россия)

В предисловии этот диссертант пишет что «Личности масштаба Аттилы, влиявшие на судьбы народов, оставившие память в общественном сознании, всегда привлекали внимание исследователей, поскольку несли в себе особое смысловое содержание и порождали множество неоднозначных оценок.»...

Реконструкция самосознания и этнопсихологического портрета способна показать личность во всем противоречии. Это, так называемый, «реальный» (исторический) Аттила. Но есть ещё Аттила «виртуальный» (мифологический, символический, литературный), оставивший глубокий след в европейской культуре и коллективной памяти, нашедший выражение в широком корпусе литературных памятников

разных национальных традиций. Его образ будет мозаичным и часто размытым, зависимым от политических установок, идеологических ориентаций, специфики той или иной историографической школы [Черниенко 2000 : 7-8].

Диссертант обратил внимание на все исследования по принадлежности которых считали славянской: «Несколько работ в тот же период были посвящены непосредственно Атгиле. Например, А.Ф.Вельтман в 1858 г. опубликовал свод исторических и народных преданий - «Аттила и Русь IV-V веков», в периодической печати известна серия газетных и журнальных статей ХУШ-ХГХ вв. Они создавались в рамках теории так называемой «славянской» принадлежности гуннов, не получившей дальнейшего развития. Важной вехой стала публикация в 1861 г. на русском языке перевода византийского историка Приска Панийского с историческими комментариями Г.С.Дестуниса в «Ученых записках II Отделения Академии Наук» [Черниенко 2000 : 7-8].

Это все значит тема гуннов и Аттила еще не закончилась, наоборот бурно продолжается. Еще не одно поколение будут занятым по этой проблеме...

ЛИТЕРАТУРА

Уманский А.П. Безмолвные стражи Алтайских степей // Журнал «Алтай». 1966, № 2 (37).

Thierry A. Histoire de Attila. Paris.1856.

Бернштам А. Н., Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Удальцова З. В. Против идеализации гуннских завоеваний // «Большевик», 1952, № 11. С.68-72;

Кызласов Л. Р. и Мерперт Н. Я., Рецензия на книгу А.Н.Бернштама // «ВДИ», 1952, № 1.

Рафиков А.Х. Рецензия на книгу А.Н.Бернштама // Вопросы истории.1952, № 5. С. 126- 131.

Обсуждение в ученом совете ИИМК книги А.Н.Бернштама «Осерки истории гуннов» // СА, XVII, 1953. С.320-326.

Thompson E.A. The history of Attila and the Huns. Oxford, 1948.

Толстов С.П. Александр Натанович Бернштам // СЭ. 1957, № 1. С. 178-183.

Удальцова З.В. Дипломатия ранней Византии в изображении современников // в книге: «Культура Византии в *IV – VII* вв.» М. 1984.

Кызласов Л.Р. Города гуннов // Татар археологиясе. 1997, № 2.

Вельтман А. Аттила и Русь IV и V века. М.: Университетская издательства. 1858. С. 3-4.

Черниенко А.Д. «Гуннский этнокультурный контекст и Аттила: Личность - образ - символ. Опыт реконструкции и моделирования» 2000 год г.Ижевск (Россия). Автореферат на соискание кандидата исторических наук, С. 7-8.

АВТОХТОННОСТЬ ТЮРКСКОГО ЭТНОСА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СВЯЗИ С ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аскаров Ахмадали Аскарович*

ABSTRACT:
It is generally agreed that the ancestors of Turkic peoples lived in a region extending from Central Asia to Siberia. The earliest separate Turkic peoples (Pro-to-Turks) appeared on the peripheries of the late Rong, Di (Dingling) and Xiongnu confederations about the late half millennium BC. Turkic people may be related to the above mentioned peoples.

KEY WORDS: Pro-Turks, ethnogenesis, ancient tribes, Rong, Di, Xiongnu, archaeology, anthropology.

В историографии дореволюционной России (имеется в виду Октябрьский переворот 1917 года) господствовало представление о том, что «культуру арийцев, уничтоженную варварами-тюрками надо искать в Средней Азии и доказать, что арийцами были русские. Воодушевленный этим пророчеством генерал-губернатор Туркестанского края А.Б. Вревский на заседании открытия Кружка любителей среднеазиатской археологии выступил: «Я очень рад, что на мою долю выпала честь открыть здесь действия Туркестанского кружка любителей археологии, которому предстоит важная научная задача. До сих пор история располагает скудными сведениями о древних обитателях Туркестанского края, и задача нашего кружка – собрать как можно больше материала для освещения древнего периода среднеазиатской истории. Принято думать, что Средняя Азия, – разумею теперешний Афганистан, Балх, Мерв и другие соседние местности, – была колыбелью великой арийской расы. Древние арийцы, культура которых для своего времени могла считаться высокоразвитой, вынуждены были прибегнуть к переселению, чтобы найти место для более привольной жизни. Далее, по тем же местам прошли дикие полчища народов Крайного Востока (Он имеет в виду древних тюрков-А.А.) и стерли следы арийской культуры, а наши предки расселились в Европе (1933 г. идеологи Гитлера так выступали,

* Доктор истрических наук, профессор, академик АН Республики Узбекистан E-mail:

а благодаря археологическому открытию в Тешик-Таше неандертальского человека, была разоблачена антинаучную сущность пророчества В. Бартольда, А. Вревского и идеологов Гитлера – А. А). В настоящее время судьба привела нас – арийцев в те места, откуда когда-то вышли наши предки, а потому на нас лежит священная обязанность собрать и сохранить исторические памятники тех мест, где некогда процветала арийская культура, которую ныне мы призваны восстановить».

На втором заседании кружка любителей археологии 1896 г. было оглашено послание В.В. Бартольда «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии», где он сообщал, что «насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население ее всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов». Другой представитель науки того времени Н.П. Остроумов о тюркском влиянии на арийскую культуру пишет, что «сарты – это не просто «дети», которым нужна опека, это «дети» общего с нами (русскими) арийского корня».

Если глубже вникать в подлинную сущность этих высказываний, то можно уловить идейную их подоплёку, куда они тянут читателей. Из такой идейной политики ученых завоевателей вытекают следующие выводы: во-первых, Средняя Азия когда-то была страной русских арийцев по Бартольду, фашистской Германии по идеологам Гитлера; во-вторых, здесь когда-то расцветала высокая цивилизация, уничтоженная варварами - тюрками Крайнего Востока; в-третьих, «сарты»- это предки русских арийского корня, которым нужна опека и мы призваны восстановить прежнюю землю наших дедов, когда-то законно проживавших здесь; в-пятых, мы, по воле бога благородная нация, учить их как жить; служить своему господину мирно и покорно, излишнего сопротивления.

Идеологическая концепция ученых дореволюционной России и фашистской Германии о среднеазиатском происхождении арийцев, благодаря археологическому открытию конца 30-х годов в Средней Азии, сведена на нет. Теперь их советские преемники начали «доказывать», что на обширной территории степей Евразии в эпоху бронзы проживали скотоводческие племена с древнеиранским языком, значительная часть которых в середине II-тыс. до н.э. мигрировала на юг и иранизировала местных общинников (Кузьмина 1981; Кузьмина 1994).

Теперь в исторической науке официально принято представление, построенное на лингвистическом анализе

священной книги Авесты, которая была составлена на основе легендарных преданий зороастрийских жрецов сасанидского периода. Как подтверждают ученые-специалисты по исторической лингвистике, тексты Авесты многослойные, в более архаических ее частях повествуется о событиях, относящихся к эпохе бронзы, возможно, даже, более раннему времени. Согласно ранним сказаниям Авесты, примерно в середине II тыс. до н.э. произошла миграция арийцев из Евразийских степей на юг, через Среднюю Азию в районы Среднего Востока, которые, покорив местных эламитов и хурритов, распространили древнеиранский язык, язык современных таджиков, иранцев, афганцев, пакистанцев и многих других.

Следовательно, язык пришедших сюда Евразийских арийских скотоводов, по мнению лингвистов, был древнеиранским, с ними древнеиранский язык проник в Среднюю Азию, оттуда в Иран, через Гималай в северную Индию, а через Загрос вплоть до Персидского залива. Такая трактовка научной гипотезы лингвистов господствовала в советской исторической науке.

Однако, я глубоко сомневаюсь, что истоки иранского языка не имели автохтонную основу и что были привнесены в пределы Средней Азии и Среднего Востока извне. На самом деле, внедрение в историческую науку такой идеи, на мой взгляд, связано с территориальними претензиями Запада к Азии. Среди нас до сих пор встречаются “ученые”, которые под влиянием западной идеологии не глубоко представляют свою родную историю.

Я, как археолог-историк, в свое время участвовавший в исследованиях археологических памятниках эпохи бронзы территориально широко, могу подтвердить, что миграция скотоводческих племен степей Евразии в эпоху бронзы на основе изучения археологических памятников Средней Азии, действительно подтверждается, также и подтверждается и антропологическими сериями этой миграции на материалах Средней Азии.

Однако, были ли мигрировавшие из северо-востока на юг в эпоху бронзы скотоводческие племена, т.е. носители андроновской культурной общности, ираноязычными, подвергается большому сомнению.

Во-первых, теоретики этой концепции пишут, что все племена Евразийских степей в эпоху бронзы говрили на разных

диалектах древнеиранского языка, за исключением Горного Алтая. Горный Алтай была исконной родиной древных тюрков, откуда в эпоху античности и раннего средневековья широко распространились древнетюркский язык до Средней Азии.

В связи с этим, мне не давали покоя два аспекта вопроса, связанного с языком носителей андроновской культурной общности, так как памятники Андроновской культуры широко были распространены в Центральной Азии в эпоху бронзы и они составляли ядро этногенеза тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана. Первый аспект из них- совершенная идентичность материальной и духовной культуры всех памятников андроновской культурной общности, включая сюда и памятники Горного Алтая; во-вторых, однотипность антропологического облика носителей культуры. При этом возникает вопрос, почему носители андроновской культуры на Горном Алтае говорили на древне-тюркском, а соплеменники их, проживавшие в других территориях Евразии, говорили на древне-иранском языке?

В решении этой загадки привлечение древнекитайских письменных источников помогли найти ответ на этот вопрос, считавшийся до сих пор проблемой, т.е. в древнекитайских письменных источниках, относящихся к концу III-II тыс. до н.э. упоминались имена прототюркских скотоводческих племен под китайскими названиями «ху», «ди», «рунг», а по древнетюркскими «тиек», «хунн» (Хўжаев 2003: 176-184), археологическая локализация которых действительно соответствуют территории племен андроновской культурной общности эпохи степной бронзы (Аскаров 2005: 81-91). Племена тиек (ху, ди, рунг) как предки хуннов говорили на прототюрксом языке, о чем свидетельствуют сообщения ряд китайских авторов. Так например, в «Большом словаре китайских иероглифов», составленном на основе «Исторических записок» Сыма Цяня, упоминается о скотоводческих прототюркских племенах «ху» - предков хуннов, «тиек» (читается как «ди»), «ривем» (читается как «рунг»), «гуз», которые проживали у северо-западных границ княжества «Шя» в Северном Китае (Хўжаев 2013: 7; Хитой тили катта иероглифлар луғати 1990: 2057). Эти сведения приводятся в источнике «Книга Шя» или «Истории династии Шя» (кит. «Зуочжуан»), в котором излагается история малого княжества Шя XXI-XVI веков до н.э. Такие же сведения

встречаются в словаре Си Юаня «Этимология слов» (Си Юань 1979: 1218).

«В процессе исследований последних лет было выяснено, - говорит учёный-китаевед А.Ходжаев, - что этнонимы тиек и тиук являются китайской транскрипцией терминов «тюрк», «ху-гуз», «хун», а словом «ривем» («рунг») китайцы называли тюрков (вернее, прототюрков – А.А.), что означало – «воины верхом на конях» или «сидящие верхом на конях». Если «тиек» («тиук») являлось обобщенным названием представителей всего рода, то «гуз» и «хун» относились к его отдельным частям» (Хўжаев 2013: 8; Ходжаев 2006: 12-17; Ходжаев 2008: 7-26 Ходжаев 2010: С. 19-31).

Как пишет А Ходжаев, в китайском языке звук «р» не произносится так чётко, как в других языках, поэтому китайцы слово «хур» выражали иероглифом «ху». Позднее восточные «ху» по-китайски стали называться «дунгху» и в современном русском языке это слово звучит как «тунгус». «Ди», в свою очередь, делились на красных ди («чи ди»), больших ди («жонг ди»), белых ди («бай ди»). «Рунги» тоже подразделялись на западных рунгов («ши рунг»), горных рунгов («шан рунг»), лесных рунгов («линг рунг») и проживали в степях Южной Сибири.

Во второй книге истории династии Хань «Летопись хуннов» говорится, что на юге правила великая империя Хань, а на севере жили могущественные «ху» - хунны. Историк империи Восточной Хань Чженг Шюань писал, что «ху» это современные сюнну», то есть хунны (Хитой тили катта иероглифлар луғати 1990: 2057).

В некоторых китайских источниках «ди» обозначаются как «динглинг». Китайский историк Дуан Лянчин пишет, что «гуйфанги» времён правления малых княжеств «Ши» (2205-1766 гг. до н.э.), «Шонг» (1766-1122 гг. до н.э.) и «Чжоу» (1122-771 гг. до н.э.) и есть те самые динглини (Дуан Лянчин 1996: 115). По китайскому историку Люй Симян «прежде названные племена динлин или динглинг позже стали называться чиле, теле. Сейчас их обобщенно называем уйгурами, а на западных странах их называют тюрками. На самом деле тюрк и уйгур являются составной частью динглин…Китайцы племена чиле назвали «гавчэ» (кангли). Эти родовые названия хотя не похожи друг на друга, но они имеют единого происхождения. Причиной появления в китайских источниках имена теле и гавчэ происходило потому, что проживая на севере Великого

песка, но подчинившие к династию Вэй (220-260 гг н.э.) кочевых племен получили название гавчэ, а проживая на севере песка, но подчинившие жужанам назван теле» (Люй Симян 1987: 87). По утверждению А. Ходжаева в древних китайских источниках звук «д» заменяется звуком «т» и термин «динглинг» произносится как «тинглинг». Впоследствии звук «нг» опускается и «тинглинг» начинает произноситься как «теле». Затем звук «т» был заменён звуком «ч» и «теле» произносится как «челе» или «чиле». Значит, племена ди, динглинг, тинглинг, теле, челе, чиле являются потомками «ху».

В III-VI веках н.э. они были известны под именем «туро». «Теле» и «туро» не являются названием одного племени, они относятся к разным родам тюркоязычных племён, потому что по традиции кочевых племён все племена и рода, входившие в политическое объединение племён назывались по имени того племени, которое предводительствовало в этом союзе. Например, в одно время политическое объединение прототюркских племён возглавляло племя «ху», спустя определённое время лидерство переходит к племени «ди». Впоследствии предводительство в политическом объединении прототюркских племён – союзе племён переходит к хуннам. Как свидетельствуют источники, после распада власти хуннов часть из них ушла на Запад вместе с Атиллой, а оставшиеся прототюркские племена объединились под предводительством племени «туро». В состав этого объединения входили 44 племени, названия которых приведены в истории северных династий.

Таким образом, согласно вышеназванным китайским письменным источникам, на северных, северо-восточных и северо-западных границах малых княжеств Северного Китая в III-II тысячелетиях до н.э. жили общины скотоводческих прототюркских племён «тиек», «ху», «ди», «хунн». В китайских иероглифах в разное время они произносились по-разному, но несомненно одно – все они относились к тюркскому этносу.

В научных, научно-этнографических работах по отношению к степным кочевникам вначале использовались выражения «варвары», «оккупация варваров на юг». Когда изучение терминов Авесты было поставлено на научную основу и вследствие миграции этих «варваров» на юг в предгорных районах Ирана образовалась Ариана, термин «варвар» заменяется термином «ариец». Арийцы стали истолковываться теперь в качестве аристократов, свободного и вольного сословия общества, правителями, хозяевами края. Теперь

идеологи европейских стран в первые годы своей колониальной политики в Азию и Африку связывали с арийцами, высшей расой, голубой кровью.

Возникает вопрос, кто же такие арийцы? По своему этническому происхождению они относятся к ираноязычному или прототюркскому этносу? Согласно письменному источнику – Авесте, в общественной жизни они являлись аристократическим сословием собственников и в отличие от своих сородичей представители этого сословия и члены их семей названы в Авесте «азадами»- «арьями». В Авесте слово арья означает свободный, вольный, войственный аристократ. Родина ариев- арийский простор назывался «Арьянам Вайчах», локализируемой евроцентристами с разными частями носителей древнеземледельческих культур, хотя в текстах Авесты обитателей «Арьянам Войчах подразумывается просторы степей. Основным богатством арийцев считался мелкий и крупный рогатый скот - лошади, верблюды и быки. Повседневная жизнь была построена на основе кочевого скотоводства, которая была присуща всем степным жителям.

Как известно, наращивание богатства в животноводстве происходит быстрее, чем в земледелии. На этапе военной демократии, который считается переходным периодом от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу, учащаются межплеменные столкновения. Во многих случаях вооружённые столкновения между кочевниками обретают постоянный характер. В таких условиях возникает потребность в ловких и проворных, сильных и отважных, инициативных и предприимчивых бойцах. В скотоводческих племенах, ведущих кочевой образ жизни были практически все условия для воспитания таких воинов.

По велению времени, каждый молодой житель евразийских степей стремился стать самым ловким и искусным всадником, метким стрелком, ловким и отважным бойцом. В результате, в переходный период на основе воинственности и сложившегося боевого духа формируются отряды конных арийцев, для которых захват чужих земель превращается в важный источник дохода. Конные воины этих скотоводческих племён чувствовали себя свободными и вольными, никому не подчинялись и ни от кого не зависели. Они были независимыми в экономическом и политическом отношении азадами – ариями. По обычаям племени их сородичи тоже считали себя ариями, потому что в скотоводческих общинах в те времена господствовали

своеобразные порядки периода военной демократии. Каждый родившийся в семье прототюркских скотоводов ребёнок с детства воспитывался в духе преданности обычаям и традициям племени. Цель воспитания заключалась в создании в каждом кочевнике образа арийца.

Согласно Авесте и Ригведе, первоначально понятие «ариец» по отношению к местному населению трактовалось как «чужой», «чужеземец», «захватчик». Впоследствии это понятие обретает значение «хозяин», «аристократ». Основную роль в быстром обогащении скотоводов по сравнению с земледельцами играло развитие коневодства, вернее использование лошадей, верблюдов, быков и ослов в качестве транспортного средства. Именно в это время создаются благоприятные условия к переходу к кочевому скотоводству, что привело к коренным переменам в общественно-экономической жизни общества. В результате этих перемен в составе первобытных скотоводческих общин выделяются богатые собственники – предводители общин, владеющие десятками, сотнями отарами скота.

Значит, арийцы являлись социальным продуктом экономического развития кочевой жизни скотоводческих племён Центральной Азии, инициативной и предприимчивой прослойкой, сословием аристократов зарождающегося раннеклассового общества.

Эти характеристики, данные арийцам в письменных источниках, находят подтверждение и на примере археологических памятников (Кузьмина 1994). Археологи даже разработали археологическое описание арийцев. Согласно этому описанию арийцы среди своих сородичей были самыми влиятельными, богатыми, свободными и вольными всадниками. После смерти арийца, по обычаям тех времён в знак глубокого уважения и почитания сородичи возводили в честь усопшего величественные курганы-могильники, таких как Тегискен, Солоха, Аржан, Салбик, Кулобо, Синташта, Башадар, Пазырык и другие; во-вторых, вместе с трупом хоронили его прижизненное личное боевое оружие и богатство; в-третьих, вместе с трупом арийца, зависимости от его социального положения, хоронили от насильственно умерщвлённых лошадей с сёдлами и сбруями; в-четвёртых, в его ногах или рядом хоронили одну из жён из его гарема вместе с наложницами, отравив их ядом, со всеми украшениями и золотой колесницей. Такие курганы-могильники характерны эпохе бронзы и раннему железному веку и встречаются на всей территории евразийских степей от

северо-восточных берегов Чёрного моря до Байкала. В Средней Азии такого рода курган-могильник обнаружен на объекте Тегискен.

В середине II тысячелетия до н.э. арийцы евразийских степей в поисках новых пастбищ направляются на юг, во внутренние районы Средней Азии (на земли юго-западного Турана) пересекают Амударью и вторгаются в долину Герируд (Герат) и на территорию современного Ирана, перебираются через горы Гиндукуш и вступают в бассейн реки Инд. О пребывании арийцев на территории Средней Азии свидетельствуют археологические памятники эпохи бронзы. Ко второй половине II тысячелетия до н.э. не осталось ни одного уголка в степях Средней Азии, куда бы ни ступала нога арийца. В последней четверти II тысячелетия до н.э. часть из них вступают в города и сёла местных жителей.

Равнины Ирана, где оседали прибывшие с севера скотоводы-арийцы, в Авесте получили название «Ариана». В действительности, в древней истории под термином Ариана подразумевалась не только территория современного Ирана, но и всё географическое пространство, на котором проживало ираноязычное население. Таким образом, термин «арий» вначале используется как социальное понятие, а затем, когда они смешиваются с местным населением, этот термин обретает новое этническое значение. Под влиянием многочисленного коренного населения арии постепенно забывают свой родной прототюркский язык и стали ираноязычными.

В исторической лингвистике имеются факты, подтверждающие, что на Среднем Востоке до появления арийцев (прототюрков), кроме общин, говоривших на хурритском и эламском языках, существовали общины персов, проживающих между горами Загрос и Персидского залива, для которых персидский язык был родным. К примеру, на это указывает существование на северо-западе Аравийского моря Персидский залив и владение Персуа. Располагавшийся на юго-западе Ирана Персидский залив и владение Персуа назван по имени этих персидских общин, для которых древнеперсидский язык был родным языком. Скотоводы-арии (прототюрки), обосновавшись на этой земле, устанавливают политическое господство над местными персидскими общинами. Начиная со времён правления Чишпиша, потомка кадхудота Ахеменида, это господство приводит к формированию не только экономической, но и в политико-административном управлении в Парсуа со

столицей Персополя. Во времена ахеменидов Кира II и Дария I эта власть поднимается до уровня царства, а затем и империи. Значение и круг распространения персидского языка в качестве государственного усиливается. Ко времени правления Сасанидов древнеперсидский язык распространяется до среднего бассейна реки Амударьи. До этого времени автохтонное население областей северо-восточного Хорасана и Мавераунахра говорило на согдийском, хорезмийском, бактрийском и сакском диалектах древнеиранских языков.

Таким образом, на основе исторических процессов, происшедших в середине II тысячелетия до н.э. – начале I тысячелетия до н.э., можно сделать следующий логический вывод, что аристократическая верхушка династии ахеменидов по происхождению были прототюркскими арийцами, пришедшими сюда с территории евразийских степей в середине II тысячелетия до н.э. Последующие этнокультурные процессы протекали следующим образом: завоеватели-арии, установившие военно-политическое господство над местными общинами персов, женятся на местных женщинах. Неудивительно, что рождённые в этом браке дети вырастали персоязычными, а прототюркские отцы и их сородичи постепенно ушли из жизни. Пройдя через два-три поколения в Парсуа формируется новое персоязычное поколение арийцев. Так зарождается власть, ставших персами ахеменидских аристократов, в кровоносных жилах которых текла кровь прототюрков. Поэтому представители династии ахеменидов Кир II и Дарий I на наскальных надписях особо подчеркнули свою принадлежность к арииям (Дьяконов 1961: 67). Даже кушанские цари, к примеру, великий Канишка, на надписях портала монастыря Рабатак указывают на свое происхождение от прототюрков-ариев. Именно в такой этнополитической ситуации оформляются тексты Авесты, когда прототюркские арийцы были иранизированы, на одном из северо-восточном диалекте древнеиранского языка.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что древняя родина тюркских народов охватывала огромное пространство-всю степную зону Евразии, ядром которой являются современный Казахстан, Юго-Восточное Зауралье, долины Енисея, Тян-Шаня и Горного Алтая, в которую входила и Средняя Азия.

В современной литературе древние прототюркское и тюркское этнокультурное пространство называется евразийскими степями, территориальные границы которого

обширны. Оно раскинулось на огромных равнинных просторах - от северо-восточного побережья Чёрного моря на западе до южного Байкала и внутренней Монголии на востоке. Его северные границы простираются до реки Урал и даже севернее, вплоть до густых лесов, где проживали финно-угорские племена. Вся эта территория с глубокой древности до позднего средневековья принадлежали тюркским племенам.

По сведениям историков царской России, начиная с позднего средневековья российские предприниматели, наряду с освоением уральских месторождений полезных ископаемых строят здесь военные укрепления и начинают обживаться. Проникновение русских предпринимателей дошло вплоть до районов Чукотки.

В отличие от господствовавших долгое время в науке представлений, в действительности, военные всадники - аристократы скотоводческих племён являлись ариями. Арийцы, как социальный продукт кочевой жизни на этапе экономического развития скотоводческих племён степей и равнин Евразии являлись инициативной и предприимчивой, деловой и воинственной аристократической прослойкой зарождающего классового общества. Согласно лингвистическим и археологическим исследованиям, по своему этническому происхождению арийцы не являлись носителями ираноязычных общин. Анализ летописей малых княжеств Древнего Китая подтверждает, что их языком был прототюркский.

Таким образом, археологические и антропологические материалы и их локализации с данными древнекитайских письменных источников подтверждает автохтонность тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, также и всей Южной Сибирии. Племена андроновской культурной общности не были ираноязычными. Убеждать ученых и любителей истории Средней Азии о том, что носители культур оседлых земледельцев Средней Азии и предков русского народа являлись арийцами не соответствуют исторической действительности. Как показали анализ археологических материалов арийцы как особый народ и племена не существовали, они скорее всего являются социальным явлением развития кочевого этапа жизни скотоводческих племен Евразийских степей, инициативным и аристократическим сословием зарождающегося раннеклассового общества. Согласно анализу древнекитайских источников, язык арийцев принадлежал к тюркскому этносу.

ЛИТЕРАТУРА

Аскаров А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды. «История Узбекистана в археологических и письменных источниках». Ташкент Изд. «Фан», 2005, с. 81-91.

Дуан Лянчин. Динглинглар, қанглилар ва туролар. I-жилд. – Урумчи, 1996. С. 115 (на уйг.яз.).

Дьяконов М.М. Очерки истории древнего Ирана. – М., 1961.

Кузьмина Е.Е. Происхождения индоиранцев в свете новейших археологических данных // «Этнические проблемы Центральной Азии в древности». Москва, 1981.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? // Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. Москва, 1994.

Люй Симян. ХХР халқлари тарихи. Шанхай, 1987 (на кит. яз.).

Си Юань. Сўзлар этимологияси. Пекин, 1979 (на кит. яз.).

Хитой тили катта иероглифлар луғати. 3-жилд. – Чэнгду, 1990.

Ходжаев А. О самой ранней китайской транскрипции этнонима тюрк. «Актуальные проблемы китаеведения: вопросы филологии, политики, экономики и философии». Т., 2006. С. 12-17

Ходжаев А. Древнейшая китайская иероглифическая транскрипция этнонима тюрк. Shygys Kazakhstan № 1, 2008. С. 7-26.

Ходжаев А. Из истории древних тюрков (Сведения древнекитайских источников). – Т., 2010. С. 19-31.

Хўжаев А. Қадимги Хитой манбаларидаги туркий халқларга оид айрим этнонимлар. “Ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият. Тошкент, “Фан” нашриёти, 2003, 176-184.

Хўжаев А. Фарғона тарихига оид маълумотлар. – Фарғона, 2013.

НАДПИСЬ НА СЕРЕБРЯНОЙ ЧАШЕ ИЗ ИССЫКСКОГО КУРГАНА

Гасанов Заур Гасан-оглу*

An inscription on the silver cup from the issyk burial mound

ABSTRACT:

In this paper a reading of runic inscription from the Issyk burial mound is offered. The reading is based on the phonetic values of the Orkhon-Enisey, Talas and ancient Near Eastern alphabets. The results of the research show that the words of the inscription have Turkic origin and the grammar is attested to the earlier (pro-to-) period. Translation of the inscription: «The tribes of four corners (sides of the world) glorify Sïnglï. Three hundred mourners drink an oath». Some grammatical (undeveloped suffixation, proto-version of the word “anta”), historical (Herodotus, Han Shu) and literary (alliteration, seven syllable verse – ïr) evidence is brought

* Доктор философии по истории. Ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана. E-mail: zaurmail@gmail.com

forward as a prof of the authenticity of reading.

KEY WORDS: Scythians, Issyk burial mound, Sakians, ancient Turkic Inscriptions, blood oath.

История скифо-сакских племен занимает одно из самых важных мест в истории Евразии первого тысячелетия до н.э. К огромному сожалению существо языка этих воинственных народов нам известно только по письменным сообщениям их соседей – ассирийцев, вавилонян, греков, персов и римлян. Эти сообщения в основном приводят имена богов, первопредков и царей скифо-саков, а также некоторые слова из их языка с переводами значений. Отсутствие письменных источников на языке скифов и саков вызывало достаточное количество споров о существе их языка, начиная с конца XIX в. до н.э. В то время как первые исследователи относили эти народы к урало-алтайским народам, сегодня большинство иранологов признает иранское происхождение всех скифо-сакских племен. Однако письменные источники не дают нам оснований для подобных выводов. В “Истории” Геродота приводится информация о наличии семи различных языков в Скифии [Геродот 1972: IV, 24. Геродот не сообщает нам о том, что это были за языки. Исключение составляет лишь его сообщение о том, что часть скифов говорила на эллинском языке [Геродот 1972: IV, 17, 108]. Таким образом определение всех скифо-сакских племен, как одного этноса говорившего на одном языке является методологической ошибкой.

Одним из немногих кочевых народов древнего мира о которых в письменых источниках есть достаточное количество информации (для установления его языковой и культурологической принадлежности) является племя царских скифов. Геродот уделил свое основное внимание описанию их истории, мифологии, обрядов. Помимо этого он приводит имена из царей и богов, а также некоторые слова из их языка. Что касается остальных племен населявших земли скифов и саков, то мы владеем сравнительно меньшим количеством информации о них. Именно по этой причине археологическое свидетельство с образцом письменности саков представляет огромное значение в деле изучения языка этих древних народов.

Образец этой письменности был обнаружен во время раскопок, возглавляемых К. А. Акишевым, в сакском царском кургане Иссык в Казахстане в 1969-1970 гг. С тех пор целым рядом исследователей были предложены переводы этого текста.

А. С. Аманжолов [Аманжолов, 2003: 223-230], Н. А. Рахмонов [Rahmonov, Matboboyev 2006: 40-44] и др. предложили перевод этого текста на основе тюркских языков, а Я. Харматта на основе иранских языков [Harmatta 1999: 421]. Все эти переводы резко отличаются друг от друга. В частности существуют разногласия по следующим вопросам:

1) где должна находится прямоугольная идеограма при чтении – слева от текста или справа (то есть как следует установить надпись при чтении, так как ее опубликовал К. А. Акишев или же перевернуть ее наоборот);

2) направление надписи (читать справа налево или слева направо);

3) предполагаемое количество букв в письме (за счет добавления предполагаемых гласных между знаками письма исследователи увеличивают количество букв);

4) фонетика знаков (озвучивание) письма.

Ни по одному из вышеперечисленных вопросов среди исследователей нет консенсуса. Помимо этого ни одна из предложенных версий не была по сегодняшний день принята в науке. На то есть разные причины. В случае с иранским переводом причиной могло явиться произвольное добавление звуков. К примеру в то время как Иссыкская надпись состоит из 25 знаков Я. Харматта при транскрипции записал ее 67 буквами в латинской графике. Другими словами он произвольно добавил 42 новых букв к тексту надписи. Разумеется нельзя исключать, что надпись Иссыкской чаши могла быть консонантно-вокалической, как в случае с орхоно-енисейской письменностью. Однако даже при этом условии произвольное увеличение фонем азиатской рунической надписи на 200% очень сложно обосновать. В случае с тюркским переводом причиной могло явиться прочтение, исключительно на базе правил орхоно-енисейского письма и тюркского языка периода средневековья, в то время как Иссыкская надпись представляет собой образец языка намного более раннего периода.

Принимая все это во внимание проблема прочтения Иссыкской надписи продолжает сохранять актуальность и требует дополнительных исследований.

Иссыкская надпись записана знаками очень похожими на знаки орхоно-енисейского и таласского письма. Текст письма состоит из 25 знаков. Помимо них здесь присутствует одна идеограмма в форме прямоугольника и один отдельно стоящий от текста письменный знак.

Положение и направление Иссыкской надписи.

Первый вопрос на который следует ответить, заключается в том, как следует читать текст: так как его опубликовал К. А. Акишев или же перевернув его наоборот (вверх ногами). Для того чтобы ответить на этот вопрос следует определить какую структуру имеет эта надпись.

Надпись состоит из трех частей:

1) идеограмма;
2) надпись состоящая из 25 букв;
3) отдельно стоящий знак.

С нашей точки зрения идеограмма обозначает начало текста. Значение идеограммы связанно с какой то сакральной фразой на языке Иссыкского царевича.

Отдельно стоящий знак обозначает “окончание надписи”. Наш вывод основан на исследовании И. Л. Кызласова [см.: Кызласов 2013: 173]. Мы вернемся к этому вопросу ниже.

25 знаков надписи представляют ее фонетическую часть.

Основываясь на этих данных, мы приходим к выводу, что надпись следует читать так как ее опубликовал Акишев. Если начать читать надпись с верхней строки (как это обычно принято в большинстве письменных систем мира) прямоугольная идеограмма располагается слева от текста, а отдельно стоящий знак попадает в правый нижний угол. В таком положении надписи отдельно стоящий знак (обозначающий конец надписи) находится внизу, то есть именно там, где обычно располагается конец любой надписи. Такое расположение элементов надписи представляется наиболее обоснованным.

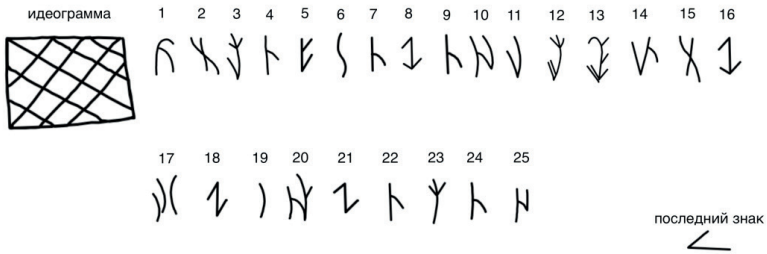
Второй вопрос: как читать надпись справа налева или слева направо? Наличие прямоугольной идеограммы в начале текста (слева) и отдельно стоящего знака в конце текста (справа) свидетельствуют в пользу того, что надпись можно читать только слева направо. Другими словами направление Иссыкской надписи отличается от основного направления орхоно-енисейского письма. В орхоно-енисейских надписях как известно направление надписей в основном справа налево. Очень редко наооборот слева направо [Кормушин 1997: 93].

Фонетика 25 знаков письма.

Таким образом удается выяснить положение надписи и направление письма. Остается выяснить фонетику знаков надписи. В табл. I мы приводим все знаки письма с

соответствующим номером над ними. Предлагаемый порядок чтения букв обозначен цифрами (номерами) над знаками надписи. Далее в тексте для обозначения конкретной буквы Иссыкской надписи будет использоваться знак № и после этого порядковый номер буквы в тексте.

Таблица I



Прежде всего обращает на себя внимание наличие 5 одинаковых знаков. Это знаки № 4, 7, 9, 22, 24. ᚨ Эти знаки я рассматриваю как гласные. В орхоно-енисейской письменности этим знаком обозначаются буквы *е, і, ї*.

ᛏ №18, 21. Следующий знак, который однозначно обозначает гласный звук это знак № 18 и 21. Он идентичен орхоно-енисейскому знаку *а, ä*.

Таким образом нам удалось установить, что семь знаков однозначно представляют гласные звуки. Теперь перейдем к выделению оставшихся знаков текста. Вначале мы выделим знаки, которые имеют аналогии в орхоно-енисейских текстах

ᚱ №1. – *kü, kö, ök, ük*;

ᛉ №2, 15. – *z*.

Принимая во внимание, что знак №2 обозначает согласный, то №1 должен звучать как *kü* или *kö*. Таким образом проясняется первый слог текста – *küz* или *köz*.

ᛊ ᛊ ᛊ №3, 12, 23. Эти три знака являются родственными друг другу. №23 в орхоно-енисейских памятниках обозначает букву *ç*. С. Е. Малов читает №3 как ç на деревянной палочке с рунами из Ачикташа [Малов 1959: 63-68). №12 повторяет предыдущие два знака, но имеет два штриха в нижней части. А. С. Аманжолов рассматривает все эти три знака как *ç* [Аманжолов 2003: 223-230]. Предварительно можно рассматривать все эти три знака как *ç*. Однако ниже мы вернемся к этим знакам с целью уточнения фонетики каждого из них в отдельности.

ᛒ №5 – В орхоно-енисейских памятниках очень похожий

знак, но с одним штрихом, обозначает *ng* (см.: табл. IV).

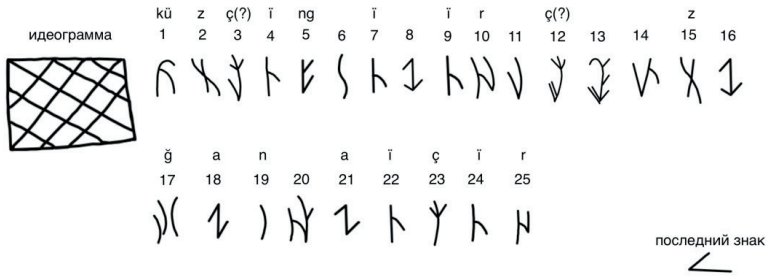
№10, 25. Зеркальная форма этих знаков обозначает *r* в орхоно-енисейских памятниках. В целом следует отметить, что в орхоно-енисейской письменности встречаются зеркальные изображения знаков в текстах: например буква *a*. Помимо этого встречается изображение знаков вверх ногами: например *ç* [ДТС: XV-XVI].

№17 – В орхоно-енисейских памятниках очень похожим знаком обозначают – *ğ*.

№19 – В орхоно-енисейских памятниках – *n*.

Таким образом на основе орхоно-енисейского письма нам удалось установить аналогии знаков № 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 12, 15, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25. То есть были установлены фонетические значения 18 знаков из 25 (см.: табл. II).

Таблица II



№11. Расставив эти знаки по местам мы видим, что знак №11 находится между двумя согласными. То есть он может обозначать только гласную. Из всех гласных орхоно-енисейского алфавита наиболее близко к этому знаку стоит буква *u*, но с той разницей, что она развернута под углом 90 градусов (см.: табл. IV). В орхоно-енисейском алфавите встречаются подобные случаи. К примеру есть вариация буквы *z* под углом 45 градусов. Буква m записывается тем же знаком, что и родственная ей буква b, но лишь с той разницей, что она развернута под углом 90 градусов [ДТС: XV; Кормушин 1997: 92].

№20. В в орхоно-енисейском алфавите точной аналогии этого знака нет. Наиболее близко стоящие к нему знаки – *q, t*. Определить какой именно из этих двух знаков здесь представлен, основываясь только на орхоно-енисейском алфавите не представляется возможным. Похожий знак имеется в ачикташской письменности, в надписи на скале в урочище Тозбулак [Кызласов 2013: рис. 8: *25*]. Однако данная надпись до сих не

прочитана. Зеркальная форма этого иссыкского знака, но без штриха справа имеется в таллаской письменности. Он обозначает букву *t* (см.: табл. IV). С нашей точки зрения иссыкский знак также обозначает букву *t*. Далее это мнение будет подкреплено данными исторических и археологических источников.

№6. В орхоно-енисейском алфавите такой знак отсутствует. Наиболее приближенные к нему знаки обозначаемые вертикальной линией с изгибом – *l, p*. В орхоно-енисейском алфавите фонема *l* обозначается знаком очень похожим на финикийское и арамейское *l*. В свою очередь знак №6 Иссыкской надписи повторяет по своим очертаниям букву lamed (l) алфавита хибру (см.: табл. IV). Основываясь на данном сопоставлении можно прийти к выводу, что №6 обозначает букву *l*.

№14 графически повторяет знак №11, но с добавлением штриха справа наверху. Данный штрих несет какую то дополнительную фонетическую нагрузку. Наиболее целесообразным представляется мнение о том, что этот штрих обозначает мягкую гласную (incə sait). То есть знак №11 обозначает твердую гласную (qalın sait) тюркских языков *u*, а знак №14, со штрихом, обозначает мягкую гласную *ü*. Важно отметить, что в орхоно-енисейском алфавите буква *ü* обозначается идентичным знаком, с той лишь разницей, что штрих стоит вертикально слева. Таким образом № 14 обозначает *ü*.

№8, 13, 16 – не имеют прямых аналогий в орхоно-енисейской письменности. Все три знака похожи друг на друга с той разницей, что у №8 и 16 верхняя часть имеет острый угол, а у 13 верхняя часть округло изогнутая. Если отбросить все пять штрихов знака №13 и оставить его только изогнутую часть с прямой линией, то этот знак похож на орхоно-енисейский согласный *y*. Принимая во внимание, что сразу после знака №13 следует *ü*, то он использовался только с мягкими гласными (incə sait). Знаки №8 и 16 также должны обозначать согласную *y*, но принимая во внимание, что после знака №16 следует *ğ*, то №16 мог использоваться только с твердыми гласными (qalın sait) – a, o, u, ï. Важно отметить, что в орхоно-енисейском алфавите также присутствует две версии написания *y*. Данное деление связанно с отражением гармонии гласных в тюркских языках [Кормушин 1997: 91-92]. Сопоставление №8 и 16 показало, что они повторяют букву *yodh* (*y*) финикийского алфавита, а также *yudh* (*y*) раннеарамейского алфавита (см.: табл. IV).

Результаты нашего исследования демонстрируют, что Иссыкская надпись можно расшифровать с помощью орхоно-

енисейского и таласского алфавитов. Отличие знаков Иссыкской надписи заключается в том, что часто к бувам добавлялись штрихи, с помощью которых в Иссыкском алфавите формировались новые буквы. К примеру рассматривая знаки № 11 и 14 можно прийти к выводу, что добавление штриха к букве *и* превращает ее в *ӥ*. Для изображения фонемы *у* также добавляются дополнительные штрихи.

Причину того, почему на знаке №14 изображены 3 дополнительных штриха можно объяснить лишь предположением о том, что в Иссыкском алфавите было несколько согласных *у*. С каждой гласной алфавита использовалась отдельная согласная *у*, которая формировалась путем добавления штрихов к основе знака. Всего в тюркских языках возможны восемь вариаций – уа, уї, уо, уu, уе, уі, уö, уü.

Похожая алфавитная система наблюдается в русском языке, в котором есть отдельные знаки для я, е, ё, ю. Хотя все эти буквы русского языка являются гласными, в тюркских языках (как показано выше) эти звуки обозначаются комбинацией согласного у+соответствующий гласный.

Таким образом №8, 16 обозначают у+твердый гласный (qalın sait). После номера №16 (*у*) сразу следует согласная (*ğ*). Это указывает на то, что № 16 также содержит в себе гласный. То есть представляет собой комбинацию двух букв – *у*+твердый гласный.

После №13 следует мягкий гласный ü. Это означает, что №13 использовался для обозначения отдельно стоящей буквы *у*, которая записывалась перед мягкими гласными (incə sait).

Как отмечалось выше по мнению А. С. Аманжолова знаки №3, 12, 23 обозначают букву *ç* [Аманжолов 2003: 223-230]. Однако между этими знаками есть разница. В то время как №23 представляет основу знака, на №3 есть один дополнительный штрих, а на №12 два дополнительных штриха. В орхоно-енисейском алфавите есть три знака похожие на №3, 12, 23. Это буквы *ç, s, ş*, орхоно-енисейская буква *ç* абсолютно идентична №3. Таким образом № 12 и 23 должны обозначать буквы *s, ş*. Принимая во внимание, что в написании №11, 12, 13, 14, 15 совершенно четко просматривается фраза uş yüz – “три сотни”, то

можно прийти к выводу, что №12 должен читаться как ş. Соответственно №3 следует читать как *s*.

Есть ли у нас какие либо дополнительные основания для утверждения о том, что №3 и 12 должны читаться как *s, ş*. Да есть. В финикийском, арамейском и хибру буква shin (*s, ş*) очень похожа на № 3, 12, 23 Иссыкской надписи (см.: табл. IV).

Таким образом:

№3 следует читать – *s*.

№12 следует читать – *ş*.

№23 следует читать – *ç*.

Таким образом нам становятся известны фонетические значения всех 25 знаков письма. Остается прочесть отдельно стоящий знак, а также идеограмму в начале письма.

Идеограмма.

В самом начале Иссыкской надписи изображена идеограмма в форме прямоугольника с решетчатым (сетчатым) орнаментом внутри.

А. Голан исследовал истоки этого орнамента начиная с периода палеолита и неолита и кончая китайской иероглификой. Он также отмечает, что орнамент в виде решетки встречается среди древних наскальных рисунков Сибири [Голан 1993: 88, рис. 165: *1-3*]. В результате исследования Голан приходит к выводу, что “знак решетки – это символ земли”. Далее он добавляет, что “по древним представлениям земной мир состоит из четырех областей” [Голан 1993: 85-88]. М. Кениг установила, что решетчатый орнамент на палеолитических рисунках обозначал образ мира имещего четыре стороны. То есть он обозначал четыре стороны света [König 1966: 136].

В своей работе Геродот описывает Скифию в виде четырехугольника [Геродот 1972: IV, 101]. В орхоно-енисейских надписях часто встречается фраза tört bulung. В памятнике в честь Кюль-тегина (Большая надпись) эта фраза встречается в начале текста. Сразу после краткого описания сотворения мира и тюрков приводиться фраза tört bulung в значании “четыре угла”. С. Е. Малов следующим образом объясняет фразу “четыре угла” в этом тексте: “народы, живущие вокруг по всем четырем странам света” [Малов 1951: 36].

Таким образом, мы приходим к выводу, что зарешеченный прямоугольник в Иссыкской надписи читается как “четыре угла”. Остается невыясненным вопрос о том, как эта фраза могла звучать в языке середины I тысячелетия до н.э. Для ответа на этот вопрос мы привлекли результаты реконструкции

прототюркского языка исследователями. В соответствии с С. А. Старостиным, А. В. Дыбо и О. А. Мудраком цифра 4 в прототюркском – *dȫrt. Древнетюркское bulung они реконструируют в форме *bul – “угол, направление, сторона света” [AED: 1378].

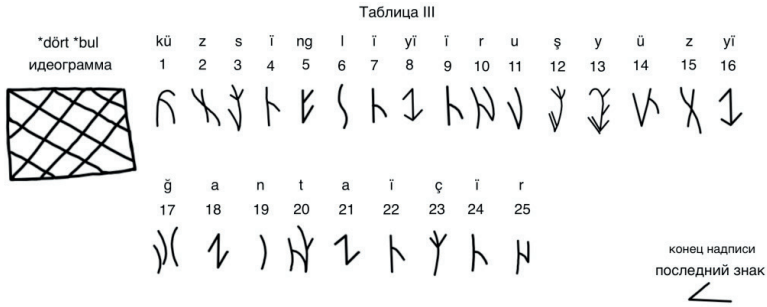
Таким образом идеограмма в форме прямоугольника с решетчатым орнаментом обозначает фразу *dört *bul – “четыре угла” (“четыре стороны света”).

Последний знак.

Последний, отдельно стоящий, знак в тексте надписи позволяет связывать Иссыкскую надпись с группой евразийских рунических письменностей степной зоны. Тексты этой группы до сих пор не были расшифрованы в основном по причине своей краткости. Исключение составляет текст “Ачикташской палочки с рунами” переведенной С. Е. Маловым. Позднее перевод был уточнен Г. Н. Оркуном и О. Ф. Серткая. Как отмечает И. Л. Кызласов специфической особенностью этой группы текстов является “общность орфографических принципов, не присущих азиатским руническим памятникам орхоно-енисейской группы”. В частности отсутствие словоразделительных знаков и наличие знака отмечающего “абсолютное окончание надписи” [Кызласов 2013: 173]. В Иссыкской надписи мы наблюдаем тот же принцип – отсутствие словоразделительных знаков и наличие знака отмечающего окончание надписи. Таким образом мы приходим к выводу, что последний отдельно стоящий знак Иссыкской надписи обозначает конец надписи.

Следует особо подчеркнуть, что Иссыкская надпись и ачикташское письмо связывает только лишь общность орфографических принципов. Большинство знаков этих двух письменностей не повторяют друг друга.

Таблица III



ЧТЕНИЕ ИССЫКСКОЙ НАДПИСИ.

Идеограмма

Идеограмма реконструируется – *dört *bul – “четыре угла” (“четыре стороны света”).

Küz.

№1, 2 читается – Küz. Данное слово идентично этническому названию скифов в древних источниках. В ближневосточных письменных источниках скифы проходят под именами ашгуз-а(й), ас-гуз-а(й) (ассирийские), ишкуз-а(й) (вавилонские) и *ашгуз (древнееврейские) [Дьяконов 1956: 242-243]. В “Истории” Геродота скифы проходят под именем Σκυθης — S-kuth-es (ед. число) или Σκυθαι — S-kuth-ai (мн. число). Корнем слова является Kuth [см.: Гасанов 2002: 122-130; Hasanov 2010: 1-10; Гасанов 2012: 100-109]. Корень aş, iş в начале ближневосточных версий написания скифского этнонима является географическим обозначением. В эпосе “Деде Коркут” огузы разделяются на внутренних и внешних [Книга моего деда Коркута, 1962, XII, Песнь о том, как внешние огузы восстали против внутренних огузов и как умер Бейрек]. Внутренние огузы İç Oğuz, а внешние – Taş Oğuz [Kaya, 2013]. Слово iç означает “внутренность”, а слово taş имеет значение “наружная, внешняя сторона” [ДТС: 201, 539]. Наряду со словом taş следует также привести слово aş в значении “пересекать, переходить, преодолевать, переваливать (гору)” [ДТС: 62]. Оба слова имеют единое происхождение. Соответственно Taş Oğuz может также быть представлено в форме Aş Oğuz [см.: Гасанов 2013: 130-134].

Л. Лигети, Ю. Немет, О. Притсак, А. Н. Кононов и др. считают, что *-uz* в этнониме oğuz является аффиксом множественного числа [Ligeti 1925: 369-383]. А. Н. Кононов приводит следующую этимологию этнонима огуз – *oğ* (*ok*) “род”, “племя”, *-(y) з* – аффикс множественного числа. В результате он приходит к этимологии “племена”, “объединение племен”. По мнению Кононова позднее данное название превратилось в этническое имя с собирательным значением. В качестве доказательства этой версии он приводит этнонимы tokuz oğuz “девять племен”, üç oğuz “три племени” [Кононов 1958: 83-84].

Наряду с суффиксом *–z* в значении мн. числа в тюркских языках также присутствует суффикс *-t*, который восходит к суффиксу мн. числа *-*t+гласное* в языках алтайской семьи [Poppe 1952: 68-69; AED: 184; Hasanov 2012: 49-50]. В

современных тюркских языках для обозначения мн. числа используется суффикс *lar/tar*. Суффикс мн. числа-*z, -t* ведет свое происхождение из прототюркского периода.

Разницу между суффиксами *-t* и *-z* в языках алтайской семьи можно объяснить грамматикой монгольского языка. Как отмечет Г. И. Рамстедт, в то время как, в монгольском, существительные оканчивающиеся на согласные имели суффикс множественного числа *-d* (*-t*), существительные оканчивающиеся на гласные получали суффикс множественного числа *-s* [Рамстедт 1909: 549]. Об этой специфике монгольского языка также пишет и Б. Я. Владимирцов, однако он добавляет, что могут быть исключения из правила и иногда слова оканчивающиеся на гласные также могут оканчиваться на суффикс *-d* (*-t*) [Владимирцов 1926: 61-62]. Основываясь на этих наблюдениях мы приходим к выводу, что суффикс *-z* в скифских этнонимах использовался в словах оканчивающихся (в ед. числе) на гласную, а суффикс *–t*, в словах оканчивающихся (в ед. числе) на согласную. Исходя из этого проясняется, что слово küz в Иссыкской надписи, в ед. числе, оканчивалось на гласную. То есть это слово в ед. числе звучало как *kü*.

Исследуемый суффикс присутствует в таких скифо-сако-сарматских этнонимах как Skuth, ишкуз, ашгуз, авхат, паралат, сколот, масагет, сармат и др. Вс. Миллер выступал против иранского происхождения суффикса мн. числа *-t*. Миллер отмечает, что осетинский суффикс *tä* не типичен для индоевропейских протоиранских языков, поскольку в древнеиранских языках суффикс мн. числа образуется присоединением различных падежных окончаний к основе слова. В осетинском же языке, к основе слова совпадающей с именительным падежом ед. числа сначала присоединяется суффикс мн. числа, а затем дополнительно добавляется падежное окончание. Миллер отмечает, что данная грамматическая структура типична, для угро-финских и алтайских языков и совершенно не типична для древнеиранских языков. В соответствии с Миллером, тот же принцип суффиксации появляется в ново-персидском и курдском. С его точки зрения эти иранские языки однозначно заимствовали данную манеру суффиксации. Далее он отмечает, что они по всей видимости заимствовали ее у соседних тюркских народов [Миллер 1886: 283]. С. Р. Тохтасьев соглашается с выводами Вс. Миллера и отмечает, что: “Миллер совершенно правильно понимал причины возникновения осетинского окончания *-t-* и его поздний агглютинативный характер” [Тохтасьев 2005: 78, прим. 107].

Таким образом:

1) племена Иссыкской надписи сами себя называли Küz. То есть тем же словом, что и скифы в ближневосточных (*guz, kuz*) и греческих (*kuth*) письменных источниках. Русское слово *скиф* является искаженной формой написания греческого *s-kuth*.
2) Слово Küz означает “кланы”, “племена”, “объединение кланов/племен”.
3) В Иссыкской надписи слово Küz (тюркское огуз – “племена”) записанно без начального гласного.

Sïnglïyï.

№2-8 читается Sïnglï-yï.

Здесь представлено имя захороненного царевича. Его имя Sïnglï. Суффикс *-yï* в тюркских языках обозначает склонение имени существительного в винительном падеже.

Слово Сынглы идентично слову Чинг-лу в китайских источниках периода династии Хань.

В истории китайской династии Хань “Хань Шу”, а также в дополнениях к ней есть упоминания о том, что хунны поклонялись мечу и золотому воину.

В 68-й главе “Хань Шу” сообщается о том, что летом (121 г. до н. э.) китайский командующий Хо Цюйбин атаковал земли западнее Китая и одержал победу над западными хуннами, захватив Золотого Небесного воина, которому поклонялся царь хуннов Сю ту (Хсиу Ч’у). Его сын Ми-ти попал в рабство. Китайцы Ми-ти назвали Цзинь Ми-ти, потому что его отец – царь Сю ту изготовил статую золотого воина (Цзинь Жен), где цзинь означает “золото” [Han Shu 68]. Б. Ватсон переводит слово Цзинь как золотой и получает фразу “золотой воин царя Сю ту” [Han Shu 68: 151-152]. Као Чу-хсун интерпретирует фразу Сю ту Цзинь Жен как “металлический воин царя Сю ту” [Kao Chu-hsun: 1960]. Основываясь на вышеприведенной информации мы приходим к выводу, что металл из которого был изготовлен воин царя хуннов был золотом.

Као Чу-хсун собрал все сообщения о золотом воине и его клинке в своей статье специально посвященной исследованию этого вопроса. Приведем их.

В “Трактате по географии” в “Хань Шу” говорится: “В Юн Янге есть металлические [золотые] воины царя [хуннов] Сю ту, предназначенные для поклонения небесам, и три святыни Чинг Лу Шен”.

Ванг Хсиен Ч'иен династии Ч'инг в Дополнении к записям в "Трактате по географии" в "Хань Шу" пишет: "О металлических [золотых] воинах царя Сю ту, предназначенных для поклонения небесам, и клинке чинг лу, смотрите сообщение о хсиунг-ну [хуннах]" [Kao Chu-hsun 1960: 223]. В сообщении о хсиунг-ну мы находим следующую информацию: "Хан Чанг и Чанг Менг [китайские послы] вместе с шан-ю [император хуннов Лао Шанг] и его великими полководцами поднялись на гору восточнее реки Но. Там они закололи белого коня. Шан-ю достал клинок чинг лу и металлическую ложку и [смешал кровь коня с] вином. Затем, используя в качестве посуды череп царя Юэч-жи, побежденного Лао Шанг шан-ю, они выпили вместе за клятву крови" [Kao Chu-hsun 1960: 223].

Как отмечает Као Чу-хсун эти цитаты китайских источников сообщают, что слово *чинг лу* является китайским фонетическим эквивалентом хуннского слова, означающего "меч" или "клинок".

Таким образом нам становиться известно следующее:

1) хунны поклонялись золотому воину;
2) Чинг лу является святилищем хуннов;
3) существует несколько святилищ Чинг лу.
4) чинг лу это клинок.

У Геродота встречается идентичная информация. Он сообщает о том, что скифы воздвигали в каждой скифской области по округам святилища Аресу (богу войны) в виде древнего железного меча установленного на четырехугольной площадке на вершине холма. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам [Геродот 1972: IV, 62]. Это единственное сообщение Геродота о святилище скифов.

Как сообщает Као Чу-хсун, у Сыма Цяня есть указание на то, что древние хунны поклонялись девяти уровням неба. Но из девяти богов только лишь одному божеству – Чинг Лу, т. е. божественному клинку, хунны воздвигали алтари [Kao Chu-hsun 1960: 221]. Скифы также воздвигали алтари только богу мечу – Аресу [Геродот 1972: IV, 72]. Клинок чинг лу у хуннов также как и у скифов идентифицировался с образом антропоморфного бога – воина.

Као Чу-хсун, основываясь на "Хань Шу" (история династии Хань), на дополнениях к "Хань Шу", составленных более поздними китайскими историками, а также на современных работах о божественном мече, идентифицирует божественный

меч хуннов и скифов.

С нашей точки зрения слово Сынглы в Иссыкской надписи идентично слову Чинг-лу в китайских источниках периода династии Хань.

Попытаемся проследить насколько результаты лингвистического анализа подтверждают это.

В тюркских языках есть группа слов объединенных семантикой оружия и начинающихся с корня süng:

süngü – “lance, spear” (“копье, дротик”) в древних источниках [Mahmud Kaşğari 2006: IV, I, 357-2; ДТС: 517]. В более поздний период используется в значении “bayonet, spear” (“штык нож, дротик”): sönge каз.; süngü кумык; süngği ногай.; süngü аз., осм. [Clauson 1972: 834];

süngüş – “battle” («битва”). Также есть пример – Süngüş – “имя собственное” [Clauson 842];

Дж. Клосон считает, что слово süngüş происходит от тюркской протоосновы *süng в значении “битва” [Clauson 1972: 842]. Старостин, Дыбо и Мудрак реконструируют данное слово в прототюркском в форме *süngü-l – «битва”, в протоалтайском *siúnge – “fight, wrestling” (“бой, борьба”). В заключении они добавляют, что это слово является “элементом общеалтайской охотничьей и воинской терминологии” (“an element of common Altaic hunting or warrior terminology”) [AED: 1295].

В данном ряду следует также привести тюркские слова слова:

singir – “bow string” (“тетива лука”) [Clauson 1972: 841];

singirle – “to put a bow-string on a bow” (“натянуть тетиву на лук”) [Clauson, 1972: 841].

Основываясь на вышеприведенных данных мы приходим к выводу, что слова с основой *süng, *süngü-l восходят своим значением к прототюркской “воинской терминологии”.

Имя (титул) царевича Иссыкской надписи – Сынглы и название божественного клинка хуннов Чинг-лу и их золотого воина, восходит своим значением к прототюркской основе *süng, *süngü-l, которым обозначались различные аспекты “воинской терминологии”.

Слово Сынглы является не столько именем, сколько титулом Иссыкского золотого воина.

Ïr.

В древнетюркских источниках ïr имеет значение – “песня”. Существует также версия yïr в том же значении. Дж.

Клосон считает, что первичной формой является ïr, а *yïr* с добавлением простетического согласного *y* является более поздней формой [Clauson 1972: 192]. В словаре Махмуда Кашгарлы слово *yïr* одновременно приводиться в форме существительного и глагола в одной фразе – *ol yïr yïrladï* – “он спел песню” Mahmud Kaşğari 2006: III, 11]. Таким образом *ïr* – “песня”, “петь”. Следует обратить внимание на то, что в Иссыкской надписи глагол *ïr приводиться без суффикса* неперех., перех. глагола -*la*-, а также без суффикса -y*ïr* – причастия абсолютного настоящего времени [ДТС: 656, 667]. То есть вместо *ïrla- или ïr-la-yïr* написанно просто *ïr.*

Uş

Uş, üş – цифра “три”. Могут также быть формы üç, ïş и т.д.

Yüz

Yüz означает “сто”, “сотня”.

Yïğ

Древнетюркское yïğï – “плач”, yoğ – “поминальный обряд”, yoğçï – “участник поминального обряда” “плакальщик” [ДТС: 265, 269]. Дж. Клосон отмечает, что слово yoğçï образованно путем добавления суффикса -*çï* (nomen agentis/суффикс имени деятеля) к корню *yoğ* [Clauson 1972: 944].

С нашей точки зрения в тексте Иссыкской надписи данное слово следует читать как *yïğ,* то есть через *yï.* Мы основываем свой вывод на том факте, что в первой строке Иссыкской надписи идентичный знак (№8) читается как *yï.*

Важно отметить, что в слове *yïğ* отсутствует тюркский суффикс имени деятеля -*çï*, о котором пишет Клосон в слове yoğ-çï. То есть вместо *yïğ*-çï (*yoğ-çï*) написанно просто *yïğ.*

Anta ïçïr

№18-21 читается *anta*. В древнетюркских источниках встречается в форме *and/ant* – клятва [Clauson 1972: 176]. В тюркских языках данное слово всегда заканчивается согласной *and, ant*. Форма в которой этот слово записано в Иссыкской надписи (с гласным в конце) больше похожа на монгольскую и тунгусо-маньчжурскую форму – *anda*.

Старостин, Дыбо, Мудрак реконструируют это слово в

протоалтайских языках в форме *anta – “oath; comrade” (“клятва, друг”) [AED: 1295].

№22-25 читается *ïçïr*. Корнем слова является глагол *ïç (iç)* – “пить”. Суффикс *-ïr* – причастие абсолютного настоящего времени [ДТС: 667].

Ïç-ïr – “пьет, пьют”.

№18-25 читаеться *anta ïçïr* – “клятву пьют”.

Дж. Клосон приводит тюркскую фразу *and iç*. Он переводит ее следующим образом – “lit. to drink an oath” (“букв. выпить клятву”) [Clauson 1972: 176].

У Геродота есть информация о клятвенном обряде скифов “Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши” [Геродот 1972: IV, 70].

Как отмечалось выше в китайских источниках периода династии Хань есть следующее сообщение о хуннах: “Хан Чанг и Чанг Менг [китайские послы] вместе с шан-ю [император хуннов Лао Шанг] и его великими полководцами поднялись на гору восточнее реки Но. Там они закололи белого коня. Шан-ю достал клинок чинг лу и металлическую ложку и [смешал кровь коня с] вином. Затем, используя в качестве посуды череп царя Юэч-жи, побежденного Лао Шанг шан-ю, они выпили вместе за клятву крови” [Kao Chu-hsun 1960: 223].

Описанный Геродотом клятвенный обряд скифов дошел до нас в золотом изображении IV в. до н. э., найденном при раскопках скифского кургана Куль-Оба в Крыму. На этом изображении два скифа пьют за клятву крови одновременно из одного сосуда, прислонившись щека к щеке и нос к носу [Dally 2007: 297]. В текстах о хуннах мы можем проследить идентичный способ питья во фразе “они выпили вместе за клятву крови”.

Фраза *anta ïçïr* – “клятву пьют” имеет значение “клянутся”.

Последний знак.

Последний знак, отдельно стоящий от текста означает конец надписи [см.: Кызласов 2013: 173].

ЧТЕНИЕ И ПЕРЕВОД ИССЫКСКОЙ НАДПИСИ.

Основываясь на нашем исследовании мы приходим к нижеследующему чтению и переводу Иссыкской надписи. Фраза *Dört *bul приведена со звездочками, поскольку она основана на реконструкции идеограммы.

Первое предложение (условно Строка 1). Идеограмма + №1-10.

*Dört *bul Küz Sïnglïyï ïr.

Четырех углов (сторон света) племена Сынглы воспевают.

Второе предложение (условно Строка 2). №11-25

Uş yüz yïğ anta ïçïr.

Три сотни оплакивающих клятву пьют (клянутся).

Последний отдельно стоящий знак обозначает конец надписи.

Литературные особенности Иссыкской надписи.

Строка 1: *Dört *bul Küz Sïng-lï-yï ïr.

Строка 2: Uş yüz yïğ an-ta ïç-ïr.

1) Фраза “четырех углов племена” в Иссыкской надписи, так же как и в большой надписи памятника в честь Кюль-тегина, упоминается в начале текста.

2) Обе вышеприведенные строки начинаются на цифру (4 и 3). Данная деталь напоминает аллитерацию и ассонанс древнетюркской литературы. Отличие заключается лишь в том, что в аллитерации и ассонансе строки должны начинаться на одну и туже букву. Здесь обе строки начинаются на цифры;

3) Обе строки оканчиваются на *ïr*. Манера создания рифмы.

4) В обеих строках Иссыкской надписи по 5 слов;

5) в обеих строках надписи по 7 слогов. Семи или восьми сложный стих является типичным для тюркской литературы. Размер слога должен обязательно сохраняться. То есть если первая строка состоит из 7 слогов, то все оставшиеся строки также должны иметь 7 слогов. В казахской народной поэзии включая героический эпос данная форма стихосложения называется Jïr. *Начальное “ж” является поздним кыпчакским добавлением.* В древнетюркском слово *ïr* тоже употреблялось в значении современного термина поэзия. Это значение *ïr* / у*ïr* до сих пор сохранилось у каракалпаков, кыргызов, ногайцев, карачаевцев, балкар, башкир, татар и др. тюркских народов [Казахская литература, 2005: 238]. Как отмечалось выше Дж. Клосон считает, что первичной формой этого слова является *ïr*, а *yïr* с добавлением простетического согласного *у* является более

поздней формой [Clauson: 1972: 192].

Таким образом семисложный стих, которым написана Иссыкская надпись, в тюркской поэзии называется *ïr*. То есть тем же словом, которым “воспевают” (*ïr*) героя Иссыкской надписи Сынглы.

Историческая основа Иссыкской надписи.

1) В Иссыкской надписи племена окружающие царя представленны цифрой 4 (“племена четырех углов”). В мифе царских скифов “о происхождении от Таргытая” приводиться информация о делении племенного союза первоскифов на 4 племени [Геродот 1972: IV, 6].

2) В надписи страна Сынглы представлена в виде четырех углов. В своей работе Геродот описывает Скифию в виде четырехугольника. Погребальная ямя скифского царя также имеет четырехугольную форму [Геродот 1972: IV, 71, 101].

3) В надписи представители племенного союза деляться на “три сотни”. У Геродота в мифах “о происхождении от Таргытая” и “от Геракла” первоскифы представленны тремя братьями [Геродот 1972: IV, 5, 10].

3) В надписи слово *Küz* используется для обозначения всех племен. Данное слово идентично этническому названию скифов в ассиро-вавилонских и древнегреческих письменных источниках – *-guz-, -kuz-, -kuth-*.

4) В надписи три сотни оплакивают Сынглы. У Геродота детально описывается процесс оплакивания скифского царя всеми племенами Скифии [Геродот 1972: IV, 71].

5) Имя (титул) царевича, из Иссыкского кургана, одетого в золотой костюм – Сынглы. Значение этого имени в тюркских языках восходит к значениям “оружия”. В китайских источниках говориться о золотом воине, боге хуннов и его клинке Чинглу.

6) В Иссыкской надписи написанно, что оплакивающие Сынглы “пьют клятву”. Скифы пьют клятву опустив в чашу меч, стрелы, секиру и копье. В китайских источниках хунны “пьют клятву” опустив в чашу клинок золотого небесного воина Чинг лу.

Литература

Аманжолов, А. С. История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп, 2003. – 368 с.

Владимирцов Б.Я. Об одном окончании множественного числа в монгольском языке // Доклады Академии Наук СССР. – Май-июнь. 1926. – С. 61–62.

Гасанов, З. Г. Социально-культурные ценности скифов: древних ашгузов/ишкузов/гузов. Астана: Тюркская академия, Prosper Print, 2013. – 392 с.
Гасанов Заур. Царские скифы: этноязыковая идентификация “царских скифов” и древних огузов. – New York: Liberty Publishing House, 2002. – 486 с.
Гасанов, З. Г. Этноним “скиф/ашгуз” в древнегреческих и аккадских письменных источниках // сост. и отв. ред. Э.Е. Лебедев. Чувашская письменность: история и современность. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 100–109.
Геродот. История / пер. и прим. Стратановский Г.А. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
Голан А. Миф и Символ. – М.: Руслит, 1993. – 375 с.
ДТС – Наделяев В.М. и др. Древнетюркский Словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
Дьяконов И.М. История Мидии: от древнейших времен до конца IV в. до н.э. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 480 с.
Казахская литература. Энциклопедический справочник. – Алматы: “Аруна Ltd”, 2005. – 576 с.
Книга моего деда Коркута: огузский героический эпос / пер. Бартольд В.В. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 299 с.
Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази хана хивинского. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 192 с.
Кормушин, И. В. Орхон-енисейских надписей язык. // Э. Р. Тенишев. Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Изд. Дом “Кыргызстан”, 1997. – С. 89-106.
Кызласов, И. Л. Характер и значение находок рунических надписей на Сырдарье. // Известия НАН Р. Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 3 (289), 2013. – С. 164-173.
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 111 с.
Миллер, В. Эпиграфические следы иранства на юге России. // Журнал министерства народного просвещения, 1886. – С. 232-283.
Рамстедт Г.И. Этимология имени ойрат // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. – Т. XXXIV. – С. 547–558.
Тохтасьев С.Р. Проблема скифского языка в современной науке // V. Cojocaru. Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea: from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. – Iasi: Trinitas, 2005. – С. 59–108.
AED – Starostin, S. A., Dybo, A. V., Mudrak, O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden and Boston: Brill, 2003.
Clauson S. G. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. – London: Oxford University Press, 1972. – 1040 c.
Dally O. Skythische und Graeco-Skythische Bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum // W. Menghin, H. Partzinger. Im Zeichen des Goldenen Greifen: Königs Gräber der Skythen. – Munich: Prestel, 2007. – С. 291–298.
Han Shu 68. // Courtier and Commoner in Ancient China, Selections from the History of the Former Han by Pan Ku. Trans. Burton Watson. – New York & London: Columbia University Press, 1974. – 282 c.
Harmatta, Janos. Languages and literature in the Kushan Empire. // Harmatta J., Puri B. N., Etemadi G. F. (ed.) History of Civilization of Central Asia. Volume

2, Delhi: Motilal Banarsidass, 1999, – C. 417-440.
Hasanov Zaur. “İskit” etnoniminin okunuşu. // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi. Sayi 50, (2009 / 2), İstanbul, 2010. – C. 1-10.
Hasanov, Z. Suffix *-t* as an Indicator of Plurality in the Ethnonyms of the Royal Scythians. // II International Symposium of Turkology (12-14 September 2012), Warsaw: University of Warsaw, 2012. – C. 49-50.
Kao Chu-hsun. The Ching Lu Shen Shrines of Han Sword Worship in Hsiung Nu Region // Central Asiatic Journal. 1960. – Vol. V. – No. 3. – C. 221–232.
Kaya D. “İç Oğuza Taş Oğuz Asi Olup Beyrek Öldügü Boyı”nın Tahlili. (16.07.2013) http://turkoloji.cu.edu.tr/HALK%20EDEBIYATI/dogan_kaya_beyrek_oldugu_boyunun_tahlili.pdf.
König, M. E. P. Die Symbolik der urgeschichtlichen Menschen. // Symbolon, Jahrbuch für Symbolforschung. Bd. 5, Basel, 1966. – C. 121-161.
Ligeti L. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis // Kőrösi Csoma Archivum. 1925, 1. – C. 369–383.
Mahmud Kaşğari. Divanü Lüğat-it-Türk (Türk dilləri Sözlüyü). IV cild. Tərc. Əskər, R. Bakı: Ozan, 2006.
Poppe N. Plural suffixes in the Altaic languages // Ural-Altaische Jahrbücher. 1952. – 24. – C. 65–83.
Rahmonov, N., Matboboyev, B. Özbekistonning köhna Turkiy – Run Yozuvlari. Toşkent: Fan, 2006. – 66 c.

Таблица IV

Иссыкская чаша	Финикийские, Арамейские, Хибру			Орхоно-енисейские	Таласские и Ачикташские		Латинск
	Хбр.	Ар.	Фнк.		талас.	ачикт.	
							a
							ç (iç)
							ğ
							ï
							yï (y+тв
							y (+мягк
							l
							n
							ng
							r
							ç (iç)
							s
							ç (iç)
							ş

ДРЕВНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО БАССЕЙНА СЫРДАРЬИ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ И ТЮРКСКИХ КОРНИ ТЕРМИНА ЧАЧ

Инамов Адилджан Улугходжа угли*

ABSTRACT:
This article about old inhabitant population in Sirdaryas middle basin, analyzed informations in written sources, so this problem was debatable question and given information the word “Chach” is Turkish term.

KEY WORDS: Tashkent valley, Saks, Yaksart, Avesto, Chach, five governments.

В настоящее время бассейн среднего течения Сырдарьи известен в качестве историко-культурных областей Чач, Илак и Отрар, образовавшихся в бассейнах рек Чирчик, Охангарон и Арысь, сведения о которых имеются в письменных источниках древности и средневековья. Они окружены западными отрогами Тянь-Шаня, горными хребтами Чаткал, Курама, Карамазар, Барактинтов, Карджантов и Каратов. Среди них разнообразием и богатством залежей природных ископаемых особо выделяются горные хребты Курама и Карамазар. Обилие различных рудников, в том числе бирюзы, подтверждено в ходе геологических и археологических изысканий [Беруний 1963:159; Массон 1953: 34; Буряков 1966: 10-11, 15; Буряков 1974: 43, 44, 54, 56, 87, 112; Пругер 1971: 118-126]. Бирюза из этих мест была известна всему Востоку с древних времён. Недаром эта благодатная земля, богатая залежами драгоценных камней, с древности упоминается в различных письменных источниках как «Чач», то есть «таш» - «камень», «страна бирюзового камня».

Ранние письменные сведения о жителях этой историко-культурной области – саках встречаются в наскальных надписях царей Ахеменидского Ирана. Упоминаемые в древних письменных источниках под именем саков коренные кочевые племена, по своему территориальному расположению подразделялись на три группы (саки-тиграхауда; саки, живущие за Яксартом; саки-хаумаварка).

Саки-тиграхауда и саки, живущие за Яксартом занимали территории обширных степей в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи. Материальная культура этих племён

* Докторант Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами. E-mail: odil.2010@yandex.com.

подробно освещена в литературе по археологии [Литвинский 1972: 42; Вайнберг 1999: 78].

Отец греческих историков Геродот пишет: «Саки же (скифское племя)… Персы ведь всех скифов зовут саками» [Геродот 1972: 64]. Корифеи исторической лингвистики термину «сак» дают следующее определение: «могучий, сильный, ловкий, проворный… саки действительно способные на многое храбрые люди» [Bailey 1958:133]. Геродот и другие античные авторы пишут, что саки-хаумаварка, собственно, и являются амиргийскими саками [Геродот 1972: 64].

Страбон отмечает, что река Яксарт (Сырдарья) разделяет саков и согдийцев [Страбон 1964: 483]. Птолемей более точно определяет границу между саками и согдийцами: от того места, где река совершает поворот, до её истоков [Ptolemy 1932: 93]. Страбон пишет, что «из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно они-асии, пасианы, тохары и сакараваки» [Страбон 1964: 483].

В индийском эпосе «Махабхарата» среди диких племён, приносящих жертву «Ашвамедхе», упоминаются саки, тохары и канки, которые, украсив головы рогами животных, приносили богатые подношения ашвамедхе [Бичурин 1940: 134]. Древние племена канков обитали в среднем бассейне Сырдарьи и упоминание о них в Махабхарате имеет важное значение, потому что по результатам археологических изысканий эти племена относились к культуре Каунчи, сложившейся в Ташкентском оазисе в античный период.

Как сообщают летописцы военных походов Александра Македонского Яксарт считался пограничной линией между земледельческими общинами и кочевыми саками. На правом берегу Яксарта жили воинственные саки, а на левом – искусные в торговле и ремесле согдийцы Чача. Они различались между собой в этнокультурном развитии. Так, античные авторы сообщают, что на левом берегу Яксарта в Согдиане были возведены несколько городов. И ещё один пример, городской пункт Кирополь был построен в последней четверти IV века до н.э. военными строителями Александра в качестве военного укрепления против саков [Григорьев 1935: 342]. Во время раскопок цитадели городища Канка на левом берегу Сырдарьи были обнаружены остатки оборонительных сооружений, построенных по эллинистическому плану. Впоследствии площадь этой крепости расширяется и к III-II векам до н.э. она превращается в крупный горо [Буряков 1982: 101-113]. Све-

дения о более тесных связях между кочевыми скотоводами и оседлым населением можно почерпнуть и из текстов Авесто.

В «Яштах» Авесто упоминаются данайские туры. По мнению авестоведа В.И.Абаева эти туры Даная (Данай – одно из древних названий Сырдарьи) и есть саки Яксарта [Абаев 1956: 44-45]. Эту идею поддержали многие учёные. Б.А.Литвинский анализируя эпизоды, связанные с Заратуштрой приходит к выводу, что некоторые родовые общины туров под влиянием местных земледельческих общин оставляют традиционный образ жизни и переходят к занятию земледелием [Литвинский 1972: 150-156]. Тексты и части Авесто создавались в разные времена, и в тексте Яшт, посвящённых Анахите, Канха упоминается не только в качестве ранней резиденции вождей Турана, но священная Канха описывается как политический и религиозный центр одной из групп племён Турана [Гимн Ардви-суре Авеста. Перевод Стеблин-Каменского 1993: 36]. Выходит, что ранние письменные сведения о саках (турах) Яксарта относятся к эпохе бронзы.

В вопросе локализации Канхи, упоминаемой в ранних слоях Авесты, С.П.Толстов предпринял попытку связать её с территорией Древнего Хорезма [Толстов 1948: 21]. Однако, археологические исследования последних лет показали, что Канха расположен в Чачской области, в районе Аккурган [Кляшторный 1951: 54-63; Кляшторный 1964: 155-179; Буряков 1982: 107-108; Шониёзов 1990: 5-24; Филанович 2010: 17-24]. Авестийская Канха впервые была локализована ещё В.В.Бартольдом в пользу среднего течения Сырдарьи, т.е. Ташкентской области [Бартольд 1971: 231].

В Авесте также встречаются топонимы канка, канга, кангдиз [Беруний 1963: 274]. Эти топонимы относятся к II веку до н.э. – II веку н.э., когда в бассейне среднего течения Сырдарьи канки возводят город Канку [Буряков 1982. 106]. О саках северных районов среднего течения Сырдарьи писали античные историки и географы: Полибий (204-122 гг. до н.э.), Страбон (64-24 гг. до н.э.), Квинт Курций Руф (I век н.э.), Плутарх (45-127 гг н.э.), Арриан (95-175 гг. н.э.), римлянин Плиний Старший (23-79 гг. н.э.) и другие. Плиний пишет о саках: «Персы называют их (скифов. – И.О.) по названию ближайшего племени саками» [Бичурин 1940: 126]. По данным Птолемея, жившие в среднем течении Яксарта племена назывались также «Большой Яксарт» или «Кандар» [Бичурин 1940: 125-130].

Население и государство Древнего Чача, которое

располагалось на территории современного Ташкентского оазиса и степях Южного Казахстана в древних китайских письменных источниках называется Кангкия (Кангджюй). Впервые термин кангджюй встречается в записках китайского историка Сыма Цяня (145-86 гг. до н.э.) [Бичурин 1950: 150-151]. Сыма Цянь в своих «Исторических записках» даёт краткие сведения о местоположении кангджюев, традициях и обычаях, военной мощи, о живущих по соседству с ними народах. Более подробные сведения о кангджюях представлены в произведении древнекитайского историка Бан Гу «История первой династии Хань». В этом произведении кроме местожительства и военной силе кангджюев (кангар), кратко и ясно рассказывается о количестве семей, о центральном городе, о количестве скота, приводятся названия пяти подвластных им областей (Сусе, Фуму, Юни, Ги, Юеган), описываются их отношения с соседними народами и государствами [Бичурин 1950: 184-188].

Первоначально саки, живущие на правом берегу Сырдарьи (К.Ш.Шаниёзов называет их кангарами) создают племенной союз «Большой Яксарт». Этот союз усиливается, границы его расширяются и во II веке до н.э. превращается в царство Кангкия. Во II веке до н.э. – III веке н.э. и в последующие времена кангары проживали на северо-западе Ферганы, в пограничных с ним районах [Бичурин 1950: 150, 167, 170, 190, 264]. По сведениям посла Чжан Цзяня в 128 году до н.э. «Кангджюй граничит с Дайюанью (Даваном)» [Бичурин 1950: 150]. В истории малой династии Хань (25-265 гг) говорится, что Аньси (Восточный Туркестан) на севере граничит с кангджюями [Бичурин 1950: 125]; Кангкия на северо-западе граничит с аланами (Янцай) и на севере границы государства Кангкия простираются до низовьев Сырдарьи, на северо-западе – до реки Сарисув.

В китайских письменных источниках приводятся названия подвластных Кангкия областей, которые дошли до нас в китайской транскрипции – Сусйе, Фуму, Юни, Ги, Юегянь (см.чуть выше). В.В.Бартольд [Бартольд 177], М.Е.Массон [Массон 1953: 108-109], С.П.Толстов [Толстов 1947: 20-21] так локализируют эти названия: Сусйе – это Кеш, Фуму – область Кушании на территории Каттакургана Зарафшанской долины, Юни – Ташкентский оазис, Ги – Бухара и Юегянь – Ургенч [Шониёзов 1990: 41]. А.Н.Бернштам, опираясь на широкомасштабные археологические исследования, проведённые в Южном Казахстане и Северном Кыргызстане, связывает Сусйе с долиной Арысь, Ги – с низовьями Сырдарьи

и Фуму - со степями от Янгикургана до Казалинской области. А Юегянь соотносится с Ургенчем. Однако, С.Г.Кляшторный, в отличие от них, приходит к выводу, что северная часть среднеазиатского междуречья входила в состав государства Кангкия. Территория каждой из них подразделялась на несколько районов, подробные сведения о которых представлены в работе К.Ш.Шаниёзова «Канғ давлати ва қанғлилар» («Государство Канг и кангары») [Шониёзов 1990: 41-65]. Некоторые материалы об областях Кангкия встречаются в произведении «Бейши» китайского историка VII века Ли Ян Шоу. В этой работе излагаются исторические события 386-581 годов, происшедшие в Китае, но названия подвластных Кангджюю областей приводятся по-другому: Ташкентский оазис звучит как Чжеси, Ши; Самарканд – Кан; Бухара – Ань; Китаб – Шы; Кушания – Хэ. В книге имеются ценные сведения о хозяйстве и культуре народов, проживавших на территории этих областей [Бичурин 1950: 264, 271-275]. Сведения о народе Кангкия и областях Кангджюй встречаются в истории династии Суй (581-618 гг.) – «Суйшу» [Бичурин 1950: 280-287], а также в истории династии Тан (618-907 гг.) – «Тханьшу» [Бичурин 1950: 280-287]. Однако, историки этих двух династий сведения о Кангкии слово в слово переписали с «Бейши». В этих произведениях перечисляются названия подвластных Кангкие областей и названия центральных городов в последующие периоды. Эти сведения важны для определения местоположения этих древних областей Кангкии. Например, в «Тханьшу» приведено более позднее название Ги или Аньси, которое звучит как Бухо или Бухэ. Значит, его можно локализовать с городом Бухара. Ши (Ташкент и Ташкентский оазис) записано как Чжеси, а Хэ – как Гуйшуань.

В произведении Абулкосима Фирдавсий «Шах-намэ» Канка (Канга) несколько раз упоминается в качестве центрального города земель Турана [Фирдавсий 1960: 153, 179, 200, 203]. Арабский географ ибн Хордадбех в качестве одного из названий Сырдарьи несколько раз упоминает «Кангдарью». В средние века (VIII-IX века) и даже намного раньше среднее течение Сырдарьи называлось этнонимом «Кангар». Это естественно, потому что этнонимы давали названия рекам и областям. Даже небольшие группы этносов на местах оставляли и способствовали появлению новых этнонимов. Например, аль-Идрисий (XII век) одно из племён, располагавшихся на севере и северо-востоке Аральского моря, в своём произведении

называет «Хангакиши», то есть «люди Кангка».

Значит подлинный смысл выражения «люди Кангка» означает «народ, живуший на побережье и в бассейне реки Канг». В китайских источниках VII века встречается этноним «кан-хэ-ли». В китайской транскрипции этот этноним читается как «кангарли» («кангарец»). Есть все основания утверждать, что это название, приведённое в китайских источниках является одним из самых древних вариантов этноса «кангли» [Зуев 1960: 127].

О прототюркской или иранской основе происхождения слова «канг» существуют различные взгляды. Например, Е. Пуллейблэнк пишет, что встречающийся в китайских письменных источниках топоним «канг» заимствован от тохарского слова «камень» и язык канга является одним из разновидностей тохарского языка. Б.А.Литвинский приводит мнение Пуллеблэнка и приходит к выводу, что этноним «канг» заимствован от слова «канда» ирано-хотанского языка, а само слово «канда» означает «люди в кожаных одеждах» [Литвинский 1967: 35]. Раулинсон относит слово «канг» к пехлевийскому языку и переводит его как «небо» [Reinaud 1848: 103]. В Томашек, следуя за Раулинсоном, считает слово «канг» древнеиранским. Он пытается объяснить, что слово «канг» было усвоено языком кочевников, а потом превратилось в уйгурское слово «канг», «кангаш», «кангра» [Thomaschek 1877: 125-136]. В действительности, Раулинсон и Томашек, а также крупный иранофил современности Б.А.Литвинский, истолковывая слово «канг» как древнеиранское, допускают ошибку.

Французский востоковед Э. Шаванн в своё время обратив внимание, что китайский термин Ши, Ши-го на древнем прототюркском означает «камень», «страна камня» [Chavannes 1903: 140-141], писал, что иероглиф «Ши» в древних китайских письменных источниках означает слово «камень» [Aalto 1977: 194]. Существование логической связи между термином «Ши», используемым в китайских источниках по отношению к Ташкентскому оазису и прототюркским словом «камень» поддержали и европейские китаеведы А. Аальто, К.Е. Босворт, К. Пужоль, М. Компаретти.

Таким образом, по мнению ряда учёных-лингвистов Э. Шаван [Chavannes 1903: 140], А. Аальто [Aalto 1977: 193-198], К.Е. Босворт [Bosworth 1990: 604-605], К. Пужоль доказано, что в основе слова «канг», используемое в выражении «Государство Канг», центром которого в III веке до н.э. был Ташкентский

оазис лежит слово «камень» [Максудов, Бабаяров, 2009: 199-205; Бобоёров 2010: 14]. Финский исследователь Пентти Аальто говорит, что слово Чач заимствовано у енисейских тюрков, у которых это слово означает «камень». В целом, хотя название оазиса Чач в древних письменных источниках пишется по-разному, подлинный смысл этого слова имеет тюркский характер. Следует также подчеркнуть, что в XI веке Беруний и Махмуд Кашгарий в своих произведениях называют Чач – Ташкентом, Каменным городом [Максудов, Бабаяров, 2009: 199-205].

Это государство с центром в Чачском оазисе за короткое время стало одним из самых крупных, границы которого простирались на северо-востоке до Семиречья, на западе до Древнего Хорезма, а на юге до Зарафшанской долины. Народ этого государства состоял из тюркского и согдийского этнических прослоек, а письменность была иранской. Основанием для такого заключения послужили факты, свидетельствующие, что название оазиса «Чач» встречается в надписях «Каъбаи Зардушт», посвящённого победам Сасанидского правителя Шопура I (262 г. н.э.) – «Кух-и Чач» (Чачские горы); на монетах правителей Кангкия III-IV веков н.э.; встречаемые в надписьях, написанных по-согдийски на поверхности серебряных сосудов III-IV веков н.э., выражения «Чачская община», «народ Чача» и др.

Недавно поблизости реки Арысь при раскопках памятника Култоба была обнаружена глиняная плита III-IV веков с надписью, на котором согдийским письмом сообщалось о строительстве жителями Чача военного гарнизона против набегов кочевников. На этой плите, прикреплённой к порталу городских ворот записаны выражения «народ Чача», «Чачское общество» [Sims-Williams 2006: 95-111]. На поверхности серебряных сосудов и медных монетах, относящихся к этим векам написаны слова «чачан напч» («народ Чача», «Чачское общество»). Значит, с начала нашей эры происходит сплочение, объединение племён, живущих в пределах определённой территории, среди которых формируется традиция называть себя чачцами. В эти времена Чачем правили представители местных династий, оттиски партретов которых были найдены при раскопках храма на городище Канки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра. Archiv Orientalni. XXIV, 1956.
2. Бартольд В.В. Иран, исторический обзор. Соч., том VII. – М., 1971.
3. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Том II, часть I.
4. Беруний Абу Райхон. Индия. Избранные произведения. Том.II. – Т., 1963.
5. Беруний Абу Райхон. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Перевод А.М.Беленицкого. – Л., 1963.
6. Бичурин Н.Я. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в.н.э.). – 1940.
7. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. – М.-Л., 1950.
8. Бобоёров Ғ. Чоч тарихидан лавҳалар. – Т., 2010.
9. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Т., 1982.
10. Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. – М., 1974.
11. Буряков Ю.Ф. Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (К истории горного дела и металлургии средневекового Илака). – Автореф. канд. дисс. – Т., 1966.
12. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. – М., 1999.
13. Геродот. История в девяти книгах. Кн. VII. 64. – Л., 1972.
14. Гимн Ардви-суре (Яшт 5 «Ардвисур яшт»). Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Перевод И. Стеблин-Каменского. – М., 1993.
15. Григорьев В.В. О скифском народе саках.
16. Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств. Труды ИИАЭАН Каз. ССР, т. VIII, 1960.
17. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии – М., 1964.
18. Кляшторный С.Г. кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах. СЭ, № III, 1951.
19. Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. СА № II, 1967.
20. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972.
21. Максудов Ф., Бабаяров Г. К этимологии топонима Чач // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Труды международной научной конференции. Т., 2009. С. 199-205
22. Массон М.Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. – Т., 1953.
23. Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. – Т., 1953.
24. Пругер Е.Б. Бирюза Илака и Илакский рудник бирюзы. СА, 1971, № 1.
25. Страбон. География в 17 книгах. Кн. XI. VIII, 8. – М., 1964.
26. Толстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1947.
27. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.-Л., 1948.
28. Филанович М.И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. – Т., 2010.
29. Фирдавсий. Шоҳнома. И.В.Бону Лоҳутий таржимаси. Том II. – М., 1960.
30. Шониёзов К.Ш. Қанғ давлати ва қанғлилар. – Т.: “Фан”, 1990.
31. Aalto P. The name of Tashkent. CAJ. Vol. XXI, Wiesbaden, 1977.
32. Bailey H.W. Languages of the Saka. «Handbuch der Orientalistik», I, 4, I

Linguistik. Keiden, 1958.
33. Bosworth C.E. Chach. «Encyclopaedia Iranika». Vol. IV, London, New York, 1990.
34. Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. VI. – СПб., 1903.
35. Ptolemy. Geograpfy of Claudius Ptolemej. New York. VI, 12, 1, 1932.
36. Reinaud M. Geographie d, Abul fed. T. I, Paris, 1848, II. CCXXIII.
37. Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian inscriptions of Kultobe. «Shygys», 2006.
38. Thomaschek W. Centralasiatisghe Studien. Sogdiana, SBAM, (Bdnd LXXX-VII), Wien, 1877.

ЗОРОАСТРИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

Хакимниязов Жолмырза *

ABSTRACT:
In the southern Aral Sea region Zoroastrian dakhma are known on the hill Chilpyk, which is situated on north-western spur of Sultanuizdagian ridge, on assuarian repository of Kuba-mount, near Caravan saray Meshekli, on dakhma Djumard butcher on the territory ancient necropolis of Mizdakkhan, on elevation Krantaw. There are also presented repositories, which is related with Zoroastrian temples and assuarian burial rites.

KEY WORDS:
The southern Aral Sea region, Zoroastrian, Dakhma, Chilpyk, Kuba-mount, Meshekli, Djumard butcher, Mizdakhan, Krantaw, temple, assuary.

О существовании зороастризма на территории Южного Приаралья свидетельствуют многочисленные памятники материальной культуры, выявленные на обширной территории низовьев Амударьи и Сырдарьи. Из обрядов зороастризма наиболее специфическим является погребальный обряд. Чтобы не осквернять воду и землю разложением, труп тела умершего выставляется на специальном сооружений (дахма) на съедение диким животным, хищным птицам и солнцу. В качестве основных погребальных сооружений зороастрийцев выделяют: ката (помещение для временного хранения трупов умерших); дахма (место выставления трупов умерших), астодон (костехранилище, в качестве которого может выступать оссуарий.

В Южном Приаралье дахма известна на холме Чильпык, расположенного в северо-западном отроге Султануиздагского

* Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха E-maildjumashev@mail.ru

хребта. Высота холма около 35—40 м., сложенного желтыми песчаниками и материковой глиной. [Манылов, 1981, с.51]. В плане сооружение имеет форму незамкнутого, немного сплюснутого круга диаметром около 79 м. по линии восток—запад и 65 м. с севера на юг. Стены городища достигают высоты 15 м. и возведены из пахсовых блоков высотой 0,80—1,05 м. На верху холма совершенно отсутствуют сооружения, жилых построек, культурного слоя, бойниц, бруствера по краю стены, ничем не защищенный вход на памятник. По мнению С.П. Толстова, на высоком холме Чильпык была расположена дахма, что подтверждается находками многочисленных фрагментов оссуариев [Толстов,1948, с. 71]. Изнутри по всей окружности к стене примыкает пахсовый монолит шириной 3 м. и высотой 2,3 м., поставленный поверх глины и песка. К нему примыкают указанные радиальные стенки.

Вдоль стен находится 10- 12 метровая забутовка, которая изолировала от земли трупы, помещенные на вершине, что соответствует предписаниям ортодоксального зороастризма [Манылов, 1981, с.55]. Площадка по периметру была обведена желобом, по-видимому, предназначенным для отвода дождевых вод и предотвращению чистых стихий от осквернения. Между стеной и пахсовым монолитом на поверхности расположены керамические желоба. Желоба П-образной в сечении формы. Длина одного из них — 77,8 см., высота— 9,5 см., ширина—16,2—18,5 см. С западной стороны находился вход в сооружение. Длина входа — 13,5 м., ширина около—4 м., Между ограничивающими его с севера и юга стенами под слоем завала и кирпичной закладки обнаружена лестница из сырцового кирпича высокого качества. В промежутке между стенами вскрыто 16 ступеней. Три хорошо сохранившиеся ступени, открытые в начале лестницы, вытоптаны очень мало. Перед первой найдены остатки глинобитного пандуса длиной 1,25 м. В Хорезме впервые обнаружена столь длинная лестница. Небольшие двухмаршевые лестницы известны на Койкрылганкале. Этопологий пандус, который затем переходил в лестницу (Сохранилось 75 ступеней лестницы. Общая длина марша — около 20 м.). [Ягодин, Никитин, Кошеленко, 1985, с.332]. Расположение дахмы на высоком, отдельно стоящем холме также отвечало Видевдату, согласно которому умерших зороастрийцев нужно поместить на вершине горы или на дахме. В религиозно-догматических зороастрийских текстах горы — это путь с земли в небесную сферу, в места обитания

богов. Захоронения в оссуариях на горах и на самых высоких возвышенностях объясняются, вероятно, желанием приблизить их к солнцу. В Хорезме, как это установлено исследованиями А.Рапопорта, особо почиталось солнце, культ которого был связан с культом умерших. [Рапопорт 1962, № 4.с.31)

Близ селения Мангыт в Хорезме расположен оссуарный могильник Куба-тау. На холме находится современное мусульманское кладбище. Выявить конструкцию могильника удалось лишь на небольшом участке, свободном от современных могил. Слой глины, смешанный с навозом, был положен на каменистый грунт, а выше – три слоя сырцовых кирпичей. Канавка шириной 30 см. была проделана между западной стеной и кирпичами субструкции пола. Перпендикулярно им проходил желобок, ширина и глубина которого 10 см. Стенки канавки были опалены, в заполнении встречались угольки и зола. По предположению Ю.А.Рапопорта, канавка-лоток была дренажной или являлась отопительным каналом, а желобки, идущие от него, являлись продухами, отводившими нагретый воздух [Рапопорт, 1971, с.98]. Такая конструкция противоречит предположению, что оссуарные захоронения сделаны в руинах жилого или оборонительного сооружения. По-видимому, развалины Куба-тау являлись дахмой. Сооружение использовалось довольно долго, т.к. оссуарии лежали на слое в 25 см., образованном мусором и комками разрушенных кирпичей, а некоторые сосуды лежали поверх костей. Оссуарии дают характерную афригидскую форму VII-VIII вв. н.э. [Мейтарчиян, 1999, с. 57].

В 2005-2006 гг. к северу от караван-сарая Мешекли раскапывалась группа погребальных сооружений [Баратов, 2006, с. 47-55; Баратов и др., 2009, с. 44 и далее]. Среди изучавшихся объектов выделялось сооружение №1. Расчистками была выявлена сильно оплывшая и выветренная конструкция, сложенная сырцовым кирпичом с размерами 40х40х10(12) и 41х41х12 (см.). Она представляет собой квадратную в плане «платформу» с размерами 560х540 (см.), углами ориентированную по сторонам света. Сохранившаяся высота «платформы» – 130 см. По периметру она заключена в кольцо каменной кладки шириной 200-220 см., сложенной на глиняном растворе, которое придавало всему сооружению вид округлой в плане конструкции, диаметром 10 м. Было установлено, что каменная обкладка «платформы» с двух сторон скрывает в себе 2 диаметрально расположенные ямы овальной в плане формы

с размерами 120х60 см. К каждой яме примыкает узкая камера, шириной 30 и длиной 240 (см.), сложенная из дикого камня без скрепляющего раствора. Уровень полов камер располагался выше уровня древней дневной поверхности, и был вымощен камнем.

В ямах были найдены фрагменты керамических сосудов III- I вв. до н.э. и V-VIII вв. н.э. [Баратов и др., 2009, с. 45-47]. Анализ конструктивных элементов исследованного сооружения, методов и приемов строительства позволяют предполагать, что оно могло служить дахмой. Обнаруженные ямы могли использоваться в качестве «колодцев», в которые сбрасывался саван выставлявшегося покойника. Две узкие каменные камеры напоминают каменные «ката», описанные в Видевдате, в которые могли помещать тела покойников, умерших в период года, недозволенный для выставления трупов.

Джумард кассаб находится на территории древнего некрополя Миздахкана, представляет собой курганнобразного бугор длиной 90 м., шириной 60 м., высота 8 м. (Ягодин, Ходжаев 1970.). 1987 году в результате стратиграфического раскопки установлен, что в оснований его имеется древний бугор диаметром около 20 м., высота 4 м., на котором впоследствии в IX - XIV вв. образован искусственная земляная высыпь высотой 4 м. Древний бугор некогда находился в середине обширной ограды прямоугольной в плане, размером около 37х28 м. Частично сохранившая его стена возведена из обработанных песчаных плит. Толщина стен 06-08 м., высота 04-08 м. Ассуарные находки II-III вв. не исключают возможность использования его в качестве святилищ посвященный Говмарду, или дахмы. (Хожаниязов, Юсупов, Хакимниязов 2001, с.91-92)

Возвышенность Крантау состоит из трех больших останцевых холмов, вытянутых вдоль Амударьи на 4 км. Кран кала расположен на высокой точке северной оконечности Южного холма составляет около 2 га. Объект с юга и юго-востока обнесен стеной и предположительно рвом, остальные стороны ограничены естественными обрывами возвышенности. По мнении исследователя Кран кала имеет общие черты с общеизвестной дахмой I в.н.э. Чилпык, обоих их планировка приспособлена к рельефу возвышенности, внутри не обнаружены какие либо постройки жилого характера. Все это дает основание предполагать о том, что в древности, возможно в раннее средневековье Крантау кала являлась священным местом с погребальным культом зороастрийцев-дахма. (Археология

Приаралья, вып. VII, 2008, Хожаниязов, Амиров 2001, с. 92-93).

Зороастрийскими храмами являются одна из интересных страниц истории центрально-азиатской архитектуры. Согласно культовым требованиям этой религии, в храмах были предусмотрены специальные алтари для поддержания вечного огня - таштаки, или атешкады.

В последние годы исследования в этой области накоплена информация о целом ряде храмовых сооружений различного типа: Елхарас-храм связанный с культом водного божества (Амударьи), Калалы-гыр 2 – крупный культовый центр Левобережного Хорезма, Кой-крылган-кала – храм-обсерватория, сооружения, связанные с культом огня на городищах Большой Айбугир, Топрак-кала и Джанбас-кала, Таш-кырман-тепе, Казаклы-яткан-кала (Акшахан) и др. (Толстов 1948, 1962, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. IV. М. 1964. т. XII, М. 1981, Мамбетуллаев, 1990, Ягодин В.Н., Беттс А., 2007,108-112).

В результате археологических работ в Южном Приаралье, к настоящему времени, учтены около 60 мест находок погребений в оссуариях, десятки оссуарные могильники (Хожаниязов. 2013,с. 161). Изучены многочисленные оссуарные могильники, в частности, Калалыгыр 1, Кубатау, Большой Айбуйир кала, Куня Уаз, Кят Шаватский (VII-VIII вв.н.э.), Миздахкан, Ток кала, Куюк кала, Бутентау 2, Шаих Жалил и Беш тобе, Крантау и Порлытау и т.д. Могильники обычно располагались отдельно от населенных пунктов на многочисленных искусственных и естественных нишах и на склонах Султануиздага (Бурлы 3, Шайх Жалил баба и др.); на возвышенностях (Миздахкан, некрополь Куюк кала, Ток кала, Бештюбе (датируется II-IV вв.н.э.), Крантау, Кусханатау, Порлытау. Иногда некоторые древние и раннесредневековые памятники впоследствии частично были превращены на зороастрийской некрополь (Кырккыз кала (Большой), Базар кала, Топрак кала, Беркут кала, Адамли кала, Калалыгыр I, Куня Уаз, Топрак кала, Кузыкрылган 2, замки №5, №36 и №58 в Беркуткалинском оазисе и др.) (Хожаниязов, 2013 с.161-163). В годы независимости, во время археологических исследованиях впервые найдены оссуарий на территории городища Крантау (2000), Порлытау (2002), Кара тепе (2008) и Акшахан кала (2010). (Хожанияхов, Хакимниязов, 2013, с. 277-279).

Хорезмийские оссуарии, как известно, нередко воспроизводили реальные формы до арабской местной

архитектуры, повторяя не только отдельные детали-арки, колонны, двери и т.п., - но и общий композиционный облик сооружений. Наличие на оссуариях определенных мотивов и атрибутов позволяет видеть в них воспроизведение не жилых домов, а культовых зданий, связанных с погребальным ритуалом. Многие хорезмийские оссуарии имитируют формы однокупольных построек с арочным входом, который нередко выделен возвышенным порталом, увенчанным зубчатым парапетом. Эта основания реальная архитектурная композиция, несомненно, передает конкретный облик неких архитектурных сооружений. В целом, погребальный оссурный обряд на протяжении не менее десяти столетий господствовали в среднеазиатском междуречье, получая распространения не только среди земледельцев, но и среди кочевого мира региона.

ЛИТЕРАТУРА

Манылов Ю.П. Новые данные о погребальном обряде Хорезма первых веков нашей эры // Археологические исследования в Каракалпакии. «ФАН» Ташкент, 1981.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. Издательство МГУ. М., 1948.

Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А. Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М. 1985.

Рапопорт Ю. А. Хорезмийские астоданы.— СЭ, 1962, №4.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. V, М. 1971.

Мейтарчиян М.В. Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999 «ИВ РАН».

Баратов С.Р. Археологические исследования на Юге Хорезма в 2004-2005годах // Археологические исследования в Узбекистане в 2004-2005 годы. Вып. 5. Ташкент, «ФАН». 2006.

Баратов С.Р., Рахманов У., Лушпенко О.Н., Юсупов Н., Муродова Д.Х., Садуллаев Б.П., Матрасулов С.Ш., Машарипов Э. Археологические исследования на территории южного Хорезма в 2006 и 2007 годах // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 6. Ташкент, «ФАН. 2009.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, «ФАН». 1970.

ХожаниязовГ.,Юсупов Н. Хакимниязов Ж.Х. Джумард кассаб – памятник зороастризма. «Авесто» -Урто Осие халклари маданияти тарихи» материалы республиканского научно - практического конференцы. (27-28 апреля 2001 г.) Нукус-Хива-2001.

Археология Приаралья. Вып. VII. Ташкент, 2008.

Хожаниязов Г., Амиров Ш. Оссуарный некрополь на возвышенности Крантау. «Авесто» -Урто Осие халклари маданияти тарихи» материалы республиканского научно - практического конференцы. (27-28 апреля 2001 г.) Нукус-Хива-2001.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. «Наука»,М. 1962.

Кой-крылган-кала памятник культуры Древнего Хорезма. (IV в. до н.э.-V в.н.д.)

// Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. IV. М. 1964.
Городище Топрак-кала // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. XII, М. 1981.
Ягодин В.Н.,Веттс А.В.Г. Древний Тащкырманский оазис Казаклы-яткан, Ташкырман-тепе. «Приаралья на перекрестке культур», «Археология древности
Ташкырманского оазиса» посвященного100-летия со дня рождения выдающегося исследователя центральной Азии С.П.Толстова Нукус-Бустон-Беруни, 2-4 сентября 2007.
Мамбетуллаев М. Городище Большая Айбуйир - кала (раскопки 1976 - 1977 и 1981 гг.) //Археология Приаралья вып. IV. Ташкент. 1990
Хожаниязов Г. Проблемы исторической географии археологических памятников зороастризма в среднеазиатском междуречье (на материале оссуарные находок в Южном Приаралье). Материалы республиканского научно – практического конференции. Нукус.2013
Хожаниязов Г., Хакимниязов Ж. К исторической топографии археологических памятников зороастризма в среднеазиатском междуречье (на материалеассуарных находок Южном Приаралья). Марказий Осие халклари тарихи манбашунослиги ва тарихнавислиги масалалари. Республика 5-илмий коференцияси материаллари. Т., 2013.

HISTORICAL CONCEPTIONS OF THE ANCIENT TURKS

Jafarov Nizami Gulu oglu*

ABSTRACT:

Researches show that, the ancient Turks rich historical conceptions. Those conceptions show themselves, mainly in three paradigms:

1) mythological;
2) epic:
3) realist-practical.

The ancient Turkish historical sources usually distinguish by one type of these paradigms or historical conceptions. But the others may be the second or the third grade.

Historical thought of the ancient Turks is religious-metaphysical (philosophical) in the first case, artistic-aesthetic in the second case but political-ideological in the third case.

KEY WORDS: The ancient Turks, historical conceptions, mythological, epic, realist-practical.

Speaking about the ancient Turks it's said that, they create history more than to write… Notwithstanding that, the Turks don't

* The Doctor of Philological Sciences, professor, the corresponding member of the Azerbaijan National Academy of Sciences, the director of Ataturk Center in Azerbaijan

write history in the appropriate level the existence of their perfect historical thoughts don't create doubt in no case. [See: The Great Turkish Classics: dateless, 3-10; Jafarov: 2007, 5-6].

However, the ancient Turkish historical sources show that, the Turks had a humble (and wise!) historical thought.

[See: Jafarov: 2015, 81-82].

Historical thought of the ancient Turks demonstrates itself at least in three forms of manifestations (paradigm). The first of them is the mythological manifestation.

For example:

"Yet there was nothing. There were only Gog Black khan and Water.

When Black khan missed from loneliness and thought what to do Water waved. White mother appeared. She said to Black khan: "create!" and again fell into the Water. Black khan created the Man. Black khan and the Man fled over the Water as two black geese…

But the Man wasn't satisfied with his condition. He wanted to fly higher than Black khan. When Black khan was aware of this he took away the Man's ability to fly. And the Man fell into the Water endlessly. He drowned… He was regretted for his behavior and apologized. God Black khan ordered the Man to get out of the Water.

…When the Man sew the land o the palm upon the Water God Black khan ordered the land: "grow!". And this growing land became the World"… (The epic of creation).

Mythological manifestation of historical thought encloses three main (fundamental) themes:

1) the creation of the world (universe);
2) the creation of the human being (humanity);
3) the creation of the Turkish ethnic group.

As it seems, here we speak about mythological-mystical conceptions.

The second form of the historical thought of the ancient Turks is the epic manifestation.

For example:

"When Iskander moved over Samarkand and wanted to occupy the Turkic lands the Turkish emperor was a young by name Water. He had a big army.

… The king's heart was at easy. Because he sent the intelligence officers to watch Iskender's actions.

…When he was asked: "what should we do? Should we begin the fight or not?". He showed the pool with confidence and said indifferently: "look at these geese and ducks, how well they swim".

The people saw that, the king was ready neither to fight nor run.

…When Iskender went the Water came back. He came to Balasagun and created a city called Shu"… (The epic of Shu).

Historical thought creates mainly the following images in these forms of manifestation:

1) the image of the ruler (khagan);
2) the image of the Turkish state (land);
3) the image of the Turkish people.

The third form of historical thought of the ancient Turks is the realist-practical manifestation.

For example:

"I'm Bilge Tonyukuk. I was born in China. The Turkish people obeyed China. The Turkish people parted from China for not having their own khan and became the owner.

They left their khan and again obeyed China. God said: "I gave you the khan but again you left and obeyed… The Turkish people died and disappeared…

Those living in the forest gathered together and became seven hundred people. Two were cavalries but one was infantry. The elder leading seven hundred people was called "Shad". He said: "Be a vizier". And I was a vizier"… (Tonyukuk monument).

Concrete historical names, geography numbers reflects in such texts and demonstrate political-ideological position.

When French turkologist Louis Bazen spoke about the historical concept of the Central Asian Turks mainly he remained on this paradigm in the 8th century.

And he writes: "As a result it seems to us that, the ancient Turkish written monuments of Mongolia deal with the period about the creation of the historical consciousness in the nomads of the East. Those nomads had remained beyond the great sedentary civilization for a long time… A man, individum stands in the middle of history and his life continues in the chronological frameworks" [See: Bazen 1986: 358].

Respecting a prominent turkologist's opinion we should note that, it isn't so right. Because as we noted historical conceptions of the Central Asian Turks existed and passed different development periods before being in contact with the great sedentary civilization. But it's true that, contacts with China put influence on the evolution of that consciousness from abstraction towards concreteness and specification (internationalization) of the chronology.

If historical thought has both mythological, epic and realistic-practical manifestation in one source, one of them is the superior

or leading one but the other is of "quote" character. But this "quote" or "quotes" are the integral informative (philosophical-metaphysical!) components of the total text.

For example:

"When the blue sky created upstairs and black ground created downstairs a human being was born between them. Bumin khagan and Istemi khagan led the human being. When they led them they created and defended the state (laws) of the Turkish people… Four sides surrounded by enemies. They attacked the people from four sides and resigned.

They made those having heads bow and those having knees kneel" (Kul Tigin monument).

History begins from mythology, then passes to epos and becomes concrete in the text.

So, historical thought of the ancient Turks is religious-metaphysical (philosophical) in the first case, artistic-aesthetic in the second case but political-ideological in the third case.

In all three cases it's historical… And this history continues in "Mangu El" (as in the Kazakhs) ideal of all Turkish people in the Modern level [See: Kidirali: 2015: 315-327].

BIBLIOGRAPHY

Л. Базен. Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII в. - Зарубежная тюркология, выпуск I, Древные тюркские языки и литературы, Москва, изд. «Наука», 1986, с. 345- 360.

Büyük Türk Klasikleri, Ötüken- Sögüt, I c. (tarihsiz).

Cəfərov N. Seçilmiş əsərləri (beş cilddə), üçüncü cild, Bakı, "Elm" nəş., 2007

Jafarov N. The Modern Problems of Turkology. – Baku: "Türkologiya" jurnalı, Bakı, 2015, № 3, 81-96.

Kıdırəli D. Mənqi Elin (Əbədi Elin) idealı – Türk dünyasının istinadgahı. – Qazax xanlığı (mənbəyi, ənənəsi və iris), Bakı, 2015, s.315-327.

UNVESTIGATION CULTURES CATTLE-BREEDING TRIBES OF THE BRONZE IN NORTH BAKTRIYA

Karimova Dilafruz*

ABSTRACT:

This article discovers the special forms of the cattle-breeding tribes of the bronze in North Baktriya. Central Asia in epoch of bronze was shown by zone con-

* TSPU named after Nizami Tashkent, Uzbekistan

tact, of the separate groups of the population and cultural exchange between tribes agriculturialand steppe circle of the cultures.

KEY WORDS: North Baktriya, ceramic, amulet, tribe, cattle-breeding

The first casual discoveries, referring the epoch of bronze were found in 40e years on the territory of South Tadjikistan. The monuments, referring this period were studied in Beshkent city by A.M. Mandelshtam in 1955y [Мандельштам 1968].

In 60e years more careful and deep study of the territory of the rivers Vahsh and Kizilsu was began under the direction of B.A. Litvinskiy. Litvinskiy said that founding discoveries remains to culture of Vahsha. The main group of discoveries has got the name from its site [Литвинский 1964: 158].

In 1965 and 1970 years S.M. Kirov began the study a stop in Burial mound Tyube. And in 70 years he has having continued their own studies in valley of Beshkent (on lower current yard of Kafirnigan). Found in grave remains he has fixed to economic type parking the valley Nurek and Gissar. In 80 years he began the studies of two stops, referring to epoch of bronze - Teguzak and Kangurttut.

The Practice of the fabrication copper, but then bronze litho has caused for itself division of labor; about specialization master in described time witness also skilful processing stone and variety of the high-quality dishes, made on potter's wheels and burnt in large stove with well controlled warm-up cut. About stable people on one and the same place speaks not only significant height of the hills, formed on place of the settlings, but also nature most construction; instead of sleazy hovels and awning appeared clay, but then and brick buildings, but sanctuary from reed and mats finally changed in majestic stone temples.

All aforesaid pertains to period of late bronze. However, on territory of South Tadzhikistan are not yet found before present-day day monuments early and developed bronze. The founded monuments witness that on territory of South Tadzhikistan at the end of the second millennium before our era existed cattle-breeding and sedentary tribes, and were they very interconnected between itself. Accordingly, this has rendered the big influence upon their genesis. In the second half of the second millennium before our era greater change existed in the centre of the husbandry on territory Ancient Baktriya. On border south of Tadzhikistan existed not very seminal land. These land were considered rainfad, rich fordzhaylau, and eventually, favourable for winter pasture. Else one positive side was considered by that summer riverbed yard run along valley. And

this promoted the more efficient development of the husbandry and cattle breeding. Follows here to note that tribes begin to conduct the actions on digging pasture. The scientist select two ancient cattle-breeding cultures - Vaxsh and Beshkent. In the opinion of Litvinskiy genetic origin of local tribe is connected with these ethnoculturialrelationship on territory of Ancient Baktriya.

At the end of the second millennium before our era in steeped parts of the territory of the North Baktriya penetrate the elements of eurasiancultures. These tribes were situated on the whole territory of South Tadzhikistan practically. The founded monuments witness about this.

The steepe tribes have quietly begun to master the local traditions and custom sedentary and cattle-breeding. Stands out several social layers of the population, which corresponded to the types dwelling buildings, differentiated depending on property position of the members society. And if waistcoat and production building quarter handicraftsman chaotic and unordered then in quarter know; aware network is subordinated correct breakdown, stand out and dwellings of this quarter square-wave size and clear planning. Receiving the building technology practically remain former -an oblong product in its raw state and beam (sometimes vaulted) of the overlapping. The temple building reforms on Altyndepe (step tower) - increases his(its) height and area. For front facade to towers was found big building with suite of the rooms on long corridor. One of the rooms was shown sanctuary, in she was found also containers for ritual libations. The small altar was situated beside wall from tree. Here they were discovered multiple embellishment: silver plagues, beads from gild, lapis lazuli and rock crystal, mosaic plate [Пьянкова 1986: 39-45].

Hereunder, they have contributed the greater innovation in cultural, ethnic of the sphere to activity. Begin be changed external look cattle-breeding tribes, became changed material culture. In total this has brought about increase cultural monument several tribes.

Thereby, on territory of the South Tadzhikistan such situation existed in epoch bronze. However, external look was got little matted. He has occurred the mergings of the cultures sedentary cattle-breeding tribes. These change did not concern the mountain region and valleys of the territory of the South Tadzhikistan. Here scientist observable remaining phenomenasneolitepoche, referring to Gissar's culture.

The V.A. Ranov and G.F. Korobkova have referred this settling to the third millennium before our era [Ранов, Коробкова

1971:146.]. On result radiocarbon analysis and refer him(it) to culture Kulikurt Ak Tango (North Tadzhikistan). Here, the scientist has selected three cultural layers [Романова, Семенцов, Тимофеев 1972: 58]. Meet here elements of the bronze culture, and in one of the layers have found one of the component Kayrakumovsk cultures [Литвинский, Окладников, Ранов 1962: 43; Ранов 1963: 25].

The scientist conducted studies after 1980 years on territory of the South Tadzhikistan came to one opinion that before receipts euroasion tribe on this territory existed Gissarsneolithic culture.

N.M. Vinogradova has elaborated the exact site each of layers of the epoch Kangurttut in husbandry. Here, were a founded under-stratums Gissarsk cultures, referring to epoch of late bronze, where were found clay remains, belonged to population of Teguzak [Ранов, Филимонова 2008: 26]. Coming from real discovery, possible draw a conclusion that before receipts on territory of the south - west Tadzhikistan on the one hand Andronovo cultures, Sapalli tribes on the other hand and Dashli here lived the population angissars kcultures. The tribes of gissar'scultures can not disappear itself [Литвинский, Окладников, Ранов 1962: 25].

About development of the economy and directly facilities of the gissars tribes are made thesis conclusions by G.F. Korobkova [Виноградова 1984: 75]. She notes that here begins the breeding of the small horned live-stock that has hereinafter brought about more efficient development cattle breeding. This and becomes the chief businesses tribes. Abreast, the cultures of Vahshaoccupied the monuments Vahsh 1, Tiger Beem, Oykul, ZHarkul, located on Makominore - Kizilsune.

The more detailed study of the territory begins from 1983 year. As a result which was revealled that monuments Vahsh pertain to this territory and Panzha. Hereinafter this has brought about appearance of the new name yard - Amudariya. Here, the different sort embellishment were found, products from clay [Ранов, Коробкова 1971: 146.; Коробкова 1973: 210]. It was proved, in epoch of bronze in work potter is included potter's wheel, becomes complicated the row of the technological processes of the fabrication to ceramic product that in o lot has defined mutating the forms container and has raised the quality a product [Юсупов 1975: 146]. Probably, with entering the potter's wheel, as well as with process of the execution in specialized workshops big amount required ceramic product is bound gradual degratation, but then disappearance of the painted ceramics. The potter was made dishes most different types and sizes from tiny pitcher and goblet before greater hums. Emphases is add-

ed beauty dish forms themselves. In Altyndepe, for instance, open quarter, where veins and worked the potters. Probably, this was a potter's workshop, with than witnesses presence of the production marriage, potter's bugles (moreover bunk), as well as complex clay product, prepared to burning.

In comparison with potter's metallurgical production several lags in its development. However, existed the copper workshops, produced varied product - from copper needles and signets, before dagger. Mining and processing the metal were got not easily, they cherished, and subjects, received in badness, as a rule, put in remelting.

Saves certain importance flint industry, but gradually metal displaces the flint in instrument of the labour, later - in weapon. From stone are as before made such instruments of the labour, as mortars, pestles, chimes etc., embellishment, as well as the beautiful dishes. Broadly, the textile craft was developed.

On base of bronze, but then silver and gild arises the jewelry art and by the end of bronze age it appears already as mature skill. The Master-jeweller are made embellishment, culturial subjects. All this enabled to divide the development a facilities on two types: each of which characterized its influence upon site discovery. To discovery of the culture Vahsha possible to refer the kitchen instruments, instruments of the everyday life, products of the round cylindrical form [Пьянкова 1986: 42].

Exists one more culture, referring to cattle-breeding tribes - Beshkent, located riverside Kafirnigan. This territory carefully and detailed studied by A.M. Mandelshtam. To culture Beshkenta he carried monument Old Tulihar, where was later found 75 burials.

The Big interest present ancient burials on settling. The Device of the graves basically were produced under one of the sewer of the premiseses, there are and catacombs, settled down under floor of the rooms and under powerful wall. Meet burials in container and in wall themselves. The Baby burials were realized in small pit solely. The Burials adult have an united orientation in writhed position on side. The Men lay with bent knee on right side, but women(woman) on lion. Around they put the stone in three rows. Meet collective burials and even burials animal. Nearly all graves to good safety (did not be subjected to the destructions and robberies). The Rich accompanying stock by basically ceramics, as well as product from metal, stone, skins, tree, straw. However in baby burials funeral stock nearly is absent [Пьянкова 1986: 43].

The Form burial has a correct angular form or meeting stone in

clear sequence. Also knives were found in two burials of the culture felling. However, in Vahshi culture all 70 % discovery formed the clay products. The big interest present bronze and silver seal. This is a small subjects by handle and broad base, intended for a print on plastic material. The appearance of such seal, probably, is connected with appearance of the institute to property - while not yet personal, but public, large family though is not denied and relationship of the scenes on seal with religious-mistical presentations, which very become complicated in this period. That and others in lot similar to seal Mesopotamy form and stiletto of the scenes, in which seen place occupy the real animals and fantastic essence [Кияткина 1976: 15-18]. Originally scenes were single (the snake, geometric signs, scene of the moon), gradually symbology of the seal becomes complicated and dominate the group scenes, where on animal attack the snake, dragons, appears and figure of the person with two animal on sides.

For cproplastic of the epoch of early bronze typical image new type feminine deity. Figures are executed in conditionally stiletto, when from broad, compacted clay small cake is formed frontal unrolled silhouette, only remote reminiscent feminine figure. Big attention is spared development of the head, where specifically stand out large, which as it were pursue the hypnotizing glance, detailed is studied carefully hairstyle, embellishment on neck [Каримова 2012: 149-154]. But torso at most agreed-upon, hands with undeveloped cyst are placed in sides, broad hip move over to the general lengthened triangle of the united legs. Meet the single copies male figured with clearly emphasized sexual sign or without them executed, unlike feminine figured, in realistic-three-dementional stiletto [Пьянкова 1986: 43].

During studies of the monument Beshkent on territory of the Baktriya was not a person opening. So Mandelshtam has noted that these all metallic and clay discoveries pertain to Margiane and South Turkmenistan. The Base all constitute the products of metal. Here too was explored burial. Burial consists of grunt burials. Trupopolozhenie writhed moreover skeletons of the mans are found on lion side, but womans - on right. The study of burials, orientation skeleton, complex of the funeral stock, particularities of the funeral ritual, being indicative of different kinds of burials, has allowed to reveal three hronologicstage: djarkutan, kuzalin and mollallin, as well as track the particularities social-economic development of the communes ancient tiller second half II thous. before n e. Are present the stone instruments of the labour (the mortars, pestles, hammers) and weapon (the ferrules of the darts, kernel for sling).

The Much material is presented by decorations from stone, bronze and bones (beads, amulets, lavalieres, earrings, bracelets, mirrors, brads, stickpins etc.). The significant progress exists In potter's production of djarkutanstage, in the field of organizations of the labour particularly, abetting mass organized production to ceramic product. The Potter's stove focused in separate quarter. On measure of increasing level production and expansions of the demand are improved and increase in volume ceramic stove (the bunk round glazing and oval camera). Such large powered specialized production was connected with professional organization of the labour and final motivation of the craft. Possible that made in potter's stove product in this period not only provided the internal demand of the population, but also went on external "market".

Stood out and anthropological type of the external look of the person Old Tulhar. On conclusion of the studies T.P. Kiyatkinoy, their look similar to medeteriantype. Hodzhaev has compared with different conclusions anthropological material and came to conclusion that look of the person early Tulhara was other - he had mortal form of the head and long neck.

Aside from cultureof Beshkent, the remains Old Tulihar were found and on the other territory. On conclusion stratigrafic layer has here played the role Andronov's cultures. In burials 63 and 64 were a founded skeletons sample Andronov's cattle breeder. This is connected with religious beliefs. The Ithaca, the most high rate in epoch of bronze developed agriculturial culture of the south Tadzhikistan. The Bronze age here accounts for III-II thous. BC. On this territory goes the development to industry of bronze, is improved system irrigation for plowing is used taxed live-stock and on change of hoe husbandry comes the husbandry of the more progressive type - plowed [Виноградова 2000: 89]. The ancient civilizations are Formed with little cities in the manner of "mikrodistrict" length in 5 km, forms the institute an authorities, ceramic, weaver's, building production moreover their specialization enough is clearly tracked [Виноградова 2004: 62]. Are composed of acceptance of monumental architectures, high perfection reaches the ceramics, lasts the development of the ornament, terra-cotta sculpture, jewelry deal.

Also on territory of the south west Tadzhikistan in region monument Tandirguli and Zarkomar have found the elements of the culture Sapalli.

The Ceramic complex of sappalinsstage is presented basically by forms, made on potter's wheels and only small part (the kitchen dishes) is made by technology of the manual modeling. The Contain-

ers well burnt and have red or rose colour. With the exclusion of single fragment, the whole ceramics without ornament [Виноградова, Пьянкова 1983: рис 1, 22]. The Complex is presented by broad range of the forms: vases and cup on high drumstick, pot, teapots without handle, pitchers, tureens of the chalice with discharge circle forms, flat guard;keep in the manner of tray etc. The Whole ceramics high quality: fine, graceful, graceful, light. There are containers, made from tree, skins, straw, stone, metal and horn.

For sapallins stage characteristic of prevalence rich feminine burials that is indicative of survival of the matriarchy [Антонова, Виноградова 1979: 9]. On Cuzalline and Mollallin estage exists the gradual association feminine burials, decreases and amount of the funeral stock under parallel enrichment male burials. On Kuzulin stage in male grave sharply increases the number a product from metal that is indicative of fortification of the position of the mans in society. However, gradually metallic products, particularly instruments of the labour and weapon, are changed imitation. And already on mollallinstage metallic products are completely displaced basically subject. Probably, with development society grows and need for metallic product so authentic bronze subjects in burial are changed for the reason symbolic observance of the traditional funeral ritual.

Thereby, Central Asia in epoch of bronze was shown by zone contact, of the separate groups of the population and cultural exchange between tribes agriculturialand steppe circle of the cultures.

BIBLIOGRAPHY

Антонова Е.В., Виноградова Н.М. О летних и осенних разведках в Регарском районе а 1974 г. – АРТ, вып. XIV, 1979.

Коробкова Г.Ф. К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии. – В кн.: Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых археологических исследований 1972 года. – Ташкент, 1973.

Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1976.

Каримова Д. Шимолий Бактрия чорвадор қабилалар маданияти жамоаларида дафн маросимлари. // “Ўзбекистон тарихининг муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида” мавзусида бўлиб ўтган ёш олимлар конференцияси. ЎзРФА Археология институти. – Самарқанд. 2012.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. – Труды Института истории им А.Дониша АН Тадж, т. 33, 1962.

Литвинчкий Б.А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). – В кн.: Индия в древности. М.: Наука., 1964.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – Материалы и исследования по археологии (МИА), № 145, 1968.

Пьянкова Л.Т. Бронзовы век Южного Таджикистана. Известия. 1986.
Ранов В.А. Каменный век Таджикистана: Обобщающий доклад к работам, представленным к защите на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Душанбе, 1963.
Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссерской культуры в Южном Таджикистане. – СА № 2. 1971.
Ранов В.А. Истоки, внешние влияния и внутреннее развитие гиссарской культуры. – В кн.: Древнейшие культуры Бактрии: Тезисы первого советско-французского симпозиума «Археология древнейшей Бактрии». – Душанбе: Дониш, 1982.
Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Гиссарской культуры и неолитическое слои поселения Кангурттут (К проблеме финального этапа гиссарской культуры). Сб. «Памятники Кангурттута в юго-западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзого века)». М., ИВ РАН, 2008.
Романова Е.Н., Семенцов А.А., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА АН СССР – УСА, вып. II, 1972.
Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Работы в Гиссерской долине в 1977 г. – АРТ, вып. XVII, 1983.
Виноградова Н.М. Отчёт о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978 г). – АРТ, вып. XVIII, 1984.
Виноградова Н.М. Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы. // «Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии». Москва, 2000.
Виноградова Н.М. Юго-западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
Юсупов А. Неолитическое поселение Сай-Сайёд на юго-западе Таджикистана. – СА, 1975.

AZƏRBAYCANDA İLKİN SİVİLİZASİYA: TARİX VƏ MÜASİRLİK

Həbibbəyli İsa Əkbər oğlu*

Primary civilization in azerbaijan: history and modernity

ABSTRACT:
In the article is paid attention to the processes of primary civilization that Azerbaijan crossed in terms of history and modernity. The author has looked up more sources according to the sciences of literary criticism, history and ethnography, researched and procured scientific consequences. The work assumes importance in terms of researching of civilization phases that the Turkic world passed.

KEY WORDS: Civilization, Turkish, Azerbaijan, Noah predictor, world flood, Novruz

* Akademik, Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının vitse-prezidenti E-mail: habibbeylii@mail.ru

Məlum olduğu kimi, sivilizasiya hadisəsindən əsasən bəşər cəmiyyətinin müəyyən inkişaf mərhələsindəki xüsusi yüksəliş dövrü səviyyəsində bəhs etmək ənənəsi əsas prinsip kimi qəbul edilmişdir. Bununla belə, Nuh peyğəmbərin əfsanəvi səfəri, yəni insan nəslinin və canlıların Dünya tufanından xilas olması, yeni həyata başlaması bəşər cəmiyyətinin tarixində çox böyük hadisələrdən biri hesab olunur. Bu, özünün mahiyyətinə və əhəmiyyətinə görə sonrakı tarixi epoxalarda yaranmış sivilizasiyaların hər hansı birindən mühüm və əlamətdar hadisə idi. Məhz Nuh peyğəmbərin uzaqgörənliyi və müdrikliyi sayəsində bəşəriyyət Dünya tufanından xilas olmuş, yeni həyata başlamışdır. Bu, bayram tipli böyük təntənələrlə qeyd edilməsi zəruri olan qeyri-adi bir hadisə kimi qəbul edilməyə layiqdir. Fikrimizcə, yer kürəsinin çox hissəsini əhatə edən Novruz bayramı mərasimləri Dünya tufanından sonra həzrəti Nuh peyğəmbərin və onun nəslinin davamı vasitəsilə insanlığın yeni həyata başlamasının bayram edilməsindən ibarətdir. Bu bayram Yer üzərində yeni həyata, Dünya tufanından xilas olmağa, yeni sivilizasiyanın başlanmasına insanların şükranlıq və ümid duyğularını ifadə edən mərasimdir. Bizə görə Novruz sözü də Nuh hadisəsi ilə əlaqədardır. Belə düşünürük ki, Novruz ifadəsi Nuh-ruz sözündən yaranmışdır və mənası Nuh peyğəmbərlə başlanan gün, yeni həyat deməkdir. Məlum olduğu kimi, müxtəlif ölkələrdə Nuh sözünün ayrı-ayrı variantları da işlədilməkdədir. Beləliklə, Novruz sözü zaman-zaman Nuh-ruz, Noy-ruz, Nouruz şəklində dəyişərək indiki Novruz formasına düşmüşdür. Elmi qaynaqlarda da həzrəti Nuh peyğəmbərin gəmisinin yerə enməsi hadisəsinin xüsusi mərasim kimi sonralar qeyd edilməyə başlanan Novruz bayramı gününə təsadüf etdiyini, həmin günə uyğun gəldiyini təsdiq edən mülahizələr mövcuddur. Mənbələrdə deyilir: «Nuhun gəmisi Ağrı dağına qonduqdan sonra Nuh peyğəmbər Yer üzünün quruyub-qurumadığını öyrənmək üçün öncə bir qarğanı görəvləndirmişdir. Ancaq qarğa geri dönməmişdi. Daha sonra havaya uçurulan göyərçin bir müddət sonra ağzında bir dəfnə yarpağı ilə geri qayıtmağı bacarmışdı. Bu, həm torpağın quruduğunu, həm də baharın gəldiyini müJdələməkdəydi. Həzrəti Nuhun yerə ayaq basdığı gün Novruz idi» [1, 170].

Eyni mətləb Novruz bayramından söz açan digər mənbələrdə də öz əksini tapmışdır: «Nuhun gəmisi Novruz günü Ağrı dağında torpağa oturur» [2, Kaya 1996: 399].

Novruz bayramı üçün «gecə ilə gündüzün bərabərləşməsi astronomik vahid» [3, Həbibbəyli 1989] kimi qəbul edilmişdir. Bu bayram həm də yeni ilin başlandığı gün hesab olunur. Bütövlükdə

Novruz yeniləşmə, dirilik, canlanma, təzəlik mənalarını daşıyır. Ensiklopedik mənbələrdə Novruz sözünün mənası «ilin yeni, başlanğıc günü» kimi qeyd edilir [4, 140]. Deməli, Novruz dünyanın, həyatın yeni başlanğıcının bayram edilməsi deməkdir. Bu da öz növbəsində Dünya tufanı hadisəsi və ya Nuh əfsanəsi ilə üzvi surətdə səsləşir.

Bundan başqa, Türkiyə mənbələrində Nuhun tapşırığı əsasında göyərçinin dəfnə yarpağı gətirməsi ilə Dünya tufanının başa çatdığı öz əksini tapmışdır [5, 170]. Azərbaycan folklor materiallarında isə Nuh peyğəmbərin sifarişinin caynaqları palçığa bulaşmış qaranquş tərəfindən yerinə yetirildiyi qeyd olunur [6, 68-69]. Naxçıvan ərazisindəki Nuhun tufanı ilə bağlı olan 3906 metr ucalıqda olan Gəmiqaya yüksəkliyindəki Qaranquş yaylağı adlı yerin mövcud olması Qapıcıq dağı ətəklərində qədim əfsanədəki hadisəni yaşadan mühüm bir əlamətdir. Beləliklə, türk-müsəlman dünyası Nuh-ruz, Noy-ruz Novruz hadisəsini Novruz bayramı kimi böyük təntənə ilə qeyd etməyə başlamışdır. Mənbələrdən öyrənirik ki, Novruz bayramı Krımda Navrez [7, Yurdsevər 1973], Qərbi Trakya türklərində Nevris [8, Dədə 1978: 123], Çuvaşiyada Naurus [9, Rassonen 1950: 94], Qırğızıstanda Navruz [10, Turan 1990: 2] kimi adlandırılır. Bu isə o deməkdir ki, Nuhun gəmisinin yerə endiyi gün, yəni yeni sivilizasiyanın başlandığı gün min illərdir ki, ayrı-ayrı xalqlar tərəfindən bayram səviyyəsində qeyd olunur. Beləliklə, bizim fikrimizcə, Novruz bayramı yeni sivilizasiyanın, yeni həyatın başlanmasının təntənəsidir.

Azərbaycan tarixşünaslığında sivilizasiya hadisəsi kimi şəhər mədəniyyətinin tarixindən bəhs edən böyük bir elmi salnamə mövcuddur. Bununla belə, müşahidə olunan cəhət bundan ibarətdir ki, şəhər mədəniyyətindən bəhs edilərkən əsasən şəhərlərin artıq tanındığı, adlarının kitablara düşdüyü, mənbələrdə izləri qeyd olunan dövrlərindən bəhs edilmişdir. Beləliklə, boyalı qablar mədəniyyətinə qədər, keramika dövrünə qədər şəhərlərin salınması və keçdiyi ilkin formalaşma dövrü arxa planda qalmışdır. Azərbaycandakı Naxçıvan şəhərinin tarixindən bəhs edərkən də inkişaf etmiş şəhər mədəniyyətinə üstünlük verilmişdir. Bu mənada keçmiş sovet hakimiyyəti illərində Naxçıvanın boyalı qablara əsaslanan inkişaf etmiş dövrünün tədqiq edilib araşdırılması əsasında bu şəhərin 3500, bəzən də 4 min illik tarixə malik olmasının müəyyən olunması böyük tədqiqatların sayəsində meydana çıxan ciddi elmi nəticədir. Lakin fikrimizcə, Naxçıvanda ilkin şəhərsalmanın tarixi ilə boyalı qablar dövrünün inkişaf etmiş şəhər mədəniyyəti arasında min ildən çox məsafə vardır. Burada ilkin şəhərsalmanın tarixi ümumi şəkildə

şəhər mədəniyyəti adlandırılan dövrün tarixindən çox-çox qədimdir. Əgər Naxçıvanda inkişaf etmiş şəhər mədəniyyətinin 3500-4000 illik tarixə malik olması elmi şəkildə etiraf, yaxud təsdiq olunursa, onda bu ərazidə ilkin şəhərsalmanın ən azı 5 min il yaşı olduğunu düşünməyə əsas vardır.

Fikrimizcə, sivilizasiyaların qədim tarixin müəyyən edilməsində yalnız arxeologiya elminin gəldiyi nəticələrlə kifayətlənmək birtərəfli ola bilər. Tarixşünaslıq elmində qədim dövrlərin öyrənilməsində arxeologiya ilə yanaşı, digər elm sahələrinin, xüsusən də mifologiya və toponimikanın da imkanlarına istinad olunur. Bu baxımdan müstəqillik illərində Naxçıvanda Nuh peyğəmbərin əfsanəvi gəmisi və Dünya tufanı hadisəsi, habelə Nuh peyğəmbərin məzarı ətrafında mifologiya və toponimika ilə bağlı aparılmış araşdırmalar indiyədək arxeoloji tədqiqatların nəticəsində formalaşmış təsəvvürlərin daha da dərinləşdirilməsinə və genişləndirilməsinə imkan yaratmışdır.

Artıq elmdə belə bir fikir formalaşmışdır ki, Dünya tufanından sonra başlanan ilkin sivilizasiyanın əsas mərkəzlərindən biri də Naxçıvandır. Məlum olduğu kimi, sivilizasiyaya əsasən bəşəriyyətin xüsusi inkişaf mərhələlərində, keçid dövrlərində, dönüş məqamlarında baş verən mədəniyyət hadisəsi kimi baxılır. Ancaq bununla yanaşı, dünya elminin qəbul etdiyi bir arxaik sivilizasiya anlayışı da vardır. Arxaik sivilizasiya məfhumuna dünyanın yaranması, ilkin insan birliklərinin, iqtisadi-mədəni təsəvvürlərin formalaşması ilə bağlı hadisələr daxildir. Əslində arxaik sivilizasiya sonrakı bütün sivilizasiyaların təməlini, möhkəm bünövrəsini təşkil edir. Bu nəzəriyyə mədəniyyət tipli sivilizasiyaları qətiyyən inkar etmir, əksinə, böyük sivilizasiyalar üçün zəmin hazırlayır və onu tamamlayır. Nuh peyğəmbərin əfsanəvi gəmisinin uzun müddətdən sonra yerə enməsi, torpağa gəlib çatması, bu ərazinin Gəmiqaya adlandırılması, bəşəriyyətin ümumdünya daşqını kimi böyük bir fəlakətdən xilas olması və nəticədə Yer kürəsində həyatın yenidən başlanması kimi hadisələr arxaik-mifoloji kimi görünsə də mükəmməl sivilizasiya faktıdır.

Çoxsaylı tədqiqatlar nəticəsində məlum olmuşdur ki, yeni sivilizasiya Dünya tufanı hadisəsinin başa çatdığı vaxtdan və həzrəti Nuh peyğəmbərin gəmisinin torpağa endiyi yerdən başlanır. Həmin yerin hansı coğrafi məkana aid olması barədə müxtəlif versiyalar mövcuddur. Nuh peyğəmbərin əfsanəvi gəmisinin Altay dağlarında və Qafqazın ən uca zirvəsi sayılan Elbrus dağında yerə enməsinə dair rəvayətlər yaşamaqdadır. Lakin Həzrəti Nuh peyğəmbərin gəmisinin Türkiyə ərazisindəki Ağrı dağında qərar tutması versiyası daha geniş yayılmışdır. XIX əsrin əvvəllərindən etibarən Nuh

peyğəmbərin gəmisinin qalıqlarını tapmaq üçün dünyanın müxtəlif ölkələrindən Ağrı dağına ekspedisiyalar təşkil olunmaqda davam edir. Son dövrlərdə Türkiyə ərazisində yerləşən Cüdo dağında da axtarışlar aparılmışdır. Lakin hələlik bir çox ehtimallar meydana çıxsa da, konkret olaraq heç bir nəticə əldə olunmamışdır. XXI əsrin ilk illərindən başlayaraq Nuh peyğəmbərin gəmisinin Azərbaycanın ən qədim yaşayış məskənlərindən biri hesab olunan Naxçıvan ərazisindəki Gəmiqaya adlanan dağlıq ərazidə torpağa yenməsinə dair ehtimallar da diqqəti cəlb etməyə başlamışdır. İndiyədək Nuhun gəmisinə dair mənbələrdə bu hadisə ilə bağlı adı çəkilən Ağrıdağ və Cüdo dağı Türkiyə sərhədləri içərisində, Gəmiqaya isə Azərbaycana bağlı Naxçıvan ərazisində olsalar da çox da uzaq məsafələrdə yerləşmirlər. Yəni yeni sivilizasiyasının məkanı Anadolu torpaqlarındakı Ağrı dağı ilə Naxçıvandakı Gəmiqaya arasındakı ərazilərdir. Və yaxud, yeni sivilizasiyaya Ağrı dağ, Cüdo dağı və Gəmiqayadan biri şahidlik edir. Naxçıvan ərazisindəki Gəmiqaya, Haçadağ, Nuhdaban, Nuhəcir, Nuhram, Nürgüt, Nəsirvaz, Nəbi yurdu, Qapıcıq, Baca bulağı, Qaranquş yaylağı, Peyğəmbər ayağı, Dor gədiyi, Nuhçıxan və sair kimi çoxsaylı yer adları və həmin toponimlərlə bağlı əfsanə və rəvayətlər ***əfsanəvi Gəmi əhvala***tının Naxçıvanda baş verməsi ehtimalına ağırlıq qazandırır. Həm də Nax***çıvan***dakı folklor materiallarında və toponimlərdə təkcə Gəminin yerə enməsi deyil, bu prosesin hamısı: Qaranquş əhvalatı, dağın haçalanması – Haçadağ, Gəmiqaya, Nuhdaban, Nəbi yurdu, yəni həyat ümidinin başlandığı andan yerə enmə və məskunlaşma prosesinə qədərki bütün gedişat öz əksini tapmışdır.

Gəmiqaya Azərbaycanın ayrılmaz tərkib hissəsi olan Naxçıvan diyarının şimal-şərqində, Ordubad rayonu ərazisində yerləşən nəhəng bir dağdır. Hündürlüyü 3904 metr olan bu dağ Kiçik Qafqaz dağları silsiləsindəki ən uca zirvələrdən biridir. Gəmiqaya ərazisindəki ən hündür nöqtənin Qapıcıq adlandırılması da Nuhun gəmisi ilə əlaqələndirilə bilər. Həzrəti Nuh peyğəmbər məhz Gəmiqayadakı bu qapıdan ana torpağa ayaq basmışdır. Qapıcıq zirvəsi bəşəriyyətin yeni həyatına, sivilizasiyasına açılan qapıdır. Gəmiqaya adlanan ərazidə mindən çox qayaüstü rəsmlərin mövcud olması bu qədim abidənin Azərbaycandakı Qobustan mədəniyyəti ilə səsləşdiyini, vahid mədəniyyətin təzahürü olması fikrini ortaya qoyur. Bu mənada Gəmiqaya rəsmləri ilə Qobustan mədəniyyəti bir-birini tamamlayır.

Formasına və məzmununa görə Gəmiqaya rəsmlərini aşağıdakı qruplara ayırmaq mümkündür.

1.Naturadan çəkilmiş rəsmlər

Buraya Gəmiqayadakı müəyyən əşyaların və ya heyvanların rəsmlərini aid etmək olar. Belə rəsmlər Gəmiqayada çoxluq təşkil edir. Fikrimizcə, Gəmiqaya abidəsindəki naturadan çəkilmiş rəsmlər zaman etibarilə daha qədimdir.

2.Süjetli rəsmlər

Bu rəsmlər natura rəsmlərindən sonra meydana çıxmışdır. Gəmiqaya süjetli rəsmlərində ibtidai insanların məşğuliyyətləri öz əksini tapmışdır. Bura ov səhnələri, heyvandarlıq və əkinçiliklə əlaqədar rəsmlər, təbiət hadisələrini əks etdirən rəsm nümunələri daxildir. Süjetli rəsmlər sanki müəyyən bir mətləbi, konkret bir hadisəni nağıl edir. Məsafəcə ayrı-ayrı yerlərdə yerləşən eyni süjeti əks etdirən qayaüstü rəsmləri toplayıb yanaşı düzsək, bir çox hallarda onlarda nağılvari hadisələrə dair daş mətnləri oxumaq olar. Xüsusən, ovçuluqla səsləşən süjetli rəsmlərin bir neçəsindən bitkin bir hekayət əmələ gətirmək mümkündür. Kim bilir, bəlkə də ulu babalarımız qeyd olunan daş mətləbləri eyni yerdə nəhəng qayaların üzərindəki rəsmlərdə ifadə etmişlər. Sonralar baş vermiş müxtəlif təbiət hadisələri – sürüşmələr, vulkanlar, zəlzələlər nəticəsində həmin iri həcmli böyük qayalar parçalanmış, ayrı-ayrı hissələr halında bizə qədər gəlib çatmışdır.

Ümumiyyətlə, buradakı eyni süjetə malik olan rəsmlər silsiləsindən Gəmiqaya əfsanələri tərtib etmək olar. Bəlkə də Gəmiqayanın sirri də elə bu tip süjetlər əsasında tərtib olunmuş həmin əfsanələrdə öz əksini tapmışdır. Fikrimcə, məsələnin bu cəhəti nə vaxtsa Gəmiqaya tədqiqatçılarını düşündürəcəkdir.

3.Astral rəsmlər

Gəmiqyada göy cisimlərini və səma hadisələrini əks etdirən bir neçə rəsm qeydə alınmışdır. Onlardan ən mükəmməl olanı spiralvarı görünüşə malik olan rəsmdir ki, bu rəsmdə sanki dünyanın yaranışı, formalaşması haqqında astral düşüncələr öz əksini tapmışdır. Bundan başqa, Gəmiqayada meteoritə bənzər digər rəsmlər də mövcuddur. Belə rəsmlərdə mücərrədlik, mürəkkəblik özünü göstərməkdədir. Ehtimal ki, həmin rəsmlər ibtidai insanların sirli təbiət qüvvələri barəsindəki inam və düşüncələrindən ibarətdir.

4.Mifoloji rəsmlər

Daha çox təbiət hadisələrini əks etdirən mifoloji rəsmlərdə Gəmiqaya rəssamı yağış, tufan, günəşin çıxması, külək və sair kimi təbiət hadisələrinin əsas cizgilərini ifadə etmişdir. Məsələn, Gəmiqayadakı gəmi rəsmlərinin ətrafında küləyi və hətta qasırğanı andıra bilən cizgilər müşahidə olunur. Heç şübhəsiz, mifoloji rəsmlərdə Gəmiqaya rəssamının fantaziyası daha aydın ifadə olunmuşdur. Bundan başqa, mifoloji rəsmlər Gəmiqaya mühitini

əks etdirmək baxımından da ciddi maraq goğurur.

Bizim fikrimizcə, Gəmiqayada rast gəlinən Qaranquş qayaüstü rəsmləri də mifoloji rəsmlərdir. Buradakı Qaranquş motivi Nuhun gəmisinin səfəri ilə əlaqədar mifoloji süjetin tərkib hissəsidir.

5.İnancla bağlı rəsmlər

Gəmiqayadakı bir çox rəsmlərdə qaya parçaları üzərində təsvir edilmiş insanlar əllərini göyə qaldırıb dua edirlər. Bu qəbildən olan rəsmlər ibtidai insanların Göy Tanrıya sitayiş etdiklərini göstərir. Həmin rəsmlər ən qədim zamanların Naxçıvanda Tanrıçılıq dininin təlimini əks etdirir.

6.Gəmi rəsmləri

İndiyədək Gəmiqayada gəmi təsvirlərindən ibarət beş-altı qayaüstü rəsm qeydə alınmışdır. Maraqlıdır ki, həmin təsvirlərin hərəsində gəmi rəsmi fərqli şəkildə ifadə olunmuşdur. Bu rəsmlərdən gəmini tufan içində, ləngərli, çalxalanan və dayanmış, oturaq vəziyyətlərdə görmək mümkündür. Adama elə gəlir ki, sanki Gəmiqaya rəssamı gəmi rəsmləri ilə Nuh peyğəmbərin adı ilə bağlı olan dünya tufanını, daha çox isə əfsanəvi gəminin yerə enməsi prosesini mərhələlər üzrə qaya üzərinə köçürmüşdür.

7.Təsərrüfat həyatı ilə bağlı rəsmlər

Gəmiqayada qədim insanların əkinçilik və maldarlıqla bağlı məşğuliyyətlərini əks etdirən qayaüstü rəsmlər çoxluq təşkil edir. Bunlar ibtidai insanların ilkin məşğuliyyətləri ilə əlaqədar təsəvvürləri formalaşdıran rəsmlərdir. Gəmiqaya rəsmlərindəki ovçuluğa, daşımaçılığa aid təsvirlər də qədim dövrlərin təsərrüfat həyatının əhatə dairəsini təsəvvür etməyə əsas verir.

8.**Yallı rəsmi**

2012-ci il ekspedisiyası zamanı Ukrayna alimi, professor Vitali Otroşenko Gəmiqayada yallı rəqsini əks etdirən qayaüstü rəsmi qeydə almışdır. Yallı rəqsinin təsviri Gəmiqaya-Qobustan mədəniyyətinin ortaq rəsm əsəri kimi böyük maraq doğurur.

Gəmiqaya rəsmlərində yazı elementlərinin olduğu dəfələrlə etiraf edilmişdir. Tanınmış tədqiqatçılardan Əbülfəz Hüseyni, Vəli Əliyev, Vəli Baxşəliyev və başqaları bu rəsm nümunələrində türk-runik əlifbasının elementlərinin mövcudluğunu nəzərə çarpdırmışlar. Bu istiqamətdə uzun illər axtarış aparmış Əjdər Fərzəli isə hətta həmin elementlərdən Gəmiqaya-Qobustan əlifbası tərtib etməyə müvəffəq olmuşdur. Əjdər Fərzəlinin formalaşdırdığı Gəmiqaya-Qobustan əlifbası isə bu əlifbanın vahid mədəniyyətə dair materiallar əsasında formalaşmasının əməli ifadəsi kimi mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Əjdər Fərzəlinin fikrincə, «Gəmiqaya-Qobustan əlifbası Azərbaycan xalqının zəngin mədəni keçmişinin

parlaq aynası, tarixi hünəri, onun ən qədim çağlardan öz doğma torpağında sakin olduğunu, əzəldən türksoylu xalq kimi heç vaxt, heç bir assimilyasiyadan törəmə olmadığını təsdiq və bu sahədə bütün şübhələri darmadağın edən danılmaz, dəqiq elmi sübutdur» [11, Fərzəli 2003: 21].

Fikrimizcə, Gəmiqaya bir neçə cəhətdən həzrəti Nuh peyğəmbərin gəmisi və dünya tufanı əfsanəsi ilə bağlıdır. Əvvəla, dağın adında əfsanəvi Gəminin yerə, qayaya, quru əraziyə, dağa çatması, qovuşması fikri öz əksini tapmışdır. İkincisi, gəmiqayadakı nəhəng qayaüstü rəsmlər düşərgəsində bir neçə gəmi təsvirlərinin olması da bu yerin məlum əfsanə ilə səsləşdiyini göstərir. Gəmiqaya rəsmlərindəki gəmi motivlərində natura ilə yanaşı, təlatüm, çalxanma elementlərinin mövcudluğu da adı çəkilən məkanın bir daha Nuh əfsanəsi ilə səsləşdiyini əsaslandırmağa imkan verir.

Üçüncüsü, Gəmiqaya rəsmlərində ilk insanların ibtidai məşğuliyyətləri – ovçuluq, heyvanların döyüşməsi, həyat uğrunda mübaricə motivlərinin əks etdirilməsi də Gəmiqayanın dünya tufanından sonrakı hadisələrlə əlaqələndirilməsinə zəmin yaradır. Dördüncüsü, bu ərazidəki toponimlərdən bəzilərinin Nuh peyğəmbərlə səsləşməsi Gəmiqayanı məşhur əfsanə ilə yaxınlaşdırır. Xüsusən, bizim fikrimizcə, Gəmiqaya ətəklərindəki «Nəbi yurdu» toponimi birbaşa Nuh peyğəmbərə aiddir. Nəbi sözünün mənası qabaqcadan xəbər verən, yəni peyğəmbər deməkdir. Hətta Huh peyğəmbərə dini-əfsanəvi rəvayətlərdə «Nuh Nəbi» deyildiyi də məlumdur. «Nəbi yurdu» - əslində elə «Nuh yurdu» mənasını ifadə edir. Naxçıvan diyarının ayrı-ayrı ərazilərindəki Nəhəcir (Nühəcir), Nehrəm (Nuh-ram) və sair kimi toponimlər bu diyarın Nuh-Nəbi yurdu olduğunu bir daha təsdiqləyir. Bu mənada Naxçıvan sözünün etimoloji mənalarından birinin «Nuhçıxan» sözü ilə bağlı olmasına dair mülahizələrlə bu diyarda Həzrəti Nuh Peyğəmbərlə, onun əfsanəvi gəmisi ilə bağlı toponimlərin olması bir-birini tamamlayır. Beləliklə, bir daha aydın olur ki, qədim Naxçıvan–Nuhçıxandır,Nuh yurdudur, dünya sivilizasiyasının başlanğıcıdır.

Gəmiqaya bəşər mədəniyyətinin, sivilizasiyanın nadir nümunələrini özündə cəmləşdirən möhtəşəm abidədir. İlk insanın məskənlərindən biri Gəmiqayadır.

- Gəmiqaya rəsmləri ulu əcdadlarımızın ilkin əsatiri görüşlərini, dünyabaxışını, təsəvvürlərini əks etdirən qiymətli sənət əsərləridir.

- Ən qədim ulularımızın sənət düşüncəsi, sənətkarlıq səviyyəsi Gəmiqaya rəsmlərində öz əksini tapmışdır.

- Gəmiqaya Həzrəti Nuh peyğəmbərin əfsanəvi gəmisinin son dayanacaqlarından biridir. Dünya tufanının sirri də Gəmiqayada

yaşamaqdadır. Gəmiqaya – Nuh yurdudur.

- Naxçıvan diyarının qədimliyini və zənginliyini özündə yaşadan abidə kimi də Gəmiqaya mühüm əhəmiyyət kəsb edir.

- Gəmiqaya rəsmlərində yazı ünsürləri vardır. Gəmiqaya rəsmləri Gəmiqaya-Qobustan əlifbasının beşiklərindən biridir.

Belə hesab edirik ki, Naxçıvanda ilkin şəhərin yaranmasının əsas səbəblərindən biri də şəhər***ətrafı ərazidə duz mədənlərinin olması ilə bağlıdır. Mənbələrdə Naxçı***van ərazisində duzçıxarmanın da əsasının Nuh peyğəmbər tərəfindən qoyuldu***ğu öz ək***sini tapmışdır. XIX əsrə aid rus mənbələrindən birində deyilir ki: «xalq arasında Nuhun Naxçıvan duz mədənlərində ilk çalışanlardan biri kimi fəaliyyəti haqqında rəvayət mövcuddur» [12, Nikitin 1882: 110]. Mənbələrdə həmçinin Naxçıvanda duzçıxarma işinin eramızdan üç min il əvvəl başlandığı qeyd edilir [13, Şeremetyevski 1855]. Son illərdə tanınmış arxeoloq alimlər: azərbaycanlı Vəli Baxşəliyevlə Nizami Alıyev və fransız Katerino Maro ilə Severine Şanz birgə apardıqları tədqiqatların nəticəsi olaraq əldə etdikləri maddi sübutları Fransada laboratoriya analizindən keçirərək Naxçıvan ərazisindəki duz mədənlərinin 5 min illik tarixə malik olduğunu təsdiqləmişlər [14, Baxşəliyev 2010: 229-244]. Naxçıvan duz mədənləri ərazisindən daş baltaların tapılması [15, Hüseynov 1956] da burada şəhərtipli yaşayışın qədimliyini göstərir. Tədqiqat***çı***lar Naxçıvandan tapılmış daş baltaları neolit dövrünə aid edirlər [16, Qaşqay 1999: 16]. Fikrimizcə, duz***çı***xarma ilə əlaqədar olan qazma, daşınma, emal, satış, mübadilə kimi proseslər Nax***çı***vanda şəhərtipli yaşayı***şın formalaşmasına böyük təkan vermişdir. Duz mədənlərinin daha geniş və əsas***lı şəkildə tədqiqi Naxçıvan şəhərinin tarixinin müəyyən olunması ilə əlaqədar çox mətləblərə aydınlıq gətirə bilər.

Qeyd etdiyimiz xüsusiyyətlər Naxçıvan ərazisinin və Naxçıvanda ilkin şəhərsalmanın dünya sivilizasiya prosesləri ilə möhkəm surətdə səsləşdiyini əyani şəkildə nümayiş etdirir. Bundan başqa, Naxçıvan ərazisinin, yaxud Naxçıvan şəhərinin çayvadisi və çaylararası sivilizasiyalarla oxşarlığına, bənzəyişinə dair də mülahizələr irəli sürmək mümkündür. Belə ki, bəlli olduğu kimi, Naxçıvan şəhəri regiondakı ən böyük çaylardan sayılan Araz çayının yaxınlığında yerləşir. Hətta vaxtilə Araz çayının Naxçıvan şəhərinin hüdudlarından keçməsinə dair məlumatlar da vardır [17, 135]. Araz çayının ilkin sivilizasiya ilə bağlı olan dörd çay nəzəriyyəsində mü***əyyənləşən çaylardan (Dəclə, Fərat, Qızılüzən və Arazdan) biri olmasını isbat edən tədqiqatların meydana çıxması Naxçıvanın qədim sivilizasiyanın ilk məs***kənlərindən biri olduğunu qəbul etməyə imkan yaradır [18, Qədirzadə 2012: 58-59]. Buna görə də

Naxçıvana həm də çayvadisi sivilizasiyanın nümunəsi kimi baxmaq da mümkündür. Naxçıvan Kültəpələri də çayarası, yaxud çayətrafı ərazilərdə yerləşir. Həmçinin coğrafi cəhətdən də Naxçıvanda çayarası sivilizasiyanın əlamətləri müşahidə olunur. Məlum olduğu kimi, Naxçıvan ərazisi Azərbaycan coğrafiyası baxımından Kür çayı ilə Araz çayının arasında qərar tutur. Tarixçilər qədim Naxçıvanı Kür-Araz mədəniyyətinin tərkib hissəsi kimi dəyərləndirirlər. Naxçıvan şəhəri həmçinin Araz çayı, Arpa***çay Əlinçay və Gilançayla əhatə olun***muşdur. Geniş mənada isə Nax***çı***van Dəclə-Fərat mədəniyyəti ilə Kür-Araz mədəniyyətinin qovşağındadır. Bu isə Naxçıvandakı qədim mədəniyyətin çaylararası sivilizasiyaya aid olunmasını da nəzərə çarpdırır.

Həzrəti Nuh peyğəmbərdən ayrıca kitab qalmamışdır. Həm də Nuh peyğəmbərin zamanında bəşəriyyət hələ yazı mədəniyyəti dövrünə gəlib çatmadığı üçün belə bir kitabın hazırlanması mümkün ola bilməzdi. Amma Nuh peyğəmbərlə səsləşən əsatirlər və rəvayətlər minilliklər ərzində xalq arasında yaşamış, dildən-dilə, ağızdan-ağıza keçərək dövrümüzə qədər gəlib çatmışdır. Dünyanın ayrı-ayrı qitələrindən, ölkələrindən Nuh peyğəmbərə aid toplanmış mifologiyanı birləşdirib, bütövləşdirib mükəmməl bir kitab yaratmaq olar.

Beləliklə, dünya sivilizasiyaları üçün xarakterik bir çox proseslər qədim Azərbaycan/Naxçıvan hadisələrində baş vermişdir: 1. İlkin məskunlaşma, ilk insan biliklərinin yaranması. 2. Təsərrüfat fəaliyyətinin formalaşması. 3. Sənayeləşmə-ticarət (Duzdax). 4. Şəhərləşmə (Nuhçıxan-Nuhdaban-Naxçıvan). 5. Yazıya doğru inkişaf (Gəmiqaya-Qobustan əlifbası) və sair.

MƏNBƏLƏR

1.Türk dünyasında Nevruz. Ankara, 1996
2. Haydar Kaya. Alevi Bektaşi. İstanbul, 1996
3. Иса Хәбиббәйли. Новруз байрамы: нә вахт, нежә? // «Совет Нахчываны» гяз., 3 март 1989-су ил, №53
4.Новруз байрамы энсиклопедийасы (тәртиб әдәнләр Б.Абдулла, Т.Бабайев). Бакы, «Шәрг-Гәрб», 2008
5. Nevruz ve törenler. Ankara, 1996
6. Нахчыван фолклору. Бакы, «Сабах», 1994
7.Мехмет Вахаб Йурдсевяр. Невруз, Невруз. «Емел», Казан, 1973, №75
8. Abdurahim Dede. Batı Trakya folklorü. Ankara, 1978
9.Paasonen H. Çuvaş sözlügü. İstanbul, 1950
10. Ahmed Turan. Türk boylarında Nevruz geleneği. Erciyes, 1990, №150
11.Әјдәр Фәрзәли. Кәмигайа-Гобустан әлифбасы. Бакы, 2003
12.К.А.Никитин. Город Нахичевань и Нахичеванский уездъ. Тифлис, СМОМПК, 1882, №2
13.Павел Щереметевский. Нахичеванские соляные месторождение. Газета

«Кавказ», 16 март 1855 г., №22
14. Baxşəliyev Vəli, Katerino Maro, Severine Sanz, Nizami Alıyev. Duzdağ mədənində arxeoloji çalışmalar. Türkiyə Bilimlər Akademisi Arxeoloji dərgisi, 2010, №3
15. М.М.Гусейнов. Каменные топоры из Нахичевани. ДАН Азербайджана. Баку, 1956, №2, т.XII
16. Solmaz Qaşqay. Qədim Naxçıvanın maddi mədəniyyəti. Bax: Naxçıvan Muxtar Respublikası (məqalələr toplusu). Bakı, «Elm», 1999
17. Ön və Orta Asiya türklərinin tarixinə dair dörd anonim mənbə (tərcüməçilər C.Bayramlı, V.Əliyev). Bakı, «Nurlan», 2003
18. Qadir Qədirzadə. Naxçıvan: Nuh baba və Türk Atadan gələn yol. Naxçıvan, "Əcəmi", 2012

TÜRK DÜNYASI'NIN KÜLTÜREL UFUKLARI: TARİHSEL BAĞLAM İÇİNDE GENEL BİR DEĞERLENDİRME

Osman Horata*

Cultural horızons of the Turkısh world: a general evaluatıon in historıcal context

ABSTRACT:
People's life pass to create an identity, and around it with seeking for establishing stable partnerships. Culture, identity, and state building are intertwined processes, rising on common pains and joys. Culture or collective memory is the foundation of the identity, identity is the base of the nation. To protect cultural values is as important as to improve, and to change providing the continuity. Events such as the infestation, and the influx of population beside the internal dynamics plays a definite role for the development of culture. During the long journey on history from the Altai to the Mediterranean, The Turks have faced numerous religious, and ethnic culture. The dynamic structure that was based on continual to develop and to change has been one of the main factors, carrying them to the great states and empires.

KEY WORDS: Turkish World, identity, culture, cultural change, cultural horizons.

Giriş

İnsanların hayatı, dil, din gibi ortak paydalar etrafında bir *kimlik* oluşturmak ve bunun etrafında istikrarlı birlikteliklere ulaşmak arayışları ile geçer. Bu ortaklıklar, aileden akrabaya, boydan millete, milletten devlete doğru genişler. Bunların en büyüğü ise, farklı kültürler ve farklı kimliklerin bir araya gelerek ortak bir sese

* Hacettepe Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü, Ankara/Türkiye horata@hacettepe.edu.tr

dönüşmesiyle gerçekleşen medeniyetlerdir.

İstikrarlı, büyük devletler kurabilmenin sırrı nedir? Bu, sadece bazı ırklara veya dinlere mahsus bir olgu mudur? Tarihçi Eric J. Hobsbawm'a göre (1989), bunu tek bir faktöre veya üstün bir ırk veya din inancına bağlamak son derece yanlıştır. Fakat insanlar genellikle kendilerini üstün diğerlerini ikinci sınıf olarak görme eğilimindedirler. Hobsbawm, Avrupa'nın güneyi ile kuzeyi arasındaki gelişmişlik düzeyini incelerken, okuma yazma oranıyla ilgili bazı verilerden hareketle bunun en başta gelen faktörünün eğitim olduğu sonucuna varır [Habsbawm 1989: 345].

Kimlik konusu, toplum hayatının yanında uluslararası ilişkilerde de önemli bir faktördür. 1980'lere kadar devletler arasındaki ilişkiler, pozitivist kuramlar çerçevesinde askerî ve ekonomik güç üzerinden okunmaya çalışırken; bu tarihten sonra *kolektif kimlik* faktörünün önemi vurgulanmaya, hatta devletlerin çıkarlarının esas itibariyle öncelikle bu temel üzerinden belirlendiği ileri sürülmeye başlanmıştır [bk. Balta, Demir 2016: 2-3]. Bu gelişmeler, siyaset bilimine "jeokültür" kavramını kazandırmış, kültür çevrelerinin oluşturduğu coğrafyalar, siyasi ve ekonomik ilişkilerin şekillenmesinde etkin bir araç olarak değerlendirilmeye başlanmıştır [bk. İlhan 1999].

Kültür, kimlik, millet ve devlet inşası, iç içe gelişen, birlikte yapılan her türlü fedakârlıkların üzerinde yükselen süreçlerdir. Kültür ve medeniyet, terimleşmesi XVIII. asra kadar gidebilen sınırları tartışmalı kavramlardır [bk. Turhan 1959: 27-40; Eliot 1981: 43-64; Güvenç 2005: 95-113]. Kültür, genellikle dil ve din gibi ortak paydalar etrafında bir araya gelen fertlerin tarih boyunca oluşturduğu değerler sistemi, geniş kitlelere mal olmuş yaşam biçimi olarak tanımlanmakla birlikte, esas itibariyle bir toplumun tarihi yani geçmişi konusunda sahip olduğu şuurdur. Kimliği oluşturan da, önceki nesillerden eğitim ve davranışlar yoluyla sonraki kuşaklara aktarılan bu toplumsal bellektir. Bu belleğin temellerini ortak dil, kültür, coğrafya ve yaşam oluşturur. Kimlik, geniş anlamda ise bir topluluğun siyasi, hukuki ve kültürel taleplerini içerir. Kimlik, mutlaka etnik bir aidiyet gerektirmez; etnisitenin yanında yurttaşlığa (teritoryal) dayalı olarak da oluşabilir. Fakat her zaman birliği/devleti taşıyacak, çekirdek bir kültüre veya etnik bir yapıya ihtiyaç vardır [bk. Smith 2002]. Kültür tarihçileri ise, tek başına yeterli olmamakla birlikte kimliğin belirleyici ögesi olarak dili esas alırlar [Roux 2007: 28; Smith 2002: 52]. Kısaca kimliğin varlığı toplumsal hafızaya, ulusun varlığı da kimliğe bağlıdır [Smith 1996: 383; Smith 2002: 22].

Türkler ve kurdukları devletler, genellikle bağlı oldukları boyun

adıyla anılmış; Türk dilinin farklı diyalektlerini konuşan topluluklar, karşılaştıkları diğer uluslar tarafından *Türk* olarak adlandırılmıştır [Golden, 2006: 47-48)]. Türklerin bütününü, tarihlerinin hiçbir döneminde tek bir sınır altında toplamak mümkün olmamış; boylar en güçlülerinin altında federatif bir yapı içinde bir araya gelebilmiştir [Roux 2007: 27, 40]. Gerçekleştirdikleri büyük birliktelikleri, hayata kazandırdıkları anlam ve derinlik bakımından yerkürenin sayılı milletlerinden biri olan Türklerin tarihteki uzun yolculuğu da bir *kimlik* arayışından ibarettir. *1

Çalışmamızın konusunu da, XXI. yüzyılın eşiğinde Türk Dünyası'nın kültürel ufuklarının tarihî tecrübe ve kimlik arayışı bağlamında okunması oluşturmaktadır.

Türk Kültürünün Temel Dönüşüm Dönemleri

Kültürler arası ilişkiler, *kültürleşme* (acculturation) ile *kültürsüzleşme* (aculturation) arasında biteviye devam eden ve önlenmesi mümkün olmayan bir süreçtir. *Kültür değişimi* ise, genellikle kültürü belirleyen temel değerler sistemindeki değişiklik olarak kabul edilir ve uzun bir sürece yayılır. Bu değişim, toplumların isteklerine bağlı olduğu gibi, istila, nüfus akını gibi istekleri dışındaki olaylarla da gerçekleşebilir ve bu kültürel yapının çözülmesi ve erimesiyle sonuçlanabilir [bk. Turhan 1959: 40-44; Güvenç 2005: 114-128]. Tarihte, uzun süren istila ve göç hareketlerine karşılık, az da olsa dil, din gibi güçlü kültürel ögeleri aracılığıyla kimliklerini koruyabilen toplumlara da rastlanmaktadır.

Türkler, tarih boyunca ipek yolu, kürk yolu gibi önemli ticaret yolları üzerinde yaşamışlardır; bu, onların farklı kültürleri tanımaları ve kendilerini tanıtmalarında belirleyici bir rol oynamıştır. Kültürel etkileşim, tarım toplumlarında azınlıklar ve seyyahlar aracığı ve sürgün, göç, savaş, ticaret gibi temaslar ile gerçekleşmiş ve merkezden çevreye doğru yayılmıştır. Bilişim çağında ise, kitle iletişim araçlarının devreye girmesiyle bu etkileşim çok daha hızlı ve bütün kesimleri kapsayacak şekilde gerçekleşmektedir.

İnsanlık tarihiyle ilgili birçok paradigmalar ileri sürülmekle birlikte, bunlar içinde en fazla kabulü Alvin Toffler'in üç dalga kuramı görmüştür (1981). Ona göre, temel üretim araçlarındaki değişim, küresel anlamda tüm insanlığı etkilemekte, kültürleri de baştan aşağı değiştirmektedir. Bir başka deyişle, bu dalgalardan küresel anlamda tüm insanlık etkilenmekte ve bunun önüne geçmek de mümkün olmamaktadır. Toffler'e göre, şimdiye kadar *tarım* ve *sanayi* "dalga"larını yaşayan insanlık, XX. yüzyılın ikinci yarısından

* 1 Feroz Ahmed de, Bir Kimlik Peşinde Türkiye (2007) adlı eserinde Türklerin tarihteki uzun yolculuğunu "bir kimlik arayışı" olarak nitelendirir [Ahmed 2007].

itibaren, bilgisayarın keşfi ve mekanik düşünceden kuantum düşünce ve teknolojisine geçişle ortaya çıkan *bilişim* "dalga"sının etkisi altındadır. Doğusu ve batısıyla sanayi toplumu trenine bir asır gecikmeyle binen Türk toplulukları da, bu üçüncü dalganın yarattığı şoklarla baş etmeye çalışmaktadır.

Bölgesel anlamda ise Türk kültürü, Bozkır, İslam ve Batı medeniyeti olmak üzere üç temel dalganın etkisi altında kalmıştır [bk. Horata 2010: 5-16].

Türklerin ilk yurdu Altay Dağları bölgesi, büyük etnik çeşitliliğe sahip, yüksek dağlarla çevrili, hayvancılığa ve kuru tarıma elverişli, çetin iklim koşullarının hâkim olduğu bir yerdir. Türkler, yaşadıkları bu coğrafyaya uygun olarak, ormanlık alanlarda avcılık ve toplayıcılık, bozkırlarda ise hayvancılığa dayalı bir yaşam tarzı geliştirmişlerdir. Bu yaşam tarzının köklerinin yaklaşık olarak MÖ 3500 yıl önceye kadar gittiği tahmin edilmektedir. Türkler, tarihte bozkır kültürünü geliştirerek Avrasya steplerinin sert iklim koşullarında, sözel yasalara ve törelere dayalı, konar-göçer temelli, dünyanın en geniş devletlerini kurmalarıyla tanınmışlardır [Kafesoğlu 1977: 200; Roux 2007: 117-152]. Türk halklarının tarih sahnesine çıktığı yıllarda ise, Mısır, Mezopotamya, Suriye, Filistin, Anadolu, Hint, İran ve Roma'da yerleşik hayata dayalı, gelişmiş uygarlıklar kurulmuş, bir kısmı da yıkılmıştır.

Türkler, VII. yüzyıldan itibaren ise, İslamiyet'le tanışmaya başlamış ve bu geçişe eş zamanlı olarak geniş ölçüde konar-göçer hayat tarzından yerleşik köy ve şehir hayatına geçmişlerdir. Yeni dinle birlikte, Horasan ve Mezopotamya'da Fars, Suriye ve Mısır'da ise Arap kültürüyle karşılaşan Türkler, yaşam tarzından bilim, kültür ve sanat hayatına kadar her alanda tam bir kültürel değişim sürecine girmişlerdir. Bilhassa Horasan ve Maveraünnehir, X, XII. yüzyıllarda İslam medeniyetinin temellerinin atıldığı bir yer olmuştur. Bu bölgede Türk soylu devletlerin yönetimi altında Türk, Fars ve Arap kültürünün bir araya gelmesiyle gerçekleşen, Batılıların Türk veya İran Rönesansı olarak adlandırdığı ilim, kültür ve sanat hayatındaki büyük gelişmeler, Orta Asya ve Anadolu'da yükselecek büyük oluşumların temelini teşkil etmiştir [İnalcık 2007: 1/233-238].

Bu temeller, İslam Medeniyetini Anadolu'dan önce Orta Asya'da zirveye taşımıştır. Moğol istilasının yarattığı büyük tahribatın ardından gelen Timurlular Devri (1370-1507), büyük imar faaliyetleri, mimari, edebiyat, minyatür ve ilim alanında daha sonrakilere örneklik edecek klasik eserleri ile tanınan önemli bir dönemdir. XI. yüzyıldan itibaren Horasan'dan Anadolu'ya akın

akın göç eden Oğuz boyları ise, aynı temeller üzerinde küçük bir uç beyliğinden yüz elli yıl gibi kısa bir sürede büyük bir imparatorluk meydana getirmişlerdir. Köklü bir devletin ancak güçlü bir kültüre dayanarak var olabileceğini düşünen Fatih Sultan Mehmed (sal. 1451-1481), İstanbul'u ilim ve kültürün merkezi hâline getirmek için Doğu'dan ve Batı'dan ünlü bilgin ve sanatkârları İstanbul'a davet etmiştir. Atılan bu adımlar, Orta Asya Türklerinden bir asır sonra bilim, kültür ve sanat alanında İslam medeniyetine en olgun dönemini yaşatmış ve bu medeniyet dairesinde Timurlu, Türkmen, Arap ve Fars üslubundan farklı bir Osmanlı üslubunun oluşmasını sağlamıştır.

Peter Golden (2006), Batılı tarihçilerin Orta Çağ'ın en önemli meselesi olarak gördükleri bu yükselişi, Türklerin bir taraftan göçebe geleneklerini korurken, bir taraftan da farklı dil, din ve kültürleri kaynaştırmada başarılı bir devlet ve imparatorluk geleneklerinin olmasına bağlar [Golden 2006: 52]. Tarihleri boyunca geniş bir coğrafyaya yayılan, sayısız etnik ve dinî oluşumla karşılaşan Türkler, güçlü kültürler karşısında ayakta kalmayı başarmaları, fethettikleri yerlerde de asimilasyona ve sömürgeciliğe yönelik bir çabaya girişmemeleriyle tanınmışlardır. Bu, Feroz Ahmed'in (2007) belirttiği gibi onların diğer etnik ve dinî gruplarca kendi feodal yönetimlerine tercih sebebi olmuştur [Ahmed 2007: 13, 18]. Bu sayede, farklı kimlikler, Osmanlı yönetiminin farklı kültürleri paylaşımcı, kaynaştırıcı özelliği sayesinde kültürlerini korumayı ve hatta geliştirmeyi başarmışlardır.

Osmanlılar Döneminde *birlikte yaşama kültürü*nün, bir başka ifadeyle *Osmanlı barışı* (Pax Ottomana)nın gerçekleştirebilmesinin faktörlerinden biri de, Türklerin dünyeviliği ve uhreviliği dengede tutan, radikalizmden uzak bir din anlayışına sahip olmalarıdır. İslamiyetin, Maverâünnehir coğrafyasıyla buluşmasından sonra, bu bölgede yetişen Ebu Hanife, İmam Mâturidî, Zemahşerî, Fahreddin Râzî gibi din âlimleri; eserleri, fikirleri ve yetiştirdikleri öğrencileriyle başta Türk halkları olmak üzere farklı kültürlerden geniş kitleleri, İlahî vahye ve akla dayalı din anlayışıyla buluşturarak İslam medeniyetinin yükselişindeki en önemli saç ayaklarından birini oluşturmuşlardır [Sönmez 2012: 365-394]. Bu gelenek, bu gün de karşılaşılan sorunlar için önemli bir referans kaynağı olmaya devam etmektedir.

Türkler, İslam medeniyetiyle karşılaşmalarından on asır sonra, Batı medeniyeti ile tanışarak yeni bir kültürel değişim sürecine girmişlerdir. Batı kültürüyle temas, onların Akdeniz'e inmelerine kadar gitmekle birlikte, kültürel etkileşimin yerini

yeni bir *kültürleşme* sürecine bırakması XVIII. asırda başlamıştır. Batılılaşma, öncelikle savunma alanında kendisini göstermiş, bu eğilim saray, ordu ve resmî kurumlardan topluma doğru yayılmıştır. Osmanlı İmparatorluğu'nun tarih sahnesinden çekilmesinden sonra ise, devletin asli unsurunu oluşturan Türkler, Mustafa Kemal Atatürk'ün önderliğinde bu süreci devam ettirmişlerdir.

Aynı süreçte Orta Asya Türk halkları da daha sınırlı olmakla birlikte Ruslar aracılığıyla Batı kültürüyle tanışmışlardır. Ruslar, Osmanlılara göre batılılaşmaya bir asır önce XVII. yüzyılda başlamışlar; Sovyetler Birliği Döneminde ise, Batı kültürünü Marksist süzgeçten geçirerek alternatif bir sistem inşasına girişmişlerdir. Sosyalist dönem, farklı kültürlerin ve farklı etnik yapıların ortak bir üst kimlikte birleştirilmeye çalışıldığı, alt kimliklere zaman zaman artan veya azalan oranda dolaylı veya dolaysız asimilasyon politikalarının takip edildiği bir süreç olmuş; sistemli bir dil ve kimlik planlanmasına dayalı politikalar tarihî Türkistan halklarının tarihle organik bağlarını kopma noktasına getirmiştir. Bu sebeple 1991 yılında gerçekleşen bağımsızlıktan sonra Orta Asya Türk Cumhuriyetleri, bir taraftan devletlerini inşa ederlerken bir taraftan da kimliklerini yeniden inşa etmek zorunda kalmışlardır.

Kültürel Ufuklar

Nüfusu 7, yaşı 4.5 milyarı bulan ihtiyar dünyamız, teknolojinin hayatın bütün cephelerine girdiği XXI. yüzyılın, bir başka ifadeyle üçüncü bin yılın eşiğinde; sağlıksız kentleşme, değer bunalımı, tüketim çılgınlığı, terör, dil yitimi, kültürel yozlaşma, kimlik sorunu gibi sosyal hayatta büyük depremlere yol açan problemlerle kritik bir dönemeçten geçmektedir. İnsanları *birey* olmaktan çıkarıp bir *kitle*nin parçası olmaya doğru götüren bu süreçte en fazla öne çıkan problemlerden biri de *kimlik* sorunudur. Fransız İhtilali (1789-1799)'nin, kimlik duygusunu siyasal ve ideolojik bir harekete dönüştürmesi toplumsal yapıda ciddi kırılmalara yol açmış; kültürel değerlerin küreselleşmesine tezat olarak, etnik ve kültürel kimliklerle ilgili talepleri artırmış, kimlik sorununu çağın sorunu hâline getirmiştir. Fransız İhtilali'nin ardındaki temel etmenlerin başında, şehirli, orta sınıfın güç kazanması ve onların kimlikleriyle ilgili talepleri gelmektedir. Bu gelişmeler, XX. yüzyılda çok uluslu devletlerin parçalanmasının önünü açarak imparatorlukların yerini ulus devletlere bırakmasıyla sonuçlanmıştır.

Araştırmalar, 21.yüzyılın ilk çeyreğinin sonlarına doğru dünyada orta sınıf kategorisine giren insanların oranının yoksul kategorisindeki nüfusun oranını geçeceğini, giderek artan sayıda ülkenin küresel sisteme eklemleneceğini, bunun sonucu olarak dünya

ile iletişim hâlinde, kentli, yeni orta sınıfların şekilleneceğini ve bunların ülkelerinde önemli aktörle hâline geleceğini göstermektedir [*National inteligence council*, 2012: 4; Boyner 2012: 10-11]. Bu talepleri bastırmaya ve ötekileştirmeye dayalı politikalar, etnik/kültürel çatışmaları daha da arttıracaktır. Bu oluşumun şok dalgaları, dünyanın farklı coğrafyalarında farklı şekillerde kendini göstermeye başlamıştır. Smith'e (2002) göre bunun çözümü, gün yüzüne çıkmamış etnik yapıların istekleri ile devlet elitleri ile çekirdek etnik yapı arasında gerekli dengeyi kurmaktır [Smith 2002: 286].

Postmodern devlet kuramcılarına göre [bk. Çağlar 2008: 369-386; Kılıç 1999: 4-5], XX. yüzyılın ulus devlet ve toplum anlayışıyla ekonomik kalkınma ve birlikte yaşamayı gerçekleştirmek mümkün olmayacaktır. Onlara göre, ulus devlet süreci aşıldıktan sonra, toplumun yerini topluluklar alacak, toplumları bir arada tutan ortak kimliğin yerini kültürel çoğulculuk alacak, hatta bölgesel devletleşme olgusu gündeme gelerek kent devletlerinden oluşan bir dünya konfederasyonu oluşacaktır. Bu süreçte görülecek etnik temelli arayışlar ise psikolojik bir rahatsızlık olarak görülecektir.

Kent devletleri, Antik Çağ'da da görülen bir olgudur ve o dönemde bu yapılar arasındaki çatışmalar hiç eksik olmamıştır. Kimlik kavramına postmodernistlerden farklı yaklaşan modernistler ise [bk. Smith 2002: 30-32]; ulus devlet veya milliyetçilik düşüncesini, kapitalizm, bürokrasi ve sekuler faydacılığın güç kazanması gibi koşullara bağlı olarak ortaya çıkan bir olgu olarak görürler ve modern öncesi toplumlarda bu düşüncenin yerinin olmadığını, modern toplumların büyümesi için gerekli kültürel türdeşlik ihtiyacının bu ideolojiyi doğurduğunu ileri sürerler.

Yukarıda temas edildiği üzere, kimlik duygusunu belirli bir konjonktürün ürünü olarak değerlendirmek mümkün değildir. Devletlerin ortadan kalkıp kent devletlerinden oluşacak bir dünya federasyonunu kurulacağı görüşü ise, hayalî bir paradigmadan öteye geçmeyecektir. Smith'in (2002) de belirttiği gibi, dünya devleti özlemini duyanlar bile ulus dünyasının kalıcılığından şüphe etmemektedir [Smith 2002: 29]. İnsanların ortak etnik/kültürel kimlikler etrafında istikrarlı birlikteliklere, gelişmiş refah düzeyine ulaşma arayışları, dünya tarihinde bundan sonra da önceliği korumaya ve kültürel coğrafya da bu arayışlarda önemli bir rol oynamaya devam edecektir.

Kimlik sorununun bir başka yönü ise, sağlıksız kentleşme ve küreselleşmenin yol açtığı hızlı değişimin, insanları geçmişle organik ilişkiden yoksun, sürekli şimdiki zaman içinde yaşamak zorunda bırakmasıdır. İnsanlık, sanayileşmeyle birlikte kırsal

kesimden kentlere göçün kitlesel bir akına dönüşmesinin şokunu atlatamamışken, ardından gelen bilişim "dalga"sıyla her alanda prestij kültür merkezinde benzeşmeye doğru koşar adım gitmeye başlamıştır. Bu, mahallî renkleri birer birer soldururken, devletleri ve toplumları ayakta tutan tarih yani kimlik şuurunu da büyük bir erozyona uğratmış, insanlık hiçbir dönemde olmayacak kadar "kendi" olarak kalabilmenin savaşını vermek zorunda kalmıştır. Bu hızlı değişim, son yıllarda kültürlerin sadece bölgesel anlamda değil bütün dünyada bir bütün olabileceğini ifade eden "kültürlerarasılık" terimini ortaya çıkarmıştır. Bu, Tutal'ın (2006) belirttiği gibi, çok kültürlülük veya kültürel çoğulculuktan farklı olarak diğer kültürlerle ilişkilerinde kültürel bütünleşme sürecini seçmiş olan kültürleri tanımlamak için kullanılmaktadır [Tutal 2006: 15, 25, 115, 12]. İnsanlık gerçekleriyle bağdaşmayan bu paradigma bir kenara bırakılırsa, kültürel çözülme ve yozlaşma, bu süreçte tüm insanlığı bekleyen sorunların başında gelmektedir.

Kültürel değerleri korumak kadar, onu diğer *yüksek* kültürel değerler doğrultusunda geliştirmek de önemlidir. Kültürlerin en önemli özelliği, gelişime, yenileşmeye açık olmasıdır. Toplumlar, değişen şartlara uyum sağlayamayan yapıları zamanla terk ederek yerine yenilerini koymakta, böylelikle topluma ve kültüre süreklilik kazandırmaktadırlar. Kültürler açısından asıl problem, yenileşme ve değişme değil bu özelliğini kaybetmektir. Çünkü dinamizmini yitiren, demografik ve kültürel sürekliliği sağlayamayan kültürler, önce çözülme sonra da erime sürecine girmektedir. Her kültür ve medeniyet, kendinden önceki kültür ve medeniyetlerin birikimi üzerine yükselir. Bu süreçte önemli olan, bir kültürün kendisine ait değişmemesi gereken değerlerinin korunarak kültürel sürekliliğin sağlanmasıdır.

Küreselleşme ve iletişim araçlarının rüzgârıyla mahallî renkler birer birer kaybolurken, gelişmiş ülkeler ise kültürel miraslarını âdeta yeniden keşfetmeye, sürdürülebilir kalkınmanın temel araçlarından biri olarak gördükleri kültürel alana önemli yatırımlar yapmaya başlamışlardır. Dünyanın büyük bir kısmı ise, ne yazık ki bu süreçte gelişmiş Batı ülkelerinin ürettiği içeriğin pazarı hâline gelmektedir. Bu durum kültürel alanda da tekelleşme tehlikesini beraberinde getirmektedir. Theodor Adarno'nun, *Kültür Endüstrisi* (2007) adlı eserinde çarpıcı bir şekilde belirttiği gibi, çağın kültür tekelleri; "Benim gibi düşünmeli ya da ölmelisin, demez. Benim gibi düşünmemekte özgürsün; yaşamın, malın, mülkün sende kalacak, ama bugünden itibaren aramızda yabancısın, biçiminde seslenmektedir" [Adarno 2007: 63-64]. Kısacası bu sürece ayak

uyduramayan hayatın dışına atılır, denilmektedir. Bu tekelleşmeye karşı, her ülke gibi Türk devletlerinin de büyük kültürel miraslarını tanıtma ve yaymaya ağırlık vermesi gerekmektedir.

Kültür kuramcıları, kültürlerin bir bütün olabileceğini ileri sürerlerken; siyaset bilimcilerin, toplumların gelecekteki ayrışma ve çatışma noktalarının kültürler/medeniyetler üzerinde olacağı gibi tamamen bu düşünceye tezat bir tezi ortaya atması yeni bir tartışmayı başlattı. Samuel Huntington'un (2007a) 1993 yılında yazdığı bir makalesiyle, Soğuk Savaş Döneminde devletlerin ideolojileriyle ayrıştığını, sonrasında ise kültürleriyle ayrışacağını ve asıl büyük çatışmaların kültürel düzlemde olacağını, gelecekte dünya siyasetinin mihverini "Batı ile geriye kalanlar" arasındaki çatışmaların oluşturacağını ileri sürmesi dünyada tam bir şoka yol açtı. Ona göre Türkler ve Ruslar, iki kültür arasında kalmış, tercih yapmakta zorlanan toplumlardır [Huntington 2007a: 83-108].

"Medeniyetler savaşı" tezi, aydınlar tarafından genellikle Soğuk Savaş sonrası dönemde boşluğa düşen Amerika'nın, jeokültürel bir stratejiyle yeni karşıtlar oluşturma ve emperyalist hedeflerini gerçekleştirme amacıyla kaleme alınmış, cesur fakat hayalî bir paradigma olarak değerlendirilmiştir. Yazar, tezinin arkasında yatan gerçek düşüncesinin ipuçlarını 1999'da kaleme aldığı "Sağlam Milliyetçilik" (2007b) adlı makalesinde ele vermiştir. Huntington'a göre (2007b), Sovyet/Komünizm karşıtlığına dayalı Soğuk Savaş Dönemi, Birleşik Devletlerde siyasi, toplumsal ve askerî açıdan son derece başarılı bir dönem olmuştur. Fakat bu sürecin sona ermesiyle toplum ortak amaçlarını kaybetmiş, ekonomik küreselleşme, milliyetçi olmayan elitler ve milliyetçi halklar arasında artan bir uçurum yaratmıştır [Huntington 2007b: 69-82]. Bu yaklaşımda, Amerikan toplumunda zayıflayan kimlik duygusunun, Hristiyanlık/Batı medeniyeti temelinde başta İslam olmak üzere diğer medeniyetler karşıtlığı üzerinden yeniden güçlendirme ve ABD'nin dünya üzerindeki nüfuzunu arttırabilme düşüncesi son derece belirgindir.

Kültürler ve medeniyetlerin, tarih boyunca devletler arasındaki varlık mücadelesinde önemli bir araç olarak kullanıldığı bilinen bir gerçektir. Kültürel farklılıkların önemli bir ayrışma ve çatışma hattı oluşturması, Batı medeniyetinin kodlarında var alan bir husustur. Endülüs'ün 1492'de İslam egemenliğinden çıkıp Hristiyanların eline geçmesinden sonra, din farklılığı sebebiyle Müslüman ve Yahudilerin tehdit olarak görülerek göç veya ölüm arasında bir tercihe zorlanması bunun tipik bir örneğidir [bk. Lewis 2002]. Buna karşılık, farklı din ve kültüre sahip Yahudiler için en güvenli sığınak

İslam medeniyetine ait Osmanlı toprakları olmuştur. "Medeniyetler çatışması" tezi, hangi amaçla yapılırsa yapılsın, kültürel yapıdan ziyade dünya politikasını etkilemeye dönük yeni bir soğuk savaş girişimidir.

Sonuç

Bazı istisnai görüşler bir kenara bırakılırsa, kültür ve kimlik konusu dün olduğu gibi bugün de önemini koruyan ve bundan sonra da koruyacak olan bir olgudur. Kültürlerin en önemli özelliği gelişime ve değişime açık olmasıdır. Değişmemesi gerekenler ise, birlikte yaşamayı ve kültürel sürekliliği sağlayan ortak bellek, Tanpınar'ın (2009) ifadesiyle "hayata şekil veren, ona bizim damgasını basan şeylerdir." [Tanpınar 2009: 21]. Kültürlerin sürekliliği veya erimesinde, bu temel dinamiğin yanında jeopolitik ve demografik yapı da önemli bir faktördür. Güçlü kültürlerle yan yana yaşayan ve önemli geçiş güzergâhları üzerinde bulunan Türk Dünyası'nın, jeopolitik konumu bir taraftan kültürel dinamizm için önemli bir fırsat oluştururken, bir taraftan da güçlü kültürlerle yakınlığı sebebiyle kültürel yozlaşma ve erime gibi önemli bir tehdidi de içinde barındırmaktadır.

Toplumsal ve siyasal yapıdaki büyük değişimler, XXI. yüzyılın eşiğinde kültürel yapıda da ciddi kırılmalara ve sorunlara yol açmıştır. İmparatorlukların dağılmasıyla gün yüzüne çıkan çok sayıda etnik kimliğin ve devletin yol açtığı sarsıntılar devam ederken; gelişmekte olan ülkelerde şehirli, orta sınıfın her geçen gün daha da güç kazanması kültür ve kimlikle ilgili talepleri her geçen gün daha da arttıracaktır. Bu temel sorun karşısında çözüm olarak sunulan *kültürel çoğulculuk* konusunda Türkler önemli bir tecrübeye sahiptir.

Arap, Fars ve Türk ekseninde gelişen İslam medeniyeti, üstün bir ırk veya sınıf inancının olmadığı, başkalarını dışlamayan, diğer kültür unsurlarını paylaşmacı bir özelliğe sahiptir. Bu medeniyette, güçlü bir merkezî kimlikle birlikte mahallî kimlikler de kendini geliştirmeye devam etmiştir. Hint ve Batı medeniyetinin temelini oluşturan Ari kültür ise, başkalarını, farklılıkları dışlayan sert, hegemonik bir yapıya sahiptir. Bu düşünce, medeniyetler savaşı tezinde de ete kemiğe bürünmüş olarak karşımıza çıkmıştır. İstisnaları olmakla birlikte, Batı geleneğinde *bir arada yaşama* vardır ama *birlikte yaşama* kültürü oluşmamıştır. Böyle bir zeminde, postmodern devlet kuramcılarının toplumların yerini toplulukların alacağını ve kültürlerin bir olacağını ileri sürmeleri fantastik bir düşünceden öteye gitmemektedir.

Tarih boyunca büyük medeniyetlerin buluştuğu stratejik öneme

sahip bir coğrafyada yaşayan Türklerin konumu, jeokültürel açıdan da Batı'yı da Doğu'yu da içine alan geniş bir coğrafyada çekim merkezi olabilme potansiyeli barındırmaktadır. Bütün insanlığı kültürel açıdan önemli sorunların beklediği bir süreçte, gerek jeokültürel potansiyel, gerekse farklı kültürleri bir arada yaşatabilme ve köklü devlet geleneğine sahip olma tecrübesi, adımlar doğru atıldığı takdirde Türklere yeniden medeniyet vizyonlarını ortaya koyma fırsatı vermektedir. Avrasya coğrafyası, Türk halklarının ve Rusların yoğun olarak yaşadığı bir bölgedir. Tarihin ve talihin bir arada yaşamaya mahkum ettiği bu halklar arasında, gerginlik ve çatışma dönemlerinde bile kültürel ve ekonomik etkileşim devam etmekle birlikte, bu iki kültür birbirinin tezi ve antitezi konumunda kalmıştır. Şüphesiz bu gerçek bundan sonra da büyük ölçüde değişmeyecektir. Bu sebeple Rus kültürüyle yakın etkileşim içinde olan Türk halkları jeokültürel açıdan yeni arayışlar içine girecektir.

Küreselleşme, endüstrileşme gibi çağdaş gelişmelerin, kültür ve kimlik yapısında oluşturduğu büyük tahribata rağmen, kimlikleri koruma, ortak kimlikler etrafında birliktelikler oluşturma ve kültürel çoğulculuk, bundan sonra da ülkeler için prestij, öncelikli değerler olmaya devam edecektir. Doğusuyla batısıyla Türk Dünyası'na düşen de, ortak, tarihî mirasla organik bağlarını koparmadan dün olduğu gibi, bundan sonra da kültürlerini evrensel, prestij değerler etrafında geliştirerek kimliklerini yaşatmaya devam etmeleridir. Bu açıdan gelecek onlara önemli fırsatlar sunmaktadır.

KAYNAKLAR

Adarno, Theodor W. (2007). *Kültür endüstrisi-kültür yönetimi*. İstanbul: İletişim.

Ahmed, Feroz (2007). *Bir kimlik peşinde Türkiye* (2.bs.). İstanbul: Bilgi Üniversitesi.

Balta, Evren ve Demir, Süheyla (2016). Tarih, kimlik ve dış politika: Rusya Federasyonu güncel tarih ders kitaplarında Osmanlı-Türk imajı. *bilig/ Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*, *76*, 1-31.

Boyner, Ümit (2012). Kültürel değil rasyonel kodlarla hareket etmek. *Görüş*, *76*, 10-12.

Çağlar, Nedret(2008). Postmodern anlayışta siyaset ve kimlik. *SDÜ İİBF Dergisi*, *13* (3), 369-386.

Eliot, T. S. (1981). *Kültür üzerine düşünceler*. (S. Kantarcıoğlu, Çev.). Ankara: KB.

Golden, Peter B. (2006). Türkler: Kökenleri ve yayılma alanları. (Y. Salman, Çev.). T.S. Halman vd., (Ed.). *Türk edebiyatı tarihi* (C.1, ss.36-62). İstanbul: KTB.

Güvenç, Bozkurt (2005). *İnsan ve kültür.* İstanbul: Remzi Kitabevi.

Habsbawm, Eric (1989). *The age of empire 1875-1914*. New York: Vintage Books.

Horata, Osman (2010), Osmanlı'dan Türkiye Cumhuriyeti'ne kültürel miras. O. Horata vd., (Ed.). *Cumhuriyet Dönemi Türk kültürü – Atatürk Dönemi (1920-*

1938) (C.1, ss.3-16). Ankara: AKM.
Huntington, Samulel P. (2007a). Medeniyetler çatışması mi?. *Doğu Batı*, *41*, 83-108.
Huntington, Samulel P. (2007b). Sağlam milliyetçilik. *Doğu Batı*, *41*, 69-82.
İlhan, Suat (1999). Dünya yeniden kuruluyor: Jeopolitik ve jeokültür tartışmaları (2.bs.). İstanbul: Ötüken.
İnalcık, Halil (2007). Klasik edebiyat menşei: İranî gelenek, saray işret meclisleri ve musâhib şâirler. T.S. Halman vd., (Ed.). *Türk edebiyatı tarihi* (2.bs.). (C.1, ss.233-294). İstanbul: KTB.
Kafesoğlu, İbrahim (1977). *Türk millî kültürü.* Ankara: TKAE.
Kılıç, Gözde (1999). Postmodern devlet anlayışı. (ss.365-394). [Erişim: 11.03.2016]. www.aydinlanma1923.com/ojs/index.php/AYD23/article/.../105/105.
Kutlu, Sönmez (2012). Maturidîlik. H. Onat, S. Kutlu (ed.). *İslâm mezhepleri tarihi el kitabı* (ss.365-394). Ankara: Grafiker Yay.
Lewis, Bernard (2002). *Çatışan kültürler: Keşifler çağında Hristiyanlar, Müslümanlar ve Yahudiler*. (2. bs.) (N. Elhüseyni, Çev.). İstanbul: Tarih Vakfı Yurt.
National Inteligence Council (2012). *Global trends 2030: Alternative worlds* (137 s.). [Erişim: 11.03.2016]. http://www.dni.gov/files/documents/GlobalTrends_2030.pdf.
Roux, J. Paul (2007).*Türklerin Tarihi*, *Pasifik'ten Akdeniz'e 2000 yıl* (3. bs.). İstanbul: Kabalcı.
Simith, Anthony D. (1996). Memory and modernity: Reflections on Ernest Gellner's theory of nationalism. *Nation and Nationalism, 2* (3), 371-388.
Simith, Anthony D. (2002). *Ulusların etnik kökeni.* (S. Bayramoğlu ve H. Kendir, Çev.). Ankara: Adam.
Tanpınar, Ahmet Hamdi (2009). *Huzur*. İstanbul: Dergâh.
Toffler, Alvin (1981). *Üçüncü dalga*. (A. Seden, Çev.). İstanbul: Altın.
Turhan, Mümtaz (1959). *Kültür değişmeleri*, *sosyal psikoloji bakımından bir tetkik* (2. bs.). İstanbul: Baha.
Tutal, Nilgün (2006). *Küreselleşme iletişim kültürlerarasılık*. İstanbul: Kırmızı.

BÜYÜK BOZKIRIN SIRLI ATLARI

Telli Korkmaz*

The mystic of the Great Steppe horses

ABSTRACT:
Equestrian-nomadic culture and the history of the formation and on the development of the Altai steppe horse domestication has played a decisive role.
Especially at the Kazakh steppes of Central Asia, it has been influential in the development process of the date of the tribes living a nomadic life style.
Culture occurring in this region are recognized by many domestic and foreign historians "horseback-nomadic culture" is called.
The first thousand of those ancestors in this region, the Scythians are scientif-

* Yrd. Doç. Dr. Hacı Bektaş Veli Üniversitesi, Fen-Edebiyat Fakültesi Tarih Bölümü, Nevşehir. telli.k@gmail.com, tellikorkmaz@nevsehir.edu.tr

ically proven to be of Turkish origin.

Equestrian-nomadic tribes that make up the culture of the Scythians, has an important place politically and culturally.

KEY WORDS: Horse, Altai-Kazakh Steppe, Turkish history, Scythians, horseback-nomadic, Kurgan.

Bozkır medeniyetinin ve Bozkır tarihinin meydana gelmesinde atların en belirleyici bir unsur olduğunu söylemek yanlış olmaz. Atlar, özellikle bozkır coğrafyasında yaşayan göçebe kavimlerin tarihi süreç içerisinde kaderlerinin belirlenmesinde etkili olmuş, birçok medeniyetin gelişmesine yön vererek şekillenmesi hususunda temel rolü oynamıştır.

Eski kültürler genelde üç kategoride incelenmektedir; yerleşik, göçebe ve asalak. Birçok tarihçiler Bozkır kültürlerini göçebe kültürler kısmına yerleştirirken, tanınmış birçok yerli ve yabancı tarihçilerin Bozkır kültürleri için "göçebe kültürü" değil, "Atlı-Göçebe kültürü" tabirini kullandığını görüyoruz.

Yakınçağ kaynaklarında ve günümüzde Orta Asya tabiriyle ifade ettiğimiz coğrafya, geniş ve engebesiz arazi parçası olduğundan bozkır coğrafyası olarak da bilinmektedir. Bir kültürün oluşumunda coğrafi şartların etkisinin önemli ölçüde büyük olduğu bilinmektedir. Fakat bu etki bozkırlarda daha açıkça kendini göstermiştir. Bu coğrafyanın sakinleri şartlardan dolayı besicilik yani hayvancılık kültürünü meydana getirmişlerdir. Göçebe kültürlerinin en yüksek zirvesi olan atlı kültür bozkır coğrafi şartları içerisinde gelişmiştir.

Bozkır kültürünün ana unsuru olan at, bu kültüre dinamizm kazandırmıştır [Durmuş 2002: 10]. Bu coğrafyanın eski sakinlerinden olan İskit kavimleri, atlı kavimler medeniyetini oluşturanların ilki ve en önemlisidir. İskitler Atlı-göçebe kültürünü oluşturan kavimler arasında siyasi ve kültürel bakımdan da önemli bir yere sahiptir. Bu kavimlerin izleri geniş coğrafyalarda takip edilebilmektedir.

Bilindiği üzere İskitler tarih sahnesinde Tuna boylarından Çin Seddi'ne kadar olan bir alanda, milattan önceki değişik zamanlarda yaşamışlardır. [Durmuş 2012: 41]. Onların tarih sahnesine çıktıkları ilk yerleşim yeri olarak, Herodotos'tan günümüze kadar ki tarihçiler ve arkeologların çoğunluğu tarafından Batı Sibirya-Altay bölgesi, Kuzey ve Orta Kazakistan, Aral gölü çevresi ile Aral ve Hazar arasındaki bozkır gösterilmektedir. Z. V. Togan ise daha açık bir tabirle "...Saha devletinin asıl merkezi Türkistan"dır der [Togan 1981: 34]. Bu coğrafi yerler, Türkler'in tarih sahnesine ilk çıktıkları ve Türk adıyla (Gök Türkler) devletlerini kurdukları Türkistan'dır.

Ata ilk kez başlık takıp eyer vuran topluluğun İskitler olduğu

bilinmektedir [Tutel 1998: 75]. Birçok Batılı bilim adamları ve eski Sovyet İranistlerinin inatla, ısrarla İskitleri, Kimmerleri, Azları, Alanları vs. İran dilli halk olarak tanımlamaktadırlar. Fakat İskit-Sakaların dış görünüşleri (antropolojik özellikleri); yastı ve eğri burun, geniş ve elmacık kemikleri çıkık, bedenin zayıf tüy örtüsü, yüz çizgilerinin sert oluşu, etnografik özellikleri; at besleyen, at sağan, at eti yiyen ve kımız yapan, defin geleneklerine göre; kurgan tipli mezarlar, atla ve silahlarla birlikte gömülme vb. kalıcı kültür özellikleri ile Avrupa ve İrani kavimlerden farklıdırlar. Hatta dil incelemelerine göre, ilah adları, şahıs adları, boy adları ve yer adları ile de Hint-Avrupalı değildirler. Bütün yönleri ile Hint-Avrupa halklarından seçiliyorlar [Bayat 2005: 9]. Ayrıca eski dünya halklarından biri olan İskit-Sakalar, ne İran kavimlerini iyi bilen Herodotos tarafından, ne de eski Romalı ve Yunan yazarlar tarafından hiçbir zaman Farslarla aynı millet veya aynı dilde konuşan kavimler olarak gösterilmemişlerdir.

Bisner, kafatası kemiklerine dayanarak İskitlerin Turani ırka mensup olduklarını söyler [Rasonyi 1993: 13]. Buna dayanarak, Orta Asya'da Altay'da yaşamış olan Turani ırkın hayvan motifli sanatının da benzer olması gerektiği sonucuna varabiliriz. Hayvan stili, Moğolistan'dan Karadeniz'e geniş bir alana yayılmıştı. Karakterine, semiyotik sembollerine göre hayvan stili, coğrafya ve zaman farklılıklarına rağmen (M.Ö. 2000 yılından, M.S. 9. Yüzyıla kadar) tamamen aynıydı. Türk resim sanatı, halıcılık, deri işlemeleri şüphesiz hayvan stili üzerine kurulmuştu [Bayat 2004: 2].

Tanınmış Avrupalı tarihçiler arasında, Hint-Avrupa halklarından seçilen İskit kavimlerinin, Ural-Altay ırkından olduğunu kabul eden B.G. Niebuhr, G. Grote, O. Franke gibi tarihçiler vardır. Hatta göçebeleri genelde İrani olarak kabul eden Eduard Meyer, Sakaların Türk soyundan olabileceğini eserinde beyan etmektedir [Durmuş 2012: 64].

Atı ilk evcilleştiren kavim olarak bilinen İskitlerin Türklüğü ile ilgili tarihi verilerden bahsederken "at" kelimesinin de anlamına ve tarihçesine değinmek gerekmektedir. At deyimini içeren ilk belgenin milattan önce Çin yıllığı Shich'i'de mevcut olduğu bilinir. Asya Hunları tarafından terbiye edilen yabani atlardan biri "K'uai-t'i" diye anılmakta ve Çince olmayan bu adın manası "büyük bir güç ile sıçramaya istekli" olarak açıklanmaktadır. Bu zikredilen isimde at sözünün ilk şekli ortaya çıkıyor. Kelimenin ilk hecesi olan "ku", Türkçe'de "sarışın, kumral" manalarına gelmektedir. Böyle olduğu takdirde bu isim Türkçe "kula veya doru at" anlamına gelmektedir. XI yüzyılda ünlü Türk dilci ve etnografyacısı Kaşgarlı Mahmud'un

Divanü Lugati't-Türk eserinde at ile ilgili olarak 180 civarında isim, atasözü, tabir vb. tespit etmiştir. Ayrıca, "Kuş kanadın, er atın" (kuş kanadıyla, er atıyla) diyerek Türk ile atın birbirini tamamlayan iki unsur sayıldığı hususunu da eserinde belirtmiştir [Kafesoğlu 1991: 26-28].

Bozkır tarihinin ve medeniyetinin öğrenilmesinde, at kültürünün araştırılmasında kurgan mezarlar önemli bir yer tutar. Konar-göçer kültür coğrafyası için kullanılan "kurgan kültürleri" tabiri, ekonomileri hayvancılığa dayalı toplulukların mezar ve ölü gömme adetleri için kullanılmaktadır. Kral veya Kağanlara özgü mezarlar olan kurganlar Türk tarihi ve kültürü açısından da önemli bulgular ihtiva etmektedir. Göçebe toplumlar sürekli hareket halinde olduklarından onların varlıklarının en önemli, kalıcı izleri hayatını kaybeden üyeleri için düzenledikleri kurganlar ve içlerindeki ölü hediyeleridir. Bu nedenle Kurganlar ve buluntuları tarih ve birkaç bilim dalları açısından oldukça önem taşır. "Kurgan" kelimesinin anlamı için çok faklı görüşler öne sürülmüşse de, bu sözcük öz Türkçe olup "korugan"dan gelmektedir. Ölüyü koruyucu, muhafaza edici anlamında mezarlara bu ad verilmiştir [Belli 2002: 927].

Atlı-göçebe hayat tarzının meydana getirdiği "kurgan kültürü"nün ilk örnekleri İskitlere dayanmaktadır. Kurgan dediğimiz bu yapılar İskit çadırının "öbür dünya" için hazırlanmış şeklidir. İskit kral mezarları Gerrahi'dedir. [Herodotos 1973: 71] Burası Borysthenes (şimdiki Dinyeper) ırmağının ulaşıma müsait olan ilk kısmının ucundadır. Bir kral öldüğü zaman kabileler arasında gezdirilerek buraya getirilirdi. Bu mezarın içine boş kalan yerlere boğularak öldürülen bir karısı, seyisi, hizmetçisi, habercisi, birkaç atı ve kendisine ait olan eşyalardan bir kısmı gömülürdü. Krala kolay hizmet edebilmeleri için hizmetçiler ona yakın yerleştirilmektedir. Atlar ise gömülme hücrelerinin dışına konulmakta, uyandığında kolayca yetişebileceği bir yerde ve aynı tepenin altında gömülmektedirler [Tarhan 1969: 164].

Kurgan kültürünün ana vatanı sayılan Altay ve Kazak bozkırlarında, arkeologlar tarafından araştırılmış kurganlar vardır. İç Asya bölgesinde, at kalıntılarına rastlanan en erken kültür, M.Ö. 3 binlere tarihlenen Afanesyeva Kültürü'dür. Afanesyeva mezarında araştırmacılar tarafından av ve hayvanlarla ilgili kültlere işaret eden at kemiklerine rastlanmıştı. Afanasyeva kültürü ve daha sonraları bu coğrafyalarda gelişen kültürlerin, bir bölümü dolaylı olarak, bir bölümü ise doğrudan doğruya Proto-Türk (=Ön-Türk) kültürü ve sanatının oluşumunda yer almıştır. Bu yüzden atlarla ilgili gelişmeler, Proto-Türkleri de ilgilendirmektedir [Çoruhlu 2012: 1053].

İrili ufaklı bütün arkeolojik bulguların Türk tarihinin öğrenilmesi açısından önemli olmasının yanında Katanda, Pazırık, Şibe ve Esik kurganları ihtiva ettiği eserleriyle daha değerlidirler.

Pazırık'ta Rus arkeolog Rudenko tarafından açılan M.Ö. IV. ve III. yüzyıldan kalma kurganlar çeşitli araştırmacılar tarafından değişik kültürlere mal edilmiştir [Rudenko 1970: 284]. Yalnız tanınmış bilim adamları tarafından kabul edildiği gibi biz de Pazırık kurganlarının Hun devrine ait olduğunu kabul etmekteyiz.

Pazırık kurganlarında çok sayıda donmuş at cesetleri bulunmuştur. Bu cesetlerin tetkiki sonucu o devrin at cinsleri hakkında önemli bilgiler elde edilmiştir. Şöyle ki, bu mezarlarda iki çeşit at tipine rastlanılmıştır. Birincisi bozkır veya Moğol atı dediğimiz tip, ikincisi ise "Türkmen atı" denen yüksek boylu iyi cins atlardır. Çin kaynakları "kan terleyen" dedikleri atların Ferganalılara ait olduğundan bahsetmektedir. Bu durum "Türkmen atı" dediğimiz atların bu bölgeye Batı Türkistan'dan getirilmiş olduğunu muhtemel kılmaktadır [Ögel 2003: 65].

Ayrıca bu bulgular Türk inanç ve mitolojisinden izler taşımaktadır. Bilindiği gibi Türkler, her zaman ikinci bir hayatın var olduğuna inanmışlar ve bu ikinci hayatın, dünya hayatına benzediğini düşünmüşlerdi. Bu nedenle yaşamları boyunca çok faydalarını gördüğü ve hayatının önemli bir bölümünü üzerlerinde geçirdikleri at'ları olmadan bir ikinci hayat tasavvur edememişlerdi.

Bozkır kültürünün temsilcileri olan Türkler, eski kaynaklarda atları ile anıldıkları gibi mezarlarında da atları ile birlikte gömülmüşlerdir. At Türkler için geçimlerini sağladıkları ekonomik bir varlık, savaşlarda ise kullandıkları bir araçtı. Bu sebeptendir ki, at Türk inanç, mitoloji sanat ve kültürünün ayrılmaz bir parçası olmuştur. Hatta atları binicileriyle birlikte gömme, at kurban etme gelenekleri de bu kültürde ortaya çıkmış ve yakın zamana kadar devam etmiştir.

Bu kültür ve coğrafyanın topluluklarından olan İskitlerde de ölünün cenaze töreninde ve definde at kurban edildiğini Herodotos'tan öğrenmekteyiz. Hatta İskitlerde Kral gömüldükten sonra geçen bir yılın sonunda, en güzel atlarından elli tanesinin boğulup, bağırlarının çıkartıldığını, içlerinin temizlenerek saman doldurulduğunu ve dikildiğini nakleder. (Herodotos, 2006: 323). Hun topluluklarında da aynı kültür devam etmiştir.

Bu gelenekler Pazırık kurganında elde olunan bulgularla ispatlanmıştır. Fakat burada bulunan kurban edilen atların kulaklarının kesik olması, bilim adamlarının farklı yorumlar yapmasına sebep olmuştur. Prof. Dr. Abdülkadir İnan'a göre kurban edilen on atın

nişanlarının ayrı ayrı olması, atların on kabile tarafından hediye edilmiş olduğunu göstermektedir [İnan 2010: 144].

Ayrıca atların kuyruk ve yelelerinin kesilmesi Türklerde bilinen bir matem alameti idi. Şöyle ki, bu gelenek 19. yüzyılın sonlarına kadar Kazak ve Kırgızlarda devam etmiş ve hiç şüphesiz İslam dininin tesiriyle bir takım değişimlere maruz kalmıştır.

İnsanlık tarihinde ulaşılan büyük başarı olarak değerlendirilen ehlileştirilmiş atların tarihlendirilmesi meselesi de bilim adamlarını bir hayli meşgul etmiştir. Bu mesele Güney Kazakistan'da yapılan araştırmalarla çözülmüştür. A. H. Margulan adına Arkeoloji Enstitüsü esas üyesi Viktor Fedoroviç Zaybert 1980 yılında Güney Kazakistan'da [Zaybert 2009] yaptığı araştırmalarla dünya tarihine birçok yenilikler ekleyerek katkı sağlamıştır ki, bunlar arasında ilk evcilleştirilen atın tarihlenmesi konusu da vardır. Arkeoloji verilerden elde olunan bilgilere göre yaklaşık 5500 yıl önce at bu bölgede evcilleştirilmiştir. Bu konuda İ. E. Kuzmina'nın da "Bota'yın Atları" isimli bir ilmi çalışması, "Polesenden Günümüze Avrasya'nın Atları" [Kuzmina 1997] diye kitabı da vardır. Ayrıca L.N. Gumilyev adına Milli Avrasya Üniversitesi biyoloji bölümünden Murat Jusıpbekoğlu Nuruşev'in de Avrasya atları konusunda çalışmaları göz ardı edilemez. Şöyle ki, "Botay Atı, onun Avrasya Kültüründe Önemi ve Evcilleştirilmiş Atların Tarihlendirilmesi Problemi" [Nuruşev 2011] isimli ilmi çalışması kültür tarihi açısından önemlidir.

Atlı kültür dairesi olan Kazak Altay bozkırları kavimlerin ve diğer kültürlerin gelişmesinde fevkalade sonuçlar doğuran evcilleştirilmiş atların vatanı ve dolayısıyla uygarlığın da merkezi olmuştur. Atlı bozkır kavimlerinin uygarlığı hep buradan çevreye yayılmıştır. Bu uygarlığın insanları, besledikleri atları eğiterek kendilerine alıştırmışlardır. Onlar çok iyi birer binici olarak da çevrelerindeki topluluklara korku salmış ve o topluluklar tarafından beğenilen, hayranlık duyulan insanlar olarak da anılmışlardır.

Bozkırda tarihi çağları bu kültür verileriyle izlersek benzerlerini hatta aynısını Hunlarda, Göktürklerde, Uygurlarda, Kıpçak, Peçenek, Oğuz boylarında, günümüzde bu halkların uzantısı olarak kabul ettiğimiz Kazaklarda, Kırgızlarda, Özbeklerde, Türkmenlerde, Yakut, Saka, Karakalpak Türklerinde, hatta Anadolu Türklerinde Selçuklularda, Osmanlılarda, Kafkasya Türklerinde, Balkanlarda görebilmekteyiz.

Tarihte Türkler bu atları ve geliştirdikleri süvari savaş teknikleri sayesinde diğer rakipleri üzerinde harp meydanlarında, ticaret alanında çok üstünlük sağlamışlardır. Ancak at sadece savaş aracı değildi, etinden ve sütünden istifade edilen bir besin kaynağı idi. Kullanımı

tarih öncesi devirlere kadar ulaşan ve eski Türk içkisi olarak bilinen kımız, kısrak sütünden yapılmaktadır. Mayalanarak elde edilen kımızın, Türkler ve onların etkisinde kalan halklar dışında dünyanın hiçbir yerinde kullanılmaması bunun doğrudan doğruya Türklerin icadı olduğunu göstermektedir [Eberhard 1940: 285]. Kımız içilen yerlerde Türklerin olduğu görülmüştür. Bu kelime bütün Türk lehçelerinde aynı telaffuz edilmektedir. Bu şekliyle Divanü Lüğat-it Türk'te de kımız kelimesine rastlanılmaktadır. Burada kımız almıla, yani ekşi elma anlamında kullanılmaktadır [Kaşgarlı Mahmud 1992: IV, 315]. Tarihi eski çağlara dayanan kımızın kullanım alanı çeşitli yerlerde kurulan Türk devletleri sayesinde geniş coğrafyalara yayılmıştır. Bozkırlardan uzakta Doğu Avrupa'da Hun Hakanı olan Atilla'nın sarayında bile kullanıldığını Bizans kaynakları yazmaktadır [Durmuş, 2014: 104, 81].

Bunların dışında Türklerde kımızın bayram ve törenlerde kutsal bir nimet olarak algılandığı görülmektedir. Yılın belirli günlerinde yapılan toplantı veya toylarda kımız içme geleneğinin Asya Hunlarında ve Göktürklerde olduğu tarihi kaynaklarla sabittir. Özellikle, Göktürklerin her yıl "ecdat mağarası"nda beşinci ayın ikinci yarısında "Tanrı", "kutsal yer ve su" için kurban kesip, kımız içip eğlendiklerinden kaynaklar bahsetmektedir [Durmuş, 2014: 81].

Bu gelenek bugün Orta Asya Türklerinde her yıl Mayıs ayında "kımız murundık" (kımız bayramı) şeklinde devam etmektedir. Kazak, Kırgız Türklerinin kutladığı bu bayramda atların kutlu olması, yarışı kazanması için alınlarına, sırtına kımız sürülmekte, büyüsel işlem kazandırılmaktadır [Çınar, 1996, 124].

Günlük yaşamın bir parçası olan Bozkır atlarının Türkler tarafından dışarı ihracı da yapılmıştır. Eski Türk atlarının görünüşü, hala Orta Asya'da yetiştirilen ve bugün dünya'da Moğol atı diye bilinen atların şekline bakılarak şu şekilde tarif edilebilir. Cidago yükseklikleri 140-150 cm. civarında olan bu atların başları oldukça büyük, omuzları çok iyi derecede gelişmiş, gözleri küçük, boyunları kalın ve göğüsleri derindir. Geniş göğüs kafesleri, çok kuvvetli sağrıları ve çok sağlam, kalın kemikli ayakları vardır. Tırnakları demir gibi sert, aşınmaya mukavimdir. Yeleleri ve kuyruğu gür olup, beli uzunca, ayakları ise fazla uzun değildir. TRT Televizyonunda yayınlanan Dünya tarihi isimli belgeselde anlatıldığına göre Cengiz han zamanında Türk atları bir günde 350 km. yol alabilmişlerdir. Bu belgeye göre bu atların ne kadar müthiş bir yaratık oldukları ortaya çıkmaktadır. Hatta TRT Televizyonunda yayınlanan İpek Yolu belgeselinde belirtildiği üzere Çin kayıtlarına göre yine Türklerin yetiştirdikleri Cennet atları günde 500 km. yol alabilmekte idi de-

nilmektedir. Bu Cennet atlarının bugünkü torunları hala Türkmenistan'da bulunan Ahal-Teke (Türkmen) isimli at ırkına mensuptur [Güleç, 2005: 147].

Tarih Bozkırın sırlı atlarının efsaneliğine her asırda şahitlik etmiştir. Böyle atlardan biri de, Kazak Türkleri tarafından yetiştirilen Don atıdır. Napoleon'un Moskova seferinde ağır geçen kış şartlarında binlerce Fransız atı öldüğü halde, Don atlarına hiç bir şey olmamış ve Kazak süvarileri enerji dolu Don atları ile Napoleon'u mağlubiyete sürüklemişlerdir. Bu tür, bozkır atının, Karabağ atı, Pers Atı ve Türkmen atı (Ahal-Teke) ile aralarında melez-leme yapılarak elde edilmiştir. 24 Saat içinde yani bir günde üzerindeki binicisi ile 300 kilometre yol alabilirler. Kazakistan ve Kırgızistan'da yetiştirilen Don atları her türlü şartlara çok dayanıklıdır [Güleç, 2005: 158].

Don Atı adı verilen at türünün yetiştirilmesinde damızlık olarak kullanılan Karabağ atını ise Azerbaycan Türkleri yetiştirmiştir. Bu atlar al ve doru renkli olup vücut yapıları ve görünüşü son derece estetik ve güzeldirler. Bu özellikleri nedeni ile diğer at ırklarına güzellik vermek için damızlık olarak kullanılırlar. Çok eski bir ırk olan, Karabağ atının yüksekliği 150 cm.dir. Bu atlar Azerbaycan'da Ağdam harasında yetiştirilirler [Settarzade, Hesenov, 1975: 6].

Türkiye'de ise Osmanlı devletinin Azerbaycan ve Kırım'ın kaybedilmesinden sonra Türkmen ve Tatar dünyasıyla bağların kesilmesi sebebiyle bu coğrafyada safkan atlar yalnızca Arap topraklarından gelir olmuştur. Bu tarihten sonra Osmanlı ideal at türü, parlak donlu ve ince topuklu safkan Arap atına benzemeye başlamıştır. Hicri 1106 tarihli Osmanlı Türk derlemesi Kitab el -makbul fi fadhail el-kuyul'da diğer iyi atlar arasında kısaca Türkmenler ve Oğuzlar tarafından yetiştirilen türlerden bahsedilmektedir [Esin, IV, 2002: 240].

Türk tarihi ve kültürünün her safhasında izlerine rastladığımız bu sihirli atlar Türk edebiyatında, destanlarında, halk şiirlerinde, halk sanatlarında ve nihayet arzu ve dileklerinde önemli bir yer işgal etmiştir. Çağımızın bile Türk aşık ve şairlerinin eserlerinde at tasvirlerinin olduğunu görmekteyiz. Mesela, 2008 yılında vefat eden Türkiyeli şair Dilâver Cebeci "Timurlenk Olsam" adlı şiirinde:

"Ben bir Timurlenk olsaydım
Alnı akıtmalı bir at üstünde
Ve bir kılıcım olsaydı
Kabzası yıldız kakmalı
Firuze ışıklar toplasaydım
Semerkant kubbelerinden
Ben bir Timurlenk olsaydım
Bozkırın ortasında" diyerek at üstünde tarihlere karışan Türk

Kağanı'nın özlemini çeker. Benzer örnekleri diğer Türk boylarında da görmek mümkündür. Değişmeyen bir şey vardır, bir birinden ayrılmayan yiğit ve at. Kuran'da Allah'ın "…soluk soluğa süratle koşan, koşarken ayaklarını vurarak ateş çıkaran, sabah erkenden baskın yapan, orada tozu dumana katan ve düşman topluluğunun ortasına dalan atlara andolsun ki, insan gerçekten rabbine karşı pek nankördür" [Altuntaş, 2006: 599] diyerek üzerine yemin ettiği At Türkün kanadıdır.

KAYNAKÇA

Durmuş İlhami, İskit Kültürü, Türkler Ansiklopedisi 4. Cilt, Ankara, 2002.

Durmuş İlhami, İskitler, Ankara, 2012.

Togan Z.V., Umumi Türk Tarihine Giriş, İstanbul, 1981.

Tutel Eser, At ve Atçılık, Ankara 1998.

Bayat Fuzuli, Bazı İskit/Saka Kelimelerinin Etimolojisi Üzerine, Karadeniz Araştırmaları Dergisi, Sayı. 7, 2005.

Rasonyi L., Tarihte Türklük, 3. Baskı, Ankara, 1993.

Bayat Fuzuli, Saka Etnoniminin Etimolojisi Üzerine, Karadeniz Araştırmaları Dergisi, Sayı. 1, 2004.

Kafesoğlu İbrahim, İslam Ansiklopedisi, AT (İslâm Öncesi), C. 4, 1991.

Belli O., Eski Çağ ve Orta Çağ'da Türklerde Kurgan Yapma Geleneği, Türkler c. III, Yeni Türkiye Yayınları, Ankara,2002.

Herodotos, Herodotos Tarihi, (Çev. Müntekim Ökmen), İstanbul, 1973,IV.

Tarhan T., "İskitlerin Dini İnanç ve Âdetleri", İst. Ün. Ed. Fak. Tarih Dergisi, 23 (1969), s. 145-170.

Çoruhlu Yaşar, Arkeolojik Kazı Sonuçlarına Göre Türklerde Mezarlara At Gömme Geleneği, 38.ICANAS 10-15/09/2007 Ankara Türkiye, Bildiriler Tarih ve Medeniyetler Tarihi, Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, C. III. Ankara 2012, s. 1053.

Rudenko Sergei, Frozen Tombs of Siberia The Pazyryk Burials of İron Age Horse, Berkeley: California Press, 1970.

Ögel Baheddin, İslamiyetten Önce Türk Kültür Tarihi, Ankara, 2003.

İnan Abdülkadir, Altay'da Pazırık Hafriyatında Çıkarılan Atların Vaziyetini, Türklerin Defin Merasimi Bakımından İzah, İkinci Türk Tarih Kongresi, Ankara, 2010.

Zeybert Viktor Fedoroviç, Botayskaya kultura, Almatı, KazAkparat, 2009.

Kuzmina İ. E., Loşadi Severnoy Evrazii ot Poliotsena do Soveremennosti, 1997, http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_61437#205

Nuruşev M. J., "Botayskaya loşad i ee znaçimost v Evrasiyskoy kulture i izuçenii problem domestikatsii roda Equus", İzvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, No: 3 (31) – Orenburg, 2011, s. 361-364.

Eberhard Wolfram, "Kitablar ve Mecmualar", Ülkü, XVI, 87, Mayıs 1940, s. 285- 286.

Kaşgarlı Mahmud, Divanü Lugat-it Türk, I- IV, (çev. Besim Atalay), Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992.

Durmuş İlhami, Türk Kültür Çevresinde Kımız, Milli Folklor, Yıl 26, Sayı 104, 2014.

Çınar Ali Abbas, Kazak ve Türkiye Türklerinde At Kültürü ve Atın Rolü, Ankara, 1996. (Basılmamış Doktora Tezi)

Güleç Ertuğrul, Türk At Irkları, Ankara 2005.
Settarzde R. KH., HESENOV S. O., Karabağ Atı, Bakü, Azerneşr, 1975.
Esin Emel, Türk Sanatında At, Türkler Ansiklopedisi, IV. Cilt, Ankara, 2002.
Âdiyât Suresi 1-6. Ayetler, Halil Altuntaş, Muzaffer Şahin, Kur'an-ı Kerim ve Yüce Meali, Diyanet İşleri Başkanlığı Yayınları, 12. Baskı, Ankara 2006, s. 599.

ON PROBLEMS OF STUDYING THE ANCIENT MOBILE PASTORALISM IN THE SYRDARYA BASIN: GIS APPROACH

Maksudov Farhat Alizhanovich*

ABSTRACT:
The article discusses the use of GIS technologies in studying the landscapes of mobile pastoralism in the Syrdarya Basin from the very beginning to the Medieval times. Preliminary GIS analyses demonstrate that the study area was a contact zone, where ancient tribes with various economies shared different ecological niches. However, from the Late Medieval Period the region faced an intense sedentarization due to various reasons - ecological, political, etc. A specific methodology for application of geoinformation technologies is developed.

KEY WORDS: Archaeology, mobile pastoralism, Syrdarya Basin, Central Asia, GIS technologies.

Geographically, Central Asia represents an enormous territory spanning from the steppes north-east of the Caspian Lake to the Jungar and Altay Mountains and from South Siberia to the Iranian Plateau and the edges of the Pamir and Kopet-Dag Mountains. Within this macro-region, there are several geographic units such as steppes, deserts, mountains, and oases.

The steppe ecotone is a broad expanse of grasslands stretching from east to west across the Eurasian landmass. North to south, the steppe grasslands become increasingly arid until they fade into the sandy deserts of the Qizil-Qum and Qara-Qum. In the east the grasslands continue up the northwestern slopes of knotty mountain ranges: the Pamir, Tian Shan, and Altay. Along the northern border, the steppe gently transitions into Siberian forests. The mountains surrounding the region on the south, south-east and east have numerous rivers and springs, which form fan-shaped deltas when they reach the plains. These deltas are covered with fertile river sediments and

* PhD., Institute of Archaeology Academy of Sciences, Tashkent, Uzbekistan Email: fmaksudov@yahoo.com

shape a strip of oases in between the mountains and deserts.

In the early stages of human history the pastures and foothills in Central Asia were converted into the centers of nomadic civilizations and represented cultural landscapes. One of them is the Syrdarya Basin, which has three main parts: upper, middle and lower flows. From archaeological point of view the Syrdarya Basin is considered to be one of the least studied but very interesting regions of Central Asia. Archaeological investigations show that the cultures here steadily developed beginning from the second millennium B.C.E. From this period, i.e. the Bronze Age onwards the Syrdarya Basin faced co-existence of two types of cultures – mobile pastoralism and sedentary farming. This co-existence became the main pattern of socioeconomic and sociocultural development in the region almost up until the 19th century.

The ancient human-nature interactions as a sociocultural and socioeconomic paradigm is the study object for both archaeology as well as environmental studies. The analysis of environmental conditions reveals the characteristics of human-nature interactions, which caused such a type of historical settlement patterns. The patterns of environmental resource use by sedentary farming and mobile pastoralist societies, occupied the ancient Syrdarya Basin from Bronze Age up to Early Medieval Period, are comprehensively studied in the light of the latest archaeological investigations. However, the inter-disciplinary approach with combination of the ecosystem analysis and archaeological data integrated into the Geographic Information System (GIS) have not been utilized by researchers. Moreover, the historical essence of this process has been hardly ever studied in Central Asian region.

Archaeologists engaged in studying the genesis of ancient cultures in Central Asia identify basically two types of cultures: the cultures formed as a result of gradual development of a society in a homogeneous sociocultural environment, and the cultures formed as a result of interactions between ancient societies. It is considered that in the first case the cultural innovations usually developed within the local sociocultural environment, while in the second case there occurred either so-called “stimulated transformation” under the indirect impact of external factors or “cultural integration” with assimilation of various cultural elements in a unique environment (Массон 2006).

Thus, it is considered that a more highly developed sedentary farming society skillfully using the environmental resources usually assimilated and wiped out, from cultural point of view, the nomad-

ic-pastoralist tribes. However, the analysis of settlement patterns of both culture types in a broader area of the Central Eurasian landmass demonstrates that from the environmental point of view these two socioeconomic life ways were not mutually incompatible. On the contrary, both social forms implied specific adjustments to the use of environmental resources and, in many cases, complex socio-economic relationships subsisted between them. Studies of mobile pastoralism in the territory of Central Asia have been informed predominantly by ethnographic studies of 20th-century nomadic groups (Shahrani 1979; Barfield 1989; Khazanov 1994) and ethnohistorical analysis. Recent historical studies in both western and Russian languages have replaced stereotypical views of "needy" or "extractive" nomads existing on the fringes of urban agricultural populations with more accurate characterizations that highlight the influence of nomadic hegemonies on the political economy of Central Asia (Golden 2003; Beckwith 2009).

A historical study of ancient nomadic pastoralism in Central Asian region cannot be complete without assessment of the available land resources favorable for cattle-breeding (Андрианов 1985). Studying the land cover with utilization of the analyses of remotely sensed satellite imagery integrated into the Geographic Information Systems is considered as a powerful tool in reconstruction of the historical landscapes. One of the main parts of this methodology includes the detailed assessment of the vegetation cover. The following geographic criteria is usually used for conducting the initial vegetation cover analysis such as elevation, slope, aspect, annual precipitation and soils. The natural borders of the major forms of land use – namely arable lands, non-irrigated agriculture, pasture, forestry, and barren lands – can be derived from analyzing any given territory using the remote sensing techniques. The next step typically includes integrating the archaeological map with the vegetation cover map in order to see the locations of archaeological sites within the classified land types. The study enables to think about the scales of pastoralism.

The analysis of the entire set of environmental features determining historical settlement patterns in the Syrdarya Basin is important in studying the long-term human-nature interactions. In order to advance scientific understanding of interrelationship between ancient communities and the nature, researchers also need to investigate the land use patterns of mobile pastoralist tribes existed in the region from Bronze Age to Late Medieval Period. As the second method, an interdisciplinary approach combining ecosystem and

spatial analysis with archaeological data using the Geographic Information Systems (GIS) and Remote Sensing (RS) technologies is essential for pursuing this objective.

Interaction between ancient human societies and the environment is a well-established socio-cultural and socio-economic dynamic both in archaeology and environmental studies. However, the historical depth of this process in Central Asian region has hardly ever been investigated; indeed, it is usually assumed that the presence of farming communities in a given discrete space would have normally wiped out the nomads due to assimilation. The primary hypothesis, which I propose is to contrast this perspective and demonstrate that, from an environmental point of view, these two ways of life were not mutually incompatible. On the contrary, both social forms implied specific adjustments to environmental exploitation and, in many cases, complex socio-economic relationships subsisted between them.

To accurately assess sedentary/nomadic (i.e. farmers/cattle-breeders) interactions it is necessary to develop a methodological approach specifically adapted to reveal and understand relations of these ways of life within the wider net of environmental settings keeping the people in the natural environment while at the same time not ignoring the critical cultural dimension of the human experience. This knowledge will foster a more truthful and accurate understanding of social dynamics in history of human-nature interactions (Frachetti, Maksudov 2014).

Geographic Information Systems and Spatial Analysis within the environmental science discipline, as a modern well-established science-based discipline, is able to employ terrain/environmental analysis and settlement pattern recognition to understand the long-term perspective historical relationship between human occupation, available natural resources and environmental change. This aspect introduces a dynamic facet in the discussion on use of natural resources, as well as on formation and transformation of spatial systems. Historical settlement pattern recognition and understanding the factors causing change in spatial distribution patterns today constitute a great challenge to clarification of central questions not only in landscape archaeology but also in environmental studies.

Recent developments in computer modelling and complex systems research provide a potential to capture the dynamic trajectories of historical development processes. Geographic Information Systems (GIS), which were initially developed as tools for storage, retrieval and display of geographic information, nowadays represent

a powerful tool for spatial distribution patterns recognition, analysis and modelling.

In historical and archaeological studies with the use of GIS technologies the outcomes of analyses and modellings are tested and validated by a broad framework of data established by combining the results from regional archaeological surveys, satellite remote sensing, and regional-scale environmental studies. This type of research can be conducted since theoretical approaches to understanding empirical data as well as the modern spatial analysis technologies (GIS and RS) are already well developed in the academic research. However, the academia in Central Asia is lacking both.

Preliminary study of the mobile pastoralist cultures in the Syrdarya Basin with the use of the GIS technologies and verification of the newly generated data with the written sources demonstrates the characteristics of cultural transformation in the region. Field investigations of the ancient sites dated from the beginning of the second millennium B.C. in the Syrdarya Basin show that in this region for a very long time early inhabitants were able to exploit first only naturally most suitable ecosystems with easy access to environmental resources like grass, water, etc. since their experience and knowledge in agriculture, i.e. cattle-breeding was primitive and, therefore, very limited. This explains why almost all of the ancient pastoralist landscapes in the Syrdarya Basin were located in the most favorable environmental niches.

Later, the pastoralist culture develops and pastoralists begin occupying lower deltas, the lands with relatively poor conditions (subject to salinization therefore less grass). At this stage pastoralists learned to implement summer camp – winter camp local scale migration which enabled them expanding their landscapes up and down the stream flow of the Basin.

Archaeologists monitor several waves of pastoralist sedentarization phenomena when several large settlements and towns in the region were rapidly developed in the 9-10th centuries A.D. Since that period the fertile oases in the Syrdarya Basin became exclusively agricultural regions with domination of irrigation. It is known from ancient manuscripts that most modern cities in the Basin were established a long time ago at the same location and their surrounding areas have been irrigated since the establishment of those cities (Al-Muqaddasi 1994).

Finally, according to Babur-Name, the famous medieval historical-geographic work by the King Babur-Shah, in the late 15th century A.D. massive areas in the upper and middle stream deltas

were covered by swamps, shrublands and scrublands rich in desert fauna. The existed farmlands were intensively irrigated and the agricultural products of the historical cultural regions of the Syrdarya Basin were well-known in the medieval markets of the Middle East (Babur-Name 1982). All towns and villages of the region described or mentioned in this book can be found at present; moreover, some of them turned into major modern cities.

At the end of 19th century Central Asia was occupied by Imperial Russia and immediately after the conquest the Russian authorities started agriculture oriented campaigns which turned this region into the raw agriculture product producer, namely, cotton and cattle. This situation continued when the Soviets came into power and created the socialist states in 1924. The efforts of the Soviet state reality were directed into creating a raw agricultural product producing base in Central Asia.

In 1930s the Soviet authorities launched large-scale programs of virgin land reclamation for irrigational agriculture and pasturelands in the Syrdarya basin. This resulted in construction of hundreds of kilometers of irrigation network (canals, open drainage ditches, dams, etc.) and occupation of thousands of hectares of virgin lands.

BIBLIOGRAPHY

Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии / Под ред. Л.Б. Кирчо. СПб.: Филологический факультет СпбГУ, Изд-во С.-Петербургского университета, 2006, 384 с.

Shahrani, M. N. M. 1979. The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan: Adaptation to Closed Frontiers. Seattle: University of Washington Press.

Barfield, T. J. 1989. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge, MA: Blackwell Publishers.

Khazanov, A. M. 1994. Nomads and the Outside World. Madison, WI: University of Wisconsin Press.

Golden, P. B. 2003. Nomads and Their Neighbours in the Russian Steppe: Turks, Khazars and Qipchaqs. Aldershot: Ashgate/Variorum.

Beckwith, C. I. 2009. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton: Princeton University Press.

Андрианов Б. В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). –М.: Наука, 1985. – 280с.

Frachetti M.D., F.Maksudov. The landscape of ancient mobile pastoralism in the highlands of southeastern Uzbekistan, 2000 B.C.–A.D. 1400 / Journal of Field Archaeology, 2014, Vol. 39, No.3, p.195-212.

Al-Muqaddasi. The Best Divisions for Knowledge of the Regions. Ahsan Al-Taqasim Fi Ma'rifat Al-Aqalim (10th century A.D.). Translated by Professor Basil Collins. Reviewed by Dr. Muhammad Hamid Alta'i. Published by Garnet UK, 1994.

Babur-Name 1982

Zapiski Babura. Publisher "CK KP Uzbekistana". Volume 2. Tashkent 1982. In

Russian (Babur-Name, Babur's Notes. 15th century).

АЛТАЙДАҒЫ ТҮРК ДӘУІРІНІҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ КЕЗЕҢДЕРІ

Бөгенбаев Нұрболат Ерденұлы*

Archeological periods of Turkic epoch in Altai

ABSTRACT:
This article deals with archeological monuments describing the history of the period of Turkic Kaghnate, which had an importnat place in Eurasian steppe. The most part of burial places of Turkic Epoch of Altai is situated in the territories of the Central, South-East Altai and the West Altai. These archeological monuments, which are thought to be the best models of civilization, represents the cultural and spiritual values of Ashina Turks, Altaic Tele tribes of Turks and the tribes of The First and the Second Turkic Kaghanates.

KEY WORDS: Altai, Turks, Tele, Ashina, Archaeology, Kaghanate.

Алтай – кең алқапты, нулы орманды, таулы өлке. Ол – көкке шаншылған шыңдарымен, сарқырап аққан Катун, Шу секілді өзендерімен, Алтын, Телец секілді бай көлдерімен ерекше. Алтай оңтүстікбатысында – Тянь-Шань тау сілемдерімен, батысында – қазақ даласымен, солтүстікбатысында – Құлынды жазығымен, солтүстігінде – Алтай жазығымен, солтүстікшығысында Салаир қыраттарымен және Кузнецкий Алатауымен, шығысында – Батыс Саян және Тува таулары жүйесімен, оңтүстігінде – Монғол Алтайымен шектеседі. Алтайдың негізгі бел ортасы Қатын-Шу жүйелері болып саналады.

Алтайдың ең биік жоталары мен шыңдары: Катанды, Солтүстік Шу және Оңтүстік Шу теңіз деңгейінен 4000 метр биіктікте орналасқан. Алтайдағы ең танымал – Бұқтырма, Би, Катун және Шу өзендерінің аңғарлары, бұлардың бәрі атам заманнан түрктік атауға ие қасиетті мекендер [Кубарев 1984: 13].

Осы аталған аймақтарда түрктердің археологиялық ескерткіштері көптеп сақталған. Ерте ортағасырлардағы Алтай өңірі түрктері туралы тарихта кеткен кейбір ақтаңдақтардың орнын толтыратын бірден-бір дереккөз – археологиялық ескерткіштер. Еуразия құрлығындағы тамаша өркениеттердің

* PhD доктор, ҚазҰӨУ Қорқыт атындағы ғылыми-зерттеу институты директорының орынбасары. E-mail: nurik198080@mail.ru

белгісі, түрктердің тарихи-мәдени ескерткіштері Алтай түрктері тарихын қайта жазудағы бұлтартпас айғақ болып саналады. Сол дәуірлердің куәсі болып осы күнге жеткен бай мұралардың қатарына тас мүсіндер, қорғандар мен ғұрыптық қоршаулар және түрлі бейнедегі петроглифтер сақталған.

Алтай өңірінің археологиясы XVIII ғасырдың ортасынан бастап зерттеліп келе жатыр. 250 жылдан астам зерттелу тарихы бар Алтай өңірінің археологиялық мұралары бүгінде ортағасырлық түрктер тарихын зерттеудегі толық деректік қорлар қатарына кіреді. Осы кезге дейін орманды Алтай өңірінде 125 қорым, 665 жерлеу орындары табылып, зерттелінді. Таулы Алтайда 84 қорым, оның ішінде 216 жерлеу орындары, сонымен қатар 300-ге жуық еске алу кешендері мен жекелеген қоныстар зерттелінді. Бұлардың зерттелген нысандары қатарына петроглифтерді, жазба ескерткіштер мен тас мүсіндерді қосуға болады [Тишкин 2002: 82-91].

Зерттелген жерлеу орындарының басым бөлігі Орталық және Оңтүстік Шығыс Алтай және Батыс Алтай территориясында орналасқан. Ежелгі түрк ескерткіштерінің негізгі осы аймақтарда шоғырлануы бұл өңірді ежелден түрктердің негізгі ата қоныстарының бірі екенін көрсетеді.

Алтай өңіріндегі түрктердің қорғандарын классификациялау XX ғасырдың басынан бастау алады. Ғалымдар Алтай өңіріндегі түрк мәдениетіне тиесілі ескерткіштер тобын алты кезеңге бөледі [Тишкин 2002: 82-91]. Олар: Қызыл-Таш кезеңі, Күдірге кезеңі, Катанды кезеңі, Тұяқты кезеңі, Қурай кезеңі, Балтырған кезеңі. Осы аталған бірнеше типтік ескерткіштердің арасынан біз тек, ерте ортағасырлық түрктерге қатыстыларын іріктеуді жөн көрдік. Осы іріктелген ескерткіштерді талдау, топтау, синтездеу және салыстыра зерттеу жүргізудің барысы түрктердің материалдық, рухани мәдениетінен және оларға қатысты тарихи оқиғаларынан маңызды деректер алуымызға мүмкіндік береді. Бұлардың ішінен Алтайдағы түрк дәуіріне жататын төмендегі төрт кезеңді бөліп қарастыруға болады.

Қызыл-Таш кезеңі (V ғасырдың екінші жартысы мен VI ғасырдың бірінші жартысы) Алтай өңіріндегі түрк мәдениетінің қалыптасу кезеңі деп белгіленеді. Бұл кезеңнің негізгі қорымдары мыналар: Ұзынтал - I, қ.1; Орақтай; Жоғарғы-Еланды қ.4; Үст-Бийке-III, қ.5,6; Тыткескен-VI, қ.5 және т.б. Еске алу кешендері: Қызыл-Тас; Көк-Паш, Күдірге, Үст-Қарасу-I, Меңдүр-Соққан-I, Қара-Қоба-I және т.б.

Тарихи оқиғалар бойынша Қызыл-Таш кезеңі 460 жылда-

ры Алтайға Ашина түрктерінің келуімен, және олардың алтай-телелермен араласу процесімен және Жужандарды талқандап, нәтижесінде 552 жылы Түрк қағанатының құрылу кезеңімен тұспатұс келеді [Серегин 2013: 129]. Алтай түрктерінің Телелермен бірігіп Жужан империясын талқандауы туралы ұлы оқиға Тан жылнамасында: «Түрктер телелердің күшімен сахарада қуатты империяға айналып, даққа бөленді» дейді [Бичурин 1950: 301]. Ал археологиялық тұрғыдан бұл деректер растала түсті. Мысалы, Алтайдағы Бұлан қобы мәдениетінің халықтары (алтай-телелер) алғашқы түрк жорықтарына белсенді қатысқаны археологиялық материалдар бойынша белгілі болып отыр [Серегин 2013: 130].

Күдіргендік кезең VI ғасырдың екінші жартысы мен VII ғасырдың бірінші жартысы аралығын қамтиды. Күдірге кезеңінің қорымдары өзінің ішіне бүккен бай материалдары арқылы түрк мәдениетінің жарқын көрінісін береді. Бұл кезеңде алдыңғы ескерткіштерге қарағанда біраз жерлеу заттары мен құрылымында өзгешеліктер байқалады. Күдіргендік кезеңнің қорымдары мыналар: Күдірге, қ.1-13,15, 18,22-26; Жаңа-Ауыл; Қара-Қоба-I; Қурай-VI; Катанды -3, қ.11; Тыткескен-VI, қ.10. Еске алу кешендері: Жан-Қоба; Текелі; Төменгі Сор; Мақажан және т.б. Күдіргендік кезеңге тән жерлеу ескерткіштері ішінен табылған материалдар түрк мәдениетінің қалыптасуы мен дамуын көрсетеді. Күдіргендік кезеңдегі ескерткіштердің ішінен алдыңғы кезге жататын заттардың тобын кездестіруге болады. Дегенмен де, алдыңғы дәуірдің мұрасы – Бұлан-Қобы мәдениетіндегі заттардың қатардан шығып қалуы сирек те болса кездеседі [Тишкин 2002: 91]. Есесіне жаңа формадағы: қылыштар, сулықтар, өрнектелген ердің қастары, геральдикалық стильдегі ауыздықтар мен белдіктер топтамасы, тамшы үлгісіндегі сырғалар мен салпыншақтар ескі заттардың орнын басқан Күдіргендік кезең түрк мәдениетінің жарқын көрінісін беретін бірденбір ескерткіштер қатарына жатады.

Күдіргендік кезеңнің мәдениетке қосқан үлес салмағынан бөлек, Еуразия даласындағы бізге бұлыңғыр болып келген Бірінші Түрк қағанаты тарихы тұсындағы әскерисаяси оқиғалардан мол деректер береді. Бұл кезеңнің тарихи оқиғалары Алтай өңіріндегі Алғашқы Түрк қағанатының билік құрған 552-582 жылдарымен және 582-630 жылдардағы – Шығыс Түрк қағанаты мен 630-650 жылдар Чеби қағанның Алтайға келуі секілді белгілі тарихи оқиғалармен тығыз байланысты. Нақты айтқанда Мұқан қағанның Жужандарды

толықтай жоюмен қатар, шығыстағы қидандар мен Байкалдағы қырғыздарды бағындыруы осы кезге сәйкес келеді. Кешікпей батыстағы эфталиттерді де тізе бүктірді [Кляшторный 1964: 20]. Түрктердің аз уақыттың ішінде мұндай үлкен жеңістерге жетуіне Батыс Түрк қағанатымен ауызбіршіліктерінің жақсы болуымен байланысты еді. Бұл жылдары Естеми қаған Арал маңын, Жетісуды және Хорезм жерлерін қарамағына қосып үлгерген болатын [Файзрахманов 2000: 92]. Кешікпей диқандардың батысындағы кумоци, шивей тайпалары да түрктердің үстемдігіне бағынды [Taşağıl 2012: 20]. Осы оқиғаларды куәландыратын археологиялық жәдігерлер Алтайдан Каспиге дейінгі аралықта кеңінен таралған.

Күдірге кезеңінің белгілі қорғаны – Күдірге қорымы алғаш рет 1924 жылы С.И. Руденко мен А.Н. Глуховтардың тарапынан зерттеліп, кезеңі б.з. VII ғасыры деп белгіленген еді. Іргелі зерттеу жүргізген археолог В.С.Киселев бұл ескерткіштерді қабір инвентарларына сүйене отырып, VVI ғасырларға тән деп кезеңдеді. Одан кейін Күдірге қорымы А.А. Гаврилова тарапынан зерттеліп, оның көлемді «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён» атты еңбегінің жазылуына себеп болды. А.А. Гаврилова Күдірге қорымының ішінен 20 шақты қорғанды VIVII ғасырларға сәйкес деп белгіледі. Бұлай деп белгілеуіндегі негізгі себеп, қабірден табылған заттардың ішінен 575-577 жылдар шығарылған теңгелердің де табылуы еді [Гаврилова 1965: 26]. Дегенмен, өткен ғасырларда Күдірге қорымының кезеңделуіне қатысты зерттеуші ғалымдар арасындағы қызу пікірталас болған еді [Савинов 1984: 204-205]. Пікірталастың басты себебі – Күдірге қорымдарынан шыққан геральдикалық стилдегі олжалардың Шығыс Еуропа, Кама маңы территориясындағы археологиялық ескерткіштерінде кеңінен таралғандығы. Мысалы, А.К.Амброз Күдіргендік белдік жиынтығына талдау жасап, оны VIII ғасырдың бірінші жартысына тән деп есептейді [Амброз 1971: 12]. Алайда, Күдірге қорымында кездесетін геральдикалық стилдерді еуропалықтардың қабылдауы VII ғасырдың алғашқы он жылдығынан кем емес екенін көрсетін [Азбелов 1993: 92] деректерді де жоққа шығаруға болмайды.

Күдірге кезеңінің тағы бір маңыздылығы Алтайдағы Чеби қағанның тәуелсіздік жолындағы ұлы шайқасын дәлелдейтін жерлеу орындарының табылуы. Тарихи деректерге сүйенсек, Чеби қаған өз әскерлерімен Алтайға келгенде олардың жауларының бірі қытайлар болса, екіншісі дала қарлықтары

болған. Кейіннен шығыста – қырғыздарды, батыста – Ертістің бас жағындағы қарлұқтардың күштерін өзіне қосып алады [Сыздықов 2000: 22]. Сондай-ақ ол чиктерді де бағындырып, Тува мен Алтайдағы түрктерді тұтас мемлекет астына қаратады [Кызласов 1969: 53-54]. Одан әрі тұрақты қағанат құру мақсатында Чеби қол астындағы халықтардан басқа шашыраңқы жатқан түрктілдес тайпаларды біріктіруді көздейді [Малявкин 1989: 20]. Ол туралы П.П.Азбелев «Күдірге қорымдарының пайда болуы VII ғасырдың екінші төрттігінде Чеби қағанның әскерлерінің Алтайда орналасуымен байланысты» десе дәл осындай пікірді Д.Савинов та өз еңбегінде айтады [Кляшторный 2005: 206-207]. Расында да Күдірге қорымдарынан көбінесе әскери жауынгерлер мен олардың қару-жарақтары көп кездеседі. Күдіргендік қорымдардан табылған археологиялық жәдігерлер Чеби қағанның әскерінен құралған түрктердің мәдени мұралары деп түсінуіміз керек.

Катанды кезеңі (VII ғасырдың екінші жартысы мен VIII ғасырдың бірінші жартысы). Бұл кезеңдегі қорымдардан күміс ыдыстар мен белдіктердің табылуы, мәдениеттің өркендеуін түрктердің сахарада билік құрған яғни, 682-744 жылдар Екінші Түрк қағанатының салтанат құрған уақытымен сәйкес келеді. Қағанат орталығы Алтайдан шалғайда (Моңғолия) жатса да, Алтай сол қағанаттың құрамында болған. Катанды қорымынан жібек маталардың табылуы ескерткішті VII-VIII ғасырлар деп кезеңдеуге мүмкіндік береді. Катанды қорымдары Күдіргендік ескерткіштерден жерлеу инвентарларымен ерекшеленеді (680-745 ғг.). Жерлеу ғұрыптарында Берелдік тайпалардың бір немесе бірнеше жылқымен жерлеу секілді дәстүрлері сақталған.

Катанды кезеңіндегі ескерткіштер құрамы төмендегідей: Катанды -II, Катанды -3, Боратал, Тыткескень-VI (қ. №1), Балык-Соок-I, Үлкен Жоламан-II, Қара-Қоба -II, Қара-Қоба -II, Шибе; Бике-I, Таулы-Алтай, Тянгис-Тыт; Үст-Чоба-1, Чоба-7, Чобур Ақ-1, Ақ-Алаха-1, Бертек-34, Қалжын-8, Ақ-Қобы (Ак-Кообы), Барбурғазы-II, Ұзынтал-V, Қурай-V,VII, Талдыайыр (Талдуаир)-I, Талдура-1, Юстыд-V XII, Қырлық, Балчикова-3, Бажынты, Жабыған (Ябоган)-I, Үлкен Құрманақ-1, Қыпшыл, Малталы, Шадыр, Юстыд, Согонол, Талдура-1 және т.б жатады [Тишкин 2002: 82-91]. Осындағы атақты Балық-Соқ I, № 11-қорғанынан табылған әр түрлі формадағы пластиналармен қатар алтын және алтын жалатылған сырғалар, күміс ыдыстар, күміс және алтынмен әшекейленген белдіктер, сауыт-сайманның бөлшектері, қытай заттары (айна, жібек, теңгелер)

және т.б. кездеседі [Кубарев 2008: 129].

Катанды кезеңі түрктердің әсери өнерінің келешектегі дамуы жөнінен көптеген ақпараттар береді. Бұл кезеңде ауыр қаружарақтың молынан қолданылғаны белгілі болды. Мысалы, бір қырлы және екі қырлы қылыштардың, сонымен қатар айбалта және «8» тәрізді ауыздықтар мен «S» тәрізді сулықтар, жүрек тәрізді кең көлемде жасалған үзеңгілердің жаңа үлгіде жасалғаны байқалады [Тишкин 2006: 35]. Мұндай үлгідегі үзеңгінің бірі Арбандық Чаатас ескерткішінен табылған. Осыған жақын «Т» үлгідегі үзеңгілер IV-VI ғасырларда Қиыр Шығыстан табылған болатын, алайда олардың бір ерекшелігі – ағаштан жасап, сыртын металмен қаптаған, ал алтайлық үзеңгілер таза металдан құйылып, үстіңгі жағы сәнделіп, өрнектелген болатын. Мұндай үзеңгілер Тувадағы Ұлы-Қорымнан (Улуг-Хорумнан), Минусин қазаншұңқырынан [Грач 1982: 156], Таулы Алтайдан да табылған болатын [Гричан 1999: 77]. Сондайақ мұндай ерекше үзеңгілерді Новосибирскідегі Крохалёвка-23 қорымынан да кездестіреміз [Троицкая 1998: 65]. Бұл үзеңгі түрлері Бірінші Түрк қағанаты территориясындағы қорғандарда көптеп кездеседі [Кляшторный 1964: 202-203]. Мұндай жақсы жетілдірілген үзеңгілер – түрктердің темір өндіру ісімен айналысқанын көрсететін бұлтартпас дәлелі. Сондықтан да түрктер ат үстінде еркін отырып, үзеңгіге аяқ тіреп шайқасудың қолайлылығы арқасында, телелерді, кейіннен жужандарды талқандап, ең соңында, Күлтегін жазуында келтірілгендей, дүниенің төрт бұрышын жаулап алуларына себеп болды

Тұяқты кезеңі VIII ғасырдың екінші жартысы мен IX ғасырдың бірінші жартысына жатады. Бұл кезең Ұлы далада 745-840 жылдары Біріккен Түрк қағанатының үстемдік еткен жылдарымен тұспатұс келеді.

Аталған қорғандарда көбінесе марқұмдарды жылқымен жерлеу салты басым болғанын көреміз. Ежелгі дәуірлерден белгілі жылқымен бірге жерлеу қорымдары, археология ғылымы дәлелдегендей, түрктерге дейінақ сақ, ғұн дәуірінен бастап белгілі болатын. Расында да Ашина түрктерінің Алтай өңіріне келуіне дейін бұл аймақта әртүрлі компоненттерден құралған түрк тілді тайпалар мекен еткені археологиялық және жазба деректер арқылы белгілі.

Көпшілік жағдайда түрк дәуірінің қорымдары көлемі жағынан шағын, диаметрі 15-20 метр аралығында болады [Киселев 1951: 492]. Жерлеу ғұрыптарында көбінесе жылқы немесе қой сүйектері және ғұрыптық ыдыстар мен

қаружарақтары, әшекей бұйымдары ғана сақталған. Алтай территориясы мен Таулы Алтай өңірінде мұндай ескерткіштер көптеп кездеседі. Атап айтқанда, Таулы Алтайда көне түрктерге дейінгі атпен бірге жерлеу қорымдарына берелдік типке жататын Катанды-1, Берел, Кокса, Яконур ескерткіштерін мысал етуге болады. Бұл ескерткіштер IVV ғасырлар аяғында Алтайға түрктер келгенге дейінгі Теле тайпаларының мәдениетінен жарқын көрініс береді [Гаврилова 1965: 54-57]. Жылқымен бірге жерлеу ертедегі сақ, ғұн, үйсін дәуірлерінен бері келе жатқан ғұрып болып табылады. Сондықтан да Алтайдағы жылқымен жерленген қорғандарға Катанды II, Курата I, Тұяқты VII қорымдарын айтуға болады. Бірақ орналасуы мен жерлеу заттарының ерекшеліктері олардан өзгеше [Савинов 1984: 47]. Жылқымен жерлеу дәстүрінің түрк тайпаларының қайсысына тиесілі екендігі туралы қазіргі уақытта мынадай үш түрлі ғылыми көзқарас бар:

1) С.А.Теплоухова, Н.Потапов, Л.Р.Кызласов, С.И.Вайнштейн, А.Д.Грач, А.Я.Шер, Ю.С.Худяков, С.П.Нестеров секілді ғалымдар қорғандардан шыққан жәдігерлер мен деректерге салыстырмалы зерттеу жасай отырып, жылқымен жерлеу дәстүрі түрктугюлерге тиесілі деген пікірді айтады;

2) А. Гаврилова, Л.Н. Гумилев, А.Савинов, Ю.И.Трифоновтар болса, аталмыш дәстүр түрктугюлерге емес, басқа түрк тілді тайпаларға, олардың ішінде Түрк қағанатының құрамындағы теле тайпасына тиесілі деп ой түйеді;

3) үшінші пікір тіпті басқаша. Олардың басында Сібірдің атақты археологғалымдары С.В.Киселев пен Л.А.Евтюхова тұрды. Соңғы пікір бойынша, жылқымен жерлеу дәстүрі әртүрлі тайпаларға тиесілі. Монғолиядағы ескерткіштер түрктерге, Алтайдағы ескерткіштер теле тайпасына, Минусин ойпатындағы қырғыздарға тиесілі деген пікірді ұстанды [Савинов 1984: 47]. Соңғы пікір ғылымда біршама мойындалған ғылыми тұжырым болып табылады.

Жылқымен жерленген ескерткіштердің қатарына Оңтүстік Сібір, Алтай, Тува, Минусин ойпатында орналасқан Бірінші Түрк қағанатына жататын бірнеше қорғандарды атауға болады. Енді жоғарыдағы төрт кезеңге бөлінген қорғандарға жекежеке тоқталып, олардың құрылымы мен зерттелу тарихын айта кету керек.

Қурай қорымы Қос-Ағаш аймағының Қурай даласындағы Тадила шатқалында орналасқан. Қорым жеті қорғаннан тұрады. Алғаш рет 1935 жылы С.В.Киселев пен Л.А.Евтюхова зерттеу

жұмыстарын жүргізіп, ғылыми айналымға енгізген.

Кокса қорымы. Катун өзенінің оң жағалауында орналасқан. Алғаш рет 1925 жылы С.И.Руденко тарапынан зерттелінген.

Катанды I қорымы төменгі Катанды өзенінің солтүстігіндегі Катун өзенінің сағасында орналасқан. Алғаш рет 1865 жылы В.В.Радлов жетекшілігімен 8-қорған және 4-қоршау зерттелінді, оның ішінде 4-қорғаннан жылқымен жерлеу орны табылды.

Катанды -II қорымы жоғары және төменгі Катанды өзендерінің аралығындағы Уймон даласында орналасқан. 1925 жылы С.И.Руденко зерттеген, кейіннен зерттеу жұмысы 1954 жылы А.А.Гаврилова тарапынан жалғасын табады, нәтижесінде қорымнан жылқымен жерленген бес адамның қабірі анықталды.

Тұяқты қорымы Онгудай аймағы Урсул өзені аңғарында орналасқан. Ең алғаш 1935 жылы А.П.Марков пен С.М.Сергеевтер, одан кейін 1937 жылы Л.А.Евтюхова мен С.В.Киселевтер тарапынан зерттелініп, нәтижесінде жылқымен жерленген тоғыз жерлеу орындары ашылды.

Құроты-I қорымы Онгудай аймағы Құроты өзенінің сол жағалауындағы Тұяқты елді мекенінен табылған. Алғаш болып 1937 жылы Л.А.Евтюхова мен С.В.Киселевтердің тарапынан бір қорғанына зерттеу жұмыстары жүргізілген болатын. 1977 жылы В.А.Могильниковтың басшылығымен тағы бір қорған ашылып, зерттелінді.

Ұзынтал қорымы Кош-Агач ауданының Ұзынтал өзені аңғарында орналасқан. Алғаш болып 1924 жылы С.И.Руденко мен А.Н.Глуховтар зерттесе, кейіннен В.Д.Кубаревтің зерттеу алаңына айналды [Овчинников 1990: 15-16].

Көкпаш қорымы. Бұл ескерткіштер В.В.Бобров, А.С.Васютин, С.А.Васютинаның еңбектерінде бүгешігесіне дейін талданған және зерттеушілер тарапынан б.з. III-IV ғасырлары деп межеленген болатын. Мұндағы қорған асты жерлеу орындары тас табыттармен жылқысыз жерленген. Қорымнан табылған заттардың ерекшелігі садақ жапсырмалары, жебе ұштары, темір бұйымдар алдыңғы Күдіргендік типке келеді. Осы ерекшелікті салыстыра келе ғалым Д. Савинов «әлбетте, бұл КөкПаш (кейінгі ғұн) және берелдік (ерте теле) ескерткіштер Таулы Алтай өңірінде Теле тайпаларының пайда болуы мен таралуына, сондайақ алтайтеле түрктерінің болашақтағы этномәдениетінің алғашқы көріністерінен хабар береді деген еді.

Трофимский, Покровск, Бобровск қорымдары. Бұл ескерткіштер Ф.Х.Арсланованың зерттеуіндегі Алтай өңіріне қарасты Шығыс Қазақстан территориясынан табылған ерте

ортағасырлық түрктердің жерлеу орындары. Ескерткіштер VII-XII ғасырлар деп кезеңделген. Олардың әрқайсысының диаметрі 6-12, биіктігі 15 метрге дейін жетеді. Қорғандардың көпшілігі тоналып кеткен. Тоналмаған қорғандардан көбінесе адам сүйектері, қару-жарақтар сонымен қатар жылқы және қой сүйектері кездесіп отырады. Қазақ Алтайына қарасты аймақтан табылып отырған бұл қорымдардан шыққан заттай деректердің аналогтары Қурай, Қатанды және Тұяқты қорымдарымен сәйкес келеді және VII-VIII ғасырлар деп кезеңдеуге мүмкіндік береді [Арсланова 1968: 101]. Түрктік қорғандардың басым көпшілігі Ашина түрктерінің және Алтайға келместен бұрынғы Теле тайпаларының, одан кейінгі Бірінші және Екінші Түрк қағанатының тайпаларының төл мұралары болып саналады. Жерлеу орындарынан басқа елдерден келген заттар сирек болса да кездеседі. Мысалы, Қытай жібегі Алтайдағы түрктердің жерлеу орындарының жартысына жуығынан табылып отыр [Кубарев 2008: 129]. Осыған орай, белгілі археолог Г.Кубарев жібектен тігілген киім санының көлеміне сәйкес, бұларды тек ақсүйектер ғана киген деп тұжырымдауға болады дейді [Кубарев 2008: 129] яғни, қорғандардың басым көпшілігі ақсүйектер әулетіне арналған болуы мүмкін. Сонымен қатар Алтайда жүргізілген археологиялық зерттеулер нәтижесінде Бірінші Түрк қағанаты дәуірінің ескерткіштері Алтай өңірін түрк мәдениетінің қалыптасқан ортасы ғана емес, сонымен қатар түрктердің әскери жорықтарының алғашқы базасы болғандығы анықтап отыр [Серегин 2013: 133]. Алтайдан басқа өңірлерде бұл дәуірдің ескерткіштері аз кездеседі. Мысалы, Тувадан осы дәуірге жататын үш нысан ғана анықталған [61]. Сонымен қатар Ашина түрктерінің ескерткіштері негізінен азда болса Монғолияда сақталған. Солардың ішіндегі Бірінші Түрк дәуіріне жататыны – ол Бұғыты және Идер кешені. Алтайдағы Бірінші Түрк қағанаты дәуірінің ескерткіштері негізінен Алтайдың автохтонды тайпаларына тән [Серегин 2013: 135] екені ғылымда мойындалған тұжырым болып табылады.

Жоғарыдағы деректерден байқағанымыздай Алтай өңірінде ежелгі түрктер VI-VIII ғасырлар аралығында Алтай өңірінде салтанатты империя құрып, әлемдік өркениет қатарында өз мәдениеттерін қалыптастырып, артына мыңжылдық тарихтың куәсін қалдыра білді. Археологиялық ескерткіштердің тарихты жазудағы маңыздылығы, олардың – жерлеу орындарынан табылған заттай деректердің тарихи оқиғалармен байланыстылығын көрсетіп беруінде. Табылған материалдарға

жинақтау, талдау, салыстыру жұмыстарын жүргізу сол өңірлерде болып өткен оқиғаларды реконструкциялауға мол мүмкіндік береді. Мысалы, қорғандардан шыққан алтын монеталар, Византия теңгелері, Қытай жібегі және т.б. басқа шетелдерден әкелінген заттар түрктердің саудаэкономикасын, сыртқы дипломатиялық қарымқатынастарын, әлемдік деңгейдегі саяси рөлін бағамдауға жол ашады.

ӘДЕБИЕТ

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: 1984. -232 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. – Горно Алтайск, 2002. -№ 9. -С. 82-91.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2013. -206 с

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Ленинград: Издательство АН СССР, 1950. –Т. 1. -470 с.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. -215 с.

Файзрахманов Г. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. – Казан: Мастер Лайн, 2000. -188 с.

Taşağıl A. Gök-Türkler. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2012. I-II-III Cilt. -482 s.

Гаврилова А.А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. – М.; Ленинград, 1965. -145 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. -176 с.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. – СА. -1971. -Т.2, № 3. –С. 106-132.

Азбелев П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник. – Санкт-Петербург; 1993. -Вып. 3. -С. 89-93.

Сыздықов С.М. Қарлық мемлекетінің тарихы: оқу құралы. – Алматы: Қазақпарат, 2000. -216 б.

Кызласов Л.Р. История Тувы в срединие века. – М.: МГУ, 1969. -212 с.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. - 436 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПб ГУ, 2005. -346 с.

Кубарев Г. Алтай түрктерінің жерлеу ескерткіштері. VI-VIII ғасырлар Евразиядағы түрк мұрасы (ғылыми-танымдық альбом) / ғылыми ред. А.Досымбаева. – Астана: Күлтегін, 2008. -264 б.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история). автореф. … док. ист. наук. – Барнаул, 2006.

Грач В.А., Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Корым в Южной Туве // в кн.: Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. -208 с.
Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: Горизонты Евразии, 1999. -№ Вып. 2. -С. 76-77.
Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1998. -152 с.
Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Издательство АН СССР, 1951. -643 с.
Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. – Свердловск: УрГУ, 1990. -223 с.
Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Приитриша (VII-XII вв.). Новое в археологии Казахстана. – Алматы, 1968. –С. 98-111.

ЭТНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ЭТНОНИМОВ КОЧЕВЫХ ЭТНОСОВ

Базылхан Напил*

Ethno semantic features of some etnhonym's nomadic ethnic groups

ABSTRACT:
We can say that among the ethnic character of the ancient Turks and wider - the steppe nomads, a special place was occupied by birds of prey, which have been linked to the outlook, many customs and traditions have survived to date.

KEY WORDS: Nomadic ethnic groups, ethno-semantic, ethno-symbolic, ethnonym.

В соответствии с Тенгрианством (с трехмерным категориальными представлением о мире - «Тенгри-Человек-Земля») у древних тюрков хищные птицы - символ верхного мира - Тенгри. Только они могли представлять «величественное синее небо Тенгри», поскольку были свободны и самоуверены. «Все благодатное и благополуное связано с Тенгри, от Тенгри зависит все, и улетает как птица душа человека к Тенгри» [Базылхан, 2004:52-53]. Все государственные атрибуты древних тюрков связаны именно с Тенгри и его символом - хищными птицами, олицетворяющими власть.

В данной статье представлены лишь немногие выявленные артефакты древнетюркского периода, на которых

* Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК. E-mail: napilbaz@gmail.com

есть изображение птиц и особенно хищных птиц, и они имеют важное значение. Среди них - изображение птицы на головном уборе полководца Кюльтегина, на золотой короне из поминального комплекса в честь Бильге-кагана, а также Алтын тамган тархана, Кули-чура, «Элгэнэ-булаг», «Аноним-4», на некоторых каменных изваянияхи петроглифах Казахстана и Кыргызстана. Для нас представляет интерес то, какие именно птицы изображены в этих памятниках. Есть множество исследовательских версий по этому поводу - беркут, сокол, ястреб, голубь, семург, павлин и др. Мы же предполагаем, что эти птицы являются изображением именно хищных птиц таких как - börüqut>bürküt> борикут (беркут) и sunqar>сункар (сокол).

В древне-, среднетюркских источниках сохранились титулы и этнонимы связанные с названием хищных птиц: čaγïr // čaγrï (сокол)+bek > чагрыбег, toγurïl (хищная птица) qan > тогурыл хан, toγan (сокол) > тоган, tuγγun (скопа) > туйгун елтебер, turqaq (хищная птица) > туркакы (охранники хана), šahin (шахин «шахский» < перс.) kerei > шахин гирей и др.

В сочинении Рашид-ад-дина «Сборник летописей» Боз-ок, Кун хан. Кайы, Байат, Ал-караули, Кара-уйли - аксункар (белый сокол), Ай хан: Йазер, Дукер, Дордига, Япарлы- буркит (орел), Юлдуз хан: Аушар, Кызык, Бек-дели, Каркын - таушанджил (охотничный орел за зайцами), Уч-ок, Кок хан: Баяндур, Бичинэ, Джаулдур, Чибин - сункур (кречет), Так хан: Салор, Имур, Алаюнтли, Уркиз - орки (горный козел), Дениз хан: Бекдир, Букдуз, Йива, Кынык – чакир (копчик) [Рашид ад-дин - СЛ, I-1, 1952 87-91].

В сочинении Абулгази Бахадур хана «Шаджара-и тюрк» написаны имена 24 внуков Огуз-хана и сказано об их тамгах и онгонах (куш) (священных птицах): Кайы — сункар (кречет), Байат – кюйгенек (сова), Алка-уйли - кобек сары (мышелов), Кара-уйли – турымтай (коршун), Йазыр – кыргу (копчик), Йасыр – кызыл карчыгай (перепелятник), Дудурга - кожген (красный ястреб), Дукер – жере лажын (коршун), Авшар – аксункар (белый сокол), Кызык – сарыша (сарыч), Бекдели – бакари (ворон), Каркын – субуркит (беркут), Байындыр –?, Бечене - ала туганак (пестрый сокол), Чавулдур – бугдайнак (хумай ?), Чепни – енчары (хумай?), Салор – беркут, Имир йагалбай (?), Ала-йонтлы – бику (копчик ?), Урегир – карчыгай (ястреб), Игдир – ителгу (ястреб), Букдуз – ? (балобан), Ава – туйгун (белый сокол), Кынык – чере карчыгай (ястреб) [Кононов, 1958: 54-55].

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что в среде кочевых тюркских племен существовали тотемные этносимволы, такие как, хищные птицы: орел, балобан, беркут, копчик, коршун, кречет, перепелятник, сарыч, белый сокол, сокол, пестрый сокол, хумай, ястреб, сова, мышелов, ворон.

Терминологическое разнообразие восходящее к названиям птиц имеет широкое применение с древнетюрских времен и до современности. Так, в древнетюркском письменном памятнике встречаются слова относящиеся к птицам: qušluγ qada> кушлуг када (птичья скала),turunjaja> тырна (журавль), taqïγu> тауык (курица), qaz> каз (гусь), а также, сомнительное слово učuq > учок (?) – хищная птица (учук-летать, кус учукчадыр - птица летит) [Радлов, ОСТН, 1893: 1724; ДТС, 1969: 604]. Несомненно то, что современные тюркские языки богаты названиями хищных ловчих птиц, например, в казахском языке: аксункар (кречет), сункар (сокол), ителги (балобан), бидайык (шахин), лашын (сапсан), жагалтай (чеглок), турымтай (дербник), боктерги (кобчик), дала куйкентайы (степная пустельга), кадимги куйкентай (обыкновенная пустельга), жерорта тенизи сункары (средиземноморский сокол), дала кыраны (степной орел), шанкилдек кыран (большой подорлик), буркит (беркут), бакалтак кыран (орел карлик), каршыгарак кыран (ястребный орел), улкен мыки (европейский тювик), каршыга (тетеревятник), кырги (перепелятник), мыки (тювик), сакалтай (бородач), журтшы (стервятник), кумай и др. [Қазақстанның қызыл кітабы, 1996: 128-157]. У казахов в аристократической среде широко использовались такие ловчые птицы как лашын, сункар [Ахметжан, 1999:14], а среди простого народа - беркут и др.

Общетюркское обозначение птицы quš // qus > куш, кус, гуш, кош, хус (птица) совпадает с древнемонгольской формой - qus > qos+ïγun>хошуу (клюв птиц), sib+aγun> шувуу (птица), тунгусо-маньчжурской формой - gas+ka> гасга (птица, журавль) [Захаров, ПМРС, 1875 : 304, 672-673]. Поэтому прототюркская форма была *qut // qot> qus // qos. Реликты данной формы сохранились в словах – qut >кут «счастье, благополучие»,börü+qut > борикут «волк+птица» > беркут, с семантикой «птица как волк, символ небесного Тенгри», qud- //quy - куй+рук (хвост, крылья).

В казахском языке с древнетюркского периода сохранилось реликтовое понятие о счастье - «кут кону, басына бак кусы кону» («когда на голову садится птица благоденствия, то приходит счастье»). Подобные представления есть и у других тюркских народов, в частности, алтайцы называет головной

убор камов (шаманов) «куш порук» (птичья шапка), у саха-якутов представление камов назвается «кут+урар».

Древние тюрки, говорили, что когда человек умирает «он улетает к Тенгри» - и использовали именно слово «летать» - uča bar > уча бар – [Базылхан, 2005 :52-54].

В этом ряду еще можно упомянуть древнетюркские синкретические корни qut-/ t=s/ qos- / s=z/ quz- / z = r / qur- // qïr- //qar- // qaz- /q=k/ ker - // kez [Кажибеков, 1986: 233-234] с общей семантикой «летающие, истребяющие, крылатые». Этносимволическое развитие данных корней: qut > кут - «счастье, символ Тенгри» - qus > кус «птица, крылатый, с клювом», qïr-> кыр «хищные птицы»

Слова обозначающие хищных и некоторых птиц в казахском и древнемонгольском языке сохранились в нижеследующих формах [Базылхан, 2000 : 407-409]:

На основе кыр-// кар-// кер-// гар-// гур- синкретических корневых морфем, мы можем сделать предварительную реконструкцию этнонимов встречающихся в древнетюркских письменных памятниках и связанных с тотемными и другими птицами, в частности qïr+qïz > қыр+ғыз (хищные+птицы), qurï+qan > құры+қан (птицы+горные), qar+luq > қар+лұқ (снежные+птицы, улар), qoy+qïr > хойхур > уй+гур (лесные // северные+птицы), bul+qar > булгар (водные+птицы), baš+qur+t > башкурт > башкиры (головные+хищные птицы), ker+iye+t > керейт (степные+хищные птицы), ar+qun> ar+γun>аргун (сильный северные+хищные птицы), qoŋ+γir+an > qoŋγirat – қоңқыран //қоңырат (хищные птицы) и др. [Базылхан, 2004: 54].

А также, приведем несколько названий птиц в казахском и монгольском языках, которые совпадает на уровне синхронии: буркит-бүргэд, сункар-шонхор, лашын-начин, ителги-идлэг, турумтай-торумтай, жагалтай-жагалдай, каршыга-харцага, кырги-хяргуй и др.

Этносимволом Tengri>Тенгри были хищные птицы, а его силой и могущественным посланником - человек в образе Börü >бори - хищного волка, который владел земным миром Jer>Жер. А символом матери-земли Umay>Умай стал Qun-// Quγ> лебедь. На протяжении длительного времени в тюркской среде сохранялись многие обычаи связанные с поклонением птицам [Баяр, Амартүвшин, Энхтөр, Гэрэлбадрах, 2003 : 75-83]. Например, когда кочевникам-тюркам было необходимо сделать сообщение более быстрым, они писали на бумаге «лети, лети, лети», наклеивали птичье перо на письмо. В качестве оберега

и с целью защиты и приобретения силы небесных хищников перья птиц прикрепляли к шлемам воинов, головным уборам детей и невест (саукеле) и др. вещам. Неслучайно двухголовый орел был государственным символом улуса Жучи («Золотой орды»). У казахов есть танец «буркит би» (танец орла). Монголы называют борцов - «qarčiγai>харцага, songqur>шонхор, način> начин», они перед началом традиционных состязаний исполняют специальный танец с «распахнутыми крыльями», символизирующий сильных хищных птиц.

Суммируя вышеприведенные данные мы можем сказать, что среди этносимволов древних тюрков и шире - степных кочевников, особое место занимали хищные птицы [Схема №1], которые были связаны с мировоззрением, многими обычаями и обрядами сохранившимися до настоящего времени.

Схема -1			
прототюркская форма (корневая синкретическая морфема)	в казахском языке	в древне-монгольском языке	другие формы в тюркских (хакас, тыва) языках
qud- // quy -	куй+рык (хвост) куй+кентай (пустельга)	- küyiküneg	
qun- // quγ-	ку (лебедь)	qun	
qus- // qos-	кос (крылья) кус (птица, клюв)	qos qos+ïγun	кучуген (орел)
qur- // quz-	кур (тетерев) куркылтай (ремез) куз+гын (ворон)	qur γurγoultai qon ker+iye	
qïr-	кыр+ан (ловчый, храбрый) кыр+ги (переплятник) кыр+гауыл (фазан) кыр+ман каз (гусь-гуменник-)	kir+γui kir+γoul	
qar-	кар+га (ворона) кар+кара (эгретка) кара+кус (могильник) кар+шыга (тетеревятник) кар+лығаш (ласточка)	ker+iye qar+kira qara sibaγun qar+čiγai qara+čiγai	кир+ен (лебедь) хар+лык (миф.птиц) хар+тыга (ястреб)

qaz- // kez-	каз (гусь) кез куй+рык (коршун)	γal+aγu el-iye	каз
+qut	бур+кут (беркут, орел)	bür+güd	кар+тал, эзир
+qar	сун+кар (сокол)	song+qur	ал+гыр

ЛИТЕРАТУРА

Ахметжан, 1999 - Ахметжан Қ. Лашын құстың патшасы, сұңқар құстың төресі // Парасат, 1999. № 7.

Базылхан, 2000 - Базылхан Б. Қазақ және моңғол тілдерінің салыстырмалы тарихи грамматикасы. Морфология. -Алматы, 2000. 446 с.

Базылхан, 2004 - Базылхан Н. Қыран құстың этносимволикасы: тарихи-этимологиялық шолу // «Рух-мирас» альманагы. Алматы, 2004, №1 (1).

Базылхан, 2005 - Базылхан Н. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. II том. –Алматы: Дайк-Пресс, 2005. -252-б. + 144-бет жапсырма.

Баяр, Амартүвшин, Энхтөр, Гэрэлбадрах, 2003 - Баяр Д., Амартүвшин Ч., Энхтөр А., Гэрэлбадрах Ж. Билгэ хааны тахилын онгоны судалгаа . Studia Archaeologica. Tomus (1)XXI, Fasc. 8. Улаанбаатар, 2003.

ДТС, 1969 - Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 604.

Захаров, ПМРС, 1875 - Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. Санктпетербург, 1875. С. 1129.

Кажибеков, 1986 - Кажибеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкретизма). Алма-Ата: Наука, 1986. 272 с.

Кононов, 1958 - Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абулгазы хана Хивинского. М-Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр.отд,1958. 193 с.

Қазақстанның қызыл кітабы, 1996 - Қазақстанның қызыл кітабы. Красная книга Казахстана. 1-том. Жануарлар. 1 бөлім. Омыртқалылар (авторлар ұжымы). 3-басылым, қайта өңделген және толықтырылыған. Алматы: Конжык, 1996. 327 б.

Радлов, ОСТН, 1893 - Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Том 1. Часть 2. Гласные. Санктпетербург, 1893. 969-1914 с. Алфавитный указатель 1-66.

Рашид ад-дин - СЛ, I-1, 1952 - Рашид ад-дин. Сборник летописей. Том 1, книга 1. (перевод с персидского А. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова). М.-Л., 1952.

ОБРАЗ ТАУТЕКЕ – СИМВОЛ ТЮРКСКИХ КАГАНОВ

Азбанбаев Марат Акторгаевич*
Байгунисова Гульбаршин Идрисовна**

* Судья Карагандинского областного суда. E-mail azbanbaevm@mail.ru
** Профессор кафедры иностранных языков и переводческого дела Карагандинской Академии «Болашак», д.ф.н.E-mail baigunisova@mail.ru

The icon of a mountain goat as the symbol of the Turkic Khagans

ABSTRACT:
The article considers the peculiarities of the icon of a mountain goat as a symbol of authority and power of the rulers of the Turkic khanate . The way of forming the icon of a mountain goat can be traced as the manifestation of strength and well-being on the linguistic and extra-linguistic material. Besides the material gained from scientific sources, there are examples of petroglyphs found by the authors of the article in the burial mounds next to Kara Olen winter camp in Kainar village (Karaganda region).

KEY WORDS: Symbol, image, mountain goat, Turkic qaghanate, petroglyphs.

Близость человека и природы обусловила сакральность традиционной культуры и искусства кочевых народов Центральной Азии. Тесно были переплетены между собой все сферы их жизнедеятельности. Образы животного мира расценивались не только как представители природы, но и символизировали определенную философию, демонстрировали взгляд кочевников на мир. «В бронзовом веке существовала уже сложная система представлений о знаках. Они широко использовались в маркировании различного рода недвижимых и мобильных объектов, в мифо-ритуальных комплексах календарного цикла; ими отмечали природные явления и некоторые окружающие объекты. В это время сакрально-магическая функция символов и знаков являлась ведущей в сфере духовного развития общества» [Самашев 2010: 7].

В эпоху скифов существует уже системное выражение у символических знаков, содержащее в себе указания на определенные общечеловеческие характеристики. Так, А.Акишев говорит о том, что в мифологии саков, космологической системе сакских племен теке рассматривается как символ мужской силы, плодородия [Акишев 1984: 36]. Он также отмечает, что «звериный» стиль саков не знает ни домашнего козла, ни домашнего барана. Изображали дикого козла (Capra sibirica sakeen) и другие его разновидности архара (Ovis ammon Linnaeus). [Акишев 1984: 94].

У древних евреев козел у обозначал вожака, вождя, царя, был символом непоколебимой силы. У народов Междуречья, Кавказа, Персии во времена язычества прослеживается подобное значение образа козла, особенно горного козла.

Такое почитание горного козла в раннее средневековье и особенно в древности объяснялось вековыми наблюдениями скотоводов за характерными свойствами этих животных: их способностью вести стадо, обнаруживая при этом большую силу, выносливость, осторожность, отвагу, и находить путь в самых труднодоступных и непроходимых горных районах.

При этом в научной среде продолжаются споры о том, откуда и под чьим влиянием появился этот образ, как трансформировался в скифскую среду и что обозначал. Ведущие специалисты по скифской культуре определили, что зооморфные образы функционировали в качестве средства моделирования мира в культуре праскифов задолго до формирования искусства звериного стиля, но не имели изобразительного воплощения вследствие иного отображения своей культуры. Когда же объективные причины породили необходимость воплощения этой древней модели мира в изобразительных образах, наиболее пригодным для этого оказался именно зооморфный код, так как «животные отождествлялись с первоэлементами Вселенной – огнем и водой». М.М.Маковский приводит сравнение и.-е. **dau-* «жечь» (и.-е. *deu-* «почитать божество»), а также осет. *don* «вода» (ср. и.-е.**dhaunos* «животное») [Маковский 1996: 108]

Образ таутеке, являвшийся у древних тюрков символом власти, получило широчайшее распространение среди наскальных изображений древнетюркского времени, зафиксированных на территории Монголии, Тувы, Алтая, Центральной и Средней Азии. [Alyılmaz 2015, Самашев 2010 и др.].

Мотив таутеке среди петроглифов Казахстана распространен с эпохи неолита. Е.Турсунов в работе «Генезис казахской бытовой сказки (в аспекте связи с первобытным фольклором)», ссылаясь на историков, говорит о том, «что среди наскальных рисунков, идущих со времен первобытности, и обнаруженных на территории расселения тюрко-монгольских народов, изображения козла-теке являются едва ли не самыми распространенными» [Турсунов 2004: 45].

Обращает внимание на себя то, что изображение таутеке часто использовался как обозначение самой высокой точки, вершины определенного предмета, так как его образ – это зооморфная параллель Мировому дереву. Он уподобляется огню, свету и воде. Так, описывая одежду Золотого человека, А.Акишев указывает, что в «Иссыкском кулахе золотой архар венчает ось головного убора, что равнозначно верху Мирового

дерева. Он должен был считаться солнечным [Акишев 1984: 104-108]. У ираноязычных народов прослеживается связь козла с культом гор, циклом «дерева» и плодородия. На Древнем Восток козел — это мужской стимулятор плодородия древа жизни или богини-матери.

Образ горного козла является одним из элементов структуры Мирового дерева — Древа жизни, и поэтому его рассматривают в качестве посредника между этим миром и Космосом. Вполне логично, что вершину головного убора (кулаха) Золотого человека венчает миниатюрная золотая статуэтка архара

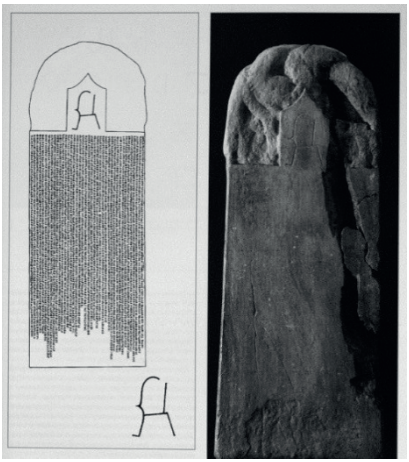
Фото 1. Миниатюрная статуэтка архара на вершине кулаха Золотого человека. kirsoft.com.ru/mir/KSNews_171.htm

Женский головной убор Золотой принцессы, обнаруженной в Теректинском районе Западно-Казахстанской области (2012 г.), также украшен протомом таутеке.

Фото 2. Фрагмент головного убора Золотой принцессы. Теректинский р-он, ЗКО. https://www.google.kz/uralskie-arheologi

Сложившийся в течение веков сакральный образ таутеке выделил его на особое место в Тюркском каганате –в виде силуэта горного козла с прямой вертикальной черточкой на спине [Самашев 2010: 22].

Фото 3. Тамга каганского рода на стеле в честь принца Культегина



Эта была тамга каганов правящей династии. Ее можно увидеть на многих древнетюркских памятниках – каменной стеле, поставленной в честь тюркского принца Кюль-тегина, памятнике Бильге кагану, «на скульптуре льва из Шивээт улана, на плиту-обелиск Алтын тамган тархана из Хул Асхата» [Самашев 2010: 35].

Прямую вертикальную черточку на спине схематичного образа таутеуке можно объяснить тем фактом, что еще со времен скифов «большинство [царских знаков] имеют устойчивую вертикальную ориентировку (по оси симметрии) на поле предмета». Это и отражение кочевого образа жизни – «у древних племен Семиречья… существовала вертикальная система кочевания, от зимников в предгорьях — вверх к высокогорным джайляу. Таким образом, сама природа безвыходно диктовала эпос и все его богатые атрибуты [Акишев 1984: 31-32, 146].

Согласно преданиям, каганы вели свое происхождение от верховного бога Тенгри и обладали особой благодатью (құт). Как известно, одним из свойств, которым наделяли образ таутеке издревле, была роль проводника воли бога на земле. Это

нашло отражение в культуре тюрков еще до создания Тюркского каганата. На кулахе Золотого человека 8 золотых гор имеют по три вершины, «на них — пять симметрично расположенных деревьев с четырьмя ветвями, на которых сидят пять птиц, и с пятью фигурами козлов на вершинах» [Акишев 1984].

Таутеке обитает высоко в горах, как считали тюрки, ближе к богу. Поэтому его расценивали как посланника бога, его вестника. Ч.Алыйлмаз в своей книге «Orhun Yazıtlarının Bugüngü Durumu» приводит ряд наименований горного козла в турецком языке - kök teke, kök erkeç, kök eçki, kök çebiç, kök koşot – где присутствует слово kök («корень, основа»). То есть, образ этого животного олицетворялся не только с небом, но и с основой жизни [Alyılmaz 2015: 526]. Поэтому тюркские каганы, усматривая связь между таутеке, как представителем, посредником бога на земле, и своим укладом жизни, следуя традиционному взгляду на это животное в истории, сделали образ горного козла символом Тюркского каганата.

Турецкий ученый перечисляет черты, которыми наделяли таутеке древние тюрки: güneş – солнце, ışık – свет, aydınlı – светлый, erişilmez, erişilebilmez – недосягаемый, yüce– высокий, bilgeli – мудрый, bağımsızlık – независимый, özgürlük – вольный, kararlı – решительный, çevikli– быстрый, проворный, живой, bolluklı, bereketli – изобильный, hareketlilik – находящийся в движении, zenginlı – богатый, asaletli – основательный, cesaretli – смелый, храбрый, отважный) - и риходит к выводу, что образ таутеке вначале символизировал только кагана, а в последующем – династию кагана и все, что связано с ним [Alyılmaz 2015: 527].

Следы этого царственного знака есть и в нашем регионе. В 2007 году исследователем М.А.Азбанбаевым недалеко от зимовки Қара Өлен (Карагандинская область) были обнаружены курганы с разнообразными петроглифами [фильм «Руханият» 2012, Байгунисова 2013, 2015], множество из которых – изображение таутеке (около 40 наскальных рисунков этого животного). Примечательно, что схематичный образ таутеке здесь не содержит вертикальной черточки на спине, что может указывать на исходную форму этого петроглифа, а, следовательно, а на более древний возраст изображений:

Фото 4.

Фото 5.

Сам принцип начертания этого животного разнообразен. Это и, так называемый, классический способ (фото 4, 5). Встречаются и изображения таутеке с двумя рогами:

Фото 6.

Есть изображения таутеке с сильно закругленными рогами:

Фото 7.

Фото 8.

Обращает внимание разнообразие петроглифов с таутеке

на этих курганах. Много наскальных рисунков, где показана группа этих животных:

Таутеке изображены с другими животными:

На некоторых рисунках таутеке ижображен с людьми:

Фото 11.

Образ таутеке был использован и как отражение дуализма. Как считают ученые, противопоставление в дуальной системе было упорядочено. Свет сдерживается тьмой, вырываясь из ее теней на свободу, пробуждаясь к развитию, росту, зениту. Тьма же гасит его, ограничивая, препятствуя накоплению его силы. Но тьма и свет – два начала мира, неразрывных, но действующих с разных сторон. «Мифопоэтическим сознанием выработана система бинарных противоположностей, отражающих полярные понятия, явления и т. д.» [Акишев 1984: 51] . Это было выражено и в скифском зверином стиле:

Фото 12.Украшение из одежды Золотого человека

С точки зрения Ю.А.Зуева, основу социального и политического устройства Тюркского Каганата составлял принцип дуализма. Это означало необходимость соблюдения

интересов двух кланов, представителей отцовского рода ашина и материнского ашидэ. Соблюдение права заинтересованности материнской фратрии значило соблюдение интересов родной земли — матери — кормилицы. Нарушение принципа дуализма приводило к кровопролитиям [Зуев 2002].

Философия дуализма добра и зла, отражающая природный контраст между светом и тьмой, жизнью и смертью, мужщиной и женщиной была заложена еще в древности. Так, среди наскальных рисунков на курганах возле зимовки Қара Өлен есть изображение таутеке, олицетворяющих этику дуализма:

Наличие большего количества образа таутеке, символа тюркских каганов среди древних петроглифов на территории урочища Қара Өлең свидетельствует о начальных этапах развития символов государственности в истории тюрских народов.

Особое место образа таутеке в жизни тюркских каганов обусловлено его историей в системе знаков, которое впоследствии нашло отражение и на уровне номинации. М.М.Маковский, сравнивая семасеологические параллели имени «козел»в разных языках, обнаруживает значения «бог», «божество», «священный»: и.-е. *ag- «козел», но и.-е. *ag- «почитать Божество», а с другой стороны, лат. a*qua* «вода» и греч. ἅγιος «святой», а также гот. *aha* «(мировой) Разум» (Божество), др.-инд. *ahi* «змея» (символ Вселенной). Ср. далее тох. А *cemäl* «скот», но греч. χ*а*μηλός «нижний, внизу», латышск *zems* «внизу», греч. χ*о*μή «волосы», лат *animal* «животное» (и.-е. *an- «дышать»), но гот. *Ans* «священный столб, которому поклонялись язычники», др.-сев. (древнесеверогерманский) *ass* «Бог», а также и.-е.*is «низ, внизу», англ.диал. *easel* «искра» [Маковский 1986: 108.].

Таким образом, выбор образа таутеке как тамги правителей

Тюркского Каганата был обусловлен сложившимся значением этого знака, исторической семантикой данного символа.

ЛИТЕРАТУРА

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Көне түрік таңбалары. Ancient Turkic tamga-signs. – Алматы: Абди, 2010.
Акишев А. Искусство и мифология саков. – Алматы: Наука, 1984.
Маковский М.М. Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов. – М.: Русские словари, 1996.
Турсунов Е. Д. Генезис казахской бытовой сказки (в аспекте связи с первобытным фольклором). - Алматы: Дайк-Пресс, 2004.
Alyılmaz C. İpek Yolu kavşağının ölümsüzlük eserleri,- Ankara, 2015.
Фильм «Руханият». – Телекомпания «Казахстан-Караганда», 2012.
Байгунисова Г.И. Сюжеты графики урочища Кара Олен. // Материалы Республиканской научно-методической конференции, посв.юбилею Г.А.Мейрамова. – Караганда, 2013.
Петроглифы как один из первых письменных источников информации. // Мат. Межд.форума «Лингвистическое наследие и тренды нового времени», 2 апреля 2015г. – Алматы, 2015.
Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. - Алматы.Дайк-Пресс, 2002.

ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ ПЕТРОГЛИФОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ ТУВЫ

Чадамба Лариса Дадар-ооловна*

Images and stories of ancient Turkic epoch Tuva petroglyphs

ABSTRACT:
The article is devoted to images and stories of ancient Turkic petroglyphs time on the territory of Tuva. Compared with the figures relating to the Bronze Age and Scythian times , the petroglyphs of ancient Turkic time quite a bit. But despite this, the ancient Turkic complex drawings presented expressive, in some cases, unique samples of rock art.

KEYWORDS: Ancient Turkic epoch image “type Churuktug-Kyrlan”, engraving, Sayan canyon of the Yenisei.

Петроглифы эпохи раннего средневековья на территории Тувы изучены недостаточно, и может по этой причине по сравнению с рисунками, оставленными древними художниками

* Кандидат исторических наук, Тувинский институт гуманитарных и социально-экономических исследований chadamba2001@mail.ru

других исторических периодов, древнетюркских изображений относительно мало.

Выделение древнетюркских рисунков, как справедливо полагает исследователь наскального искусства Тувы М.А. Дэвлет, также проблематична, в связи с отсутствием достаточно твердых «опорных точек». Приходится ограничиваться стилистическим анализом и сравнением их с синхронными рисунками соседних регионов [Дэвлет 1976: 41].

Стилистически изображения, отнесенные исследователями к древнетюркскому времени можно разделить на две группы: это изображения, выполненные довольно реалистично и схематичные геометризированные фигуры, в основном это изображения горных козлов, названные М.А. Дэвлет П-образными фигурами, а А.Д. Грачом изображениями «типа Чуруктуг-Кырлан».

В эпоху раннего средневековья рисунки стали исполнятся в технике резной гравировки, когда рисунки вырезались острым тонким металлическим предметом. Также сохранилась техника точечной выбивки.

Древнетюркские рисунки в Туве, представленные на памятниках наскального искусства Куйлуг-Хем, Сыын-Чурек, Чайлаг-Хем, Бий-Хем, расположены в Центральной Туве, в Саянском каньоне Енисея. Петроглифы, в Саянском каньоне Енисея изучены и описаны в многочисленных монографиях и публикациях М.Д. Дэвлет.

Однако преобладающее большинство петроглифов древнетюркского времени представлено в западной части Тувы, это памятники наскального искусства Хорум-Даг, Тапсы, Биче-Хая, Каттын-Шат 2-6, Кызыл-Мажалык 1-3, 5, Кызыл-Тей 1, А, Б. Монгун-Тайга 1-3, Овюр 2, 4, 5, 6, 7, 9,10,13-22. И это не случайно. Судя по многочисленности археологических памятников древнетюркского времени можно утверждать, что Западная Тува входила в центр культурогенеза и этногегеза тюркских племен.

Местонахождение петроглифов Куйлуг-Хем впервые стало известно благодаря художнику Первого отряда СТАЭН М.А. Петухову. Позднее рисунки Куйлуг-Хема были исследованы М.А. Дэвлет.

Древнетюркский комплекс петроглифов на Куйлуг-Хеме, представлен изображением всадника, лошадей, козлов, фантастического зверя, юрты и др.

По описанию М.А. Дэвлет, лошади обладают высоким

ростом, статные, сухопарые с мускулистой грудью, сильным крупом, тонкими ногами, плавной выгнутой «лебединой» шеей, узкой мордой. Изображения животных выполнены в технике гравировки. Фигуры выгравированы настолько тонкой линией, что еле заметны на фоне скалы. Только на фотографиях исследовательнице удалось рассмотреть отходящие от верхней части шею и головы коней черточки, обозначающие определенным образом подстриженную гриву. На куйлуг-хемских скалах древнетюркские рисунки немногочисленны и в основном представлены изображениями лошадей. Всадник изображен условно и схематично и тоже выполнен в технике гравировки. Торс человека передан прямой линией, голова показана кружком. Черточку, отходящую от нижней части головы через плечо на грудь, М.А. Дэвлет интерпретирует как косу, подтверждая древнетюркский возраст изображения, так как мужчины в это время заплетали волосы в косу. Так же на скалах Куйлуг-Хема представлено еще одно изображение вооруженного воина, со сложным луком и длинным копьем [Дэвлет 1976: 41]. Животные на Куйлуг-Хеме представлены фигурами козлов с П-образными фигурами, когда ноги переданы параллельно, прямой спине. Такие изображения сопровождаются с руническими знаками, оставленными древнетюркскими племенами и подтверждают связь Тувы с остальным тюркским миром эпохи средневековья. Уникальным на Куйлуг-Хеме является изображение фантастического зверя с полосами на туловище. По мнению исследователя памятника для рисунков периода раннего средневековья характерна заштрихованность, которая может означать полосы на туловище животного.

На памятнике Хорум-Даг, расположенном в Дзун-Хемчикском кожууне, вблизи пос. Хорум-Даг самой выразительной среди древнетюркских рисунков является сцена охоты, где показан лучник в длиннополом одеянии, стреляющий в козла, которого также преследуют две собаки. Эта сцена отличается необыкновенным динамизмом и является уникальным образцом древнетюркского искусства. Сам памятник стал известным относительно недавно (рис. 1). В 2012 г. был выявлен автором статьи в ходе инвентаризации объектов культурного наследия, расположенных на территории Дзун-Хемчикского кожууна. Плоскость с данной сценой расположена почти на вершине горы. Нижние ярусы памятника представлены изображениями быков, датируемые эпохой

бронзы. Средний ярус горы представлен рисунками скифского времени. А верхние – рисунками древнетюркского времени. В основном это изображения животных, выполненные довольно схематично.

Уникальным является композиция, отображающая ритуал умыкания невесты представленная на горе Сыын-Чурек, в Центральной Туве (рис. 2). Гора одиноко возвышается среди степи и имеет очень правильные треугольные очертания. Памятник расположен вблизи пос. Иштии-Хем на левой стороне долины р. Иштии-Хем, в 20 км к ЮЗ от г. Шагонара. Петроглифы открыты в 1957г. С.И. Вайнштейном и подробно описаны в монографии [Вайнштейн 1974]. К раннему средневековью исследователь относит изображение всадника с укрюком, сцены охоты всадников с копьями в руках в сопровождении собак (рис. 3).

На правом притоке р. Хендерге находится местонахождение петроглифов, обследованное археологом К.В. Чугуновым в 1999 г., а затем М.Е. Килуновской в 2000 г., М.Е. Килуновской и автором статьи в 2006 г., 2007 и 2009 гг. Петроглифы Чайлаг-Хема представлены уникальными рисунками животных, изображенных необычно для петроглифов Тувы. Этот стиль нами назван по названию местечка и памятника «чайлагским» и датирован эпохой поздней бронзы. Богат на этом памятнике пласт древнетюркских рисунков, это воины с луками, с флагами и копьями, в рогатых и островерхих шлемах. Всадники изображены относительно реалистично (рис. 4).

Также на этом памятнике есть композиция с изображением двугорбого верблюда, расположенная под небольшим скальным навесом. В него впряжена «кибитка», которая прямой линией присоединена к хвосту верблюда. У «кибитки» отсутствуют колеса. Внутри «кибитки» черточками показаны люди. Между горбов восседает человек, управляющий верблюдом. Впереди и сзади кибитки, впряженной в верблюда, изображены фигуры козлов и собаки. По всей видимости, данная композиция отображает сцену перекочевки (рис.5) [Килуновская, Чадамба 2007: 9].

Следует отметить, что изображения верблюдов довольно редко встречаются на скалах Тувы. Кроме фигур верблюдов в Саянском каньоне Енисея, описанных в своих трудах М.А. Дэвлет, они есть на Малом Баян-Коле, Ээрбеке 2, Ээрбек 4 в центральной Туве, а также на Саамчыыр-Ужу, Теве-Хая в западной Туве.

Скальный массив Теве-Хая (верблюжья скала) расположен у границы Барыкской степи, примерно в 20 км от Кызыл-Мажалыка, с правой стороны от дороги, ведущей из Кызыл-Мажалыка в Эрги-Барлык. Был исследован в 50-х годах XX века А.Д. Грачом. Основной мотив местонахождения это изображения верблюдов (насчитывается 19). Это памятник с самым большим количеством верблюдов на территории Тувы. Все рисунки располагаются под небольшим скальным навесом. Изображения верблюдов тесно связаны с изображениями людей: они изображены едущими верхом на верблюдах и в роли погонщиков, некоторые ведут верблюдов на поводу. На некоторых верблюдах были отмечены изображения сложных паланкинов, имеющих нарядный верх, украшенные султанами. Одна из групп (нижняя) содержит изображения двух верблюдов, сопровождаемых пастухом, едущим верхом на коне. Другая группа (центральная) изображает погонщика в широкополой шляпе, ведущего двух следующих друг за другом верблюдов, на переднем из которых имеется паланкин. В третьей группе (верхней) погонщик, ведущий верблюда, также имеющего паланкин, одет в расширяющуюся книзу одежду и обувь. Почти все верблюды изображаются в динамике. Судя по тому, как фигура верблюда выбито поверх тамгообразного знака, то А.Д. Грач отнес изображения верблюдов Теве-Хая монгольскому времени [Грач 1957: 398].

На скальных выходах Саамчыр-Ужу, расположенных в Бай-Тайгинском кожууне, близ пос. Кызыл-Даг, известны изображения четырех двугорбых верблюдов. По сравнению с фигурами других животных верблюды были или подновлены или выбиты позднее, так как фигуры остальных животных покрыты скальным загаром гораздо больше, чем изображения верблюдов. Так же более поздним или подновленным на данной плоскости является изображение извилистой линии, интерпретированной нами как изображение змеи [Килуновская, Чадамба 2007: 15].

Однако, кроме выполненных довольно реалистично изображений на территории Тувы самыми многочисленными и распространенными являются схематичные фигуры животных, в большей части горных козлов. А.Д. Грач, выделивший и отнесший изображения горных козлов к эпохе раннего средневековья, сопоставляет их с древнетюркскими тамгами. По массовости подобных стилизованных изображений на горе Чуруктуг-Кырлан (Западная Тува) исследователь дал название

подобным рисункам изображения «типа Чуруктуг-Кырлан». Фигуры животных «типа Чуруктуг-Кырлан» переданы весьма условно, очертания туловища и отдельные детали отнюдь не отображают объемность фигур, а лишь даны основные линии. Очертания туловища переданы линиями, где определяющие черты схвачены весьма метко. Линии переданы в одинаковой толщине. Фигуры переданы в профиль. Большая часть показана в состоянии движения, чаще всего скачущими [Грач 1957: 391].

Другой исследователь Тувы С.И. Вайнштейн, отрицает связь изображений стилизованных горных козлов «типа Чуруктуг-Кырлан» с древнетюркскими тамгами, считая, что наличие декоративных элементов на рогах (стилизованные бугры), на что не обратил внимания А.Д. Грач, отличает некоторые из линейных изображений козлов на петроглифах от соответствующих тамг. По его мнению, именно к тамгам восходит приём столь упрощённой схематизации. Подобные линейные изображения устойчиво сохранялись вплоть до этнографической современности в рисунках на шаманских бубнах [Вайнштейн 1974: 194].

Изображения животных, чаще всего горных козлов, выполненных «типа Чуруктуг-Кырлан» можно встретить почти на всех памятниках наскального искусства Тувы.

Таким образом, мир древнетюркских рисунков на скалах Тувы представлен не только схематичным, геометризованными изображениями, но петроглифами, выполненными в реалистичной манере, которые, несомненно, продолжили традиции искусства кочевников эпохи бронзы, раннего железного века, а также хуннов.

ЛИТЕРАТУРА

Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. – М.: Наука, 1976. – 120 с., ил.

Вайнштейн С.И. История народного искусства. М.: Наука, 1974. - 224 с.

Вайнштейн С.И., Денисова Н.П. - Новые материалы по археологии и этнографии Тувы/ //Полевые исследования института этнографии 1974 года. М., -1975

М.Е., Чадамба Л.Д. Памятники наскального искусства Тувы // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – С. 10 - 17.

Грач А.Д. 1953 Петроглифы Тувы. I. (Проблемы датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сб. МАЭ Т. XVII. – М.-Л.: 1957. – С. 390

Килуновская М.Е. Новые петроглифы на южном склоне восточного Танну-Ола в Туве. Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера. Вып. 25. – Кемерово: РИО КемГУ, 2011. – С. 86-90.

ОБРАЗ АЛТАЯ В МИФОЛОГИИ, ЭПОСЕ И ИСТОРИИ

Екеев Николай Васильевич*

Image Altai in mythology, epics and stories

ABSTRACT:
The article analyzes the traditional mythological, epic representations of Altai peoples and historical sources about Altai - mountainous region in the center of the Asian continent. The study of mythology and Altai epic showed a polysemy of the names of the mountainous region and its place in the mythological three-dimensional structure of the world. We also consider the information of Turkic and Chinese written sources of the Early Middle Ages about the name and location of the Altay mountain country.

KEY WORDS: Altai, the Altaians, the mythology, the epic, three-dimensional world.

В традиционных культурах народов Южной Сибири реальные и мифоэпические представления о мироздании были неразрывно связаны. Поэтому, тема взаимосвязи земного и небесного миров занимает одно из

главных мест в мифологии и эпосе алтайцев и других народов юга Сибири и соседних стран Центральной Азии.

Рассматриваемая в настоящей статье тема привлекала внимание российских историков, этнографов и фольклористов начиная с XIX в. Однако специальные исследования о традиционном мировоззрении алтайцев стали публиковаться со 2-й половина XX в. В их числе монографии и статьи А.М. Сагалаева, В.П. Ойношева, З.С. Казагачевой и других авторов. Основной круг источников составляют мифы и предания, вошедшие в труды российских синологов и работы В.И. Вербицкого, В.В. Радлова, а также эпические произведения, изданные в серии «Алтай баатырлар» (Алтайские богатыри).

В настоящей статье автор попытался осветить в общих чертах такие вопросы: Алтай в мифологии и эпосе; Алтай, как горный регион, в исторических источниках средневековья и происхождение слова *Алтай*.

* Кандидат исторических наук, Бюджетное научное учреждение Республики Алтай (БНУ РА) «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», E-mail: n_kazat@mail.ru

Алтай – часть земли «солнечно-лунного мира». Наиболее архаическое представление алтайцев о мироздании, вселенной, отразились в мифических преданиях, опубликованных в работах В.И. Вербицкого. Вселенная, согласно алтайской мифологии, состоит из 99 миров, имеющих свое небо, свою землю и свою преисподнюю (ад). В каждом мире свои управители и на каждой земле живут люди. Главный и высший из всех миров называется *кан-курбустан тенгере* (его земля – *алтын теленгэй* – «золотой мир»). Средний из 99 миров называется *эзреэн-курбустан тенгере* (земля – *алтын шарка*). Наш солнечно-лунный мир (*кара тенгере*) – самый меньший и низкий во вселенной. Небо нашего мира имеет 33 сферы (слоя). Творцом мира выступает *Ульгэнь* иначе, *Курбустан Аакай* [Вербицкий 1893: 112–113].

Существуют две основные версии сотворения нашего солнечно-лунного мира. Согласно первой (запись В.И. Вербицкого) Ульгень, по совету *Аг-эне* – Белой матери (единожды вышедшей из моря), сначала сотворил землю и утвердил на трех рыбах-великанах, им же созданных. Потом сотворил небо и всех земных тварей. Первый человек – мужчина (*Эрлик*) создан Ульгенем из слоя глины, похожей на остов человека, приросшей к массе земли на поверхности океана. Творение нашего мира продолжалось шесть дней, на седьмой день Ульгень спал. В течение указанного времени Ульгень пребывал на золотой горе, освещаемой солнцем и луной (*ай кюн тийген алтын туу*). Эта гора нависала с неба и до земли «не достает только на человеческое колено» [Вербицкий 1893: 112]. Потом, за плохие поступки Эрлик, вместе с людьми, родившимися от им же одушевленной женщины, сначала был изгнан в землю, «находящуюся между двумя морями, где не светит ни солнце, ни луна». А потом Эрлик был окончательно свергнут в преисподнюю. Ульгень ему сказал: «делай там, что тебе угодно» [Вербицкий 1893: 117, 123].

По второй версии (запись В.В. Радлова) первоначально, когда не было земли, неба, луны и солнца, была сплошная вода (море). Над водной гладью парили бог (*кудай*) и человек в образе чёрных гусей (*кара кас*). По велению бога из глубины моря появился твердый камень, бог и человек сели на поверхность камня. Затем, по указанию бога человек из глубины моря вынес в руках песок и отдал богу. Бог разбросал песок по поверхности воды и сказал: «Пусть земля образуется». После этого образовалась земля. Потом человек еще раз вынес песок в руках

(часть песка положил себе в рот), бог разбросал песок, и земля стала толще. Песок во рту человека тоже увеличился, и он стал задыхаться. По велению бога человек выплюнул песок и образовались холмики. С тех пор человек, за греховный поступок (обман) был наречен *Эрликом*, а бога стали называть *истинный Курбустан* [Образцы 1866: 159–160]. Потом выросло дерево, на котором по велению бога, появились девять ветвей и под ними – девять человек. Они стали основателями девяти разных родов. В конце концов Эрлик за греховные проступки был низвергнут под третий слой земной толщи, где было темно из-за отсутствия солнца и луны [Образцы 1866: 163].

Центром и основанием неба и земли нашего мира, является золотая гора (см. выше), стержень которой в эпосе описывается в виде пылающей пламенем золотой коновязи (*чакы*) – «пуповины земли и неба» (эпос «Шулмус-Шуны») [Алтай 1964: 11–14]. Кроме того, существует представление о делении земного и небесного пространства на мужскую и женскую половины, которое распространяется и на жилище. Поскольку алтайцы ставят свои юрты дверями на восток, то мужской половиной неба и земли будет юг, а женской – север [Никифоров 1915: 31].

Таким образом, согласно мифологическим представлениям, наш солнечно-лунной мир состоит из трех взаимосвязанных частей: НЕБА «*тенгери*» с 33 сферами (обители богов и небожителей), ЗЕМЛИ «*jер-jингис*» (обитель людей и других живых существ, сонмы светлых духов) [Екеев 2012: 87] и ПРЕИСПОДНЕЙ «*таамы*» с 9 слоями под земной поверхностью (царство тёмных сил, грозных духов во главе с властителем Эрликом). В эпических сказаниях и шаманских заклинаниях преисподняя описывается как некое подобие, сумеречно-тусклое отражение земли, но без солнечного света и тепла (*алыс jер*). Края земной поверхности и небесного свода называются *ачылар-jабылар* («открывается-закрывается»), а проход от земной поверхности в преисподнюю – *таамы оозы* «пасть преисподней» (эпосы «Алтын-Туујы»; «Кан-Сулутай») [Алтай 1958: 130–216; Алтай 1960: 87–136].

В известных нам мифах не удалось обнаружить сведения о зарождения Алтайских гор. Хотя имеется множество мифических преданий о превращении героев (ханов, батыров и. д.) в высокие горы (Абуган, Адыган, Бабырган и др). Тем не менее, создается впечатление, что когда в мифах говорится о сотворении земли, то имеется ввиду и Алтай. Об этом свидетельствует, например, выражение «Jер – Алтай» (Земля – Алтай), часто

встречающееся в эпосе и мифах. Более того, в алтайском эпосе термин «алтай» иногда применяется в отношении двух других воображаемых частей мира (в которых находятся человеческие души). В этом случае слово «алтай» употребляется в сочетании с терминами «небесная сфера» и «слой (место) преисподней». Приведу примеры. 1) Алтай – сфера верхней, небесной страны: алтай – сфера пребывания Трех-Курбустанов // Юч Курбустаннын алтайы («Ак-Бий») [Алтай 1995: 129–162]; алтай – сфера верхней страны // Юстюги орооннын алтайы («Кан-Будай») [Алтай 2004: 197–246]. 2) Алтай – слой (место) нижней, подземной страны: В сумеречно-сером алтае (месте) // Тюн бозомтык алтайда («Кёкин-Эркей») [Алтай 1959: 195–215]; алтай (место), где невидимы солнце и луна // Ай, кюн кёрюнбес алтай («Алтын-Эргек») [Алтай 1960: 344–361]; С алтая (слоя) нижней страны выпрыгивает на солнечно-лунный Алтай // Алтыгы орооннын алтайынан, кюндю-айлу Алтайына чыгара калыйт («Кан-Бюдей», «Ак-Бий», «Кан-Будай») [Алтай 1958: 10–31; Алтай 1995: 129–162; Алтай 2004: 197–246].

Несколько по-иному, но по сути о трехзначном использовании слова «алтай» в эпосе «Очи-Бала» отмечает З.С. Казагачева: «…*алтай* представлен в трех измерениях: *чын алтай* (букв. настоящий алтай, т.е. Верхний мир), *пу алтай* (букв. этот алтай. т.е. Средний мир), *ол алтай* (букв. тот алтай, т.е. Нижний мир)» [Казагачева 2015: 226].

Алтай – «лунно-солнечная земля». В эпосе очень красочно описывается Алтай, когда повествуется о земле – срединной части нашего мира, о родине главного героя (богатыря, хана). В фольклоре алтайцев их горная страна представляется треугольной формы. Например, в историческом предании о трагических событиях середины XVIII в. есть знаменитая песня «Кан Алтай» [Грамматика 1869: 204–205; Демчинова 2006: 217–220], где есть такие строки:

Юстюртюнен кёрёрдё,
Юч толыкту Кан Алтай!
Тууразынан кёрёрдё,
Тогус пулунгду Кан Алтай!
Кајузынан кёрёрдё,
Камчы сынду Кан Алтай!

Если сверху посмотреть,
С тремя углами Кан Алтай!
Если со стороны посмотреть,
С девятью гранями Кан Алтай!
Если с окраины посмотреть,
С плетьевидными хребтами Кан Алтай!

В эпосе имеется множество других возвышенных выражений, восхваляющих Алтай: С чистым видом Алтай (*Ару сюрлю Алтай*), С обилием леса и воды… (*Одын-суулу…*), Просторно-голубой… (*Кеен чанкыр…*), Бело-голубой… (*Ак-*

чанкыр...); Золотисто-красивый… (*Алтын јараш*...), Просторно-красивый… (*Кеен јараш*...), Драгоценно-богатый… (*Эрјинелю бай*...); Благодатно созданный… (Быйанду бюткен…) Пуповина земли… (*Кин Алтай*…) и т.д. Собственно, эпический Алтай с его высочайшей горой Белухой (*Кадын бажы – Юч Сюмер*) представляется центром обозримого мира. На юго-востоке от Алтая простирается пепельно-половая степь *куба чёл*, которую не может пролететь ворон (*кускун*); на юго-западе – жёлтая степь *сары чёл*, которую не может пролететь сорока (*сангыскан*); по его северной стороне простиралась великая степь *аба чёл* («Эр-Самыр») [Алтай 1960: 5–61]. Однако богатыри на своих скакунах стремительно, подобно вихрю и ветру, проходят через просторы степей; они, обладая магической силой, преодолевают высокие горы, густые леса (*јыш*) и широкие, порой ядовитые реки-моря («Кёзюйке»; «Кёстёй-Мерген») [Алтай 1959: 152–194; Алтай 1968: 60–117].

Но Алтай предстает и как обширная горная страна, населенная многими разноязычными народами. Очень образно описываются владения ханов и богатырей. Их ставки располагаются у подножия белоснежных, черно-лесных, золотых гор (цепи гор), на берегах белых, чёрных полноводных рек и озер. А жилища – величественные шести-восьми-угольные белые войлочные юрты («дворцы») – находятся около развесистого священного тополя (*бай терек*). Рядом с юртой богатыря или хана стоит золотая (железная, бронзовая) коновязь (*чакы*), сверкающая при свете солнца и луны. Нижняя часть коновязи пронизывает семь слоев земной толщи (преисподнюю), а её вершина утопает в белой ясности (*ак айас*) неба. У дымохода белой юрты богатыря два черных (пёстрых) беркута наблюдают за воздушным пространством, а у двери – два чутких свирепых пса прислушиваются к нижнему миру («Алып-Манаш»; «Кан-Сулутай»; «Катан-Кёкшин ле Катан-Мерген»; «Алтын-Мизе»; «Кёстёй-Мерген»; «Курман-Таајы») [Алтай 1959: 28–67; Алтай 1960: 87–139; Алтай 1966: 204–268; Алтай 1968: 60–117; Алтай 1972: 56–77].

В эпических произведениях нередко присутствует мотив о неразрывной связи жизни алтайских богатырей с их священными горами и озёрами. Так, перед уходом на войну или просто в дальние страны богатырь обращается к родной горе (*сюмер тайга*) как к отцу, а к священному озеру (*ак сют кёл*) – как к матери с просьбой о помощи и защите. После возвращения с похода он также обращается к родной горе и озеру с благодар-

ственной молитвой («Кан-Алтын»; «Јыланаш-уул») [Алтай 1968: 118–179; Алтай 1980: 156–171].

Алтайский эпос наполнен ещё сценами перевоплощения героя-богатыря и его коня в животных и птиц, чудесного оживления мертвых, использования магических предметов (камень *јада*, жемчужная пуговица *шуру топчы*, серебряные серьги *кюмюш сырга*), а также сюжетами о сверхъестественных существах (*Јелбеген, монгыс, ок-јылан*) и духах гор и рек. Например, дух земли-воды Серел-Текей, появляется из нутра высокой горы на огромной желтой козе с шести-аршинными рогами (Алтын-Мизе) [Алтай 1968: 5–59].

Следует отметить о сходстве некоторых сюжетов и имен персонажей в алтайском эпосе и легенде об Огуз-кагане [Щербак 1959]. Так, в составе персонажей с одинаковыми именами упомянуты Кюн-каан, Ай-каан, Тенгери-каан, Талай-каан (Тенгис-каан), а также Кара-каан и Алтын-каан (Кан-Алтын) [Екеев 2010: 20–21]. Еще обращает на себя внимание образ волка, выполняющего большую роль в судьбах главных героев. В огузской легенде огромный сивый волк (*кёк бёри*) появляется в трудное время и показывает путь, идя впереди войска Огуз-кагана. А в эпических произведениях алтайцев образ волка через цветовые обозначения связывается с культами трехмерного мира: синий волк – с духом Небом; белый волк – с духами гор Алтая; жёлтый волк – с культом Матери-Земли (её чревом); чёрный волк – с тёмными сила, злыми духами преисподней [Екеев 2014: 30].

Как известно, культ волка имел большое значение в этногенетических мифах о происхождении древних тюрков (теле, тукюе). Если сравнить мифы о происхождении главных (княжеских, каганских) родов теле и тукюе, то разница будет в том, что предок первого из них роднился с хуннами по материнской линии, а второго – по отцовской. А этногенетическая связь с родом волка/волчицы у них построена наоборот, т. е. первый – по отцовской линии, второй – по материнской. Однако в китайских источниках (например, «Чжоу шу») приводится миф о происхождении тукюе из владетельного дома Со, обитавшего на севере от владений хуннов (сюнну). Под домом (правящей династией) Со, летописец имел ввиду, скорее всего, правящий род объединения племен алтайских «скифов»-саков (от сино-тибетского: се/со/сак) [Екеев 2014: 30]. Образ волчицы (волка), очевидно, был связан прежде всего с культом Неба, а через сакральную горную «пещеру предков» – с

культом Земли. В образе волчицы (волка) – прародительницы тюрков – просматривается мотив о её божественном, небесном происхождении. Теперь нас остается обратьcя к историческим источникам раннего средневековья, в которых есть упоминания об Алтайских горах.

Алтай – «Золотые горы». В древности Алтай возможно имел высокий политический и духовный статус, но уже с хуннского времени он в составе «кочевых империй» Евразии (хуннов, сяньби, ранних тюрков, монголов) занимал окраинное положение, поскольку центры политической и экономической власти империй располагались на востоке (Орхон–Тола) или на юге (район Ордоса, долина Или). В средневековых китайских летописях (например, Тан шу) отмечалось, что первые тюркские каганы ежегодно выезжали в сопровождении своих вельмож из своих ставок в районе Ордоса и совершали жертвоприношения духам предков (волчицы и её сыновей) «в пещере предков» в Золотых горах (кит. Цзинь шань), т.е. на Алтае [Бичурин 1950: 215–229]. В годы тяжелых испытаний некоторые из них, например, Чеби-хан в 645 г. преодолел огромное расстояние от южных отрогов Хингана и укрылся в центре Алтайских гор. Немного раньше (в 630 г.) западно-тюркский Сыби-каган бежал с Семиречья на Алтай, но его дорогой постигла неудача [Бичурин 1950: 263–264, 284–285]. Иначе говоря, Золотые горы (тюрк. *Алтун йыш*), точнее их центральная часть – территория современного российского (Горного) Алтая [Гумилев 1967: 229-231; Екеев 2014: 31] почиталась как священная земля с «пещерой предков» тюркских каганов рода Ашина. Однако по мере усиления влияния буддизма, манихейства, христианства и ислама в средневековых тюркских государствах Центральной Азии духовное значение Алтая ослабевало.

В завершение кратко скажу о слове «Алтай». В ранних тюркских «рунических» источниках, как известно, упоминается термин *Алтун йыш* (Золотая чернь, тайга), который применялся к горной территории, позднее ставшей известной как *Алтай* (Алтайские горы). Тогда и сейчас словом *йыш* обозначают горы, покрытые густым хвойным лесом (в алтайском фольклоре есть выражение: *јыш–тайга*). Мне представляется, что термин *Алтун* (*Алтын*) *йыш*, через переходные форму *Алтын тайга*, *Алтын таг* (*тау*), в монголо-язычной этнокультурной среде трансформировался в *Алтай*. В письменных источниках такое изменение произошло, вероятно, в период владычества в

Центральной Азии монголо-язычных киданей. В связи с этим обратим внимание на то, что в алтайских (телеутских) преданиях об ойротском времени (XV – первая половина XVIII вв.) встречается термин *Алтын Ард* (букв. Золотой хребет), которым обозначали Алтайские горы [Образцы 1866: 113].

Анализ мифологии, эпоса и исторических источников приводит к следующему главному заключению. Изначально тюркский термин *Алтун йыш – Алтын тайга* и поздний тюрко-монгольский *Алтай* этимологически, генетически связан с мифической Золотой горой (санскрит. Меру, Сумеру) – основой-стержнем «солнечно-лунного» мира. Отсюда и универсальность применения в эпосе слова *Алтай* к верхней (небесной), средней (земной) и нижней (подземной) частям мира. Поэтому не удивительно, что образ «Страны стерегущих золото грифов» античной эпохи, через «лунно-солнечный Алтай» эпического времени, в начале XXI века вновь ожил в образе «Алтай – золотой колыбели – *алтын бежик*/бесик» тюркских народов. Естественно, данный феномен не может не будоражить умы, сердца интеллектуалов и не вызывать дискуссии в научной среде.

Примечание. Три буквы алтайского алфавита (по-немецки: Öö, Üü, ng) в русской транслитерации переданы через буквы Ёё, Юю, н/нг.

ЛИТЕРАТУРА

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. – М., 1893. – 256 с.

Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В.В. Радловым. Часть I. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. – СПб., 1866. – 476 с.

Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Ред., сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1964. – Т. 4.

Никифоров Н.Я. Аносский сборник [Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина] // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Омск, 1915. – Т. 37.

Екеев Н.В. К вопросу о значении слова «Чингис» в связи с поиском тюркского соответствия термину «Биосфера» // Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция: Труды IX Евразийского науч. форума / Под ред. Е.Б. Сыдыкова. – Астана, 2012. – С. 86–87.

Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Ред., сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1958. – Т. 1.

Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Ред., сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1960. – Т. 3.

Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Ред., сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1995. – Т. 12.

Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Сост. И.Б. Шинжин. – Горно-Алтайск, 2004. – Т. 13.
Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Ред., сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1959. – Т. 2.
Казагачева З.С. Алтай и его эпитетика в традиционной культуре алтайцев // Идель – Алтай: История и традиционная культура народов Евразии. Матер. III Междунар. форума. – Горно-Алтайск, 2015. – С. 224–227.
Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. – Казань, 1869.
Демчинова М.А. Отражение истории в народной песне // Алтай – Россия: через века в будущее: Матер. Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. – Горно-Алтайск, 2006. – Т. 2. – С. 217–220.
Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Ред., сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1968. – Т. 6.
Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Ред., сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1966. – Т. 5.
Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Ред., сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1972. – Т. 7.
Алтай баатырлар. Алтайские богатыри. Алтайский героический эпос / Ред., сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1980. – Т. 10.
Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
Екеев Н.В. Об архаических образах, сюжетах алтайского эпоса и «Огуз-наме» // Билим (Алтай билим). Науч. журнал / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2010. – № 7. – С. 19–22.
Екеев Н.В. Об образе волка/волчицы и «пещере предков» древних тюрков (По сведениям китайских летописей и алтайского эпоса) // Урал – Алтай: через века в будущее. Матер. Всерос. науч. конф. / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2014. – С. 27–31.
Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. I.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967.

СУДЖИНСКИЕ НАДПИСИ
(новый перевод и толкование)

Сарткожаулы Қаржаубай*

ABSTRACT:
The stone was found in Sudji of central Mongolia by G. Y. Ramstedt in 1909. Since then many researchers read a text on the stone in different ways. Until know the discussion proceeds.

* Доктор филологических наук, проф. Казахстан. ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, e-mail: kharjaubay@mail.ru

The author revised Sudji's text, and offered his own transcription and explanation.

KEY WORDS: Old Turkic inscriptions, Sudji, Mongolia, Yaghlaqar, new interpretations.

В 1909 году Монгольская экспедиция финского ученого Г.И. Рамстедт осуществляла работы в центральной Монголии. В ходе работ этой экспедицией был найден памятник «Могойын Шинэ усун», известный среди тюркологов под названием «Селенгинский камень». Кроме того, они оставили запись о том, что, перейдя горный хребет «Суджи», расположенный на северо-западном склоне горы Ар-Асхад, вдоль дороги, ведущей от Да-Хуре (Өргө) к церкви Ханд-ван, в окрестностях Долон-Худаг (семь колодцев) они обнаружили памятник Суджи.

В июле-августе 1976-1978 годов мы с С.Г.Кляшторным трижды побывали здесь и получили информацию о местном жителе Д.Гомбодорже, хорошо знавшем это место. В то время мы не смогли встретиться с Д.Гомбодоржем, так как старик уехал к детям в Уланбатыр.

Наконец, в 1980 году в октябре, после окончания сбора урожая, я приехал и встретился с Д. Гомбодоржем. Поздняя осень. Только что освободившаяся от посевов земля была покрыта легкой дымкой.

Перейдя через горный склон «Суджи», в 10 км к западу от центральной усадьбы зерноводческого хозяйства Угтал нынешнего аймака Тов (центральный), мы оказались на широкой равнине, раскинувшейся вширь подобно быстроходному скакуну.

Наш путеводитель, свидетель исторических событий Д. Гомбодорж, отвел нас в самый центр равнины, на левое крыло просторной степи. Указав на земляную насыпь, представляющий остаток древнего комплекса, а теперь превратившийся в круглую впадину, он произнес:

- Вот, в этом месте был древний «могильник». На могильнике были разбросаны маленькие и большие камни. На поверхности одного широкого камня, были надписи, подобные следам, оставляемым вороной на снегу, на обратной стороне камня были вытесаны знаки. В 1960 году был создан совхоз и из СССР привезли трактора. Мы пахали землю, садили посевы. Вначале мы обходили стороной этот могильник. Весной 1962 года я уехал в Уланбатыр, а когда

вернулся обнаружил, что камни могильника были перекопаны и свалены на краю поля. В то время я работал бригадиром. Я сильно рассердился на работников. Здесь были «номтой чулу» (именно так монголы называют камни, с имеющимися на них святыми надписями). Вы их уничтожили, - сказал я им. Мы их разбили, разрушили и вынесли с поля, – ответили он. Монгольский народ проявляет уважение к любому листу бумаги с написанным на ней текстом, а также к камням с надписями, считая, что это «фрагменты слов священной книги». Это было традицией, передаваемой от отцов к детям. Начиная с 1960-х эта традиция постепенно стала исчезать.

Так было определено местонахождение памятника Суджи.

«Сүүж» (Называемое «Суджи» в литературе, написанной на русском языке), в монгольском языке передает значение «позвоночник».

Координаты 48º 1/2 – высоты, 105º- широты. Правая сторона равнины, называемой «Сүүжийн тал», расположенной к западу от центральной усадьбы зерноводческого хозяйства Угтал, находящегося в 150 км в западно-северном направлении от города Уланбатыр.

Исследование:

Первый, кто нашел памятник (1909 г), сделал копии, сделал фотографии, осуществил транслитерацию и транскрипцию, был известный исследователь монголовед, а также тюрколог, алтайист финский ученый Густав Джон Рамстедт (Gustav Iohn Ramstedt) (Ramstedt 1913: 1-9).

Текст «Суджи» («Сүүж»), предложенный Г.И. Рамстедтом, позднее превратился в эталон, своеобразную площадку, используемую для определения насколько ученые-тюркологи освоили древний тюркский язык, свойственный им менталитет, их традиции и обычаи.

Первую строчку памятника Г.И. Рамстедт перевел как: «Ich lande der Uiguren war ich, Jaglakar-Kan-Ата, ein ankömmiling» [Я Яглакар-хан-ата, был пришелец в земле Уйгуров]. В связи с переводом первой строчки текста среди тюркологов начался научный спор. В первоначальном переводе, предложенном Г.И. Рамстедтом были два положения, требующих пояснения. Они были следующие:

1. На оригинале две последние буквы глагола после «kel» в первом предложении, которые были повреждены эрозией, Г.И. Рамстедт осуществил их прочтение как «-tim».

Возможно, это было связано с тем, что на месте, поврежденном эрозией, остались следы от двух знаков. Таково было мнение Г.И.Рамстедта.

2. Им не было правильно понято значение термина «qan ata», принятого в тот период времени (VIII-IX вв.).

С.Е. Малов трижды опубликовал текст «Суджи» («Сүүж»). В 1926 году «Образцы древнетурецкой письменности» (Ташкент 1926), в 1951 году

(Малов С.Е Памятник ... 1951. с. 76-77), в 1958 году (Малов ЕПТ-С. 84-90)».

С.Е.Малов не отклонился от подлинника Г.И. Рамстедта.

В 1942-1947 годах историк А.Н. Бернштам дал исторические пояснения к Суджинскому тексту, связанные с ханом Яглакар. В его публикации ему удалось доказать, что енисейским кыргизом, победившим уйгуров и подчинившим Центральную Азию кыргизскому господству в 40-х годах IX в., был Яглакар («Манас, кыргизский эпос... 1947: 155-156). Известный историк С.В. Киселев дал следующую оценку данной статье: «... А.Н.Бернштаму удалось доказать, что ханом енисейских киргизов, победивших уйгуров и подчинивших Центральную Азию киргизскому господству в 40-х гг.IX в., был Яглакар, упоминаемый в Суджинской надписи. Это весьма плодотворное открытие позволило А.Н. Бернштаму выступить с рядом интересных этюдов по истории Киргизского народа и его эпосу «Манас»» (МЕПИ 1958: 86).

В связи с этим С.Е. Малов критиковал: «Совершенно напрасно С.В. Киселев целиком и безоговорочно это ничем необоснованное мнение А.Н. Бернштама приводит в своей «Древней истории южной Сибири (с. 317. 333)... Мне представляется, что А.Н. Бернштаму не удалось доказать, что ханом енисейских киргизов, победивших уйгуров и подчинивших Центральную Азию Киргизскому господству в 40-х годах IX. в., был Яглакар. Это совсем, по-моему, не плодотворное открытие, и оно только испортило ряд интересных этюдов А.Н. Бернштама по истории киргизов» (МЕПТ. С. 86). А.Н. Бернштам перевел первую строчку Суджинского текста как: «В землю уйгуров Яглакар-хан отец мой пришел» (Бернштам А.Н. 1946). Основная ошибка была в том, что окончание глагола «кел» было прочитано не по правилам грамматики. Также, окончание –ta- в слове «jerinte» не сочетается с обновленным глаголом “kel[tim]”.

С.Е.Малов перевел это предложение как «я, Яглакар-хан-ата, был пришелец в уйгурской земле» (МЕПТ. 1958. с. 85). В

его переводе основная ошибка связана с тем, что последствия повреждения эрозией, коснувшиеся окончания –ta- и окончания глагола «kel», не были правильно восстановлены. Также С.Е. Малов писал о Яглакаре: «Яглакар-хан-ата-киргизский сановник или князек, титулы которого здесь, в эпитафии, и перечисляются» (МЕПТ. 1958. с. 89). Им было неправильно передано значение названия «хан-ата». Большим вкладом было то, что С.Е.Малов знал, что название «хан-ата» являлось определением какого-то высокого должностного лица.

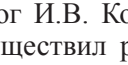
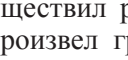
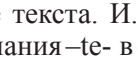
В 1959 году С.Г. Кляшторный перевел вышеупомянутое предложение как «убив стрелой в уйгурской земле Яглакар-хана, я [сюда] пришел» (Кляшторный 1959: 162-169), полностью утратив содержащее историческую информацию название «хан-ата», «приписав» Яглакару титул хана, которого потом сам и «застрелил». Присоединение окончания –a- к основе глагола «at» (стрелять) в слове «Ata», показывает, что действие не завершено.

Если основываться на закономерностях грамматики, каким образом, словосочетание «убив стрелой» было переведено в прошедшем времени? Здесь можно видеть неправильное понимание. Слово «Ata» было понято как «стрелять», затем добавили слово «убив» и таким образом допустили ошибку.

Тюрколог И.В. Кормушин, доказывая несостоятельность перевода С.Г. Кляшторного, написал следующее: «... Яглакар-хан не может быть субъектом действия «пришел-я», не должен быть переведен в разряд объектов или обстоятельств этого глагольного действия» (Кормушин 2008: 79), и точно указал слабое место в статье, т.е. дал ключ. Французский тюрколог Л. Базен в 1974 году в своей статье «Тюркский календарь древних и средних веков», а также в статье, опубликованной в 1988 году в городе Киото, Япония, предложил следующий перевод: «Я из уйгурской земли пришел уничтожить ханство Яглакара (династия)» (Bazin 1974: 1/14; 1988: 135-144). Академик А.Н. Кононов предложил перевод: «Я изгнал Яглакар-хана / Яглакарских ханов из уйгурский земли» (Кононов 1980: 158).

Исследователи не остановились на этом. 1995 году тюркский исследователь О.Ф. Серткая согласился с переводом А.Базена (Sertkaya 1995: 217-223). На тот момент не был осуществлен должный анализ, достойный внимания тюркологов. К сожалению, глава религиозного объединения Манихей, неправильно прочитав название «марым», и поняв слово «turuγ» (место проживания) как «toruγ» (гнедая лошадь),

уничтожил суть исторического текста, написанного 1200 лет тому назад и допустил огромную ошибку. Резюмируя переводы первой строки текста, предложенные вышеупомянутыми исследователями, можно сделать вывод о том, что Ю.А. Зуев, Л. Базен, А.Н. Кононов, О.Ф. Серткая не смогли освободиться от влияния С.Г. Кляшторного.

В 2008 году известный тюрколог И.В. Кормушин снова вернулся к Суджинскому тексту, осуществил редактирование ранее осуществленных переводов, произвел грамматический анализ предложения в первой строке текста. И.В. Кормушин, понял функциональное значение окончания –te- в слове «Jerinte» в качестве локатива. Здесь же имеет место аблатив. Следующее словосочетание «jaγlaqar qan-ta kel...» И.В. Кормушин перевел в значении: «была назначена династия Яглакар хана». Таким образом, он (автор) пошел на поводу у С.Е. Малова. С.Е. Малов в енисейских надписях привел примеры  (jašym:-da=jašym-da),  (budun:qa=bodun-qa);  (alt:m-yš=alt-mys) (Малов 1952: 85), опираясь на оригиналы надписей. Итак, С.Е. Малов, сомневаясь, стоит ли опираться на свою теорию при прочтении данных словосочетаний и, не будучи уверенным в этом, не затронул предложенное Г.И. Рамстедтом прочтение словосочетания «jaγlaqar-qan-ata».

В этом месте нельзя сравнивать грамматические образцы написания орхонских и енисейских текстов. Орхонские тексты являются классическими образцами древних тюркских рунических надписей. При прочтении енисейских текстов не были в полной мере использованы правила правописания, как при прочтении орхонских текстов. Грубой ошибкой при прочтении енисейских текстов является постановка двоеточия между окончанием и основой слова.

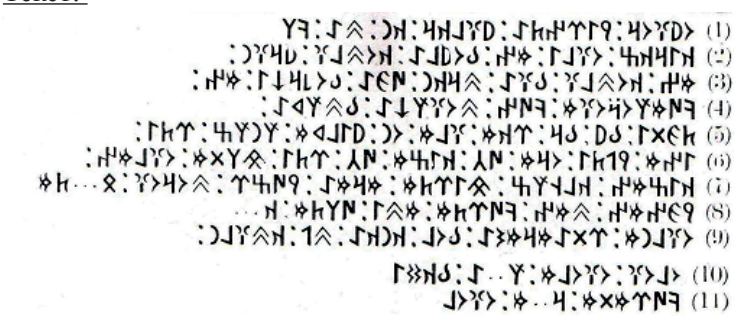
И.В. Кормушин, учитывая предложение С.Е. Малова, дает пояснение следующего содержания: «Яглакар ханов здесь уже не было, они были повержены и большей частью уничтожены. Просто мемориант имел в виду следующую тавтологию, важную политически, но которую он постарался избежать словесно: на уйгурской земле, [на той земле, что еще недавно принадлежала уйгурским] Яглакар ханам-[теперь ...]». Игорь Валентинович, понимая, что, при записи транскрипции, он отступает от грамматических правил, приписал свою ошибку меморанту, оставившему текст (Кормушин И.В. 2008. с. 81). Предлагая данное пояснение, он перевел предложение в первой строке текста следующим образом: «На Уйгурской земле

Яглакар-ханов (я был) назначен» (Кормушин 2008: 77). В тексте отстутствует само слово «назначен». Он перевел предложение, искусственно обобщая значение предложения при его составлении. И.В. Кормушин, при исследовании Суджинской надписи, сохраненной в архиве Г.И. Рамстедта, благодаря статье С.Г. Кляшторного (Кляшторный 2007: 194), провел сравнение тамгов, расположенных на обратной стороне найденных в западной Туве тамгов рунических текстов.

Подчеркнув сходство тамги текстов Алаш I, II, найденных в окрестностях села Тапсы-Аксы, вдоль реки Алаш и тамги Суджинского текста, произвел сравнение этих тамгов с тамгами текстов племени Эймур, имеющихся в трудах М. Кашгари. Если благодаря тамге древних тюрков установлено название хотя бы одного племени, это является огромной удачей для историков.

В 1979 году автору этих строк в местности Тоголохын-тал самона Батцэнгэл, аймака Архангай центральной Монголии, удалось найти полностью целый комплекс с тамгами Алаш I, II, схожими с тамгами Суджинской надписи. В качестве приложения к статье мы предлагаем, вытесанные в нескольких местах, тамги древних тюркских рунических надписей, схожие с тамгами Суджинской надписи.

Текст:



Транскрипция:

(1) ujγur j(ž)irinte j(ž)aγlaqar qan ata[1] kel][ti].
(2) qyrqyz oγly men bojla[2] qutluγ j(ž)aryγan[3]
(3) men qutluγ baγa tarqan öge- bujruqy[4] men
(4) kümüs uruγym [5] kün toqsuq(q)a batsyq(q)a
(5) tegdi. Baj bar ertim. Aγylym on, j(ž)ylqym sansyz erti.
(6) Inim j(ž)eti, urym üč, qyzym üč erti. Ebledım. Oγlymyn
(7) Qyzymyn qalyŋsyz bertim. Maryma j(ž)üz er, turuγ [6] b[er] tim.

(8) J(ž)eginimin, atymyn körtim, amty öltim.
(9) Oγlanym erde marymynča bol. Qanqa tap qatyγlan.
(10) Uluγ oγulym s[ük]e bardy ....[7]
(11) Körmedim r...m oγul ...

Перевод:

(1) С уйгурской земли пришел Яглакар хан-ата (глава религиозного объединения)[1].
(2) Я киргизский сын сполна получил[3] свою долю (насытился счастьем[2])
(3) Я Кутлуг[4] Бага-Тархан, Оге (советник, мудрец) [5] Командующий[6] я
(4) Мои серебряные[7] потомки[8] на восток[9], на запад
(5) атаковали. Я был богат. У меня было десять загонов для скота, лошадей было бесчисленное множество.
(6) У меня было семь младших братьев, три сына, три дочери. Я женил своих сыновей,
(7) дочь выдал замуж без калыма. Своему Марыму я дал 100 мужиков, [и] стоянку (место для проживания).
(8) Я увидел славу своих племянников. Так я умер.
(9) Сыновья мои! Когда станете мужиками, будьте как Марым. Будьте преданны Хану-ата.
(10) Мой старший сын присоединился[11] к армии[10]
(11) Не смог увидеть ..... сын .....

Пояснение:

[1] «qan-ata» - глава религиозного объединения (патриарх). Слово “Qan” в древних тюркских текстах наряду с значением глава народа, рода, племени, передавало значение главного или первого в объединении, части, должности, профессии; Слово «Ata» использовали в значении «отец, дед, хозяин и обладателя тайной силы», и используют в настоящее время. Например:
- qan elči (глава народа) (USp 53-34)
- elig qan (хан государства)
- qan tojyn (глава тойынов) (Usp 7822)

---

1. 𐰴𐰇𐰛:𐰋𐰉.. И.Г. Рамстедтом, С.Е. Маловым было прочитано как «qan-ata», полностью не было передано значение. С.Г. Кляшторный дал прочтение: «qan at», и перевел:«убив стрелой». Л. Базен прочитал: «qan at» и перевел: «уничтожил ханство», А.Н. Кононов предложив перевод «уничтожил хана», пошел по пути С.Г.

Кляшторного. И.В. Кормушин дав прочтение: «qan-ta», перевел: «Я назначил Яглакара ханом».

2. С.Е. Малов не дал перевод сочетания «qutlaγ». И.В. Кормушин перевел его как «благородный».

3. С.Е.Маловым «высокий судья»; у И.В. Кормушина «благородный судья».

4. В 3-ей строчке слово «qutluγ» С.Е. Малов перевел «счастливого».

5. Если С.Е. Малов оставил без перевода и без пояснения слово «Öge», то И. В. Кормушин перевел как: «Первый министр».

6. Если С.Е. Малов переводит слово «bujruq» как «приказный», то И.В. Кормушин соединил его с сочетанием «öge» и перевел как: «первый министр».

7. Дана неправильная транскрипция слова «Kümüš».

8. Также в слове «Uruγym»тоже дана неправильная транскрипция.

9. Тексту оригинала «𐰴𐰞𐰺𐰚𐰇𐰃𐰋𐰴» С.Е. Малов сделал правильную транскрипцию «kün toγšuqa». И.В. Кормушин допустил ошибку предложив читать: «kün toγsyqa».

10. Слово «S[ük]e» - С.Е. Малов перевел «поход», а И.В. Кормушин оставил без перевода.

11. Сочетание «bardy» С.Е. Малов перевел «ушел», а И.В. Кормушин перевел «покинул».

- bögü qan (Глава религиозного объединения Бюгю (Божьего) (Туй. 34,50; ТТ. А33; ДТС. 116)
- erkilig qan (он глава мира-забиратель душ) (ТТ. VI91)
- qan Xormuzta (Хан Хормузтай) (Suv. 18818)
- qan bögü (в эпосе алтайцев) (глава тенгрианства (бюгю)
- Хан Хайрхан (в в монгольском эпосе самая высокая священная гора)
- Хан эзэн (в монгольском эпосе. Создатель).
- Ata (Ата) (QBN 1222; МК III. 87)
- Ata Saγun (МК. I 86) (местоимение)
- Ata тэнгэр (в монгольском эпосе) (великий Тенгри)
- Ata кам (глава религиозного объединения шаманов).

- Šekšek ata (владелец коз) (ҚОС. 79)
- qambar ata (владелец лошадей) (ҚОС. 79)
- šambar ata (владелец овец) (ҚОС. 79)

Эти языковые факты доказывают, что «qan-ata» в древние тюркские века использовалось в значении названия (термин) какой-то должности.

«Будь как Марым, будь преданным этому хану» написано в 9-ой строчке Суджинского текста - наставление от имени мемориaнта своим потомкам перед смертью – т.е. быть преданным человеку по имени Яглакар, который упоминается в первой строчке текста.

Это провозглашает, что Манихей был главой религии, который пришел в государство Кыргызов. По этой причине мы, утверждаем, что исчезнувшее окончание "-ti" является окончанием корня «kel», и даем перевод: Яглакар хан-ата (глава религии) пришел».

[2] "bojla baγa tarqan"- Бойла Бага-тархан.

а) bojla – воинское звание (Туй. 6; БК.I.14).

- baγa (согд)- воинские и гражданские звания
- baγa teŋirken (teŋir іккен) (O5).- воинская и гражданская звания.

б) tarqan – древнетюркский титул. Тех граждан, которые вносили огромный вклад в дело установления государства, начиная с него самого и включая всех его потомков, (в некоторых случаях только его одного)освобождали от наказания за преступления и от налогов, в качестве обладателя особого права.

[3] «qutluγ j(ž)aryγan» - получить сполна свою долю (изобилие пришло, изобилие опустилось). Qutluγ I- счастье. Qutluγ II – изобилие, доля; «доля» - это богатство, состояние. Переводится «быть богатым».Богатство – это изобилие, которое пришло к этому человеку.

Поэтому древние тюрки, обращаясь к человеку, который обладал богатством, присоединяли к названию его должности слово «qutluγ» для придания ему важности. Qutluγy – земельная доля, земля, приобретенная в собственность. В

ранние средние века и в средние века ханы и каганы в качестве доли наследства отдавали земли, племена в собственность своим потомкам и заслуженным деятелям государства.

M: jabγu qutluγy – доля, отданная ябгу; šad qutluγy - доля, отданная шаду (Тер. 27, 28).

- j(ž)arγan=jary – насытиться чем-л., быть обеспеченным чем-л.
- (МК. II. 305, 365; III. 91. узбекский оригинал).
- γan – окончание глагола в прошедшем времени. Мы посчитали правильным сочетание «qutluγ jaryγan» перевести получивший долю. Это словосочетание в те века являлось определением, показывавшим должностной титул, которым обладала личность.

[4] «Öge bujruq». Öge – советник командующий.

а) öge tegit – давать совет, подсказывать (МК.I. 356)

bilge öge - умный совет (QBH. 1224; ДТС. 379)

ynal öge – верный советник 492)

öge bilge bek – умный советник бека (Uig.I. 1411)

Ел ögesi – советник государства (Uig. II. 8873)

Saly el ögesi – Салы – советник народа (Uig. I. 2316).

б) bujruq – командующий, предводитель. Российские исследователи до сегодняшнего дня переводили это слово как: «приказ», или «приказный» ДТС. 121; (МПДП. 1951. с. 27,29, 327; МПДПМК. 1959. с. 93), или без перевода, опубликовали как: «Буйруков» - (Кляшторный 1980: 91).

В документальных источниках начального периода средних веков было оставлено следующее значение:

- ič bujruq bašy- глава, внутренний командующий Ынанчу Бага -Тархан (Терк. 21)

- Uluγ bujruq toquz bolmys – Великий командующий (предводитель армии) состоит из девяти человек (Тер. 21)

- bujruq begler- командующий беков (KT.IV.1)

- Qutluγ baγa tarqan öge bujruq - Кутлуг Бага-Тархан, советник, командующий (Е. 47_3).

Эти исторические факты дают возможность дать следующий перевод сочетания “öge bujruq” - советник, командующий.

[5] 𐰚𐰇𐰢𐰽𐰆𐰺𐰆𐰍𐰃𐰢 К Г.И. Рамстедт и С.Е. Малов прочитали как «küm Soruγym» и перевели: «Слухи и расспросы обо мне достигли ...», то И.В Кормушин перевел «Слава обо мне распространилась ...». Мы не согласны с данным прочтением и данным переводом. Предыдущие переводчики, в выполненной ими транскрипции слова не перевели слово «küm». А значение транскрипции

сочетания «soruγym» не сочетается с предложением.

Soruγ – Розыск, расспросы, (МК. I. 374; II. 184; ДТС. 509) soruγ qyldy- предпринял поиски, искал (МК.III. 242; ДТС 509) в древнем и современном монгольском языке: «suruγ»- слух,

известие, весть (БАМРС. Т. III. с.131).

Принимая во внимание эти допущенные ошибки, мы предлагаем читать «kümüs uruγym»(серебряные потомки). Кочевники средних веков потомков хана называли золотыми потомками. (БАМРС. Т.I. 79). Потомков деятелей, вышедших из среды простого народа и занимавших высокие должности, называли «серебряными потомками». Историческое значение этих сочетаний

нарпямую связаны с мировоззрением кочевников. Для кочевых народов средней и Центральной Азии философской основой Божественной религии является понятие «амал (инь), билиг (янь)».

Это философия познания мира древних тюрков. В понимании древних тюрков мир состоит из мужского и женского начала. Суть философии познания амал (инь) – мужское начало, билиг (янь) – женское начало. (Сарткожаулы К. 2007-180 с.). Если следовать этой теории познания мира, то древние тюрки, монголы, манчжуры называли потомков хана «золотыми потомками», потомков деятелей, вышедших из простого народа, называли «серебряными потомками». Одним из доказательств этого утверждения являются исторические факты, исходящие из данного Суджинского текста.

командующий, вышедший из простого народа, никогда не называл себя ханом. Например, Эмир Темир, рожденный в тюрко-монгольском племени Барлас и возглавивший народ. Он называл себя «эмиром», а не «ханом». Следовательно, Эмир Темир является представителем серебряных потомков. Серебряные потомки – это представители женской линии династии.

[6] «turuγ» - постоянное местожительство. С.Е.Малов прочитал это слово «turuγ». А И.В. Кармушин дал другое прочтение: «toruγ». С этим нельзя согласиться, т.к. toruγ – это гнедая лошадь (МК. I. 373).

[7] при прочтении : “s[ük]e”, будет переводиться как «армия». (КТ.I. 32) присоединяемое к этому названию слово “bardy” будет переводиться как «отправился», «присоединился». Слово «покинул», как это дано в переводе И.В. Кормушина, не сочетается. Мемориант оставил в 11-ом веке запись «körmedim ...» (не смог увидеть) о своем сожалении, что он не смог увидеть службу своего сына и проявленное им мужество в армии.

<u>Историческое пояснение:</u>

В соответствии с историческими фактами, содержащимися в «Суджинской надписи», мы посчитали необходимым дать три нижеследующих пояснения.

Это:

1. В тексте Яглакар хан-ата – глава религиозного объединения Манихей -патриарх. В Уйгурский каганат манихейская религия была включена в 763 н.э.

На троне Объединенного тюркского каганата (Уйгур) находился получивший титул «Ай Танирине кут болмыш Ел-тутмыш Алып Кутлуг Бильге каган». Написано в соответствии с оригиналом (Официальный исторический документ Династии Тан «Таншу. 217. 7а»), У Н.Я. Бичурина Мэуюй-хан Идигань (Бичурин 1950: 316). Исследователи из СССР перевели это название на тюркский Бюгю каган Идикен (Кляшторный 1980). К. Маккерсом, CTS. 195,5а в соответствии с оригиналом I-ti-chen Mou-уй Teng-Li qaγan (Mackerras 1968: 25, 156) была осуществлена транскрипция.

Встретившись с Идикен Бюгю каганом, проживавшим в городе Лоян Династии Тан, предводителем манихейской религии, четырех монахов во главе с Руци привезли в Уйгурский каганат. Именно таким образом манихейская религия была внедрена в среду обладателей высоких должностей Уйгурского каганата. Хотя они преследовали цель обратить весь народ в манихейскую религию, но не смогли осуществить это (Турсынхан 2010: 380-382).

Сохранились два главных документа о внедрении манихейской религии в Уйгурский каганат.

а) В городе Орда-балык (Хар-балгас) вдоль Орхона находится установленный в 820-ом году памятник «Тогыз-огузов».

б) «Памятник вхождения в религию Бюгу кагана» (ТТ. II) сохранился на тюркском языке (VIII-IX вв. н.э.).

Вот таким образом манихейская религия, установившаяся в Уйгурском каганате после смерти Идикен Бюгю кагана, после того, как перестала править возглавлявшая каганат, династия Иоллуг, начиная с 780-го года, перестала быть государственной религией каганата. Хотя манихейская религия потеряла статус главного религиозного объединения в Каганате, тем не менее, династия Иоллуг продолжала придерживаться манихейской религии. С понижением статуса в Уйгурском каганате в 780-х годах, главенствующие представители манихейской религии обратили свои взгляды на соседнее Кыргызское государство.

В связи с данными историческими событиями, известный

археолог, историк, ученый Л.Р. Кызласов сделал следующее заключение: «государственной религией манихейское учение провозгласил уйгурский Эльтутмыш каган (он же Бюгю каган. 759-779 гг.), возвратившись из китайского похода в Ордубалык на р. Орхоне в 763г. Сам же каган принял манихейство еще в 762 г., находясь в китайском городе Лояне. Однако, спустя 16 лет после утверждения новой веры, в 779 г. в Ордубалыке произошел антиманихейский переворот. Бюгю-каган, его сыновья и некоторые согдийские манихеи были убиты. Но многие приверженцы манихейской религии, как теперь можно предполагать, успели убежать на Енисей. Еще через 16 лет, в 795 г., новая каганская династия, во главе с Алып Кутлугом (795-805), восстановила в Ордубалыке манихейскую веру» (Кызлосов 1999: 16).

Эти заключения являются свидетельствами того, что манихейской религия пришла в 780-х годах в государство Кыргызов из Уйгурского каганата. Глава религии (марым), патриарх манихейской религии Яглакар был одним из монахов, который пришел из уйгурской земли. В период между 780-840 годами благодаря устойчивой идеологии, проповедуемой укоренившейся на кыргызской земле манихейской религии, в маленьком Кыргызском ханстве получило развитие взаимное сотрудничество между племенами, укрепилась экономика, на новый уровень поднялось руководство государства. По сравнению с соседними племенами и племенными конфедерациями их экономический рост был превосходящим. Подводя итоги, можно сказать, что это государство достигло такого уровня развития, что стало представлять угрозу для Объединенного Тюркского (уйгурского) каганата.

Марым Яглакар хан-ата (патриарх) оказал огромное влияние на мемориантa и помог ему. Мемориант в своем наставлении, оставленном своим потомкам, упоминает марыма Яглкар хан-ата, и говорит о том, что он пришел с Уйгурской земли. Я кыргызский сын имел скромный титул Бойла. Благодаря мудрым советам Марыма Яглакар хан-ата я приобрел счастье. Итак я Кутлуг Бага-Тархан Юге стал командующим, - говорит мемориант.

Счастье – это богатство. Следуя мудрым советам Яглакар хан-ата, мемориант служил Кыргызскому ханству. Он достиг больших успехов. Кыргызский хан высоко оценил труд мемориантa. В качестве подарка выделил ему землю. Таким образом он стал богатым. Стал счастливым. Свои размышления он передал словами «qyrgyz oγly men boila qutluγ jarγγan».

Далее говоря о своем богатстве, о состоянии, обращается к своим потомкам с наставлением перед смертью: «мои сыновья, когда будете мужиками станьте как Марым! Хану = (Марыму, Яглакар хану-ата) будьте преданными, будьте верными!».

1. То, что мемориант Кутлуг Бага-Тархан Оге Буйрук не происходил из семьи, принадлежавшей к главенствующему племени или осуществлявшему руководство кыргызами, доказывает словосочетание «серебряные потомки». Если бы он происходил из семьи хана, было бы сказано «золотые потомки». Потомки Чингисхана называли себя «золотыми потомками». Так как мемориант был выходцем из скромной кыргызской семьи, для обозначения древнего материнского символа он использовал слово «серебро».

2. В Суджинском тексте слово «jaγlaqar» предыдущие исследователи с самого начала поняли как название племени, берущего начало из ханской семьи Уйгурского каганата. По этой причине, в китайских документах было указано как племя, осуществлявшее руководство в Уйгурском каганате. Следующие три иероглифа 药罗葛, были записаны как «jaγlaqar», без проведения какого-либо анализа. Если провести сравнение этих трех иероглифов с вариантами чтения, предложенными в разное время разными синологами, то получаем:

- Н.Я. Бичурин – «Иологэ» (Бичурин 1950: 301);
- А.Г. Малявкин – «E-lo-хэ» (Малявкин 1974: 152);
- C. Mackerras – «yao-lo-ko» (Mackerras 1968: 45,91);
- Б. Еженханұлы – «яологэ» (Китайские документы ... 331, 393).

Если сопоставить с транскрипцией, предложенной известным знатоком фонетики китайского языка периода древнего и раннего средневековья, знаменитым синологом В. Карлгреном (B.Karlgren), представляется правильной следующая транскрипция o’lo’gᵏᵉ / yo’lu’γᵉ ≈ yolluγ. В собственных текстах, оставленных писателями рунических надписей Уйгурского каганата, не приводится ни одной записи названия династии jaγlaqa / yaγlaqar. Напротив, оставлены исторические записи в тексте памятника Тэс «jolluγ aja bašy olurty=ажа иоллуг был главой (руководил государством)» (Тэс. III. 17), в тексте Теркина «jolluγ qaγan, ja[my] qaγan, bumyn qaγan ŭč qaγan olurty=Иоллуг каган, Иа[мы] каган, Бумын каган үш қаған ел басқарды (теркін. I.1) (Сарткожаулы Қ. 2012. 162, 164, 174. 178 сс.).

Упомянутые исторические факты доказывают, что племя,

осуществлявшее руководство в Уйгурском каганате, называлось не Яглакар, а Иоллуг.

Сравнение знаков, схожих с Суджинскими знаками

1. Моғойн Шинэ-ус ұстыны (МШУ)
2. Шивэт улан ұстыны (ШУ)
3. Цаган-Толғой (Ақтсб. Ховдинский аймақ)
4. Бэгэрской надписи
5. Тайхар-тулуу Монголия (Арханғай) ;
6. Сулек (Хакасия)
7. Тоголохын тал Монголия (Арханғай)
8. Алаш.I. (Западная Тува)
9. Алаш. II. (Западная Тува)
10. Суджинская тамга (Монголия)
11. Еймурская тамга (М. Кашкари)

ЛИТЕРАТУРА

Bazin L. 1974. – Bazin L Les Calendries turcs anciens et medievaux. Lille, 1974.

Bazin L. 1988. – Bazin L. L'Inscription Kirghize Sūji (essai d'une nouvelle Lecture) // Document et Archives Provenant de L'Asie Central, Actes du

Colloque Franco-Japonais, Kyoto, 4-8 October 1988, s. 135-144. Бернштам. А.Н. 1946. – Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно – енисейских тюрок V-VIII веков. М.Л., 1946. Бернштам А.Н. 1947. – Бернштам А.Н. Манас, Киргизский эпос. Велики поход. М., 1946 // Изв. АНССР, отд. литер и языка. т.VI, 1947, вып. 2.с.155-156.

Бичурин Н.Я. – Бичурин Н.Я. Собрание Сведений о нородах, обитавших в Средней Азии в древние времена. т. I, М-л. 1950.

Зуев Ю.А. 1958. – Зуев Ю.А. Кыргызская надпись из Суджи // СВ. 1958 №2 С. 133-135.

Древне тюркский словарь. Л., 1969.

Китайские документы об истории Казахстана т. IV. Алматы, 2008. Кляшторный С.Г. 1959. – Кляшторный С.Г. историко-культурное значение Суджинской надписи // ПВ. 1959. №5.

Кляшторный С.Г. 1980. – Кляшторный С.Г. Терхинская надпись // СТ. 1980. №3 с. 82-95.

Кононов А.Н. 1980. – Кононов А.Н. Грамматике языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л., 1980.

Малов С.Е. 1951 – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности М-Л., 1951.

Малов С.Е. 1952. – Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М-Л., 1952.

Малов С.Е. 958. – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М-Л., 1959.

Mackerras C. 1968 – Mackerras C. The Uighur empure (744-840) Canberra, 1968

Кормушин И.В. 2008. – Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии (грамматика, текстология) М., 2008.

Кызлосов Л.Р. 1999 – Кызлосов Л.Р. Открытие государственной религии

древних хакасов. Москва – Абакан, 1999
Ramstedt G.I. 1913. – Ramstedt G.I. Zwei Uigurische Runeninschriften inder Nord-Mongolei // JSFOu. 1913 s. 1-19.
Sertkaya O.F. 1995. – Sertkaya O.F. “Manas” Eposunun kelip cigsi conündö // The internationac Bishkek. 1995. August 25-28. Ankara. 1997 s. 177-184.
Сартқожаұлы Қ. 2007. – Сартқожаұлы Қ. Байырғы түрік жазуының генезисі. Астана. 2007.
Харжаубай С. 1976-1980. – Харжаубай С. 1976-1980 жылдарғы далалық экспедиция есебі. // Моңғолия ҒА. Тарихи институтының архивы.
Қолжазба қоры. 1976-1980 жж. Тұрсынхан З. 2010. – Тұрсынхан Зәкенұлы. Көне Түркі ескерткіштеріндегі қытай жазбалары. Павлодор. 2010.

Сокращенные названия

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. М. 2001
ҚОС – Қазақша-Орысша сөздік Алматы.
МК – Махмуд Кашкари
ПВ – Проблемы Востоковедения
СВ – Советское Востоковедение
СТ – Советская тюркология
JSFOu – Journal de le Societe Finno-Ougrienne
МПДП – Малов С.Е. Памятники древнетюркской писменности
МПДПМК – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии
МЕПТ – Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков
ДТС – Древнетюркский словарь
QBH – “Qutadγu bilik” оригинал Герата
QBN – “Qutadγ bilik” оригинал Намангана
QBK – “Qutadγ bilik” оригинал Каира
Uig.II – Фрагмент буддийской религии, записанный уйгурской графикой
Uig. III – Фрагмент буддийской легенды, записанный уйгурской графикой
КТ – текст Культегина
Тұй – текст Тұй-Ұқұқ
О – текст Онгина
Терк – текст Терка
БК – текст Бильге кагана

MEDIAEVAL EURASIAN STEPPE STATES: THE UIGHURS AND THE KHAZARS

Hahashi Toshio*

РЕЗЮМЕ:

Уйгурский каганат был первым кочевым государством, которое построило города в восточной части евразийских степей и развивало торговлю и сельское хозяйство. В Уйгурском каганате централизованное правительство было основано вне кланов. В западной части евразийских степей Хазарский

* Professor of Faculty of Letters of Soka University. E-mail: hayashi@soka.ac.jp

каганат построил города и развивал торговлю и сельское хозяйство, и также организовывал новое хаган правительство. В то время как Уйгурский каганат принял манихеизм, Хазарский каганат принял иудаизм. Эти явления должны быть общими особенностями ранних средневековых кочевых государств Центрально-евразийских степей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уйгуры, хазары, город, торговля, земледелие

1.Introduction

The third Qaghan Bilge of the Second Turk-Tuque Qaghanate brought a radical change to the policy against Tang China. While the first and second Qaghans of the Second Turkic Qaghanate invaded Northern China during their reigns (682-715) frequently, the third Qaghan Bilge invaded only one time in 720 during his reign (716-734) [Hayashi 1990: 176-183]. Even this invasion of 720 was not offensive but defensive against Tang's maneuver [*JTS*, 194A: 5174-75; Liu 1958: I, 174-5].

On the other hand, Bilge Qaghan dispatched tribute missions to the Tang court very frequently: 2-4 times each year after 721 [Hayashi 1990: 176-183].

In 726 the Tufan (Tibets) sent a letter to Bilge Qaghan to tempt him to invade China jointly. However, Bilge rejected this temptation and presented this letter to the Tang Emperor Xuanzong to show his good faith. Emperor Xuanzong complimented Bilge's good faith and permitted to trade the horses of the Tuque for some 100,000 pieces of silk every year [*JTS*, 194A: 5177; Liu 1958: I, 179].

However, in fact Bilge Qaghan was not pro-Tang. He did not believe the Tang government. He repeatedly warned the Tuque people not to fall into ruin by the honeyed words of the Chinese [Bilge Qaghan Inscription, North side, Lines 4-6; Köl Tegin Inscription, South side, Lines 5-7]. The presentation of the Tufan's letter should be regarded as a means of getting permission to barter horse for silk in trade on a large scale, rather than an expression of loyalty to the Tang Emperor.

Thus Bilge Qaghan gave up a plunder policy and chose a trade policy. This trade policy was expressed in the Bilge Qaghan Inscription: "If you [=the Turk people] settle in the land of Ötüken and send caravans, you will have no trouble" [North side, Line 6; KT, South side, Line 8]. Professor Mori interpreted this policy as an expression of "economic nationalism" [Mori 1992: 6-9].

The policy on the importance of trade was carried over to a successor. A collection of Zhang Jiuling's works contains several imperial edicts to Dengli [=Tengli] Qaghan (r. 734-741). Some edicts

blamed the Qaghan for exchanging too many horses [*QJJ*: 11; cf. Liu 1958: I, 379-380]. The edicts showed that the number of horses had been agreed not to exceed 3,000 – 4,000 heads a year, but in 734 the Tuque brought 14,000 heads of horses and the amount of bartered silk was estimated at 500,000 pieces. Furthermore, the Tuque brought horses under the false names of other barbarians (for example Jiankun=Kyrgyz in order to surpass the regulated amount [*QJJ*: 11; cf. Liu 1958: I, 378].

Given these developments in trade, it is natural that there should have appeared a city as a trading center. In fact Bilge Qaghan wanted to build a city with walls and temples of Buddhist and Taoist. However, he was dissuaded from his idea by Tonyuquq who was convinced of the superiority of the nomadic way of life in the steppe lands [*JTS*, 194A: 5174; Liu 1958: I, 172-3]. From his military viewpoint against China it was not advisable for nomadic empires to build a city and to settle down. In the Xiongnu period we can find the same idea [Hayashi 1984: 70], which had persisted in the minds of nomadic rulers*1. Thus the first enterprise in city building which would have been carried out under the leadership of nomadic rulers in Mongolia, resulted in an unrealized dream.

After the sudden death of Bilge Qaghan the Second Qaghanate got bogged down in internal troubles and finally collapsed.

2.Cities of the Uighur Qaghanate

Bilge's trade policy and his plan to build a city were inherited to the Uighur Qaghans. The first Qaghan (r. 744-7) and the second Qaghan (r. 747-59) did not invade China. The second Qaghan Gele (Moyanzhuo) helped Tang Dynasty to suppress the revolt of An-Shi.

Qaghan Gele constructed at least two cities: Ordu Balïq (capital of the Uighur Qaghanate) and Bay Balïq. The ruins of Ordu Balïq is now called Khar Balgas "Black ruined city" in Mongokian [Hayashi.

It is located in the Orkhon valley, 320 km west of Ulan Bator, 30 km north of Karakorum. This capital was named variously in the Chinese sources: Huigu cheng, "Uighur City" [*Jiu Tangshu*, chap.145: 5213]; Woluduo cheng, "Ordu City [*Liaoshi*, chap.93: 1378]; Buguhan cheng, "Bögü Khan City" [*Liaoshi*, chap.30: 356]. It was mentioned also in the Islamic sources: *madīnat of khāqān, malek* of the Toghuzghuz "city of khaghan, king of the Uighurs,"

* 1 A.N. Bernshtam postulated concerning the interesting social background to Tonyuquq's dissuasion. According to him, Tonyuquq personified the old clan aristocracy ("старый родовой знать") and was opposed to the up-and-coming feudal beg class [Bernshtam 1946: 183-4]. I approve of his view concerning the antagonism between the old and new powers.

in the Tamīm ibn Baḥr's 9th-century report [Minorsky 1948: 283]; Ordū-bālīgh, "Ordu City," in Juwayní's 13th-century *History of the World Conqueror* ["E.J.W. Gibb Memorial" Series, XVI-1, Leiden, 1912: 40, 42, 192]. *Ordu* means "royal camp" and *baľïq* means "town" in old Turkic [Clauson 1972: 203, 335]. This capital must have been called Ordu Balïq by the Uighurs during their period of rule there. It was the first large-scale city constructed by nomadic states in Mongolia.

The archaeological site was surveyed by V. V. Radlov and D. A. Klements in 1891, by V. L. Kotvich in 1912, by S. V. Kiselev in 1949, in 1996 by Japan-Mongol joint expedition and the German Archaeological Institute (DAI) and the Institute of Archaeology of Mongolian Academy of Sciences have excavated in this site since 2009. The remains of the city consist of a walled rectangular fortress and a vast urban area outside its boundaries. The northern and the southern walls are about 404 m in length and the eastern and the western walls are about 360 m. A well-preserved part of the wall is 8 m in height even now. The wall was constructed by erecting packed earth ramparts - the traditional Chinese method.

At the southeastern corner of the fortress there stands a high platform, 12m in height, which might have been a palace or a donjon. In the western part of a fortress there stands a pyramid-like tower, 13-14m in height, which Kiselev considered a watchtower [Kiselev 1957: 93-95]. On top of the tower there could have been set up "a golden tent" that is mentioned in Tamīm's report and in the *Xin Tangshu* [Minorsky 1948: 283; *XTS*, chap.217-b: 6149]. The urban area is spread out south of the fortress; Kiselev estimated its extent as 25 sq km. The fortress might have been built by the second Qaghan, Gele (r. 747-59), and the urban area might have been developed from the third Qaghan, Bögü (r. 759-79). From the palace area there have been unearthed many fragments of roof tiles with Chinese ornamentation.

German mission has confirmed the ruins of Manichaean temple (HB1), palace (HB2) and craft workers area (HB3), from where have been unearthed lots of ordinary ceramics, iron nails, animal bones. Radiocarbon analysis of those bones showed the early period of this city: 688-771 cal AD [Franken 2014: 93-99].

Tamīm stated that the capital was "a great town, rich in agriculture and surrounded by *rustāqs* (towns) full of cultivation and villages lying close together" [Minorsky1948: 279, 283].

According to the Shine-Usu inscription (W5), the Khaghan Gele built another city, Bay Balïq, "Rich City," on the Selenge Riv-

er for (or by) the Sogdians and the Chinese in 757-58 [Moriyasu, Ochir 1999: 181, 185]. This city is mentioned as Fugui cheng, "Rich City," in the *Xin Tangshu* (chap.43-b: 1148). The archaeological site of Bay Balïq can be identified with a complex of three ruined walled fortresses, Bii Bulak, on the northern bank of the Selenge River, 11 km west of Khutag Öndör sum, 220 km north of Karabalgasun.

They constructed another palace or temple similar to the Ordu Balïq palace at the head of the River Yenisei, southeastern part of Tuva. The ruins of that palace is called Por Bajin, which was excavated by Russian expedition in 2007-08 [Arzhantseva et al. 2011].

I will sum up several features of Ordu Balïq. (1) Ordu Balïq was constructed by Chinese workers. (2) The inhabitants of this city were the upper class of the Uighurs (royal family, aristocracy, and guardsmen), the Chinese, and the Sogdians. (3) The Uighurs engaged in politics, diplomacy, and military affairs there. (4) The Chinese and the Sogdians engaged mainly in trade, commerce, handicraft industries, and agriculture. According to the Chinese historical sources, some of them also participated in politics, diplomacy, and military affairs there.

3. **Uighur Trade**

Nomadic states had devoted their attention not only to plundering but also to trade activities [Jagchid, Symons 1989]. But the Uighurs seldom invaded China (substantially one time), but traded with China far more than former nomadic states. The main articles of trade were silk and horses, as symbolically shown by the term "silk-horse trade". Precisely, silk was brought from Tang to the Uighurs and horses were brought to the court in turn.

According to the *Tang Huiyao*, since 758 AD the Uighurs because of their merits (of suppressing the revolts) annually came to trade horses. Each horse was to be exchanged for forty rolls of silk, and the number of the horses was in the tens of thousands [*THY* 72: 1303; Jagchid, Symons 1989: 177].

Furthermore, the Uighurs got a yearly gift (20,000 rolls of silk) from Tang. The Uighurs also got silk as a dowry and by smuggling [Hayashi 2002: 108-109]. Such a large quantity of silk which the Uighurs obtained by various ways would be not only consumed by themselves, but also be exported to the west through the Sogdians, and bring further riches to the Uighurs.

However, the Third Qaghan Bögü (r. 759-779) was eager to invade China and intended even to conquer China from the beginning of his enthronement through the support of the Sogdians and to build

a "Conquest dynasty" [Moriyasu 2002: 162-3]. His elder cousin and chief minister, Ton Bagha *tarqan*, admonished Bögü, but Bögü did not listen to the minister. So Ton Bagha, taking advantage of the wish of some other people, attacked and killed him, and at the same time killed his relations and confidants and those of the Sogdians who had tried to entice him invading China, in all 2,000 people [*JTS* 195: 5207-8; cf. Mackerras 1972: 86, 88].

Many scholars interpret this *coup d'état* as follows: during the reign of Bögü Qaghan, there appeared a gap between the qaghan and his subjects, the unsophisticated character of the nomads was lost, non-nomadic luxuries like women's make-up and flamboyant dress were in fashion, Manichaean fashion and the Sogdians' gaining power aroused the antipathy of conservatives, as a result a confrontation occurred in the Uigur society, which came into the open with this invasion plan as a trigger, and after the reign of Ton Bagha the Uigurs' attitude towards the Tang toned down [Mackerras 1972: 36].

Against them, T. Barfield explained that Ton Bagha killed Bögü Qaghan and declared himself qaghan, because "China's huge annual payments to the Uigur elite would have been put at risk by a war policy" [Barfield 1989: 153]. I basically agree with him. But I think that various aspects of trade, as well as annual payments, attracted Ton Bagha's group. In other words, his group selected a trade policy. In fact, even after the *coup d'état*, the Sogdians played an important role, and the silk-horse trade and Manichaeism flourished in the Uigur Qaghanate. And Ton Bagha was not a pro-Tang, and his successors' attitude did not tone down [Hayashi 2002: 110-1][*2].

The Uighur Qaghanate had various new features in the history of the steppe nomadic states. Firstly, the Qaghanate changed the policy from plunder to trade. Secondly, according to Yamada N., there was no ruling relation among the clans and a centralized government was founded beyond the clans in the Uighur Qaghanate [Yamada 1989: 146-50].[**3] Thirdly, the Qaghanate adopted a foreign religion[***4], the Manichaeism. Fourthly, the Qaghanate built cities for the Sogdians and the Chinese. Furthermore, according to Tamīm ibn-Bahr, a great town [Ordu-Balyq --- H. T.] is rich in agriculture and surrounding by *rustaq*s , as I mentioned before. And fifthly, the upper class of the Qaghanate was settled down.

---

* 2 A. K. Kamalov also considers that Ton Bagha's policy was rich in flexibility and not always friendly towards the Tang [Kamalov 2001: 153, 158].
** 3 Yamada N. gave attention to the change of the ruling clans: Yaghlaqar to Ediz.
*** 4 The Fourth Qaghan of the First Tuque Qaghanate took interest in Buddhism but it did not take root.

4. **Khazar and other Qaghanates**

Although the origin of the Khazars is ambiguous, it is very clear that they were the Turkic people, probably related to the Tuque-Turks (West Tuque) [Togan 1939: 270; Artamonov 1962: 171, 281] or the Uighurs [Pelliot 1950: 208; Dunlop 1954: 34-40]. During the second half of the 7th and the 8th centuries the Khazars often invaded Transcaucasia. And then under the Khazar rule the trade between the east and the west, the north and the south, was developed by the Jewish, Muslim and Rus merchants [Golden 1980: .107-111].

Around 800 CE, the Khazars, especially their ruling class, adopted Judaism [Dunlop 1954: 170; Artamonov 1962: 278, 280, 469-470].

Golden pointed out that agriculture was practiced by the Khazars (or, at least, the nobility possessed lands on which agriculture was practiced) [Golden 1980: .104-105]. I consider that agriculture was engaged not only by the Khazar themselves but other settled people brought from neighboring lands.

According to the Arabic sources of Istakhri (Persian geographer in the 10th century), their capital was called Atil [Dunlop 1954: 91]. "The city has no villages, but their farms are extensive" [Dunlop 1954: 93]. In the middle of the 7th century it was a small settlement but after that it was developed to the capital [Dunlop 1954: 51].

In Khazaria there was a dual kingship: nominal Great Xāqān and real power, Xāqān Beh. Golden rightly points out that the direction in which the qaghanal office developed in Khazaria appears similar to that of the Qaghan of the Toquz Oghuz (Uighurs) [Golden 1980: 101].

The Asparuh's Bulgars who had more or less experienced a sedentary way of life in Kuban region of Northwestern Caucasia, migrated to the Lower Danube and also built cities: Pliska and Preslav. The First Bulgarian State basically attempted to hold friendly relations with the Byzantine Empire and expanded trade relations. Khan Tervel (r. 701-18) concluded a treaty with Theodosius III. According to the fourth clause of the treaty the two states were obliged to seal every trade goods [Zlatarski 1918: I-1, 182]. By the way the Bulgarian state could collect taxes. It means that the First Bulgarian Khanate attached importance to trade. The following Bulgarian Khans attempted to annex whole Thrace and Macedonia and controlled the Slavs who had already become settles agricultural people. And then, various reasons (to restrain Bulgarian *boila* and Slav chieftains who believed in paganism, and so on) made a convert of King Boris I to the Christianity in 864.

Another group of the Bulgars led by Kotrag migrated to the north to be settled down on the middle Volga. At the beginning they were controlled under the Khazars, but in the 10th century they adopted Islam through the Abbasid. And they built cities on the river and developed a trade of slaves and furs.

5. **Concluding Remarks**

The Uighur Qaghanate was the first nomadic state which built cities in the eastern part of the Eurasian steppes and developed trade and agriculture. In the Uighur Qaghanate a centralized government was founded beyond the clans. In the western part of the Eurasian steppes the Khazar Qaghanate built cities and developed trade and agriculture, and also organized new qaghan government. While the Uighur Qaghanate adopted Manichaeism, the Khazar Qaghanate adopted Judaism. These phenomena should be the common features of the early mediaeval nomadic states of the Central Eurasian steppes.

BIBLIOGRAPHY

Artamonov (Артамонов М.И.) 1962. История хазар. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа.

Arzhantseva, I. et al. 2011. Enigmatic Site of the Uighurs in Southern Siberia. The European Archaeologist 35: 6-11.

Barfield, T.J. 1989. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge, Massachusetts: Basil Blackwell.

Bernshtam (Бернштам А.Н.) 1946. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков: Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.-Л.: АН СССР.

Clauson, G. 1972. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford at the Clarendon Press.

Dunlop, D.M. 1954. The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Franken, Ch. 2014. Karabalgasun und Karaorum, Mongolei: Die Arbeiten der Jahre 2012 und 2013. e-Forschungsberichte des Deutschen Archäologischen Instituts 2014-1: 93-99.

Golden, P. 1980. Khazar Studies: An Historico-philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Hayashi Toshio 1984. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu. Bulletin of the Ancient Orient Museum VI: 51-92. 1990.

The Development of a Nomadic Empire: The Case of Ancient Turks (Tuque). Bulletin of the Ancient Orient Museum XI: 135-184.

2002. Uighur Policies toward Tang China. The Memoires of the Toyo Bunko 60: 87-116.

2012. Karabalgasun, i: The Site. Encyclopaedia Iranica. XV(5): 529-530.

Jagchid, S. & V.J. Symons

1989. Peace, War, and Trade along the Great Wall. Bloomington: Indiana University Press.

JTS - Jiu Tangshu. 1975. Beijing: Zhonghua shuju.

Kamalov (Камалов А.К.) 2001. Древние уйгуры: VIII-IX вв. Алматы: «Наш

мир».
Kiselev (Киселев С.В.) 1957. Древние города Монголии. Советская археология 1957(2): 91-101.
1959.
Из истории китайской черепицы. Советская археология 1959(3): 159-178.
Liu Mao-tsai. 1958. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kue). Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
Mackerras, C. 1972. The Uighur Empire according to the T'ang Dynastic Histories. Canberra: Australian National University Press.
Minorsky, V. 1948. Tamīm ibn Baḥr's Journey to the Uyghurs. Bulletin of the School of the Orient and African Studies XII(2): 275-305.
Mori Masao 1992. Nationalism in the Second T'u-chüeh Khaghanate (in Japanese). In: Kodai Toruko Minzokushi Kenkyu, II: 98-132. Tokyo: Yamakawa shuppansha (Formerly published in Toyoshi Kenkyu 34(4), 1976).
Moriyasu T. 2002. Uiguru kara mita An-Shi no ran (The Rebellion of An Lu-shan (755-763) from the Uighurs' View Point: With Special Reference to an Uighur Document Mainz 345) (in Japanese) Nairiku-Ajia gengo no kenkyu XVII: 117-170.
Moriyasu T. & A. Ochir 1999. Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. Osaka: The Society of Central Eurasian Studies.
Pelliot, P. 1950. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. Suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en 'ar'. Ouvres posthumes de Paul Pelliot II. Paris: Adrien-Maisonneuve.
QJJ - Quejiangji (by Zhang Jiuling).
THY - Tand Huiyao. 1955. Beijing: Zhonghua shuju.
Togan, A.Z.V. 1939. Ibn Fadlān's Reisebericht (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes XXIV-3). Leipzig: Brockhaus.
XTS - Xin Tangshu. 1975. Beijing: Zhonghua shuju.
Yamada N. 1989. Yuuboku Uiguru koku no metsubou (The Fall of Nomadic Uighur State) (in Japanese). In: Kita-Ajia yuubokku minzokushi kenkyuu (Studies on the History of Northern Asiatic Nomads). Tokyo: University of Tokyo Press.
Zlatarski (Златарски В.Н.) 1918. История на българската държава. Том 1, часть 1.София: Наука и изкуство.

İSLAM ÖNCESİ DÖNEMLERDE ORTA ASYA'NIN KUZEY-DOĞU HUDUTLARINDAKİ ETNİK SÜREÇLERDE SOĞDLULAR'IN ROLÜ

Nasriddinova Munira*

The Sogdian role in the ethnic processes in Northern-Eastren Central Asia in the Pre-İslamic period

ABSTRACT:

* Nizami adındaki Taşkent Devlet Pedagoji ünivesitesi öğretim görevlisi

The Sogdians, although never politically united, were centered on the main city of Samarkand and Bukhara. Sogdiana lay north of Bactria, east of Khwarezm, and southeast of Kangju (Middle Syr Darya) between the Oxus (Amu Darya) and the Jaxartes (Syr Darya), embracing the fertile valley of the Zeravshan. During the Early Middle Ages Sogdian merchant colonies included sites stretching towards Issyk Kul and Middle Syr Darya such as that at the historical sites of Suyab, Taraz, Isfijab (Sayram), Tarbend (Otrar) and etc.

KEY WORDS: Pre-Islamic period, Early Medival Ages, Amuderya-Sırderya, Sogds, Köktürks, Samarqand, Bukhara, Semirech'e, Mongolia, Northern China, Altays, Turco-Sogdian symbioses.

Orta Asya'da yüz gösteren etnik, kültürel ve siyasî süreçlerde İslam öncesi dönemlerin, bilhassa erken orta çağların ayrıca bir yeri vardır. Bu dönemin büyük bir kısmı ise 6.-8. yüzyıllarda Avrasya'nın merkez kısmında en güçlü devlet sıfatında bilinen Köktürk Kağanlığı (552–744) dönemine denk gelir. Özellikle, işbu Kağanlığın bir parçası olan Batı Köktürk devleti (568-740) ahalisinin esas çoğunluğunu oluşturan Türk toplulukları ile Soğdlular arasında diğerlerine nazaran farklı ve derin bir kaynaşım süreci yüz göstermiştir.

Bilhassa, Soğd etnosu temsilcileri, hem Doğu Köktürk Kağanlığı'nın merkez toprakları – Ötüken vadisi (Moğolistan), Ordos (Kuzey Çin)'de, hem Batı Köktürkler'in merkez kısmı: Yedisu ve ona yakın ülkeler: Sırderya'nın orta havzası (Tarbend / Otrar, İsficab (Sayram)), Doğu Türkistan'ın şehir ve diğer oturak yerleşim meskenlerinde yerli ahali ile karışık veya ayrı bir ticarî iskan yerleri (koloni) oluşturmuş bir şekilde yaşamaktaydılar [Бернштам 1940: 34-43].

Bu dönemde Orta Asya toplulukları arasında yüz gösteren etnik ve siyasî süreçler başlangıçta bölgenin kuzey-doğu topraklarında – özellikle, Altaylar ve Moğolistan ağırlıklı kısmında hakim olan Juan-Juan / Avar Kağanlığı (402–552) ve bölgenin güney-doğu kısmında egemen olan Eftalitler / Ak-Hunlar devleti (420–565) dairesinde geçmiştir. Adı geçen siyasî birliklerin birincisi Moğolistan merkez olmak üzere Kuzey Çin, Altaylar ve Cungarya (Doğu Türkistan'ı kuzeyi) gibi birçok göçebe etnik topluluklarını barındıran, ikincisi ise Doğu Türkistan vahaları, Amuderya–Sırderya arası (Transoksiana / Maveraünnehir), Kuzey Hindistan ve Horasan'daki onlarca vaha devletçiklerini içerdiği coğrafî alanları kendi eli altında bulundurulmuştur.

Bu durum sadece dönemin Çin yıllıklarında değil, belki Bizans kaynakları, Eski Türk yazıtları (Orhun abideleri) ve Soğd dilli yazma yadigarlikler emsalinde kendi tespitini bulur. Özellikle, Orhun vadisinden bulunan I. Doğu Köktürk Kağanlığı'na ait

Bugut (588) ve Batı Köktürkler'le ilişkili İli (Doğu Türkistan) yazıtlarının dili Soğdça olması [Kljaštornyj, Livšic 1972: 69–102; Osawa 2002: 79–88], bunların yanı sıra Turfan'dan 639 yılına ait Soğd dilli bir belgenin bulunuşu [Исҳоқов 1993: 1, 5; Vaissière 2005: 169], Yedisu (Tokmak, Krasnaya Reçka, kadim Suyab şehri kalıntıları ve s. gibi Kırgızistan ve Taraz (Cambul), Otrar gibi Güney Kazakistan)'dan bulunan seramik ve metall eşyalar sırtına yazılan onlarca küçük çaptaki epigrafik yadigarliklerin Soğd yazısı ve Soğd dilinde yazılmış olması işbu görüşlerimizin ispatıdır. İşbu yazma yadigarliklerin mezkur hudutlardan bulunuşu Kağanlığın her iki kısmı – Doğu ve Batı Köktürk kağanlıklarının resmî iş yürütme dillerinden biri olarak Eski Türk diliyle beraber Soğd dilinin de geniş bir çapta yayıldığına delalet eder. Elbette, bu işbu etnos temsilcilerinin Kağanlığın yönetim işlerine faal katıldıkları ve adı geçen ülkelerde kendi ticaret kolonilerini kurduklarıyla bağlantılı idi.

Eski Türk yazıtlarında tarihî Soğd ülkesi ve Soğdlu topluluğa dair bilgilerin yer alması da işbu etnosa mensup insanların Kağanlık siyasi faaliyetinde aktif olduklarıyla ilişkilidir. Özellikle, Kül Tegin yazıtında onların asıl tarihî vatanı – Zerafşan ve Kaşkaderya nehirleri arasındaki Soğd bölgesi Köktürk Kağanığı'nın batıdaki en uzak topraklarından biri olarak geçer: «Korıya kün batsıkdaki Soğd, Berçeker, Bukarak ulus bodunta Neng Sengün, Oğul Tarkan kelti – Batıda gün batardaki Soğd, Berçeker, Buhara ulusu (ve) halkından Neng Sengün (ile) Oğul Tarhan geldi» [Малов 1951: 33, 43]. Bunlar hariç, Bilge Kağan ve Kül Tegin yazıtlarındaki şu gibi bilgiler Soğdlular'ın asıl Soğd bölgesinden başka ülkelerde de yayıldıklarına delalet eder: "*Sekiz yigirmi yaşıma Altı Çub* [*Soğdak*] *tapa süledim* – On sekiz yaşımda Altı Çub (vilayet) Soğdları tarafına ordu sevkettim" (BK) [Древнетюркский словарь 1969: 39], «Altı Çub Soğdak tapa süledimiz, buzdımız. Tabğaç Ong Tutuk beş tü(men sü kelti) – Altı Çub (vilayet) Soğdları tarafına ordu sevkettik, yendik. Çinli Ong Tutuk elli bin askerle geldi» (KT) [Малов 1951: 31, 40]. İşbu satrılardan görüldüğü gibi, Soğdlular'ın bir kısmı Doğu Köktürk Kağanlığı'na yakın bir bölgede, büyük ihtimalle, Çin'in kuzey toprklarında oturmuşlardır.

Yeri gelmişken, konuyla ilişkili bir mesele üzerine durmak gerekiyor. Çoğunluk araştırmacılar yazıtlardaki "Çub" tabirini Çince *chou* "vilayet, il, bölge" sözcüğünün Eski Türkçe biçimi olarak yorumlarlar [Кляшторный 1964: 9397]. Onlara göre, "Altı Çub Soğdak" tabirinin kelime anlamı "Altı vilayet Soğdları" olup, Çin'in kuzeyinde Ordos ve Şensi bölgeleri arasındaki Lu-chou, Li-chou,

Han-chou, Sai-chou, İ-chou ve Xi-chou gibi vilayetlerde oturan Soğdlular için kullanılmıştır [Кляшторный 1964: 7898].

Uygur Kağanlığı (745-840) dönemi yazıtlarından biri Moyunçor abidesinde "*Soğdak Tabgaçka Selengede Baybalık yapıtı bertim* – (Ondan sonra) Soğdlular ve Çinliler'e Selenge (nehri kıyında) Bay-balık (şehri) yapımına (emir) verdim" [Древнетюркский словарь 1969: 509] anlamını taşıyan satırlar görülür. Buna bakarak Moğolistan'ın merkez hudutlarında hünerli ve şehirci Soğdlu ahalinin yaşadığını söyleyebiliriz.

Bununlar hariç, Kül Tegin'in şerefine yaptırılan adı geçen yazıtta işbu Köktürk şehzadesinin yas merasimine gelen elçilik heyetleri arasında Soğd heyetinin de bulunduğu yukarıda sunulan *"Batıda gün batardaki Soğd, Berçeker, Buhara ulusu (ve) halkından Neng Sengün (ile) Oğul Tarhan geldi*" şeklindeki bilgler Soğdlular'ın esas olarak Kağanlığın batı toprakları – Yedisu veya Soğd'da yaşadıklarını gösterir. Bazı araştırmacılar mezkur satırlardaki "Soğd"u Zerafşan vahasındaki Buhara ve Semerkant arasında bulunan asıl Soğd ile özdeşleştirseler, ayrım araştırmacılar onu erken orta çağlarda Yedisu bölgesini iskan eden Soğdlular'la ilişkili diye yorumlarlar [Кляшторный 1964: 9398].

Arkeoloji ve yazılı kaynakların şahitliğine göre, Yedisu'daki nehir ve çay havzalarında kendi kolonilerini kurarak buralarda bir çok şehirler inşa eden Soğdlular buranın yerlileriyle karışık yaşamışlardır. Onların buraları ilk iskan ettikleri dönem miladî 5.-6. yüzyıllara denk gelse de, büyük çapta gelerek yerleşmeleri esas olarak 7.-8. yüzyıllara, yani, Köktürk Kağanlığı dönemine rastlar [Кляшторный 1964: 123]. Böylece, Kağanlık eli altında bulunan Soğdlular onun ticarî faaliyetlerini gerçekleştiren kesim olarak iktisadî hayatta önemli bir yer tutmuşlardır. Kağanlık hudutlarının pek çok yerleşim meskenleri ve Çin'in kuzey-batısında yayılan Soğdlular bu dönemde Büyük İpek Yolu üzerinde yaşayan topluluklar arasında arabuluculuk rolünü üstlenmişlerdir [Хўжаев 2002: 40-43].

Nitekim, 7. yüzyılın 30'lu yıllarında Yedisu–Taraz–İsficab–Çaç istikameti üzerinden Hindistan'a yol alan Çinli rahip Hsüan-tsang ve Doğu Türkistan'ın güney topraklarından Hindistan'a giden diğer bir Çinli seyyah Huei-chao kayıtlarından adı geçen ülkelerdeki ahali menzillerinde Türkler ve Soğdlular beraber oturdukları ve çoğunluğu oluşturdukları anlaşılır [Бернштам 1952: 194; Ekrem 2003: 117]. Özellikle, Hsüan-tsang Yedisu'ya geldiği sıralarda "*Su-ye shui (Suyab) şehrinden Ke-şuang-na (Keşaniye / Keş) ülkesine kadar uzanan bölgeye Su-li (Soğd) adı verilir. [İşbu bölge] ahailsi de aynı şu adla adlandırılır. Yazısı ve dili de işbu adla yürütülür"*

anlamındaki bilgiler kayedilmiş olup [Vaissière 2005: 116] , mezkur bilgiden anlaşılmak üzere Yedisu'dan ta Keş (Şehrisbez)'e kadar uzanan topraklardaki bir çok ülke Soğd veya Soğdlular yaşayan hudut olarak bilinirdi.

Burada dikkat edilecek husus işbu kayıtların tam olarak neleri kastettiğidir. Belki, Hsüan-tsang muayyen bir ülke, ahali, yazı ve dil adı olarak kaydeden *Su-li* (Sogd) tabiri esas itibariyle Zerafşan ve Kaşkaderya havzalarını kapsayan asıl Soğd bölgesi ve Soğdlular sonradan göç ederek, ahalisinin büyük bir kısmını oluşturmaya başladığı Yedisu'nun yerleşik topluluklarını kastetmiş olabilir. Böylece, işbu terim mezkur iki hudut – asıl Soğd ve Yedisu bölgeleri arasında yer alan bazı vahalar ahalisi için kullanılmış olmalıdır.

Bu husus bir çok İranist dilbilimcileri tarafından söylenen "Hsüan-tsang S*u-li* ahalisi ve *Su-li*liler'in dili derken asıl Soğd (Zerafşan–Kaşkaderya havzaları) vahası, Yedisu, İsficab, Sırderya'nın orta havzası ve Çaç (Taşkent)'in önemli bir kısmını oluşturan Soğdlular ve onların dilini kastetmiştir" anlamındaki görüşleriyle kendi tespitini bulur [ОИЯ.СЯ 1981: 347-350].

Sogdluların adı geçen bölgelerde yayılmasıyla üzerine bazı uzman araştırmacıların görüşleri üzerine durmak lazım gelir. Bilhassa, G. Babayarov bu mesele üzerine şu gibi düşüncelerini önerir: "Eğer o dönemin demografi durumu ve şartları göz önünde bulundurulursa bu mesele epey aydınlanmış olacaktır. Bilindiği gibi, elverişli doğal şartlara sahip Fergane vadisi hem de Çaç vahasındaki dağ etekleri ve nehir havzaları çok eski zamanlardan beri ahalisi kalabalık iskan yerleri olup, buralara başka bir toplumun gelip yerleşmesi zordu. Soğdlular için ahalisi diğerlerine nazaran seyrek, ancak, yerleşik yaşam için kolay hudutlar olan Yedisu ve Sırderya'nın orta havzalarına epey miktarda gelip yerleşmesi oldukça uygundu. Büyük ihtimalle, mezkur toprakların Büyük İpek Yolu'nun kuzey istikametinde yer alan esas iskan yerleri olması da doğası ticarete ve zanaata maharetli Soğdlular için cazibe kaynağı olmuştır" (Бабаяров 2012: 20). Diğer bir Soğd tarihi uzmanı A. Atahocayev'in Soğdlu ahalinin Çaç vahasında yayılmasıyla ilişkili şu gibi görüşleri dikkati çekicidir: "Soğd tüccarları, işadamları, zanaatçıları ve çiftçileri aşağıdaki gibi tarihî etaplarda: 1) m.ö. 6. yüzyıla kadar; 2) m.ö. 4–m.s. 3. yüzyıllar; 3) m.s. 3–8. yüzyıllar ve 4) 8.–9. yüzyıllardan sonra Çaç'a gelip iskan tutmuşlardır" [Отахўжаев 2009: 17]. Bizce, Soğdlular'ın asıl tarihî vatanından başka Orta Asya'nın diğer hudutlarına, özellikle, Sırderya nehrinin orta havzalarına ve Yedisu hem de Doğu Türkistan'a gidip yerleşmeleri de hemen hemen aynı dönemlere denk gelir. Kısacası, erken orta çağlara ait farklı dillere ait yazılı kaynaklardaki

bilgileri kıysalama yaparak şu gibi sonuçlara ulaşılabilir:

Bu dönemde, özellikle, Köktürk Kağanlığı'nın oluşumu esnasında, yani, 6. yüzyılın ortalarında Orta Asya, bilhassa, onun güney ve güney-batı kısmı ahalisini çoğunluk olarak vahalarda yaşayan yerleşik ziraatçı topluluk ve adı geçen bölgenin kuzey ve kuzey-doğu kısmındaki step ve çöllerde hayvancılıkla uğraşan göçebe hem de yarı göçebe topluluklar oluşturmuştur. Bölgenin kuzey ve kuzey-doğu kısımlarında şimdiki Kazakistan, Altaylar ve Tanrıdağları yamaçları, Moğolistan ve Kuzey Çin'de ağırlıklı olarak göçebe hayat tarzı üstünlük kazanıyorsa, bölgenin güney-batı kısımlarında Doğu Türkistan, Amuderya–Sırderya arası, Kuzey Hindistan ve Horasan gibi yerleşiklere uygun vahalar mevcut olup, buralarda ahalinin çoğunluğu şehir ve köylerde yaşayarak, çiftçilik, zanaat ve ticaret onların geçim kaynağı olmuştur. Ancak, Orta Asya'nın her iki kısmında da bol sulu nehirler, step ve çöller bulunmuş olup, onlardan birincisi devamlı olarak yerleşik ahali için cazibe kaynağı olmuşsa, ikincisinde ise çok eskiden göçebe ahalinin kendi hayvanlarını otlattığı meskenler idi. Özellikle, Orta Asya'nın kuzey-doğu topraklarındaki İli, İrtiş, Çu, Talas gibi nehirlerin var olması göçebelerle beraber kadim zamanlarda bile bir kısım oturak ahalinin bulunmasına müsait olmuş, Doğu Türkistan (özellikle, Tanrıdağlarının güney yamaçları), Amuderya–Sırderya arası ve Hindikuş dağı eteklerinde bol miktarda yaylaların mevcut olması buralar ahalisinin bir kısmını göçebe çoban topluluklar oluşturmasına yol açmıştır.

İşte Köktürk Kağanlığı'nın oluşum sıralarında Orta Asya'da esas itibariyle böyle bir demografik bir durum ortadaydı ve bölgenin büyük bir kısmında Türkler ve Soğdlular ağırlıklı etnoslar olarak yayılmışlardı. Soğdlular kendî tarihi vatanı Soğd ve ona yakın bölgelerin yanı sıra Sırderya'nın orta havzaları (Çaç, Tarbend / Otrar, İsficab), Yedisu, Doğu Türkistan (Turfan, Kaşgar), Kuzey-Batı Çin (Dun-huang, Gan-su) ve Moğolistan'da belirgin bir miktarı oluşturuyorsa [Отахўжаев 2009: 17], ikincisi – Türkler Moğolistan, Güney Sibirya, Kuzey Çin, Altaylar, Tanrıdağları (özellikle, kuzey kısmı) ve Orta Sırderya, Aral gölü, İdil–Yayık havzaları arasındaki toprakları iskan tutan toplulukların ezici çoğunluğunu oluşturan bir etnos olarak bilinirdi.

Nitekim, bu dönemde Sırderya'nın orta havzasından ta Yedisu'ya kadar yer alan topraklarda onlarca büyük ve küçük şehirler bulunmuş ve onların ahalisini ağırlıklı olarak Türkler ve Soğdlular oluşturmuştur [Бернштам 1952: 194; Vaissière 2005: 116]. Buna dönemin Çin, Bizans ve diğer dillere ait yazılı kaynaklardaki Türkçe ve Soğdça veya Türkçe–Soğdça karışık yer adları şahitlik eder

[Байтанаев 2003: 38-40; Камолиддин 2006: 80]. Örneğin, Çaç, Suyab, Tarbend / Otrar, Bin-yul / Azar-hah ("Bin-pınar"), İsficab / Sayram ("Aksu, Seyrek-su"), Çimkent / Çamukkent, Jabguket, Hatunket, İlak, Arbalığ, Saylık ve s. Gerçi, mezkur şehir ve yerleşik ahali menzillerinin büyük bir kısmı Köktürk Kağanlığı döneminde ortaya çıkmışsa da, onlardan bir kısmının Kağanlığın oluşumuna kadar bile oldukça büyük ahali mekenleri oldukları bilinmektedir. Örneğin, Köktürk Kağanlığı oluşumunun daha ilk onyıllıklarında Yedisı'ya gelen Bizans elçilerinin kayıtlarından mezkur huduttaki şehirler ahalisinin esas çoğunluğunu Türkler ve Soğdlular teşkil ettikleri anlaşılır.

KAYNAKÇA

Бабаяров Г. Государственный строй Западно-Тюркского каганата. Автореф. дис. . . . док. ист. наук. Ташкент, 2012.

Байтанаев Б. Древний Испиджаб. Шымкент-Алматы, 2003.

Бернштам А.Н. Согдийская колонизация Семиречья // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института история материальной культуры. М.-Л., 1940, №6. С. 34-43.

Бернштам А. Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ. 1. М., 1952. С. 187195.

Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969.

Камолиддин Ш. С. Древнетюркская топонимия в Средней Азии. Ташкент: Шарқ, 2006.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Исҳоқов М. Номи азал Туркистон // Ўзбекистон адабиёти ва санъати, №4546, 1993. Б. 1, 5.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.

ОИЯ.СЯ – Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 347-350.

Отахўжаев А. Илк ўрта асрлардаги сиёсий-ижтимоий-иқтисодий ва маданий муносабатларда Суғд ва Чоч // O'zbekiston tarixi. Тошкент, 2009. № 1. Б. 9-17.

Хўжаев А. Суғдийларнинг Хитойга бориб қолиши // Мозийдан садо, 2002, №2. Б. 40-43.

Ekrem E. Hsüan-Tsang Seyahetnamesi'ne göre Türkistan. Basılmamış doktora tezi. Ankara: Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2003.

Kljaštornyj S.G., Livšic V. A. The Sogdian Inscription of Bugut reviced // AOASH. Budapesht, 1972. Tom XXVI (1). P . 69–102;

Osawa T. Batı Göktürk Kağanlığın'daki Aşinaslı Bir Kağan'ın Şeceresine ait Bir Kaynak // TÜRKLER. Ankara, 2002. Cilt 2. S. 79–88.

Vaissière E. de la. Sogdian traders: a history. Translated by J. Ward. Brill, Leiden Boston, 2005.

ПЕЧАТИ ЭПОХИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

Умиров Кахарбек*

ABSTRACT:
Old Turkic “Tamga” - Seals as symbols of states and their traditions enjoyed extensive application in Central Asia during Turkic qaghanate (552-744). Seals were used not only in the central offices of the Qaghanate, but also in the headquarters of the dependent Turkic, Turco-Sogdian and other dynasties.

KEY WORDS: tamga, signs, Pre-Islamic, Turkic qaghanate, Sogd, Northern India.

В традициях государственности этносов Центральной Азии, в частности древних тюрок, имелись ряд предметов, выполнявших роль символов власти в политических объединениях, созданных ими.

Из письменных источников известно, что во многих государствах Центральной Азии, начиная с Азиатских Хуннов до государства позднего средневековья, титул шатер, знамя барабан, пояс, меч, лук, лук, плеть, тамга, печать, особый цвет, особая одежда и т.п. материальные и нематериальные предметы считались символами государства и власти. Данные символы признавались таковыми, как внутри этих политических объединений, так и за его пределами. В частности, печать, в качестве явного символа правителя, всегда находилась при верховном правителе государства. Кроме этого, возможно, печать использовалась для подтверждения различных назначений, указов, ярлыков писем и др. государственных делах. Самые яркие примеры традиции, связанной с использованием печати, как символа власти, можно отнести к эпохе Тюркского каганата, что подтверждается сведениями письменных источников, археологическими находками и некоторыми терминами, упоминаемыми в источниках. Упоминание в Орхонских стелах и китайских хрониках в связи с древними тюрками титула-должности “тамгачы” (Древнетюркский словарь 1969: 530; User 2009: 281), позволяет говорить о наличии у них особой печати правителя и государственной канцелярии. Древнетюркское слово “tamğa” наряду со своим основным значением тамга знак рода или племени имела также значение “печать, отпечаток”. В письменных источниках средневековья в связи с некоторыми тюркскими династиями встречаются выражения “altun tamğa”

* Соискатель, археолог

(золотая печать), “al tamğa” (алая печать) “qara tamğa” (черная печать) (Clauson 1972: 505) , что позволяет предполагать о наличии у древних тюрок специальных названий для печатей сановников разных рангов.

Новые археологические находки последних лет позволили внести еще больше ясности в этот вопрос. В частности, в результате археологических исследований, проводившихся в долине Орхона (Монголия), Семиречье (Казахстан-Кыргызстан), Чач/Ташкент (Узбекистан), были выявлены некоторые тамги, печати и другие находки, связанные с ними. Ярким примером этого, являются печати из Монголии (Мутрин-Темдег) и из Семиречья (Казахстан) с надписями на древнетюркском руническом письме и содержащие термины, связанные с властью (напр. *qutluğ, sözüm*) (см. Рис. 1, 1-2).

Рис. I Печати с древнетюркскими надписями (по публикациям А.Аманжолова, Дж. Алйылмаза и Г. Бабаярова).

Как известно, согласно традициям государственности древних тюрок, полномочия на власть давались Тенгри и каган, как обладатель священной привилегии, воспринимался в качестве харизматической личности, имеющий *qut* *“*божественную благодать*”*. Таким образом, от слова *qut* в древнетюркском языке были образованы эпитеты *Qut* и *Qutluğ*, которые можно увидеть на примере титулов ряда правителей и чиновников Тюркского каганата, как Кутлуг-каган (например, Эльтериш каган; 681-693), Кутлуг Тун-Тарду (Ябгу Тохаристана; 720-730), Кут-Чор (правитель Тюргешей; 730-е годы) и др. Употребление термина *söz* (на печати *sözüm*, в согдийском документе *swzwn* / др. тюрк. *Sözün*/) находит свои параллели у древних тюрок, а также в тюркских мусульманских государствах, что нашло отражение в их письмах, переписках и указах (Кутлуг Тимур, Тохтамыш и др.), а также их монетах (например. Улугбек). Кроме

того, определенный нумизматический материал, печати буллы и др., найденные на городищах Ташкентского оазиса, можно непосредственно и косвенно связать с Тюркским каганатом. Так, на одной круглой печати с изображением двугорбого верблюда, найденного на городище Канка (Ташкентский оазис), заняло место согдийское слово *prn* “божественная благодать”. Заслуживает внимания, что иконографические особенности и размер данной печати (15 мм) почти идентичны монетам Западно-Тюркского каганата с изображением двугорбого верблюда на аверсе, согдийской легендой *prn bayy xyn* – “Господин/ Божественный благодатный каган”, многочисленные находки которых также происходят с вышеупомянутого городища (*см.* Рис. II. 3, 1-2 – II. 4, 1-2).Другая квадратная бронзовая печать, происходящая непосредственно связана с каганатом и на ней заняла место тамга, идентичная тамга на монетах династии Тудунов Чача (640-750), правивших в оазисе в качестве наместников Западно-Тюркского каганата. На этой печати слева расположена тамга в виде трезубца, относящаяся к одному из древнетюркских племен, а справа согдийское слово *prn* “(божественная) благодать” (*см.* Рис. II.).

Рис. II Печати с согдийской надписью prn «фарн» («благодать») найденные в Чаче (Ташкентская обл.) и Семиречье (по публикациям Г. Бабаярова).

Язык печатных надписей.

Опираясь на имеющийся сегодня материал эпохи Тюркского каганата, можно сказать, что для надписей на печатях, использовались три языка и соответственно три алфавита:

1) древнетюркский (древнетюркское руническое письмо),
2) согдийский (согдийское письмо на основе арамейского) и
3) бактрийский (бактрийское письмо на основе греческого алфавита) языки (последние два – восточноиранские языки).

Печати с согдийскими надписями можно разделить на три группы:

1. Находки из Семиречья (Тараз, Суяб и др.) – центральной территории Западно-Тюркского каганата, вероятность непосредственной связи с каганом которых наиболее велика, т.к. согдийский язык и письмо являлись официальным в ставках обоих крыльев каганата – Восточно-Тюркского (Монголия) и Западно-Тюркского (Семиречье) каганатов;

2. Печати междуречья Амударьи и Сырдарьи (Трансоксиана/ Западный Туркестан) и прилегающих к нему территорий (напр. Чач, Панч / Согд); относящиеся к представителям тюркских и тюрко-согдийских династий, правивших в эпоху Тюркского каганата.

3. Печати, относящиеся к правителям местных династий (по большей мере согдийского происхождения), правивших в Семиречье и Трансоксиане, и сохранивших свое самостоятельное правление в качестве вассалов каганата.

Печати с бактрийскими легендами связаны с Тюркским каганатом лишь косвенно. Т.е. известно, что бактрийский язык использовали в делопроизводстве правившие в Тохаристане и Кабулистане династии тюркского происхождения, как Тохаристанские ябгу (620-750) и Кабульские Тегин-шахи (640-843). Кроме этого, бактрийский язык и письмо использовали в монетном чекане, переписке, делопроизводстве, также династии тюркского происхождения, правившие в ряде малых владений входивших в состав Тохаристана. Вместе с тем становится ясным, что значительная часть печатей с бактрийскими надписями относятся к династиям бактрийского (восточноиранского) происхождения, правивших в качестве вассалов Каганата в Тохаристане, Кабулистане и соседних с ним территориях.

Разновидности печатей и их функции.

Печати Средней Азии и Тюркского каганата, а также предыдущих эпох, в основном имели круглую или квадратную форму и изготовлялись из металла (золото, серебро, медь, бронза), драгоценных и полудрагоценных камней и др. материалов. В Средней Азии в эпоху раннего средневековья имелась традиция запечатывать документы оттисками печатей на глине. Сохранившиеся до наших дней такие оттиски печатей обозначаются термином *булла*, а печати вырезанные на драгоценных камнях – термином *гемма*. В некоторых случаях печати имели специальные ушки или изготавливались в форме кольца чтобы их можно было нанизывать на нить или надевать на руку. Размер печатей был в среднем от 1 до 7-8 см., а толщина варьировалась в среднем в пределах от 0,5 до 3-4 см. Мы можем видеть, что печати эпохи тюркского каганата, найденные в Монголии и Казахстане, т.е. древнетюркские печати из центральных территорий Тюркского каганата, имеют квадратную форму или форму кольца (*см.* Рис. 1). Печати из Согда и других оазисных владений Средней Азии квадратную, круглую формы или в виде кольца, а печать из Чача (Ташкентский оазис), которую мы считаем принадлежащей к династии Тудунов, имеющих тюркское происхождение, имеет квадратную форму, подобно печатям с надписями древнетюркским руническим письмом (*см.* Рис II.).

Имеющийся на сегодня материал, позволяет говорить, что в доисламское время в Средней Азии печати использовали наряду с правителями, также чиновники канцелярии, ответственные за продовольствие, духовенство и др. В зависимости от компетенций обладателя печати, его положения в иерархической лестнице, места в обществе, оформление печати могло варьироваться по сложности художественного оформления. Это подтверждается наличием в древнетюркском языке упомянутых выше терминов.

Печати верховного правителя и высокопоставленных чиновников при дворе, считаясь в большей степени средством, символизирующим власть, и использовались в канцелярии для запечатывания различных документов чиновников с титулами “тамгачы”. Кроме этого, представители знати также имели свои печати, использовавшиеся для проставления их на поверхности предметов, для обозначения их принадлежности, для запечатывания различных документов (договоров, писем и др).

Арабские и персидские историки и поэты, описывая обычаи

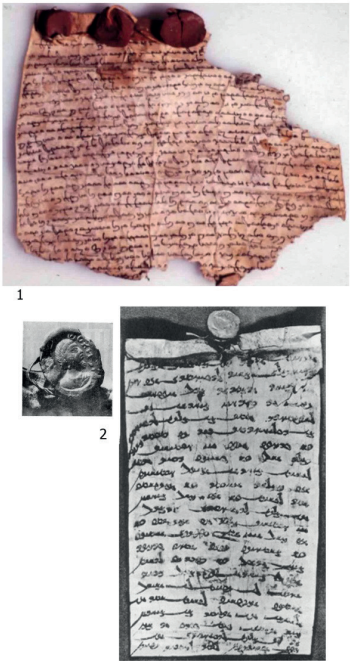
сасанидского двора, сообщают о том, что при утверждении любой должности – гражданской, жреческой или военной – сасанидский шаханшах жаловал своему придворному инсигнии будущей его власти: шапку (кулах), пояс (камар) и перстень с печатью (мухр). Личная печать такого придворного потом сопровождала деловые письма, распоряжения, приказы.

На официальных печатях вельмож и жрецов часто вырезался их портрет со всеми регалиями, соответствовавших их сану. Часто такой портрет сопровождался надписью (легендой), содержащей официальные титулы и наименования их владельцев. Письмо вельможи без печати – от слабости разума и нечистых помыслов, а сокровищница без печати – от пренебрежения и неосторожности…писали в персидских источника.

В письменных источниках не имеются подробных сведений об использовании печатей в Тюркском каганате. Но в китайских источниках имеются сведения, из которых в качестве примера можно привести следующие строки позволяющие пролить свет на этот вопрос: “*Оборачивают в особую ткань, капают масло лампы сверху, золотые наконечники стрелы обозначают особый знак (синьци), указывающий на достоверность*”, повторяющиеся в “Чжоу-шу”, “Бей-ши” и “Суй-шу”, а также в “Тун дянь” (Сарткожаулы 2012: 26; Taşağil 2003: 98). Ряд находок на территории Согда, позволяют получить представление о традициях, связанных с печатями. Один из ярких примеров этого можно увидеть на примере согдийских документов из архива горы Муг (1-я четверть VIII в.), относящихся к Панчу, который в эпоху каганата являлся одним из главных владений Согда. Наряду с тем, что в ряде из них встречаются сведения о том, что документ запечатан печатью (СГДМ 1962: 69-70; СГДМ 1963: 70), на некоторых документах сохранилась сама печать и её следы (*см.* Рис.III), что позволяет конкретизировать представление о функциях печати. В большей части этих документов упоминается имя согдийца Деваштича (709-722), а также других лиц, таких например как тюрка Чакина Чора Бильге в качестве правителя Панча (693-708) (Лившиц 1979: 66-67; Лурье 2005: 127-131), который, по видимому, являлся предком Деваштича, на что имеются некоторые указания.

Ряд документов на бактрийском языке найденных в последние годы на территории Северного Афганистана, могут быть ярким примером использования печатей в Средней Азии связанные с территорией Древней Бактрии (Тохаристан),

относящиеся к эпохе Тюркского каганата. В них, как и в упомянутых выше согдийских документах, также имеются сведения о «запечатывании» (Sims-Williams 2000: 94-96), а на некоторых из документов сохранились также и оттиски печатей (*см.* Рис. III. 1). К тому же в ряде этих документов, на ряду с титулом верховного правителя тюрок («каган»), упоминаются такие выражения и титулы, связанные с каганатом, как “правитель тюрок” “эльтебер”, “тудун” (Sims-Williams 2010: 15-26).



1

2

Рис. III Документы на бактрийском и согдийском языках с оттисками печатей (по публикациям Г. Бабаярова).

Сюжеты, представленные на печатях.

В ходе археологических исследований на территории Средней Азии были найдены различного рода печати, относящиеся к доисламской эпохе, которые по сюжетам и другим параметрам отличаются друг от друга.

Сюжетная канва на этих печатях весьма разнообразна и интересна также как и форма самих печатей. Которые могут представляться в виде простых геометрических форм - квадратов, кругов, так и в весьма причудливых зооморфных

формах (Рис. IV).

На ряде печатей можно увидеть имена, титулы правителей, имена божеств и других божественных сущностей, дающих свою божественную благодать или покровительство, пожелания и др. слова. Кроме того на них можно увидеть изображения священных или тотемных животных, в частности животных являющихся символами мужества и доблести, а также различные символы (тамги, астральные знаки и т.п.). Например, на печатях можно увидеть на ряду с изображениями таких священных животных, как лев, барс, двугорбый верблюд, олень, конь, горный козел, кабан, слон, также и астральные символы – солнце, полумесяц, звезду. Встречаются и растительные мотивы (*см.* Рис. V).

Рис. IV Разнообразие форм печатей.

Печати, изображающие сцены охоты на оленей.

Печати несущие семантический смысл.

Печати с растительным орнаментом.

Печати с зооморфными сюжетами с изображениями зайца, орла, вепря(?), льва, оленя, горного козла, рыбы и коня.

Рис. V Сюжеты.

Также печати играют немаловажную роль в определении этнической принадлежности людей данного региона и близлежащих областей. В частности, на них заняли место изображения с чертами характерными для согдийцев, древних тюрок, бактрийцев, эфталитов, иранцев, индийцев и других этносов (*см.* Рис.VI) (Alram 2003: 177-184; Rahman and other 2006: 125-131; Lerner 2009: 215-226).

1) Печати кушанов.

2) Печати эпохи хионитов, кидаритов и эфталитов
(по публикациям Г. Бабаярова).

3) Печати и буллы с согдийскими
надписями из Ташкентского оазиса (Чач).
Рис. VI Портреты правителей и согдийские надписи на них.
(по публикациям Г. Бабаярова).

Традиции Средней Азии, связанные с печатями, в предшествующие периоды (до Тюркского каганата).

Традиции Средней Азии, связанные с печатями, в эпоху Тюркского каганата продолжали традиции, характерные для предшествовавших ему государств региона. В результате археологических работ, были выявлены печати, относящиеся к государству Кушанов (I в. до н.э.-III в.), Кангюю (II- до н.э.-IV в.), а также государствам, созданных кочевыми этносами, как Хиониты, Кидариты и Эфталиты, которые в IV-VI вв. в основном господствовали в юго-западной части Средней Азии. Определенное количество печатей эпохи до Тюркского каганата происходит из оазисных владений Среднеазиатского Междуречья (Согд, Чач, Тохаристан, Хорезм и др.). на одной части из них заняли место надписи бактрийским, а на другой части согдийским письмом (*см.* Рис. II-VI). Кроме того, были найдены печати, относящиеся к оазисным владениям Восточного Туркестана, как Хами (Кумуль), Гаочан (Турфан), Кашгар, Хотан и др.

Некоторые сведения, касающиеся традиций, связанных с печатью у таких кочевых этносов, как *скифы (саки), дин-лины, хуны, юе-чжи, усуни,* которые господствовали в первом тысячелетии до н.э. на землях, составлявших основные центральные земли Тюркского каганата, т.е. северной и северо-восточной части Центральной Азии, а также господствовавших на этих же территориях в первой половине первого тысячелетия кочевых этносов *тэ-ле (тегрег), гао-че (канглы), жуань-жуаней*

(авар), имеются в китайских источниках. Скудность материала и отсутствие серьезного внимания изучению данной проблемы, вопрос о печатях вышеупомянутых этносов остается открытым. Так, некоторые исследователи связывают с хуннами две печати с китайскими надписями (*см. Рис.* VII. 1-2), хранящиеся в музеях Внутренней Монголии (Северный Китай) (Saritaş 2010: 170-171) На одной из печатей, также связываемой с хуннами, которая отличается от вышеупомянутых двух, имеющих надписи китайскими иероглифам, заняли место символы, напоминающие древнетюркские тамги (возможно надпись) (*см.* Рис. VII. 3). В действительности, в китайских хрониках мы можем встретить ряд сведений о наличии печати в империи Хунну. Например, согласно хронике <<Хань-шу>>, на печати, полученной Хуханье-шаньюем в 47 году до н.э., были вырезаны слова: <<Сюнну шаньюй си>>, т.е. <<Государственная печать хуннского шаньюя>> (Бичурин 1950: 80; Çin kaynaklarinda Türkler 2004: 81). Кроме того, в данной хронике имеется также сведение о наличии печати и у правителя усуней, являвшихся соседями хуннов. Так в ней говорится, что в 11 году до н.э. у великого Лу (*Uluğ) была отобрана золотая печать с пурпурными шнурами и заменена медной печатью с черными шнурами (Зуев 2002: 37).

Печати с бактрийскими надписями использовали такие древние кочевые этносы, связанные этнокультурными связями с древними тюрками (точнее, с прототюрками) или имевшие в своем составе древнетюркские элементы, которые создали свои государства в Средней Азии, как Кушаны, Хиониты, Кидариты и Эфталиты.

Из всего этого следует сделать вывод, что печати в качестве символа власти и традиции, связанные с ними, в эпоху Тюркского каганата в Средней Азии получили весьма большое развитие. Подтверждение тому можно найти в том, что печати имелись и использовались в делопроизводстве (подтверждение достоверности писем и указов, правовых документов, принадлежности имущества и т.п.) не только в центральном управлении Каганата, но и в связанных с ним тюркских, тюрко-согдийских, тюрко-бактрийских и др. династий, правивших в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаяров Г . Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI - VIII вв. н.э.). Ташкент: 2007. 124 с.

Бабаяров Г. Тюркские титулы на монетах Чача 7–8 вв. // Historical Role of Al-

exander von Humboldt and his Expeditions in the Development of World, Regional and National Sciences, Second International Conference of Humboldt Kolleg (October 14-16, 2004), Almaty, 2004, p. 30-32.
Бабаяров Г. Тюрко-согдийские контакты в период Тюркского каганата (на примере системы управления историко-географическими областями Среднеазиатского Междуречья) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого. СПб., 2004, с. 56-60.
Бабаяров Г. Чач в период Тюркского каганата // Археология и история Центральной Азии. К 70 летию Ю.Ф. Бурякова. Самарканд, 2004, с. 28-36.
Бабаяров Г. Чач в эпоху Тюркского каганата (по нумизматическим данным) // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. Т., 2005, с. 198-205.
Бабаяров Г. Тюркские титулы на монетах Чача 7–8 вв. // Historical Role of Alexander von Humboldt and his Expeditions in the Development of World, Regional and National Sciences, Second International Conference of Humboldt Kolleg (October 14-16, 2004), Almaty, 2004, p. 30-32.
Бабаяр Г., Кубатин А. К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология, № 6, Туркестан (Казахстан), 2005, с. 97-105.
Бабаяров Г., Кубатин А. К новой интерпретации некоторых раннесредневековых монет Чача // Тюркология, № 5, Туркестан (Казахстан), 2006 (в печати).
Бабаяров Г., Кубатин А. Печать – как один из символов власти в эпоху Тюркского каганата // Altaistics and Turcology/ № 1, 2. Astana, 2014. С. 75-95/
Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Т., 1982.
Досымбаева А.М. история тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы. Service press 2013. 250 стр.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. - Л., 1951.
Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры древность и средневековье. Т., 1990.
Согдийские документы с горы Муг. Чтение, Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. М., 1962.
Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan, I: Legal and Economic Documents, Oxford University Press, 2000.
Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ, 1997, № 3. с. 3-11.
Смирнова О.И. Заметки о среднеазиатской титулатуре // ЭВ, вып 14. М; Л., 1961. с. 55-70.
Смирнова О.И. Очерки из истории Согда, М., 1970.

САМАНИДЫ – ПЕРВАЯ ИСЛАМСКАЯ ТЮРКСКАЯ ДИНАСТИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Камолиддин Шамсиддин Сирожиддин оглы*

ABSTRACT:
In this article author researched origin of the Samanids dynasty ruled in Central Asia during 9th and 10th centuries ad. Medieval textual sources and numismatic materials testify that ancestor of the Samanids Bahram Chubin was originated from the Oghuz tribes of Khorasan who were in the military service of the Sasanids.

KEY WORDS: **C**entral Asia, Turkistan, Turks, Turkic kaghanate, Arabian caliphate, Ma wara' an-nahr, Bukhara, Tokharistan, Balkh.

В средневековой истории Средней Азии, как известно, особое место принадлежит династии Саманидов, многочисленные представители которой в течение IX – X вв. правили в столичной Бухаре и других городах и областях Хорасана и Мавераннахра. В письменных источниках имеется много сведений о правлении различных представителей династии Саманидов, о политической, экономической и культурной жизни того периода. Однако о происхождении этой династии сохранились весьма скудные и противоречивые данные. Поэтому определение истинного происхождения династии Саманидов является одним из наиболее актуальных вопросов исторической науки.

Родоначальник династии Саман-худат впервые появился на политической арене в первой четверти VIII в., когда он прибыл из Балха в Мерв к арабскому наместнику Хорасана Асаду ибн ‘Абд Аллаху ал-Кушайри и просил его оказать помощь против своих врагов. Получив от него искомую помощь, Саман-худат принял ислам и назвал своего сына в его честь Асадом. Позднее вместе со своим сыном он принимал участие в движении Абу Муслима в Хорасане. Впоследствии его сын Асад служил при дворе халифа ал-Ма’муна во время его пребывания в Мерве. Внуки Саман-худата, сыновья Асада – Нух, Ахмад, Йахйа и Илйас принимали участие в подавлении восстания под руководством Рафи‘ ибн ал-Лайса (190 – 195/806 – 810 гг.). За все эти заслуги ал-Ма’мун в 204/819 г. назначил их наместниками в городах Мавераннахра: Нуха – в Самарканде, Ахмада – в Фергане Йахйу – в Шаше и Уструшане, а Илйаса – в

* Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Ташкентского Государственного института востоковедения. E-mail: shamskamol@gmail.com

Герате [Frye 1993: 136 – 161; Daniel 1988: 371 – 372].

Большинство источников возводит родословную Саман-худата к Бахраму Чубину (VI в.), поководцу сасанидского *шаханшаха* Хормузда IV (правил в 579 – 590 гг.) и *марзбану* Армении и Азербайджана, а затем Рея и Хорасана. По некоторым данным, Бахрам Чубин имел тюркское происхождение, и был выходцем из среды тюрков-*огузов*, находившихся на службе у Сасанидов. Известно, что Сасаниды, широко применяли практику привлечения военных сил соседних тюркских племен, так как использование военного потенциала кочевников обеспечивало постоянный контроль над ними. Наместники пограничных областей, большинство которых составляли представители неиранских народов (хиониты, эфталиты, хазары, тюрки, армяне, грузины и др.), носили высокий титул *марзбан*, что означало «защитник границы», и входили в число высшего военного сословия при дворе Сасанидов [Колесников 1981: 49, 54, 55]. Шаханшах Хосров I Ануширван был женат на дочери верховного тюркского кагана Истеми-кагана, и его наследник на Сасанидском троне принц Хормузд IV был наполовину тюрком, за что был прозван «Туркзаде».

После победы Бахрама Чубина над войсками эфталитов и тюрков в 588 г. Бахрам Чубин убил тюркского кагана и, осадив в крепости Пайканд его сына Ил-тегина (Пармуда), вынудил его сдаться, в результате чего получил огромную добычу. Однако только часть ее он отправил шаханшаху Хормузду, а все остальное присвоил себе. Это вызвало гнев шаханшаха, и последний сместил его с должности. В 590 г. Бахрам Чубин поднял против него восстание в Балхе и, заключив союз с тюрками, включил под свое командование отряды тюркских добровольцев. Двинувшись с объединенным войском в столицу Сасанидов Ктесифон., он вступил в город и провозгласил себя шаханшахом. В следующем 591 г. объединенные войска персов, армян, грузин и византийцев нанесли Бахраму Чубину поражение, после чего он бежал в Фергану к тюркам, где стал другом и советником тюркского кагана Пармуды (Ил-тегина) и женился на его дочери [Shahbazi 1989: 521; Гумилев 1960: 229 – 230].

Считается, что второе имя Бахрама Чубина – «Чубин» или «Чубина», означавшее в переводе со среднеперсидского «ворона», было его прозвищем на придворном жаргоне времени шаха Хормузда IV (правил в 579 – 590 гг.) [Wolff 1935: 301]. В географическом трактате, переведенном во второй половине

VIII в. с тюркского на тибетский язык, среди тюркских племен и народов, населявших в то время Тохаристан, упоминается этноним *гар-рга-пур,* образованный из тюркского слова *гар-рга* (ворона) и персидского *пур* (сын), первое из которых является калькой персидского слова *чубин* (ворона). Так тюрки называли оставшихся жить в Балхе потомков Бахрама Чубина [Гумилев 1967: 162].

Ворон или ворона является центральным персонажем в мифологиях народов Сибири и индейцев Северной Америки, где он выступает как первопредок, культурный герой и могучий шаман. У древних тюрков Ворон был символом восходящего Солнца, которое наряду с утренним голубым Небом олицетворяло верховное божество Тангри. Изображение Красного Ворона в виде распростершего крылья орла помещено на тиаре древнетюркского принца Кюль-тегина [Зуев 2002: 24, 226]. По данным китайских источников, ворона была родовым тотемом древних тюркоязычных племен *уши*, т.е. *усуней*, называвшихся также *хуннами* [Зуев 1960: 11 – 13].

В мифологических представлениях народов Ближнего Востока, Северной Африки, Европы и Индии ворон являлся демоническим персонажем, и олицетворял несчастье и дурное предзнаменование. В Сасанидском Иране образ ворона чаще всего использовался для обозначения враждебных чужеземцев [Мелитинский 1991: 245]. Следует полагать, что имя, обозначающее ворону, могло быть дано такому человеку как Бахрам Чубин только в той среде, в представлениях которой эта птица рассматривалась в качестве положительного героя. Изображение вороны можно встретить на Сасанидских печатях [Frye 1971: pl. 46, fig. 139; pl. 47, fig. 143], которые принадлежали лицам явно не иранского происхождения.

Исходя из вышеизложенных данных, нам представляется, что предки Бахрама Чубина имели родственное отношение к одному из тюркских по происхождению племен Средней Азии, онгоном которого была птица – ворона или речной беркут. Это племя могло входить в древности в круг племенного объединения парфян, а затем наряду с хионитами, кидаритами, эфталитами и тюрками, находилось на службе у Сасанидов.

В нумизматической коллекции музея Ashmolean в г. Оксфорд (Великобритания) хранится серебряный медальон (диаметр 33 мм, вес 11,04 гр.), выпущенный в 358/968-69 г. в Бухаре Саманидом Мансуром I ибн Нухом (правил в 350 – 365/961 – 976 гг.). На его л. с. изображен портрет правителя

вправо с двумя пахлевийскими надписями по бокам. На о. с. в поле приводится арабская надпись в 6 рядов в форме квадрата, имитирующая квадратное отверстие. Особый интерес представляет портрет правителя, обнаруживающий сходство не с иранской, а с тюркской традицией портретного искусства [Treadwell 1999: 9 – 10]. Антропологический тип его лица представляет собой смесь европеоидных и монголоидных признаков. Нос выпуклый характерный для западных тюрков, в частности для тюрков-огузов Хорасана. В верхней части лица выступающая кость, что характерно для монголоидных кипчаков. Глаз большой удлиненный, миндалевидный с сильно опухшими веками. На голове специфический головной убор, отдаленно напоминающий сложносоставную корону. В правом ухе свисает шаровидная серьга. Сзади из-под короны свисает густая волнистая коса, ниспадающая за спину. Сравнение этого портрета с портретом на медальоне, выпущенном в 351/962 г. в г. Мухаммадия буидским правителем Рукн ад-Давла, свидетельствует о том, что Мансур ибн Нух и его предки относились к другой культуре и, возможно этнической среде, чем Рукн ад-Давла [Treadwell 2003: 328].*1

Иконография портрета имеет близкое сходство с портретами тюркских правителей Тохаристана, Кабула и Гадхары VII – VIII вв., которые изображены на выпущенных ими монетах в подражание драхмам Сасанида Хормузда IV [www.zeno.ru: westernturks]**2. Среди всех Сасанидских шаханшахов тюрки с особым предпочтением относились к Хормузду IV Туркзаде, который был внуком тюркского кагана по материнской линии и покровителем тюрков в империи Сасанидов. Но почти полное сходство с ним обнаруживают два памятных медальона, выпущенных тюркскими каганами в первой четв. VII в. в честь победы над Сасанидами и эфталитами. Один из них был выпущен тюркским каганом по имени Джегуй каган (правил в 710 – 718 гг.) ***3после победы над Сасанидами в 616 – 617 гг., когда его армия вторглась вглубь территории Ирана и дошла до Рея и Исфахана. На л. с. медальона изображен портрет правителя вправо, справа и слева от которого имеются пахлевийские надписи. На о. с. медальона изображен алтарь с огнем, а справа и слева от него два жреца, приносящие жертву огню [Göbl 1987:

* 1 Подробнее об этом медальоне см.: Miles 1964: 283 – 293

** 2 Особенно близкие аналогии обнаруживают монеты Хинду Шахи-тегина (#20999, #21384), монеты Васудевы (#12962), монеты йабгу Тохаристана (#15170, #21382) и правителей Арахосии (#20783, #26690, #22922). См. также: Никитин 1986: 82 – 88; Göbl 1967 I: 25, 26, 140 – 143, 164, 167 – 173.

*** 3 На медалоне его имя передано в форме zyk – Зик или Жик.

276 – 277, pl. 39, fig. 2].

Второй медальон был выпущен около 625 г. в Кундузе Тарду-шадом, сыном верховного тюркского правителя Тун йабгу-кагана по случаю окончательной победы над эфталитами и присоединения их владений к Тюркскому каганату [Harmatta 1982: 168]. Предполагается, что на этом медальоне изображен Тун йабгу-каган. На о. с. медальона Тун йабгу-кагана изображены алтарь и два жреца, а также бог Шива с волосами в виде пламени [Harmatta, Litvinsky 1996: 370].

Нам представляется, что лицевые стороны этих двух медальонов послужили прототипом л. с. медальона Мансура ибн Нуха. Сходство портретов выражается почти во всех деталях – такая же густая коса, ниспадающая за спину, такой же костюм. Крылатая корона с рогами быка, месяцем и точкой, так же как и колье из драгоценных камней, имеющаяся на шее Джегуй кагана и Тун йабгу-кагана, переданы в стилизованной форме.

Справа и слева от всех трех портретов почти одинаковые среднеперсидские надписи. Левая надпись читается как *GDH ‘pzwt* – «Победа, увеличение», а правая – *MLK”n MLK’* – «Царь царей». На медальоне Джегуй кагана упоминается его имя (*zyk*), а на медальоне Тун йабгу-кагана – его титул (*jeb*). На медальоне Мансура ибн Нуха ни имя, ни титул правителя не указаны.

Нет никаких сомнений, что правитель, изображенный на медальоне Мансура ибн Нуха, был тюрком, о чем свидетельствует иконография портрета, а именно, наличие серьги в его ухе и прическа в виде заплетенной косы. Тюрки времен каганата зачесывали волосы назад и заплетали в одну или несколько кос. Характерным украшением древнего тюрка были серьги, которые носили как женщины, так и мужчины. Мужчины носили по одной серьге, тогда как женщины – по две. Антропологический тип правителя, изображенного на медальоне Мансура ибн Нуха, имеет явно выраженные монголоидные признаки. У него имеется выступающая кость в верхней части лица и миндалевидный глаз с сильно опухшим веком. Его нос является прямым и выпуклым, в чем можно видеть влияние северо-индийской иконографии. Однако, выпуклые носы были также характерны для огузов, которые в отличие от кипчаков имели евроепоидный и смешанный тип. Глаз Зик-кагана имеет почти круглую форму, тогда как глаз Тун йабгу-кагана имеет сильно удлиненную миндалевидную форму. Правитель, изображенный на медальоне Мансура ибн

Нуха, имеет большой миндалевидный глаз и сильно опухшее верхнее веко. На портрете Джегуй кагана четко переданы густые свисающие усы, а на портрете Тун йабгу-кагана и портрете правителя, изображенного на медальоне Мансура ибн Нуха, имеются небольшие короткие усы. В древнетюркской среде было принято носить усы. Многие из древнетюркских каменных изваяний – «балбалов», обнаруженные на территории Монголии и Средней Азии, имеют тонкие свисающие усы.

Портреты всех трех правителей на вышеупомянутых медальонах характеризуются отсутствием бороды, что противоречит иконографии монет Сасанидских царей и эфталитских правителей. Сасанидские шаханшахи носили специфическую бороду и усы, а их волосы были завиты в клубок на макушке головы. Эфталитские правители носили усы, а их волосы были сзади коротко подстрижены. Корона на голове всех трех правителей также отличается от корон Сасанидских царей и обнаруживает близкое сходство с коронами тюркских Кабул-шахов, тюркских правителей Пенджикента [Harmatta 1982: 169 – 170] и Арахосии [Nikitin 1984: 234].

В свете этих данных, нам представляется, что доисламские предки Саманидов, в т. ч. и Саман-худат, принадлежали к династии тюркских *йабгу* Тохаристана, основателем которой был Тарду-шад, сын верховного тюркского правителя Тун йабгу-кагана. В свое время А.З.Валиди Тоган высказывал предположение, что предки Саман-худата принадлежали к династии карлукских *джабгу* Тохаристана и были потомками одного из верховных тюркских каганов, управлявшего огузской ветвью тюрков [Togan 1981: 112]. Предком Саманидов мог быть Сир (Се) йабгу-каган, который был одним из трех сыновей Тун йабгу-кагана и наследником престола [Togan 1964: 64].

Выпуск в 358/968-69 г. Мансуром ибн Нухом медальона с изображением портрета одного из предков Саманидов с титулом шаханшах мог быть вызван действиями Буидов, которые, приняв титул шаханшах, объявили себя потомками Сасанидов. Этот памятник является документальным свидетельством той борьбы, которую вели Саманиды с Буидами в период, начиная с 334/945-46 г., когда последние захватили власть в Багдаде и установили свой контроль над Арабским халифатом[*4]. Тем самым Саманиды хотели показать, что их предки, тюркские *йабгу*

* 4 В источниках отмечаются столкновения между армиями Саманидов и Буидов в 334/945-46 г., 349/960-61 г., 354/965 г., 356/966-67 г. См.: Ибн ал-Асир VIII: 202, 222, 231.

Тохаристана и верховные тюркские каганы, были не менее знатными, чем предки Буидов, свитавших себя потомками Сасанидов.

Таким образом, исходя из вышеизложенных данных, можно с достаточным основанием предполагать, что Бахрам Чубин был выходцем из среды древнего знатного тюркского рода, входившего в конфедерацию кочевых скифских племен Средней Азии. В конце своей жизни Бахрам Чубин поднял в Балхе восстание против Сасанидов и, потерпев поражение, бежал к тюркам, где он вступил в родственные отношения с первым тюркским *йабгу* Тохаристана, а затем верховным тюркским каганом Эл-тегином (Пармуды), женившись на его дочери. Последним местожительством Бахрама Чубина был город Куба в Фергане, где имели местопребывание и его потомки от брака с тюркской царевной – предки Саманидов. После завоевания Тохаристана тюрками в 618 г. некоторые из них перебрались обратно в Балх и вернули себе свои родовые владения, ранее принадлежавшие Бахраму Чубину.

Отец Саман-худата в доисламское время был правителем Балха и носил тюркский титул йабгу (джабгу), который был династийным титулом тюркских правителей Тохаристана. Саман-худат был потомком Бахрама Чубина в пятом поколении. Документальным источником, свидетельствующим о наличии родственных связей между Саманидами и верховными тюркскими каганами является серебряный медальон Мансура ибн Нуха с изображением одного из его доисламских предков.

Следовательно, исходя из имеющихся данных, можно с полным основанием утверждать, что Саман-худат, так же как и его высший предок Бахрам Чубин имел тюркское происхождение. Если Бахрам Чубин был выходцем из среды иранизированных потомков древних *огузов* Хорасана, то Саман-худат был его потомком от брака с представительницей рода верховных тюркских каганов и имел родственные связи в Фергане. В то же время Саман-худат по материнской линии через посредство Эл-тегина (Пармуда) и Эл Арслана (Савэ-шах, Шир-и Кишвар) был связан родственными узами с представителями династии Сасанидов – Хосровом I Ануширваном и его сыном Хормуздом IV Туркзаде, вступившими в родство с тюрками.

ЛИТЕРАТУРА

Гумилев Л.Н. Бахрам Чубин (опыт критики источников) // Проблемы востоковедения, 3, 1960, с. 228 – 241.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Л.: Наука ЛО, 1967.

Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 5 – 23.
Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
Ибн ал-Асир, Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад. Ал-Камил фи-т-та’рих. В 12 томах. Миср: Булак, 1883 – 1885.
Колесников А.И. Дополнительные источники по истории раннесредневекового Ирана и его восточных соседей // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Санкт-Петербург, 2005, с. 112 – 115.
Мелитинский Е.М. Ворон // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах, т. 1. М., 1991, с. 245 – 247.
Никитин А.Б. Монеты «иранских гуннов» в Собрании Государственного Исторического музея. Новые нумизматические исследования // Нумизматический сборник. Часть 9. Нумизматические памятники Исторического музея. М., 1986, с. 82 – 88.
Daniel E.L. Samanid dynasty // Encyclopedia of Asian History / Ed. by A.T. Embree, I – IV volumes, vol. 4, New-York – London, 1988, p. 371 – 372.
Firdousi. Le livre des rois, I – VI volumes / Ed. J.Mohl. Paris, 1868.
Frye R.N. The Samanids // The Cambridge History of Iran, I – VII volumes, vol. 4. The period from the Arab invasion to the Saljuqs. Cambridge, 1993, p. 136 – 161.
Frye R.N. Sasanian Seals in the Collection of Mohsen Foroughi / Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part III. Pahlavi Inscriptions, vol. 6: seals and coins. Plates XXXI – LIV. London: Lund Humphries, 1971.
Göbl R. Dokumente zur geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Band 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967.
Göbl R. Medalien des Islamischen Mirrelalters und ihr Formenkreis // Litterae Numismaticae Vindobonensis, vol. 3, 1987, p. 265 – 287.
Harmatta J. La medaille de Jeb šāhānšāh // Studia Iranica, t. 11, 1982, p. 167 – 180.
Harmatta J., Litvinsky B.A. Tokharistan and Gandhara under Western Turk rule (650 – 750), part 1, History of the regions // History of Civilizations of Central Asia, vol. 3. Paris, 1996, p. 367 – 401.
Miles G.C. A Portrait of the Buyid Prince Rukn al-Dawlah // American Numismatic Society Museum Notes, 11, 1964, p. 283 – 293.
Nikitin A.B. Monnaies dÁrachosie du haut Moyen-age // Studia Iranica, t. 13, fasc. 2, 1984, p. 233 – 239.
Shahbazi A.Sh. Bahram VI Chobin // Encyclopaedia Iranica / Ed. Ehsan Yarshater, vol. 3. London – New York, 1989, p. 514 – 522.
Togan A.Z. Velidi. Umumi Türk Tarihine giriš. Cilt 1. En eski devirlerden 16. asra kadar. 3-baski. Istanbul, 1981.
Togan N. Peygamberin zamanında Şarkı ve Garbi Türkistan’ı Ziyaret eden Çinli Budist rahibi Hüen-Çang’ın bu ülkelerin Siyasi ve Dini Hayatına ait kayıtleri // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. Ankara, 1964, IV/1-2, s. 21 – 128.
Treadwell L. Shāhānshāh and al-Malik al-Mu’ayyad: The Legitimation of Power in Samānid and Būyid Iran // Culture and Memory in Medieval Islam / Ed. by F. Daftary and J.W.Meri. Essays in Honour of W.Madelung. London, 2003, p. 318-337.
Treadwell W.L. A Unique Portrait Medallion from Bukhara dated 969 AD // The Ashmolean, 36, 1999, p. 9 – 10.
Wolff F. Glossar zu Fisdosis Schahname / Festgabe des Deutschen Rieches zur

Jahrtausendfeier für den Persischen Dichterfürsten. Berlin: Gedruckt in der Reichsdruckerei, 1935.
www.zeno.ru/orientalcoinsdatabase

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЖИЛОЙ ДОМ АФРАСИАБА (XI-XII ВВ.)

Саидов Муминхон Мунир угли*

Medieval residential house of Afrasiab (XI-XII centuries)

ABSTRACT:
The article presents the results of study of Samarkand building culture in the XI-XII centuries AD based on data from Afrasiab. During the process of excavation a carcass house was uncovered in the trench No.47, which represents one of the plans well-known for Samarkand and Bukhara until the XX century. This traditional plan was formed during many centuries and differs with conservativeness of the main elements of construction. The center of such house was a rectangular hall, around which the other rooms were located.

KEY WORDS: Carcass, house, Afrasiab, hall, hearth, aivan (veranda), sufa (mud-block ledge along the corner of a room), base of building.

Исследование жилищ занимает важное место в понимании взаимоотношений древнего города и сельской округи, а также роли городского ремесла и социального строя общества. В процессе археологических работ проведенных на городище Афрасиаб были вскрыты жилища XI-XII века, которые позволяют выявить черты городских согдийских домов, принадлежавших лицам различных социальных слоев общества – ремесленникам, мелким торговцам, чиновникам невысокого ранга.

В данной публикации рассматриваются архитектурные остатки дома, находящегося на объекте 47 городища Афрасиаб. Он расположен в юго-западной части, внутри второй крепостной стены Афрасиаба. Данный участок был раскопан А.А. Анарбаевым в 1978-79 годах, а с 2014 года исследуется автором статьи.

В результате раскопок выявлено более 30 помещений, в которых были открыты три строительных периода (VI-VII; вторая половина XI – конец XII вв.; конец XII – начало XIII

* Институт археологии АН РУз, младший научный сотрудник. E-mail.saidovmuminkhon@mail.ru

вв.). Следует отметить, что для раннесредневекового периода постройки не были строго ориентированы по сторонам света. Такая ориентировка сохранилась и для последующих периодов.

Наиболее лучше представлен II период, в котором частично открыт один дом целиком из сырцовых кирпичей, и полностью два дома каркасного типа. Между домами вскрыта тупиковая улица шириной 2,60 м. Она вымощена сланцем и булыжником с Чупанатинских гор, толщина грунтового слоя которой на поверхности составлял 5-6 см.

На северо-востоке улицы расположен дом №2 размерами 7,5х7,9 м, состоявший из 5 помещений и двора по центру размерами 2,55х3,30 м, вымощенный жжеными кирпичами (27х15х4; 28х16х4;30х17х4-5 см). Уровень двора ниже, чем полы помещений на 10-15 см. В центре двора выявлен ташнау. На юго-восточном углу двора имеется приподнятая площадка (1х0,35), где отмечены остатки очага.

Стены дома каркасные, за исключением северо-восточного и северо-западного. Северо-восточный и северо-западный стены возведены из сырцового кирпича размерами 35х17х6; 36х18х7 см. От каркасных стен сохранился только фундамент, который выложен в один ряд из жженых кирпичей размерами 22х22х5 см, выше на 10-14 см от уровня пола. Разрез юго-западного угла данного участка показывает, что возведению фундамента придавалось особое значение. Вначале был вырыт котлован, в основание которого складывались рваные камни, затем шла сырцовая кладка (35-37х16-18х6-7см) в три ряда и только потом два ряда из жженого кирпича. Нижний ряд последнего состоял из целых и обломков кирпичей, а верхний – из целых квадратных. Поверх фундамента сохранился 2-3 см глиняно-саманный раствор. Собственно каркас не сохранился, лишь местами выявлена древесная труха.

Помещение 12 расположено на северо-западном углу дома размерами 2,30х2,80 м.

Помещение 13 находилось к юго-западу от помещения 12. Его размеры составляет 4,80х2,80 м. В ней зафиксирована площадка с керамическим очажком традиционной формы – в виде подковы, размерами топочного проема в 32 см. На его стенках местами отмечены следы копоти, но без следов длительного огня. Внешне стенки очажка оформлены в виде выпуклых валиков с заостренными концами и рифленой поверхностью, стоящие по три ряда. Фриз оформлен ромбами в насечку. По центру его внутренней поверхности выпукло

выступают пара стилизованных фигурных колонок. Остальная часть стенки очажка оформлен в виде геометрических орнаментальных мотивов, датируемые XI-XII вв. (Пугаченкова, Ремпель 1972: 206-234; Соколовская 2015. С. 133-134).

Помещение 14 (1,70х2,5 м) расположено с юго-восточный стороны помещения 13. Пол помещения очень хорошо утрамбован и имеет слоистый характер. С южной стороны он граничит с улицей, а с северной – двором.

Помещение 15 (2,3х1,70 м) находится в юго-восточном углу дома. Пол помещения относительно ровный. В центре помещения имеется яма диаметром 0,9 м.

Помещение 16 (1,70х2,5 м) расположено к северу от помещения 15. Северо-восточная стена помещения имеет плохую сохранность. В помещении зафиксированы остатки керамического очажка.

К северу востока от двора, между помещениями 12 и 16 расположена суфа (2,8х2,5 м) высотой 40 см, край которой выложен из целых и фрагментов жженых и сырцовых кирпичей, а внутри утрамбованный грунт с глиняно-саманной обмазкой поверху. Обмазка сохранилась только на восточном конце суфы. Северо-восточная стена являлась общим как для суфы, так и для помещений 12 и 16. Также надо отметить, что полы помещений находятся на одном уровне.

Датировка дома основана на достаточно большом количестве глазурованной и неглазурованной керамики. Время постройки определяется не ранее середины XI века. Близкие по времени и тождественные по планировке жилые дома были раскопаны в Пайкенде (Зимин 1915: 1-15) и в Варахше (Шишкин 1963: 97-105).

Сравнительный анализ жилых домов Афрасиаба, Пайкенда и Варахши отчетливо показывает на сходство их архитектуры и единство планировочного решения, хотя отмечаются и локальные особенности. Например, площадь афрасиабского дома составляет 59,25 м^2, варахшинского дома – 75 м^2, а пайкендского дома – 102 м^2.

К сожалению, из-за плохой сохранности каркасных стен невозможно определить проходы между помещениями. Но сопоставление археологическими и этнографическими данными можно реконструировать функциональное назначение помещений.

На основании этнографических данных можно предположить, что помещение 14 исполняло функции

«дарвозахона» (вестибюль) – сооружение у входной калитки или ворот. По сообщению одного исследователя «из уважения к традиции и стремление не застать семью врасплох до последнего времени, сохраняется обычай строить помещение для приема посторонних людей, особенно чужих мужчин, в помещение, сооруженном у входа, куда можно войти, не тревожа остальных обитателей дома» (Писарчик, 1975. С. 129). Из этого помещения можно было заходить во двор, где располагалась летняя кухня-ошхона. С северо-восточной стороны двора на месте суфы была расположена «пешайван» – крытая терраса.

Известно, что сочетание из двух комнат и айвана, расположенного между ними, довольно часто встречались в самаркандских домах, так как считались наиболее традиционным и самой удобной схемой плана жилья. При этом комнаты были либо обе жилые, либо одна жилая, а другая хозяйственная (Писарчик 1975: 24). Со двора можно было заходить в помещения 13 и 16, которые считались жилыми помещениями. Обнаруженные в этих помещениях керамические очажки использовались для отопления и приготовление пищи (Саидов 2014: 78-84). Помещения расположенные к ЮВ от помещения 16 можно считать кладовым с хозяйственной ямой.

Для возведения стен были использованы одинарные каркасные стены, которые являлись преобладающими с конца XIX и начала XX века в жилой архитектуре Самарканда. Стены штукатурились снаружи саманной глиной, а изнутри ганчхоком (в жилых помещениях) или саманной глиной (в хозяйственных). Толщина оштукатуренных одинарных каркасных стен доходила до 21-22 см (Ремпель 1960: 201). Дом был перекрыт деревянными балками, которые по верху покрывались земляным настилом.

Из вышеприведенных описаний можно предположить, что афрасиабский дом представляет собой одну из планировок домов хорошо известных для Самарканда и Бухары до XX века. Эта традиционно сложившаяся на протяжении многих веков планировка отличается консервативностью основных элементов конструкции. Центром таких домов был прямоугольный двор, вокруг которого располагались помещения. Дома могли быть маленькими и бедными, с ограниченным количеством помещений, или богатым, но принцип планировки оставалась одинаковым.

Раскопанный нами дом позволяет выявить некоторые особенности топографии и социальной структуры Афрасиаба

в XI-XII вв. Во второй половине XII века северо-восточная часть городища заново обживается, после длительного периода запустения с VIII в. Незначительность площади домов недвусмысленно указывает на дороговизну земельных участков под строительство для этого периода. Из-за отстутствия следов какой-либо производственной деятельности можно утверждать, что дом принадлежал рядовому горожанину, мелкому торговцу или чиновнику невысокого ранга.

ЛИТЕРАТУРА

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Самаркандские очажки // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972.

Соколовская Л.Ф. Неглазурованная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам Афрасиаба конца VII- началоXIIIв.). Археология Центральной Азии: Архивные материалы. Том.I. Самарканд: МИЦАИ, 2015.

Саидов, М.М. Самаркандские средневековые терракотовые очажки и их место в жилищах // Археология Узбекистана №1(4). Самарканд, 2014

Зимин Л.А. Отчет о весенних раскопках в развалинах Старого Пайкенда // ПТКЛА. Год 19. Вып 2. Ташкент, 1915.

Зимин Л.А. Отчет о летних раскопках в развалинах Старого Пайкенда // ПТКЛА. Год 19. Вып 2. Ташкент, 1915.

Шишкин В.А. Варахша. М., 1963,

Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975.

Ремпель Л.И. Архитектура старого Джуйбара // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960.

МЕСТО КЫПЧАКОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Алымкулова Сынару Кадыровна*

The place of Kypchak studies in modern historiography

ABSTRACT:

The article provides an analytical overview of the current condition of Kypchak studies (kypchakovedenie). Attempted review shows that the stages of formation of Kipchak ethnic, ethno-political processes and historical events that became fatal in the history and vicissitudes of Kipchak to migration from the Altai to the west are studied in detail. One of the centres of gravity falls on the value disclosure of the work of the International Institute of Kypchak studies created with efforts of the well-known Kazakh scientist Professor B.E. Kumekov.

KEY WORDS: Ethnogenesis, Kypchaks, Kazakhs, Kyrgyzs, Oguzs and Turks, Kypchak studies.

* Доктор исторических наук, профессор, КГУ им. И.Арабаева, Бишкек. Кыргызстан

Современное состояние кыпчаковедения базируется на огромном комплексе трудов, которые можно традиционно разделить по трансформации взглядов ученых под влиянием смены общественно-экономических формаций и сопутствующей каждой из них идеологии.

Особое значение для понимания сложных средневековых процессов имеет изучение дореволюционных трудов русскоязычных ученых, в которых ярко отражается уровень знаний XIX в. и, в первую очередь, политический заказ правящих кругов Российской империи. История кочевников зачастую служила лишь фоном при описании истории оседлого населения. Такая позиция сохранялась довольно продолжительное время. Первые попытки опровергнуть устоявшуюся аксиому были предприняты во второй половине XIX в. Наиболее прогрессивную роль сыграла передовая часть российских ученых, представители которой предпринимали отдельные научные исследования. Безусловно, в период существования Российской империи изначально не ставилось целью исследование древней истории кочевых народов. Рассмотрение истории древних народов было выборочным и не отличалось объективностью.

В то же время исследованием кочевников вплотную занимались только те ученые, которые были движимы интересами познать, открыть для себя и науки неизвестный мир. Среди исследователей, которые занимались изучением прошлого кочевых народов, в том числе кыпчаков в составе тюрков, необходимо отметить Н.А. Аристова, А. Харузина [см. в конце статьи] и др. Проблем, относящихся к истории кыпчаков, касался в своих основных работах крупный русский ученый конца XIX в. Н.А. Аристов, который на основе данных археологических источников подтвердил «древнее алтайское происхождение» кыпчаков, проследил их миграционные пути в северные и центральные районы современного Казахстана, собрал ценные материалы о родовых подразделениях кыпчаков в составе казахов, а также сделал вывод об европеоидности кыпчаков, проделав большую работу: начиная с обработки данных китайского источника «Ганьму» и заканчивая исследованием имени, полученного кыпчаками в южнорусских степях: «половцы». Если раньше Н.А. Аристова этого мнения придерживался в исторической литературе А. Куликов: согласно его исследованиям, слово «половцы» – производное от старославянского слова «плава» – солома, а отсюда и русское «полова»; «половый»

– бледный, белесовато-соломенный цвет, то затем его активно поддержал Г.Е. Грум-Гржимайло. Он считал, что западная ветвь динлинов, смешавшаяся с кочевым населением Казахстана и стала позднее называться учеными кыпчаками. Половцы же - народ, образовавшийся позднее из кыпчаков и канглы. Последующие исследования подтверждают правильность этой гипотезы.

Эти исследования продолжают Радлов В.В., Анучин Д.Н., Голубовский П.Г., Васильев Ф.Ф., Васильевский В.Г., Вельяминов-Зернов В.В., Венюков М., Кондаков Н.А., Рамстедт Г., Шаванн Э., Татищев В.Н., Карамзин Н.М. , Рычков П.И., Левшин А., Гродеков Н.И.

Большой вклад в изучение этнической группы кыпчаков внес В.В. Радлов, собравший ценные сведения о родоплеменном составе многих тюркских народов Центральной Азии. Он отметил наличие племенных и родовых подразделений с названием кыпчак среди алтайцев: алтай-кижи, теленгитов и телеутов; казахов Среднего Жуза, в числе которых указал их роды; и кытай-кыпчаков в составе узбеков. Непереоценимыми остаются сведения, собранные им во время экспедиций, предпринимаемых на свои средства в каникулярное, т.е. свободное от службы время, по Алтаю и территории нынешнего Кыргызстана до Иссык-Куля.

Таким образом, можно констатировать, что до революции в русской исторической науке не зафиксировано попытки отдельного изучения истории кыпчаков в восточных регионах их обитания. Только в первой трети XX в. появился ряд трудов, ставших первым шагом на пути серьезного изучения кыпчакского вопроса. Эти достижения связаны с именами И.Маркварта, ранними трудами И.Немеша, П. Пелльо.

Оставшиеся пробелы в раскрытии истории кыпчаков восполняли в определенной мере В.В.Бартольд, В.Ф.Минорский, благодаря которым теория о монгольском происхождении кыпчаков не утвердилась в дальнейших исследованиях.

Таким образом, досоветский период в истории изучения Центральной Азии, безусловно, являлся периодом накопления первоначальных сведений по истории степных районов этого огромного региона. Российские и зарубежные ученые обработали имевшийся к тому времени источниковый материал и сошлись во мнении, что половцы, команы, куманы и кыпчаки – суть обозначение одного и того же или близкородственного народа. Этот период, тем не менее, знаменателен тем, что

пробудил интерес к специальным исследованиям этнической истории кыпчаков.

Следующий период изучения тюркской тематики в целом, а также этногенетических и этнокультурных контактов кыпчаков с другими общностями, в частности, продолжился в советское время. Новая плеяда талантливых ученых сделала очень много для развития исторической мысли, в том числе и для научного изучения тюркской эпохи. Среди них необходимо отметить труды таких ученых, как Исмагулов О., Кузеев Р.Г., Смирнов А.П., Савинов Д.Г., Агаджанов С.Г., Гумилев Л.Н., Ахинжанов С.М. Проблема этногенеза, миграционных путей и политической истории продолжала изучаться многими учеными, востоковедами, тюркологами и археологами XX вв.: П.Пелльо, Д.А.Расовским, В.Ф.Минорским, Гордлевским В.А.

В советской историографии начало изучению различных аспектов истории кыпчаков было положено капитальными трудами В.В. Бартольда, явившимися продолжением его трудов, начатых в досоветское время. Они послужили фундаментом для воссоздания средневековой истории кыпчакских племен. Он подтвердил гипотезу о том, что кыпчаки составили основное ядро в этногенезе казахского народа. Одним из самых важных в понимании исторического пути кыпчакского этноса является его вывод об их разрозненности: „…мы видим, что Махмуд Кашгари еще не говорит о несомненно происходящем уже в то время движении кыпчаков, которым было суждено занять огромное пространство... Во время передвижения кыпчаки, насколько известно, не находились под властью сильной династии ... Были отдельные кыпчакские ханы, но хана всех кыпчаков никогда не было“. Тщательным образом он исследовал идентичность йемеков и кимаков и пришел к выводу о недостаточности оснований для их идентификации: „в XI в. при Махмуде Кашгарском кимаков больше не было, на Иртыше тогда жил народ йемек, упомянутый у Гардизи ...“.

Исследования советских ученых старшего поколения, таких как А.Ю.Якубовский, Б.Д.Греков, Б.Я.Владимирцев, В.А.Гордлевский, А.Н.Бернштам, С.П.Толстов, М.И.Артамонов, А.Н.Кононов, Т.А.Жданко, Л.Н.Гумилев, вошли в золотой фонд советской медиевистики; посвященные разнообразнейшим аспектам истории тюрко-монгольских народов евразийских степей и средневековых цивилизаций Центральной Азии, они не оставляли без внимания и некоторые стороны кыпчакской истории.

Из зарубежных ученых в 1937-39 гг. историю кыпчаков изучал Д.А. Расовский, который разделил взгляды Н.А. Аристова и Г.Е. Грум-Гржимайло об европеоидности кыпчаков.

В 50-60-е XX в. новая плеяда советских исследователей с более конкретных позиций, опираясь на данные этнографии, антропологии, археологических исследований, с позиций нового осмысления письменных источников, стала изучать вопросы истории кыпчаков, которые поднимались еще Н.А. Аристовым, Г.Е. Грум-Гржимайло, Д.А. Расовским. А. Пономарев высказывает точку зрения о несостоятельности связи этнонима половцы с внешним видом половцев-кыпчаков, а Л.Н. Гумилев, наоборот, подтверждает, что кыпчаки являются потомками западных динлинов и половцы унаследовали от них светлую окраску волос. Л.Н. Гумилеву следуют З.В. Анчабадзе, Г.А. Михалева, Д.Е. Еремеев; С.М. Ахинжанов в поддержку этой гипотезы привел ряд новых аргументов, которые ранее не использовались вообще или использовались недостаточно.

Впервые комплексное исследование истории кыпчаков, хозяйственного уклада, всех его отраслей, таких как скотоводство, земледелие, добыча и плавка руды, ремесла и торговля, предпринял на основе археологических данных академик А.Х. Маргулан.

К.Ш.Шаниязову принадлежит изучение кыпчаков в составе узбеков, начиная с первых, известных сведений о происхождении кыпчаков.

В работе А.Ш.Кадырбаева исследуются вопросы о роли тюркских народностей, прежде всего кыпчаков, в этнической, культурной и политической жизни Китая.

Комплексные исследования продолжили Д.Г.Савинов, Л.Р.Кызласов, М.К.Кадырбаев и Л.Н. Ермоленко.

Таково вкратце состояние научной разработки наиболее важных проблем истории кыпчаков исследуемого периода. Работы советского периода значительно обогатили историю кыпчаков. Они не потеряли своего значения и сегодня. К сожалению, миграционные процессы, история этногенетических и этнокультурных контактов в Дешт-и Кыпчакской степи, в особенности, кыпчаков в составе тюрков, не являлись самостоятельным исследованием, что, в свою очередь отразилось на общем уровне развития исторической науки в советский период. Исключением является труд Фарида Шафиева «Этногенез и история миграций тюркских кочевников: закономерности процесса ассимиляции», по которому можно

проследить в числе других миграционные процессы в среде населения Дешт-и Кыпчакской степи.

С.М. Ахинжановым подробно прослежена история кыпчаков в степях Казахстана домонгольского времени. С.М. Ахинжанов и Ю.И. Трифонов провели значительные по масштабам раскопки памятников средневековых кочевников в Верхнем Прииртышье. Важным стимулом для изучения роли кыпчаков в этнокультурогенезе Западной Сибири стали труды ученых Казахстана по кыпчакской проблеме, опубликованные в течение последних десятилетий.

Б.Е. Кумековым был сделан исчерпывающий анализ арабских источников, дающих сведения о кимаках и воссоздана их история, поэтому соответствие историческим реалиям его выводов не подвергается сомнению. Их подтверждают материалы археологических исследований Ф.Х. Арслановой. Труды Кумекова Б.И. явились достойным завершением анализа арабских и персидских источников блестящей плеядой зарубежных и русско-советских востоковедов.

Закономерным продолжением успешного исследования Б.И.Кумековым исто кыпчаков явилось создание под его руководством Международного центра кыпчаковедения, затем из-за важности для науки и объемности задач ставшего институтом, в декабре 2010 г. в качестве научного подразделения Казахского национального университета им. аль-Фараби в г. Алматы. Таким образом, кыпчаковедение официально признано «концептуальным научным направлением, связанным с евразийским историко-культурным наследием» и ученый плодотворно претворяет в жизнь не только новые исследования, но и аккумулирует в институте все новые направления этой работы.

Отдельные близкородственные кимакам археологические культуры, а также появление в Степном Алтае монгольских этнических групп рассматривал В.А. Могильников. Отдельным комплексом стоят исследования С.Г.Кляшторного, которые связывают происхождение кыпчаков и их культуры с Южной Сибирью. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов отметили, что в арабских источниках кыпчаки впервые упомянуты в сочинении арабского автора Ибн Хордадбеха в середине IX в. среди племен, соседей страны турфанских уйгуров, а у Махмуда Кашгари „местность кыфчаков“ указана близ Кашгара.

Д.Г. Савинов попытался адаптировать эту гипотезу к своей точке зрения о происхождении кыпчаков от цюйше, которые

в гуннское время жили в Верхнем Приобье, а затем вошли в состав объединения теле.

Безусловно, исследования советской эпохи носили идеологический отпечаток. Но даже такое отношение к истории тюркских народов не могло остановить подробные исследования. К сожалению, исследования советских историков, как, например, работы С.Плетневой рассматривали историю кочевых народов восточно-европейских степей в отрыве от культуры тюркских племен, обитавших на территории, откуда они мигрировали – с просторов Алтая. Таким образом, ситуация с изучением данной темы была осложнена в советское время политической конъюнктурой.

Если в 60-70-е гг. шел процесс интеграции археологии и этнологии, то в 80-ые гг. XX в. специалистам двух наук становится ясно, что простой процесс «прямых» обращений археологов к этнографии, а этнографов к археологии ведет к ограниченности исследований.

С конца 80-ых гг. прошлого столетия омскими учеными под руководством академика Томилова Н.А. начато было новое направление исследований в синтезированном этноархеологическим контексте, продиктованное осознанием недостаточности простых консолидаций усилий археологов и этнологов.

В этом ряду нельзя не упомянуть один из последних трудов Ю.С. Худякова, посвященный древнетюркскому культурному феномену и представляющий собой классический образец исторической реконструкции пятисотлетней эпохи древних тюрков. Свою работу он закономерно завершает следующим выводом: «древние тюрки перестали существовать в качестве самостоятельного этноса без видимых внешних причин, таких как завоевание, истребление, миграция». Сегодня этноархеология заняла прочное место в ряду междисциплинарных предметов и данная работа является одной из методологически основанных на методах этноархеологической реконструкции.

Благодаря исследованиям ученых советского периода было окончательно установлено, что кыпчаки арабских рукописей, команы и куманы европейских хроник, особенно византийских источников, печенеги, торки, черные клобуки и половцы русских летописей суть название одного и того же народа, сыгравшего большую роль в средние века, составившего основу Золотой Орды, но и так и не сформировавшегося в пределах единого государства в единый этнос, и не составившего в настоящее

время название самостоятельного народа.

Снятие барьеров и преград вследствие идеологических догм в деле изучения прошлого кочевых народов послужило дополнительным импульсом для развития постсоветской исторической, в том числе этнологической науки. Это отражается в трудах таких ученых, как Асанканов А.А., Томилов Н.А., Ужкенов Е.М., Камалов А.К., Данияров К., Закиев М.З., Толочко П.П., Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., Костюков В.П., Куликов А.А., Руденко К.А., Шнирельман В.А., М.Кылдыроглу, Кененсариев Т., Алымбаев Ж. и др.

Например, татарские ученые Исхаков Д.М. и Измайлов И.Л. рассмотрели кыпчакский этномассив как основу татарской народности. Внимание кыпчакской проблеме уделяли также исследователи Кыргызско-Турецкого университета «Манас» Мокеев А.М. и М.Кылдыроглуу, поэтапно рассмотревшие кыпчакские роды, входящие в состав современных кыргызов.

В этом контексте осуществлены и публикации автора, направленные на интеграционные исследования кыпчакского этнического компонента в составе тюркоязычных народов.

Здесь нельзя не остановиться на публикациях Мурада Аджиева выделенных российской академической наукой в разряд так называемых «девиантных» работ. Они изобилуют ссылками на исторические события, решающую роль в которых, по мнению автора, сыграли кыпчаки. Кроме того, почти у всех народов Европы и Азии, не только тюркоязычных, Аджиев видит «кыпчакские» корни, не особо утруждая себя подтверждающими фактами из истории. Хотя его труды давно отнесены к разряду «девиантной» науки, но местами, особенно в Кыргызстане, выносятся на арену научных дискуссий и доказываются сторонниками как истина в последней инстанции.

Итак, подводя итоги можно сказать, что первые труды по истории кыпчаков XIX в. были отрывочными и не посвящались отдельно кыпчакам, за исключением работы П.В. Голубовского. Появившиеся в начале XX в. труды, такие как И. Маркварта, не дали исчерпывающих знаний и порождали вопросы, т.к. не использовали всей широты источников. Но в советское время появляются фундаментальные труды В.В. Бартольда, которые упорядочивают все полученные знания по кочевым в прошлом народам, в том числе кыпчакам. Специальные труды были посвящены кыпчакам, например, С.А. Плетневой, а также исследования кыпчаков в составе отдельных народов, например С.М. Ахинжанова. К.Ш. Шаниязова. Наконец, новым словом в исто-

рической науке стали интегрированные этноархеологические исследования, такие, как Ю.С. Худякова, Томилова Н.А., которые стали достойным завершением трудов А.Х. Маргулана, С.Г. Кляшторного, С.М.Ахинжанова.

Знаменательным этапом в исследовании исторического пути кыпчакского этноса стало создание Международного Института кыпчаковедения в г. Алматы под руководством профессора Б.Е.Кумекова, труды которого на основе арабоязычных и персоязычных источников стали классическими для исследователей последующих поколений. Таким образом, вышеприведенный анализ свидетельствует о большой работе, проведенной по исследованию кыпчакского этноса в течение XX столетия. Были исследованы этнические группы кыпчаков в составе тюркоязычных народов, что позволило составить обобщающий труд.

ЛИТЕРАТУРА

Абуль, Гази. Родословное древо тюрков [Текст] / Абуль Гази (хивинский хан); пер. и предисл. Г.С.Саблукова, послесл. и примеч. Н.Ф.Катанова.- Казань, 1906.- 336 с.

Агаджанов, С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. [Текст] / С.Г.Агаджанов.- Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1969.- 295 с.

Агаджанов, С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. [Текст] / С.Г.Агаджанов.- М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991.- 304 с.

Аджи, М. Полынь Половецкого поля [Текст] / М.Аджи.- М.: Пик-контекст, 1994.- 351 с.

Аджи, М.И. Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи [Текст] / М.И.Аджи.- М.: Новости, 1999.- 175 с.

Алымкулова, С.К. Кыпчаки среди крымских татар [Текст] /С.К. Алымкулова //Проблемы полиэтнического общества в Центральной Азии: вызовы и возможные решения. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию первой кыргызской женщины-ученого-этнографа Какен Мамбеталиевой. –Бишкек,2013.- С.325-327

Алымкулова, С.К. Миграционные процессы в среде алтайских кыпчаков [Текст] С.К. Алымкулова // Altay Communities. Migrations and Emergence of Nations.-Istanbul:ISTESOB, 2013.-S. 129-140

Алымкулова, С.К. Kypchaks in the Content of Uzbeks and Karakalpaks [Текст]/ С.К. Алымкулова //The 11th Central Asia Internatinal scientific conference “Cultural and economic Dimensions of the Silk Road: Past, Present and Future”, June 11-12,2013, Global Leadership Center, Korea.-S.19-20

Алымкулова, С.К. Проблемы этнической истории кыпчаков // Тюркские цивилизации в преддверии третьего тысячелетия.- Бишкек, 2000.- С.7-9.

Алымкулова, С.К. Кыргызско-алтайские этнокультурные связи (по данным фольклора) [Текст] / С.К.Алымкулова.-Бишкек: Кыргыз Жер,2013.-119 с.

Алымкулова, С.К. Кыпчаки в составе тюркских народов (этнополитические аспекты)[Текст] / С.К.Алымкулова.-Бишкек: Кыргыз Жер,2013.-119 с.

Анчабадзе, З.В. Кипчаки северного Кавказа по данным грузинских источников

летописей XI-XIV вв. [Текст] / З.В.Анчабадзе // Материалы науч. сес. по проблеме происхождения балкар. и карачаев. народов. - Нальчик, I960.- С.113-126.
Аристов, Н. А. О земле половецкой [Текст]: (ист.-геогр. очерк) // Изв. Ист.-филол. ин-та им. Безбородко в Нежине.- Нежин; Киев, 1877.- №1.- С.49-60.
Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности [Текст] / Н.А.Аристов // Живая старина.- 1896.- Вып.3/4.- С.277-456.
Аристов, Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных названий и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях [Текст] / А.Н.Аристов // Живая старина.- 1894.- Вып.3/4.- С.391-486.
Аристов, Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности [Текст] / Н.А.Аристов // Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен.- Бишкек, 2003. - С. 99-274.
Ахинжанов, С.М. Кипчаки и их политические взаимоотношения с Хорезмом в XI - начале XIII вв. [Текст]: автореф. дис. … канд. ист. наук.- Алма-Ата, 1973.- 32 с.
Ахинжанов, С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана [Текст] / С.М.Ахинжанов.- Алма-Ата: Гылым, 1989. - 293 с.
Ахинжанов, С.М. О внешнем облике кипчаков-половцев [Текст] / С.М.Ахинжанов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: крат. содерж. докл. V годич. науч. сес. ЛО ИВ АН СССР.- Л., 1969. –С.106-122.
Ахинжанов, С.М. Этнонимы «кимак» и «кипчак» / С.М.Ахинжанов // Археология эпохи камня и металла Сибири.- Новосибирск, 1983.- С.106-122. и др.

О КИТАЙСКОМ И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКОМ ФАКТОРЕ В ИСТОРИИ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН И ЧИНГИС ХАНА

Нурбаев Каирболат Жакенович

About the Chinese and Tungus-Manchu factor in the history of Tatar-Mongol tribes and Chengis Khan

ABSTRACT:
The Article «About the Chinese and Tungus-Manchu factor in the history of Tatar-Mongol tribes and Chenghis Khan» deals with the problems of ethno-political continuity of ancient Turkic-Mongol tribes of Mongolia, the northern and north-eastern China, origins, causes and features of their formation and development, influence their historical fate of the historical, geographical, Chinese and Manchu-Tungus ethnic factor. The author comes to conclusion on the basis of writ-

ten and oral sources about Turkish origins of ethnic Mongol tribes and Chenghis Khan.

KEY WORDS: Genghis Khan, Tatars, Mongols, the Chinese factor, Tungus-Manchu factor.

В советской историографии, как известно, присутствовала тенденция умалчивания роли тюркских народов во всемирной истории. Советская историческая наука с подачи коммунистической партии всячески обходила стороной «тюркский вопрос», опасаясь возрождения пантюркизма в СССР, а значит, возрождения былого могущества тюрко-монгольских империй прошлого, равным которым не было в мире ни по величине, ни по могуществу - это Хуннская империя и ее наследницы, - Тюркская и Монгольская империи.

Сегодня, как никогда важно пересмотреть и переосмыслить с новых научно-методологических позиций, в частности, с позиций евразийства историю тюрко-монгольских кочевых этносов и созданных ими государств древности и средневековья в связи с тем неоспоримым фактом, что казахские ханы Керей и Жаныбек, заложившие основы собственно казахской государственности, являются прямыми потомками основателя великой Монгольской империи Чингис хана. Так, выдающийся казахский ученый Ч. Валиханов приходит к выводу «... о происхождении их (казахов - автор), как союза племен от Золотой и Джагатайской орд...» [Валиханов 1961: 209-210]. Он отмечал, что во время своего похода на хана Золотой Орды Тохтамыса в 1392 году эмир Темир «убил детей Алача и первого хана казачьего», поэтому… «можно полагать, что сам Алач мог жить в середине XIV столетия» [Валиханов 1961: 206]. Указанное время действительно совпадает с правлением в Ак Орде хана Уруса (Ырыса), во времена которого была создана первая казахская армия «Алаш мыңы» и которого казахские исследователи считают первым казахским ханом [История казахской государственности 2007: 260, 277]. «В годы его правления (хана Уруса – автор), - отмечают исследователи, - в Ак Орде проживал народ с единым языком, территорией, материальной и духовной культурой…, присущих единому этносу [История казахской 2007: 277].

Изучение XIII века имеет важное значение в связи с образованием Улу Улуса (Кыпчакского Улуса, Золотой Орды – русских источников) и великой Монгольской империи в целом во главе с Чингис ханом, происходившим согласно китайских

источников из племени так называемых черных татар [Мэн-да Бэй-лу 1975: 97]. В них отмечается, что «китайцы в XIII в. часто называли настоящих монголов, монголов Чингис хана, хэй-да, - черные татары, а онгутов - белые татары, бай-да» [Мэн-да Бэй-лу 1975: 96-97]. Главным занятием черных татар по их сведениям было кочевое скотоводство, которое было чуждо лесным охотничьим тунгусо-маньчжурским племенам [Мэн-да Бэй-лу 1975: 97; Васильев 1857: 135]. Здесь необходимо учесть тот факт, что исконными кочевниками-скотоводами, несомненно, были лишь тюркские племена. А Чингис хан, целью которого было объединить все поколения, живущие в войлочных кибитках, как известно, был яростным сторонником кочевого образа жизни и завещал своим потомкам оставаться кочевниками [Хара-Даван 1992: 79]. По древним казахским и кыргызским шежире кочевниками в полном смысле этого слова являются казахи, кыргызы и монголы, имеющие общее происхождение *(«... киіз туырлықты, ағаш уықты»*) [Қабышұлы 2007: 130].

Ученый-тюрколог Л. Гумилев на основании китайских источников причислял к черным татарам племя кереитов (кереев) и характеризовал черных татар как кочевников-скотоводов, а «монголы жили на границе между черными и дикими татарами – как переходное звено между теми и другими» [Гумилев 2004: 102]. Вообще, в течение всей истории тюрко-монгольских кочевых племен прослеживается этническая близость кереитов и монголов, начиная с того, что одно время кереитско-монгольским улусом управляли кереитские ханы, а знаменитый хан Кереитского улуса Тугурул был побратимом отца Чингис хана Есугэй батыра. Кроме того, некоторые исследователи считают язык «Сокровенного сказания», древний литературный монгольский язык – языком кереитов или найманов [Моңғолдың құпия шежіресі 2006: 42-43]. По мнению исследователя-переводчика «Сокровенного сказания» Н. Базылхана, в древнем монгольском письменном языке много общего с древним тюркским языком, и тема монгольско-тюркских, монгольско-казахских языковых параллелей, их единства недостаточно исследована [Моңғолдың құпия 2006: 38]. По утверждению известного ученого-монголоведа З. Қинаятұлы в современном монгольском языке около 3 тысяч тюркских или же с тюркским корнем слов, что может свидетельствовать о присутствии тюркского этнического компонента в этногенезе современных монголов [Қинаятұлы 2008: 55].

Исследователи-китаеведы связывают основателей

могущественной империи средневековья с пришлым тунгусо-маньчжурским племенем татар. Так, В. Васильев писал, что «китайские источники ясно указывают на маньчжурское происхождение татар» [Васильев 1857: 128] (забегая вперед отметим, что Маньчжурия изначально принадлежала хуннам *[Гумилев 2003: 211; Кляшторный 1992: 56]*). Н. Бичурин высказывал аналогичное мнение, что «... основатели Монгольской империи были не коренные монголы, а тунгусы, которые пришли в южную Монголию с Амура…» (т.е. вновь из Маньчжурии) [Бичурин 1998: 385]. Г. Миллер, исследователь истории Сибири, строго разделял татар и тунгусо-маньчжуров, утверждая, что «если бы кто-либо хотел узнать время, когда тунгусы и происшедшие от них дауры (буряты - автор) и манчжуры переселились из сибирских диких мест, густых лесов и гор в пограничные с Монголией и Китаем степи, то… произошло это не раньше ухода татар из названных мест... и что, следовательно, окончательное переселение тунгусов и дауров совершилось после победоносного завоевания татарами Китая…» [Миллер 1937: 185]. Вероятно, уход татар со своих земель был связан с имевшей место в X веке массовой засухой, опустыниванием степей, когда многие тюркские племена покинули территорию Монголии в поисках пастбищ и воды [Бартольд 1968: 432; Гумилев 2004: 69-70]. Так, В. Бартольд писал, что в X веке на древней тюркской земле происходит смена этносов и место тюркских племен в Монголии занимают пограничные со степью лесные тунгусо-маньчжурские племена Восточной Сибири и Дальнего Востока [Бартольд 1968: 432].

В. Васильев писал о татарах, как о правящей династии Монгольской империи: «… Имя Татар или Татань… при Чингис хане стало царственным (как прежде Ойхор, Тукюэ) и дало название для всех других в смысле царства. Мэн-хун (китайский писатель*, современник Чингис хана* - автор) ясно говорит, что Татары даже не знали, откуда взялось название Монголов... Следовательно, название Монгол… было… чисто официальное, и таким образом, эти два названия (из которых последнее пересилило вследствие той же официальности) ввели в недоумение не только европейских ученых, но и Рашид-эддина…» [Васильев 1857: 137]. Слова персидского летописца о том, что родословие татар Чингис хана овеяно туманом, возможно, связаны с тем фактом, что «в дальнейшем они растворились в чужой этнической среде на территории Китая, поэтому… о них давно ничего не было известно» [Мэн-да Бэй-

лу 1975: 45]. Далее В. Васильев продолжает говорить о татарах, как о тюркском племени: «Конечно, мы могли бы допустить, что Татары Чингис хана не делали этого круга… Мэн-хун причисляет их к Шатоскому поколению… История говорит нам, что Тукюэсцы, прозванные Шатосцами от степи Шато, находящейся на запад от Барколя, впоследствии (794 г.)… были переведены на северную сторону хребта Иньшань…» [Васильев 1857: 134, 136-137].

Исследователь Рене Груссе отмечал, что «Бартольд относит этих шато к племенам тогуз огузов, из которых, по крайней мере, часть кочевала на севере Аральского моря с X по XII в.» [Груссе 2003: 146]. В. Бартольд также констатирует факт переселения тюрков-шато в Китай: «В местности около Турфана и Гучэна поселилось племя, которое китайцы называют «шато» («степь»), эти турки-шато вышли из собственно турок, т.е. огузов. В конце VIII и в начале IX в. они… ушли дальше на восток, в собственно Китай, где принимали участие в политических смутах и в X в. образовали несколько династий» [Бартольд 1968: 202]. О правивших в Северном Китае тюрках-шато Л. Гумилев писал, что «тюркоязычные соседи (голубые тюрки и уйгуры) называли их татарами, мусульманские авторы фигурально именовали их тюрками Китая (Турк*а*н-и-Чин)…» [Гумилев 2004: 100]. Он приводит мнение китайского исследователя Ван Го Вэя, «...что слово татар в эпоху Сун в Китае считалось уничижительным и потому в империи Ляо... - использовался - ... принятый у них термин, передававшийся... китайскими иероглифами как цзубу (кочевники - автор) - и - ... что цзубу - киданьское наименование татар, потому что это название исчезает вместе с киданями, а на той же самой территории живут кераиты, найманы, меркиты, словно они внезапно обрели историческое значение» [Гумилев 2004: 99-100]. По утверждению исследователя, «тюрки-шато, последние потомки хуннов, долгое время жили в Джунгарии... пока не переселились во владения Срединной империи» [Гумилев 2004: 59]. «С 878 г. они поселились в Ордосе. Китайцы называли шато «черными воронами», а их вождя – «одноглазым драконом», - отмечал Л. Гумилев [Гумилев 2004: 59].

Из вышесказанного следует, что, во-первых, исследователи указывают на одни и те же события, происходившие в один и тот же период, связанные с двумя исходными точками: северо-западным и северо-восточным Китаем (возможно поэтому Васильев отмечал о якобы совершении татарами Чингис хана кругового маршрута). Во-вторых, можно предполагать, что

тюрки-шато, переселившиеся в Китай, и есть искомые татары-маньчжуры Китая (о которых, как об основателях Монгольской империи писали В. Васильев и Н. Бичурин), которые постепенно окитаились, приняв язык большинства, но в то же время помня свои этнические корни, поэтому, вероятно, тюркский филолог XI века М. Кашгари указывал на двуязычие татар [Ибрагимов, Храковский 1958: 93-98]. Исследователи на основании китайских источников отмечают факт переселения тюрков-шато в Китай, «в чужую этническую среду», где они «образовали несколько династий», в частности, создали империю Тан, а «... фактического основателя этой династии - называли - табгачский (т.е. тобасский) хан, так как он происходил из тюркского рода» [Гумилев 2004: 42]. В X веке они (тюрки-шато) возродили империю под названием «Поздняя Тан» [Гумилев 2004: 61; Васильев 1857: 134, 136-137; Бартольд 1968: 202].

Выше мы отмечали, что Маньчжурия первоначально принадлежала тюркским племенам, известным, как хунны, продолжим эту мысль. Так, ученый-тюрколог С. Кляшторный, опираясь на археологические материалы, «район распространения... многочисленных погребальных комплексов VII-V вв. до н.э., несущих все признаки, характерные для позднейших гуннских захоронений,... - относит - ... к востоку и юго-востоку от нынешней Монголии, в степных и лесостепных пространствах Маньчжурии и частично во внутренней Монголии» [Кляшторный 1992: 57]. «Здесь и была, скорее всего, первоначальная родина или территория формирования тех скотоводческих племен..., которые позднее, в IV-III вв. до н.э., сместившись к западу и овладев степями между Ордосом и Забайкальем, стали известны под именем гуннов», - приходит к выводу исследователь [Кляшторный 1992: 57]. Им приписывается так называемая «культура плиточных могил – ранний этап самостоятельной хуннскқой культуры» [Гумилев 2003: 50]. Она «распространена на огромной территории от Забайкалья до северного Тибета, охватывает степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию» [Кляшторный 1992: 56]. Однако впоследствии, в середине I века хунны потеряли Маньчжурию, затем их ставки, особенно после поражения 92 (*93*) года сместились в западную Монголию, юго-западную Сибирь и Восточный Туркестан, а в 155-158 годах, после миграции значительной части хуннских родов в казахские степи, позднее в Европу, территория Маньчжурии оказалась под контролем малочисленных

прокитайских хуннов и самих китайцев [Гумилев 2003: 211, 330].

Здесь, в Маньчжурии хунны смешивались с ханьцами (каганы и приближенные им знатные роды), а также соседними тунгусо-маньчжурскими охотничьими племенами и по названию местности (горы) назывались сяньби, или сяньбэй (улус Сяньби) [Қабышұлы 2007: 50; Кляшторный 2003: 25]. Так, в тот период существовала традиция сватовства знатнейшего хуннского рода хуянь (мужская линия) с ханьцами (женская линия), потомки таких смешанных браков назывались сяньби-тоба и отличались особой воинственностью («тоба» означало «тұлыпта өскендер») [Қабышұлы 2007: 48, 50, 53; Гумилев 2003: 80]. Последние, т.е. племя сяньби-тоба «в конце IV века усилилось... (китайское «тоба», древнетюркское «табгач»), - а - в 386 г. их вождь Тоба Гуй основал династию Северное Вэй (386-532), объединившее под своей властью весь Северный Китай [Кляшторный 2003: 154].

Ссылаясь на японского исследователя Ширатори, исследователь-тюрколог И. Қабышұлы отмечает о сяньби-тоба, как о самом сильном среди хунно-сяньбийских племен Маньчжурии, и что у них строго сохранялась традиция не брать жен внутри рода до 10 колена, а жениться только на девушках из другого рода, чаще со стороны матери (нағашы-жұрт) [Қабышұлы 2007: 48]. Как утверждает исследователь, отличительной особенностью племени сяньби-тоба была их страсть к лошадям, которых они называли аргымаками и о которых с восторгом и восхищением писали китайские авторы [Қабышұлы 2007: 48, 50]. Именно в этот период в китайских источниках, по утверждению исследователя, встречаются этнические названия «керей» и «найман», которых эти источники называли «искусными коневодами» *(«ат құлағында ойнаған жылқышылар»)* [Қабышұлы 2007: 50]. Вполне вероятно, что изначально кочевники кара-китаи, населявшие территорию западной Маньчжурии и известные как восьмиплеменной союз, как одно из сяньбийских племен. но впоследствии перешедшие на китайский язык, этнически были связаны с племенем найман *(их вождь Елуй Даши еще «в 924 г. вошел в Монголию, продвинулся до верхнего Орхона, вошел в Карабалгасун и выгнал киргизов» [*Груссе 2003: 148*])* [Гумилев 2004: 55, 62-63]. Так, китайские источники отмечают, что хан найманов Кучлук, сместив правителя Чжилугу, сам сел на престол Каракитайского ханства (Западное Ляо) и оказывал

почести ему и его жене [Ляоши 2006: 15, 21-22].

По словам И. Қабышұлы, Рашид-эддин вслед за китайскими источниками писал о могуществе входившего в улус Сяньби рода «нирун», происходившего из племени жужань (которых называли также татарами *[*Қабышұлы 2007: 51*]*), значение «нирун» исследователь переводит как «Арқа елі», «Арқаның бел омыртқасынан пайда болған ел» [Қабышұлы 2007: 50, 54]. Об изначальной тюркоязычности племен сяньби, в частности, сяньби-тоба свидетельствует и то, что «... древнейшую стадию развития собственно турецкого языка представляли, по всей вероятности, восточные соседи хуннов сяньбийцы...» (конечно, нельзя отрицать и присутствие тунгусо-маньчжурских племен в составе улуса Сяньби) [Бартольд 1998: 16-17, 21-22]. Однако, несмотря на чрезвычайную воинственность и господство племени сяньби-тоба в период II-IV веков, традиция установившихся еще с периода Модэ шаньюя брачно-родственных связей с ханьским двором, оказала свое пагубное влияние на их последующую судьбу, так как сяньбийские каганы, женатые на ханьских царевнах, особенно их потомки, защищали интересы уже не кочевников, а ханьской династии, и поэтому сяньбийский улус оказался под сильным влиянием последней, в нем не было стабильности, что привело к длительному политическому кризису сяньбийского общества, а «к концу V века династия и племя табгач почти полностью ассимилировались в китайской этнической среде» [Гумилев 2004: 53-54; Кляшторный 2003: 154].

По мнению исследователей племена каракитаев и шивэй (с последними связывается этногенез монголов, они назывались также татарами *[*Ляоши 2006: *25;* Юаньши 2006: 58; Гумилев 2004: 98, 100*]*) произошли от восточной ветви улуса Сяньби, а «шивэй» и «сяньбэй» - слова общего корня [Ляоши 2006: 25]. И. Қабышұлы, ссылаясь на монгольских историков, утверждает, что «шивэй» могло произойти от «сяньби» (потомки дунху) [Қабышұлы 2007: 51].

Племя под названием «татары» упоминается еще в древних тюркских письменных памятниках и по одной из версий о происхождении монголов – они и есть татары [Қинаятұлы 2008: 39]. Рашид-аддин и другие мусульманские авторы, по утверждению З. Қинаятұлы, производили монголов от тюрков-огузов [Қинаятұлы 2008: 49]. Ибн Халдун относил татар (монголов) к тюркам [Қинаятұлы 2008: 41]. Такого же мнения придерживаются монгольские исследователи, в частности,

Сурбадрах относит монголов к тюркоязычным динлинам, населявшим в III веке до н.э. – V веке н.э. территорию от Байкала до Алтая [Қинаятұлы 2008: 41-42, 47]. Русский историк XVII века А. Лызлов, подразумевая под татарами монголов, представлял их как потомков кочевников-скифов и отмечал, что они «... назывались монгаилы или монгаили» [Лызлов 1990: 9, 13]. Он же «великим обладателем скифских народов» называл Ун хана (Ван хан – китайских источников, знаменитый хан Кереитского Улуса Тугурул) [Лызлов 1990: 127]. В пользу данного мнения может свидетельствовать то, что современные монголы называют себя «халха»-щит, а по некоторым сведениям термины «скиф» и «сколот» означали «щитоносец», так как они одевали на себя панцирь из толстой кожи, т.е. кожаный щит [Савельев 2010: 115, 131]. По мнению З. Қинаятұлы, татары в древности населяли восточную часть Байкала, из племени «тоба», и являются одним из ветвей древних тюрков (если татары, как отмечалось, – это тюрки Китая, то правдоподобность данного мнения очевидна) [Қинаятұлы 2008: 41]. Исследователи С. Кляшторный и Т. Султанов, ссылаясь на М. Кашгари и Рашид-эддина, отмечают, что «... татарами тогда именовались многие тюркские племена» [Кляшторный 1992: 128]. О тюркском происхождении татар может свидетельствовать и тот факт, что они «... отправляясь в дорогу или возвращаясь домой, только и знают, что пьют кобылье молоко, или убивают барана...» [Васильев 1857: 226]. По утверждению известного ученого-кыпчаковеда Б. Кумекова «слово «кымыз» совершенно не употреблялось монголами. Уже в древнейших текстах… аналогичное понятие (сброженное кобылье молоко) передавалось термином «usuk» [Кумеков 1972: 36-37]. Однако последнее не так важно для нашей темы, так как современный монгольский язык на раннем этапе своего развития отделился от тюркского языка и полностью был ассимилирован и поглощен тунгусо-маньчжурскими языками, а сами монголы перешли позднее в религию ламаизма. Ссылаясь на исследователей Г. Рамстеда, В. Котвича, А. Позднеева, отмечавших о XIV-XVI веках, как о «темном» периоде истории монголов, З. Қинаятұлы справедливо утверждает о новом формировании языковой культуры под влиянием Тибета, тунгусов и китайцев [Қинаятұлы 2008: 54-55].

З. Қинаятұлы полагает, что всех монголов считать тюрками не совсем верно, а вот тюрко-огузское происхождение рода Бортэ Чино более правдоподобно [Қинаятұлы 2008: 42, 49-51,

54]. Причем, как утверждает исследователь, когда Бортэ Чино, переплыв море, прибыл в Бурхан Халдун, то вновь встретился со своими родственниками – западными «ди», а последние – это древнее название тюрков [Қинаятұлы 2008: 42]. По мнению монгольского исследователя Амара монгольские племена, в частности, род Бортэ Чино первоначально проживал на востоке озера Балхаш [Қинаятұлы 2008: 47].

Монгольская летопись «Сокровенное сказание», хотя прямо не говорит о тюркском происхождении Бортэ Чино, однако называет его рожденным от Тенгри, намекая на его благородное ханское происхождение (следует понимать: тюркское) [Моңғолдың құпия 2006: 57-59]. В монголо-татарском союзе власть была у тюрков-татар [Қинаятұлы 2008: 58; Гумилев 2003: 97-98]. Согласно монгольского источника XVII века «Алтын шежіре» Бортэ Чино, первопредок монголов, происходит из ханской династии [Лувсанданзан 1998: 14-15]. По мнению исследователя Ж. Ошан, сделавшего перевод «Юаньши» на казахский язык, легенда монголов о Бортэ Чино является повторением легенды древних тюрков о прародительнице серой волчице, только в иной интерпретации [Юаньши 2006: 57-58]. На наш взгляд, такая связь может быть объяснена брачно-родственными узами тюрко-монгольских племен древности. По китайским источникам род Чингис хана, начиная с Бодончар каана вступал в родство с тюркскими племенами по женской линии, например, это правнук последнего Начин – Нюгуз мусульманских источников [Юаньши 2006: 33-34, 63-64]. Такая традиция брачно-родственных отношений между тюркскими и монгольскими родами, как известно, продолжалась и позже. Персидский летописец Рашид-эддин производил монголов из рода Бортэ Чино и связывал последний с местностью Эргене-кун [Рашид-ад-дин 1952: 9-10, 14-15]. Тюркский автор XVII века Абулгазы хан связывал указанную местность с родом самого Чингис хана и отмечал, что «... Кыян и... Нюгуз ... бежали и приехали в свой юрт, - который - назывался Эргене кун...» [История Абуль-Гази 1854: 10, 12-14, 29-33]. Н. Бичурин, ссылаясь на Абулгазы хана и других мусульманских авторов, отождествлял Эргэнэ-кун с Алтаем [Бичурин 1998: 229-231].

Еще более несомненно и очевидно, что Бодончар, родившийся «от луча света» и являвшийся прямым предком Чингис хана, был выходцем из тюркского рода. По монгольским источникам Бодончар и его старшие братья, подчинившие не имевших собственной власти тунгусо-маньчжурские охотничьи племена,

являются посланниками Тенгри (в китайских источниках они «благородного», т.е. ханского происхождения), тем самым их происхождение связывается с ханской династией, т.е. с тюркским родом [Моңғолдың құпия 2006: 63, 67-68; Лувсанданзан 1998: 16, 18; Юаньши 2006: 33]. Здесь, при уподоблении Бодончара и его братьев с Тенгри (в монгольских источниках) или с благородным происхождением (в китайских источниках), несомненна связь с тюркской легендой о благородном тюркском роде Ашина, который, надо полагать, правил по воле самого Тенгри, как когда-то их предки, хуннские шаньюи [Груссе 2003: 110; Гумилев 1993: 77]. По утверждению Ж. Ошан, легенды монголов о Кияне (по его мнению, род Киян начинается не с Хабул хана, а значительно раньше), укрывшемся от врагов в горах Эргэнэ-кун, перекликаются с легендами древних тюрков о происхождении их правящего рода Ашина [Юаньши 2006: 57-58]. Исследователь считает, что вторая часть имени Бодончар - «чар» соответствует тюркскому термину «чор» - должностное звание у тюркских племен [Юаньши 2006: 59]. По Рашид-аддину также род Чингис хана происходил от младшего из трех сыновей легендарной Алан-Гоа Бодончар каана, который был девятым (в других источниках - десятым [Юаньши 2006: 57, 59]) предком великого Чингис хана [Рашид-ад-дин 1952: 12, 14-15]. З. Қинаятұлы справедливо полагает, что ханская династия монголов начинается с Бодончар каана [Қинаятұлы 2008: 58, 60-61].

О татарском (тюркском) происхождении Чингис хана свидетельствуют армянские источники [История монголов по армянским источникам 1874: 12-13]. «Алтын шежіре» указывает по этому поводу, что даже мать Чингис хана сомневалась в его истинном происхождении [Лувсанданзан 1998: 5]. Мусульманские авторы Рашид-аддин, Джувейни, Абулгазы хан «и другие историки средневекового Востока считают киятских предков Чингис хана выходцами из огузов» [История казахской 2007: 243-244]. Другое дело, что Чингис хан, как отмечает З. Қинаятұлы, был уже омонголенным потомком Бодончар каана [Қинаятұлы 2008: 185]. По мнению В. Васильева «…сам Чингисхан не говорил языком, который мы ныне называем монгольским (так, например, многие собственные имена: Чингис, Угэдэй, Тэмучэнь, Мухури и др. принадлежат к неизвестному языку), но дав имя и своим подданым и их языку, переменил свой язык на язык большинства» [Васильев 1857: 129]. Родственники Хабул хана, прадеда Чингис хана, от которого традиционно берет свое начало род кыятов, у

Рашид-аддина обозначены тюркскими терминами [Рашид-ад-дин 1952: 35]. Вообще у Рашид-аддина при описании рода Чингис хана, его предков встречается очень много тюркских терминов [Рашид-ад-дин 1952: 8, 19, 23, 35, 37, 43, 45]. Вместе с тем, в тексте «Сборника летописей» Рашид-аддина имеются двуязычные термины, которые могут свидетельствовать о смешении тюркского и монголо-маньчжурского языков [Рашид-ад-дин 1952: 19]. С. Кляшторный, опираясь на сведения Джувейни, утверждает о знании Чингис ханом тюркского языка [Кляшторный 1992: 185]. Рашид-аддин писал о роде кыят, что «… большинство этого племени находится в Дешт-и-Кипчак у Токтая, - и что - эмиры их многочисленны и пользуются значением…» [Рашид-ад-дин 1952: 46].

Известный исследователь С. Ахинжанов, ссылаясь на Б. Кумекова, как бы продолжал мысль Рашид-аддина и отмечал, «... что у кыпчаков издревле была тесная связь с народом татар Чингис хана и его домочадцами – и что – по большей части кыпчаки роднились с татарами по женской линии, ... поэтому Чингис хан считал кыпчаков однородцами» [Ахинжанов 1989: 142-143]. Современный исследователь Батыршаұлы Бақытты, повествуя о мамлюкских султанах Египта, утверждает об этническом родстве кыпчаков и татар [Батыршаұлы 2005: 138-139]. По некоторым источникам, «... Берке выдал свою дочь за султана Бейбарса, от - которого - родился первый преемник Бейбарса, Саид хан Мухаммед» [Бартольд 1998: 135].

Название правящей династии, государства и всего населения великой империи «монгол» могло быть политонимом, что было характерно для тюркской политической традиции. Так, казахские исследователи отмечают, что «со все растущим политическим весом кыпчаков многие племена…, сознавая свою принадлежность к единому этносу, принимали этноним «кыпчак» и стали сами себя называть кыпчаками» [История Казахстана 2010: 329, 428; Қозыбайтегі: 10]. Впоследствии таким же образом великий полководец и государственный деятель Чингис хан «над всеми поколениями, живущими в войлочных кибитках… провозгласил единое имя монголов, это имя было такое блестящее, - отмечал Э. Хара-Даван, - что все с пробуждающимся национальным чувством стали гордиться им» [Хара-Даван 1992: 72]. Возникает вопрос: что же было такого «блестящего» в имени монголов, чтобы «все... стали гордиться им»? По мнению З. Қинаятұлы оно могло означать «Мәңгі Ел», и поэтому «Моңғол», как «Мәңгі Ел»... научно обосновано, так

как у монголов есть понятие «Мәңгі Тәңір Елі» [Қинаятұлы 2008: 52]. Чингис хан называл монголов «кеке монгол», что может косвенно свидетельствовать в пользу предполагаемого мнения [Хара-Даван 1992: 46, 68, 71]. Известно также, что тюрки-кыпчаки возрожденного Тюркского каганата называли себя «көк түріклер», поэтому и Чингис хан называл свою династию и государство «кеке монгол», подразумевая его как наследника Восточно-Тюркского каганата [Хара-Даван 1992: 46, 71-72, 259; История казахской 2007: 242-243; Қинаятұлы 2008: 46, 49, 217]. Современные монгольские ученые указывают на происхождение монголов от хуннов и восточных тюрков [История казахской 2007: 242-243; Қинаятұлы 2008: 46, 49, 217]. Период, когда по утверждению Э. Хара-Давана Чингис хан стремился «… восстановить древнюю монголо-тюркскую империю XI века», хронологически совпадает со временем усиления кыпчаков на территории Евразии и создания ими государства под названием Дешт-и-Кыпчак, и это косвенно подтверждает мысль об этнической близости көк тюрков-кыпчаков и кеке монголов [Хара-Даван 1992: 64].

Можно предполагать, что Чингис хан дал своей династии и всему государству (а значит всем своим подданым) название «Монгольской» (по Абулгазы: Мунгульской), чтобы вернуть старое название «Мэн-Гу», существовавшее еще с Хуннской империи *(Могульской - мусульманских источников)* [Бичурин 1998: 229-231; История Абуль-Гази 1854: 10, 12-14, 29-33]. По Абулгазы хану и Н. Бичурину под тюркским родом Ашина названы монголы-хунны (Дом Хунну), которые одержали победу над татарами (Дом Дунху) в 551 году, ведь в 92 году они потерпели поражение именно от китайцев и татар (дунху-сяньби) [Бичурин 1998: 229-231; История Абуль-Гази 1854: 10, 12-14, 29-33]. Сюжет легенды объясняет и то, почему Чингис хан так ненавидел своих кровных врагов татар и поэтому один из первых своих ударов обрушил именно на них. Но можно ли верить в легенду, приведенную китайцами со слов самих древних тюрков, а впоследствии интерпретированную исследователями, в частности, Абулгазы ханом, ведь между эпохой Чингис хана и временем создания Тюркского каганата лежит огромный промежуток в шесть с половиной столетий (а если считать с 92 года, более чем тысяча лет)? С позиций сегодняшнего дня однозначно сложно, почти невозможно поверить в нестертую веками многовековую историческую память, а учитывая, что и в древнетюркский, и в монгольский периоды кочевые традиции

были крепкими и незыблемыми, игнорировать такие факты не следует. И Абулгазы хан, и Н. Бичурин повествуют об одном и том же событии, когда потомки 2-х братьев (Кыяна и Нюгуза), ушедших на Алтай (Эргэнэ-кун), создали могущественное Тюркское ханство (каганат), явившееся наследником имперских традиций Хуннской (Монгольской) империи Огуз хана (Модэ кагана китайских источников).

В. Васильев отмечал, что «... это имя (монголов - автор) сначала было неизвестно его подданым и выдумано только во времена принятия им императорского титула, и что во всем этом участвовали киданьские перебежчики, которые внушили этому завоевателю китайские понятия о названиях царства, о годах правления и т.п. По этим понятиям, - писал далее исследователь - когда кто принимает императорский титул, то он назначает наименование и своей династии. Тэмучэнь принимает титул Чингисхана, что соответствует китайскому понятию о годах правления, и дает своей державе имя Монголов» [Васильев 1857: 134]. В 1890 году В. Васильев «высказал предположение о том, что Чингис хан принял название династии Мэн-гу («Возвратить старое» в его новом переводе) под влиянием киданей» [Мэн-да Бэй-лу 1975: 90]. Китайские источники свидетельствуют о большом влиянии на Чингис хана и его окружение каракитаев, которые изначально были кочевниками, но, безусловно, сильно китаизированными [Гумилев 2004: 67]. В. Бартольд отмечал, что «... когда первым лицом в Восточной Монголии сделался кераитский хан, ... Темучин принял этот титул (кагана - автор) и восстановил название рода «монгол»…» [Бартольд 1963: 447]. Из вышесказанного следует вывод, что существует прямая связь, этнополитическая преемственность между Хуннской, Тюркской и Монгольской империями, о чем, в частности, писал Л. Гумилев, что «история Срединной Азии не может быть нам понятна, если мы не учтем двух разрывов традиции: между Хунну и Тюркским каганатом и между каганатом и империей Чингис хана» [Гумилев 1993: 338].

ЛИТЕРАТУРА

Н.Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. А.: «Жалын», 1998. Т. 1.

Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. А.: АН КазССР, 1961. Киргизское родословие.

История казахской государственности (древность и средневековье). А.: «Адамар», 2007.

Мэн-да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Пер. с китайского Мункуева Н.Ц. М., 1975.

История и древности восточной части Средней Азии от 10 до 13 века. В. Васильева. СПб.: в типографии Императорской АН, 1857.
Эренжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. А.: «Крамдс-Ахмед Яссауи», 1992.
Ислам Қабышұлы. Тұран әлемі. А.: «Санат», 2007.
Лев Гумилев. Поиски вымышленного царства. Легенда о “государстве пресвитера Иоанна. М.: «Айрис Пресс», 2004.
Моңғолдың құпия шежіресі // Қазақстан тарихы туралы Моңғол деректемелері. I том. А.: «Дайк-Пресс», 2006.
Зардыхан Қинаятұлы. Шыңғыс хан. А.: «Орда», 2008.
Лев Гумилев. Хунну. Хунны в Китае. М.: «Айрис Пресс», 2003.
С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. Казахстан: летопись трех тысячелетий. А.: «Рауан», 1992.
Г.Ф. Миллер. История Сибири. Т. 1. М-Л.: изд. АН СССР, 1937.
В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968.
Рене Груссе. Империя степей. История Центральной Азии с древности до XIII в. А.: «Санат», 2003.
С.К. Ибрагимов, В.С. Храковский. М. Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в 10 в. // Вестник АН Каз. ССР. № 11, 1958.
С.Г. Кляшторный. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб, 2003.
Ляоши (аударып, түсіндірмелерін жазған Б. Еженханұлы) // Қазақстан тарихы туралы Қытай деректемелері. V том. А.: «Дайк-Пресс», 2006.
В.В. Бартольд. Тюрки. 12 лекций по истории турецких народов Средней Азии. А.: «Жалын», 1998.
А. Лызлов. Скифская история. М.: «Наука», 1990.
Е.П. Савельев. Древняя история казачества. М.: «Вече», 2010.
Б.Е. Кумеков. Государство кимаков 9-11 вв. по арабским источникам. А.: «Наука», 1972.
Лувсанданзан. Алтын шежіре / монгол тілінен ауд. А. Мауқараұлы. А.: «Өнер», 1998.
Юаньши (аударып, түсіндірмелерін жазған Ж. Ошан) // Қазақстан тарихы туралы Қытай деректемелері. V том. А.: «Дайк-Пресс», 2006.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М-Л.: изд. АН СССР, 1952.
Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. 3. Ч. 1. История Абуль-Гази. Казань, 1854.
Л.Н. Гумилев. Древние тюрки. М.: «Товарищество Клышников-Комаров К», 1993.
История монголов по армянским источникам. Вып. 2. Пер. и объяснения К.П. Патканова. СПб.: тип. Императорской АН, 1874.
С.М. Ахинжанов. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. А.: «Наука», 1989.
Батыршаұлы Бақытты. Мысыр мәмлүк мемлекетінің Дешті-Қыпшақпен байланыстары. XIII-XV ғғ. Зерттеу. А.: «Экономика», 2005.
История Казахстана в пяти томах. 1 том. А.: «Атамұра», 2010.
Манаш Қабашұлы Қозыбайтегі. Ата тарихы туралы сыр // Қазақстан Республикасы ұлттық ғылым академиясының хабарлары. 1993, №

1.
В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: изд. Восточной литературы, 1963.
Гильом де Рубрук. Шығыс елдеріне саяхат // Тарих адамзат ақыл-ойының қазынасы. 10 томдық. Ортағасырлық тарихи ой. 3 том. Астана: «Фолиант», 2005.
Уолкер С.С. Чингиз-хан. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.
С.В. Селиверстов. Казахстан, Россия, Турция: по страницам евразийских идей XIX-XXI вв. А., 2009.

«КОДЕКС КУМАНИКУС» (XIII-XIV ҒҒ.) МАТЕРИАЛДАРЫНДАҒЫ ЭТНОГРАФИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕР ЖӘНЕ ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТІ ЗЕРТТЕУДЕГІ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕР

Анарбаев Қайрат Сапарханұлы *

“Codex Cumanicus» (XIII-XIV centuries) as an ethnographic source and some questions of study of writing materials

ABSTRACT:
The article considers the importance and some issues of the study of medieval writing materials of the «Codex Cumanicus» as an ethnographic source.

KEYWORDS: «Codex Cumanicus» as an ethnographic source, Kuman-Kipchaks, ethnolinguistics, spirituality.

Ортағасырлық қыпшақ тілді жазба мұралар ішінде ең көнесі, әрі көлемділерінің бірі авторы белгісіз, тек мажар халқының бірегей ғалымы Геза Кунның дуалы аузымен, жеңіл қолымен «Кодекс Куманикус», яғни «Құмандар кітабы» (одан ары «КК») деген атауымен белгілі («Alfabetum Persicum, Comanicum et Latinum Anonymi…») жазба ескерткіші болып табылады. Бұл ескерткіштің материалдарының арнайы ғылыми айналымға түскеніне де екі ғасырдың шеңбері болды. Ескерткіш туралы мағлұматтардың жалпы көпшілікке таныла бастауына одан да көп уақыт болды. Жазба мұраны зерттеген ғалымдар да, олардың ескерткішке байланысты зерттеу еңбектерінің саны да біршама. Зерттелу сипаты жағынан алғанда жазба жәдігердің негізінен филологиялық тұрғыдан зерттеу нысаны

болғаны да белгілі. «КК»-тің материалдарын тарихи

* Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық институтының доценті м.а., т.ғ.к.
E-mail:anarbaev.1968@mail.ru

дереккөз тұрғысынан

және халықтың дүниетанымы мен мәдениетінің ескерткіші ретінде ішінара қарастырған жекеленген зерттеулер кездеседі. Олар туралы бірқатар толығырақ біз «КК» материалдарын арнайы тарихи дереккөз ретінде қарастырған ғылыми зерттеу жұмысымызда тоқталған болатынбыз [1. Анарбаев 2009]. Әрине, «КК» жеке бір халықтың ғана мұрасы деп таңып қарастырудан аулақпыз. Ол ортағасырлық түркі тілінің қыпшақ бұтағында сөйлейтін халықтарға ортақ мұра.

Соңғы уақыттарда бірқатар зерттеушілер тарапынан жазба ескерткішке кешенді зерттеулер керектігі туралы пікірлерді жиі айтылып келеді. Бізде де осы ойларға қосыламыз. Өйткені, бүгінгі қазақ халқы да ортағасырлық қыпшақ тілді халықтардың бірі және негізгі бөлігін құрайтын ел ретінде саналады. Сондықтан қазаққа да жаттығы жоқ бұл жазба жәдігердегі лингвистикалық материалдардың этнолингвистикалық маңызын ескере отырып, ортағасырлық құман-қыпшақтар мен бүгінгі қазақ халқының тарихының дереккөзі ретінде қарастырудың мүмкіндіктері бар. Оның ішінде ескерткіштегі этнографиялық деректердің бүгінгі руханият пен ғылым үшін маңызы ерекше деп санауға болады. Біз бұлай дегенде «мәдениетті материалдық және рухани деп бөлудің шартты екендігін ескерген жөн. Кез келген рухани құбылыс пен оның заттандырылған түрі – адамдық тұтас әрекеттің екі жағы» деп қарастыру керек деген ғылыми түйінді пікірлерге сүйенеміз [2. Касымжанов А.Х. 1998].

Қазақ халқының бүгінгі тарихи жағдайдағы төл мәдениеті мен дүниетанымының қайнарларын терең, әрі жан-жақты түсіну үшін олардың халқымыздың архетиптік санасындағы іздеріне үңілу қажет. Ал ол ең бірінші тілдік деректерде, әсіресе лексикада сақталады [3. Қайдар Ә. 1998]. Әрине тарихи жадының сақталуы да тек тіл арқылы ғана ғана емес, сол тілде сақталған халықтың дүниетанымы, шаруашылығы, тұрғын үй немесе баспана түрлері, құрал-жабдық түрлері т.б. арқылы да бүгінге жетіп отыр. Ең бастысы халықтың өз дәуірінде қолданған, білген, көрген заттарының, құбылыстарының т.б. атаулары лексикадан көрініс береді. Кейбір тұстарда жаңа дүниелерге атаулар беруде халық өзінің тарихи танымында орныққан ұқсас атауларды пайдаланады. Осындай жағдайларға байланысты этнолингвистикалық зерттеулердің маңызы тарих ғылымы үшін арта түседі. Сондықтан тарих ғылымында кешенді зерттеулерге көбірек назар аударатын уақыт жеткені анық. Ал, әзірге көп жағдайда бұрынғы кеңестік дәуірдегі ескі

сүрлеуден шыға алмай келеміз.

Осы орайда «КК» материалдарын тарихи дереккөз ретінде қарастыра отырып, бірқатар этнографиялық тұрғыдан маңызға ие деректердің байқалатынын айтқымыз келеді. Ортағасырлық құман-қыпшақтардың негізгі шаруашылығы көшпелі мал өсірумен байланыстығы анық. Дегенмен «КК» деректерін одан ары ғылыми талдау арқылы батыстағы құмандарда шығыстағы қалған қыпшақтармен салыстырғанда көшпелі өмір салтында кейбір ерекшеліктердің орын алғанын аңғартатын мағлұматтар да көзге шалынады. Ондай ойға ойысуға жазба ескерткіштен бөлек ортағасырлық жазба деректер де қосымша итермелейді. Мысалы, Ибн ал-Асир: "Қыпшақтар даласы қысы-жазы жайылымға бай. Оларда жазда салқын, қыста жылы жерлері мен жайылымдары мол теңіз жағалауындағы далалары бар,"– деп көрсетсе, ортағасырлық грузин деректері арқылы қыпшақтар жаз жайлауды- "айлаг" деп, ал қыстауды "қышлаг" деп атағаны туралы мағлұматтар жеткен. Кезінде Рашид ад-Дин де монғолдардың мезгілдік тұрақтарын осылай атағанын көрсеткені белгілі [4. Плетнева С.А., 1990.: 118]. Бұл мағұлматтар XIII ғасырдан кейін Батыс Дешті-Қыпшақта бұрынғы жыл бойы көшпелілікке моңғол шапқыншылығынан кейін біршама шектеулер енгізілгенін байқатады. Алтын Орда дәуірінде құман-қыпшақтар, негізінен, император (ұлы хан) көрсеткен шектерде ғана көшіп қонуға мәжбүр болған. Сондықтан енді бұрынғы кең дүниенің бейнесіндей болған жайлау ұғымын аласапыран жағдайлар біршама тарыла түскен. Сондықтан "КК"-те көрініс тапқан күтүв сөзінің мағынасы жердің тарылуымен байланысты мал жайылатын арнайы жерлерді, яғни жайылымдар түрінде көрініс тапқан сияқты. Яғни, жайылым болса, оның айналасында егіншілікке т.б. мақсаттарға арналған жерлер болған деген ой қорытындысын жасауға болады. Біз бұл атауды ескерткіштің батыс қыпшақтар жағында жазылғанын байқататын қосымша маңызға ие деректің бірі деп қараймыз. Әрине, бұл мағлұматтар қыпшақтар батысқа барғанда мал шаруашылығында түбегейлі өзгерістер орын алды дегенді білдірмейді. Жалпы тарихта малды азықтандыру үшін орасан зор жайылым қажет болған. Сондықтан қыпшақтардың көші-қоны ғасырлар бойы орныққан, белгілі бір бағыттар бойынша жүзеге асып отырған. Бірақ бұл көшіп-қонулар бей-берекет жүрмеген. Ортағасырлық деректерде әркім өз малын – қыста, жазда, көктемде және күзде қайда жаятынын білген [5. Көмеков Б.Е. 2004:45]. Сол игерілген жерлердің жер

бедеріне, табиғатына, т.б. қарай жеке-жеке атаулар да беретін болған. Көшіп-қонатын жердің өзі, негізінен, шөп түрлеріне, табиғат жағдайларына қарап та анықталған. Мысалы, түрлі шөптер өсетін жерлерде негізінен жылқы басы мол өсірілсе, қой түлігі басы жатаған шөпті аймақтарда, тау бөктерінде, шөлді далаларда, ал қара мал шалғыны мол жерлерде, түйе шөл-шөлейт жерлерде жақсы өсіп, өнді. Осыған қарай көшіп, қонатын бағыттар да анықталып отырған. Яғни, олар табиғат жағдайларына сай шаруашылықты жүргізуде өз бейімдіктерін танытып отырған. Тіпті ол жүйенің өміршеңдігінің кейбір іздерін XIX ғасыр ортасында орыс зерттеушілері (В.В. Радлов) де қазақ даласында байқағаны белгілі [6. Кумеков Б.Е. 1972:89].

Ортағасырлық құмандар үшін жүріп отыратын қақтығыстар мен соғыстар жағдайында көшіп қонуға икемді түлік жылқы малының маңызы ерекше болса керек. Сондықтан мал өсірудегі арғы түркі дәуірінен үзілмеген сабақтастықтың болуы және жазба жәдігерде төрт түлікке байланысты атаулар мен құрал-жабдық атауларында осы жылқыға байланысты атаулардың басымдығы да осындай ойларға жетелейді. Сонымен қатар «Табиғат пен климаттық жағдайлардың алуан түрлілігі көшпенді мал шаруашылығынан туындаған номадтық мәдениеттің, отырықшы егін шаруашылығынан туындаған оазистік мәдениеттің және егіншілік пен малшылық қосылған аралас («яйлак») мәдениеттің қатар орын тебуіне мүмкіндік берді» [7. Бижанова М.А. 2013:19]. Ал ескерткіштегі деректер ортағасырлық құмандардың да мәдениеттердегі осындай араластықты, ықпалдастықты басынан кешкен деген ойларға әкеледі. Батысқа жылжыған сайын олар отырықшы мәдениеттің белгілерімен терең танысып, оларды игере түскен. Ескерткіште сақталған лексика соны байқатады. Мысалы, «КК»-те латынша «castrum», яғни форт, бекініс, лагерь мағынасындағы сөзінің баламасын құман тілінде «kalaa», яғни қамал (крепость) мағынасында аударма берген [8. Kuun G. 1981:89]. Бұл да өз кезегінде көп жағдайда даладағы көшпелілерге қарағанда су жағалауларында форт, бекініс қамалдар салатын батыс мәдениетіне көбірек тән дүние деген ойларға жетелейді. Әрине құмандарға қала мәдениеті жат болмаған. XI-XIII ғғ. құмандардың иелігінде бірнеше қалалары болды. Шығыс және орыс деректерінде Шарукан, Сүгір, Балин (Балық), Судак сияқты қалалар жиі аталады. Әл-Идриси еңбегінде әл-Кумания, Қара теңіз жағасындағы Жалита (Ялта), Қара және ақ Кумания немесе Матлука, Фира, Нарус, Нуши және Кинийу, Синубули

және Мунишка, Таруйа, Аклиба сияқты бас-аяғы он екі қаласы болғаны айтылады. Бірақ, осы мәселеге арнайы зерттеу жүргізген И.Г. Коновалова олардың көлемі үлкен болмаған, негізінен қыстаулардың орнында пайда болған Шарукан, Сүгір және Балин (Балық) сияқты қалалар болмаса, қалғандары орыстардың қалалары еді деп көрсетеді [9. Коновалова И.Г.:184,185,187,189]. Қала атаулары "КК"-те де кездеседі. Олар: "бергониа", "бетлем", "бергамеске", "орленс", "остуме", "ыйонбан" [10. Құрышжанов Ә.Қ., Жұбанов А.Қ., Белботаев А.Б.: 52, 104, 105, 145] сияқты атаулармен берілген. Біздіңше, бұл атаулар да құмандар Батысқа жылжыған мезгілді байқататын деректердің бірі. Өйткені, барлығы батыс Еуропада орналасқан қалалар. Деректерге қарағанда батыстағы халықаралық сауда жолдары тармақтарының XI-XII ғғ. құмандардың бақылауында болғаны белгілі. Сондықтан олардың қалалары ірі халықаралық сауда орталықтарынан саналған. Олардың батыс мәдениетіне бейімделе түскенін дәстүрлі шығыстық сәулет ескерткіштері мен қатар батыстық қала атауларының және кейбір сол батыс өнеріне тән архитектуралық атаулардың жазба ескерткіште көрініс табуы да одан ары айқындауға мүмкіндік беретіндей, Әсіресе отырықшылықтың ең басты белгілері ретінде тұрғын үйлер салу мен жер өңдеуге байланысты деректерді атап көрсетуге болады. "КК"-те тұрғын үйлерге қатысты өв- яғни үй, сығыныч-баспана, тулықма-ағаш қора, үй, тараж немесе тулық-балкон, алачық-лашық, очақ-ошақ, боқорық-ошақ, бурғу-труба, кебіт-үй, кибитка, қовақ-тошала, қойма, диуар немесе диварүй қабырғасы, дуал, көревул-дуал, қабағ-қақпа, керпіч-кірпіш, кесек, қаңа: тақта қаңа- еден (ағаш еден), кіреч- әк тас, терек-негізінен тек құрылысқа керекті ағаш екені белгілі, қонақлық-қонақ бөлмесі, ағынғыч- саты, басқыш, тараж-саты, басқыш, фанар-фонарь, отлуқ-мұржа [10] сияқты атаулардың кездесуі этнографиялық тұрғыдан ерекше мәнге ие. Осылардың ішінде ескерткіште келтірілген латынша «балкон» сөзінің аудармасын «тулық» деп, яғни көшпелі елдің танымындағы атаудың отырықшы мәдениетке қатысты қолданылғаны бүгінгі күні балконды «қылтима» деп аударып жүрген біздерге берер сабағы да жоқ емес. Жалпы осындай жайттар дәстүрлі Дала өркениетінің іздерін байқатады. Ол өркениеттің іздері тек материалдық мәдениетінде ғана емес, руханиятынан да көрініс береді. Осы жерде «КК» материалдарында сақталған ортағасырлық құмандардың дүниетанымдарын да айқындауға көмегі бар деректер туралы айтпауға болмайды. Олардың наным-сенімдері

мен дүниетанымдарын жалпы түркілік дәстүрден бөліп алу қиын. Тіпті олар кез келген озық мәдениеттерді де тікелей емес, өзіндік танымдарымен ғана қабылдаған. Кезінде көрнекті кеңес түрколог Ә.Н. Нәжіп парсы тіліндегі «Хұсрау уа Шырын» түпнұсқасы мен қыпшақ-оғыз тіліндегі «Хұсрау уа Шырын» нұсқасының өзек арқауы бір екенін атай келе, бұл дастанның Құтып жасаған аударма нұсқасын жартылай төл туынды, дербес роман деп бағалайды [11. Келімбетов Н. 2005: 271]. Ол шындық еді. Өйткені, ақын Құтып аудармашы ретінде Низами жасаған жеке көріністерді егжей-тегжейлі қайталап жатпаған. Дәл осыдай ұқсастықтар «КК» мәтіндерінен де байқалады. Әсіресе оны жазба ескерткіштегі сөздік бөліміне қарағанда, құман жұмбақтары мен діни мәтіндерде орын алған құмандардың поэтикалық тұрғыдан қайта жырлаған діни гимндерінен де анық байқауға болады. Кезінде «КК» ескерткішіндегі діни мәтіндерге ғылыми талдау жасай неміс ғалымы А.фон Габэн кезінде “КК”-тің “неміс бөлімі” деп аталып жүрген бөлімінде (екінші бөлімі) кездесетін діни мәтіндер мен жұмбақтарды ерекше зерттеу нысаны етіп келе оларды құмандардың ауыз әдебиеті үлгілері деп қарастыруға болатынын айтты. Ғалымның осы тұжырымының дұрыстығы болгарлық түркітанушы ғалым М. Моллова, венгр ғалымдары Ю. Немет, А. Титце, румын ғалымы В. Дримба, орыс ғалымы С.Е. Малов, қазақстандық ғалымдар Ә.Қ. Құрышжанов, А,Н. Гаркавец т.б. еңбектері арқылы айқындала түсті.

Біздіңше «КК»өте көрініс тапқан христиан діні мәтіндерінің құманша аудармалары арқылы жоғарыда айтылғандай жайттарға ұқсастықтарды аңғаруға болады. Інжілде қара сөзбен айтылған уағыздар құмандар тарапынан поэтикалық немесе қара сөзбен тұрғыда далалық дәстүр мен дүниетанымға сай қайта өңдеумен берілгенінің іздері анық байқалады. Және ол іздерді жай көзі қарақты оқырманның өзі ескерткіштің зерттеуші ғалым А.Н. Гаркавец тарапынан орыс тіліндегі аудармасындағы мәтіндік салыстырулар арқылы тез байқай алады. Мысалы, Інжілде айтылатын Адам Атаның жұмақтан қуылғандағы Жаратушы сөзінің құманша мәтінде: «Emganip, terlep, qinalip, andan tamagin beslagil! Qacan bogday sacarsen, aar qovra biter, alabota, tigenek dagi kukel biter» және Інжілдік нұсқадағы « Адаму же сказал: за то, что ты слушал голоса жены твоей и ел от дерева, которому Я заповедовал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя: со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы проирастит она тебе; и будешь питаться полевою; в поте лица твоего

будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» деген жолдарды салыстырулардан да байқалады [12. Гаркавец 2006:13]. Яғни құмандар христиан дінінің дұғаларын өздерінше қайта өз дүниетанымдарымен орайластыра жырлағаны байқалады. Бүгінге дейін «Қазақ фольклорының тарихы» деген ұғым мен зерттеу дәл өз мағынасында арнайы түрде күн тәртібіне өз деңгейінде қойылмай келе жатыр деген пікірлер бар. Оның да бірнеше себептері болды. Ең басты себептердің бірі, ғылымда фольклорды жеке көркем жүйесі бар, көп өзіндік белгілерімен ерекшеленетін руханият деп түсінбей, оны көркем әдебиеттің бір саласы деп ұғыну орныққан еді. Фольклордың тарихы көркем ойдың даму тұрғысынан емес, әлеуметтік тұрғыдан, езілуші таптың шығармашылық қабілетін дәріптеу мақсатында зерттелді.

Ескерткіштегі бірқатар сөздер қолөнерге тікелей қатысты екенін құман жұмбақтары ішіндегі “uzun, uzun sirgalak….,” деген сөз тіркестеріндегі сырғалақ аспабының атауының кездесуі де анықтай түседі [8. Kuun G. 1981:146]. Ал сырғалақ - құр тоқығанда қолданатын қолдың алақаны сияқты төрт тесігі бар аспап. Оны өрмекті күзусіз, серусіз тоқығанда қолданады. Бұл аспаптың жұмбақ болып жасырылуы, құмандар өмірінде жиі қолданылған немесе ұшырасқан зат екенін байқатады. Сондықтан құмандардың қолөнері негізгі шаруашылығы - мал шаруашылығымен тікелей байланысты дамыған деп санауға негіз бар. Олар күнделікті киетін киім үлгілерінен бастап, сәндік және үй бұйымдарын жасауда мал өнімдерін пайдаланған.

Қорыта айтқанда, бір мақала шеңберінде жазба ескерткіш материалдарының этнографиялық дереккөз ретіндегі мәні мен мазмұнын көрсету мүмкін емес. Біз ғалымдар назарын «КК-тегі» этнографиялық деректерге аудара отырып, оларды ғылыми талдауға алу арқылы тарихымыздың кейбір ақтаңдақ тұстарын түгелдеудің мүмкіндіктері бар екеніне аударғымыз келеді.

ӘДЕБИЕТ

Анарбаев Қ.С. Ортағасырлық құман-қыпшақтар тарихының мәселелері («Кодекс Куманикус» материалдары бойынша)// кан. диссертация. – Алматы -2009 ж.-150 б.

Касымжанов А.Х. Стеллы Кошо-Цайдама. – Алматы: ТОО «Компания Printing systems», 1998. – 113 с.

Қайдар Ә. Қазақ тілінің өзекті мәселелері. – Алматы: Ана тілі, 1998. – 304 б.

Плетнева С.А. Половцы. – Москва: Наука, 1990. – С. 208.
Көмеков Б.Е. Қыпшақтар // Жалын, 2004. – № 2. – 34-45 бб.
Кумеков Б.Е. Государство Кимеков IX-XI вв. по арабским источникам. – Алма Ата: Наука, 1972. – С. 156.,
Бижанова М.А. Түркі даналығындағы бақыт метафизикасы /З.К. Шәукенова және С.Е. Нұрмұратовтың жалпы редакциясымен/ – Алматы: ҚР БҒМ ҒК ФСДИ, 2013. – 204 б.
Kuun G. Codex Cumanicus. Budapest, 1981. – 395 p.
Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идириси. – Москва: РАН, Восточная литература, 1999. – С. 254.
Құрышжанов Ә.Қ., Жұбанов А.Қ., Белботаев А.Б.. Куманша-қазақша жиілік сөздік. – Алматы: Ғылым, 1978. – 277 б.
Келімбетов Н. Ежелгі дәуір әдебиеті (Қазақ әдебиеті бастаулары). –Алматы: Атамұра, 2005. – 336 б.
Гаркавец А.Н. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII-XIV вв. – Москва: Русская деревня, 2006. – С. 89.

НЕПОЛИВНЫЕ КУВШИНЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРЕЗМА

Саипов Садулла Турсынбаевич*

Unglazed mensal jug of Middle Ages Khorezm

ABSTRACT
The article describes one kind of Ceramics, unglazed mensal jug of Middle Ages Khorezm. They can be divided into grey and red mugs in colors. The first ones are divided into six and the second ones into three types. Some of them have Several Subtypes. This ceramics hand-make is spread widely on the most of monuments on the south Aral Sea. In the period of Middle Ages finds its analogs in other regions by the Surrounding district. It confirms our thesis about cultural deal in ceramics production the period of development of Middle Ages.

KEY WORDS: jar, grey-clay, red-clay, type, form, bucket, black burnished.

Среди керамических находок средневековых памятниках Южного Приаралья часто встречается неполивные кувшины закрытого типа. Они являются массовыми материалами из керамических изделий. По свету черепка эти изделия разделяется на сероглиняную и красноглиняную. Всем им свойственны узкое или широкое горловина, плечико, вытянутый или приземистое туловище, плоская или кольцевидная донцо,

* Каракалпакский государственный университет, старший научный сотрудник-соискатель, sadullasaipov@mail.ru

уплощенно- овальная или пластинчатовидная ручки. Ниже мы проанализируем неполивные изделия этого вида.

В составе сероглиняной керамики из средневековых памятников Хорезма XII-XIV вв. часто встречаются находки столовых кувшинов в фрагментах или археологически целых форм сосудов. Сероглиняные кувшины хорезмшахского и золотоордынского периодов по морфологическим и декоративным признакам почти одинаковы. Однако формы и орнаментальные мотивы сосудов XIII-XIV вв. более совершенны. Золотоордынские кувшины в преобладающем большинстве, имеют низкие круглые в сечении ручки. По многочисленным образцам кувшины подразделяются на шесть типов.

I- тип узкогорлый кувшин со сливом (рис.1. 1). Он имеет высоту 32 см, широкая часть тулово 24 см, толщина стенок 1- 2 см, округлая ручка прикреплено к горловину и на тулово. Тулово имеет яйцевидной формы, донцо плоское, от горловины до донцовой части с наружи имеет рифленый орнамент в виде параллельных линий. Второй вариант этого типа сероглиняного кувшина имеет высоту 26 см, широкая часть диаметра 22 см, диаметр устье со сливом 6 см, плоский диаметр донцо 14 см, толщина стенок 0,6-1,0 см, округлая ручка возвышается над венчиком (рис.3. 1). Венчик с наружу имеет пальцевое вдавливания, на плечике процарапанный орнамент в виде елочки. Кувшин был найден в жилом помещение №3 в городище Пульжая (Рис.2.12). [Саипов, 2013:218-220].

Более распространенный вид кувшинов является широкогорлые сосуды II –типа. Они имеет широкое горло, приземистое, крупное, шаровидное, горизонтально рифленое тулово (рис.1.3,4,7,8,12; рис.2. 1,2,8,9,10; рис.3. 2,3). Их высота колеблятся от 20 до 30 см, широкая часть тулово от 18 до 26 см, диаметр венчика 8- 12 см, все они имеет плоское донцо, толщина стенок 0,8- 1,5- 2,0 см. Сосуды изготовлены на гончарном круге из тщательно отмученной глины без добавки примесьей. Некоторые из них орнаментированы, имеют декоративную обработку. Часть узкогорлых и широкогорлых кувшинов имеют орнаментацию в виде штампованных, процарапанных насечек и чернолощеных узоров. Плечики кувшинов орнаментировались черным лощением вертикально-пересекающихся или параллельных горизонтальных мотивов. Описанные узкогорлые и широкогорлые кувшины имеют малые формы, они известны по материалам Миздахкана и в памятниках периферийной зоне

с Устюртом (рис.1.4,7,8; рис.2. 6,9,10). Одноручные кувшины вышеописанных типов краснолощеном варианте в большом количестве найдены в помещении № 1 «Юго-западном квартале» городище Миздахкан. Судя по обилию продавленных кувшинов в положение «in siti» здесь их складировали. Об этом также свидетельствуют расположенные впритык к помещению № 1 две гончарной печи [Кдырниязов, Искендерова, Саипов, 2004:102-105].

III- тип кувшин, узкогорлые с прямыми венчиками. Они известны по материалам средневекового Замахшара, Даудан-Кала и в окрестностях Ярбекира и датируется XII-XIV вв. [Вактурская 1959: 306-307; Кдырниязов 2015: 188]. Всем им свойственны узкое горлышко, имеет прямой венчик диаметром 0,4-0,9 см, приземистое тулово, широкая часть, которой 22-30 см. Они были снабжены ручкой округло- овального или округло-подтреугольного сечения, прикрепленной верхним концом на венчик или к основанию горла, а нижним концом на тулово сосуда (рис.1.2,9,10; рис.2.7,14,15).

IV- тип кувшины узкогорлые с носиком («афтоба»). Они представлены несколькими экземплярами. Кувшины с носиком высотой 25-28 см, длина носика обычно 4-6 см, с высоким вертикально- волнистым профилем, орнаментированы спускающимся по плечам прочерченным линейным узором Снабжены ручкой округло- овального сечения, не возвышающая высоты сосуда. Ручка прикреплена верхним концом к основанию горла. Дно плоское диаметр 12-14 см. В комплексе керамики Миздахкана и Пульжай собрано значительное количество образцов узкогорлых кувшинов, украшенные по плечикам прочерченным узором в виде вертикальных полос («верх–вниз») и концентрических кругов с выемчатыми фестонами по краю венчика горла. Отдельным типом этого вида кувшинов являются узкогорлые сосуды с коническим носиком–«кумганы» (рис.1.11; рис.2. 4). Аналогичные формы и их орнаменты находят в материалах Куня–Уаза (XII–XIII вв.) [Вактурская,1959:205,рис.21,3-4] и Миздахкана (XIII – XIV вв.) [Кдырниязов, Кдырниязов О.-Ш, 2010:137,рис.2,3-4].

V-тип сосуды составляет кувшины - «ведро». Они имеет широкое горло, над венчиком возвышается округло- овальная ручка, прикрепленной края сосуда, корпус довольно высокий, слегка изогнутыми стенками. Они изготовлялись из тонкого тщательно приготовленного глинного теста и отличаются особенно высоким качеством выработки. Поверхность черная, бле-

стящая (рис.1. 6)

VI- тип кувшины со штампованным орнаментом составляют особую группу. Тесто штампованных изделий плотное, в изломе светло–серое, редко темно–серое. Формировались сосуды со штампованным орнаментом по частям. Оттиснутые полушаровидные половинки сосудов и изготовленная на гончарном круге горловина, а также нижняя часть (кольцевой поддон– ножка) склеивали глиняной смесью. Овальная в сечение ручка, крепилась одним концом ниже венчика к середине горла, другой к середине тулова (рис.1.5). Верхняя часть таких кувшинов орнаментировалась способом в технике контррельефа, т.е орнамент получили с помощью штамп–калыба в форме «чаши». Верхняя часть кувшинов этого типа орнаментирована зооморфным, растительным и геометрическим орнаментом. Аналогии таких форм находят в памятниках Южной Туркмении. Появление этого типа керамики в памятниках Хорезма Н.Н.Вактурская связывает с XIII – XIV вв. [Вактурская, 1959:306]. В золотоордынскую эпоху изящные штампованные кувшины экспортировались из городов Южного Приаралья в города Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма [Панина, Волков, 2000: 91].

Новой разновидностью кувшинов собранные из городища Миздахкана являются цилиндрической формы сосуды с плоским и устойчивым дном. У них высокий, прямой корпус, горизонтально штампованный сетчатый орнамент, повторяющийся через интервал. Поверхность покрывалась черным ангобом и лощением. Придонная часть корпуса оформлена растительным орнаментом в виде плодов осоки. (рис.2. 3). В отличие от предыдущих образцов неполивной керамики на раскопанных участках Миздахкана и Пульжай часто встречаются сероглиняные кувшины, изготовленные на гончарном круге. Наружная поверхность покрыта темно–серым ангобом, ручки округло–подтреугольные в сечений, высоко подняты над венчиком. Диаметр в сечений 2 – 3 см, толщина стенок от 0,4 – 0, 6 см. В изломе видны примеси дресвы. Такие сосуды известны по материалам Шах-Санема, Кияжол и датируется Н.Н.Вактурской XII – XIII вв. [Вактурская, 1959:304-305].

В основном, хорезмийские сероглиняные кувшины с чернолощеным узором орнаментировались XIII-XIV вв. Форма этих кувшинов преимущественно простая, они имеют высокое прямое горло, округлые плечи, вытянутый корпус,

горизонтальное каннелирование или гладкую поверхность с лощением.

Кроме сероглиняных кувшинов из городище Пульжая и караван- сараев Устюрта XIII-XIV вв. встречаются красноглиняные кувшины. Они по определению М.-Ш. Кдырниязова делятся на три типа:

Тип- I широкогорлые кувшины с ручкой или без нее. Высокое округло-яйцевидное тулово, плавно суживается к плоскому дну (рис. 2. 5,6,13).

Тип- II узкогорлые кувшины, венчик утолщен или сильно отогнут наружу. (рис.2.11).

Тип -III узкогорлые кувшины со сливом. Последний тип кувшинов иногда повторяет формы сероглиняных кувшинов XIII-XIV вв. [Кдырниязов 2015: 193]. (рис. 3.4-7).

В ходе археологических работ 2014 г. в «южном поселении» восточной части крепости Гяур-кала Миздахканской были обнаружены многочисленные фрагменты керамики афригидской (VIII-X вв.) и хорезмшахской эпохи (XI - нач. XIII вв.). К ним прежде всего относятся фрагменты красноглиняных и целые формы светлоглиняных кувшинов афригидской культуры (рис.3. 4-7). Они снабжены широкой пластинчатой ручкой с продольной бороздкой, верхним концом прикреплена к горлу у края. Плечи у кувшинов сравнительно широкие, более или менее скругленные и большей или меньшей мере покатые. Дно небольшое, плоское, со следами ножевых срезов. Стенка кувшина в изломе красно- кремовая. Поверхность покрыта светлым кремовым ангобом. Такие кувшины было найдено в комплексах предметов в Куня- Уазе, Хайван-Кале и Замахшаре, датируется IX- XI вв.[Вактурская 1959:275, рис.2].

Среди массовых материалов Шемаха калы, караван сараев и курганов кыпчакского времени Устюрта XIII-XIV вв. встречаются кувшины с красным лощением [Кдырниязов,1989:89-92; Кдырниязов, 2015:195]. Среди них кувшины с уплощенно-овальной ручкой, с стройным яйцевидным туловом и невысоким прямым горлом. Их в основном производили в золотоордынских городах Поволжья и Пруто-Днестровья [Федоров-Давыдов,2001:39-48; Полевой,1969:117].

В периферийных зонах на севере оазиса среди красноглиняных неполивных изделий встречаются кувшины с высокой горловиной. Они по типологии золотоордынской керамики Нижнего Поволжья относятся к амфоровидным кувшинам. Им характерны плоское донце, стройное яйцевидное

тулово, крепящееся к венчику плечико, уплощенно – овальные ручки. Подобные типы амфоровидных кувшинов по форме, орнаментации и расцветке лощения находят близкие аналогии среди неполивной керамики Нижнего Поволжья [Михальченко, 1973:121-122]. В большинстве случаях, они орнаментированы, близко схожи друг к другу элементами: они, как и хорезмские чернолощеные изделия, украшены геометрическим узором (концентрические круги, радиальные линии и в виде «сетки»). Образцы этих изделий кроме Пульжай найдены на других памятниках Устюрта и в Миздахкане.

Ранее в литературе отмечались, что появление неполивной красноглиняной керамики с лощеным орнаментом являлось результатом торгового импорта Хорезма из Поволжья [Бижанов, Лоховиц,1969: 54-59; Манылов,1982: 115]. Однако, последние исследования показали, что по привозным образцам поволжской керамики в северных, примыкающих к Устюрту, районах могли производиться местные неполивные изделия с краснолощеным орнаментом [Кдырниязов,2015:194].

Таким образом, неполивные кувшины является самым из массовых материалов среди керамических изделий, они широко использовались повседневном быту. Несмотря на местный характер производства, некоторые из них находит свою близкую аналогию соседних регионах.

ЛИТЕРАТУРА

Бижанов Е.Б., Лоховиц И.В. Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье // ВКК ФАН РУз, 1969, № 2. С. 54-56. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // ТХАЭЭ, т.IV, М., 1959 г. С. 261-342.

Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв. Нукус, 1989, 174 с.

Кдырниязов М.-Ш, Искендерова А Дж, Саипов С.Т. Гончарные печи средневекового Миздахкана // Вестник ККО АН РУз, 2004, № 1-2. С. 103-106.

Кдырниязов М.-Ш, Кдырниязов О.-Ш, Кочевнический компонент и демография золотоордынского города Хорезма (XIII-XIV вв.) // Известия НАН РК. Алматы, 2010. С.133-143.

Кдырниязов М.Ш. Культура Хорезма в XIII-XIV вв. Самарканд. 2015. С. 318.

Манылов Ю.П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // АП, вып. 1, Ташкент, 1982. С.93-121.

Михальченко С.А. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА, 1973, № 3. С. 118-132.

Панина Э.Л., Волков В. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000. С. 91-92.

Полевой Л.Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969, 211 с.

Саипов С.Т. Золотоордынская керамика Пульжая.// Поволжская археология, 2013, №4 (6).С. 214-225.
Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика, торговля, быт.- М.: Изд. МГУ. 2001.

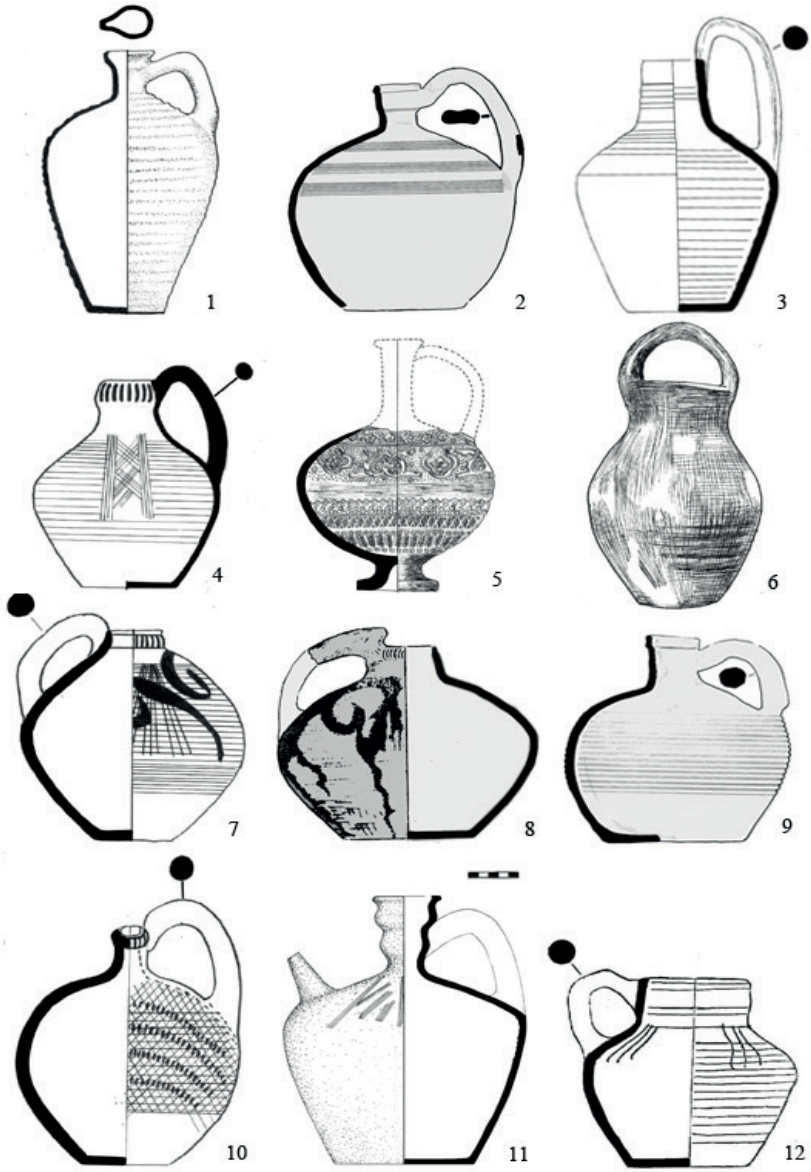


Рис.1. Неполивные кувшины средневекового Хорезма.

Рис.2. Неполивные кувшины средневекового Хорезма.

Рис. 3. 1-3- сероглиняные кувшины XI-XIII вв., 4-7- красноглиняные кувшины IX-XI вв.

УЙСУНЫ В ДЕШТ-И КЫПЧАКЕ В XIII-XV ВЕКАХ.

Сабитов Жаксылык Муратович*

Uysuns in Dasht-i Kypchak in XIII-XV centuries

ABSTRACT:
In this article, the author examines the history of the tribe Uysun on the territory of Dasht-Kipchak in XIII-XV centuries. Using written sources and oral sources of data, the author reconstructs the history of the tribe. Author used the following sources: Kazakh and Bashkir shezhire, Nogai heroic epos "Ahmed, son of Isa", Tatar epos "Amat son Aissa" to reconstruct the history of this tribe. The author research the biographies of Maiky-bi Uysun and Ahmed, son of Isa.

KEY WORDS: Maiky, Amet, Uysun, the Golden Horde, Shezhire.

История племени Уйшин редко становилась предметом отдельного научного исследования. Как писал Рашид ад-Дин, племя Хушин (Уйсын, Уйсун) «относится к тюрко-монголським племенам, называемым дарлекинами» [Рашид ад-Дин 1952а: 221]. Рашид ад-Дин выделял из данного племени известного Борагул-нойона, погибшего в войне с туматами. Он был старшим эмиром правого крыла, степенью ниже Богорчи арулада [Рашид ад-Дин 1952а: 171]. Он имел сына по имени Джубукур-Кубилай (жил в эпоху Угедея) и дочь по имени Ушчин, которая была женой Хубилай-хана и родила ему сына Аячи [Рашид ад-Дин 1952а: 171-172].

Также Рашид ад-Дин отмечает, что Чингиз-хан отдал Джучи старшего эмира Хушидай-Байку вместе с войском. Данный Байку командовал правым крылом Бату, пока сам добровольно не попросил отставку по достижению почтенного возраста. Удивительно, что на свое место он попросил Бату назначить пасынка Ельдеке, из племени джурьят [Рашид ад-Дин 1952а: 172].

Но при этом, среди эмиров Джучи Байку и Хушидай названы как разные люди. Хушидай обозначен как родич Боорчи, а Байку назван как эмир, управляющий войском правой руки. [Рашид ад-Дин 1952б: 274].

В "Таварихи Гузидайи Нусрат-наме" Байку назван как ушунский Байку-Батун-нойон [Мустакимов 2013: 239].

* Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева. Доцент Кафедры политологии PhD. babasan@yandex.ru

Мустакимов И.А. считает, что Хушидай и Байку это один человек и что Хушидай-Байку можно перевести как Хушинский Байку [Мустакимов 2013: 249]. По нашему мнению Хушидай Байку это известный в Монгольском языке совместный падеж, так что данное выражение можно переводить как Байку вместе со (своими) хушинами. Также стоит отметить, что возможно Рашид ад-Дин ошибся и вместо Борагула в примечаниях к Байку написал Богорчи из племени арулад (Борагул и Богорчи очень часто вместе упоминаются). Таким образом, надпись о родстве Байку и Богорчи стоит понимать как надпись о родстве Борагула и Байку, которые были родом из одного племен Хушин.

Как мы знаем, племя хушин (уйшин) оказалось в улусе Джучи и было пожаловано Тука-Тимуру, сыну Джучи. Мы считаем, что вилайет асов, пожалованный Тука-Тимуру представляет собой не владение на Кавказе, а именно город Яссы (современный Туркестан), что не противоречит данным о том, что улус Тука-Тимура находился в составе левого крыла. Таким образом, пришедшие в Казахстан уйсуны стали проживать в районе современного Туркестана.

Отождествление Байку хушина с Майкы-бием уйсуном считается достоверным большинством ученых. Как известно из Казахских шежире, у Майкы-бия был сын Бахтияр. Его имя стало ураном (боевым кличем) казахов Старшего жуза [Масанов 2011: 103], среди которых генеалогические потомки Майкы-бия преобладают по численности

Валиханов Ш.Ш. писал о том, что у Майкы-бия был сын по имени Абак [Масанов 2011: 100], но по другим казахским шежире Абак (он же Аксакал), сын Уйсила (брат Исы уйсуна), сына Бахтияра, сына Майкы-бия. Также можно предположить Абак это сокращенное имя или прозвище Бахтияра (Бак-тияра), сына Майкы-бия, означающее Ап-ак (Белый-пребелый).

Интересными выглядят сведения об Абак беке, предке крымского рода Яшлау. Около 1260 года Абак бек из рода Кудалак (Кудлак, Кудалан) переселился вместе со своим племенем с берегов реки Волга в Крым. Завоевал еврейский город Кырк, поселился между городом Кырк и рекой Альмой на полянах в молодом лесу, за что получил прозвище Яшлав (Яшлау) [Сидоренко 2015: 265]. Возможно, данный Абак был сыном Майкы-бия и поэтому его родственники Иса и Тулук-Тимур из рода Уйсун жили и были правителями в Крыму. Кудалак же можно этимологизировать как Сваты, от слова «Куда», которое переводится как Сват.

Другим вариантом отождествления может быть вариант, что данный Абак является предком казахского родового подразделения Абак-Керей, который происходил из Старшего жуза (видимо, был из рода Уйсун) и был женат на дочери Карабия из рода Керей [Масанов 2011: 166].

Следующим известным уйсуном в истории Золотой орды был Амет (Ахмет), сын Исы. Исторический персонаж под именем Амат (иначе Амат-Хамат, Ахмет или Амет) встречается в различных источниках. В Дафтари Чингиз-наме сказано, что «Сын уйсуна Исы Амет похитил дочь хана Джанибека», также, что «Салчи был рожден от дочери хана Джанибека, сыном Исы был Амет-Казый, сыном Сафи является Кинзя, они также являются уйсунами». Также стоит отметить, что Амет сын Исы уйсуна был отмечен среди списка 17 беков хана Джанибека [Мустакимов 2009: 276].

В башкирском шежире рода Юрматы сказано, что в эпоху хана Амат-Хамата (ориентировочно 811 год по хиджре) были также ханы Джанибек и Аксак-Тимур. Юрт Амат-Хамата из-за набегов и войн распался и юрматинцы бежали в другие места [Башкирские шежере 1960: 31-35]. Ахметзянов М., приводя легенду, придерживается прочтения: Амат, сын Айсы [Ахметзянов 2011: 114]. Отождествляя Ису уйсуна с одноименными персонажами других летописей, Мустакимов И.А. предположил, что известный Иса гурген это либо Иса уйсун, либо можно присоединится к версии Юдина В.П. и Де Виза Д., которые считали, что Иса гурген Ибн Батуты это и есть Исатай кият [Мустакимов 2009: 279]. Почекаев Р.Ю. считал, что Иса гурген это Иса уйсун [Почекаев 2011: 149], а Иса и его брат Тулук-Тимур были представителями рода Кият [Почекаев 2011: 150]. Тем самым он объяснял большие связи Киятов с Крымом, где «у Мамая были родовые земли». Здесь можно обратиться к первоисточникам. У Ибн Батуты было два Исы: первый был братом Тулук-Тимура, эмира Крыма, а второй был зятем и тестем хана Узбека одновременно и был одним из четырех карачи-беков. Если первый был из второго эшелона элиты, то второй был из первого. Как мы знаем у Утемыш-хаджи приближенный Узбек-хана, который помог ему встать во главе Золотой Орды был Исатай кият.

1. Если исходить из тождества этого Исатая кията с Исой из Крыма, то получиться, что этот Иса после того как помог Узбек-хану взойти на трон был сослан в Крым, где не имел должности, а должность эмира Крыма стал занимать его брат

Тулук-Тимур. В то время как неизвестный до этого Иса уйсун сделал карьеру и стал карачи-беком при Узбеке. Данное развитие событий встречает слишком много противоречий.

2. С точки зрения бритвы Оккама, проще всего следующее объяснение Исатай кият помог Узбеку овладеть троном и оставался при нем, в то время как Иса и Тулук-Тимур были уйсунами и правили в Крыму. Как мы знаем, потомки Тулук-Тимура и Исы были правителями Крыма. После Зейн ад-Дина Рамадана (после 1350 года) правителем Крыма был «Алибек, сын Исы, сына Тулук-Тимура» [История Казахстана в арабских источниках 2005: 259]. Ибн Батута отмечает, что у Тулук-Тимура был брат Иса и сыновья Кутлу-Тимур и Сарубек [История Казахстана в арабских источниках 2005: 210].

Как отмечал Смирнов В.Д.: «последнее упоминание о Тулук-Тимуре относится к 1338 году, а в 1340 году в Мекку ездил Сейф ад-Дин Солгати, зять Мелик-Тимур, наместника Крымского» [Смирнов 2005: 129]. Исходя из контекста, Смирнов В.Д. отождествлял Тулук-Тимура и Мелик-Тимура. Согласно венецианской грамоте, в 1358 году Кутлук-Тимур заключил соглашение с венецианцами. Смирнов В.Д. отождествляет его с Кутлу-Тимуром, сыном Тулук-Тимура (из сообщения Ибн Батуты), чьим предшественником был Рамадан [Смирнов 2005: 139]. Григорьев А.П. и Григорьев В.П. полагают, что Рамадан стал наместником не позднее осени 1349 года, а Кутлук-Тимур сменил Рамадана еще осенью 1357 года [Григорьев 2002: 174].

3. Ногайский героический эпос Ахмет, сын Айсула. Согласно этому эпосу отца Ахмета звали Айсул, а мать Таукеев или Ай-слу [Сикалиев 1994: 88-89]. Айсул согласно эпосу ненавидит Джанибека, а Ахмет становится охранником на пиру у Джанибека, стоя у входа [Сикалиев 1994: 93], а в момент их первой встречи Ахмет не уступает дорогу хану [Сикалиев 1994: 100]. Айсул также является сыншы, знатоком породистых лошадей [Сикалиев 1994: 113]. Коня Ахмета называют Кара-ат [Сикалиев 1994: 117]. Когда на страну нападают внешние враги Ахмет спасает Джанибек-хана от гибели. Возлюбленную Ахмета зовут Шаарбек [Сикалиев 1994: 127], она является дочерью Джанибек-хана и была обещана перед битвой «самому храброму воину», коим оказывается Ахмет, спасший хана от гибели Антагонистом Ахмета является Темир, сын богача Бугалы, который первым дезертировал в битве. Джанибек-хан ставит условие Ахмету, он выдаст свою дочь за того, кто выиграет шахматы в паре Ахмет-Темир. В итоге выигрывает Ахмет, которому в кри-

тический момент помогла Шаарбек [Сикалиев 1994: 128-129]. Не получив согласие на брак Ахмет и Шаарбек бежали в Кавказские (Черкесские) горы [Сикалиев 1994: 148]. В ходе преследований Ахмет сталкивается в боях с Алау из рода Алшин и царевичем Бердибеком, сыном Джанибека [Сикалиев 1994: 132]. В итоге Ахмет погибает со своей возлюбленной.

Здесь стоит отметить, историчность сюжета, его совпадение с другими источниками. В эпоху Джанибек-хана было два эмира с именем Тимур. Первый из рода Ак мангыт, а второй сын Могул-Буги из рода Кыпчак. Вполне возможно, Темир, сын Бугалы это Тимур, сын Могул-Буги (Могул-буга трансформировалось в Бугалы). Таким образом, данный конфликт был конфликтом региональной Крымской элиты (точнее клана Уйсун) против клана Кыпчак, принадлежащего к элите первого уровня.

4. Казахское шежире рода Сргелы-Уйсун. Помимо всех этих источников есть еще один источник: казахское шежире. Согласно преданиям казахов: у Майкы-бия уйсуна был сын Бахтияр, который умер еще при жизни отца. У Бахтияра была два сына Ойсыл и Уйсил. Майкы-би выделил своим внукам по 10 тысяч воинов [Садибеков 1994: 37]. У Уйсила был сын Абак (Аксакал), у которого был сын Караш-би. У Караш-би были сыновья Байдибек и Байдуыл. У Байдуыла был сын Шакшам, основатель немногочисленного казахского рода Шакшам. У Байдибека от байбише (старшей жены) Сары был сын Сары Уйсын, предок одноименного рода. От другой жены Домалак-ана у Байдибека был сын Жарыкшак. У Жарыкшака было три сына Албан, Суан, Дулат (предки одноименных казахских родов) [Садибеков 1994: 41]. У Ойсыла было 30 сыновей, из которых далее в легенде встречаются Арыстан, Бораш, Турымбет, Сырымбет (предки казахского рода Сиргелы), Жалмамбет (предок казахского рода Ошакты), Жарымбет (предок казахского рода Шапырашты), Жанас (предок казахского рода Ысты) [Садибеков 1994: 38].

При хане Джанибеке Турымбет был его приближенным. Жена Сырымбета Избике была ханской ткачихой. Хан Джанибек за ее труды подарил еей золотые ножницы, поэтому ее называли Алтын кайшылы Избике (Избике «Золотые ножницы»). У хана Джанибека была единственная дочь, она в доме Избике познакомилась с Борашем. В итоге они начали встречаться и дочь Джанибека забеременела. Слухи дошли до хана, Джанибек посоветовался с везирем Кыргикабаком. Тот, завидуя им, посоветовал хану наказать детей Ойсыла строго. Джанибек устроил той, куда пригласил всех детей Ойсыла. Для

них было установлено 90 юрт. Когда гости расселись по юртам, хан Джанибек приказал отпустить коней с привязи. Когда люди сидели спокойно по юртам, был организован крик «Враг напал». «Разбойники» начали нападать на гостей, те которые вырвались, не могли уехать на конях. После убийства всех гостей, были убиты младенцы, беременным женщинам вспарывали животы. Визирь хана не мог вытерпеть такую жестокость и уехал в Жагалбайлы. Место где были убиты дети Ойсыла было названо Оликты. Арыстан и Турумбет были во время нашествия в других местах. Услышав о бойне, они собрали воинов из родов Алшын (Алчин) и Дулат и выступают против хана Джанибека. На войне погибают хан Джанибек и Арыстан [Садибеков 1994: 39-42].

У Ойсыла остались следующие потомки: У Жанаса от жены Жупар был сын Ысты, у Жалмамбета от жены Карашаш был сын Ошакты, у Жалмамбета от жены Мапыраш был сын Шапырашты. Байдебик-би (внучатый племянник Ойсыла) по законам левирата, после смерти этих трех детей Ойсыла, взял в жены их жен и усыновил Ысты, Ошакты и Шапырашты [Садибеков 1994: 42].

Бораш был женат также на дочери Кыдырбая (сын или внук Алау алшина, известного из списка беков хана Джанибека [Мустакимов 2009: 275]), из рода Алшин и у него остался сын Кобысай, который воспитывался у нагашы (родственники матери). Его потомков называют Байулы-Сиргелы [Садибеков 1994: 42-43].

У Сырымбета жена Избике после его смерти вышла замуж за его родного брата Турымбета. От Сырымбета она имела двух сыновей с именам Нан и Тола. От Турымбета она родила сына Маната. Дочь Джанибека родила сына от Бораша и передала его Избике. Избике назвала его Конырдек. Потомки Нана, Маната и Конырдека назывались Уштанбалы (3 тамги) [Садибеков 1994: 44].

Здесь стоит отметить, что в Казахских шежире сохранялись не столько имена людей, сколько их лакабы (прозвища), что приводило к тому, что в шежире почти никогда не дублировались «имена». Вполне возможно помимо прозвища и имени, они имели и мусульманские имена.

Мы вполне можем предположить, что легенда об Ойсыле у казахов является отражением реальных исторических событий, протекавших в эпоху хана Джанибека. Ее дополняют и подтверждают данные легенде об Амате, сыне Айсы (Исы).

Но при этом встречаются такие детали, которые не встречаются в других версиях легенды. Например, шежире (генеалогии) потомков Майкы-бия, имена сыновей Ойсыла, кто воевал с ханом Джанибеком.

Таким образом, можно предположить тождество таких персон как Ойсыл уйсун, внук Майкы-бия уйсуна и Иса (Айса) уйшун (налицо лингвистическое сходство), Амат (Хамат, Ахмет) по нашему мнению тождественен Борашу, а Салчи тождествен Конирдеку. По нашему мнению, Амат-Хамат является трансформированной видоизмененной формой имени Ахмет (Ахмат). Это косвенно подтверждается тем, что отец Амата носил мусульманское имя Иса, таким образом можно предположить, что и сын носил мусульманское имя Ахмет. А его настоящим не-мусульманским именем было имя Бораш. По нашей точке зрения, уйсуны были очень тесно связаны с Крымом. Тулук-Тимур, брат Исы был правителем Крыма при Узбек-хане. Его племянник Алибек (сын Исы) был правителем Крыма в 1350-х годах (видимо не долго). Кутлук-Тимур, сын Тулук-Тимура был правителем Крыма видимо сразу же после кратковременного правления Алибека (поэтому его называли приемником Рамазана). Вполне возможно, после того как Алибек (в казахской легенде назван как Алихан) стал наместником Крыма в 1350-х годах случилась та самая история с тем, что его брат Ахмет (Амет, Бораш) стал встречаться с дочерью хана Джанибека. При этом первоначально хан Джанибек об этом не знал, но узнав об этом, был возмущен и устроил бойню сыновьям и потомкам Ойсыла (Исы уйшина). Видимо тогда Алибек был убит или смешен с поста крымского наместника и на его место был назначен его двоюродный брат Кутлук-Тимур, сын Тулук-Тимура. В войне с Джанибеком погиб и Арыстан, брат Алибека. Поэтому официальная дипломатия постаралась забыть краткое правление Алибека, называя Кутлук-Тимура непосредственным преемником Рамазана. Лишь сохранившиеся известия из арабских источниках, позволяют нам утверждать, что преемником Рамадана был Алибек, сын Исы, а уже потом его преемником стал Кутлук-Тимур, его кузен.

Исхаков Д.М. и Измайлов И.Л. отмечают, что у золотоордынского хана Булата (1364) отмечается также советник карачи-бек Пир-Махмуд из клана Уйшин [Исхаков, Измайлов 2007: 158]. В то время как в ногайском варианте эпоса Едиге упоминается такой военачальник как Нукай Исуньский [Сикалиев 1994: 291].

Если доверять шежире как источнику, то башкиры рода Табын происходят от Майкы-бия [Башкирские шежере 1960: 155-165]. Согласно Казахским шежире потомками Майкы-бия являются следующие подразделения рода Уйсун: Сргелы, Дулат, Сары-Уйсун, Ысты, Шапрашты, Ошакты, Албан, Суан, Шакшам.

Таким образом, подводя итоги статьи, стоит отметить, что история рода Уйсун на территории Золотой орды была насыщенной. Наиболее известными его представителями являлись родственник Борагула Майкы-бий (Байку), живший в эпоху Чингиз-хана, Джучи и Бату, а также Ахмет (Бораш), сын Исы, происходивший из Крымской ветви рода Уйсун и живший в эпоху Джанибек-хана.

ЛИТЕРАТУРА

Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Том 1 часть 1. М. 1952. 222 с.

Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Том 1 часть 2. М. 1952. 316 с.

Мустакимов И.А. Джучи и Джучиды в «Таварихи Гузида Нусрат-наме» (некоторые проблемы перевода и интерпретации хроники)// Тюркологический сборник 2011-2012. Москва. 2013. С. 231-254.

Масанов Н.Э. Кочевая Цивилизация Казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы. 2011. 740 с.

Сидоренко В.А. Монетная чеканка Кырк Йера и Каффы в истории Крымского ханства (1442-1475 гг.)//Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск XX. Симферополь. 2015. С. 263-302.

Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о предках Мамай-царя//Тюркологический сборник 2007-2008. Москва. 2009. С. 273-283.

Башкирские шежере. Уфа. 1960. 305 с.

Ахметзянов М.И. Дастан «Амат, сын Айсы»// Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 4. Казань. 2011. С. 114-118.

Почекаев Р.Ю. К вопросу о составе господствующего класса Золотой Орды - династии сановников // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В. П. Костюкова. Астрахань: Астраханский ун-т, 2011. С. 145-154.

История Казахстана в арабских источниках. Т.1. Алматы. Дайк-Пресс. 2005. 711 с.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты. Том 1. М. 2005. 542 с.

Григорьев А.П. Григорьев В.П. «Коллекция золотоордынских документов 14 века из Венеции». Санкт-Петербург. 2002. 276 с.

Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск. 1994. 328 с.

Сабитов Ж.М. Эмиры Узбек-хана и Джанибек-хана//Золотоордынское обозрение. №2. 2014. С. 120-134.

Садибеков З. Казак шежіресі. Ташкент. 1994. 144 с.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III - середина XVI вв.). Институт истории АН РТ. Казань: Школа, 2007. 356 с.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ): ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

Ситдиков Айрат Габитович*

Резюме:

Музеи под открытым небо одна из важных форм формирования культурного пространства, приобретающее все большее значение. Болгарское городище являющееся свидетельством существования городской жизни крупнейшего европейского средневекового государства Волжская Болгария представляет объект обладающий всемирной универсальной ценностью. Болгар занимает важное место и в мусульманской культуре народов России. Реализация проекта по сохранению этого памятника в 2010 году позволило обеспечить условия по сохранению и музеефикации этого памятника под открытым небом, обеспечив и возможность посещения его туристами, сделав его привлекательным для разных социальных и конфессиональных групп.

Ключевые слова: археология, история, Болгар, музей, наследие, средневековье, Европа, Россия, Татарстан, ЮНЕСКО

В последние годы Казань, как центр этого региона включен в целый ряд успешных культурных проектов, которые развиваются Министерством культуры РФ, особенно таких как «Великий Шелковый путь» и «Великий Волжский путь», Возрождение Болгара и Свияжска» и др.

Во многих странах Европы и Азии культурное наследие играет важную роль в музейном строительстве (Санксэн (Стокгольм), Сенэндре (Венгрия) и т.д.). Оно позволяет не только сохранить объекты бытовой культуры в виде музейных объектов, но и актуализировать их, насытить музейным, историко-культурным и археологическим содержанием.

Немалое значение играет в музейном показе и «живой культуры», нематериального наследия. Площадки с подобными формами организации работают ныне в Татарстане в Казани (Старотатарская слобода), остров-град Свияжск, Болгар и Елабуга, а также других регионах России. Поволжье испытывает явный дефицит особых интерактивных зон для туризма и отдыха. Тема «Золотая Орда» является прекрасным объектом для реконструкции и музейного показа особенностей истории и культуры Евразии и организовать мероприятия по их реконструкции.

Основой для возникновения крупнейшей средневековой

* Институт археологии АН РТ, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Евразийской цивилизации стало рождение Монгольской империи от Приморья до Подунавья. Здесь активно функционировала торговая магистраль караванов с системой караван-сараев. Вместе с этим путем развиваются города – Каракарум, Хаджитархан, Селитряное (Сарай ал-Махруса), Царевское (Сарай ал-Джадид), Водянское (Гюлистан), Увекское (Укек), Солхат, Маджар, Кафу, Болгарское (Болгар), Казань (Болгар ал-Джадид), Билярское (Биляр).

Различные регионы, культуры и цивилизации взаимодействовали в этой евразийской империи. Здесь и кочевая степь с юртами и скотоводческим хозяйством, и развитые города с многоэтажной каменной застройкой и системой водоснабжения и канализации, имеющих восточный (мусульманский) облик – с мечетями, квартальными банями и караван-сараями, а также с особым центральноазиатским колоритом – подпольной системой отопления домов, черепичными крышами и т.д.

Взаимодействие цивилизаций оставило богатейшее историко-культурное наследие, отразилось на духовной и материальной культуре многих народов по всей Волге, соединяясь с Великим Шелковым путем. Во всех регионах – Поволжье, Кавказ, Крым, Дальний Восток, Центральная Азия до настоящего времени сохранилось множество объектов исторического, культурного и природного наследия, отражающего этот этап мировой истории.

Волго-Уральский регион представляет собой исторически сложившуюся хозяйственно-культурную и историко-этнографическую область. Особое место в истории региона занимает период истории Золотой Орды, возникшая в 40-е гг. XIII в. на западе Монгольской империи. В языковом отношении здесь проживает славянское (русские, украинцы, белорусы), тюркское (татары, казахи, башкиры, чуваши) и финно-угорское (мордва, марийцы, удмурты и т.д.) население, а также многочисленные торговцы из Азии и Европы.

В 2014 году исполняется пять с начала реализации комплексного проекта по сохранению и изучению Болгарского историко-археологического комплекса, начатого по инициативе М.Ш.Шаймиева при поддержке руководства Российской Федерации. Значительным результатом проекта стало формирование нового музейного пространства на территории этого уникального памятника. Одним из важных этапов музеефикации историко-археологического комплекса стало открытие в мае 2013 года в Болгаре Музея Болгарской

цивилизации. Средневековая болгарская цивилизация являет собой уникальный историко-культурный феномен, зримо демонстрирующий место и роль болгар в формировании и развитии тюрко-татарской, славянской, финно-угорской и др. культур Восточной Европы. Экспозиция музея, занимающая около 2 тыс. кв.м (30 % общей площади здания), раскрывает экскурсантам историческую роль древнего Болгара в становлении и развитии болгарской цивилизации как ключевого этапа формирования татарского этноса и как важного явления мировой истории и культуры.

В Музее Болгарской цивилизации представлены подлинные музейные предметы из собрания Болгарского музея-заповедника (в том числе и полученные в ходе раскопок последних лет), а также воспроизведения музейных предметов из коллекций крупнейших музеев России (Государственного исторического музея, Музеев Московского Кремля, Государственного Эрмитажа и др.) и зарубежья. В экспозиции активно использованы новые информационные технологии. Музей Болгарской цивилизации является центральным при формирования музея под открытым небом на территории Болгарского городища. Музейное пространство памятника с сохранившимися уникальными памятниками эпохи Золотой Орды расширяет свои музейные возможности остановится доступнее для его посетителей.

Музеефикация рассматривается как сохранение, изучение и демонстрация объектов, традиций, технологий, идей и мировозрений в виде экспозиционных инсталляций, исторических реконструкций, арт-объектов и сценариев заданного ролевого поведения посетителей.

Предлагаются следующие подходы: традиционный музейный объект; историческая реконструкция с интерактивным ролевым поведением и театрализацией; историческая реконструкция ремесленно-строительных традиций навыков и умений проводимых в течении обоснованного требованиями технологий времени; обозначение безпредметных сюжетов идей и образов с помощью арт-объектов и использованием современных технологий.

Тематическое путешествие – исторические рассказы-реконструкции сопровождаемые перемещениями групп посетителей по маршруту с ролевой театрализацией. Интерактивный спектакль происходит во времени и пространстве маршрута. Комплекс используется как база

для организации образовательной работы с детьми в области традиционного гончарного, кузнечного искусств, ткачества, прядения, столярного и камнерезного дела, кружков исторических реконструкций, зооуголка и т.п.

Многолетняя успешная реализация этих программ привела к тому, что в настоящее время город Болгар стал крупнейшим центром в Среднем Поволжье по изучению и сохранению культурного наследия. Каждое лето на раскопки этого исторического памятника приезжают специалисты в области археологи и смежных дисциплин из ведущих научных центров России и зарубежья. Болгарское городище и стали местом притяжения как молодых ученых-археологов, так и студентов из таких городов как: Санкт-Петербург, Салехард, Симферополь, Екатеринбург, Волгоград, Красноярск и др.

Признание мировым сообществом усилий по изучению и сохранения памятника является и включение Болгарского историко-археологического комплекса в 2014 году в число объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ТАТАРЫ: ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ЭТНОГЕНЕЗА

Ушницкий Василий Васильевич*

Central Asian Tatars: questions of ethnic history and ethnogenesis

ABSTRACT:

This paper analyzes the information about the Central Asian Tatars present in ancient Turkic runic inscriptions in the Chinese dynasties of Tang, Song, Liao, Jin. In the writings of Rashid al-Din they act as a powerful tribe, previously dominant in Central Asia. Mahmud Kashgar relates them to the Turkic-speaking peoples, who have their own language. S.G.Klyashtorny Yu.A.Zuev and examining information of runic monuments and Chinese sources of various dynasties, came to the conclusion that even heycheztsy-Shivei participated in the ethnogenesis of Tatars Bulr Nurskoy ie Bogie Kangly and Sogdians - sog-po.

KEY WORDS: Tatars, Central Asian, tribes Shivei, Sogdians, Mongols of Chenghis Khan

---

* Кандидат исторических наук, н.с. сектора этнографии ИГИ и ПМНС СО РАН voma@mail.ru специализируется по ранней этнической истории и этногенезу саха и средневековых племен Центральной Азии.

В истории Центральной Азии есть исчезнувшие племена, именами которых названы многочисленные народы. Прежде всего, это татары. Вплоть до начала второго тысячелетия н.э. о татарах Центральной Азии мало было сведений, научной информации. Конечно, современные татары всегда интересовались своими предками. Сложилось мнение, что татары – это название монголоязычных шивей, которые потом стали именоваться монголами, названием одного из племен татарского обьединения. Имя самих татар сохранялась лишь за одним из племен Монголии, полностью истребленных Чингисханом. Величие и гибель племени татар в своем труде описал Рашид ад-Дин. В конце своего научного пути замечательные советские тюркологи С.Г.Кляшторный и Ю.А.Зуев оставили прекрасные научные труды, посвященные центральноазиатским татарам. Из них перед нами предстает ушедший мир загадочных номадов Центральной Азии – татар.

Историография Рашид ад-Дина согласно которому, татары в древние были «покорителями и владыками большей части племен и областей, выдаваясь своим величием, могуществом и полным почетом» [Рашид-ад-Дин 1952: 102], продолжает вызывать постоянные споры среди исследователей. С.Г.Кляшторный предполагает, что персидский автор имел в виду домонгольский период в истории Центральной Азии, когда татары контролировали обширную зону степей от Монголии до Ганьсу [Кляшторный 1993: 139-147]. В.В.Трепавлов пришел к выводу, что утверждение о прежнем могуществе и известности татар восходит к временам Жужаньского каганата и прочих монгольских кочевых объединений. Этноним татар С.Г.Кляшторный возводить к имени кагана кочевых жужаней Татань, ставшего обозначением нового народа.

По мнению С.Ш.Казиева, часть отуз-татарских племен могла иметь огузо-уйгурское происхождение, а монголоязычные татары, будучи выходцами из сяньбийских племен, испытывать мощное влияние тюрков. Татары, имевшие давние связи с уйгурами и сеяньто, мигрировали на запад и участвовали в образовании кимакской конфедерации. На востоке, в «коренном юрте», татары унаследовали политические традиции уйгуров, противоставив себя монголам [Казиев 2014: 380].

Татары относились к кругу шивейских племен, имевших наиболее интенсивные контакты с тюркоязычными племенами, и могли общаться на тюрко-монгольском пиджине. Другим аргументом сторонников монгольского происхождения кимаков

и кипчаков являются сообщения средневековых мусульманских источников о татарском происхождении кимакского династийного рода. С.Ш.Казиев считает не решенным вопрос о том, являлись ли сами татары Восточной Монголии однородной мощностью, или у них присутствовал мощный тюркский компонент [Казиев 2014: 378].

Считается, что после ухода основной массы огузо-уйгурского населения на запад территорию Монголии с X–XI вв. постепенно заселяли монголы, вышедшие из своей прародины – Большого Хингана и верховий Амура. Продвижение монголов на запад «сопровождалось вытеснением и ассимиляцией местных тюркоязычных объединений и группировок» [Кызласов Л.Р., 1975, с. 171]. Как полагает китайский исследователь Илинчжэнь, буир-нурские татары управлялись христианизированной тюркоязычной знатью [Кычанов, 1997, с. 178].

Историк из Внутренней Монголии Сайшиял племя татар считает тунгусским по происхождению. С древних времен они кочевали вокруг озер Кулун и Буир по краю современной Внутренней Монголии. Усиление татар приходится в IX в, тогда относится их массовое переселение на Запад, когда они заняли исконно уйгурские земли, образовав союз татарского аймака. Так называемые «татары девяти родов», кочевавшие по долинам рек Тола и Орхон, стали кереитским аймаком, «гажилские» татары стали онгутским аймаком, «татары гочинского рода», кочевавшие в районе озер Кулун и Буир, стали собственно татарским аймаком, главным племенем. Упомянутый в 732 г. союз татарского аймака был первым союзом всех аймаков Монголии. Аймаки соединившиеся с татарами, также себя называли татарами. Этот союз распался под ударами киданей, но среди монгольских племен татары оставались самым сильным племенем [Сайшиял 2006: 90].

Этнонимы «татар» и «тат» считаются словами тюркского происхождения, Но они использовались тюрками только для обозначения «чужаков», то есть народов, не говорящих по-тюркски. Так различные тюркские племена своих нетюркских соседей называли словом «тат». Тюркские племена своих монголоязычных соседей также называли «тат» или «тат-ар» (‘тат’ – ‘чужой’, ‘не-тюрок’, ‘ар’ – ‘мужик’).

Согласно реконструкции С.Е.Яхонтова, иероглифическое написание датань произносилось в V в. н.э. как *dadar/*ta-tar. «Отуз татары» - та самая группа племен, входивших ранее в государство жуаньжуаней, которая сплотилась в 20-е гг.

V в. вокруг Датаня/Татара. По реконструкции С.Е.Яхонтова, иероглифы жоужань в своем звучании для середины 1-го тыс. н.э. должны быть переданы, с некоторыми вариантами, транскрипцией *nonor. Этот термин обозначил племени вождем [Кляшторный 2010: 161].

Китайский автор Ван Мин-цзи писал, что в старину татары были пастухами коров у уйгуров. В конце IX в. кыргызы в верховьях Эдзин-гола подчинили себе татар, и татары согласились платить дань уже кыргызам. В X-XI вв. могло существовать по меньшей мере два татарских анклава – у озера Буир-Нор, где-то в районе западной Ганьсу и к северу от этого района. Тангутскому императору Юань-хао подчинились татары, проживавшие к северу от Сучжоу и в горах Хэланьшань. Однако позже тангутский документ не называет татар в качестве народа, проживавшего в тангутском государстве Великое Ся. На китайской карте государства Ся XI в. татары трижды обозначены как северные соседи Ся [История татар 2009: 66-67].

Согласно С.Г.Кляшторному и М.Горелику, татары с X-XII вв. обитали вдоль Великой Китайской стены от Синьцзяна до Маньчжурии [Кляшторный 1993: 139-147; Горелик 2013: 51-56].

Спорным является языковая принадлежность буир-нурских татар. Поскольку татары отождествляются с шивеями, то подразумевается их монголоязычие. Но есть и авторы, считающие татар тюркоязычными. Так Махмуд Кашгари относил татар к тюркоязычным этносам, однако указывая, что у них имеется и свой (нетюркский) язык. Татары упоминаются в тюркских рунических надписях с 732 по 760 гг. [Кляшторный, Султанов; 2000: 133-134]. В X-XI вв. под именем цзубу татарские племена осваивают всю территорию Монголии. Недаром, Махмуд Кашгарский – живший в XI в., называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью» [Кляшторный 1993: 144].

По словам С.Г.Кляшторного, ключ к поиску иных территорий расселения татар в X—XII вв. содержится в упоминании Ли Синьчуаня о «границах татар» от Линьхуана (совр. Сира-Мурен) на востоке до границ Си Ся на западе и от Цзинчжоу на юге (близ г.Гуйхуачэн в Суйюани) до киданей на севере [Мункуев 1975: 51; Кляшторный 1993: 139-147]. Следовательно, все «шесть татарских юртов», упомянутых Рашид ад-Дином, занимали большую часть степной и горно-степной зоны Монголии и Северного Китая [Мункуев 1975: 51;

Кляшторный 1993: 139-147].

Со ссылкой на Рашид ад-Дина, утверждается, что еще в глубокой древности, то есть в дочингизову эпоху, существовало шесть отдельных татарских «государств» [Юрченко 2002: 131]. Однако Рашид ад-Дин просто говорит о существовании отдельных шести племен татар: татары-тутукулйут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй, имевших каждый своего вождя и войско [Рашид-ад-Дин 1952: 103]. Здесь интерес представляют этнонимы: алчи и чаган. В Эллэйаде упоминается персонаж по имени Чыкын-Эллэй.

Вообще Алтан Тобчи буир-нурских татар называет могущественным народом, Рашид ад-Дин считает их одним из 15 крупнейших тюркских народов, чей юрт насчитывал 70 тысяч дворов. В целом, наряду с тангутами и чжурчжэнями татары были многочисленным, но почти полностью уничтоженным войсками Чингисхана народом. Но следует полагать, что как и эти многочисленные народы они просто сменили лицо, превратившись в другой этнос, ибо не могли исчезнуть без следа в огне сражений охвативших Монголию и близлежащие страны в пору возвышения Чингисхана.

В истории династии Тан, где рассказывается о падении Уйгурского каганата, упоминаются хэйчэзцы (чернотележники) шивеи, которых Ю.А.Зуев считает обьединением Канцзюй. По утверждению Ю.А.Зуева, область Канцзюй в IX в. продолжал существовать в северной части Внутренней Монголии и востоке Большого Хингана. Следовательно, это область находилась примерно на том самом месте, где позднее фиксируются татары Буир-Нура. Ю.А.Зуев считает шивэев тождественными татарам [Зуев 2002: 105], поэтому хэйчэчжи шивэев можно считать тележными татарами. Именно к ним бежал Уцзю-каган, собрав все остатки Уйгурского каганата.

Согласно Ван Го-Вэю, в киданьской империи Ляо термин «татары» считался уничижительным. Вместо него употреблялось слово «цзубу» (по Виттфогелю, он происходит от тибетского «сог-по» — пастухи, кочевники [Гумилев 2002: 99-100].

Ли Фанцзюнь предположил, что под названием «сог-по» фигурировали ираноязычные согдийцы, вернее, потомки согдийских колонистов, составлявших значительную часть населения центральноазиатских городов в тюркское и уйгурское время, т.е. те же сартаулы – сортолы. Тибетской передачей термина согдак, было Сог даг, Сог по. В хронике династий

Ляо и Цзинь термины Сог по соответствовала китайская запись цзубу, цзупу. Со временем это слово стало названием тюрков-татар и монголов Внутренней Монголии [Зуев 2002: 161].

Сайшиял утверждает, что татары были самым сильным племенем Монголии до возвышения Чингисхана. Аймаки, соединившиеся с татарами, тоже назывались татарами. Внутри союза татары постоянно грабили слабые племена, эксплуатировали их [Сайшиял 2006: 90]. В 1195 г. татары и цзиньцы (чжурчжэны) окончательно поссорились из-за добычи, награбленной во время совместного похода против монгольских аймаков. Татары мгновенно двинули войска и окружили императорскую армию. Полководец Ван Чинсэн воспользовался оплошностью татар, глухой ночью вырвался из окружения. Татар стали преследовать войска другого чжурчжэнского полководца Ван Анкуве, именно к этому времени подоспели войска союзников Цзиньской империи Ван-хана и Чингисхана. В лагере убитого ими татарского царя нашли золотую колыбель, покрывало, украшенное дорогими камнями [Сайшиял 2006: 91-92].

Еще два сражения дали неукротимые татары Чингисхану, сражались с ним и в лагере его противника Джамухи. В местности Далан-Нэмургес были разгромлены четыре татарских аймака. Их в бой вел вождь белых татар Алгудор. Третье сражение также происходило в этой местности. Постольку враг был свирепым, то Чингисхан приказал войскам при случае отступления, возвращаться на место в случае контратаки, грозя смертной карой. После боя, победители всех мужчин убили, женщин и детей отдали в качестве рабов и слуг семьям монголов [Указ.соч.: 100].

Татары хоть и были противниками Чингисхана, были насильно включены в его армию и служили в качестве боевого авангарда, отчего в Европе именем татар стали обозначать монгольских воинов и племена. Победное имя татар шло впереди монгольских войск, но со временем татары оказались истреблены, поскольку в сражениях их всегда посылали вперед [Юрченко 2006: 32]. Это известие укрепилось в Европе, еще со слов папских послов П.Карпини и Г.Рубрука побывавших в Орде и венгерского монаха Юлиана. Они с удивлением поведали, что татары – это не имя завоевателей, а покоренного народа. Так Г.Рубрук узнал, что татары – это было одно из племен, живших рядом с монголами и способствовавших возвышению Чингисхана, которых он «повсюду посылал вперед… и отсюда

распространилось их имя, так как везде кричали “Вот идут татары”. Но в недавних частых войнах все они были перебиты» [Измайлов, Исхаков, 2007: 170].

И.Л.Измайлов заявляет, что внимательное чтение источников заставляет полагать, что даже сам разгром буир-нурских татар не носил такого тотального характера, как пишется в ССМ и в «Сборнике летописей». Есть сведения о тысячах, сформированных из татар, а алчи-татары занимали довольно высокое положение в клановой иерархии. Тот факт, когда имя татар, вырезанных кто был выше колеса вдруг распространилось на всех монголов породил ряд глубокомысленных догадок, как и когда и остатки татар, вдруг стали именоваться монголами. Механизм этого камуфляжа западными путешественниками и современными историками объясняется просто. Татары должны были нападать первыми, поэтому их грозное имя распространилось на все завоеванные монголами страны, так и включенные в состав монгольской армии вспомагательные подразделения из покоренных народов [Измайлов 2011: 38-55]. Однако и китайские источники говорят о том, что Чингисхан и весь его народ из черных татар, что имя монгол им навязал Чингисхан, в память о уничтоженном им, воинственном народе.

Этническую историю центральноазиатских татар можно разделить на несколько этапов. 1. Шивэй. Общемонгольский период (VI – VII вв.). Предки татар принадлежали к южным шивеям, известным в качестве племени Улухоу. 2. Шивэй-татары (VIII-IX вв.). В рунических надписях были известны в качестве токуз и отуз-татар. В районе Буир-Нура обитали хэйчэчжэ-шивэи, тележные шивэи. Ю.А.Зуев их отождествлял с канглами. 3. Татарское великодержавие (X-XI вв.). В киданьских источниках были известны как цзубу, что воспринимается как тибетское сог-по (сак). В начале XI в. часть шивей ушла от киданей на юг, к горам Иньшань, затем распространились на запад до реки Керулен. Татары обитали вдоль всей Китайской стены вплоть до Джунгарии. Сложение отдельного племени татар в территории современной Внутренней Монголии в результате ассимиляционных процессов ими были поглощены ираноязычные согдийцы. В татарский союз племен цзубу входили кереиты, найманы и меркиты, возможно и монголы. 4. Буир-нурский период (XII в.). Выделились в результате распада цзубу. Соперничество с монголами привело к катастрофе, хотя именно татары способствовали распаду государства Ха-

маг-монголов и улуса Есугея.

ЛИТЕРАТУРА

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т.I, кн.1 - 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 221 с.

Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.,: Наука, 1993. –С. 139-147.

Казиев С.Ш. Кипчаки: концепция этнической истории // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. – М.: ИЭА РАН, 2014. – С. 282-423.

Кызласов Л.Р. Ранние ***монголы //*** Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск, *1975. – С. 176.*

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Изд. фирма «Вост.литер» РАН, 1997. – 320 с.

Сайшиял. Сказание о Чингисхане. Перевод со старомонгольского Норпола Очирова. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». – 2006. – 576 с.

Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история Евразийских степей. – СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2010. – 328 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – 1056 с.

Горелик М.В. Центральноазиатские татары начала второго тысячелетия (по данным костюма) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 2. – С. 51-56.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское Востоковедение («Orientalia»). 2000. – 320 с.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 560 с. – (Азиатика).

Мункуев Ц. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Перевод Ц.Мункуева. – М: Наука, 1975. (Памятники письменности Востока. С.XXVI). – 228 с.

Гумилев Л.Н. Тысячелетия вокруг Каспия. – М: ТОО «Мишель и К «, 1993б. – 335 с.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.

Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. – СПб.: Евразия, 2002. – 478 с.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 356 с.

Измайлов И.Л. Татары в империи Чингиз-хана и его наследников: триумф побежденных // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А.Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им.

Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 38-55.

ТОҚТАМЫС ХАННЫҢ ҚАБІРІ ЖӘНЕ ОЛ ЖӨНІНДЕГІ ТАРИХИ, ФОЛЬКЛОРЛЫҚ ДЕРЕКТЕР

Қорғанбеков Болат Сағынбекұлы*

Tomb of Toktamysh Khan and historical, folk evidences about it

ABSTRACT:
The article disproves conclusions, which were established in the historical science that khan of the Golden Horde Toktamysh was killed by Shadibek khan on the Siberian land. The author, based on historical and folk facts, suggests that body of Toktamysh khan was buried in Toktamys mountains of Zhanakorgan district, Kyzylorda oblast, and his head in Toktamyshevo village, not far from Tomsk city. The author offers to reveal verity of this suggestion with the help of archeological excavations.

KEY WORDS: The Golden Horde, historical folklore, Toktamysh khan, Edige, Timur.

Түркілер тарихында шындығы айқындалмаған түйткілдер сансыз. Соның бірі – Тоқтамыс хан тарихы. Тоқтамыс ханға қатысты басы ашық тұрған мәселелер көп. Тіпті ол туралы әбден орығып қалған деректердің де күмәнді тұстары жеткілікті. Біз мақаламызда осы мәселелерді түбегейлі шешуді міндет еткен жоқпыз, тек өзіміз көтергелі отырған жайттың да осындай көп түйткілдің бірі екенін білдіре отырып, оның дұрыс шешілуі көп жұмбақтың сырын ашуға септігі тиетініне назар аударамақпыз.

Біздің әңгімеміз Қазақстан Республикасының Қызылорда облысы, Жаңақорған ауданы, Қыраш ауылының әкімшілігіне қарайтын «Тоқтамыс тауы» аталып кеткен жердегі ескі зираттармен байланысты. Оның солтүстік-шығысында 7 шақырымдай жерде Қосүйеңкі, солтүстік-батысында 12 шақырымдай жерде Қыраш, 16 шақырымдай қашықтықта Бірлік ауылдары орналасқан. «Тау» дегеннен гөрі «төбе» деп атауға лайықты осы қырдың басында тастан үйілген ескі қабір белгісі бар. Сондай-ақ оның шығыс жағын айнала қоршаған осындай қабір іздері сақталған. Мұны халық Тоқтамыс хан мен оның қырық (кейде қырық екі) нөкерінің зираты дейді. Бүгінгі

* Филология ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің доценті

жұрт бұл Тоқтамыстың кім екенін анық білмейді. Алайда ел аузындағы әңгімелер оның Алтын Орда ханы Тоқтамыс Тойғожа-Оғыланұлы екеніне мегзейді. Сондықтан бұған көңіл бөлген ғалымдар мен зерттеушілер, журналистер де оны осы хан Тоқтамыс деген тоқтамға келген. «Едіге» жырында айтылатын Тоқтамыс туралы деректер де осыған саяды. Жырда Едігеден ыққан Тоқтамыс әуелі Телікөлге барып паналағаны, одан кейін Көкүлдінің көліне қашқаны суреттеледі [Бабалар сөзі 2007: 37] (Ш.Уәлиханов, Ә.Дибаев нұсқаларында).

Қабірлі төбенің Қосүйеңкі жақ бетінде жаудан қашқан адам паналауға аса қолайлы, дәл жанына барғанға дейін байқала қоймайтын терең көл бар. Дәл «Едіге» жырында айтылғандай ну қамысты. Қазір ел оны жай ғана «тоған» деп атайды. Олай атайтын жөні бар, өйткені көлге жеті бірдей бұлақ құяды. Бір кезде ол көлдің «Көкүлді» аталғанын айтып отыратын үлкендер болған деседі. Ал Телікөл – Қызылорда обылысының Жаңақорғанға көрші Шиелі ауданы аумағындағы, Бетпақдала шөлінің шегіндегі көл.

Осы Тоқтамыс тауына қатысты ауызекі деректерді дәл осы жердің тумасы, марқұм, көрнекті жазушымыз Дүкенбай Досжан да өз әкесінен естіп, оны хикая етіп жазып кеткен екен. Хикаяның аты «Әмір Темірмен ұстасып нең бар еді, ханзадам» [Досжан 2012: 529-540] деп аталады. Онда көл жағасында тынығып жатқан Тоқтамыс жасақтарының ішінде жансыздар болып, солардың айтуымен түн жамылып келген жау қапыда басып, ханды барлық нөкерлерімен қырып тастағаны баяндалады. Жазушының әкесі айтқан мәлімет бізге ертеректе айтылуымен құнды. Сондай-ақ ол кісі орта ғасырларда Қаратаудың күнгей беті өзен-көл, орман-тоғай, бұлақтарға толы болғанын да тілге тиек еткен. Яғни әңгіме бұл жердің қашқындардың көзге түсуінен сақтайтын өлке болғанын жеткізуімен де маңызды. «Едіге» жырының көптеген ұлттық нұсқаларында Нұраддин Тоқтамысты таулы, орманды жердегі көл жағасында өлтіреді. Мәселен, Нұртуған айтқан қазақ вариантында бұл жер «Қалыңшылық орманды Күншығыстың тауында» [Бабалар сөзі 2007: 307] деп жырланады. Д.Досжан хикаясында 1973 жылы Тоқтамыс тауындағы зиратта ескі кесене қалдығы болғанын да мәлімдейді. Бұларға қоса, жазушының әкесінің әңгімесіндегі «Тоқтамыс хан», «хан ием» деген сөздері де зираттың Тоқтамыс хандікі екенін, ол көне заманнан осылай айтылып келе жатқанын дәлелдейді.

Д.Досжан әкесінен естіген әңгімеден соң бұл мәселеге

мән бере бастаған болуы керек, кейін жұрт аузында айтылып жүрген бұған қатысы бар мәліметтерге құлақ түріп жүргені байқалады. Сондай әңгімелердің бірін тағы бір кітабында былай баяндайды: «Тоқтамыс 40 шақты адамымен аталмыш бұлақтың жағасында демалады. Іштерінде екі-үш сарбазы жансыз болып шығып, Тоқтамыс пен ұйқыда жатқан жолдастарын шетінен бауыздап қырып салады. Ертеңіне азанда сол елдің дихандары осы жағдайдың үстінен түсіп, ішіндегі шалажансар бірінен «Тоқтамыстың қолы едік» дегенді ғана ұғып, бәрін жерлепті. Содан бастап ол жер «Тоқтамыс» деп аталыпты» [Досжанов 1997: 14-15]. «Едіге» жырында да Едігенің ұлы Нұраддин (Нұралын) Тоқтамысты қуып барып, оны Көкүлдінің көлінде өлтірген кезде ханның бір нөкерінің бәйтерек түбінде ұйықтап жатқаны баяндалады. Қадырғали Жалайыри өзінің «Жамиғат тауарихында» Тоқтамыстың қашып жүрген кезінде қарауылға қойған Ятым, Тобал, Қарақожа деген батырларды Нұраддиннің қапысын тауып өлтіргенін аса мән бере әңгімелейді. «Хан нөкерлерімен бейқам еді, олар-дағы опат болды» [Сыздықова 1991: 252], – дейді ұлық тарихшы. Міне, көрдіңіз бе, аңыз бен тарихи деректің, онда да оқиға деталінің мұндай сәйкестігі көп кездесе бермейді. Бұл оқиғаға қатысты аңыздау мен заттық деректердің де сәйкестігі бар. Едіге туралы тағы бір аңыздауда Тоқтамыстың Көкүлді көлінде қарауыл қарайтын мұнара салдырғаны айтылатын. Аталмыш Тоқтамыс тауындағы көлдің де құбыла жағында әлдебір ғимараттың, яки мұнараның қирандысы бар. Осы маңда «Хан қазынасы», «Хан шатыры» деген жерлердің болуы да, мұндағы зираттың хан Тоқтамыстікі екеніне деген сенімді күшейтеді. Зират маңындағы «Бірлік» ауылының тұрғыны Ерескенова Гауһардан естіген мәліметіміз бойынша, беріге дейін көл маңында «хан ақыры» деп аталған тас ақыр болған. Жұрттың айтуынша, хан одан атына жем-су берген. Тоқтамыс тауына қатысты тағы бір аңызда, мұнда ханның денесі ғана жатыр, ал басы басқа жақта делінеді. Мұндай мәліметті қазіргі күні көзі тірі Қыраш ауылының тұрғыны Әбдіхан Әділбеков қария, сондай-ақ өмірінің соңына дейін Бірлік ауылында тұрған, он жеті жыл бұрын дүниеден озған, кезінде «Қазақ ССР Халық ағарту ісінің озық қызметкері» атағын алған тарихшы марқұм Жалғасбай Тұрабайұлы айтқан. Тіпті Ж.Тұрабайұлы ханның басын Едігенің ұлы Нұраддин кесіп алып кеткен деп айтады екен [Аманбаев 2016]. «Едіге» жырының Шоқан Уалиханов, Аякеш Өмірзақов нұсқаларында да Нұрадынның Тоқтамыстың басын қанжығаға байлап алып

кеткені сөз болады [Бабалар сөзі 2007: 39;126].

Ескі мазардың «хан мазары» аталғанын жергілікті халықтың бәрі біледі. Ал Тоқтамыс есімді ханның Алтын Ордадан кейінгі тарихта болмағаны тағы белгілі. Түркі халықтарының тарихына қатысты аңыз-әңгімелерді зерттеген А.К.Дүйсенбі де бұл туралы аңыздардың Тоқтамыс ханға қатыстылығын айтады [Дүйсенбі 2011: 104, 234]. Бұдан басқа да осыған жақын пікір білдірген зерттеушілер бар. Мәселен, белгілі қаламгер, филология ғылымдарының докторы Ж.Әлмаш еңбектерінде, жас зерттеуші А.Тәшенованың 2011 жылы Тараз қаласында жарық көрген «Жас ғалым» жинағына енген мақаласында, белгілі халық ақыны М.Көкеновтің «Жаңақорған тынысы» газетіне жариялаған мақалаларында осылай деп көрсетіледі.

Біз осы деректерді келтіре отырып, Тоқтамыс хан қабірінің Қызылорда обылысы, Жаңақорған ауданында екеніне назар аудару мақсатында ақпарат құралдарында жеке өзіміз де, өзге ғалым-жазушылармен бірге де бірнеше мақала жаздық. Бірақ бұл әрекетіміз көпшілік көңіліне сенім ұялата қойған жоқ деуге болады. Өйткені тарихшы-ғалымдардың мәселеге назар аударған әрекеті әлі байқала қойған жоқ. Олай болатын жөні де бар. Ойткені көпшілік көкейіне орнығып қалған ақпаратты терістеу өте қиын. Тоқтамыс қабірінің Қазақстанда екеніне сенім ұялатуға кедергі болатын басты фактор – орыс жылнамаларында жазылып қалған ханның Сібір жерінде Шәдібек ханның қолынан мерт болғаны туралы дерек. Владимир және Архангелогород жылнамаларында солай делінген. Сондай-ақ Ұлытаудағы Едігенің зираты маңында да Тоқтамыс атында тағы бір қабірдің болуы екіұдай пікір туғызып, ғылыми ортаның бұны шырғалаңы мол шындық деп есептеп, селқостыққа салынуына сеп болған. Алайда бұл екі деректің де Тоқтамыс денесінің дәл осы Жаңақорған жерінде жатқанын нақтылауға көмегі тимесе, кедергі болатын жөні жоқ екеніне назар аудармақпыз. Жергілікті жұрттың Тоқтамыс тауы аталатын төбеде оның бассыз денесі жерленген дейтіні жөнінде жоғарыда айттық. Ал Сібір жерінде Тоқтамыстың денесі жерленген деген дерек мүлде жоқ. Есесіне, ханның басы жерленгені туралы аңыз бар.

Новосибирск тас жолының бойында, Қара және Том өзендерінің арасында, Томск қаласынан оңтүстікке қарай 9 (кейде 13 делінеді) шақырым жерде Тахтамышева деп аталатын село бар. А.В.Юдиннің кітабында бұл жердің атауына қатысты мынадай мәлімет беріледі: «Ең алдымен, селоның басым тұрғындарының татар ұрпақтары болғаны қызық.

Тахтамышеваның тұрғындары өз мекендерін бұрын өзенге төніп тұрған жосалы жарқабақты жағалауына байланысты Қызылқас (Қызыл-Қаш) деп атағанын айтады. Ал Шыңғысханның тікелей ұрпағы, Алтын Орданың ханы Тоқтамыстың басы жерленгеннен кейін оның атын ауыстырған. Анағұрлым хабары мол кісілер тіпті «жерленген орынның» Трактова көшесінің бойында екенін айтады.

100 жылдай бұрын А.В.Адрианов бастаған археологтар ханның мүрдесін таппақ болып, Тоқтамыс жұртына келді. Бірақ ұлы ханның әруағынан қаймыққан жергілікті ақсақалдар мүлде басқа орынды көрсетіп, алдаған. 1889-1890 жж. археологтар көптеген қарапайым адамдардың мүрделерін ашқан. Бірақ ханның денесін таппай, бұл жөніндегі әңгімені әдемі қияли аңыз екен деп шешкен.

Ал 1950 ж. аяғы – 1960 ж. басында жергілікті халықтың қарсылығына қарамастан, молжалданған зират үстінен автотрасса салып жиберген» [Юдин 2006: 79]. Міне, бір-бірінен шалғай жатқан екі халық арасында айтылған аңыздың бір-бірімен сай келетіні және тарихи дерекпен де қуатталатыны мүрденің Жаңақорғанда екенін дәлелдей түсіп отыр. Енді шындықтың тарихи мәліметтермен дәйектелетіне келейік. Жылнама ханды Шәдібектің қолынан қаза тапты дейді. Бұл да аңыздық шындыққа қайшы емес. Қайшы болмайтыны мынада: Шәдібек Тоқтамыс өлтірілетін 1407 жылы Алтын Орда тағында отырған. 1399 жылы Тоқтамыс Литваның ұлы князы Витовтпен бірігіп, Темір-Құтлығқа шабуыл жасаған кезде Темір-Құтлығқа Едіге көмекке келіп, 12 тамызда Борсықты (Ворскла) өзенінің жағасында Тоқтамыс пен Витовт қолы жеңіліс табады. Сол жылы Темір-Құтлық қайтыс болып, Шәдібек хан сайланған. Тоқтамыс осы жеңілістен кейін, тарихта «Ескендір анонимі» деп аталған көне еңбектің айтуынша, Тулин жеріне қашады [Бегалин 2007: 223]. Оны зерттеушілердің көбі Түмен (Тюмень) деп шатастырып жүр. Біздіңше, Тулин – Байкал көлінің маңындағы жер. Осы аттас жер ол жақта бүгінге дейін бар.

Бұл кезде Алтын Орда хандарының бәрі Едігенің ықпалында болғаны белгілі. Демек Едіге өзінің басты жауы Тоқтамысты өлтіруге Шәдібекке тапсырма беретіні күмәнсіз. Алайда хан тағында отырған Шәдібектің тапсырманы орындаушы емес, тапсырманы беруші кейпінде көрінетіні тағы рас. Бұл – бір. Екіншіден, жылнамалар айтқандай, Тоқтамыстың бұл кезде Сібір жерінде болғаны сенімсіз. Өйткені ол кездегі Сібір Алтын Орда хандарының жазғы орталығы болған. Өлімге

бұйырылған Тоқтамыстың хандықтың орталығына қашуы қисынға келмейді. Ол қалай да, хандықтың билігінен тыс жерге және өзін қолдаушылар таба алатын өлкеге қашуы керек. Ал Байкал маңы ол кезде Алтын Орда аумағына кірмеген. Хан әуелі із тастап Тулинге, кейін қазіргі қазақ даласына өтіп кеткен тәрізді. Біздің Тулинді Байкал маңындағы жер деуімізге себеп болған тағы бір мәлімет – ханның бұрынғы жеңілісінен кейін де сол тарапқа қашқаны. Шараф-ад дин Йездидің айтуынша, 1395 Әмір Темірден жеңілген Тоқтамыс Булар жеріне қашады. Бұл жерді біраз тарихшылар Бұлғар деп беріп жүр, бұл – дұрыс емес. Булар Раши-ад диннің «Жамиғ-ат тауариғында» аталады. Онда ол Байкал көлінен шығатын Анкара (Ангара) өзенімен қатар аталғанына қарағанда [Рашид-ад-дин 1952: 73], мұны да сол Байкал маңындағы жер аты деп жобалауға болады. Қадырғали Жалайыридің Тоқтамысты солтүстік тарапқа қашты [Сыздықова 1991: 252] дейтіні де осыған қатысты болса керек. Тоқтамыстың сәтсіздіктен соң ылғи Байкал жаққа қашуының бір себебі, жоғарыда айтқанымыздай, бұл жердің сол тұста Алтын Ордаға қарамағаны болса, екінші жағынан, бұл жақта ханды қолдайтын тайпалардың көп болуы мүмкін. Кейбір тарихшылардың соңғы жеңілістен кейін ханды Түмен өлкесінде аз уақыт билікке қол жеткізді дейтіні [Бустанов] де осыған қатысты сияқты.

Тулиннен кейін ханның қазақ даласына қарай ойысып кеуті де заңды. Бұл кезде Тоқтамыстың Әмір Темірден басқа үміті қалмағаны да анық. Оның дәлелі – 1405 жылы Отырарда отырған Әмірге Тоқтамыстан елшілер келіп, ханның атынан өткен күнәлі ісіне кешірім сұрауы және жәрдем тілеуі [Бартольд 1963: 803]. Демек сол кезде Тоқтамыс Отырарға жақын маңда болған. Бұл тұрғыда оны осы кезде Жаңақорған аумағына келген деу көкейге қонымды.

Сондай-ақ Тоқтамысты бұл өлкенің өзіне тартатын басқа да себептері бар. Ақ Орданың астанасы Сығанақ қаласы болып тұрған кезде оың өзі бұл жерге түрлі мақсатпен талай рет келген. Өміріне қауіп төнген шақта ол мұнда қолдаушы іздеп келуі де ықтимал.

Біз жоғарыда келтіріп өткен «Едіге» жырындағы Телікөл, Көкүлді көлдері туралы айтылатын Тоқтамыстың сөзі дәл сол күйде жырдың татар нұсқаларында да қайталанады [Идәгәй 1986: 360]; [Идәгә 1988]. Демек бұл екі көлдің аты жыршылардың өздеріне таныс жер-су аттарын жырға қоса беретіні сияқты көркемдік тәсілден туған элемент емес,

тарихи шындықтың сәулесі екенінің дәлелі. Бұдан мынадай қорытынды шығады: Тоқтамысты Көкүлді көлінде Қадырғали Жалайыри еңбегі мен «Едіге батыр» жырында айтылғандай, Едігенің ұлы Нұраддин өлтіріп, басын кесіп алып (жергілікті аңызға да сәйкес) Сібірде отырған Шәдібек ханға алып барған. Жай адам емес, ханның басы болғандықтан, ас беріліп, басты Қарақас жеріне арулап көмген. Оның дақпырты алыстағы орыстарға Тоқтамысты Сібірде Шәдібек өлтірді болып жетуі кәдік. Жылнамадағы деректің пайда болу себебі осы деп есептейміз. Дәл осы дақпырт тек орыс жылнамашыларын ғана емес, мұсылман тарихшыларын да шатастырған сияқты. Олар Жаңақорған өңіріндегі ханның қаза табу оқиғасының ұзынырғасын естігенімен, оны Тулин жерінде болды деп есептеген. Өткені олар ханның бастапқы қашқан жағын білген де, одан әрі қарайғы бағытынан хабарсыз болған.

Ал Ұлытаудағы Тоқтамысқа келер болсақ, оның XVIII ғасырдың орта шенінде жаумен шайқаста опат болған бағаналы руының батыры Тоқтамыс Мұсақұлұлынікі екенін көпшілік біле бермейді. Батыр Нұра өзенінің бойында жау қолынан шейіт болып, сүйегі сол жерге өзінің өсиеті бойынша аманаттап қойылып, кейіннен Ұлытауға апарып жерлеген. Бұл туралы М. Жанбайдың мақаласында жақсы тәптіштелген. Автор батырдың мынадай өсиет сөзін де келтірген: «Мен осы соғыста опат болармын. Мені күн салқындағанша аманат етіп қойыңдар. Содан соң сүйегімді Ұлытаудың басына апарып жерлеңдер. Келешек елді де, жерді де орыс билейді, олардың даңғазасын естімей, қалың Бағаналы елін Ұлытаудың басында көріп жатармын» [Жанбай 2012]. Сондай-ақ Қадыр Әмзеев те «Ұлытаудағы қай Тоқтамыс?» деген мақаласын «Жас алаш», «Жезқазған жұмысшысы», «Сыр ардагері» газеттеріне жариялаған екен.

Тоқтамыстың өмірінің ақыры жөніндегі біздің байламымызды растайтын бұл айтылғандардан басқа да сенімді дәлелдер жоқ емес. Едігеден қашқан Тоқтамыстың Сібір жақта емес, қазақ даласында опат болғанын айтатын еңбектер де бар. 1886 жылы Жоғары Донда туылып, азамат соғысында бірде ақ казактардың, бірде қызылдардың құрамында соғысып, соғыс бітісімен казактар жөнінде 4 томдық кітап жазған А.А.Гордеев былай дейді: «Ворскладағы шайқастан соң көп ұзамай Темір-Құтлай (Темір-Құтлықты айтып отырғаны даусыз – Б.Қ.) өліп, Алтын Орда ханы Витовттің қойған өкілі Тоқтамыс болды, бірақ соның артынша-ақ Темірланның (Бұл жерде автор Темір-Құтлық пен Әмір Темір есімін шатастырып отыр – Б.Қ.)

туысы Шанибек (Шәдібек – Б.Қ.) оны қуып шықты да, қырғыз (қазақ – Б.Қ.) далаларына қашып, сонда 1407 жылы қайтыс болды» [Гордеев 1991: 110], – дейді. Бұл мәліметтерді автордың бізге қазір беймәлім бір деректерден алғаны күмәнсіз. Тек осы дереккөзді біздің де табуымыз керек. А.А.Гордеевтің бұл түйіндеуінде қазір көп айтыла бермейтін басқа да ақпараттар бар. Мәселен, Тоқтамыстың Темір-Құтлық пен Шәдібек арасында аз уақыт хан болғанын тарихи еңбектерден кездестіре бермейміз. Соған қарағанда, зерттеушінің қолында өте сирек еңбектер болған. Гордеевтің бұл тың дерегі де, біздің пікірімізше, жоғарыда сөз болған ханның Тулин жеріндегі билігі туралы сияқты.

Сондай-ақ Тоқтамыс тауындағы қабірлердің исламға дейінді ескі нанымдағылардың тастан үйілген түрі екені де біздің көзқарасымызды қуаттайды. Тоқтамыс ханның да, оның әскерлерінің де ислам дінінде болмағанын көне жазбаларға сүйеніп айтқан В.В.Бартольдтың еңбектерінен білеміз [Бартольд 1965: 411]. Әйтсе де, Тоқтамыс тауындағы зираттың хандікі екенін куәландыратын ең басты жәдігерліктер – жоғарыда айтылған халық аңыздары. Әрине, фольклорлық туынды үнемі өзгеру, құбылу үстінде болады. Бірақ фолклордың тұрақтылығын бұзбай сақтайтын дәстүрлері мен элементтері де жоқ емес. Сол себепті тарихи ақпаратты жеткізуде оның жазба жәдігерлерден артықшылық танытатын кездері аз болмаған. Жазба мәтіннің әрдайым бақылану мүмкіндіктері болғандықтан, ол өз тұсындағы биліктің ықпалында болады, тым болмаса онымен есептеседі. Ал фольклор заттық пішінге көшпейтіндіктен, ол саяси ықпалға ешқашан түспейді. Қарапайым халықтың ханды қарамен еш уақытта шатастырмайтыны бесенеден белгілі. Егер аталмыш аңыздардағы Тоқтамыстың түптұлғасы (прототипі) қарапайым халықтан шыққан болса, ел оны ешқашан хан демес еді.

Тоқтамыс тауындағы осы ақиқаттың бұрмалануына қазақ даласының әр түкпіріндегі Байдібек баба, Домалақ ана, Кеңгірбай, Абай, Шәкәрім сияқты әйгілі тұлғалардың басына Маңғыстау тастарынан кесене тұрғызып жүрген шебер, бірнеше жобалар мен кітаптардың авторы ретінде танылған Сайын Назарбекұлының әрекеті себеп болуда. С.Назарбекұлы сөз болған мәйітті 1680-1743 жылдары өмір сүрген өзінің бабасы деп есептейтін Жарыұлы Тоқтамыстыкі деп жариялап, оған арнап кесене салды. Біз бұл іс басталған кезде-ақ ақпарат құралдарында мақала жазып, дабыл қақтық. Онда осы мақалада айтылған көп деректермен бірге, бұл жерде құнды тарихи

ескерткіштердің сақталғаны, бірақ жергілікті вандалдардың бұл жәдігерліктерді бүлдіріп жатқаны, Сайын Назарбекұлы әрекетінің негізсіздігі айтылған болатын [Бейсенұлы 2014]. Алайда С.Назарбекұлы мұны ескерместен, 15 метрлік биіктіктегі кесенені алаңсыз бітіріп, оның айналасына адай Тоқтамыс ұрпақтарының аты жазылған құлпытастарды да қойып үлгірді. Археолог Сауран Елеуов бастаған зерттеу тобы бұл жерді тарихи-мәдени ескерткіштер қатарына қосқан болатын. Сөйтіп 2007 жылы республикалық «Аруна» баспасынан жарық көрген, мемлекеттік комиссия бекіткен Жинақ кітабына №56 реттік санымен тіркеп, оны «Тоқтамыс қорғандары тобы» деп атаған [Аманбаев 2016]. С.Елеуовтің бұл жерде қазба жұмыстарын 1992 жылдан бастап жүргізгені туралы дерек жергілікті баспасөз материалдарында сақталыпты [Әзірет-Әлі 1994]. Өкінішке орай, С.Назарбекұлы мұның бірін де ескермеген. Зиратты Жарықұлы Тоқтамыстыкі деудің ешқандай қисыны жоқтығы қарапайым мысалдардан-ақ көрінеді. Ж.Аманбайұлы «Тарих түйіндеген шындықтың шырқы неге бұзылады» деген мақаласында Жарықұлы Тоқтамыс қайтыс болды делінген 1743 жылы Жаңақорған өңірінде ешқандай соғыс болмағанын дәлелдеп жазды [Аманбаев 2015].

Осының бәрін есепке алғанда, Жаңақорған жеріндегі қабірді хан Тоқтамыстыкі деуден басқаның жөні қалмайды. Сөз болған дәйектер мен деректерге сүйене отырып, бірнеше ұсыныс айтуды жөн көрдік. 1) Тарихшы-ғалымдарымыз Ресей археологтарымен біріге отырып, Тахтамышево жеріндегі хан басын табу бағытында кешенді ізденістер жүргізсе. Енді сәл ғана кешіксек, хан басының дәл қай жерде екенін білетін адамдарды да таба алмай қалуымыз мүмкін. Жаңақорған өңірінде сақталған тағы бір аңызда ханның бір аяғы жаумен шайқаста осы өлкедегі Төлес Жайылмасы деген жерден Жаңақорғанға баратын жол бойындағы Қызылсирақ деген жерде қалған [Сәулебеков 1992]. Бұл «Едіге батыр» жырының Мәшhүр-Жүсіп Көпейұлы жазып алған қазақ нұсқасында Нұралын (Нұраддин) Тоқтамысты аяғынан аққан қанның ізімен тапты дейтін детальмен де сәйкеседі. Осы варианттағы Тоқтамыстың адамның басы сыйып кететін бір үзеңгісінің табылуы да осыны толықтыратын деталь [Бабалар сөзі 2007: 64]. Ибн-Арабшах мәліметіне сәйкес, Едіге ханды ұстауға бар күшін жұмсап, онымен он бес рет шайқасқан, ал он алтыншы рет болған шайқаста Тоқтамыс ажал құшқан [Сборник 1884: 450-451]. Осындай шайқастардың бірінде Тоқтамыстың аяғынан айырылуы әбден мүмкін. Егер

осы аңыздар хақиқи негізін жоғалтпаған болса, онда төбе басындағы қабірде ханның бассыз және бір аяқсыз денесі жатыр. Тек соны анықтау ғана қалып тұр. 2) С.Назарбекұлы салған кесенені бұзбай-ақ, оны хан Тоқтамыстың атына ауыстыру керек. Ал кесенені айналдыра қойылған құлпытастарда жазылған Жарыұлы Тоқтамыс ұрпақтарының орнына Тоқтамыс ханның айналасында болған Жетім (Ятим) батырдың, Төбел батырдың, арғын Қарақожа батырдың т.б. батырлардың аттары жазылғаны дұрыс. 3) Тоқтамыс тауы аумағындағы мәдени ескерткіштерді мемлекеттік бақылауға алып, вандалдық зардаптарды жоюды, ол маңды абаттандыруды, сөйтіп туристік нысанға айналдыруды қолға алу қажет.

Егер Тоқтамыс тауында жерленген мәйіт Алтын Орда ханынікі екені анықталса, тарихымыздағы көп тұман сейілгелі, түркі халықтарының мәдениетіне қатысты қыруар жаңалықтың беті ашылғалы тұр. Тарихтан белгілі болғандай, Тоқтамысты үнемі қолдап-қуаттап келген Әмір Темір ол Қожа Ахмет Ясауи кесенесін қиратып, дүние-мүлкін тонап кеткеннен кейін ғана ханмен ашық соғысқа шығып, оның әскерін тас-талқан етіп жеңеді. Молла имам Сығанақидың «Аусаф Хамид Сұлтан» деген еңбегінде Тоқтамыстың Әзірет Сұлтан мазары мен шырақшылардың мал-мүлкін тонап кеткенін, содан кейін Темірдің татарларды Асау су деген жерде талқандағаны айтылады [Массон 1930: 7]. Хан кейіннен барып өкінішпен бармағын тістеп, Құдайдың да, әмірдің де қаһарына ұшырауының басты себебі өзінің әулиенің киесіне ұрынуынан деп білген сияқты. Ханның өлімнен қашқан кезде Әзірет Сұлтан жаққа қарай ұмтылуы да сондықтан болуы керек. Оның Әмір Темірден кешірім сұрауы, Темірдің оны кешіруі де осыған байланысты сияқты. Қожа Ахмет Ясауиді аса құрметтеп, басына әлемде жоқ кесене салдырған қаһарлы Әмір Темірдің Тоқтамысқа рахым жасап, оны қайта хан қоймақ болуы да ханның тәубаға келуіне қатысы бардай көрінеді. Халықтың да оны пәк күйде қаза тапты деп көрсетуінің тарихи Тоқтамыстың тәубаға келуінен басқа себептерін табу қиын. «Едіге» жыры нұсқаларында ол мерт болғанда қан орнына сүт аққан етіп жырлайды. Бұл татар нұсқасында [Идәгәй 1996: 382-384] және қарақалпақтардың Ерполат жырау айтқан нұсқасында [Edige 1937: 91] айтылады. Жаңақорған өңірінде айтылатын аңыздарда Тоқтамысты әулие сипатында көрсету де осыған қатысты екені анық.

Қалай болғанда да, Тоқтамыс хан қабірінің қай жерде екені көп кешікпей анықталуы тиіс. Оның анықталуына біз

мәлімдеген деректердің септігі сөзсіз тиеді деп сенеміз. Осы мәселенің дұрыс шешілуі Алтын Орда тарихындағы және Әмір Темір – Тоқтамыс – Едіге арасындағы қатынастарға қатысты көп түйткілдердің сырын ашады деп ойлаймыз.

ӘДЕБИЕТ

Бабалар сөзі: Жүзтомдық. 39 т. / томның ғылыми түсініктемелерін жазып, баспаға дайындағандар Қ.Алпысбаева (жауапты шығарушы), П.Әуесбаева. Астана: Фолиант, 2007.

Досжан Д. Жүз әңгіме. Таңдамалы шығармалар. I том. Алматы: Мереке, 2012, 529-540-бб.

Досжанов Д. Екі дүие есігі. Алматы: Жазушы, 1997, 14-15 б.

Сыздықова Р., Қойгелдиев М. Қадырғали би Қосымұлы және оның жылнамалар жинағы. Алматы: Қазақ университеті, 1991, 252 б.

Аманбаев Ж. Тоқтамыс ханның соңғы тағдыры // Халық. Республикалық қоғамдық-саяси тәуелсіз апталық. 10 наурыз, 2016.

Дүйсенбі А.К. Түркі аңыздары мен әпсаналары. Астана: Сарыарқа, 2011, 234 б.

Юдин А.В. Сибирь. Путеводитель. Москва: Вокруг света, 2006, с. 79.

Қараңыз: Бегалин Қ. Алтын Орда хандары. Алматы: «Адамар» ЖШС, 2007, 223 б.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей / пер.с персидского Л.А.Хетаурова; ред.и примеч.проф. Д.А.Семенова. т. I., кн. 1. Москва-Ленинград: Изд. АН СССР, 1952.

Бустанов А.К. Западный Сибирь под власью ордынских правителей // http://archeologia.narod.ru/bustanov.htm

Бартольд В.В. Сочинение. Москва: Изд.восточной литературы, 1963, т. II, ч. 1, с. 803.

Идәгәй. Татар халык дастаны. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1986, 360 б.

Идәгә. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1988.

Жанбай М. Тоқтамыс батыр бабамыз еді // Қазақ. 2012, 4-11 мамыр.

Гордеев А.А. История казаков. Часть 1. Золотая Орда и зарождения казачества. Москва: Страстной бульвар, 1991, с. 110.

Бартольд В.В. Сочинение. Работы по исторической географии. Москва: Наука, 1965, т. III

Бейсенұлы Б., Қорғанбеков Б. Қазақы танымға қайшы әрекет қашан тыйылады?! // Айқын. 2014, 27 тамыз.; Ергөбек Қ., Бекжан О., Қорғанбеков Б., Дүйсенбі А., Жаппарқұлова А. Ұлттық құндылықтарымызды басқыншылықтың жаңа түрінен қорғайық // «Абай kz» сайты. 2014, 29 шілде.; Қорғанбеков Б. Тарихқа қиянат жүрмейді // Жаңақорған тынысы. 2014.

Әзірет-Әлі Маханұлы. Аудан тарихы – көгілдір экранда // Жаңақорған тынысы. 1994, 9 желтоқсан.

Аманбаев Ж. Тарих түйіндеген шындықтың шырқы неге бұзылады? // Қазақ үні. 2015, 9 маусым.

Сәулебеков Д. Жер атын білген дұрыс // Жаңақорған тынысы. 1992,

Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. В.Г.Тизенгаузена. Извлечения из сочинений арабских. Т.I. СПб., 1884.

Қараңыз: Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент: Сыр-Дарьинское Отделение Общества Изучение Казахстана, 1930.

Edige. Moskva: Məmleket kərkem ədebijat baspasь, 1937.

ТАРИХ ӨТКЕЛІНДЕГІ НОҒАЙЛЫ ЖҰРТЫ

Әзімбай Әлішер Әзімбайұлы*

ABSTRACT:
There lived many lightly developed civilizations that passed us everlasting traditions, those who made a great contribution in the development of mankind. Some of them were able to succeed, the others lost in their past. The bright example was the Nogay Orda that settled on the great lands of Turks and managed to found its model of state. The History of the prosperous and highly – civilized nation that lived on the Great lands goes back deep in the history. This scientific article studies the Nogay Orda, the history of its nation, the connection between the Kazakhs and Nogays and the Nogays living state today.

KEY WORDS: Nogay Orda, lists of tribes, Nogay-Kazakh.

Адамзат тарихының тереңінде тұғыры биік дәулет, өшпес өркениет, тозбайтын дәстүр қалдырып, адамзаттың өсіп-өркендеуіне орасан зор үлес қосқан қаншама мемлекеттер күн кешкен десеңізші! Біреуінің тарихта жолы болып, енді біреуінің ізі өткеннің өткелінде қалып қойған. Сондай, тағылым алар мұрасы мен Ұлы Түркі даласын еркін жайлап, мемлекеттіліктің өзіндік үлгісін қалыптастырып, кең далада салтанат құрған халықтың бірі ноғайлы жұрты. Кезінде әулеті асып, дәулеті тасыған дәурен сүріп, Ұлы Дала төсін дүбірімен дүрілдеткен ноғайлының тарихы тым тереңде жатыр. Атағы әлемге жайылған ноғайлы елі кейін келе ұлттық кескін-келбетінен, рухынан айырылып, тарихы табанға тапталып, отаршылдардың опасыз саясатының опығын жегені жүрекке ауыр тиеді және бұл тарихтан жасырып қоя алмайтын ащы шындық. Сайын даланы ен жайлап, еркін өмір сүрген ноғайлының іргелі ел, жоралы жұр қалпын сақтап қала алмағаны өкінішті.

Жалпы алғанда ноғайлының тарихы бүгінгі күнде жан-жақты зерттеуді қажет ететін мәселе екендігін жоққа шығаруға болмас. Өз заманында бір ата, бір анадан туып, тарихтың қилы кезеңінде жылап айырылысқан қазақ пен ноғайдың түбі бір екендігі тарихи шындық. Алтынмен апталған ақ орданың ішінде, алтын тақтың үстінде отырып, дүниенің төрт бұрышын тіреп, әлемді аузына қаратқан түркінің тарихы түп тарихымыз.

Ноғай Ордасы этносаяси бірлестік ретінде пайда болды,

* Тарих ғылымдарының магистрі, Төле би атындағы №8 гимназия

оған енген тайпалар XY ғ. аяғында қалыптасқан ноғай халқының негізін құрады. Бүгінгі ноғай ұлтының құрамында қыпшақ, қаңлы, найман, үйсін, керейт, қоңырат, маңғыт, қатаған, байата, байтеке, тама, матақай, ұйғыр, мажар, болгар, қырғыз, түркмен, меркіт және т.б. рулар кіреді. Осы рулар бірігіп ноғай ұлтының негізін салған. Бағзы бір өткен заманда Еділдің төменгі ағысы, Оңтүстік Орал тауы, Батыс Қазақстан аумағында қалыптасқан Ноғай Ордасы XY–XYI ғасырларда Еуразиядағы жетекші саяси күштердің біріне айналған.

Сонымен, Алтын Орданың ыдырауы және Ақ Орданың әлсіреуі барысында пайда болған мемлекеттік бірлестіктің бірі – Ноғай Ордасы болып табылады. Ноғай Ордасы XIII ғасырдың екінші жартысында Алтын Ордадан бөлектене бастаған. Бұл жағдай XIV ғасырда әмір Едіге тұсында жалғасып, оның баласы Нұраддиннің кезінде аяқталды. Кейбір тарихшылар ноғайлардың моңғол-қыпшақтардан тарағандығы туралы белгілі зерттеушілердің пікірлерін келтіреді; олардың көпшілігі Ноғай Ордасы негізгі тұрғындарының шығу тегін Жошының руынан шыққан Алтын Орда түмені, XIII ғасырдағы Ноғай атты қолбасшының әскерінің құрамына кірген тайпалармен байланыстырады. Жалпы Ноғай Ордасының аты Алтын Орда әскерінің қолбасшысы, Жошы ханның шөбересі Ноғайдың есімімен аталған. Ноғай хан болмаса да, Алтын Ордаға өз ықпалын жүргізген. Ноғай жорықты Батый мен бірге бастап, Алтын Орданың бес ханының тұсында қолбасшы болған. Ноғай Батыйдың, кейіннен Беркенің тапсыруымен Персияда, Кавказ сыртында соғыстар жүргізіп, Беркенің Египет сұлтаны Бейбарыспен дипломатиялық байланыс орнатып, Хулагуге қарсы одақ құруына зор ықпал еткен. Берке қайтыс болғаннан кейін, Доннан Дунайға дейінгі ұлан байтақ жер Ноғайдың қадағалауында болды. Ноғай 1273 жылы Византия императоры Михаил Палеологтың қызы Евфросияға үйленген. 1288-1291 жылдары орыс княздері Мстислав пен Данилович Ноғайдың Польшаға жорығына қатысқан. Ноғай хан аталмағанымен, Батый жаулап алған Доннан Днепрге дейінгі аймақты уысында ұстаған [Уәлиев 2003: 3].

Ал Ноғай Ордасының іргесін қалаған Едіге батыр болып есептеледі. Ол туралы өмірбаяндық мәліметтер Мумин ад-дин Натанзи, Абд ар-Раззақ Самарқанди, Ибн Арабшах, Әбілғазы, Қадірәлы Жалаиридің еңбектерінде кездеседі. Клавихонның айтуына қарағанда «Едіге өз Ордасында екі жүз мыңнан астам атты әскерді ұдайы ұстаған». Ибн Арабшах оның жиырма

шақты баласы болғанын, олардың әрқайсысының өз әскерлері болғанын жазады. Едіге 15 жылдай Алтын Орданы билеп «ұлы әмір» атанған. Шыңғыс әулетінен хан сайлау Едігенің қолында болған деседі. Едіге түркі тілдес халықтардың тарихи зердесінде өшпес із қалдырды. «Ел қамын жеген Едіге»-деп ардақтаған халық оның тұлғасын «Артынан келіп қарасам, қаһардан пайда болғандай, алдынан келіп қарасам,лапылдан пайда болғандай», -деп сүйсіне жырға қосты. Ноғай Ордасының алғашқы алып жатқан жері Еділ мен Жайық өзендерінің жазық алқабы болды. Ноғайлар солтүстік-шығысында Батыс Сібір ойпатына дейін, солтүстік-батысында Қазан қаласына, ал оңтүстік-батысында Арал мен Каспий теңізіне дейін, кейде Маңғыстау мен Хорезмге дейін барып, көшіп-қонып жүрген. Ш.Уалиханов «Ноғайлар Сырдария мен Шуда, Ыстықкөл мен Жетісуда болды» - деп жазған. Муин ад-дин Натанзи олардың қонысын «Ұлытау, СеңгіраҒаш, Қаратал, Жент, Баршынкент» деп, ноғайлының осы тарапта жасағандығынан хабар береді. Осылайша ноғайлардың шекарасы әр кезде әр түрлі болған, бірде кеңіп, бірде тарылып отырған [Сарай 2009: 42]. Мемлекеттің орталығы Жайық бойындағы Сарайшық қаласы болған.

Ноғайлар өз атамекенін жатжерлік басқыншылардан қорғап, жүздеген жылдар бойы олармен табанды күрес жүргізен. Дегенмен де, ноғайдың өз ішіндегі алауыздық, кейбір шайқастар онсыз да бытыраңқы, бір тудың астына біріге алмаған ноғайлар арасын ажыратып, одан әрі бөлшектенуге алып келді. Ресей патшалығы қыпшақ тайпаларын өзіне тәуелді етіп, ұлан-ғайыр аймаққа иелік ету мақсатымен, олардың арасына сына қағып, бір-біріне айдап салып, өзара жауластырып, іргесін ажырату әдісін барынша қолданды. Отаршылдар Ноғай ордасында бірнеше дербес иеліктерге бөліп жіберіп,әлсіретуге барын салып, тырысып бақты. Содан барып, түркі жұртына үздіксіз шапқыншылықты бастады. XVI ғасырда Ресей алдымен Қазан мен Астрахан хандығын, Алдыңғы Кавказды алғаннан кейін Ноғай Ордасы ыдырай бастады. Ноғай Ордасы Үлкен және Кіші Орда болып екіге бөлінді. Үлкен Ноғай Ордасы Каспии маңы, Еділ мен Жайық аралығында жатты. Мәскеуге тәуелділікте болды. Кіші Ноғай ордасы немесе Қазый ұлысы Қырым хандығы мен Осман империясының вассалы ретінде Қобан мен Азов теңізі маңын, Терек пен Еділдің төменгі сағасын мекен етті. 1728 жылы ноғайлардың бір бөлігі Қара теңіз маңына қоныс теуіп Бұржақ, Едисан, Жембойлық,Едишкөл ордаларын құрып, осман түріктерінің үстемдігінде болды. Бұржақ ордасы бүгінгі

Молдавия мен Украинаның Одесса облысының оңтүстік-батыс аймағында, Едисан (Жетісан) Ордасы Украинаның Одесса, Николаевск облыстары аймағында, Жем өзені бойынан шыққан ноғайлардың құрған Жембойлық Ордасы Днепр бойы мен Қырым, бүгінгі Украинаның Херсон, Запарож облыстарында, Едишкөл Ордасы Днепр өзенінің шығыс жағалауында орналасты [Википедия. Ногайцы: 02.02.2016].

Ресей империясы тарапынан ноғайларды шаруашылыққа қолайсыз жерге ығыстыру асқан қатыгездікпен белсенді жүргізілді. XV-XVIII ғасырларда ноғай, қазақ халықтарының саяси, этникалық байланысы ажыраған емес. Алайда, ноғай билеушілерінің ұзақ уақыт өзара қырқысып, билікке таласуы Ноғай ордасын дағдарысқа ұшыратып, әлсіретіп тынды. Ноғайлардың бір бөлігі біртіндеп қазақ руларының құрамына кіре бастаса, қалғандары Ресейге бағынуға мәжбүр болды. Кейбірі Орал өлкесінің шығыс жағында қалып қойып, кейінірек этникалық, ұлттық келбетін жоғалтып, татар, башқұрт, қазақ халықтарының құрамына енді.

Ноғайларға қарсы солақай саясатты патшалық Ресей үздіксіз жүргізіп отырды. Казак-орыстар жергілікті халыққа озбырлық көрсетумен бірге, оларға қалмақтарды да айдап салып отырды. XVII ғасырда Жоңғариядан оңтүстік Сібір арқылы Еділ бойына ауып келген қалмақтың қалың қолы бейқам жатқан ноғай ауылдарына үздіксіз жорық жасап, қалмақ билеушілеріне тәуелді етіп, ауыр алым-салық салып, халықты күйзеліске ұшыратты. 1610-1620 жылдары ойраттардың бір бөлігі Еділ жағалауындағы Үлкен Ноғай ордасына ойран салып, Үлкен Ноғайлының жерін иемденді. Қалмақтың шабуылына ұшырап, қысым көрген көптеген ноғайлар 1634 жылы атамекенін қалдырып, Донға, кейінірек Қара теңіз жағалауына, Прут өзеніне дейін ығысып атажұртынан ажырап қалды. Қазақ пен ноғайдың арасының ажырауы осы кезге сай келуі бек мүмкін. XVII ғасырда өмір сүрген Қазтуған жырау: Жемді алса Жайық бар

Жайықты алса Еділ бар.
Еділді алса Қобан бар,
Қобанда тарам-тарам тоғай бар,
тоғай толы ноғай бар – деп, жоңғар-қалмақтардың жауыздыққа толы жорықтарын өз жырына қосқан [Асыл Соьз 2013: 45].

Ноғайлы жұртына қарсы бағытталған геноцид Ресей патшайымы II Екатерина кезінде шектен шыққан қатігездікпен

іске асты. 1783 жылы II Екатеринаның бұйрығымен А.Суворов ноғай мемлекетін және халқын түбірімен жойып жіберу үшін әскери жорық ұйымдастырды. Ноғайларды Орал өңіріне жер аудару туралы жоспар жасалып, князь Г. Потемкин бұл жұмысты А. Суворовқа жүктейді. Бір ұлтты тұтастай тұрғылықты жерінен жер аударуға бағыталған теріс әрекеттің соңы Қанақай мырза, Тау сұлтан, Нұраддин, Мұса мен Қара Смайылдың басшылығымен болған үлкен көтеріліске ұласып кетеді. А.Суворов 1783 жылы 1 қазанда ноғайларға геноцид жасайды. Жазалаушы жасақ орайын тауып таңғы намазға жығылған көтерілісшілердің үстінен түседі. Мұндай ұрымтал сәтті қолдан шығарғысы келмеген А.Суворов бірден шабуылға шығуға бұйрық береді. Осылайша таңғы намаз үстінде ноғайларды қырғынға ұшыратады. Кескілескен шайқас күні бойы жалғасып, тек кеш қарайғанда ғана ноғайлар ұрыс сала отырып ығыса бастайды. Осы ұрыста шегінгендерді өкшелей қуған бір ғана Нижегород полкі 10 мыңнан астам ноғайды жер жастандырған. Бұдан арғы шайқаста көтерілісшілерді бастап шыққан бір кездегі құдіретті ноғай мырзаларының барлығы майдан даласында қаза болады. Ұлысын қорғаймын деп басын бәйгеге тіккен қаһарман батырлардың атақты үрім-бұтағы да көп ұзамай түгел қылышқа ілінді. Кейін бұл соғыстың соңы барлық ноғайларды жаппай қырып-жоюға ұласып кетті. Бұл геноцидке Солтүстік Кавказдағы әскерлер мен казактардың барлығы қатыстырылады. Қанды қасап кезінде 500 мыңнан астам ноғай қырғынға ұшырап, миллионнан астамы Осман империясына босып кетуге мәжбүр болды. Осылайша II Екатерина «Ноғай мәселесін» түбегейлі шешеді. Ноғайлардан «тазарған» алып аймаққа кейін ол славяндар мен немістерді қоныстандырады. Еділ мен Жайық арасында ұлан-байтақ өңірді мекендеген іргелі ел осылайша ойрандалды. [Shyn.kz сайты: 24.02.2013].

Халықтар түрмесі атанған патшалы Ресей ортаршыларының қанды қақпанына тап болған ноғайлы елі атанған жұрттың тағдыр тәлкегіне ұшырап, шетелден баспана іздеуден басқа амалы қалмайды. Осылайша Қырым мен Қобанды алған орыстар үшін Азов пен Қара теңізге жол ашылады. Сонымен Ноғайлының мемлекеті ішкі алауыздық, қалмақтардың басқыншылығы, Ресей империясының солақай саясатының әсерінен жойылды. Сонымен қатар империалистердің 1859 жылы «шекаралық Кавказ казак әскері мен мұсылмандық халықтар арасындағы аймақтардың шекарасын анықтау жұмыстары» туралы іс-әрекеті басталып,

Ставрополь губерниясының губернаторы ноғайлар мекендеген аймақты олардан тазартып, ол жерлерге орыс шаруаларын қоныстандыруға бұйрық береді. Осының салдарынан 1859-1860 жылдардың арасында Осман империясына тағыда 180 мың ноғай қоныс аударуға мәжбүр болады. Кеңес үкіметі тұсында да ноғайларға аяушылық танытылған жоқ. Сталиндік қуғын-сүргін, Н.Хрущевтің солақай соққысымен жалғасты. 1944 жылы 15 сәуірдегі қаулымен Ноғай даласы ұлттық аймақ ретіндегі ерекшеліктерінен толығымен айырылды. РСФСР Жоғарғы Кеңесінің 1957 жылғы 9 қаңтарда қабылданған №721-4 қаулысы бойынша Ноғай даласы төртке бөлініп, аз сан ұлысты ноғайлар тағыда тарыдай шашыратылды. Осы қаулы бойынша ноғайлардың сайын даласы Қарашай-Шеркеш, Дағыстан, Шешенстан және Ставпрополь аймақтарына бөлініп берілді. Бұл Кеңес үкіметінің ноғайларға қарсы жасалған қызыл террорының нағыз өзі еді. Орыс отарлауынан ноғайлардың 2/3 жер бетінен жойлып кеткендігі тарихи шындық. Бұл сонау Алтын Орда дәуірінен бері келе жатқан өшпенділіктің жемісі болса керек. Соңғы жүз жылда ноғай даласы 6 рет әкімшілік бөлініске түсіп, қолдан-қолға өткен екен. Ал бүгінгі күні Ресей Федерациясының құрамындағы Дағыстан Республикасы мен Қарашай-Шеркеш Республикасында Ноғай аудандары құрылған. 2015 жылы мәдениеті мен ұлттық келбетін сақтап қалу мақсатында ноғайлар «Ноғай мәдени автономиясын» құруға қол жеткізді. Бүгінгі күні Ресейде 103 мың, Түркияда ресми емес дерек көздері бойынша 2 млн, Румынияда 10 мың, сонымен қатар Болгарияда, Украинада, Өзбекстанда да ноғайлар баршылық. Кезінде татар болып жазылып кеткен Қырым, Астрахан, Қазанның ноғайлары бүгінгі күні жаппай құжаттарында ноғай атын жаңғыртып жатқандығы шындық. Сонымен қатар алабұғаттар, юрт татарлары, кундорв татарлары деп жүргендеріміз таза ноғайлар екендігін де атап өткен дұрыс болмақ. Бүгінгі таңда Қырым татарлары да өздерінің ноғайлық шығу тегін ашық айта бастады.

Кейбір азаматтар ноғайды қазақтың бір руы деп қарау керек деген пікір білдіріп жатады. Бірақ бұл дұрыс пікір емес. Ноғай өз алдына ұлт екендігін естен шығаруға болмас. Ноғай ұлтының Ресей құрамында өз тарихи отаны, жері, ата-қонысы бар. Бүгінгі ноғайлардың жағдайы жақсы. Өз мәдениеттерін дамытып, тілі мен ділін, дінін сақтау жолында барын салуда. Ноғай тілі ноғайлар тығыз қоныстанған аймақтардағы мектептерде оқытылады. Ноғай тілінде өз газеттері шықса,

ноғайша телебағдарламалар мен жаңалықтар беріліп тұрады. Субэтникалық жағынан Ресейдің Дағыстанында қараноғайлар, Ставрополь аймағында ачикулак, құм ноғайлар, Қарашай-Черкесияда қобан ноғайлары, Астархан облысында астрахан ноғайлары болып мекен етеді. Барлық ноғайлар ноғай тілінің екі диалектісінде сөйлейді. Олар қараноғай және қобан диалектілері. Жазулары XVIII ғасырдан 1928 жылға дейін араб графикасында, 1928-1938 жылдары латын графикасында, 1938 жылдан бастап орыс графикасына көшкен.

Енді қазақ пен ноғайдың туыстығына оралатын болсақ, бұл орайда ауыз толтырып айтар тарихи деректер мен толымды пікірлер баршылық.

Ноғайлар туралы кезінде шығыстың шоқ жұлдызы Шоқан Уалиханов тың деректер қалдырған. Сәкен Сейфуллин де құнды мәліметтер келтірген. А.Исиннің зерттеулері мен елімізге белгілі жазушы Әнес Сарайдың «Ноғайлы» деген рухани дүниесі де жарыққа шыққан. Б.Аяған, Х.Ғабжалилов, Б.Ермуханбетов, Т.Омарбеков, Ж.Мәкішев, Ж.Сабитовтердің ғылыми мақалалары баршылық.

Ноғайдың ұлдары М.Г.Сафаргалиев, Р.Керейтов, Д.Қыдырниязовтар ноғайдың төл тарихын жазып шықты. Ал орыс тарихшылары В.М.Жирмунский мен В.В.Трепавлов, украин ғалымы В.В.Грибовский мен әзірбайжандық ғалым С.И.Алиеваның еңбектерінің де маңызы зор.

Шынтуайтына келгенде қазаққа ең жақын ноғай екендігі көзі қарақты, тарихтан айтары бар азаматтарға белгілі жайт. Қазақ пен ноғай халқы діні мен ділі біртұтас ағайын халық. Ноғай халқының өлең, жырлары қазақ ауыз әдебиетімен үндес, түбірлес. Бұл қазақ пен ноғай халықтарының туыстығын, Алтын Орда дәуірінен бастап бірнеше ғасыр біртұтас мемлекеттік бірлестік құрамында өмір кешкенін, этникалық негізі ұқсастығын көрсетеді.

Шоқан Уалиханов ноғай мен қазақты туысқан халықтар деп сипаттаған. Ал Елбасы Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаев өзінің «Тарих толқынында» атты еңбегінде «Негізгі жері Еділ мен Жайық арасындағы Ноғай ордасы болған тайпалар Қазақстанның батыс аймағында қазақ жұртын қалыптастырудың күрделі этникалық үрдісіне атсалысты» -деп қос халықтың этникалық жақындығын көрсетіп өтеді [Назарбаев 2003: 211].

«Осыдан үш ғасыр бұрын қазақ пен ноғай халықтарының түрі мен тамыры да, сыры мен сыбдыры да бір болғаны белгілі. Сондықтан да олардың кескін-келбеттері мен мінез-құлықтары

да, әдет-ғұрыптары мен тұрмыстары да, ішкен астары мен киген киімдері де, тіпті сөйлеген сөздерінде де айырма жоқ еді» - деп жазды ноғай жазушысы Сүйін Қапаев. Ал, Сәкен Сейфуллин 1931 жылы жарық көрген «Қазақ әдебиеті» атты монографиясында «Барар жерің Балқан тау, о да біздің барған тау» деп осы айтылған жерлердің бәрін де қазақ болған рулардың бабалары көрген. Қалың түрік, қалың ноғайлы елі болып мекен де қылған. «Ат баспаймын деген жерін үш басады» деп бастап, ноғайлыдан бөлініп, «қазақ» болғаннан кейін де, қазақтардың қайтадан бұрынғы түп ноғайлыларына кеткендері де болған. Мәселен, Ақназар ханның баласы Ахметгерей бастап, Кубаньға кеткен қазақтар, тағы басқалар. Өйткені ноғайлы мен қазақтың айырмасы жоқ. Ноғайлы бұрын тек бөлек-бөлек руларының аттарымен жүріп, Ноғай ханның тұсынан бері жалпы ноғайлы болған. Қазақ елі – ноғайлыдан бөлініп шыққан бұтақ. Бөлінгенде, түпкі ноғайлыдан әр кезде, бертін-бертін көп бөлініп шығып келіп қазақ болған. Бертінгі кездерде келіп қазақ болғандардың «ноғай», «ноғайлы» деген аттары әлі қалған жоқ. Кіші жүз бөкейлік қазақтарында, әлі де ноғай аттарын қалдырмай жүрген ауылдар бар. Шу өзенін қыстайтын елдердің ішінде — «ноғайлы» деген ауылдар бар»- деп жазған [history-state.kz: 11.02.2015].

Елімізге белгілі тарихшы ғалым Бүркітбай Аяған қос халықтың жақындығына байланысты «ноғай мен қазақ егіз халық» - деп лайықты атап жүр.

Құрбанғали Халидұлының Құдабай ақыннан жазып алған жырында:

Тегінде, ноғай, қазақ түбіміз бір,
Ертіс, Оралды қылған дүбір.
Орманбет хан ордадан шыққан күнде,
Асан ата қайғырып айтыпты жыр, - деп ноғай мен қазақтың бөлінген тұсынан сыр шертеді.

Қазіргі ноғайларда сақталған Асан Қайғының шығармаларының ішінен «Теңіз бастан былғанды, толқымай тез тынса игі. Тел құлындар адасты, енесін тез тапса игі.Тең құрбыдан айырылдық, тентіретпей қосса игі» - деген жолдар бар. Кезінде бір халық болған қос жұрттың бөлінуі Асан Қайғының «Ел айырылған» шығармасында көрініс тапқан. Ал Асан Қайғының өзін Ш.Уалиханов «көшпелі ноғай-қазақ ұлысының философы» деп атаған.

Қожаберген жыраудың:

Өкпе айттық қиын күнде мұсылманға,

Ішінде мұсылманның туысқанға.
Ноғайдан басқалары болысқан жоқ,
Қалмақпен үш жүз жылдай соғысқанда
– деген жыр жолдарынан қазақ пен ноғайдың сыртқы жауға да бірігіп күрескеніне көз жеткіземіз.

Қазақ пен ноғайдың бөлінуі жөнінде белгілі тарихшы ғалым ағамыз Бүркітбай Аяған өзінің «Қазақ пен ноғай қашан бөлінді?» -деген мақаласында бұл өзекті мәселеге тоқталып өткен. «XV-XVIII ғасырдың 30-шы жылдарына дейін қазақ-ноғай толастамай қатынасып тұрған. Тек 1620-1630 жылдары торғауыт-қалмақтың орыс әкімшілігінің көмегімен Еділ мен Жайық, Ақ Қобан (оны орыстар Кубань дейді) өзендеріне жайғасқаннан кейін қазақ-ноғай арасы ашылған болатын. Осы орайда еске келетін:

«Орманбет би өлгенде,
Он сан Ноғай айырылды.
Қазақ сыртқа (сартқа) қайырылды,
Ну сан күңіренді, қайғырды»

деген Шоқан Уәлиханов еске алатын жырды біз нақтылауымыз керек. Жаңағы айтылған қоштасу XVIII ғасыр емес, тіпті XVI ғасыр де емес, ол Әбусағит Жиреншин ағамыз айтқандай XV ғасырдың бірінші жартысы болуы мүмкін» -деген пікір айтады [Қазақ әдебиеті: №24. 2015]. Қалмақ хандығының пайда болуын ноғай мен қазақты екі бөлген оқиға ретінде атап өтуге болады. «Қазақ пен ноғайдың шалдары жылап айырылысты» дейтін кезең осы уақытта болуы бек мүмкін.

Егіз жұрттың көптеген аңыз-әңгімесі, ертегі мен дастандары, эпостық және тұрмыс-салт жырлары өзара үндесіп тұрады. Ноғайлы атанған дәуірден қалған егіз халықтың ортақ рухани дүниесі, баға жетпес құнды мұрасы саналатын «Жиренше шешен», «Ер Төстік» ертегісі, «Алдар көсе» аңызы, сондай-ақ, «Алпамыс», «Қобыланды», «Қамбар», «Ер Тарғын», «Ер Қосай», «Ер Сайын», «Едіге», «Ер Жабай», «Ер Шора», «Орақ-Мамай», «Қырымның қырық батыры», «Қарасай Қазы», «Ер Көкше» эпостық жырлары осының айқын дәлелі. Асан Қайғы, Сыпыра жырау, Шалкиіз, Доспамбет, Жиембет, Қазтуған жырауларда қос жұртқа ортақ тұлғалар. «Ақсақ құлан», «Жошы ханның жортуылы», «Әмір ақсақ», «Қамбар күйі», «Ел айырылған», «Сағыныш» сияқты күйлері ноғайлы дәуірінің музыкалық мұрасы. «Қозы Көрпеш-Баян сұлу», «Төлеген мен Қыз Жібек» жырлары ноғай да сақталған. Сонымен қатар домбыра тек қазақ пен ноғайда ғана бар екенін де атап

өтуге болады. Ноғай тілі қазақ, қарақалпақ тілдерімен бірге түркі тілінің қыпшақ тармағын құрайды. Қазақ сөйлесе ноғай мен қарақалпақтан артық түсінетін халық жоқ десек артық айтқандық болмас. Алтын Орданың тікелей мұрагерлерінің бірі саналатын ноғайлы тарихын білмей, түркінің ортақ тарихына қарай аттап өту әсте мүмкін емес.

Ноғай ноғай болғаннан кейін қазақ жеріне келіп қоныстанып, қазақ ұлтының құрамына сіңіп кеткен ноғайлардың тобы елімізде бар. Соның бірі ноғай-қазақтар деп аталған руды атап өтуге болады. Бұл туралы Батыс Қазақстанды мекендейтін ноғай-қазақтардың шежіресінде жан-жақты деректер келтірілген. Олар бүгінгі күні Батыс Қазақстан облысының Жәнібек, Орда, Казталов аудандарында тұрады.

XVIII ғасырдың қырқыншы жылдары патша үкіметі Қырым мен Қалмақ хандарының қол астынан қашқан ноғайларды қазақ даласына жер аударуға тырысып бақкан. Осыған орай 1744-1745 жылдары Қобаннан Сұлтан ауылы ноғайлары мен астрахандық қарағаштар Сақмар өзені маңына, Орынбор губерниясына жіберіледі. Алайда, қоныс аударып келген топтың көпшілігі бұл жерді тастап, Кіші жүз сұлтаны, Бөкейдің әкесі Нұралыны паналаған. Деректерде 1829 жылы Бөкей хандығында 500 түтін ноғай бар деп көрсетілген. Ал, зерттеуші А.Н.Харзин 1889 жылы ноғайлардың 2000 әулеті болды деп жазған. 1926 жылғы халық санағында Орал округі бойынша ноғайлар басқарған 5696 шаруашылық бар екені есептелген. [Дана kaz журналы: 09.04.2015].

Бөкей хандығына жиналған ноғайларға сұлтан арқа сүйеп, өзінің әскерінің құрамына қосып, сенім білдірген. Ноғайлар көрші халықтармен тез тіл табысып, араласуға мәжбүр болған. Қазақтардың мәдениетін, тілін де жатсынбаған. Тіпті тез үйреніп, қыз алысып, қыз берісетін жағдайға жеткен. XIX ғасырдың орта тұсында ноғайлар Бөкей Ордасында тұрмыс-салты, тілі бар өз алдына халық болса, осы ғасырдың аяғында жоғарыдағыдай ішкі қарым-қатынастың күштілігінен жергілікті қазақтармен бірігіп, тез сіңіп кеткен. Сол уақытта А.Н.Харузин былай деп жазды: «Ноғайларды қазіргі қалпында өз алдына бөлек ұлтқа жатқызу қиындау, олар тек қазақтардың бір тайпасы есебінде ноғай-қазақтар деп аталады». Осылайша Бөкей Ордасының жеріне келген ноғайлар ұлттан руға айналып, жүзге жатпайтын ру ретінде сақталып қалды.

Бөкей тұсында ноғай-қазақтар өсіп-өніп іргелі руға айналады. 1828 жылы өткен Ұялы съезінде ноғайдың қабырғалы

биі Нияздың баласы Шомбал ханның он екі биінің бірі болып саналады. Мұнда ноғай-қазақтар төрт тармаққа бөлінді. Олар – Үйсін, Қостаңбалы, Қазанқұлақ және Қояс. Ноғай-қазақтар өздерін Шалкиіз жырау мен Дойнаш батырдың ұрпағымыз деп санайды. Осы рудан шыққан белгілі ақын Ғұмар Қараш:

Ноғайлы ел туысқан елім екен,
Кір жуып, кіндік кескен жерім екен.
Суы бал, оты секер қайнар Борсы
Ордалық кең орнаған көлім екен, - деп жырлаған [Уәлиев 2003: 30-31].

Бұдан бөлек елімізде шығу тегі тікелей ноғайлыдан тараған Бесағаш ноғайлары деген топ бар. Бесағаш ноғайлары Жамбыл облысының Жамбыл ауданына қарасты Бесағаш ауылын мекен етеді. Бұл жердегі ноғайлар Әулиеата жеріне 1774 жылдары келіп қоныстанады. Бесағашқа алғаш болып Астрахандық Ахмет атты ноғай байының баласы Сәбит Ахметұлы бастаған бір топ ноғайлар келген. Ахмет Астрахан мен Қазан арасында саудагерлікпен айналысады. Оның баласы Сәбит Қазан қаласында әскери білім алып, офицер шеніне дейін көтеріледі. Ахмет өз баласының атын Асан қайғының әкесі Сәбиттің құрметіне арнап Сәбит деп атайды. Кейіннен Ресей патшайымы II Екатеринаның ноғайларға қарсы геноцитінде Сәбит Ахметұлы өз ұлтының жағына өтіп, көзқарасы үшін ата-қонысын тастап кетуге тура келген. Әкесі оны қазақ жеріндегі досы Балпық биге бір топ ноғайлармен бірге жібереді. Алғашында Алматы, кейіннен Әулиеатаға Сәбит бастаған ноғайлардың көш басы келіп тұрақтайды [Әзімбай 2015: 8].

Кеңес үкіметі тұсында мұндағы ноғайларды татармен шатастырып, татар деп атағандарда болды. Бұл ноғай мен татарды бір ұлт деп қате ойлаған ойдан туындаса керек. Жамбыл облысының Тілдерді дамыту басқармасының қолдауымен 2007 жылы жарық көрген «Жамбыл облысының топонимикалық атауларының анықтамалығында» Бесағаш ауылына берілген сипаттамада «ноғайлардың келіп қоныстануымен ауыл Бесағаш деп аталған» - деген тұжырым жасалған [Жамбыл облысының топонимикалық атауларының анықтамалығы 2007: 72-73].

Бесағаш ноғайлары жеті топқа бөлінеді. Олар: Байноғай (Сабаз, ас), Бесмолда, Жетіген, Ахмет, Молда, Қалпе, Халит, Хасен. Бесағаш ноғайларының кейбірі ұжымдастыру мен сталиндік зұлмат жылдарында қырғыз бен өзбек асып кеткен. Қырғызстандағы бесағаштық ноғайлар бүгінгі күні өздерін қырғыз, ал Өзбекстандағы бесағаштық ноғайлар өздерін өзбек

санаса, бесағаштың өзінде тұрғандарынан ұлтын сұрасаңда, руын сұрсаңда ноғаймыз, енді бірі қазақпыз деп жауап береді. Бесағаштық ноғайлар Ноғай Ордасының құрамынан шыққан кешегінің ұрпақтары. 250 жылға жуық уақыт бойы бесағаш ноғайлары қазақ жерінде тұрып, қазақ пен құдандалы болып, төскейда малы, төсекте басы қосылып, тілдік, діндік, рухани байланысы жағынан бір болғаннан кейін қазақ ішіне сіңіп кеткен. Антропологиялық жағынан сары ноғайды да, қара ноғайды да осы арадан кездестіруге болады.

1774 жылы Әулиеата жеріне келіп қоныстанғанда ноғайлар 40 шаңырақ болған. Мұрағат құжаттарында 1943-1945 жылдары бесағаштағы ноғайлар 630 адамды құраған. Ал 1974 жылы 1000 адам болса, бүгінгі күні бесағаштық ноғайлардың саны 2000 адамнан асады. Бесағашқа ноғайлардың дәл қай жерден келгенін, ауыл ақсақалдары өздерінің қай жердің ноғайлары екендіктерін құпия ұстаған. Орыстардың қуғынан қаймыққан болуы керек. Оны олар өздерінің хан тұқымынан шыққандығын, сондықтан да көп қуғынға ұшырағандықтарымен байланыстырады. Бүгінгі көзі бар қариялар бесағаштық ноғайлар Астраханнан шыққан ноғайлар екендігін, енді бірі Бұзылық деген жерден шыққандарын айтып отырады.

Осылайша XVIII ғасырда қазақ жеріне келген ноғайлар қазақпен біте қайнасып жатыр. Елімізге Ресейден Тәуелсіздік жылдары көшіп келіп, бүгінгі таңда ноғай мәдениетін жалпы қазақ жұртына композитор Арсланбек Сұлтанбеков, суретші Әлібек Қойлақаев сынды ноғай ұлдары таныстырып жүр. 2008 жылдың шілде айында Астана қаласында «Ноғай мәдени орталығы» қоғамдық бірлестігі құрылды. Оны Қазақстан Республикасының мәдениет қайраткері А.Сұлтанбеков басқарады.

ӘДЕБИЕТ

Қазақстан тарихы. Көне заманнан бүгінгі күнге дейін. Бес томдық. II том. Алматы, 1998.

Асыл Соьз. Ногай шайирлигининь анталогиясы. Черкесск, 2013.

Shyn.kz сайты. Жолымбет Мәкішев. Ноғай қалай қырылды немесе орыс саясатының озбырлығы туралы. 24.02.2013.

Н.Ә.Назарбаев. Тарих толқынында. Алматы, 2003.

Ч.Мусин. Қазақстан тарихы. Алматы, 2003.

А.Уәлиев. Ноғай-қазақ шежіресі. Орал. 2003.

Википедия. Ногайцы. 02.02.2016.

history-state.kz. Мемлекет тарихы институтының ресми сайты. Қазақ әдебиеті. С.Сейфуллин. 11.02.2015.

Қазақ әдебиеті жуналы. Б.Аяған. Ноғай елі: Ұлыдан ұрпақ, тектіден тұяқ қалады. №24. 2015.
Жамбыл облысының топонимикалық атауларының анықтамалығы. Тараз. 2007
Ә.Әзімбай. Бесағаш ауылының тарихы. Тараз, 2015.
Ногайлар: XXI оьмир. Тарих.Тил.Маданият. Аьвелгиден – келеекке. Биринши Халкаралык илми-практикалык конференциядынъ йыйынтыгы. Черкесск, 14-16 мамыр 2014.
Дана kaz журналы. Сырт көз. Бөкей Ордасына көшіп келген рулар. В.Викторин. 09.04.2015.
Ә.Сарай. Ноғайлы. Алматы, 2009.
С.Бизақов. Түбі бір түркілер. Алматы, 2000.
А.Сикалиев. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.
Ногаеведческий сборник. Актуалные вопросы истории и культуры ногайцев. Астрахань, 2013.
Р.Х.Керейтов. Ногайцы. Ставрополь, 2009.
С.И.Алиева. Ногайские тюрки. Баку, 2009.
Валиханов Ч. Собр. сочинения. I том. Алма-ата, 1961.

ШЫҢҒЫС ХАННЫҢ ҰРПАҒЫ ШОҚАН УӘЛИХАНОВТЫҢ ҚҰПИЯ ҚЫЗМЕТІ МЕН ҰЛТЖАНДЫЛЫҒЫ ХАҚЫНДА

Қуандық Есенғазы *

About secret service and national patriotism of descendant of Chengis Khan Chokan Valikhanov

ABSTRACT:
In the article the autobiography of Chokan Valikhanov is examined and his military, scientific career, his contribution to oriental science of Russia is characterized. The author characterizes the value of the Kashgar expedition.

KEY WORDS: science, expedition, service, Russia, Chine.

Шоқан (Мұхамед–Қанапия) Шыңғысұлы Уәлихановтың арғы атасы әлемге әйгілі Шыңғысханнан тарайтын Орта жүздің ханы болған атақты Абылай (Әбілмансұр). Оның отыз ұлының үлкені Уәлі сұлтаннан, Шоқанның туған атасы Шыңғыс туады. Ал Абылайдың ең кенже ұлы Қасым сұлтаннан Кенесары мен Наурызбай туады. Сөйтіп Абылайханнан тараған ұлдардың бірі қолына қалам ұстаған әйгілі ғалым болса, енді бірі қолына найза ұстап, елін отаршылдық бұғауынан қорғаған намысты,

* Тарих ғылымдарының докторы, профессор. Алматы қаласы, сот. 87013470717

қас батырлар шыққан текті ұрпақ болған.

Ал Шоқанның шыққан тегін әлемге әйгілі ШЫҢҒЫС хан бабасынан бері таратар болсақ, ол былай жалғасады. Темучин – Шыңғыс хан –Жошы–Сейн хан–Сартақ–Жәнібек–Жәдік–Сығай–Тәуке–Сәмеке–Есім–Жәңгір–Уәлі–Абылай (қанішер),–Уәлі–Абылай (Әбілмансұр)–Уәлі–Шыңғыс–Шоқан.

Шоқан 1835 жылы қараша айында Құсмұрын бекінісінде туған. Әжесі Айғанымның тәрбиесінде болған. Ол парасатты, терең ойлы әрі көреген, өзінің заманына қарай білімді әйел болған. Ол Шығыс халықтарының бірнеше тілдерін білген, орыс мәдениетіне мейілінше ден қойып, Сыртқы істер министрлігінің азиялық департаментімен, Петербург Сібір комитетімен хат жазысып, байланысып отырған. Бала Шоқанның сана – сезімі ерте оянып, рухани өсіп, жетілуіне әжесі Айғаным үлкен әсер еткен. Сезімтал дарынды балаға әжесі халық даналығының сарқылмас білім бұлағы болған. Ол Шоқанға қазақтың ескі аңыздары мен хикаяларын қызықты етіп әңгімелеп, күні кеше өзі басы–қасында болған оқиғаларды еске алып отырған. Халықтың озық дәстүрлері мен салтын бойына сіңірген әжесінің жарқын бейнесін Шоқан өмірінің аяғына дейін ұмытпай есінде сақтайды. Шоқан әуелі Құсмұрындағы қазақ мектебінде оқиды. Дәстүр бойынша сұлтанның балаларына бірнеше шығыс тілдерін үйрену , яғни «жеті жұрттың тілін білу парыз» болған.

1847 жылдың күзінде он екі жасар Шоқан туған елінен тұғыш рет шығып, Омбыдағы кадет корпусына оқуға түседі. Сол кезде кадет корпусы жан–жақты және терең білім беретін оқу орны болды. Ол сегізжылдық оқу орны еді. Тарих, география және әдебиет жөнінде бағдарлама өте кең көлемді болды. Алғашқы кластардан бастап кадеттер көне заманғы мемлекеттердің, атап айтқанда, Греция мен Рим тарихын, ортағасырлар тарихын, Еуропа географиясын т.б пәндерді өтті. Оқу пәндеріне қосымша ән, гимнастика, жүзу, би қылыштасу, және шабандоздық өнеріне жаттығу ойындары өткізілді. Шоқан кадет корпусын 1853 жылы 18 жасында бітіріп, армиялық атты әскердің корнет деген офицерлік атағын алып шығады.

Шоқан батыс Сібір генерал–губернаторының жанында қызметке қалтырылып, бір жылдан соң батыс Сібір мен Қазақстанның солтүстік–шығыс аудандарын басқарып отырған генерал Гасфорттың адъютанты болып тағайындалады. Сонымен қатар оған өлкенің Бас басқармасы бойынша төтенше тапсырмаларды орындайтын офицер қызметі де жүктеледі. Қызметке орналасқан орта офицерлері царизмнің отаршылдық

саясатының қолшоқпарлары еді. Олардың басында генерал Госфорт пен Сібір қырғыздар облысын басқарған оның көмекшісі фон Фридрихс тұрды. Тікелей Фридрихстің басшылығымен жұмыс істеуге тиісті болған Шоқанның жағдайы ауыр болды. Шоқанның Петербордағы достарына жазған хаттарында көрсетілгендей, Дюгамель, Фридрихс және олардың сыбайластары Крейерус пен Кури өздерінің қылмысты істерін әшкерелеп, заңсыздыққа, парақорлыққа, тонаушылыққа қарсы болып, патшаның отаршылдық аппараты тудырған зұлымдық атаулының бәріне қарсы аянбай күрескені үшін Шоқанды үнемі қудалап, зәбірлеп отырған. Атбасар округтік приказының аға сұлтаны болып сайлануына бөгет жасайды. Уалихановтың замандасы А.К. Гейнс 1865 жылғы жазбасында бірнеше рет осылай қорлап, тобықтан қағу «...биылғы жылы Шоқанның түбіне жетті» деп ашықтан–ашық жазады [Гейнс 1895: 237].

Қоқан хандығының ыпалына тиым салу үшін Жетісуда осы территорияны бейбіт жолмен Ресейге қосуға бағытталған өте сақ және көреген саясат жүргізу қажет болды. Бұл жауапты іске өзге офицерлер М.М. Хаментовский, М.Д. Перемышельскийлермен қатар Шоқан Уәлихановта жұмылдырылды.

1855 жылы Шоқан генерал Гасфорттың сапарына қатысады. Орталық Қазақстанды, Жетісуды және Тарғыбатайды аралады. Оның маршруты Омбыдан Семейге дейін, одан Аягөз, Қапал арқылы Іле Алатауына дейін болды. Бұл кезде Верный бекінісін салу ісі қлға алынған болатын.

1856 жылдың басында Уәлихановқа поручик шені беріледі [Уәлиханов 1985: 33].

1856 жылы ол Хоментовский деген офицердің басшылығымен ұйымдастырылған үлкен әскери–ғылыми экспедицияға қатысады. Экспедицияның мақсаты қырғыз халқымен танысу және Ыстықкөл алабын картаға түсіріп алу еді. Алатау қырғыздарының арасында екі ай жүріп, көбінесе солардың аңыздары мен тілін зерттеп, әр қилы пайдалы мәліметер жинаған.

Саяхатшы ғалымға сіңірген еңбегі үшін штабс–ротмистр атағы беріліп, орденмен марапатталады және ақшалай сыйлық беріледі. 1880 ж. 8 сәуірдегі үкіметтік жарлықта: «Әскери кавалерияның поручигі сұлтан Шоқан Уәлихановтың қажырлы еңбегін, Орта Азиялық, шекараларды тексеріп қайту тапсырмасын орындау кезіндегі қауіп–қатерді жеңіп, шеккен азабын ескеріп, штабс–ротмистр шені беріліп, IV дәрежелі қасиетті Владимир ордені қоса тапсырылып, 500 сом күміс

ақша беріліп, бір жолғы жәрдем көрсетілген» делінген.

Атбасардың аға сұлтанын сайлаған кезде Шоқан өз кандидатурасын ұсынады. Ондағы мақсаты өз отандастарына пайда келтіру еді. «Бір кезде менің өз отандастарыма пайда келтірейін, оларды чиовниктер мен қазақ байларының озбырылғынан қорғайын деп, сұлтан болсам ба деген ниетім де болған. Сондағы көбінесе ойлағаным–оқыған правитель–сұлтанның қандай пайдалы болатынын жерлестеріме өз ісіммен көрсету еді» – дейді Шоқан өзінің Достоевскийге жазған хатында.

Көппен жалғыз алысуыма шама келмесін түсіндім, шындық қанша қасиеті болғанымен адасқанның алды жөн бола береді екен, әсіресе, уақыттың өзі соған себепкер боп тұрса амал бар ма? –деп кейіген кездері де болды.

1864 жылы Шоқан генерал Черняевтың әскери экспедициясына шақырылып, Әулиеата бекінісін алардағы соғыс қимылдарына қатысады. Бұл жолы тапсырма оның орыс қазақ, татар тілдерін еркін білетіндігі ескеріліп, білімді азиялық азамат ретінде жіберілген. Шоқан Черняевпен келісе алмайды. 1864 жылдың шілде айында ол Черняевтің әрекеттеріне наразы бір топ офицерлермен бірге Верный қаласына қайтып келеді. Бұл офицерлер кейін осы әрекеттері үшін жазаланып шендері төмендетіледі. Шоқан Верныйдан кетіп албан руының аға сұлтаны Тезек төренің ауылына барып тұрақтап, оның немере қарындасы Айсарыға үйленеді. 1865 жылы сәуір айында Алтын Емел жотасының етегінде Көшен тоғаны деген жерде, Тезек төренің ауылында қайтыс болады.

Өзінің ғылыми жұмысын ол кадет корпусында оқып жүрген кезде бастаған. Шығыс зерттеушісі И.Н. Березиннің тұңғыш еңбегі «Хан жарлығы» жөнінде рецензия жазады. Жалаирдің «Джами–ат–таварихын» зерттеп, оның негізгі тарауларын орыс тіліне аудартып, түсініктер жазады, оған сүйене отырып шығыс терминдерінің сөздігін жасауды бастайды. Ол «Шейбани–намэ», «Түрік шежіресі» (Әбілғазы) секілді еңбектерді оқып олардың негізінде теориялық маңызы жөнінде теңдесі жоқ «Қырғыздың ата–тегі» атты еңбек жазады. Жетісу өлкесіне келіп, көне Алматы, Қойлы, Алмалық шаһарларын зерттейді, көне ақшалар нұсқасын жинайды. Оның Ыстықкөл, Құлжа, Қашқар сапарларында жазған күнделіктері «Оңтүстік Сібір тайпаларының тарихы туралы жазбалары» өте құнды материалдар болды. Оның ғылыми еңбектерінің ішінде Жетісу, Ыстықкөл, Тянь–Шань, Шығыс Түркістанға арналған тарихи–

географиялық шолуларының маңызы ерекше. Уәлихановтың қазақ халқының тарихы мен этнографиясы туралы зерттеулері, сондай–ақ қазақ даласындағы әлеуметтік–саяси қарым–қатынастарға байланысты мақалаларының ғылыми маңызы зор. Олар «Абылай», «Қырғыздың ата–тегі», «Көне дәуірдегі қырғыздардың қару–жарағы және әскери жабдықтары», «Сахарадағы мұсылмандық туралы», «Қырғыздардағы шамандықтың қалдықтары» т.б.

Белгілі ғалым В.И. Веселовский: «Шоқан Шыңғысұлы Уәлиханов Шығысты зерттеу ғылымында аққан жұлдыздай жарқ етті де жоқ болды» –деп жазуы оның ғылым саласындағы аса ірі жетістіктерін көрсетеді [Бейсенбайұлы 2009: 608].

Қазақтың аса көрнекті бір туар ғалымы Шоқан Уәлиханов артына мол әдеби, тарихи мұралар қалдырды. Қамшының сабындай ғана болған қысқа өмірінде ол Орталық Азия мен Қазақстан халықтарының тарихы, географиясы мен этнографиясына арналған бірсыпыра еңбектер мен қоғамдық–саяси тақырыптағы толып жатқан шығармалар жазып кетті. Шоқан терең энциклопедиялық білімі бар, өз заманындағы ғылымда бірқатар мәселелерді жаңаша көтере білген талантты ірі ғалым болды. Ол ғылымның 12 саласы бойынша зерттеу жүргізіп жаңалық ашып ғылымға өз үлесін қосты. Оған оның дипломатия, нумизматика, геодезия, картография, саясат, халықтың ауыз әдебиеті, құқықтану, журналистика, медицина, сурет өнері, әскери іс, халықаралық қатынас, шежіреші, демограф, статистика, дін саласында ашқан жаңалықтары куә. Ол ғалым, ағартушы, публицист, демократ, тарихшы, фольклоршы, этнограф, саяхатшы, шығыстанушы, барлаушы, энтомолог, географ, зерттеуші, экономист, офицер, суретшілікті меңгерді [Қыстаубаев 2010: 31, 35].

Әзірленіп жатқан қазақ даласындағы сот реформасы жайлы өз пікірін айта келіп, Шоқан реформаларды қоғамдық-саяси процесті ескере отырып қоғамдық өмірдің түрлі факторларын зерттей келіп, қарастыру керек деп өз қандастарының болашағын ойлап солардың мүдделерін қорғауға тырысты. Ол: «Саяси реформалар экономикалық істерді жүзеге асыратын құрал ретінде көрінбек, өйткені әрбір жеке адам және бүкіл адам баласы қауымдасып өзінің түпкі мақсаты материалдық әл-ауқатын жақсартуға тырысады. Адамның тұрмыс қажетін өтейтін реформа ғана пайдалы да, ал бұл мақсатқа қандай да болса кедергі келтіріетін реформа зиянды болып табылады. Қоғамдық тұрмыс мұқтаждығын жақсартуға бағытталған

қандай да болмасын реформа қоғамның мұқтажы мен қаражаты белгілі болғанда ғана кездейсоқтыққа ұшырамай, діттеген мақсатына жете алады» -деп бүгінгі прогрестік көзқараспен тұжырым жасайды. Соны іске асыруға талпыныс жасайды.

Шоқан Омбыда оқып жүргенде кадет корпусының оқытушысы барлаушы полковник Гутковскиймен жақын араласып, жексенбі сайын оның үйіне қонып жүрді. Бұл таныстық оның болашақта мамандық таңдауына ықплын тигізбей қоймады. Шоқанның талантты жас екенін көрген әскери барлаушы Гутковский оны қызмет барысында қолдап, оны әскери барлау қызметіне баруына жол ашты.

Шоқан Ресей империясының Бас штабының әскери сыртқы барлау қызметінің офицері болды. Арнаулы әскери барлау қызметінде жүріп өте күрделі құпия тапсырмаларды орындады. 1857 жылы Ресей империясының Бас штабның Бас басқармасы (әскери сыртқы барлау) ол кезде ресей үшін жабық болған Кашқарияға тыңшы жіберу туралы шешім қабылданады. Ондағы мақсат Шығыс Түркістандағы саяси ахуалды білу, бұл аймаққа кімдер ықпал жүргізіп отыр, қытайлардың ұйғыр мәселесі Ресей үшін өте қажет болды. Өйткені Тянь-Шань мен Алтай өңірінде көз тіккен ағылшындардың бұл аймаққа қатысы барма деген мәліметтер қажет болды. Себебі бұл континентті ағылшындармен бөлісу Ресей империясы үшін пайдасыз еді.

Шоқан дүниеден өткеннен кейін 20 жылдан соң Ресей үкіметінің баспасөзі Шоқанның өлімі өкпе ауруынан болған деген ақпаратты жиілетті. Ал оның көзі тірісінде ол өкпе ауруы туралы сөз болған емес. Шоқан туралы жазылған кітаптарда оның хаттарында ауырғандығы туралы анда- сонда бір мардымсыз дәлелі шамалы ақпарат кезеседі. Бірақ оның қандай науқас екендігі жазылмаған. Бұл ауру Шоқанға сырттан, Бас штабтың Бас басқармасы тарапынан халықты сендіру үшін тағылған жалған айып болуы мүмкін деген күдік басымырақ. Бұл күдік оған у беріп өлтірген деген қосымша фактылардан туындаған. Екінші бір күдік туғызатын жағдай хал үстінде жатқан күйеу баласы Шоқанды қайнағасы Тезек төре, (орыс әскери барлауының резиденті болған) оны кигіз үйге қалдырып көшіп кетеді. Өзінің ауыр халін айтып, көмек сұрап ол Семейге және Омбы қалаларына хабар жібереді. Алайда не достары, не әскери шенуініктер, тіпті «қолы ұзын» орыс барлау басқармасындағы саяхатшы-барлаушылардан да ешкім көмекке келмейді. Оны жасырын жерлейді. Дәрігерлер оның өлгені туралы акт да жасаған жоқ. Өйткені хан тұқымы Шоқанның

саяси көзқарасы орыс империясының саясатына қайшы келді. Ол енді өзі тәрбиелеген барлау басқармасына да қажетсіз адам болып қалған еді.

Ол атеист болған жоқ, Бір Алланың хақтығына сенді. Қытаймен шекара туралы мемлекетаралық келіссөздерге қатысып табысқа жетті. Полковник деген әскери шенге ие болды. Парижге, Қашқарияға барлушы ретінде барып қайтты. Ресейдің Қазақ жерін зорлықпен қосып алуына қарсы болды. Социал-демократтармен дос болды, бірақ революционер болған жоқ. 1860 жылдан бастап өмірінің аяғына дейін ұлтын сүйгені үшін, өзге де пікірлері үшін қарсы барлаудың жіті назарына ілікті. Ол өкпе ауруымен ешуақтта ауырған жоқ. Бұл туберкулез ауруын арнайы барлау органы Шоқанды Петербордан аластау үшін ойдан әдейі шығарған деген тұжырым бар. Әкесі Шыңғыс ешуақытта немере ағасы Кенесарымен соғысқан жоқ. Құлжада, Қашқарияда агентуралық ұйымдар құрды. 1864 жылы Әулие-атаның бейбіт тұрғындарын атқаны үшін Черняевтің қоластындағы әскерді тастап кетті. 1865 жылы оның шекара аймағында тұруы қауіпті саналып, оны жою туралы құпия шешім қабылданған деген сөз бар. 1865 жылы 10 сәуірде арнайы барлау қызметінің тапсырмасы бойынша өзінің атқосшысы арқылы у берілген деген мәлімет бар.

ӘДЕБИЕТ

Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб: 1895, том 1.Уәлиханов Ш. Таңдамалы. Алматы «Жазушы» 1985.

Бейсенбайұлы Ж. Шоқан. Ғибратты ғұмыр. Алматы «Қазақстан» 2009.

Кыстаубаев Б. Тайна Чокана Валиханова. Историческое эссе в трех частях. Алматы, 2010.

Чокан и власть. Свобода слова. 13 апрель, 21 декабрь 2005 г.

ГОРОДА НИЗОВЬЕВ АМУДАРЬИ В ХИВИНСКИХ ХРОНИКАХ МУНИСА И АГЕХИ (XVIII-XIX вв.).

Пискунова Ирина Владленовна *

Towns at the low reaches of Amudarya in the chronicles of Munis and Agakhi

* Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. E-mail: irennn58@mail.ru

ABSTRACT:
The article`s purpose is to show how the Khiva historians Munis and Agakhi described towns of the lower reaches of the Amudarya river. In the former Khiva khanate`s territory Karakalpakstan and the Khorezm province of Uzbekistan are located now. The article`s author gives a brief survey of information from the Khiva chronicles concerning only towns of Karakalpakstan. The most part of information the Khiva historians gave about such towns as Kungrat, Khojeyli, Kipchak, Mangit, Chimbay. The towns in the Khiva chronicles are mentioned within the framework of political events.

KEY WORDS: Munis, Agakhi, Khiva chronicles, towns, low reaches of the Amudarya river

К числу важнейших проблем, требующих дальнейшей разработки, относится всестороннее изучение многовековой истории городов – колыбели древнейших центров ремесла, торговли и культуры. Низовья Амударьи, где расположен современный Каракалпакстан, богаты своеобразной городской цивилизацией. Города Каракалпакстана неразрывно связаны с историей прилегающих к ним областей, так как способствовали росту цивилизации и культуры, осуществляли взаимосвязь с окружающими их селениями.

Среди каракалпаков бытует поверье о пяти городах («беш кала»), к которым сегодня историки Каракалпакстана относят Ходжейли, Чимбай, Кыпчак, Мангит, Кунград как главные города каракалпаков в XVIII-XIX вв.

В текстах восточных сочинений затрагивается история городов, городской культуры Каракалпакстана. Частично тексты письменных восточных первоисточников введены в научный оборот, но еще долго будут использоваться, в частности, при исследовании вопросов городской культуры Каракалпакстана. В этом плане основными источниками продолжают оставаться работы придворных историков Муниса и Агехи. Шир Мухаммед, сын Эвес-бия, известен под псевдонимом Мунис (1778-1829 гг.), писал историю Хивинского ханства по поручению хана Эльтузера. Продолжил работу Муниса его племянник Мухаммед Риза под псевдонимом Агехи (1809-1874 гг.) по поручению Алла-кули хана. Хивинские хроники прерваны на описании событий 1872 г. На русском языке хивинские хроники известны в отрывочных переводах, опубликованных в сборниках по истории каракалпаков и туркмен в 30-е годы XX в. Под руководством Ю. Брегеля в США хивинские хроники были переведены на английский язык и опубликованы в 1988-1999 годах.

Трудность исследования городов Каракалпакстана

заключается в том, что мусульманское право не различает город как особый социальный организм. Эта нечеткость определения нашла отражение в хивинских хрониках. По замечанию переводчиков термин «кала» использовался в значении и «крепость», и «город», и «укрепленная усадьба», обозначаемая иногда в Средней Азии термином «курганча». [МИКК 1935: 104] По этой причине в переведенных текстах один и тот же населенный пункт, например, Ходжейли или Мангит, может называться и городом и крепостью. Сегодня арабское слово «кала» используется в значении «город», например, «гоне-кала» или «старый город». Слово «кала» используется также в значении «укрепленное место поселения». Остатки подобных «кала» находятся во всех районах Каракалпакстана. О городах низовий Амударьи XVIII – середины XIX вв. сведения в хивинских хрониках малочисленны, скудны и даны на фоне картины политической жизни ханства. Мы уделили больше внимания таким городам Каракалпакстана, как Кипчак, Ходжейли, Кунград, Ктай (Кытай, Хтай), Мангыт, Чимбай.

Город Ходжейли упоминается в хивинских хрониках как торгово-ремесленный, административный и культурный центр левобережья низовьев Амударьи. История города напрямую связывается археологами Каракалпакстана с городищем, на котором ныне действующее кладбище, - Миздахкан. Одно из ранних упоминаний города Ходжейли (Ходжа-эли) в хрониках Муниса за 1779 год связано с описанием восстанием туркменских племен против хивинских властей. В это время власть фактически была в руках Мухаммед Эмин-инака, который сразу же назначил отряд в двести человек для охраны Ходжейли. Руководитель восставших туркмен нашел союзников в Аральском владении среди мангытов и каракалпаков, с войском направился к Ходжейли и занял город после семи дней осады. Большая часть информации о городе Ходжейли и его окрестностей связана с XIX веком. Судя по хивинским хроникам город располагался на сухопутной дороге левобережья Амударьи из Хивы в Куня-Ургенч или из Хивы в Кунград. Поэтому все военные походы хивинских ханов против восставших туркмен или каракалпаков в районе Кунграда, а также против жанадарьинских каракалпаков совершались через город Ходжейли. Таким образом, город занимал стратегически важное положение. По этой причине город Ходжейли хивинские ханы старались тщательно охранять. В окрестностях города селили, в качестве поощрения, покорных биев с их родами, здесь

во время военных походов хивинские ханы по несколько дней занимались охотой. Мунис подробно описывал, как Мухаммед Рахим хан для укрепления своей власти совершил несколько военных походов в Кунград и на Жанадарью. Можно привести примеры. В 1808 году во время похода в Кунград «… остановку сделали в Ходжа-эли. Обласкав и облагодетельствовав население хан в пятницу вышел…». На обратном пути войска хана опять расположились на отдых в окрестностях Ходжейли. [МИТТ 1938: 373-374] Во время другого военного похода в Аральское владение в 1809 году «… знать и население Ходжа-эли во главе с Сейид ходжа бием и высшие представители каракалпаков, живших в районе Ходжа-эли, устроили (хану) встречу и прибыли на поклон с подарками…». [МИКК 1935: 100] В 1810 году некоторое время Ходжейли охранял Кутлуг Мухаммед-инак. Когда он отбыл в сторону Ай-бугира на подавление восставших туркмен чоудоров - союзников Торе Мурада Суфи, охранять город остался его сын. Судя по хивинским хроникам, иногда хивинские ханы наказывали своих воинов за преступления против мирного населения. Один такой случай связан с окрестностями Ходжейли, где расположились войска Мухаммед Рахим хана в ноябре 1810 года во время военного похода против жанадарьинских каракалпаков. Пока хан занимался охотой, некоторые воины «дали коням корм из скошенного трудящимися Ходжа-эли и каракалпаками фуража и сена без разрешения хозяев. Когда это насилие стало известно хану, он удовлетворил хозяев царскими подарками, а виновным в виде наказания приказал проколоть носы и уши и приказал глашатаям объявить по лагерю, что всякий, кто протянет руки стяжения к имуществу трудящихся без их согласия, понесет наказание…». [МИКК 1935: 112] В XIX веке Ходжейли превращается в пункт, где ханские войска и военачальники находятся в ожидании приказов из Хивы. О стратегическом расположении города Ходжейли и о слабости хивинских властей говорит косвенно историк Агехи. В январе 1856 года Рахман Берды-бий и Вейс Нияз-бай, которые находились в Ходжейли согласно приказанию Кутлуг Мурада хана, без разрешения вернулись обратно в Хиву. Их напугало два обстоятельства. То, что Зарлык-хан примерно с тысячью каракалпакских всадников прибыл к туркменскому племени иомутов, для совместного продолжения восстания, и то, что туркменское племя джемшидов стало грабить население в окрестностях Ходжейли. За этот поступок хан не наказал их.

[МИТТ 1938: 558]

Интересна запись Муниса о том, как 2 января 1811 года Мухаммед Рахим хан с левого берега «…переправился через Аму против крепости Шорча, которая расположена от Ходжа эли на северо-восток…». [МИКК 1935: 118] Видимо, это одно из малочисленных свидетельств, как и где зарождался город Нукус (или крепость Шорча) – столица современного Каракалпакстана.

Согласно хивинским хроникам город Чимбай являлся торгово-ремесленным и политико-административным центром на правобережье низовьев Амударьи с XVIII века. Город Чимбай известен как город Шахтемир (или Ша-Темир в хрониках Муниса и Агехи). Шахтемир находился на берегу протока Кегейли. Вопрос о локализации города до конца не исследован. В хрониках Агехи Чимбай середины XIX века прописан как Чинбай. [МИТТ 1938: 533; МИКК 1935: 138, 142] До настоящего времени о происхождении слова «чимбай» продолжаются дискуссии, среди историков нет единого мнения. В последнее время появилась версия, что какое-то время в начале XVIII века Шахтемир выполнял роль центрального города всего Аральского владения после разгрома Кунграда в 1715 году Ширгази ханом. [Хожаниязов 2004: 53] Географическое расположение для поселения было удобным – здесь проходили водные и сухопутные дороги. Водный путь, по которому доставлялись товары, соединял базар города со всеми главными населенными пунктами как Аральского (Кунградского) владения, так и Хивинского ханства. Кроме того, здесь соединялись и многие сухопутные пути, из которых самые главные пути второй половины XIX века проходили через Нукус к горам Султануиздага, Дау-кара и низовий канала Кегейли.

Кипчак расположен на дороге между Хивой и Ходжейли на левом берегу реки. Видимо, Кипчак был достаточно укреплен и играл важную роль в Хивинском ханстве. Практически во всех своих военных походах хивинские ханы делали остановку в Кипчаке или в его окрестностях. Так было описано в хивинских хрониках под датами за 1808, 1809, 1810, 1852 годы. Мунис подробно описал один из военных походов (1808 г.) Мухаммед Рахим хана. 6 июня хан выступил из Хивы в Ак-кум, затем сделал остановку в Кипчаке, далее - в Кечуйе, затем у головы канала Салли (округ Ходжейли), потом остановился в городе Ходжейли, и так далее до конечного пункта - озеро в низовьях

Майли-узяка. Из описания похода выходило, что отрезок пути проходил по левому берегу Амударьи, а сама дорога доходила до окрестностей Кунграда, а Кипчак находился недалеко от Хивы. В нескольких часах пути от крепости Кипчак находилось собственное владение Мухаммед Рахим хана – Анбар-кала. Около Кипчака находилась переправа через Амударью и ханы охотились на обоих берегах реки. На левом берегу Амударьи находился тугай Капкаклы, на правом берегу - Бадай-тугай.

Так же о Мангыте, расположенном недалеко от Кипчака на левом берегу Амударьи, имеются сведения в хрониках Муниса и Агехи. Характерно, что Мангыт часто упоминается наряду с такими населенными пунктами как Гурлен, Хтай, крепость Клыч Нияз-бай, селение Чагатай. Судя по тексту хивинских хроник, Мангыт уже в XVIII веке располагался в густонаселенном районе ханства, через него проходила одна из дорог в Хиву, расстояние до Хивы было небольшим – несколько часов езды на лошади. В хронике Муниса «Фирдаус-уль-Икбаль» имеются описания борьбы за власть Мухаммед Эмин-инака с Хан Гельды-инаком. Когда Хан Гельды-инак бежал в «Арал» и «вошел в Кунград» (1768/1769 гг.), правитель Аральского владения Мухаммед Назар-бий (сторонник Мухаммед Эмин-инака) бежал «из Кунграда в Мангыт, …начались военные действия, продолжавшиеся два с половиной года». [МИТТ 1938: 340] В данном случае видно особое положение городов Мангыта, находящегося на пути из Аральского владения в Хиву, и Кунграда. Интересно описание Мангыта в хронике Агехи. Неожиданно для хана восстало туркменское племя джемшидов, в 1839-1840 годах переселенное из Хорасана на земли между Мангытом и Куня-Ургенчем. Восставшие ворвались в крепость Клыч Нияз-бая. «Ничего не подозревая, население крепости беззаботно занималось куплей-продажей на своем базаре. …Все, что находилось в крепости – провизия, кони, оружие, зерно и остальное имущество …захватили в добычу, а всех ее правителей и старейшин со всеми их домами и домочадцами отправили в свою крепость. …Оставив своих людей в …крепости для управления, …направились на (город) Кытай.» «Завладев таким же образом Кытаем и его населением, они двинулись на крепость Мангыт, где угрозами и запугиваниями, переходящими всякие границы, они взяли несколько человек в заложники». Все события произошли в один день 11 января 1856 года (четверг). Из текста понятен участок пути – пограничная с пустыней и ареалом

расселения туркменских племен крепость Клыч Нияз-бай – город Кытай – Мангыт. Скорее всего, Мангыт был ближе к Хиве, чем остальные из перечисленных поселений, более многолюдный и, следовательно, менее доступный для восставших. Поэтому восставшие только угрозами и запугиваниями могли взять заложников. Нигде не говорится о разорении Мангыта и его жителей. Можно предположить, что Мангыт имел защитные стены подобно Кытаю. Самым малочисленным из перечисленных поселений, более беззащитным (в плане расстояния до Хивы и, следовательно, во временном плане получения военной помощи) была крепость Клыч Нияз-бай. В хронике далее Агехи пишет, как в ответ в ночь на воскресенье крепость была занята по приказу хана, но в ночь на понедельник Мехди-кули-бек (руководитель туркменов) вновь захватил ее, «многих жителей крепости убил, остальных разграбил и переселил, а крепость ». [МИТТ 1938: 557] О крепости или небольшом городке Клыч Нияз-бай известно, что он расположен к югу от Мангыта на канале того же наименования.

Из всех городов и Каракалпакстана и низовьев Амударьи особое место занимает город Кунград. Его история неотделима от истории Хивинского ханства и Аральского владения (1625-1811 гг.). В хрониках считается, что город основало узбекское племя кунграт. По имени племени назван сам город. До настоящего времени не локализовано первоначальное место расположения города. Мунис лишь упоминает старую крепость Кунград, около которой в 1811 году ханские войска переправились через реку на обратном пути из военного похода. [МИКК 1935: 119] В последнее время появилась версия, что первоначальным названием города Кунграда было Арал; город Арал (как центральный город Аральского владения) располагался на месте современного города Кунград. [Хожаниязов 2004: с.53] Это первый населенный пункт городского типа, с которым встречались кочевники и полукочевники, спускавшиеся для торговли с Устюрта. Город Кунград был административным центром, где находился управленческий аппарат и представители власти. Хотя точное расположение Кунграда в начале XVIII века неясно до сих пор, но в середине XIX века Кунград находился на канале Хан-яб, проходившем через город, и частью на рукаве Таллыке. [Сайманов 1997: 103] Город Кунград чаще остальных, из перечисленных

нами, городов упоминается в хивинских хрониках, что связано с рядом обстоятельств. Территориально город Кунград располагался далеко от столицы ханства. Мунис, как участник и очевидец военного похода Мухаммед Рахим хана «в Арал», отметил, что ханские гонцы преодолевали дорогу от 3-х до 4-х дней. Хивинские историки отмечали, что географически город Кунград занимал удобное положение в нижней дельтовой части реки Амударьи и на ее протоках. Воды реки, ближайших озер служили защитой городу и соединяли его со всеми уголками ханства. До начала XIX века в этой части Аральского владения не было другого населенного пункта, где хивинские ханы могли бы поставить на постоянной основе вооруженный отряд. Лишь в местности Ак-якыш на переправе находилась крепость Ак-якыш, основанная каракалпаками. Фактически границы ханства были номинальными. Население города и его окрестностей (большей частью кочевое и полукочевое) оказывало сопротивление власти Хивы. Город Кунград соединялся сухопутными дорогами, проходившими в окрестностях, не только со столицей Хивой, но и с Бухарским эмиратом, со степью Дешт-и-кипчак и далее с Оренбургом, с туркменскими племенами. Город вырос как торговый пункт. В связи с борьбой за Аральское владение в хивинских хрониках подробно описываются такие события как походы Мухаммед Рахим хана против династии Суфи и их союзников – жанадарьинских каракалпаков и их подчинение, основание крепости Айдос бия на месте крепости Ак-якыш, восстания Айдос бия и Ерназара Алакоза, борьба с Мухаммед Фена, связанные с городом Кунградом и его окрестностями.

Таким образом, информация хивинских хроник Муниса и Агехи показывает, что такие города низовий Амударьи как Кунград, Ходжейли, Мангыт в XVIII - XIX вв. имели городские оборонительные стены. В отношении города Кыпчак данные об оборонительных стенах не найдены. Также невозможно определить у этих городов их городскую площадь. Остается открытым вопрос о численности городского населения этих городов. Среди городского населения выделяются ремесленники, торговцы. Но они не составляли полностью городское население. В городах проживали дехкане, которые имели земельные участки и пастбища за пределами городской черты. Города Кунград, Чимбай, Ход-

жейли, Мангыт, Кыпчак имели своих правителей, назначаемых хивинскими ханами, а также хивинскую городскую администрацию. В городах Кунград, Чимбай, Ходжейли, Мангыт располагались вооруженные отряды, численность которых была непостоянной. В окрестностях перечисленных городов XVIII- XIX вв. имелось множество населенных пунктов, так называемые «кала». Городское и сельское население было неразрывно связано. Города низовий Амударьи были связаны сухопутными и водными дорогами. Система дорог позволяла участвовать как во внутренней, так и во внешней торговле. Как правило, города низовий Амударьи основывались в местах, имевших стратегическое, транспортное или торговое значение: у переправ, у истоков больших каналов, на пересечении водных и сухопутных дорог, были тесно связаны с ландшафтом местности. От этого зависели основные занятия населения.

ЛИТЕРАТУРА

Материалы по истории каракалпаков // Труды института востоковедения, Москва-Ленинград, издательство Академии наук СССР, 1935, т. VII, с. 91-143 (сокращенно - МИКК)

Материалы по истории туркмен и Туркмении// Труды института востоковедения XXIX, Москва-Ленинград, издательство Академии наук СССР, 1938, т.II, с.323-638 (сокращенно - МИТТ)

Хожаниязов Г. Арало-Кунградское владение.// Вестник Каракалпакского Отделения Академии Наук Республики Узбекистан, Нукус, 2004, №7, с.52-55

Сайманов С. Город Кунград в сообщениях путешественников и ученых XIX в. (40-60-е гг. XIX в.). //Вестник Каракалпакского Отделения Академии Наук Республики Узбекистан, Нукус, 1997, №1-2,с.102-104

БАТЫС СІБІР ЖӘНЕ ОМБЫ ӨЛКЕЛЕРІНДЕГІ ҚАЗАҚТАРДЫҢ ҚОНЫСТАНУ ТАРИХЫНДАҒЫ МӘСЕЛЕЛЕР

Ескекбаев Дәурен Биматұлы*

Some problems of the history of the resettlement of the Kazakhs of Western Siberia and Omsk

ABSTRACT:

* Алматы Менеджмент университетінің жетекші ғылыми қызметкері, т.ғ.к. d.eskekbaev@mail.ru

In article the author considers history of the settlement of Kazakhs in Western Siberia and Omsk region. The author, giving historical sources and archival materials, claims that Argyns in the specified territory have lodged still in ancient times (starting with XIII century). Also the number, ethnic structure of the population and a problem of his moving in this region are considered. At the same time, the author pays attention to administrative-territorial division of the considered region in the period of imperial Russia and the beginning of the Soviet period. In article the author uses archival sources, materials of the same time and folklore sources. Article is written at the high scientific level, interesting historic facts are given in it many.

KEY WORDS:
Western Siberia, Omsk, Turkic tribes, Kazakhs, claims that Argyns, Ertis, Tobil.

Ресейдің Батыс Сібір және Омбы өңірлеріне қатысты тарихи мәліметтерге көз жіберсек, сонау алғашқы мың жылдықтың өзінен бастап ақ мұңғұл, түркі тайпаларының шиырлаған ізі сайрап жатқаның байқаймыз. Кейбір қазақ руларының атап айтқанда арғын, қыпшақ, керей, уақ т.б. тайпалардың көне тарихы да осы өлкелермен тығыз байланысты. Осы арада өлке тарихын арнайы зерттеген ғалымдар деректерінде: «Қазақтардың Батыс Сібірге енуі XV ғасырда басталды, олар көбіне әскери шабуыл, не болмаса жекелей топтардың шекаралас жерлерді жазғы көші-қонға пайдаланумен байланысты жылжып, орманды дала жазықтығына (қазіргі Омбы, Новосібір облысы, Түменнің оңтүстігі) орналасты. Олардың барлығы Орта жүздің - қыпшақ, найман, арғын, керей, уақ тайпаларын құрады», - деп жазады [Ш.К. Ахметова, И.В.Захарова, Г.М.Патрушева 2006:8].

Батыс Сібір өлкесін мекен еткен ру тайпалар негізінен Қазақстанның солтүстік, орталық, шығыс өңірлерімен үнемі тығыз қарым -қатынаста болған. XIII-ғасырларда Шыңғыс хан жорықтарынан мезі болып ығысқан көптеген түркі тайпалары Батыс Сібір өлкесіне қоныс аударуға мәжбүр болды. Деректер бойынша қыпшақ тайпалары бұл өңірді бұған дейін де мекен қылса XIII - ғасырдың бас кезінде бұл өлкеге арғын, керей және уақ тайпалары келіп табан тірейді. Ертістің орта ағысы, Тобыл, Есіл және Тур өзендерін бойлай қоныстанған түркі тілдес тайпалар этносаяси бірлестікке болған. Олардың ішінде көне автохтонды тайпа ретінде керейлер бұл одақтың басты діңгегі болған сияқты. Бұл туралы орта жүз қазақтарының ру-тайпалық құрылымын жан-жақты зерттеген М.С.Мұқанов: « XIII ғ. басында біраз түркі тайпалары Шыңғысханның соққысынан кейін Солтүстік Қазақстан даласына қарай жылжып, монғолдардың жауыздығы салдарынан керейлердің

кейбір тобы ескі қонысынан кетуге мәжбүр болды. Керейлердің көптеген рулары Ертіс өзенінің бас жағынан бастап өзен бойын жағалай қуалап отырып Омбы өзеніне дейін жетті», -деп сипаттайды [Востров В.В., Муканов М.С.:58].

Керей және уақ тайпаларының XIII-ғасырдың бас кезінде ақ Батыс Сібір өлкесіне иелік еткендігін халық ауыз әдебиеті шығармаларынан әсіресе, оның ішінде белгілі сардар қазақ, ноғай, қарақалпақ біріккен жасақтарына қолбасшылық жасаған ордабасы, әрі зар заманның зұлматын тарихи жырларға арқау еткен Қожаберген жыраудың атақты «Елім-ай» дастанындағы мына бір деректі хикаятынан-ақ көп ақиқатты аңғаруға болады:

«…Тұтас ел бытырамай орнаған бақ
Баласы Орта жүздің Керей Уақ
Құт қонып, Қыдыр дарып ерте кезден
Мекендеп Сібірді олар тұрған ұзақ.
Тоғайын Омбы өзеннің жұртым қыстап
Баптаған алғыр тазы, бүркіт ұстап
Бес жүз жыл Керей қоныс еткен Сібір
Қорғаған жаудан халқын қару ұстап
Ертіске екі беттен елім қонған
Төскейге қой мен жылқы, түйе толған…», - дей келе,
«...Тоғайын Омбы өзені жұртым қыстап,
Баптаған алғыр тазы, қыран ұстап.
Ертеден Керей қоныс еткен Сібір,
Қорғаған жаудан ерлер қару ұстап...», - деп жалғастырады

[Қожаберген жырау 2007:26]. Тек үзіндісі келтірілген жыр жолдарынан керей тайпаларының аталынған кезеңде тек Ертіс өңірі ғана емес Омбы өзені бойын жағалай оның қос алқабын да қоныс еткендігіне көз жеткіземіз.

Жалпы осы жерде тоқтала, нақтылай кететін бір мәселе біздер көбінесе қазақтын тарихи жырларына көңіл аударбай бір жақты жазылған кейбір орыс зерттеушілерінің жазбаларын негізге алып жататындығымыз да бар. Ал шындығында тарихи жырлар нағыз дерек көздері. Мәселен, Қожаберген жырларында деректі мағлұматтардың өте көп кездесетіндігін оның «Өткен кезең» (Ақтабан шұбырынды алдындағы уақиғалар) деген дастанында анық байқалады. Ол жырда ойраттардың алдымен әлсіз тайпаларды «дәу мылтықтың добымен жотап салып» (жыр жолдарында көптеп кездесетін «дәу мылтық» немесе «зор мылтық» атаулары сірә қазақ тіліне зеңбірек атауы сіңісті болғанға дейінгі атаулар болса керек - Д.Е.) құлдыққа салғанын, Енесайдан қырғыздардың көтеріле қашқанын, одан

әрі он шақты жыл қоңданып, күш жинап қазақтарға шабуылға дайындалғанын былайша сипаттайды:

« ... Жоңғарға Дүнген, Сібе дихан болып,
Шор, Тұба, Саха мен Хас малшы болып ,
Шаруасын тәуелді елдер атқарған соң,
Жауыздар дәулеттенді, бақыт қонып»,
« ... Керейден Омбы өзенін тартып алды,
Ертіске орнап Халхи жатып алды»

немесе « ... Керейден тартып алған Омбы өзенін, орысқа кәпір қалмақ етті тарту», - деген жыр жолдары арнайы тоқталып зерттеулерді қажет етеді [Қожаберген жырау 2007:39,42,43].

Мұнан басқа тарихи дерек көздері де керей мен уақ тайпаларының бұл өңірді XVII-XVIII ғасырлар аралығына дейін, яғни өздерін бұл кезде толық күш алған қалмақтар ығыстырғанға дейін мекен еткендігін баяндайды. Ол жөнінде М.С.Мұқанов: «Ресейге Сібірдің қосылуы, қалмақтардың қазақ даласына шабуылы Тобол, Тур, Омбы бойын мекендеген керей тайпаларының орнын ауыстыруына әкелгендігі «Сібір жылнамаларында» айтылады. Олар Солтүстік Қазақстан территориясын ала отырып, Сібірдің оңтүстігіне қарай қоныс аударып, тұрақтап қалады. Жоңғарларды қуғаннан кейін керейлердің бір бөлегі Ертіс бойының кейбір жерлерін мекен етеді…», - деп жазады [Муканов М.С.1974:36].

Мақала өзегіне айналып отырған аймақты ұзақ жылдар бойы зерттеу нысанына айналдырған белгілі ғалым, Омбы қаласының тумасы З.Е.Кабульдинов те өзінің ғылыми зерттеулері мен монографиялық еңбектерінде тек қана тарихи құжаттар ғана емес, ел аузындағы шежіре әңгімелер мен ауыз әдебиетіндегі фольклорлық мұраларға да көңіл аударып Батыс Сібір өлкесіне қазақтардың қоныстану және қалыптасу тарихын тарихи-демографиялық аспектілерде жан-жақты қарастыра отырып бұл өңірге қазақтардың алғашқы табан тигізген уақыты XIII-ғасырдың бас кезі деген қорытындыға келеді .

Ел арасындағы шежіре сөзге көңіл аударған И.Шангин «Дневные записки путешествия в степи киргиз - кайсаков Средней Орды» деген жазбаларында Орта жүздің алты арысын - Сібір халқынан бөлінген, өздерін еркінбіз, қайсақпыз деп дараланған, жергілікті автохтонды қалың елдің бір саласы ретінде суреттейді. Осы бір мәліметтерді, Батыс Сібір өлкесін жан -жақты арнайы зерттеген И.Завалишиннің еңбегінде: «…1587 жылы Тоболскінің құрылуымен, онда бірінші рет мыстан әулие Троицаның шіркеуі салынғандығын» тілге тиек

етіп, оған «Алтын Арғындар» да ат салысқандығын жазады [Завалишин И. 1867:123]. Бұл деректер де көптеген қазақ ғалымдары айтып жүргендей Арғын тайпасының бұл өлкеге тым әріде табан тірегендігін дәлелдейді.

Сондай-ақ түркі тайпаларына ежелден-ақ белгілі болған рулық- тайпалық таңбалардың да басқыншы - жаулаушы халықтар иелігіне көшіп, мемлекеттік рәміздерінен орын алғандығын мына бір деректерде: «…Сібірдегі ежелгі татар тайпалары Шыңғыс хан кезеңінен ақ, «таңбаны» қолданды. Ермактың Сібірді жаулап алудан 10 жыл бұрынғы (1581 ж.) Көшім ханның 1573 ж. адалдыққа берген жазбасы осы таңбамен бекітілді» [Завалишин И. 1867:130].

Сондай ақ, Г.Ф.Миллер өзінің «Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири, в нынешнем его положении в октябре 1734 г.» деген атаулы еңбегінде XVII-ғасырдың бас кезінде Ертіс пен Обь өзені аралығында көшпелі қалмақтар мен телеуіттер, яғни «ақ қалмақтар» иеленіп, мекендегенін айта келіп, XX ғасырдың бас кезеңіне дейін Томск қаласының солтүстігіне (Об өзенінің оң қапталы) қарай Арғын болыстығы болғандығын жазады [Миллер Г.Ф: 4,69]. Ал белгілі зерттеуші Н.Патканов та Тобыл, Томск және Енисей губернияларында «Больше Аргынские и Мало Аргунские» деп аталынған Арғын тайпалары қоныстанған округтер болғандығы туралы деректер береді [Патканов:4,69].

Айта кету керек, бұл кезеңдерде орыс зерттеушілерінің өздері де мойындағандай Ресей империясының бұл өлкеге қызығушылығы болғанымен де XVII-XVIII ғасырлар аралығында орыстардың да қоныс аудару қимылдары белсенді көзге түсе қоймаған. Зерттеуші Розен атап көрсеткендей, Тобыл (Тобольск) картографы С.У.Ремезовтың XVII-XVIII ғг. жататын сызбаларында XVIII ғасырдың бас кезеңіне дейін Обь өзенінің жоғарғы жағы мен оның ағыстары бойында бірде-бір орыс қоныстарының болмағандығын, бұл кезеңде картадан әртүрлі қазақ тайпалары мен руларының көші-қонын кездестіруге болатындығын айтады [Розен М.Ф.1998:31].

Жалпы Батыс Сібір өлкесі батыста: Архангельск, Вологодск, Пермск, Оренбург губерниялары және Кіші Қырғыз (қазақ-Д.Е.) ордасымен, оңтүстігінде Қоқан және батыс Қытаймен, шығыста – Енисей губерниясымен ал солтүстігінде –Мұзды Мұхитпен шектеседі [Завалишин И. 1867:1]. Ұлы Петр бұйрығымен 1708 жылы 18 желтоқсанда мемлекеттің бар территориясы 8 губернияға бөлінді және Сібірдің барлық

воеводалары «Сібір губернаторы» болып қайта аталды (бұл жерде ескерте кететін бір мәселе губернатор лауазымының статусы нақты белгіленгенге дейін екі атау да құжаттарда қатар қолданыла берген - Д.,Е.). «Сібір губернаторы» құрамына тек барлық Сібір ғана емес, Тюменнен Аргунға дейін (Амур Қытайға қайтарылған болатын) жерлер енді, деген сөздің өзінен-ақ бұл өлкенің географиялық тұрғыдан қандай орасан зор, кіші-гірім бірнеше мемлекеттің жер көлемін қамтитындай ұлан-ғайыр территорияны алып жатқандығы байқалады [Завалишин И. 1867:111].

Құрамында екі губерниямен (Тобыл және Том) қоса әкімшілік жағынан екі облысты (Семей және Сібір қазақтары) біріктірген өлкенің жер көлемі шамамен 2 931 757 шаршы шақырым, ал адам саны 2 141 808 (ерлер мен әйелдерді толық қамтығанда) жеткен. Оның ішінде салыстырмалы түрде алып қарасақ: Тобыл губерниясының жері – 1 163 930 шаршы шақырым; тұрғындар саны – 1 013 438, Том губерниясының жері – 732 072 шаршы шақырым; тұрғындар саны – 687 631, ал, облыстар бойынша: Семей облысының жері – 324 514 шаршы шақырым; тұрғындар саны - 179 252, Сібір қазақтары – 731 757 шаршы шақырым; тұрғындар саны - 261 487. Барлық көрсеткіштер бойынша мәліметтерді қорытындыласақ тиісінше -2 951 757 шаршы метр және адам саны 2 141 808 болып шығады [Завалишин И.1867:2].

Айта кету керек, осы кезеңде берілген мәліметтердегі деректер әртүрлі санды береді. Мәселен, Сібір өлкесін зерттеуге байланысты XIX-ғасырдың орта тұсында жүргізілген статистикалық шолуларға назар аударсақ, Сібір тұрғындарының жалпы саны - 2 898 346, губерния бойынша: Тобольскіде – 934 866, Томскіде – 621 114, Қырғыз (қазақ) даласында – 342 814, Батыс Сібірде барлығы – 1 898 794 адам санын көрсетеді. Оның ішінде шет елдіктер: Батыс Сібірде – 458 033, Тобольск губерниясында – 75 644, Томск губерниясында – 58 529, Қырғыз (қазақ) даласында – 323 860», - деген деректерді кездестіреміз [Статистические обозрение Сибири 1854:2,3]. Бұл мәліметтер жоғарыда келтірілген деректерден ондаған жылдар бұрынырақ алынғандығын ескерсек, онда динамикалық ауытқулардың бар екендігін және жергілікті қазақтар санының азая түскендігін байқаймыз.

Өлкені губерниялық, округтік аймақтарға бөліп, аралық шептерді тиянақтағаннан кейін граф Сперанский жергілікті байырғы тұрғындарды заңдық тұрғыдан онша қыспаққа алмай

өзіндік далалық салт-дәстүрлерін ұстана берулеріне еркіндік берді. Оны мына бір деректерден көруге болады. «… қазіргі кезеңде Батыс Сібірдегі барлық болыстықтардың саны – 352. Орыс тектес емес, шет жерлік тайпалар, Батыс Сібірдің бұрынғы тұрғындары ерекше «шет жерлік уставпен» басқарылады. Қырғыздарда (қазақтар-Д.Б.) үй тәртібі далалық әдетке негізделген», - деген жолдарынан ақ олардың қазақтардың ежелден келе жатқан ұстанымдары мен өмір салтын тежеуге тәуекелі бармағанын сезінуге болады [Статистические обозрение Сибири 1854:52,58]. Алайда мұның алдамшы, ұстаным, тек уақыт ұту амалы екендігін мына бір мәліметтерде: «1822 жылғы Устав негізінде Сібір қырғыздарының әрбір округі ашылған кезінен бергі бес жыл бойы Мемлекеттік кіріске «ясак» атауымен, түйеден басқа 100 бас малға 1 мал салық беріліп отырды [Статистические обозрение Сибири1854:128,134]. Осыдан кейін Көкшетау, Қарқара округтеріне бес жыл бойы берілген жеңілдік те тоқтатылды. Сондай ақ, Омбы облыстық Басқарма екі округке кепілдеме беріп, Ғұбайдулла, Сартай және Саржандар жасаған тәртіпсіздіктердің тоқтатылғаны жөнінде де архив деректерінде жазылады [Омский Государственный архив. Т.9. Ф.3. 484 л.].

1822 жылы Сперанскийдің жобасы бойынша (1819-1822 жылдары Сібір генерал-губернаторы лауазымын атқарған және Сібір өлкесін басқару туралы заңнамалар жинағының авторы) Сібір өлкесі Батыс және Шығыс бөліктерге бөлінді. Осы реформаның нәтижесінде Батыс Сібір өңірінде Тобыл және Том губернияларымен қатар Омбы облысы (кейіннен Ақмола облысы болып қайта құрылған) әкімшілік құрылымдары пайда болды. Бұл туралы реформа құжаттарында: «Омбы облысын құру дала аумағындағы басқаруды ретке келтірумен байланысты жүрді. Аумақтың ең шеткергі солтүстік бөлігінде Омбы, Петропавловск, Токалы уездері орналасқан еді. Сондықтан ұзақ уақыт бойы билік оларды Тобол губерниясының егінші-шаруашылық аймағына ма, жоқ әлде Ақмола облысына ма деп, қайда жатқызатындығын шеше алмады», - делінеді [Административно-территориальное деление Сибири 1966:10].

Ал жалпы Омбы бекінісінің салыну тарихына тереңдей үңілсек, тарихи құжаттар жоғарыда келтірілген деректерді қуаттай түседі. Омбы бекінісінің іргесі негізінде 1716 жылы қаланып әскери қамал ретінде Тобыл мен Есіл және одан әрі Ертіске дейінгі линия болып жалғасқан шептерді қорғап тұрған. Омбының жалпы қамал ретінде қалыптасуы 1759 жыл және де ол инженерлік әскери құрылым генерал-майоры Людвингтің

атымен байланысты. Қамалдың құрылуы жөнінде: «Қырғыз (қазақ-Д.,Е.) ордасын құру үшін Омбыда құрылған Шекаралық комиссия мәліметтері, ... Қыста болатын қарлы боран – қазақ даласына тиесілі, оның шетінде қазақтардың басқыншылығынан қорған ретінде тұрғызылған Орынбор сияқты Омбы құрылған», - деген деректер бекіністердің отарлық бұғаудың алғы шарты ретінде әскери мақсатта құрылғандығын айқындай түседі [Статистические обозрение Сибири 1854:104,153].

Әу баста 1804 жылы Тобыл губерниясы құрамында болған Омбы округі 1822 жылы Омбы облысына қарасты болып солтүстігінде Тоқалы округімен шектесіп жатты. Алайда Омбы округі 1830 жылы қайтадан Тобыл губерниясына бағынышты болып, ақырында 1860 жылы Ақмола облысы құрамына біржолата бекіді. Осылайша Тобыл және Ақмола облыстарының шекаралық белгілері тек XIX – ғасырдың 70-жылдары ғана нақтылана түседі.

Бұл мәліметтердің негізі бар екендігін Батыс Сібір Бас басқармасы архивінде жинақталған мемлекеттік маңызға ие құжаттар да нақтылай түседі. Аталынған өлкедегі қоғамдық саяси орнын мойындағандықтан да болар сол кездегі Батыс Сібір Бас басқармасының арнайы бұйрығымен «Арғын» тайпалары округі ашылады. Бұл туралы аталынған құжаттарда: « ашылған Арғын округіне 1826 жылдан бері штаттық суммасына 31 мың рубль бөлінеді», - деп көрсетіледі [Омский Государственный архив. Т.9. Ф.3.480-481 л.л]. Сондай ақ, онан әрі қарай, батыс Сібір генерал губернаторына 1831 жылдан ашуға ұсынылған 5 округтің орнына бір Арғын округін ашу (сонда аумақта екінші Арғын округі), оған 1826 жылдан бөлінген ақшаны өзінің қарауына қарай жұмсауды, ал қалған округтерді ашуды қолайлы уақытқа қалдыруды ұсынады [Омский Государственный архив. Т.9. Ф.3.480-481 л.л]. Мақалада келтіріліп отырған деректер батыс Сібір мен Омбы аумағында қазақтардың ерте кезеңнен мекен етіп келе жатқандығын көрсетсе керек.

Батыс Сібір өлкесін Кеңес өкіметі заманында аудандарға бөлу мәселесі 1922 жылдан бастап жоспарлана бастады. Бұл жобаны негізінен Мемлекеттік жоспарлау комитеті бастағанымен де жергілікті елді мекен, халықтардың құрылымдық сипатын толық білмеу салдарынан өміршең болмағандықтан жобаны өз қолдарына алып осал тұстарын түзеп, жергілікті жер - су және халық құрамын ескере отырып соңына дейін жеткізіп аяқтап шыққан Сібір революциялық

комитеті болды. Алайда іс жүзінде бұл жобаны жүзеге асыру 1923 жылдың жазы тамыз айынан бастап жүргізіле бастап алдымен шағын әкімшілік бірлестіктерді біріктіру, ірілендіру мәселелері қолға алынды [Омский Государственный архив. Т.9. Ф.3. 11 л]. Дәл осы жылдары Омбы округі құрамында жиырмадан аса аудан болған екен. Омбы округінің құрамында 21 аудан: Ачайырский, Кормиловский, Павлоградский, Таврический, Москалевский, Одесский, Сосновский, Уральский, Борисовский, Бородиновский, Иссиль-кульский, Любинский, Полтавский, Икониковский, Еланский, Калачинский, Крестинский, Крутихинский, Называевский, Тюкалинский, Саргатский болған. Округтің алып жатқан жер көлемі 66.692 км., оның 65.510 кв. км. немесе 97% халық игерген болатын. Округтің негізгі шаруашылығы егіншілік пен мал шаруашылығы. Округтегі шаруашылық саны – 107.413. Мал шаруашылығы бойынша округте – 1.662.954 мал саны болса, оның ішінде: жылқы – 221.287; ірі қара мал – 535.776, қой мен ешкі – 790.641, шошқа (торайсыз) – 114.465, түйе және т.б. – 785 [Болдырев В., Гуринович П. 1927: 9,10]. Негізінде аудандастыру барысында екі мәселеге баса көңіл аудару қарастырылған болатын, ол біріншіден, саяси яғни елді мекендерді ұлттық құрамына қарай бөлу екіншіден, экономикалық яғни жергілікті халықтарды шаруашылық түрлеріне, күнкөріс кәсібіне және тұтыну қажеттілігіне қарай біріктіру. Әрбір аудан құрамында шамамен 260 мың адам болуы көзделді.

Реформаның бастапқы бөлімі бүкіл Сібір өлкесі бойынша осылайша жүргізіліп 1924 жылдың жазында аяқталды [ГАНО.- Р-1. Оп. 1. Д.1489. Л. 11, 67]. 1925 жылдың 25 мамырында БОАК (ВЦИК) Президиумы Сібір өлкесін аудандар мен аймақтарға бөлу тұжырымдамасын бекітіп нәтижесінде бес губерния (Алтай, Енисей, Новониколаевск, Омбы, Том) және Ойрат автономиялық облысы құрылып, кейіннен одан әрі округтерге бөлінді [Болдырев В., Гуринович П. 1923:268].

Орта ғасыр дәуірінен басталып өткен ғасырдың бірінші ширегіне дейінгі кезең аралығында этникалық қазақтардың Батыс Сібір өлкесіне қоныстануының қысқаша тарихы осындай. Зерттеулер көрсеткендей бұл өлкені түркі халықтары ежелден-ақ мекен етіп, ал қазақ руларынын бұл өлкеге қоныс аударуы Шыңғыс хан дәуірінде бастау алып XIV-XVI ғасырларда өзінің шарықтау шегіне жеткендігін

байқаймыз. Алдымен патша өкіметі, ал кейіннен кеңестік саясат жалғастырған түрлі шекаралық өзгерістер, негізсіз түрлі сылтауларды алға тартып аудандар мен аймақтарға бөлулер де өзін осы өлкенің автохтонды, көнеден келе жатқан халқы ретінде білетін жергілікті этникалық қазақтар өздерінің ата салтын, дәстүрлі ұстанымын әлі де жоғалтпағандығына кейінгі зерттеулер дәлел [Ескекбаев Д.Б. 1991:4].

ӘДЕБИЕТ

Административно-территориальное деление Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1966. – С.219. (август 1920 г. – июль 1930 г.).; Западной Сибири (1930 г. – сентябрь 1937 г.). Новосибирский области (с сентября 1937 г.).

Болдырев В., Гуринович П. Районированная Сибирь. - Сибкрайиздат,

Новониколаевск, 1923.- 156 с.

Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). - Алма –Ата, «Наука», 1968. – 255 с.

ГАНО, Р-1, Оп. 1. Д.1489. Л. 11.

Ескекбаев Д.Б. Ұмытпаңдар Сібірде қазақ барын //Жетісу, 26 қараша, 1991 ж., Б.4.

Завалишин Ипполит. Описание Западной Сибири. Общее вступление.

Т.3.- Сибирско-Киргизская степь. – Москва, 1867.-145 с.

Казахи /Ш.К. Ахметова, И.В.Захарова, Г.М.Патрушева. Культура

народов и национальных групп Сибири и Казахстана в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Новосибирск: Наука, 2006. –192 с.

Қожаберген жырау: өлеңдер, толғаулар, дастандар. /Құраст.С.Жұмабаев, Қ.Биғожин. – Алматы: «Жас Ұлан и К», 2007. - 272 б.

Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. –Алма –Ата, «Наука», 1974. – С.200.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М-Л, 1937.- 2-том. – 644 с.

Статистические обозрение Сибири/ Сост. Гагамейстром. Часть 1. – Спб.,1854. - 360 с.

Розен М.Ф. Верхяя Обь и Алтай на картах XVI-XIX вв. – Барнаул, 1998. –

Омский Государственный архив. Т.9. Ф.3. Оп.1. Д.36. Книг.14. Части: 1,2,5-16. Главное Управление Западной Сибири. В частности, дела о перерайонирований Сибири и установлений границ Омской области. 1830 г. с 452 по 489 л.л.

Патканов С.К. Статистические данные показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г. В 3-х т.) // Записки Русского Географического общества за 1911 год.- СПб., 1911-1912.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЧЕВЫХ И ОСЕДЛО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ХОДЖЕЙЛИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).

Сейдаметова Гульнара Утарбаевна *

Relation of nomadic and sedentary agricultural peoples of Central Asia on the example of the city Khodjeyli ending XIX - beginning XX centuries

ABSTRACT:
In the XVII-XIX centuries Khodjeyli becoming a major administrative trade, craft and cultural center. Listing the important settlement of the Khiva Khanate along with other cities noted Khodjeyli is called the shopping center of the Kazakhs and Karakalpaks. Residents in the vicinity: the nomadic and semi-nomadic population of Karakalpak, Kazakh and Turckmen by tribal elders. On the example of studying the history of Khodjeyli it will be possible to find many more pages of relations between nomadic and sedentary agriculture peoples of Central Asia.

KEY WORDS: Khodjeyli, Khiva Khanate, Nomadic and semi-nomadic population, Khodja, Amu-Darya, Central Asia.

В XVII-XIX вв. Ходжейли становится крупным административно-торговым, ремесленным и культурным центром. В источниках XVIII века город часто упоминается как торгово-ремесленный, административный и культурный центр левобережья низовья Амударьи. По данным А.Вамбери, который побывал здесь в 1863 году, город Ходжейли располагался примерно в двух часах езды от берега Амударьи, где имел пристань [Вамбери 2003: 69]. Далее, он отмечал, что жители города «утверждают, что они – потомки ходжи, и немало гордятся этим перед другими узбеками» [Вамбери 2003: 69].

Ходжейли упоминается и в хрониках Муниса за 1779 год в связи с описанием восстания туркменских племен против хивинских властей [Материалы по истории туркмен и Туркмении 1939: 352-355]. В это время власть фактически была в руках Мухамед Эмин-инака, который сразу же назначил отряд в двести человек для охраны Ходжа-эли. Руководитель восставших туркмен нашел союзников в Аральском владении среди мангытов и каракалпаков, с войском направился к Ходжа-эли и занял город после семи дней осады.

* Младший научный сотрудник отдела истории Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук г. Нукус, Республика Каракалпакстан. E-mail: g_seydametova@mail.ru

Остальные упоминания города Ходжейли и его окрестностей в хрониках хивинских историков Муниса и Агахи связаны с XIX веком. Судя по хивинским хроникам, город Ходжейли располагался на сухопутной дороге левобережья Амударьи из Хивы в Куня-Ургенч или из Хивы в Кунград.

О том, что город являлся центром торговли, неоднократно упоминается в различных источниках. Например, перечисляя важнейшие населенные пункты Хивинского ханства, наряду с другими городами отмечен и Ходжейли, называемый торговым центром казахов и каракалпаков [Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район. 1912: 15]. В городе имелось до 150 лавок, а также насчитывалось до 180 глиняных домов. В другом источнике сообщается «Ходжейли известен своим огромным базаром, на который стекалось не только окрестное хивинское население, но и казахи кочевники, каракалпаки с правого берега Амударьи, пригонявшие на продажу скот, коровье масло и другие продукты скотоводства» [Туркестанский край. 1913: 756].

К середине XIX века Ходжейли становится одним из главных хлебных рынков в дельте Амударьи. Сюда приезжали туркмены, казахи для покупки хлеба.

В 70-х годах XIX века Хивинское ханство было завоевано Царской Россией. В 1873 году 15-16 мая российские войска заняли Ходжейли. Как нам известно, после установления русского протектората (1873 г.) в Хивинском ханстве структура и система управления существенному изменению не подвергалась.

Во главе города стоял хаким-города, назначаемый Хивинским ханом. В свою очередь хакимство включало в себя мечети, в состав, которых входили единичные усадьбы, связанные общими земельными и водными отношениями: аксакалы возглавляли мечети [Сазонова 1978: 82].

В 1874 г. в Ходжейли побывала экспедиция в составе А.Куна, М.Богданова, Г.Краузе. Во время этой поездки А.Кун собрал в городах Ходжейли и Чимбай более 300 книг и рукописей. В том же году в городе побывал художник Н.Каразин. Он сделал зарисовки Ходжейлийского базара, медресе, мазара Пирим ишана и караван сарая. Знаменита его картина под названием среднеазиатская Венеция, где изображены, как товары на продажу были разложены перед домами продавцов, а покупатели подплывали к ним на каюках и вели торг.

Жители в окрестностях города - кочевое и полукочевое

население – каракалпаки, казахи и туркмены управлялись родовыми старшинами. Туркмены – беками, векилями, аксакалами. Каракалпаки и казахи – биями.

В социально-административной жизни города, как и других городов Средней Азии, значительное место занимали мусульманское духовенство. Они активно участвовали в общественном управлении: кази, шейхи, имамы, ахуны, мутаввали, саиды, ходжы, максымы и суфии. Главы мусульманских общин назначались с согласия хана. Им предоставлялись определенные родоплеменные группы, и они служили за правовое благо. Они, осуществляли законы шариата, присматривали за порядками рынка и религиозными правилами.

Представители административного управления и мусульманского духовенства были крупными владельцами земель. Вакуфные земли большей частью сдавались в аренду дехканам за девятую часть урожая. Из них определенная часть поступала в распоряжение духовных учреждений.

В основном в городе большими привилегиями пользовались так называемые Ходжи – выходцы из семьи пророка. Они жили в центрах и окрестностях города занимались торговлей, земледелием и ремеслом, следовательно, освобождались от налоговых и общественных обязательств. В этот период в городе и ее окрестностях Ходжейли насчитывались около 1500 хозяйств – Ходжей.

По некоторым сведениям в городе Ходжейли имелись 300 лавок и мастерских, пять мечетей, столько же школ, одно медресе, караван-сарай, где останавливались приезжие купцы. Торговля способствовала дальнейшему росту экономики, культуры и взаимосвязям между Средней Азией и Европой.

Прибрежное положение Ходжейли на берегу Амударьи развило здесь рыбный промысел. Несмотря на примитивный способ ловли рыбы, из Ходжейли и его окрестностей ежегодно сплавлялось вверх по реке в Бухарское ханство от 50 до 200 лодок сушеной рыбы, преимущественно сазана и сома [Материалы для статистики Туркестанского края. 1876: 215-216]. Цены на рыбу зависели от спроса на бухарском рынке. В дешевое время шесть хивинских батманов (равных одному бухарскому) продавались в Ходжейли за 30 тенге, а в Бухаре – за 60 тенге. Из Бухары сушеная рыба развозилась дальше в Самарканд, Карши, Шахрисабз и Гиссар.

Следует отметить, что с проникновением торгового

промышленного капитала в городскую жизнь происходили большие изменения. Это процесс повлиял на жизнь местных дехкан, которые сеяли хлопок и семенную люцерну, а скотоводы, населяющие окрестности города, производили шерсть, кожу, ковры и др.

Город Ходжейли прославился своим большим базаром, на который стекалось не только местное население, но и жители с правого берега Амударьи, торговавшие скотом и коровьим маслом.

Площадь базара имела традиционную планировку. Так по одной стороне торговали сельскохозяйственными продуктами, а в другой ремесленными производствами. Ходжейли, как и другие города низовья Амударьи, являлся одним из центров традиционного производство металлических изделий. В конце XIX века в городе Ходжейли происходит специализация отрасли металлического производства – жестяное дело (каныльтыршы). Большим спросом пользовались у городских жестянщиков изделия, такие как, сундуки, кружки, ведра, лампы и другая хозяйственная утварь.

Большим спросом пользовались ювелирные изделия из серебра и золота. Ходжелийские ювелиры, как и ювелиры других городов, работали в основном на заказ или же продавали на базарах Ходжейли, Кунграда, Чимбая. Многие ювелиры не могли существовать за счет одного этого заработка и поэтому они занимались также земледелием, рыболовством и скотоводством. Некоторые из них жили в достатке, были богатые мастера. Они имели свое хозяйство: скот, землю и др. [Утемисов 1972: 13].

Другим видом традиционной занятости города являлся кошмоваляние. Туркменские, казахские и каракалпакские мастерицы сохраняли древнее искусство узорного кошмоваляния. Фон войлоков обычно делался из натуральной коричневой, серой или белой шерсти, а узор из окрашенной шерсти, ярким рисунком в виде рогов и других архаических мотивов [Файзиев 1990: 171].

В городе Ходжейли отдельные населенные пункты специализировались на обработке кожи и производстве кожаных изделий. Чимбай, Турткуль, Кунград, Ходжейли были центрами, где было сосредоточено кожевенное производство народов Южного Приаралья. В окрестностях этих городов располагались аулы, специализировавшиеся на переработке кожи и изготовлении кожаных изделий. Например, недалеко

от Чимбая в одном ауле 10-15 семей занимались обработкой кожи, в окрестностях Ходжейли был аул, жители которого перерабатывали кожу. Повсеместно такие аулы имели название «Конши аул» [Тлеубергенова 2004: 87].

У городских кузнецов мастерская чаще всего находилась на базаре. В каждой мастерской работал кузнец или его ученик. Профессия кузнеца передавались от поколения к поколению. В ученики принимали обычно с раннего возраста 12-13 лет. Ученики в период обучения жили и питались в доме мастера и безоговорочно выполняли все его поручения не только в кузнице, но и по хозяйству. [Этнография каракалпаков XIX-начало XX века: 149-150].

Производство кузнецов теснейшим образом были связаны с сельскохозяйственной деятельностью населения. Они изготовляли сошники, кетмени, серпы, лопаты, остроги, крючья, ножницы для стрижки овец, капканы для охотников, стремена, удила, железные путы, различные цепи, железные колья и др.

Кузнецы также изготовляли товары для домашнего потребления как щипцы, ножницы, замки, бритвы, шумовки, подковки для сапог и др., хозяйственные изделия. Основные орудия для кузнечного дела и оборудование мастерской кузнецы города, как и кузнецы других народов Средней Азии, изготовляли сами, за исключением наковальни. Наковальни привозили их Хивы, Бухары, Туркестана или из Оренбурга и других городов России.

В рассматриваемый период в городе Ходжейли и его окрестностях развивалось также сельское хозяйство. Главным образом хлопководство. Здесь на первом месте стоял американский хлопок, занимая 39,8% всей площадей, второе место занимала озимая пшеница – 20,3 %, третье место – люцерна – 10,7%, четвертое – джугара – 8,1% [Кандрашев 1916: 17].

Ходжейли – один из значимых городов низовьев Амударьи, город часто попадал в поле зрения исследователей края и путешественников XIX – начала XX вв. На примере изучения истории Ходжейли можно будет выяснить еще множество страниц взаимоотношения кочевых и оседло-земледельческих народов Центральной Азии. Данная проблема ждет своего решения, который возможен в результате комплексного и совместного подхода историков по Центральной Азии в рассматриваемых хронологических рамках.

ЛИТЕРАТУРА

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 2003.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. М-Л., 1939.

Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район. Сост. Лобачевский. Ташкент, 1912.

Туркестанский край. Сост. Масальский. СПб. 1913. Том 19.

Сазонова М.В. Традиционное хозяйство Узбеков Южного Хорезма. -Л., 1978.

Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. СПб. 1876.

Утемисов А. Полевые записи за 1972 г., №13.

Файзиев А.Р. Ремесло Хивы в первой половине XIX в. -В кн: Позднефеодальный город Средней Азии. - Т., 1990.

Тлеубергенова Н. Ремесла и промысли каракалпаков связанные с животноводством (XIX-нач. XX вв.,) // Вестник ККО АН РУз., 2004., №3-4.

Этнография каракалпаков XIX – начало XX века (материалы исследования). - Т., - С.149-150.

Кандрашев С. Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса. - М., 1916.

Сарыбаев М. Из истории хлопководства Каракалпакстана в конце XIX начале XX века. - Т., 2006.

УЧАСТИЕ БАШКИРСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В РАБОТЕ ПЕРВОГО ТЮРКОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА 1926 ГОДА В БАКУ

Салихов Ахат Губаевич*

Participation of Bashkir Delegation in The First Turkological Congress in 1926 in Baku

ABSTRACT:

In 1926, in Baku the First Turkicology Congress, which discussed the transition of Turkic peoples writing to the Latin script took place. The congress was attended by Bashkir delegation too. An analysis of the documents shows that the majority of Bashkir intellectuals already before the Congress agreed with the transfer of the Bashkir alphabet to the Latin script.

KEY WORDS: First Turkological Congress, Turkic writing, the Bashkir language, history of literature, Latin script.

Вопрос перехода тюркских языков на латинский алфавит имеет свою историю. Еще в XIX веке известный азербайджанский писатель и общественный деятель Мирза

* Кандидат исторических наук, заведующий отделом восточных рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: ahatsalihov@mail.ru

Фатали Ахундов предложил несколько проектов, в том числе подготовленный на основе латинской графики. В начале XX века с подобным предложением на страницах астраханской газеты «Идель» выступил поэт Сагит Рамеев. Предложения о реформе существующего арабского алфавита неоднократно поднимались в печати, обсуждались на совещаниях по просвещению [Әхмәров 2012: 45-49, 62].

После революции 1917 г., образования национально-территориальных образований в России, данная проблема появилась вновь. Уже в 1922 г. в Азербайджане возник комитет по переходу на новый алфавит. А с 1923 г. он стал применяться во всех учреждениях наравне с арабским. Такие же движения появились в других республиках, в том числе и в Башкортостане. Движение за переход на латиницу в Башкортостане активизировалось с 1924 г. В том же году в Уфе был принят первый проект латинизированного башкирского алфавита [Әхмәров 2012: 67].

Для обсуждения проблем письменности тюркских народов в феврале 1926 г. было решено провести в г. Баку Первый тюркологический съезд. Оргкомитет съезда заблаговременно разослал на места информационные письма. Например, первое известие о предстоящем съезде было опубликовано в Уфе в газете «Яны аул» в сентябре 1925 г. [Баку шәһәрендә… 1925]. Чуть позже появилось сообщение о съезде в газете «Башкортостан», написанное С. Мрясовым, в котором он сообщал, что на мероприятие, которое должно состояться в конце текущего года, приглашена башкирская делегация в составе 5 человек [Мирас 1925].

Как показывают материалы стенографического отчета съезда, на нем приняли участие 8 представителей башкирской интеллигенции:

1. Атнагулов Салах Садри-оглы – заведующий и главный редактор издательства «Гажур» (Казань);

2. Билялов Меджит Масагутович – Башнаркомпрос (Москва);

3. Манатов Шариф Ахмедович – педагог (Тифлис);

4. Габитов Хабибулла А.–Кагирович – педагог, Башнаркомпрос (Уфа);

5. Вильданов Габдулахат Фазлыевич – 1925-1927 годах член комиссии по реализации башкирского языка при Башсовнаркоме (Уфа);

6. Идельгужин Карим Абдуллович – Башнаркомпрос (Уфа);

7. Шакиров Закир Шакирович – ИНО (Уфа);

8. Мрясов Сагит Губайдуллович – Общество изучения Башкирии (Уфа).

Однако двое из этого списка прибыли на съезд из-за пределов Башкортостана: Атнагулов С.С. участвовал в качестве члена делегации Татарстана, а Манатов Ш.А. в то время был на государственной работе в Закавказской республике. Таким образом, от Башкортостана официально приняли участие шесть человек. Члены башкирской делегации были командированы от разных учреждений и организаций. Например, Общество по изучению Башкирии выделило на поездку своих членов в Баку 900 рублей [Сюнчелей 1927: 79].

Часть делегации Башкортостана выехала из Москвы в Баку на поезде вместе с делегациями Татарстана и Якутии. В этом поезде ехали Карим Идельгужин, Хабибулла Габитов и Мажит Билялов. Об этом сообщает автор статьи «На тюркологический съезд», опубликованной газета «Кызыл Татарстан» (27 февраля 1926 г.). Отдельно ехали Габделахат Вильданов, Сагит Мрясов и Закир Шакиров. Татарский корреспондент отмечает хорошую подготовку башкирской делегации, которые везли с собой для участников съезда второй номер сборника «Башкорт аймагы», посвященный предстоящему съезду. Делегаты везли с собой и проект нового алфавита, подготовленный уфимским комитетом нового алфавита. Все это, по словам татарского корреспондента, показывает, что в Башкортостане этот вопрос идет более активнее, чем в Татарстане [М-ва 1926].

Делегацию торжественно и организованно встретили на железнодорожном вокзале в Баку представители интеллигенции, прессы, студенты. Сразу же была проведена коллективная фотосъемка прибывших гостей. После размещения члены делегации стали встречаться с представителями прессы. Делегации других республик еще были в пути. А в кулуарах уже велись дискуссии по предстоящим докладам, одним из вопросов был вопрос создания Тюркской академии, института или бюро [М-ва 1926].

В преддверии съезда в 1926 г. в первом номере русскоязычного «Башкирского краеведческого сборника» появилась статья З.Ш. Шакирова «По поводу тюркологического съезда», в котором он предлагал ряд предложений для тюркологических исследований:

1. Установить основное отличие тюркского языка от индоевропейского и арабского языков для составления фонетиче-

ских и морфологических правил.

2. Составление новых терминов должно быть на общей основе тюркского языка, стараясь сделать термины общепонятными.

3. В случае невозможности подобрать термины из тюркских слов, необходимо изменить иностранные термины, приспособив к требованиям и характеру тюркского языка.

4. Слова, введенные в обращение ранее и приспособившиеся, необходимо оставить без изменений.

5. Издать труды европейских тюркологов для использования их широким кругом лиц.

6. Детальное изучение всех наречий и поднаречий тюркского языка.

7. Стремиться к тому, чтобы каждый тюркский трудящийся мог выразить свои мысли на родном языке.

8. Давая широкую возможность для дальнейшего развития каждого наречия и поднаречия, необходимо те из них, которые уже утратили всякое экономическое значение, сближать с другим наречием или языком тюркской народности с тем, чтобы способствовать его скорейшей ассимиляции с языком, имеющим над собой экономическую почву.

9. Составление словарей всех тюркских наречий.

10. Необходимо разработать для всех говорящих на тюркских наречиях единые письменные знаки.

11. Для проведения в жизнь означенных положений целесообразно учреждение особого научного института по изучению тюркологии [Шакиров 1926: 58].

По сравнению с Татарстаном на страницах периодической печати Башкортостана не так много уделялось внимания освещению хода Первого тюркологического съезда. Газета «Кызыл Татарстан» постоянно публиковала стенограмму прозвучавших на съезде докладов. 12 марта в газете «Башкортостан» появилась статья С. Мрясова «На тюркологическом съезде», в котором описывается открытие съезда, состоявшееся в одном из самых красивых дворцом Баку – Дворце просвещения. Оргкомитет предусмотрел, что мероприятие вызовет большой интерес населения. Поэтому вокруг дворца были установлены радиоточки. На съезде была организована выставка, посвященная истории просвещения и письменности тюркских народов. Также С. Мрясов делает краткий анализ выступлений, прозвучавших на съезде, приводит некоторые основные положения выступлений.

Как известно, с основными докладами на съезде выступили известные российские и зарубежные ученые. Представители Башкортостана, за исключением Карима Идельгужина и Хабибуллы Габитова, не выступали. В обстоятельном докладе казанского историка Газиза Губайдуллина «Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов» был сделан анализ развития исторической науки в России, в котором были рассмотрены труды о башкирах и работы самих башкирских ученых. Было уделено большое внимание научно-исследовательской деятельности и Ахмет-Заки Валиди Тогана [Салихов 2001: 73,74,153-154; Сәлихов 2005: 68, 145-147].

Некоторые участники съезда выступали на родном языке. Такое же выступление было сделано Х. Габитовым, которое переводил Усманов. В своем выступлении он сказал, что Галимджан Ибрагимов дал не точную информацию о башкирском языке. Г. Ибрагимова также критиковал Шариф Манатов за то, что неправильно дал информацию о движении по реформе орфографии в Азербайджане и Турции и т.д. На съезде звучали мысли о том, что башкирская интеллигенция уже окончательно приняла решение в пользу перехода на латиницу. В связи с резким выступлением Габитова пришлось выступить и К. Идельгужину, в котором он постарался сгладить резкие замечания относительно высказанных им замечаний о существовавших в Татаро-Башкирской республике противодействиях созданию башкирской литературы. Второе необоснованное замечание Х. Габитова, по словам К. Идельгужина сводилось к тому, что работники при издании литературы испытывают влияние духовенства [Первый… 2011].

Во время съезда Карим Идельгужин был избран в состав Президима съезда. А Хабибулла Габитов участвовал в работе комиссии по празднованию 500-летия со дня рождения Навои, избирался в состав комиссий.

Таким образом, в работе Первого тюркологического съезда приняли участие видные и молодые представители научной интеллигенции, оставившие заметный след в истории башкирской культуры. Вопрос перехода на латинскую графику в Башкортостане разрабатывался уже до съезда. Большинство представителей башкирской интеллигенции были согласны с переходом на латиницу, они привезли с собой на съезд проект башкирской письменности на латинской графике. В Башкортостане не было сильной организованной оппозиции против латиницы [Әхмәров 2012: 64-65]. После съезда начина-

лась пропаганда за перевод башкирской письменности на новый алфавит [Йәнәби 1926; Янборисов 1926].

ЛИТЕРАТУРА

Баку шәһәрендә тюркология съезды чаҡырыла // Яңы ауыл.1925. 13 октябрь.

Ибраһимов Ғ. Тюркология съезды япылды // Кызыл Татарстан. 1926. 16 март.

Йәнәби Т. Яңы төрк алфавиты // Башҡортостан. 1926. 21 апрель.

М-ва. Г. Тюркология съездына // Кызыл Татарстан. 1926. 27 Февраль, 3 март.

Мирас С. Тюркология ҡоролтайы // Башҡортостан. 1926. 12, 16 март.

Мирас С. Тюркология съезы йыйылыуы айҡаны менән // Башҡортостан. 1925. 21 октябрь

Салихов А.Г. Научная деятельность А. Валидова в России. Уфа: Гилем, 2001. 164 с.

Сәлихов Ә.Ғ. Әхмәтзәки Вәлиди Туғандың Рәсәйҙәге ғилми эшмәкәрлеге. Өфө: Нефтегазовое дело, 2005. 170 б.

Сюнчелей Ш.Х. О деятельности Общества по изучению Башкирии за 1922-1926 гг.// Башкирский краеведческий сборник. 1927. № 2. С.79-81.

Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). Баку: Нагыл Еви, 2011. 552 с.

Тюркология съезы // Кызыл Татарстан. 1926. 27 февраль.

Шакиров З.Ш. По поводу тюркологического съезда // Башкирский краеведческий сборник. 1926. № 1. С. 57-58.

Әхмәров Ҡ.З. Башҡорт яҙыуы тарихынан. Өфө: Китап, 2012. 184 б.

Янбарисов Н. Яңы төрк алифбаһын өйрәнеү түңәрәктәрендә доклад өсөн материалдар // Башҡортостан. 1926. 12 май.

ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ДУХОВНЫМИ ДЕЛАМИ КАЗАХОВ В ПЕТИЦИЯХ МУСУЛЬМАН ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА 1905-1906 ГГ.

Загидуллин Ильдус Котдусович *

Guestions of reforming of management of spiritual affairs of Kazakhs in petitions of Muslims of the Volga-Ural region of 1905-1906 years

ABSTRACT:

In article is considered approaches of muslims of the Volga-Ural region to reforming of a control system of spiritual affairs of kazakhs: decisions on this question of meeting of ulema (April, 1905, Ufa), meetings of the entrusted muslims of the Ufa province (June, 1905, Ufa) and the III All-Russian muslim congress (August, 1906, Nizhny Novgorod). Also interaction of tatars and the kazakh deputations at submission of petitions with a request for inclusion of steppe areas in the religious and administrative territory of the Orenburg mohammedan spiritual

* Доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань. E-mail: zagik63@mail.ru

meeting is told. It is noted that all these initiatives have been subordinated ideas of ethnocultural consolidation of the turkic people of Russia.

KEY WORDS: Kazakhs, religious management of muslims, petitions of muslims, Ufa meeting of ulema of 1905, 3rd All-Russian muslim congress, consolidation of the Turkic people.

Как известно, после завоевания Россией Средней Азии Казахская степь превратилась во «внутреннюю» российскую окраину. Временным положением 1868 г. была осуществлена административная реформа в Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областях, в которых были введены губернские институты управления. Именно в этот период четко проявились антиисламские приоритеты религиозной политики правительства. Казахи были выведены из административно-религиозного попечения ОМДС, и регулирование этой сферы было подчинено местному военному начальству. В духовно-административном подчинении ОМДС оставались лишь казахи Букеевской Орды. В каждой волости допускалось учреждение не более одной мечети со штатом и т.д. [Рыбаков 1917: 17]. В результате прервался процесс формирования адаптированных к условиям кочевий исламских институтов, был нанесен удар по религиозно-культурному взаимодействию между татарами и казахами, правительств взяло курс на духовное разобщение мусульманских народов. «В степном исламе» отсутствовал мусульманский приход, какой существовал у оседлых народов [Череванский: 16].

В целом можно утверждать, что в последней трети XIX в. по вопросу религиозно-культурного возрождения в среде казахской элиты существовали две точки зрения: возвращение кочевий в округ ОМДС или учреждение самостоятельного муфтията [Рыбаков 1917: 43-45]. Этот судьбоносный вопрос больше волновал казахскую интеллигенцию и духовных лиц.

Специфика России заключалась в том, что большинство ее мусульман для тюркоязычными – здесь идеи татарского национализма, тюркского единства и мусульманского общности как бы дополняли друг друга[Полонская 1998: 78]. Очевидно, что, несмотря на стремление областных администраций препятствовать сложившимся торговым и культурным контактам двух народов, в начале XX в. эти связи приобретали новые очертания. Они удачно списывались в концепцию тюркского культурного единения, лейтмотив которого выразил идеолог данного общественно-культурного движения И.Гаспринский: «телдә, фикердә, гамәлдә берлек» («единство

в языке, мыслях и действиях»). Немаловажная роль в этом отводилась исламу как общему духовному сегменту тюркских народов. По мере развития джадидских идей, развивалось национальное самосознание тюркских народов, их общественное движение в период Первой русской революции следует рассматривать и оценивать именно в этом ключе.

Как известно, именной высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. [ПСЗ-3, т.24. № 25495], в котором было заявлено о намерении власти упразднить законы, ущемляющие права российских подданных по конфессиональному признаку и месту жительства, и манифест от 18 февраля 1905 г., содержащий предложение российским подданным подавать петиции «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [ПСЗ-3, т.24. № № 25853] явились правовой основой начала широкомасштабного петиционного движения среди мусульманских народов России.

В печатной записке под названием «Дополнительные вопросы, подлежащие, по мнению председателя Комитета министров, разрешению комитета по п[ункту] 6-му именного Высочайшего указа 12 декабря 1904 года» (без даты) под 18-м пунктом значится: «Не надлежит ли передать в ведение Оренбургского духовного собрания и Таврического духовного правления состоящие ныне в заведывании губернской администрации религиозные общины магометан в Северном Кавказе, Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области или же образовать здесь самостоятельные духовные управления?» [Дополнительные вопросы: 1-2]. Этот вопрос на заседании Комитета министров, посвященном вопросам укреплении начал веротерпимости, получил статус высочайше утвержденного 17 апреля 1905 г. постановления. Комитет министров поручил разработать особому совещанию о веротерпимости законопроекты «об учреждении особых духовных управлений для киргизов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области» [О веротерпимости. 1905:.]. Как видно, сановники взяли курс на создание новых религиозных управлений по административно-территориальному принципу.

Необеспеченность значительной части мусульман

империи религиозными управлениями наглядно проявляется при сопоставлении численности мусульман в регионах. В 1897 г. в России проживало 13,6 млн. мусульман или 11,6% всего населения империи. В губерниях и областях, входящих в округ ОМДС насчитывалось более 3,5 млн. мусульман, в округе Таврического магометанского духовного правления - до 200 тыс. [Распределение населения губернии по главным вероисповеданиям 1901: 1-2]. Согласно подсчетам В.П. Череванского материалов Первой всеобщей населения 1897 г., численность казахов составляла 4084139 душ обоего пол., востоковед считал, что к этой цифре правомерно прибавить еще 300-400 тыс. душ, скрытых юртовладельцами из-за опасения подвести своих взрослых сыновей под воинскую повинность [Череванский: 47 об.].

Думается, данное постановление Комитета министров, оказавшееся полной неожиданностью для областных начальников, было обусловлено, прежде всего, стремлением поступить «по справедливости» и охватить все регионы компактного расселения мусульман религиозными управлениями по административно-территориальному принципу.

В петициях, поступивших в центральные органы власти от мусульманских обществ городов и селений Волго-Уральского региона, затрагивались, главным образом, региональные, местные проблемы. В тех случаях, когда в речь шла о необходимости введения демократических свобод, о равноправии российских подданных перед законом независимо от их вероисповедания и места проживания, эти пожелания распространялись на всех мусульман России [Загидуллин 2015: 46-63]. В некоторых случаях в петициях сообщалось о необходимости отмены на окраинах ограничений в отношении татар, лишающих их права на свободное проживание (в местностях, населенных казахами), на приобретение недвижимости (в Туркестанском крае) и на свободу торговли книгами на родном языке [РГИА, ф.821, оп.10, д.15, л.333–336].

Наиболее часто повторяющимся в петициях является сюжет о действиях духовной и военной власти в г. Кокчетаве Акмолинской области, который был призван иллюстрировать ущемленное положение единоверцев. Сообщалось, что прибывший сюда из г.Омска миссионер, собрав посредством полиции мусульман, заявил им, «что они с сегодняшнего дня не будут руководствоваться (шариатом) Кораном, а будут

руководствоваться Евангелием, а муллам сказал, что они среди мусульман не будут руководствоваться шариатом”. Вскоре начальник области административным порядком освободил от должности сослал из города «кокчетавского имама с его двумя товарищами» будто бы за неисполнение приказа «омского архиерея» [РГИА, ф.821, оп.10, д.31, л.319–320].

Общественные лидеры мусульман Волго-Уральского региона видели реформирование духовными делами казахов иначе, чем правительственные структуры. Воспользовавшись озвученным 9 марта 1905 г. предложением председателя Комитета министров С.Ю.Витте провести совещание религиозных деятелей для обсуждения и составления рекомендаций правительству по решению имеющихся проблем в области управления духовными делами мусульман, на совещании улемов, состоявшемся 10-15 апреля 1905 г. в г.Уфе, был разработан проект положения «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания» [Фәхретдин 1908: 11].

По мнению чиновника ДДДИИ С.Г.Рыбакова, проект уфимского совещания 1905 г. расширял округ ОМДС почти на всю империю: в его округ должны были входить в территориальном отношении все мусульмане-сунниты, проживавшие в Европейской России (за исключением Таврического полуострова, западных губерний и Закавказья), северной части Кавказа, всей Западной и Восточной Сибири (за исключением Акмолинской области) (ст. 4). Чиновник посчитал, что по этому проекту Духовное управление предоставляется, по сути, в руки одного народа – татар, которые планировали поставить религиозное управление «на небывалую высоту». ОМДС должно было автономно решать окончательно все дела по вопросам о богослужении и исполнении обрядов веры; делопроизводство должно было вестись на татарском языке и лишь при переписке с правительственными учреждениями и должностными лицами других ведомств на русском языке (ст. 17) [Рыбаков 1917: 48-49].

Действительно, новый проект означал возвращение ранее изъятых степных территорий в ведение ОМДС, существенное расширение территории округа. Как видно, планировалось создать сильный, автономный административно-духовный центр с трехступенчатой системой управления исламскими институтами и системой образования мусульман (религиозное управление, ахуны округов и приходские духовные лица). В представлении

религиозных деятелей эта была совершенная модель религиозно-культурной автономии мусульман. Появление религиозного управления, курирующего многомиллионное мусульманское население, становилось веским основанием для расширения его состава и получения существенного государственного финансирования, на что рассчитывали татары.

На совещании доверенных мусульман Уфимской губернии, посвященном обсуждению вопросов, касающихся мусульманской религии и нужд башкирского населения (22, 23 и 25 июня 1905 г., г.Уфа), был принят «проект узаконения для магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания», который, по сути, содержит статьи проекта апрельского совещания улемов. В результате совещание доверенных мусульман Уфимской губернии высказалось за включение казахского населения (за исключением Акмолинской области) в округ ОМДС [Протокол 1905: 2].

Мнение группы казахской элиты, поддерживающей идею вхождения в округ ОМДС, нежели создавать собственное религиозное управление, поддерживалось общественными деятелями волго-уральских татар. Именно сторонники этой идеи одними из первых начали подавать петиции. Так, в качестве «представителей киргиз Тургайской области» группа казахов в числе 10 человек во главе с Мухамедом Буранкуловым 15 марта отправила по почте петицию на имя премьер-министра С.Ю.Витте. Копия данного прошения нами была обнаружена в фонде проживавшего в тот период в Оренбурге известного общественного деятеля и издателя Фатиха Карими в Национальном архиве Республики Татарстан, который, очевидно, имел отношение к его составлению [НА РТ, ф.1373, оп.1, д.2]. В первой части петиции просители описали ущемленное положение казахов в области вероисповедания. В 10 пунктах они изложили проблемы, требующие, по их мнению, неотложного разрешения. Первый пункт петиции гласил: «Киргиз всех степных областей, в отношении их духовных дел, подчинить ведению Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, под главенством Оренбургского Муфтия» [РГИА, ф.821, оп.10, д.29, л.38].

Понимая, что их желание противоречит намерению правительства, просители в конце петиции сочли необходимым пояснить свою позицию более основательно. Их аргументы заключались в следующих положениях: «Киргизскому народу,

как сравнительно молодому в семье других мусульман, входящих в состав обширной Российской Империи, хотя и способному к непосредственному восприятию общечеловеческой культуры, выгоднее и легче примкнуть ныне же готовой уже организации, чем ожидать учреждения организации новой, т.е. не дожидаясь будущего особого киргизского магометанского собрания по своим духовным делам тотчас же перейти в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания.

Благое мероприятие это избавило бы Правительство от излишних и, может быть, долговременных забот по сложному созидательному делу учреждения нового духовного Правления, а киргизскому народу дало бы возможность безотлагательно пользоваться желательными удобствами в своих духовных делах, т.е. избрать необходимое число мулл из лиц достойнейших и передать в их руки дела, требующие разрешения по шариату и по ведению необходимо духовной статистики.

Особое мусульманское собрание для киргиз, как учреждения совершенно новое и скороспелое, возможно, что для малоподготовительного к нему киргизского народа, окажется далеко в несоответствии с его намерениями.

Будучи же причисленными к Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию, как старому коллегиальному учреждению давно испытанному в надлежащем отношении к делам его ведения, киргизский народ, удовлетворенный в своих законных и давнишних желаниях, может без страха за будущее совершенно покойно заняться обычным трудом» [РГИА, ф.821, оп.10, д.29, л.38 об.-39]. Предлагалась трехступенчатая система управления духовными делами (религиозное управление - волостные муллы - аульные муллы) с возрождением всех институтов, характерных для округа ОМДС.

Нам известно, по крайней мере, еще одна инициатива казахов, поддержавшая идею возвращения в религиозно-административное пространство ОМДС. Согласно сообщению столичной газеты «Новое время» [Хроника 1905], уполномоченный казахов Семипалатинской области в своей «памятной записке о духовных нуждах киргиз», представленной премьер-министру С.Ю.Витте, просил о подчинении их ведению ОМДС «на общем основании со всеми русскими мусульманами суннитами, как это было до 1868 г.». Речь также шла о расширении прав ОМДС и предоставлении в его компетенцию всех вопросов,

связанных с удовлетворением духовных нужд мусульман: «сооружение мечетей, порядок избрания и назначения приходского и высшего духовенства, открытие духовных школ, ведение метрик, брачных и семенных дел и т.д.» [Тарджеман 1905].

Если апрельское уфимское совещание 1905 г. сформировало, главым образом, программу мулл-джадидистов по управлению духовными делами мусульман, согласно которой практически все вопросы развития культуры, духовной жизни и образования сосредоточились бы в руках религиозного управления, то на 3-м всероссийском съезде мусульман в г.Нижнем Новогороде верховодили светские лица, по-европейски образованные интеллектуалы, которые разработали программу социокультурного развития тюркских народов России. Составной частью данной программы является раздел, посвященный преобразованию духовных дел мусульман в империи. Согласно концепции участников съезда, компетенция религиозных институтов ограничивалась религиозно-духовными, духовно-учебными и благотворительными вопросами.

Съезд высказался за учреждение нового религиозного управления для мусульман Туркестанского генерал-губернаторства, руководитель которого. как и остальные муфтии, должен был быть избираем и именоваться шейх-уль-исламом, а действующие религиозные управления переименовывались бы в мухкама-и-исламия. Важно отметить, что для Степных областей не предусматривалось учреждение особого духовного управления, при этом по поводу казахов оговорилось, что в каждом аульном обществе должно быть по одной мечети и мектебе, а имамы должны обучать детей, в случае их неспособности, для педагогической работы привлались учителя-мугаллимы. Как видно, для Степных областей съезд сделал приоритетным вопрос распространения мусульманского просвещения и нравственного воспитания подрастающего поколения.

Над пятью шейхуль-исламами планировалось учредить должность высшего в России мусульманскоо духовного лица – раис-улама, который получал право личных докладов императору по поводу нужд мусульман. Он также объявлялся главой всего мусульманского духовенства в России. Получалось, что перед верховной властью раис-улама представлял интересы духовных лиц и мусульман и тех регионов, в которых отсутствовали религиозные управления, в том числе казахов. Они подпадали под единое исламское духовно-религиозное пространство и

единое религиозно-образовательное поле. Возникала уникальная ситуация - появлялся новый институт, который не пересекался с областными начальниками, контролировавшими мусульманские институты в кочевьях, и одновременно мог защищать религиозно-духовные интересы казахов перед российским государем [Материалы 1992: 26-27].

Однако по мере угасания Первой русской революции 1905-1907 гг. и усиления реакционного курса правительства абсолютное большинство проектов мусульман, следовательно, и надежды на лучшее будущее и достойную жизнь, канули к лету. Не стали исключением рассмотренные нами инициативы мусульман различных регионов. Несмотря на это, прозвучавшие идеи сыграли важную роль в развитии общественной мысли тюркских народов и стали своеобразной точкой отсчета для дальнейшей умственной деятельности интеллектуалов и новых обсуждений об исторических судьбах мусульманских народов России.

ЛИТЕРАТУРА

Дополнительные вопросы, подлежащие, по мнению председателя Комитета министров, разрешению комитета по п. 6-му именного Высочайшего указа 12 декабря 1904 года // Научно-информационная библиотека РГИА, ПС, №217. 2 с.

Загидуллин И.К. Петиции мусульман Казани 1905 г. // Гасырлар авазы-Эхо веков. 2015. №1-2. С.46-63.

Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905-1917 гг.) / Сост., авт. вступ. статьи и примечаний Р.Г.Фахрудинов. Казань, 1992. 128 с.

НА РТ, ф.1373, оп.1, д.2.

О веротерпимости. Закон 17 апреля 1906 года. Изд. неофициальное. М.: типогр. тов-ва И.Д.Сытина, 1905.

Полонская Л.Р. Восток. XX век. Взгляд из России //Ислам и СНГ. М., 1998. С.68-95.

ПСЗ-3 Т.24. № 25495.

ПЗС-3. Т.24. № № 25853.

Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. – Уфа : б. г. 21 с.

Распределение населения губернии по главным вероисповеданиям. Разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб.,1901. 39 с.

Тарджеман. 1905. №52. 9 июля.

РГИА, ф.821, оп.10, д.15.

РГИА, ф.821, оп.10, д.29.

РГИА, ф. 821, оп.10, д.31.
Рыбаков С. Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917. 55 с.
Фәхретдин Р. Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. Икенче җөзьэ. Оренбург: “Кәримов, Хөсәенов шәрикәсе”нең паровой типографиясе, 1908. 55 б.
Череванский В.П. Второе дополнение к записке «о делах мусульман-суннитов». Судебное дело киргизского народа с религиозной точки зрения // РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.56-61 об.
Череванский В.П. Записка по делам мусульман-суннитов // РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л. 1-48.
Хроника // Новое Время. 1905. №10531. 28 июня (11 июля).

Список сокращений:
ДДДИИ – Департамент духовных дел инстранных исповеданий.
МВД – Министерство внутрених дел.
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан.
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание.
ПСЗ-3 – Поолное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е.
РГИА – Российский государственный исторический

ОБРАЗ ГОРОДА В МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ (1925-1941 ГГ.)

Сайтов Алибек Тенелбаевич*

The image of city in memoirs and remembrances (1925-1941th)

ABSTRACT:
Research of history of soviet cities requires rethinking of traditional methods and approaches. Authorial memoirs and remembrances can be an important historical source, because in them along with description of everyday life there are characters of city, social organization of space. Memoirs contain valuable information about social transformations of soviet power.

KEY WORDS:
City area, memories, daily routines, social changes.

Одна из актуальных проблем современной исторической науки – изучение истории городов. Актуальность предлагаемой проблемы состоит также в том, что исследование истории советского города требует переосмысления методов и

* Младший научный сотрудник Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. E-mail: alisay78@mail.ru

подходов с позиций современной исторической науки. Одним из таких подходов к изучению заявленной темы стала социальная история, включающая в свой предмет исследования социальные аспекты различных проявлений бытия человека в его историческом развитии. История городов неотделима от жизни народа и его исторических судеб. В современную эпоху всё более значимыми для объективного понимания сложных исторических процессов становятся новые подходы.

При изучении исторических явлений и процессов особую ценность имеют документы личного происхождения. К таким источникам относятся дневники, частная переписка, мемуары и воспоминания. Мемуары могут быть историческим материалом первостепенной важности, так как описание жизни людей, игравших в истории видную роль, в соединении с мелочами повседневной жизни могут осветить исторически важные события. В воспоминаниях имеются образы города, архитектурный облик, социальная организация пространства, художественная жизнь города. Эти описания осуществляют полноту представления города. Образ жизни пространства города, городская культура наполняют теоретические знания о городе.

Книга Каллы Айымбетова «Өткен күнлерден елеслер» («Воспоминания минувших дней») содержит ценную информацию о политической, социально- экономической, общественной жизни изучаемого нами периода - 1925-1941 годах. Её историческая ценность, несомненно, велика. Являясь исследователем фольклора и литературы, К. Айымбетов в своих воспоминаниях раскрывает все стороны народной жизни. Действительно, композиционная структура данной книги, написанной в повествовательном жанре, включает наряду с автобиографическими сведениями рассказы о фольклоре, истории, литературе, искусстве, а также о деятелях этих отраслей [Нурабуллаев 2012: 114]. В этом смысле жизненный путь К. Айымбетова является неотделимой частью истории каракалпакского народа.

Работая над мемуарами, К. Айымбетов понимал, что является свидетелем важных исторических событий и создателем ценного исторического источника. Он вспоминает свою жизнь, уже пережив социальную катастрофу, пережив крушение всей своей прежней жизни, находясь на пороге новой социокультурной среды.

Внешние социальные преобразования влекут за собой

и внутренние индивидуальные личностные изменения. Восприятие и запоминание человеком текущих событий теснейшим образом связано с его взглядами и убеждениями, формирующимися в определенных исторических условиях. Описывая жизнь каракалпакских аулов, традиции, обычаи, детские и школьные годы, жизнь города Чимбая, проживающих в нём представителей разных профессий, вспоминая о городе Турткуле и о государственных деятелях, о деятелях науки, культуры, автор даёт беспристрастное описание событий:

Последние дни моего детства прошли в городе Чимбае.

С момента моего приезда в город прошло довольно много времени. Я приехал из аула, и на первых порах меня особенно удивляли городской шум и количество людей. В первые дни я боялся ходить по незнакомым улицам: как бы меня не избили незнакомые городские парни. Впоследствии я свыкся.

Напротив дома, в котором мы жили, была школа с воротами на юг. Ежедневно в сторону школы направлялись учителя-татары в очках, в папахах из гладкой овечьей шкуры. Дети из интерната каждый день приходили в школу. Они шли строем и пели песни. Постепенно я привык к ним и также стал подходить к школе, стоял у входа и с интересом наблюдал. Пришло время, и я тоже вместе со своими сверстниками пошёл в школу. Учителя-татары позаботились обо мне, дали в руки тетрадь и карандаш. Для меня, никогда не державшего в руках бумагу и перо, это был огромный подарок. Если б вы только видели мою радость! Я помчался домой. Рассказал обо всём отцу и матери, что завтра иду в школу. Они не возражали моему желанию, наоборот обрадовались...

Когда случилось затмение. Не помню, какой это был день, но в один из летних месяцев случилось солнечное затмение. Это было во время летних каникул.

Все, кто находились на улице, восклицали «О аллах, о аллах!». Игравшие во дворе дети разбежались по домам. По всему Чимбаю было одиннадцать мечетей. Люди побежали в сторону мечетей, возле них собралась толпа. Сидевшие на башне держали руками уши, повернувшись лицами на юг, во весь голос пели азан: «Аллаху акбар, аллаху акбар». Их голоса были подобны коровьему мычанью, когда на стадо нападает тигр, и доносящийся со всех мечетей азан огласил весь город. В тот день азан пели и те, кто не был муллой, и не был ишаном. Даже воспитатели интерната вместе с детьми встали лицами на юг и повторяли «Алла акбар».

Через некоторое время показалось солнце, и люди разошлись по домам [*Айымбетов 2008: 69, 71,72*]

Уроженец Чимбая Жумабай Мамутов, работавший на руководящих партийных должностях, который стал известен возведением ряда архитектурных построений в городе, вспоминает о родном городе:

С тех пор, как появился на белый свет, я видел только Чимбай, поэтому думал, что Чимбай – самый красивый, самый богатый город. Для меня это действительно было так.

Если говорить о Чимбае, это густонаселённый город каракалпаков, население которого отличается национальными обычаями, традициями, бытом, своеобразным говором.

В городе проживали казахи, узбеки, туркмены, русские и даже несколько армян и греков. Между собой они жили в родстве и дружбе, очень уважали друг друга. Я никогда не замечал, чтоб в этом городе отделяли национальности. Народ тут породнился: они сватались друг к другу, женили детей. Старшины города, аксакалы постоянно следили за порядком, заботились о правильном воспитании молодёжи. Когда случались семейные склоки, ссоры, собирались всей улицей и призывали членов семьи к порядку, иначе грозили переездом из мечеть-кауим (махалля, община, - А. С.).

В Чимбае есть ещё одна достойная традиция: когда переселяется новый сосед или приезжает издалека чей-то родственник, все соседи поочерёдно зовут его в гости. Этот обычай сохранился до наших дней.

В Чимбае когда-то была крытая улица, в Советские годы она называлась Нариман. На той улице были магазины. В годы войны мы были детьми и видели эту улицу, но тогда навес убрали. Два раза в неделю улицу поливали и держали в совершенной чистоте [Мамутов 1999: 50-51,5*].*

Как известно, административным центром Каракалпакской автономной области с 1924 года был город Турткуль. Постановлением Пленума Амударьинского облисполкома 18 ноября 1924 года Каракалпакская Автономная область была разделена на четыре округа: Турткульский, Чимбайский, Ходжейлинский и Кунградский. В состав Чимбайского округа вошла Нукусская волость, административным центром её была крепость Нукус. А центром административного управления этих названных четырёх округов был город Турткуль.

Впечатления К. Айымбетова о городе Турткуле в его воспоминаниях:

Турткуль нам показался большим городом. Я с детства не видел подобного города. Город окружен высокой крепостной стеной, построенной во времена набегов и войн для защиты от врагов. Есть четыре входа в город. Это Хазарские ворота, ворота Ханка. Внутри города густые деревья, сады, деревья из России, дома с широкими окнами. Наверху крепостной стены имеются прикрытия, напоминающие черпаки чигиря (чигирь - водоподъёмное колесо, - А. С.). Прикрытия использовали для стрельбы из ружья. В центре города есть русская церковь, построенная солдатам для молитвы в конце прошлого века. Их крест метит в небо. Непосильные человеку разноцветные колокола. По воскресеньям во время молебна колокольный звон оглашает весь город.

В народных легендах говорится о Турткуле, что город был турткул, т.е. четырехугольным, отсюда и название города. В Царской России поход в Хиву начался во времена Петра и завершился в период правления Александра, поэтому Турткулю дали название Петро-Александровск. После установления в Каракалпакстане советской власти город стали называть по-старому «Турткуль».

Амударья протекала в 6-8 км от Турткуля. Однажды, услышав гудок парохода, мы побежали посмотреть на него и остались без обеда [Айымбетов 2008: ***85-86].***

На месте современного города Нукуса существовала крепость, расположенная в центре населённого пункта. В то время Нукус не успел сформироваться как город.

Город Нукус ведёт отсчёт своего возраста от 1932 года, когда было принято постановление о строительстве города Нукуса и переносе туда столицы республики. Фактически строительство начинается с 1934 года. За короткий период (шесть лет - с 1934 по 1940 гг.) первый этап строительства был завершён, что создало условия для перевода правительственных учреждений из Турткуля в новую столицу. В последующие годы строительство города продолжается, строятся промышленные предприятия, жилые дома, предприятия бытового обслуживания, создаётся городская инфраструктура.

О сложившейся в тот момент обстановке в области также вспоминает в своих мемуарах Б. Таженов:

15 декабря 1937 года правительство Каракалпакстана приняло решение о переселении столицы в Нукус. Ещё в ноябре 1936 года в Нукус переехали Каракалпакский промсоюз, а в 1937 году местный народный комиссариат промышленности.

В 1938 году переехали Коммунальное хозяйство, торговля, суд и прокуратура. В 1939 году продолжался переезд учреждений из Турткуля в столицу.

В 1940 году в новую столицу переехали НКВД, хлоптрест, Госплан, Наркомат народного хозяйства.

В начале 1941 года в Нукус переехали комиссариат духовности, водное хозяйство, Наркомат связи и социального обеспечения [Таженов 2012: 25-26].

В тот период транспортная связь между городами практически отсутствовала. Расстояние между городами приходилось одолевать на протяжении нескольких дней. О трудностях пути вспоминают авторы мемуаров:

Хоть мы и наняли лодку и лодочника, но больше шли пешком вдоль реки. Прошло восемь дней, к вечеру девятого дня прибыли к посёлку «Бабай кала», поселению уральских казаков, что в 18 км от Турткуля. Отсюда нам до вечера было не добраться на лодке до Турткуля. За несколько дней мы устали от лодки. Бросив лодку, наняли пять телег, нагрузили поклажу, а сами пошли пешком до Турткуля. К 10 часам вечера прибыли в Турткуль. Остановились в чайхане. На следующий день поселились в большом кирпичном доме, который назывался домом Турткульского главного хакима. Началась пора учёбы, обучения профессии.

Теперь мы знали, как нужно добираться на лодке. На этот раз мы сели в лодку не с девятью поперечными перекладинами для сиденья, а наняли 2-3 «русские лодки». В те времена пассажиров через Амударью перевозили Оральские казаки (Уральцы), «овладевшие Амударьёй». И в последующие годы мы добирались на лодках Уральцев. Подобное положение основной транспортной связи продолжалось до 1933-1934 годов. Я сам в последний раз 28 декабря 1934 года вместе с профессором А. А. Соколовым пять дней добирался до Туркуля, наняв две арбы и четыре раза переночевав в пути. А в последние годы на водном пути начали появляться катера, на суше – машины [Айымбетов 2008: 85,90].

В 1930-е годы из Турткуля в Муйнак автомобили ехали через лес, по грунтовым дорогам и добирались за неделю. В те времена пассажирам приходилось мерзнуть на кузове машины, к тому же поблизости Муйнака остаток пути они одолевали на санях через протоки Амударьи. После появления воздушной связи этот трудный и долгий путь проходили за 2-3 часа [Таженов 2012: 23].

Вопрос налаживания транспортной связи между районами и городами требовал решения, однако отсутствие техники и имеющиеся средства не позволяли строительства сухопутных и железных дорог. Ввиду отсутствия железнодорожных линий перевозка строительных материалов, транспорта, необходимых для строительства дорог в Каракалпакстане не представлялось возможным. Только через водный путь и в небольшом количестве поступали самые необходимые материалы. По этой причине в Каракалпакстане в первую очередь начали строить аэродромы, авиалинии, что оказало незаменимую помощь в сфере сельского хозяйства, транспорта, медицины. К 1930-годам авиатранспорт служил для массовой перевозки пассажиров. О строительстве аэродромов рассказывает первый каракалпакский лётчик Б. Таженов:

... в результате 29 мая 1924 года земельный участок под аэродром был полностью распланирован (был выровнен).

Турткульский аэродром находился между берегом Амударьи и новым каналом Боз жап и занимал площадь в 150-200 саженей (одна сажень равна 2,13 метрам).

В 1927 году было запланировано открыть аэростанцию в Чимбае. Хивинская аэростанция обслуживала Хорезмский округ и город Турткуль.

В 1927 году в Каракалпакстане появился авиатранспорт. В том же году была установлена авиасвязь по перевозке почты, пассажиров по рейсам Чарджоу – Турткулъ – Новый Ургенч и Муйнак.

В целом в 1935 году в Каракалпакстане количество авиалиний увеличивалось на базе действующих местных линий, связывавших Турткуль с Муйнаком, Чимбаем, Ходжели.

Для строительства Нукусского аэродрома выделили земельный участок из близкого к городу колхоза имени Куйбышева. Это дело активно поддержало городское и сельское население.

В итоге мероприятия по строительству аэродрома дали свои результаты, запланированная работа была выполнена раньше срока [Таженов 2012: 9, 11, 14].

Самолёт, пролетевший в те годы над городом, оставил в памяти городских жителей огромный след:

После второго утреннего перерыва мы стали расходиться по классам, как вдруг над школой послышался гул. Все дети вместе с учителями выбежали во двор. В небе мы увидели пролетавший над городом самолет. Жители города испугались

и вышли на улицы. Повсюду раздавались крики: «Воздушный корабль!». Тем временем «воздушный корабль» потерялся из виду.

Для глаз, отроду не видевших подобных чудес, все это кажется очень интересным. Однако люди не смогли вдоволь насмотреться на «воздушный корабль». Он далеко улетел.

Мы зашли в класс, продолжили урок. Голос «воздушного корабля» долго звучал в ушах. Мысли о «воздушном корабле»: «Каков он, этот корабль? Что за люди внутри сидят? Вот бы и нам так полететь!», - часто прерывали речь учителя. Жители города спорили между собой: над чьим же домом пролетел «воздушный корабль». Конечно же «воздушный корабль» летел высоко над городом и все его увидели. А споры о том, над чьим домом он пролетел, продолжались долго.

Любовь каракалпакского народа к «воздушному кораблю» была настолько велика, что в 1926-1927 годах у людей собрали средства в помощь «воздушному кораблю». О том, кто, сколько денег дал, печаталось в газете «Еркин Каракалпакстан». Некоторые призывали своих друзей соревноваться через газету: кто даст больше денег в помощь «воздушному кораблю» [Айымбетов 2008: 72-73].

Строящееся социалистическое общество крайне нуждалось в своей интеллигенции, профессионально занимающейся высококвалифицированным умственным трудом в различных областях государственной, производственной, научной, культурной и общественной деятельности.

Уничтожая национальную интеллигенцию, советское государство во второй половине 20-х годов продолжало работу по формированию новой советской интеллигенции, развивая вузовское образование и решая одновременно задачу коренного изменения классового предназначения и социального облика студентов и преподавателей. Стремясь создать новую пролетарскую систему высшей школы, оно предоставило рабоче-крестьянскому студенчеству большие права участвовать не только в общественной жизни своих вузов, но и в организации учебного процесса [Макхамова 2009: 172]

В 20-30 годах в республиках создаётся широкая сеть национальных средних учебных заведений - учительские институты, педагогические техникумы, училища, всевозможные педагогические курсы, готовящих кадры учителей для национальных школ.

В частности по Каракалпакстану в Турткуле в 1925 году

открыли педагогические и сельскохозяйственные техникумы, 1935 году медицинское училище в Турткуле, школа медсестёр в Чимбае, Каракалпакский государственный учительский институт в Турткуле, финансовый техникум.

К Айымбетов вспоминает о своём приезде из учёбы на время летних каникул: Собрались родственники, соседи. Соседи поздравляли. Моим большим гостинцем было печенье. Все остальное нашлось в самом Чимбае.

Когда мне сказали: «Сынок, какую должность тебе дали из области? Все наши чиновники из чужих, и не видать нам равенства», - я не смог им ничего объяснить. Эти слова были мне неприятны, я только сказал им, что должен проучиться еще три года, а потом буду учителем в школе. Но по их виду я заметил, что они недовольны моим ответом [Айымбетов 2008: 93].

Рабочее происхождение было приоритетным условием для поступления в высшее и среднее учебное заведение, открывало широкую перспективу сделать административную и даже научную карьеру, являлось решающим аргументом для поступления в ряды правящей партии.

Картины городской культуры того времени почти полностью уничтожены. Их визуальный образ сохранился, правда, в фотографиях, живописи, графике, образцах плакатов. Но сегодня они представляют собой чаще всего уникальные экспонаты. Дополнительным источником при изучении городской повседневности и быта являются воспоминания тех лет. С исследовательской и гуманистической точки зрения интересна та реальность, с которой встречался «маленький человек», обыватель, чье мировоззрение также менялось в ходе происходящих социальных перемен.

На следующий день гулял по городу. Город понемногу стал меняться. Когда я уезжал, было всего один-два телефонных провода, а теперь стало пять-шесть. Какой-то проезжий на своей арбе ехал на базар и сам с собой разговаривал: «На небе так много стало проводов, и как теперь звезды увидим?.. [Айымбетов 2008: 93].

Поведенческие стереотипы в значительной мере формируются под влиянием быта. Нормы обыденной жизни являются выражением социального и культурного статуса и отдельной личности, и социальной группы.

О патефоне. В 1933-1934 годах стало обычаем покупать для дома патефон, пластинку.

Один сельский дехканин купил из магазина патефон и

пластинку, потом пришёл в дом знакомых в Турткуле, чтоб послушать пластинку, но она играла только мелодию. Когда тот спросил у хозяина дома: «Почему она не поёт?», хозяин ответил: «Сегодня будет играть только музыку, а завтра споёт песню», - а сам засмеялся. [Айымбетов 2008: 101].

Для сельского жителя переезд в город сопровождался с необходимостью преодоления серьёзных препятствий, вызванных его слабой миграционной подвижностью, его привязанностью к традиционным местам проживания, неграмотностью, трудностями социальной адаптации к городской жизни.

На следующее утро после приезда (из Чимбая в Турткуль - А. С.) я проснулся и увидел в центре потолка что-то чёрное, свалявшееся. Приглядевшись, заметил подвешенную люстру с 20-30 крючками. Парни постарше нас, развесили на ней свои шапки. Руководители, увидев эту обстановку, приказали убрать все шөгирме (шөгирме – большая меховая шапка - А. С.) [Айымбетов 2008: 86].

Турткуль, являясь в то время столицей Каракалпакской области, значительно отличался образом жизни своего населения от традиционных городов Чимбая, Ходжейли, Шаббаза и других. Это связано с тем, что город строился во времена Царской империи и следы русской культуры отражались в городском быту.

Вышеизложенные материалы дают возможность нам постичь глубины реальной повседневной жизни, какой она виделась на самом приземлённом уровне. Действительно, реалии той или иной эпохи обнаруживаются при изучении деталей повседневной жизни, человеческой обыденности. Новое время потребовало от историков республики применения новых современных, концептуальных, методологических подходов, базирующихся на обновлённом изучении источников и достижений мировой исторической науки. Особенно это было необходимо для выявления объективной картины социального развития общества. В этом смысле изучение истории городов Каракалпакстана посредством мемуаров и воспоминаний известных государственных деятелей и деятелей культуры имеет важное значение нежели традиционный подход к изучению вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

Айымбетов. К. Өткен күнлерден елеслер. Нукус: Каракалпакстан, 2008.
Макхамова Н.Р.Социальная структура общества на территории

Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е годы XX в.) // Автореферат. Ташкент, 2009.
Мамутов Ж. Инсаннан из қалсын. Нукус: Каракалпакстан,1999.
Нурабуллаев Б.Х. Мемуарлық шығармалардың жанрлық тәбияты, сюжет хәм композиция дүзиў мәселеси // ВЕСТНИК ККО АН РУз, 2012, №1 .
Таженов Б. Пәрўаз. Нукус: Билим, 2012.

ТҮРКІ ӨРКЕНИЕТІ – ТАРИХИ МҰРА

Рысбекова Салтанат Тұяқбайқызы*
Рысбеков Тұяқбай Зейітұлы**

ABSTRACT:
The history of western Turkic Kaghanate according to Orkhon written records is described. The events can be dated to the epoch of the ancient Turkic writing. The heritage of the Turkic commonwealth is a general heritage for the current Turkic peoples.

KEY WORDS: Early feudal state, western Turkic Kaganate, Orkhon written records, Turkic civilization, globalization.

Біздін ата-бабаларымыз рухани-адамгершілік білімнің әлеуметтік мазмұның ертеректе түсінді және ғасырлар бойы белсенді түрде дамытып келген. Олар тек жеке адамның, отбасының ғана емес, бүтіндей қоғамның тиянақты, әлеуметтік белсенді әдет-ғұрпы ретінде қарастырылды. Рухани құндылықтар –адамзаттың ерекше рухани байлығы. Олар ғасырлар бойы қорланып, құнсызданбайды, керісінше арта түседі. Бұл арада әңгіме болып отырған, ең алдымен, адамгершілік және эстетикалық, құндылықтар жөнінде. Рухани құндылықтар қазіргі кезде де өзгеруде, алайда, бірінші кезекте соларды сақтау қажет.

Түркі әлемі өзінің біртұтас билеушісімен , өкімет институттарымен, экономикасымен қытайлықтарды осыдан екі мың жыл бұрын-ақ таңқалдырған. Бұл жағдайлар қытай жазбаларында баяндалып, сақталған (Аджи 1998: 72; Аджи, 2011:111). Қытай тарихшыларының түркі көршілеріне көңіл бөлуі бекерден-бекер емес еді. Өйткені Қытай жүздеген жылдар бойы өзін қоршаған халықтармен байланысы және ұдайы орын алып отыратын күрестері арқылы дамыды. Моңғол дәуіріндегі қытай деректері түркі халықтарының тарихи дамуы жөнінде

* Тарих ғылымдарының докторы, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университетінің Қазақстан тарихы кафедрасының профессор м.а. E-mail: saltanat.rysbekova@ mail.ru.
** Тарих ғылымдарының докторы, профессор, М.Өтемісов атындағы Батыс Қазақстан мемлекеттік университетінің Қазақстан Республикасы тарихы кафедрасының меңгерушісі. E-mail: tuyakbai.rysbekov@ mail.ru.

біртұтас бейнесін жасауға көмек береді. Оларда сақталған мәліметтер қоғамдық дамудың әртүрлі кезеңдеріндегі көптеген түркі тайпаларының өмірін баяндайды.

Ортағасырлық Қазақстан мен Орта Азия жеріндегі Еуропаның шығыс бөлігінде қазіргі қазақ, өзбек, қырғыз, тәжік, түрікмен, әзірбайжан халықтарының негізін құрайтын түрік тілдес жұрттардың әртүрлі атаулармен танылған, тарихта белгілі болған қағанаттары, алғашқы феодалдық мемлекеттер өмір сүрген. «Ұлыс», «Қағандық», «Сұлтандық», т.б. аттарға ие әйгілі олардың дербес басқару жүйесі, өзіндік мәдениетінің ерекшелігімен қатар, әдет-ғұрпы, жол-жоралғысы болған. Солардың бірі орта ғасырларда қазақ жерінде орын тепкен – Батыс Түрк қағанаты. Қағанаттың тарихы осы кезеңдегі алғашқы феодалдық мемлекеттердің тарихы мен рухани мәдениетінің құрамдас бөлігі, ажырамас, айнымас бөлігіне жатады.

Батыс түрік қағанаты «ежелгі усун жерлеріне» ірге тепті, демек, оның аумағы ендік бағытта Қаратаудың шығыс баурайынан Жоңғарияға дейінгі жерді алып жатты (Государство... 2007). Қағанаттың негізгі этникалық-саяси ұйытқысы – «он тайпа»-«он оқ будун» деп есептеледі. Сонымен қатар, ол Түрік қағанатының ыдырауынан кейінгі Шығыс Түркістан мен Орта Азиядағы (Самарканд, Маймург, Кеш, Нахшеб, Иштихан, Кушания, Бұхара, Амуль және Андхой) отырықшы-егіншілік жұрағаттарындағы басып алған барлық жерлерінің мұрагері болды. Батыс түріктеріне тәуелді деген аты ғана болған. Соғды мен Бұхарада да қаганның өкілдері тұрды, оның атынан өкілдерін өкімдерін жүргізді (История...1988).

Бұл кезде, яғни VII-VIII ғасырларда феодалдық қатынастар Византия мен сасанидтер Иранында дамыған болатын. Соғыс және сауда бәсекелестігіне қарамастан (бәлкім, соның арқасында да болар), феодалдық қатынастар Кавказ өңірінің Хазар патшалығының көшпелі ортасына, тиректер мен Алтайдың ертедегі түріктері жеріне өтіп үлғая түсті.

Тарихи деректер бойынша Батыс Түрік қағандарының мекен тұрағы Селенгі, Орхон, Толы өзендерінің бойы болған. Бұл иеліктердің іргесін қалап, елдің дербестігіне жол ашқан. Құтлық Білге күл қаган мемлекеттің шекарасын – солтүстігінде Алтай тауларынан Манжұрға дейін, оңтүстігінде Гоби шөліне дейін кеңейтті. Онда мемлекеттік бірынғай тіл, түркі тілі, түркі жазуы жазба түсіністік негізі болды. Аталған ұлан-ғайыр аймақтың кіндігінде орналасқан Батыс түрік қағанаты Орталық Азиямен саяси байланыс қана емес, мәдени-экономикалық

өркениеттің дамуына да жол салған.

Еуропа мен Азияны, Батыс пен Шығысты байланыстырып жатқан отырықшы ел мен көшпелілер қарым-қатынасына өзек болған қалалардың арасында Ұлы Жібек жолының бойында жатқан түркі қағандығының әкімшілік және мәдени орталықтары Суяб, Тараз қалалары құрылысы, сәулет өнерінің өзгешелігімен көзге түскен. Осындай мәдени орталықтардың бірі Отырар туралы жиналған көп мағлұматтар бар. Ол бұған дейін деректерде Тарбан деген атпен белгілі болған (Зуев 2002). Арабтар осы өңірге келіп орныққаннан кейін оны Фараб деп атаған. Отырар туралы Француз деректемелері де аз емес. «Шығыс халықтары туралы негізгі мағлұматтардың әмбебап сөздігі немесе «Шығыс кітапханасы» деп аталатын Бартолоэ Д.Эрбело 1697 жылы бастырып шығарған кітапта бұл қала емес, жерінде нулы орманы, өнделген жер учаскелері бар бүтіндей бір ел, оның ені мен ұзыны жүріп кеткенде күншілік уақыт алатындай кең деп көрсетілген. Зәулім үйлері, сәулет өнерінің соңғы үлгісімен салынған ғимараттары бар қалада бүкіл түркі әлеміне атағы жайылған ең бай кітапхана болған. Осы қала туралы Күлтегін мен Білге қаған ескерткіштерінде – руналық жазбаларда да деректер кездеседі. Тараз, Суяб, Отырар, Сығанақ, Испиджаб, Каялық сияқты қалалар Византия, Иран, Кавказ, Алтай, Шығыс Түркістандағы елдермен сауда жасауда, мәдени байланысты өрістетуде үлкен рөл атқарды. Мәселен, Батыстан келе жатқан керуендер Испиджабқа тоқтап, Созақ, Құмкент, Баба-ата сияқты қалаларға соғып, Орталық Қазақстанның ұлан-ғайыр далаларындағы көшпеліелдерге бет алатың болған. Керуен жолындағы қалаларда сауда-саттықпен бірге қолөнершілік, сәулет өнері кеңінен дамыды. Қолөнердің осы уақытқа жеткен, қазба зерттеу барысында табылған үлгілері ол кезде темірден, тастан, алтын, күмістен әшекейлеп жасаған сәндік бұйымдар, тұтынатын заттар болғаның дәлелдейді. Сонымен бірге осы аймақтардың тұрғындары ұстаған, қолданған аспаптар, тәжірибесінің осал болмағаның байқатады. Оларға сәулет өнерінің жұрнақтары тастан қашалған, тастан істелген үлгілерді қоссаққөз алдымызда белгілі дәреже, биік дамыған мәдениеті бар бүтіндей бір әсемдік әлемі пайда болады.

Қала мен дала қағанат құрамында бірін-бірі толықтыратын және біріне-бірі өзара керек болып отыратын біртұтас шаруашылық-саяси организмнің екі бөлегі болды. Транзит сауда айырбасы да, ішкі сауда айырбасы да ақша айналысын туғызды, сөйтіп Батыс түрік қағанатының вассалдық шет аймақтарының

да, орталығының да халқы осы айналыс өрісіне тартылды.

Қағанатта қоғамдық-экономикалық қатынастардың дамуы Евразияның басқа аудандарындағы осы сияқты үрдістерге байланысты жүріп, феодалдық қатынастардың орнығу арнасында жүргенімен, оның өз ерекшеліктері де болды. Орхон өзеннің бойынан табылған ескерткіштердің ішінде Батыс Түрік қағандығы кезеңіне жататын тасқа қашалып жазылған үш тарихи мұра ерекше аталады. Оның біріншісі – 731 жылы өлген, хан інісі Күлтегінге, екіншісі – 735 жылы өлген Білге қағанның өзіне, ал үшіншісі - Тоныкөкке арналған ескерткіштер (Гумилев 1967: 313-326). Тоныкөк туралы Көпенгагендік профессор В.Томсен еңбектерінде неғұрлым нақты мағлұматтар кездеседі (Бартольд 1993). Аталған ғалымдардың пайымдауынша, Орхон жазбаларында көрсетілгендей, Тоныкөк – үш ханның ақылшысы және Білге қағанның құдасы болған адам. Қытай жазбаларына Тоныкөк жайлы 716 жылы айтылған (Гумилев 1967: 1330-346). Елтерістің патшалық құруында оның қосқан үлесі туралы қытай және Тоныкөк жазбаларында толық көрсетілген (Зуев 2002).

Орхон ескерткіштері оқиғалар мерзімі жазу стилі жағынан ескі түркі жазуының соңғы – жаңа дәуірін танытады. Оның бер жағында Орхон жазуы, сірә «он оқ будынға», яғни халық арасына кеңінен тараған болу керек. Күлтегін ескерткіштерінде мынадай сөйлемдер кездесі: «Түркі халқын жиып, ел еткендеріңді де мұнда бастым, жаңылып кеткендерді де мұнда бастым.

Барлық сөзімді айтар мәңгілік тасқа бастым, бұдан қарап біліңдер, түркінің қазіргі халқының істері» - дейді. Орхон жазбалары осы кездегі түркі халықтарының және қағандықтың тұрмыс жағдайларының да тамаша көрінісін берген. Бұл жерде бұрын өз мемлекеті болған түркілердің қытайлардан жеңіліп, шамамен 50 жыл бойы қытай билігінде болып, кейбір княздар қытай титулдарын қабылдап, түркі бектері болудан қалғандығын айтады. Сонда жай халық: «Менің өзімнің ханым бар мемлекетім бар халық едім, енді менің мемлекетім қайда, ханым қайда?» (Жолдасбеков, Сартқожа ұлы 2007: 186-191) - дей отырып, қытайларға қарсы шығады. Бұдан басқа аристократтар мен демократтар арасындағы күресті ханның өкілі ретінде күрес жүргізгендігін көреміз.

Орхон жазбаларында Батыс Түркі қағандығы кезінде әскери күш және әскери рух қаншалықты дәріптеліп отырғанына қарамастан, одан адамшылыққа жат пиғыл кездеспейді. Мәдениетті деген халықтардан шыққан басқыншыларда кездесетін қатыгездік және қатыгездіктен ляззат алу

элементтері де жоқ. Жазба ескерткіштерде империяның құралуы – «халыққа көрсеткен қызметім», «келтірген пайдам» деп түсіндіреді. Жазба ескерткіштегі Білге қаған – үлкен ел басқарушы, Күлтегін – өз заманының даңқты батыры, Тонікөк – әрі батыр, әрі шешен, жырау, әрі кемеңгер ақыл иесі. Тастағы жазбада Тонікөк мемлекет қамын ойлайтын басшы түрінде суреттелсе, Күлтегін өз ағасы Білге қаған кезінде әскер басы болған, оның батырлығы сол кездегі кәріліктің дара үлгісі ретінде беріледі. Сол жазбалардың ішінде күні бүгінге дейін өз мәнін жоймаған шешендік сөз үлгілері мен өлең ұйқастары, мақал-мәтел, арнаулар мен жоқтаулар молынан кездеседі. Яғни Батыс түріктері мемлекетінің бірінші басшысы – қаған, жоғары билеуші, билеп-төстеуші, әскербасы болды, сонымен қатар, қалын будынның (он оқ будын) өздері таңдаған асқан ақыл иесі, кемеңгер адам болған.Қағанаттың астанасы және қағанның қысқы ордасы Шу аңғарындағы Суяб қаласы болды. Саяхатшылардың хабарлауына қарағанда, Суябқа жақын жазғы резиденция – Цзядань қаганның ордасы болған. Қаган тек билеуші ғана емес, сонымен қатар, қағанаттың барлық жерінің иесі де болуы мүмкін. Алайда көшпелі қоғам жағдайында (дала халқын алатын болсақ) билік негізінен алғанда жерге емес, ол жерді пайдаланатын адамдар ұжымына жүргізілді. VII ғасырдың бас кезінде Батыс Түрік қаганы Ябғудың ордасында болған будда монахы Сюань Цзанның жазғандары елдің экономикалық жағдайы және қаган руының байлығы туралы біраз ұғым береді. Сюань Цзанның мәліметіне ол аң аулап жүрген жерінде кездестірген аңшылар киімінің сәніне таң тамаша қалады. «Қаган жасыл жібек желбегей киген» дейді ол. «Оның қасына ерген екі жүзден астам тарханы бар, олар қамқа желбегейлер киген, бөріктері жұмсақ матадан тігілген, қолдарына айбалта, садақ, ту ұстаған. Аттары өңшей сәйгүлік. Түйе, ат мінген адамдардың көптігіне көз сүрінеді». Одан әрі қаганның киіз үйі туралы айтқанда, оның алтынмен сәнделгені соншалық, тіпті «көз қаратпайды» дейді ол (Зуев 2002: 261-266).

Батыс түрік қағандығында бағынышты тайпаларға және қарапайым көшпелі бұқараға жүктелген міндеткерліктердің бірі әскери міндеткерлік (басқаша айтқанда «қанмен төлейтін салық») болғаны белгілі; бұл міндеткерлік бойынша, вассал тайпалардың барлық жауынгер-еркектері тайпа көсемі армиясының құрамына кіреді. Соғыстың негізгі ауыртпалығы, демек адам шығынының ең көбі бағынышты тайпалардың

мойына түседі. Кейде «келімсек» деп аталған бұл тайпалар соғыс шайқастары кезінде «алдағы шеп» ретінде пайдаланылған, яғни алғы шепке қойылған. Бұл дәстүр барлық жерлерге тараған. Кейін түркілердің осы және басқа әскери әдіс-амалдарын дала әмірші Шыңғыс ханның өзі таңдана тамашалап, өзінің әскерлерінен іскери жорықтарды қолдануын талап еткен. Бағыныштылық әрқашанда алым-салық қатар жүріп отырған. Оның үстіне бағындырылған тайпалардан, сондай-ақ соғыс қимылдары кезінде тұтқынға алынғандардан құлдар тобы қалыптасты. Бірақ ертедегі түріктердегі «құл» деген терминді жалпыға мәлім көне шығыс елдері мен Еуропадағыдай «классикалық» түрде деп түсінуге болмайды. Батыс түрік сол сияқты қазақ жерінде өмір сүрген ортағасырлық феодалдық мемлекеттерде «құл тайпалар» үстем тайпаға мал және аң терісі тағы басқа түрінде салық төлеп тұруға міндетті вассал тайпалар ретінде ғана саналған. Түріктердің көршілес тайпаларға шапқыншылық жасағандағы мақсаттарының бірі құлдар алу болған. Бұл орайда әдетте, ұлдар мен қыздарды алған. Мысалы, түріктің баһадүр қағанының 620-шы жылы бірнеше мың қыз баланы тұтқынға алғаны мәлім. «Жорықтарда тұтқынға түседі» делінеді сол кездегі құжаттардың бірінде. Түріктердің Білге қағанының 720 жылы басмылдарды жеңуін баяндай келіп, автор түріктер «олардың (басмылдардың) ұлдары мен қыздарын алып, кейін қайтты» деп хабарлайды (История 1988:302). Деректемелерде мұндай мәліметтер жие кездеседі. Тұтқын балаларды үлкен отбасылық қауымда әдетте «бала қылып алып» шаруашылыққа пайдаланды. Мұның бәрі қағанатта құлдықтың басқа түрлері болғанын (мысалы, қолөнерші, қала салуша тағы басқа құлдар еңбегі болғанын) теріске шығармайды.

Тюркизмнің ерекше белгілерін атап өтуге болады:

- оның этикалық құндылықтар жүйесінде көрінетін өзіндік имандылығы бар;

- қоғамдық өмірде жаугершілік рух басым болды; Ұрыс даласында өлу жоғары абырой деп саналды;

- ұлттың дамуының басты факторы деп тәртіп саналды. Мұның бәрі түркілердің айбынды әскерлерінен көрініс тапты;

- тюркизмге турашылдық, сөздің қадірі тән еді;

- оларда жыныстық тәрбие жоғары деңгейде болды. Бұл оларды рухани күшті етті.

Х ғасырға дейін түркілердің өзінің толыққанды өркениеті болды. Оның үш тірегі болды: дүниетаным (негізі- тәңірге сыйыну діні), өз тілі (тіл мамандарының мойындауынша ең

дамыған және әлемдегі тұрақты тіл) және өз әліпбиі – орхон – енисей (руникалық) жазба. (Тайжан, Кумыспаева 2012: 251).

Жаһандану жағдайында түркілер қиындықтан шыға алады және біртұтас 150 миллиондық суперэтносқа біріге отырып өз байлықтарының, өз өмірі мен тағдырларының қожасы бола алады. Бірігу тұғырнамасы – жалпы сәйкестік, өзінің түркілік өркениет пен тарихы. Бұл – түркі халықтарын отарсыздандырудың қажетті жағдайы. Әлемдік дамудың шеткі аймағында қалған экономикалық, технологиялық және рухани жағынан өзіндік суперэтнос өркениетке біріге отырып түркілер жаһанданудың қатерлеріне тиісті қарсылық көрсетуге қабілетті қазіргі заман ұлтына айнала алады. (Тайжан, Кумыспаева 2012: 252).

ЮНЕСКО-ның бағалауы бойынша жаһандану жағдайында бүтіндей алғанда мәдениет және мәдени әр алуандық үш қатердің алдында тұрады:

1. Жаһандану рыноктық принциптерді қуатты түрде кеңейте және экономикалық күшті мемлекеттердің мәдениетін бейнелеп көрсете отырып, теңсіздіктің жаңа формаларын жасады. Ол өз кезеңінде мәдени плюрализмнен көрі шиеленістердің көбеюіне әсер етеді.

2. Мемлекеттер өскелең дәрежеде идеялардың трансшекаралық легіне өздігінше қарсы тұруға қауқарсыз болады.

3. Сауаттылықтағы (электронды-сандық және әдеттегі) алшақтықтың өсуі мәдениет құралдарын әлем жұртшылығының жартысынан астамының мүмкіндігі мен мүддесінен аластатып, элиталық монополияландыра түседі. (Тайжан, Кумыспаева 2012: 254)

Жаһандану жағдайында мемлекет, болмаса мемлекеттік құрылымдардың істерінің дамуын жоспарлағанда қоғамның бүгінгі күнгі әлеуметтік-мәдени ерекшеліктері мен даму бағыттарын ескеру мен түсінудің күшті қажеттілігі туындады. Бүтіндей алғанда дүниежүзілік қауымдастық пен жекелеп алғанда әр елдің өмірін анықтайтын екі жаһандық дүниежүзілік процесс анық: 1) «адамзаттың жаһандық мәселелерінің» көлемінің өсуі және шиеленісі; 2) «дүниежүзілік экономиканың» интернационализациясынан, «жаңа тәртіп», «әмбебап мәдениет» және т.т. жасаудан айқын көрініс табатын әлемдік жаһандану.

Дегенмен, түрлі қиындықтарға қарамастан, «он оқ будын» халқы өздерінің мыңдаған жылдар бойғы қалыптасқан негізге өркениеттік құндылықтарын сақтап, бүгінгі кезге жеткізе

алды. Түркі тайпаларынан қалған мемлектетілік дәстүрлер мен ескерткіштер көне дәуірдің қоғамдық-мәдени әрі әдеби тұрмыс-салт өмірлерінен хабар беретін жәдігерлер қазына ретінде бүгінгі күні барлық түркі тектес халықтарға ортақ мұраға айналды. Түркінің сар даласының ішкі сырын бойына сіңірген таңбалы тастары қас батырдың ерлігіндей сан ғасырларды атап, өз заманының шындығы мен қайғы қасіретін, амал әрікетін бейнелеп, еш өзгерместен күні бүгінге жетіп отыр. Ортағасырлық түркі кезеңі тарихынан сыр шертетін түркілік жазба ескерткіштер кең байтақ Қазақстанның барлық аймақтарынан табылып, ескерткіштер саны жыл санап өсіп жатыр. Ұлы бабаларымыздың қалдырып кеткен өшпес мұраларының бұқара халықтың өз Отанына, ұлтына және тарихына деген сүйіспеншілігін арттыра түсуде жастарға тәлім-тәрбие беруде түркі мұрасының алатын орны қазіргі таңда да болашақта да, ерекше. Бұл сөзіміздің Елбасы Н.Ә.Назарбаевтың «Қазақстан-2030» Жолдауында көрсеткен стратегиялық даму қағидаларына сәйкес келетіні анық. Жалпы, ойымызды қорыта келе, талай ғалымдарды тамсандырып, сырын ішке бүккен асыл мұраның әлі де айтары көп екендігі даусыз. Өзіндік көне түркі өркениеті мен руникалық жазуы арқылы дүниежүзілік мәдениетпен ұштасып, тамыры тереңде жатқан ғажайып асыл қазына түркі мемлекеттілігі мен Батыс Түркі қағандығының тарихи тағылымдары арқылы Қазақ мемлекеттілігін, ұлттық рухты таныту, оны әлемге көрсетіп, мойындату басты парызымыз болып отыр.

ӘДЕБИЕТ

Аджи М. Европа, тюрки. Великая степь. – М.: «Мысль», 1988. – 334с; его же. Азиатская Европа. - М.: «АСТ: Астрель, - 2011. 1128с.

Государство Великой степи. – Алматы: «Адамдар», - 2007. – 216 с.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней), в пяти томах, II том, - Алматы: «Атамұра», 1988. – 543 с.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: «Дайк – Пресс», 2002. – 338 с.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: «Наука», 1967. – 501 с.

Бартольд В.В. Тюрки: двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии (переизд.) – Алматы: «Жалын», 1993. - 192 с.

Жолдасбеков М., Сарткожаұлы К. Орхон ескерткіштері толық Атласы. – Астана: «Күлтегін», 2007. – 360 б.

Тайжан А.Т., Кумыспаев С.С. Казахстан как часть тюркского мира в условиях глоболизации//Профессор И.Ф.Катанов и проблемы тюркологии. Сб.статей международной научно-теоретической конференции 30-31 мая 2012 года. – Орал, 2012. – с.249-256.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО АЛТАЯ, КАК ФОРМА МАНИФЕСТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сураганова Зубайда Кабиевна*

ABSTRACT:

In the the intangible cultural heritage of the Kazakh foreign population of Altai, including festivals, folk knowledge and rituals considered as a form of expression of ethnic identity.

KEY WORDS: intangible cultural heritage, Kazakhs, Altai.

Алтын тау, қайран, мекен қалдың-ау.
Халық әні

Настоящая статья подготовлена в рамках работы над исследовательским проектом**1. Объектом исследования указанного проекта является казахское население Центральной Азии, неотъемлемой частью которой является Большой Алтай, который расположен на границе четырех государств: Республики Казахстан, Российской Федерации (Республика Алтай), Монгольской Народной Республики и Китайской Народной Республики [Мармонтова 2015: 22]. Источниками для подготовки статьи стали наряду с полевыми материалами автора, также работы коллег, изучавших и продолжающих исследовать указанный регион. Известный отечественный этнолог С. Ажигали рассматривает казахов Большого Алтая как крупнейшую часть зарубежной казахской группы, проживающей на территории Центральной Азии (Западные Китай и Монголия, Республика Алтай Российской Федерации), отмечая при этом ее отличие от среднеазиатской казахской диаспоры: «Центральноазиатскую диаспору (в устоявшемся историко-географическом смысле) не следует, подчеркивает он, - путать со среднеазиатской казахской диаспорой, расселяющейся на территории Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и отчасти Таджикистана. Географическое, геополитическое их положение и исторические судьбы их несколько отличны»

* Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им Л.Н.Гумилева. E-mail: suraganova_zk@mail.ru

**1 Работа подготовлена в рамках проекта «Национальная идентичность казахов Центральной Азии и Европы в артефактах нематериального культурного наследия». Грант № 4718/ГФ4-15-ОТ.

[Ажигали]. Добавим к этому: НКН казахов Центральной Азии имеет внушительное содержание.

Изучение самобытной культуры казахского населения, проживающего на сопредельных с Казахстаном территориях России, Монголии и Китая накопило, начиная со второй половины XX века, солидную историографию.

Истории и культуре казахов Большого Алтая посвящено немало работ. Среди исследователей политологи, историки, этнологи, антропологи: Е. Карин, И. Сванберг, Л. Бенсон, А. Сарай, Т. Алданыш, К. Ислам, К. Л. Сыроежкин, К. Л. Ермагамбетов, Г. Мендикулова, А. Смагулова, Е. Абатаев, А. Коновалов, В. Курылев, Е. А. Бельгибаев, Н. Халел, К. Досымбек, Х. Бабакумар, И. Октябрьская, С. Ажигали, Н. Байбагатова, Е. Ларина, О. Наумова, П. Финке и др.

Поскольку в обозначенном названии настоящей работы определяется предмет – нематериальное культурное наследие (далее - НКН) казахского населения зарубежного Алтая, попытаемся показать, каким образом оно проявляет себя в качестве репрезентации этнической идентичности.

Республика Казахстан присоединилась к Международной Конвенции «Об охране нематериального культурного наследия», принятой в 2003 г. в г.Париже, в 2012 г. Через год, в 2013 г. в Казахстане была одобрена правительством Концепция об охране и развитии НКН в Республике Казахстан [Постановление 2013]. В 2014 г. был составлен Национальный список элементов НКН Республики Казахстан, в который были включены 46 единиц [Национальный список 2014]. Осенью 2015 г. в республике были утверждены Правила ведения Национального перечня элементов НКН [Приказ Министра].

К формам НКН, как известно, были отнесены: устные традиции и формы их выражения, обычаи, обряды, празднества, знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [Конвенция 2003: 3]. Учитывая рамки статьи, остановимся лишь на не некоторых из указанных элементах НКН, свойственных для рассматриваемого региона.

Обычаи, обряды, празднества.

Известно, что похоронно-поминальная обрядность наименее подверженная изменению часть культуры. У казахов Большого Алтая обрядово-ритуальные практики, связанные со смертью, включает такие обычаи и обряды, как: жол азық, қабыр садақа, дауыс шығару, көрісу, жоқтау, шырақ жағу, төрт

жұма шай, сыбағалы тамақ, құран айдару, зират үйлеу, тұл қайыру и др.

В похоронно-поминальной обрядности у казахов, как этнического массива так и за его пределами по-прежнему важную роль играет обычай гостеприимства. Количество людей, пришедших с соболезнованиями и, соответственно, сделавших приношения в денежном, материальном эквиваленте, имело и сохраняет имеет большое значение для социального статуса семьи, понесшей утрату. Число принимающих участие в поминовении покойного играет важную роль: чем больше пришло на поминовение, тем выше статус покойного, его семьи, рода [Казахи Южного Алтая. 2003: 149].

Одна из самых важных ролей в гостевом взаимодействии этого цикла до сих пор отводится слову, нематериальной форме эмоциональной поддержки. В современной этнографической реальности важным остается то, каким образом следует сообщать родным и близким о преждевременной смерти, важно каким образом следует произносить слова соболезнования, утешения. Люди пожилого возраста считают, что необходимо приложить все усилия, чтобы человек, понесший утрату, находящийся в состояния несчастья выговорился, выплакался, поэтому каждый приходящий к семье, потерпевшей утрату, старается вызвать «как-бы» исподволь на разговор, повествование о том как случилось несчастье. Старики придерживаются мнения, что каждая актуализация ситуации проговаривания дает возможность реципиенту исчерпать состояние несчастья. Такой подход традиционно считают эффективным способом вернуть человека в русло обычной жизни. Обеспечение эмпатического коммуникативного взаимодействия позволяет людям в состоянии несчастья выговориться, излить свое состояние. Эмпатия в подобной ситуации выполняет роль нематериального дара в социальном поле, поскольку традиционно в казахских общинах отношения строятся на соблюдении взаимности.

Необходимой частью поминального цикла по-прежнему считается написание и исполнение женщинами жоқтау – песни-плача. Оплакивание родных в песенной форме опирается на одобрение и нормативность в сообществе. Вот один из вариантов песни-плача по родителям:

Базардан келген қоңырау
Төске бір біткен өмір-ау
Бәрінен біреу қалмады
Шалқиған көлдей орным-ау

Батыстан барып кеш батады
Жылаумен енді күн өтеді
Қайтейін қайран ата - анам
Ақылды бізге кім айтады?
Атқа бір мінсем тер шығар
Көйлегін жусам кір шығар
Ата - анам деп келгенде
Алдымнан енді кім шығар?
Су ағады теңізден
Мал қоздайды егізден
Ата-анам деп жүргенде
Бауырым-ау тағы дегізген
Есіктің алды қызыл жар
Айналуға жерім тар
Еркелеткен ата-анам
Бір көруге болдым зар
Жүк жинадым сетерлеп
Дүние шіркін не етер деп? [ПМА].

В случае, если домочадцы не могут справиться с задачей написания песни им помогают старшие родственники. Так, с просьбой помочь обращаются к известной в Кош-Агаче мастерице по войлочному ковроделию, солистке хора хора «Әжелер», поэтессе Әпүзе Әміреновой [ПМА].

Обычай изготовления «заместителя умершего» - тұл, как органическая часть погребльно-поминальной обрядности у Чуйских казахов в конце XX века [Коновалов 1982: 15] продолжает бытовать и сегодня. В ходе полевых исследований автор настоящих строк получил интересный материал, который свидетельствует о трансформации этого обыкновения. Во время бесед с ключевыми информаторами было получено, в том числе, следующее пояснение его бытования: «Люди умирают, уходят от нас – живых. Каждый вечер приходишь туда, где тұл, поговоришь, поплачешь и как-будто полегчает». Скорбь – состояние, с которым трудно справится. Но в ходе такого специфического общения, по признанию информаторов, человек постепенно в течение года как бы свыкается с мыслью об утрате, боль притупляется [ПМА].

Праздничные мероприятия рассматриваемого региона представляет большое исследовательское поле. Праздничная культура зарубежного Алтая наряду с аналогиями содержит ряд черт несвойственных для Казахстана. В современном Казахстане не сохранился советский сельскохозяйственный

праздник День Пастуха, который до сих пор отмечается в Чуйской степи у Кош-Агачских казахов. А вот религиозные праздники: Ораза и Құрбан байрам, не имея статуса государственных как в Казахстане, отмечается казахами Большого Алтая повсеместно [ПМА].

Наурыз – праздник, который отмечают миллионы людей на Земле, включен ЮНЕСКО во Всемирный Фонд НКН, в Национальный список НКН по первым номером [Национальный …] имеет в рассматриваемом регионе характер этнического праздника и отмечается лишь в зонах расселения казахского населения. Празднование Нового года – «очень важный повод для маркирования этнической культуры казахов» [Смагулова 2015: 369].

Хронология праздника и характер участников празднования Наурыза в Баян-Улгий, который нашел отражение в работе А. Смагуловой, свидетельствует о желании организаторов сохранить структуру традиционного Наурыза, где присутствует инсценировка с обязательными участниками: девушкой, юношей, и почтенным старцем. Правда, в традиционном празднике молодые люди символизировали в ходе исполнения песенного состязания – айтыс дуализм природы и человека, мужского и женского, борьбу уходящей Зимы и наступающей Весны. А в «Баян-улгийском» варианте они выступали в качестве символа будущего, продолжения рода [Смагулова 2015: 372]. Персонаж почтенного старца, согласно традиции, произнося слова благопожелательной формы – бата беру, желает благополучия в Новом году всему собравшемуся сообществу. Интересное замечание А. Смагуловой об обращении благопожелания местной элите от лица народа не может рассматриваться как обычай, свойственный аутентичному новогоднему празднику, поскольку бата читалось всему народу без исключения. Согласно сочинению М. Копеева, на рассвете 22 марта, вся община, собираясь в одном месте и встречала рассвет: «С давних пор, с момента возникновения казахского единства, его национальным праздником был Наурыз. В то время была специальная книга, посвященная празднику Наурыз, а называлась она «салдама». В те дни красноречивые старики дают особое благословение. Когда ходжа читает книгу, а старики дают бата народ слушая плачет, и с шумом одобрения произносит «Амин»! Так ведь после такого обряда их слова сбываются, народ идет вперед, численность скота растет, растет и численность людей, наступает береке» [Копеев].

Традиционными в праздновании Наурыза в Баян-Улгий можно признать ритуальное осыпание шашу, качели – алтыбақан и устройство угощений. Присутствие охотников с ловчими птицами, изображение сцены козлодрания – көкпар – не предусматривалось в праздничном меню традиционного Наурыза.

Еще в советское время казахи Кош-Агача (Республика Алтай) и Баян-Улгий (Монголия) вместе праздновали День Пастуха, а сегодня вместе представляют один из самых удивительных феноменов кочевой традиции – охоту с ловчими птицами – Құсбегілік, которая значится в Национальном списке НКН Казахстана под вторым номером. Начиная с 21 сентября 2014 года, в Кош-Агаче проходит международный фестиваль «Беркут – крылья Чуйской степи», куда съезжаются множество участников со всего Большого Алтая [ПМА]. В Программе фестиваля конкурсы на умение управлять ловчей птицей и охота с беркутами на зверей.

В праздничной культуре казахов Монголии и Китая историк А. Смагулова очень точно подметила характерное различие – исполнение казахской песни: «Экспорт современной казахстанской музыки для Монголии, пишет она, - вполне рядовое явление, что не скажешь о казахской диаспоре в Китае, там, среди казахского населения есть своя национальная музыкальная индустрия и шоу-бизнес сильно развит» [Смагулова 2015: 368]. Это различие связано с численностью казахского населения, проживающего в Монголии и Китае.

Знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной, продолжают оставаться важной частью НКН казахов Большого Алтая. Сохранению этого корпуса знаний способствует устойчивость хозяйственных практик. Скотоводство среди казахского населения остается органическим элементом деятельности. Собственно скотоводство способствует устойчивости не только знаний о природных явлениях, но и этикетных норм поведения, охоты с ловчими птицами и т.п.

Анализ монгольских и казахских пословиц, предпринятый исследователем из Монголии, позволяет утверждать единство в восприятии и осмыслении представлений этих народов о Небе и Земле, коррелирующихся в их мировоззрении с образами Отца и Матери. «Оба народа сравнивали родной край и родную страну с золотом. Значит, - подчеркивается монгольским исследователем, - самое дорогое у казахов и монголов – это Родина, она самое большое богатство для них. Они едины с природой, без нее у них жизни нет. Это и есть особое мировидение, отличное от

европейцев» [Наваанзоч 2015: 87]. По его мнению, богатство устной народной традиции продолжает оказывать важное значение на формирование достойной личности в культуре обоих двух народов [Там же].

Знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

Тот объем знаний, связанных с традиционными ремеслами, который существует, как живая традиция среди казахов зарубежного Алтая поражает. Несмотря на сложные, порой трагические страницы истории в жизни казахов Центральной Азии, можно с уверенностью сказать, что значительный корпус этих знаний вполне может способствовать не только сохранению, но и развитию ряда традиционных казахских промыслов и ремесел. В особенности это касается женского домашнего промысла – кошмоделия. «В целом, оценивая технические и стилистические характеристики узорных войлоков Южного Алтая, следует отметить их наибольшую близость традициям ковроделия Восточного Казахстана, откуда еще в XIX в. вышла значительная часть родов алтайских казахов» [Октябрьская Сураганов 2011: 260]. Известный исследователь, этнограф А.В.Коновалов отмечая, что войлочные ковры – сырмаки у казахов Чуйской степи и казахского Алтая (бывш. Усть-Каменогорский уезд) составляют единую группу, в то же время подчеркивал их различия. Сырмаки Восточного Казахстана были больше, в то время, как для Кош-Агачских ковров была характерна полихромность и преобладание многочастных композиций [Коновалов 1984: 40].

Узорные войлоки – непременная часть современной похоронной и свадебной обрядности казахов Центральной Азии были представлены, согласно Международному информационному агентству Kazinform, в виде самого большого инкрустированного войлочного ковра для включения в Книгу рекордов Гинесса на номинацию «Самый большой казахский сырмак». Ковер состоит из 11 частей. На его изготовление ушло менее 5 месяцев [Жанат 2015]. Всего, согласно этому же порталу, казахам из Китая удалось установить семь рекордов Гиннесса – все они основаны на традиционных народных знаниях, что является неотъемлемой частью нематериального культурного наследия казахского народа.

Итак, нами представлена лишь часть элементов НКН, наблюдаемая в этнографической реальности среди казахского населения на территории Большого Алтая. Подводя предварительные итоги, хочется подчеркнуть самобытность

центральноазиатской группы казахов, населяющих приграничный с Казахстаном зарубежный Большой Алтай. В артефактах нематериального культурного наследия находит свое воплощение яркая этническая самобытность. Казахи Большого Алтая осознают свою ответственность перед подрастающим поколением и всячески способствуют сохранению нематериального культурного наследия, что дает возможность сохранить свое «этническое лицо» в многообразии региона.

Таким образом, у казахов Большого Алтая в условиях инокультурного окружения и трансграничности, отмечается осознание своей принадлежности к одному народу. На основе общности памяти, знаний и языка конструируется этническая идентичность, в рамках которого формируется общая система координат. И здесь указанные выше артефакты нематериального культурного наследия, актуализируясь во времени и пространстве выступают как знаки, кодирующие общность, и тем самым, представляют форму манифестации этнической идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

Мармонтова Т. В. Казахстанско-российское приграничье в регионе «Большого Алтая» как формирующийся функциональный регион // Үлкен Алтай әлемі - Мир Большого Алтая – World of the Great Altai. № 1 (1) 2015. – С.76-82.

Ажигали С. Общие итоги этнокультурных исследований казахской диаспоры Центральной Азии (Монголия, Китай, Россия) // http://qazaq-alemi.kz/more?page_id=37&id=448 (Дата обращения: 25.09.2015 г.)

Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 апреля 2013 года № 408 «О Концепции об охране и развитии нематериального культурного наследия в Республике Казахстан».

Национальный список нематериального культурного наследия Республики Казахстан. 02.02.2014. – 5 с.

Приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 30 ноября 2015 г. № 368 «Об утверждении Правил ведения Национального перечня элементов нематериальнго культурного наследия».

Международная Конвенция «Об охране нематериального культурного наследия». Париж, 2003 – 17 с.

Казахи Южного Алтая. Этнореальность в фотообъективе. Археология, этнография и антропология Евразии 4 (16) 2003. – С. 143-152.

Полевой материал автора. Кош-Агачский район. Республика Алтай Российской Федерации. 2015 г.

Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая (к проблеме формирования этнической группы). Автореферат дисс. …канд. истор. наук: 07.00.07. Л., 1982. – 19 с.

Смагулова А. М. Наурыз в Баян-Улгий: размышления о символах прошлого в контексте коллективной памяти казахов // Үлкен Алтай әлемі - Мир

Большого Алтая – World of the Great Altai. № 1 (4) 2015. – С. 365-375.
Копеев М.Ж. Наурыз. Рукопись перевода на русский язык Артыкбаева Ж.О.
Наваанзоч Х. Цэдэв. Культурная константа «Родина» у кочевников – монголов и казахов // Үлкен Алтай әлемі - Мир Большого Алтая – World of the Great Altai. № 1 (1) 2015. – С.83-88.
Октябрьская И.В., Сураганов С.К. Художественный войлок казахов Сибири и Алтая: традиции и современность // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2011. – С. 255-260.
Коновалов А.В. Поселения, жилища и хозяйственные постройки казахов Южного Алтая // Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Сб. науч. тр. Л., 1984. – С.24-41.
Жанат Е. Қытай қазақтарының Гиннестің рекордтар кітабына енген кереметтері (фото, видео) 07 Сәуір 2015, 00:05 // http://www.inform.kz/kaz/article/2763227 (Дата обращения: 23.05.2015 г.).

GELENEKSEL ÖZBEK EL İŞLEMELERİ SANATI VE ONUN DİĞER TÜRK TOPLULUKLARIYLA BAĞLANTILARI

Davlatova Saadat *

The traditional Uzbek fancyworks and their connections with other Turkic peoples

ABSTRACT:
During the long historical period Uzbek Turks that existed within sedentary type of culture have been possesing valuable written literature gained much results in handworking which is one of main parts of fancyworks. Additionally, Uzbeks for some time lived also nomadic life, their destinguishing features in fancyworks had closer relation to other Turkic nomadic peoples, who were engaged in cattle breeding (as Kazakhs, Kyrgyzs, Karakalpaks, Turkomans).

KEY WORDS: fancyworks (decoration), art, Central Asia, Uzbek people.

Çok eskiden yazılı edebiyat başta olmak üzere pek çok kültürel değerlere sahip bir Türk topluluğu olarak bilinen Özbeklerin el işlemeleri (dekoratif) sanatı da oldukça zengindir. Nitekim, bu Özbekistan'ın bağımsızlığına kavuşması ve dünyaya açılımı sonucunda Özbekler'e özgü el işlemelerinin önde gelen ürünleri olan "süzene", "pelek", "keşte", "kurak" ve s.lerin dünya sanatseverleri ve araştırmacılarının ilgisini çekerek başta İstanbul'daki Kapalı Çarşı olarak dünyanın bir çok el işi ürünlerinin satıldığı pazarlarda

* Кандидат исторический наук, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан

yer bulması ve herkesçe bilinen ünlü müzelerde görülmeye başlaması bunun tam bir ispatıdır. Hemen hemen tüm nişanlı Özbek kızları tarafından gelinlik evini süsleme amacıyla el işlemeceliğinin yaşamakta olması işbu sanat türünün gündelik hayatta hala önemini korumakta olduğuna şahitlik etmektedir [Фахретдинова 1972: 21].

Geçen yüzyıllarda daha çok çeşitli olan Özbek el işlemeciliğinin bugünlerde şu gibi türleri korunduğu, az olsa bile köy ve mahallelerde yapılmakta olduğu bilinmektedir: 1) süzene (bir çeşit duvar örtüsü), 2) cay-namaz (namazlık), 3) ayna-halta (ayna kapçığı), 4) çay-halta (çay kapçığı), 5) tuz-halta (tuz kapçığı), 6) tahmangiç (yatak takımları örtüsü), 7) boğcama (giysi, giyim-kuşak ve s.lerin örtüsü), 8) yastıkpuş / balinpuş (yastık örtüsü), 9) zer-duvar (duvar örtüsü), 10) darpiç, 11) çayşeb (çarşaf), 12) torva (torba), 13) saçık (havlu), 14) belbağ (kemer), 15) pelek (felek, sözcük anlamı "sema". Bir çeşit duvar örtüsü), 16) belkars (kuşak), 17) kalpak / doppi (baş giysisi), dastarpeç (sarık) ve s. [Ўроқов 1996: 47-49; Абдуллаева 2002: 81; Назаров 2007: 96].

Bir kısmı Türkçe (başka bir deyimle Çağatay Türkçesi), bir kısmı Farsça, bir kısmı ise Türkçe-Farsça ve Farsça-Arapça sözlerden oluşan işbu terimlerin bu kadar bolluğu ve çeşitliliği hem Özbeklerin çok asırlar boyunca adı geçen dil sahipleriyle yan yana veya karışık olarak yaşadıklarından, onlarla aynı kültürü taşıdıklarından ileri gelmektedir [Этнический атлас ... 2002: 269-280]. Özbek el işlemeciliği çeşitlerinin oldukça fazla olması da onların yaşam tarzında yerleşik kültür ağırlıklı olması ve yaşadıkları coğrafyanın yüzyıllar boyu farklı kültürler için bir köprü görevini yapmasıyla ilişkilidir.

Şimdiye kadar Özbek el sanatları üzerine bir çok çalışmalar sürdürülmüş, onlar arasında O. A. Suhareva, A. K. Pisarçik, V. G. Moşkovaların araştırmaları daha derin ve detaylı çalışmalar olarak bilinmektedir. Ancak, işbu çalışmaların esas çoğunluğu Sovyet döneminde yapıldığı ve Rus dilinde yayınlanmış olduğundan dolayı Özbek el işlemeciliği üzerindeki bilgilerin daha geniş yayılmamıştır [Сухарева 2006; Мошкова 1970; Писарчик 1975].

İşbu el işlemeleri ürünlerini onların yaptıkları görevlerine göre şu gibi sıralayabiliriz:

1) Ev odalarını süsleme amacıyla dikilen ürünler: süzene, zer-duvar, pelek;

2) Ev ve mutfak eşyalarının saklanması için: ayna-halta, boğcama, çay-halta, tuz-halta, tahmangiç;

3) Giyim-kuşaklar: çapan (bir tür üst giyim, cübbe ve s. gibi) kenarları, belbağ, belkars, kalpak;

4) Düğün ve çeşitli merasimler için kullanılan eşyalar üzerine

yapılan süslemeler: süzene, yastıkpuş, çayşeb (çarşaf);

5) Dinî amellerle ilişkili olan: caynamaz (namazlık), dastarpeç (sarık) ve s.

Mezkur el işlemeleri için kullanılan ipler ipek, bez ve yünden yapılmış olup, onların çeşitli renklerle boyaldığı, kullanıldığı eşyaya göre ince veya kalın iplerden yararlanıldığı görülmektedir. Orta Asya el işlemeciliğinde kullanılan iplere bakıldığında Kazak, Kırgız, Karakalpak ve Türkmenler'de daha çok yün ipler kullanıldığı, Özbek, Uygur ve Tacikler'de ise ipek ağırlıklı olarak bez iplerin öncülük kazandığı görülmektedir. Bu da adı geçen toplumların yaşam tarzı ve bulunduğu bölge coğrafî şartlarıyla sıkı sıkıyla bağlı olup, Özbeklerin bulunduğu bölgenin çok eskiden ipekçilik merkezlerinden biri olmasıyla ilişkilidir. Bununla beraber Özbek el işlemesinde pamuktan yapılan kumaşların ve süslemede kullanılan iplerin daha çok pamuktan yapıldığı görülür. Bilindiği gibi, Özbekistan sadece Orta Asya'da değil, belki de dünyada pamuk üretiminde ilk sıralarda yer alır.

Özbek el işlemeciliğinde kullanılan kumaş ve iplerin renki de özenle seçilir ve bölgelere göre farklılık taşır. Örneğin, Semerkant, Buhara, Şehrisebz ve civar bölgelerinde ipler zer (altınsı) ve gümüş renklerle boyanması ve işlemecilikte onların ön plana çıkmasına dikkat edilir [Гул 2000: 10-12; Жумаев 2002: 16]. Bezek ve süslemelerin dikileceği kumaşın genel olarak ak (beyaz) renkli olmasıyla beraber, pembe, mor, çivit (indigo), turuncu renklerin seçildiği de göze çarpar. İşbu renkleri taşıyan kumaşlar daha çok ev duvarlarını süsleyen el işlemeciliği ürünlerinde kullanılır. Siyah ve kurmızı renkli kumaşlar ise daha çok ev ve mutfak eşyaları için kullanılan örtülere özgülük taşır. Özbek el işlemeciliğinde *ak* (beyaz) renk düğün ritüellerinde mutluluk ve aydınlık, parlak hayatı, nar ve köknar meyveleri bereketi simgeleyen motifler olarak açıklanır.

Burada biz Özbek el işlemeciliğinin tüm ürünleri üzerine değil, bazı bir, daha yaygın ve öncülük taşıyan ürünleri üzerine duracağız:

1. **Süs eşyası görevini yapan el işlemeleri** (duvar bezekleri):

Adı geçen el işlemelerinin en parlak örneği olan ve neredeyse birer halı büyüklüğündeki "süzene" çeşitli bitki türleri olmak üzere, bol çiçek motifleri ve geometrik sembolleri barındırarak muayyen bir sanat kompozisyonunu oluşturmakta ve böylece çoğunluğun sevdiği ve seçtiği bir esere dönüşmektedir. Onun özellikle gelinlik odalarına ve misafir ağırlanan özel odların duvarlarına asıldığı görülür. Süzenenin bu kadar değer kazanması Özbek Türklerinin tarihiyle iç içe bağlantılıdır. Bilindiği gibi, Özbeklerin etnik oluşumunda yerle-

şik ve göçebe toplulukların kaynaşımı söz konusudur. Özbekistan toprakları çok eskiden tarım ve zanaatla uğraşan toplumların, özellikle, yerleşik Türklerin yaşadığı bölge olarak bilinmiş, zamanla çok asırlar zarfında buraya Orta Asya'nın doğu ve kuzey-doğu bölgeleri (Güney Sibirya, Moğolistan, Altaylar, Yedisu, İdil ve Yayık/Ural ve s.ler)den göçebe Türk toplulukları gelip yerleşmişlerdir [Бабаяров 2012: 19-20]. Tarımla uğraşan yerleşik toplulumların sanatında daha çok renkli ve bol çiçek motiflerine özen gösterildiği gibi, hayvancılıkla geçinen göçebelerde hayvan ve hayvan uzuvları (teke ve koç boynuzu, toynak ve s.) tasvirlerinin ağırlıklı olduğu görülür. İşte, bu sanat motiflerinin karışımıyla Özbek el işlemeciliği ortaya çıkmış ve ün kazanmıştır.

Aslında, Özbek el işlemeciliği kendine özgülük taşımakla beraber, Orta Asya'nın diğer Türk toplulukları, hatta, Türkiye, Azerbaycan, Balkanlar ve Kafkasya Türklerinin el sanatlarıyla çok yakınlık göstermektedir. Özellikle, bu el işlemeciliğinin diğer bir kolu olan dokumacılık ürünleri, bilhassa, halılarda görülen desenlerde kendini hissettirir. Bu tür Özbek sanatının Orta Asya'nın diğer Türk topluluklarına nazaran bu kadar umumilik (genellik) arz etmesi de Özbeklerin oluşumunda başta *Karluk-Çiğil* (aslında, Hakanî Türkler) olmak üzere, *Kıpçak* ve *Oğuz* gibi üç büyük Türk gruplarının katılması [Шониёзов 2001: 339-381; Этический атлас ... 2002: 270] ve onlara özgü geleneklerin karışması sonucudur.

Yaptığımız incelemeler sonucunda Özbek el işlemeciliğinde birer Oğuz grubu olan Türkmen, Kıpçaklar'ın başta gelen temsilcileri olan Kazak ve Karluk grubuna dahil Uygur el işleme sanatları ile yakın benzerlikleri bulunduğu tespit edilmektedir [Сухарева 1966: 183-188]. Bu Özbek el işlemelerinin esas çoğunluğunda yerleşiklere daha özgülük taşıyan çiçek motiflerinin bolca görülmesinde, bir kısmında ise göçebelere has hayvan figürleri veya onun uzuvlerinin akis ettirildiğine denk gelinmesinde kendini hissettirir.

Orta Asya'da süzene en çok Semerkant, Buhara, Taşkent, Fergane vadisi [Ҳакимов, Носиров 2009: 8] gibi Özbekistan'ın ve Hocend, Ura-tepe gibi Tacikistan'ın çok eskiden yerleşik hayata ve şehir kültürüne sahip Özbek ve Tacik topluluklarına özgü olduğu görülmektedir [Сухарева 2006: 14-15]. Horezm ve Surhanderya gibi biri Özbekistan'ın kuzey-batı, biri ise güney topraklarını oluşturan bölgelerinde, diğer Tacikistan'ın güneyi – Külab ve Dağlı Bedehşan gibi bölgelerinde işbu el işleme sanat türü örneklerinin fazla bulunmaması süzenecilik geleneğinin kökü çok eski dönemlere ait olduğu, belki de tarihî Soğd'a dayandığı ihtimalini arttırmaktadır [Сухарева 2006: 14-17]. Bilindiği gibi, Semerkant ve Buhara Soğd'un merkezî

şehirleri olarak çok köklü ve gelişmiş bir kültüre sahipti ve zamanla, milattan önceki dönemlerden ta İslam öncesine kadar Orta Asya'nın doğu ve kuzey-doğu topraklarına göç eden Soğd nüfusuyla beraber Soğd dili, alfabesi, kültürü, gelenek ve görenekleri başta Çaç (Taşkent) olmak üzere Fergane ve Yedisu'ya yayılmıştı [Бобоёров 2010: 79-84]. Büyük ihtimalle, işte bu dönemlerden itibaren buraya özgü el işlemeceiliği Taşkent ve Fergane'ye sızmış olabilir. Nitekim, Orta Asya'nın çok eski yerleşik merkezlerinden biri olan Horezm'de süzeneciliğin görülmemesi [Сухарева 2006: 14] bu görüşü, yani işbu geleneğin Soğd'a özgü olduğunu destekler gibidir. Bilindiği gibi, burada muayyen bir tarihî Soğd migrasyonu fazla söz konusu değildir.

İşbu görüşe örnek olarak süzeneciliğin mezkur merkezlerine yakın bölgelerde, hatta onların yakın civar yerleşim meskenlerinde işbu sanatın fazla bilinmemesi de ilgi çekcidir. Özellikle, adı geçen şehirlere yakın bölgelerde oturan ve 19. yüzyıl ve 20. yüzyılların başlarına doğru vakielerde yarı göçebe ve göçebe hayat sürdüren Özbekler ve dağlı Tacikler'de, özellikle, Güney Tacikistan ahalisi arasında süzene yapma geleneğinin fazla hissedilmediği bir gerçektir. Bu ise işbu el işlemciliğinin ticaret ve sanatın geliştiği büyük şehirlere, özellikle, Semerkant ve Buhara'ya özgü olduğunu desteklemektedir. Bilindiği gibi, Özbekler'in göçebe kısmı adı geçen bölgelerde daha çok orta çağlarda görülmeye başlamışlar ve kendilerine özgü el işlemeciliğini süzene gibi evi süsleyen eşyalara değil, elbise, giyim kuşak gibi daha küçük çaplı eşyalarda yansıtmaya özen göstermişlerdir. Buna benzer durum dağ ve dağ kenarlarında yaşayan, gelişmiş ticaret ve zanaat merkezlerinden kopuk yaşayan Tacikler'de de göze çarpmaktadır.

Orta Asya'nın Kazak, Kırgız, Karakalpak ve Türkmen gibi geçmişte daha çok göçebe hayat ağırlıklı yaşam sürdüren Türk topluluklarında ve Özbekler'in göçebe kısmında, özellikle, Kıpçak ve Oğuz Özbeklerinde süzenecilik geleneği fazla bulunmamaktadır.

Süzenenin menşei Tacikler'e mi, Özbekler'e mi ait olduğu belirtilmesi oldukça güç olan bir meseledir. Çünkü, işbu el işlemeciliğine onun yapım merkezleri olan Semerkant, Buhara, Taşkent, Fergane, Hocend şehirleri ve onların civar köylerinde rast gelinirken, adı geçen etnik topluluklardan birinde süzeninin daha fazla, diğerinde eksik bir şekilde yapıldığı söz konusu değildir. Bilindiği gibi, asırlar zarfında beraberce karışık halde yaşayan işbu Türk ve Fars toplulukları zamanla aynı kültürü paylaşmışlar, pek çok Türk boylarının Tacik dilini benimseyerek, kendisini Tacik algılamaya başladığı kadar, belirgin bir şekilde Tacik nüfusu Özbekleşmişlerdir

[Сухарева 1966: 125-130]. El işlemeciliğinde sık sık görülen terimlerin büyük bir kısmı Tacikçe (Farsça) olduğu gibi, bir kısmının da Özbekçe (Çağatay Türkçesi) olması da bunu tespit eder.

Süzenede görülen çiçek motifleri arasında en çok nar ağaçı, özellikle onun olgun meyvesi (hatta, içindeki meyve tanecikleri) ağırlıklı olarak onun dalı, yaprağı, goncası ve çiçekleri yer alır. Bazen de nar ağacının bir bütün olarak işlendiği ve köklerinin bir vazoya yerleştirilmiş halde tasvir olunduğuna şahit olunur. Süzenede yer alan motifler arasında sıkça görülen astral motiflerin de çeşitli biçimlerde yansıtıldığına denk gelinir. Bu tip motiflerde sema (felek), güneş, ay ve yıldız beraberce görülerek, önce yuvarlak biçimindeki felek, onun içinde haleli güneş, güneşin içinde de sekiz veya altı kenarlı yıldızın süslü bir veziyette tasvir olunduğu söz konusudur. Genelde, astral motiflerle çiçekli motiflerin yan yana bulundurulduğuna veya biri diğerinin çemberine alınarak ifade edildiğine de rastlamak mümkün. Bütün bu desenler yapılırken, farklı renklerin kullanıldığı, yapraklar yeşil, dalların gene yeşil veya kahverengi, gonca ve çiçeklerin sarı veya beyaz, meyvelerin ise genelde kırmızı renklerle sunulduğu göze çarpar. Gene de süzenede kırmızı renkinin çeşitleri: koyu kırmızı, hafif açık kırmızı, sarıya çalan kırmızı, al, ve s. elvan renklerininin öncülük kazandığını söylemeliyiz.

Özbek ve Tacik el işlmeciliğinin işbu ürünleri diğer topluluklarda görüldüğü gibi sadece birer ihtiyaç eşyası olmakla kalmayıp, manevi ve ruhanî bir değer de taşımıştır. Örneğin, süzenede yer alan motiflerin çeşitlilik göstermesi ve toplumca, özellikle, yapımcılarınca türüne göre ayrı ayrı algılanması buna şahitlik eder. Üzerinde kandil / lamba (çarçırak), mutfak bıçağı (Tacik ve Özbekçe *kārd-i āş / aş pıçak*), kevgir, *refide* (ekmeği tandıra yapıştırmada kullanılan bir çeşit eldiven) [Сухарева 2006: 68-71], kırmızı biber (Özb.-Tac. *kelemfir*), şalgam, köknar (göğnar/haşhaş) ve s. gibi ev (mutfak) aletleri ve yemekte kullanılan gıda, sebze ve benzerleri resimlerinin yer alması toplumca onların magik (büyüyle ilişkili) bir koruyucu vasif taşıdığına inanılmasıyla bağlantılıdır. Özellikle, bıçağın kötü ruhlardan koruyacağı inancı Semerkant yerlilerinde pek yaygın olduğundan işbu mutfak aletinin süzeneye sık sık işlendiğine rast gelinir [Сухарева 2006: 69-71]. Kırmızı biberin ise hemen hemen tüm topluluklarda olduğu gibi nazardan koruduğu, kötü ruhların önünü kestiği pek yaygın inanç örneği olarak süzene kenarlarını süsleyen bir motif olduğu görülür. Aslında, kırmızı biberle ilişkili bu gibi inanışlar temelsiz değildir. Yani, onun virüsü önleyen bir vasıfı bilinmiştir.

Süzenede yer alan motiflerin sunumuyla ilişkili diğer bir husus

da adı geçen mutfak aletlerinin, örneğin, bıçak ve kefgir resmini olduğu gibi değil, daha süslü, kenarları adeta bir çiçeği andıran süjelerle bezenmiş bir şekilde yapıldığı göze çarpar.

Bunlarla beraber, yukarıda biraz değinildiği gibi, süzenelerde en yaygın görülen motifler arasında ay, yıldız, güneş, bulut ve s. gibi astral (semavi) nesneler yer almaktadır [Сухарева 2006: 89-91]. Süzenelerin *ay-nuska* (ay/hilal tasvirli), *aftab-nuska* (güneş tasvirli), *yulduzar* (yıldız tasvirli) ve s. gibi adlandırılmaları da buna şahitlik eder. İşbu motifler de çok eskiden insanlık tarihinde önemli yer tutarak, tasvirî sanatta pek yaygın olduğu görülen ve magik karakteri ağırlıklı olduğu bilinen tasvirlerdir. Süzenede işbu astral alametlerin de görüldüğü veya olduğu gibi tasvir olunmadan daha fazla süslenmiş, hareket halinde olduğuna ima eden işarelerle veya etrafı çiçeksi çizgilerle bezenmiş bir veziyette tasvir edilmiştir.

Bunların yanı sıra ev ve mutfak aletleri, sıhhî bitkiler, bereketlilik sembolü meyveler ve astral motiflerle beraber Özbek işlemeciliğinde, özellikle, merkez şehirlerden uzakta bulunan köylerde süzene ve benzerlerinde bazen hayvan ve onun uzvu tasvirleri akis ettirildiğine denk gelinir [Сухарева 2006: 94]. Örneğin, horoz, ördek, koç boynuzu ve saire gibi motiflerin süzenenin üzerine süslü bir şekilde işlendiği ve onların da koruyuculuğu üstlendiği ve bereketi simgelediği açıklanır. Oysa, Semerkant ve onun kültür çevresine yakın köylerde bu tür motiflere fazla denk gelinmez. Geçen yüzyıllarda daha çok hayvancılıkla uğraşan Özbekler'in el işlemelerinde görülen hayvan motifleri, özellikle, koç boynuzuna Türkmen halılarında sıkça rastgelindiği de dikkat çekicidir [Сухарева 2006: 94-95].

Süzenede yer alan motifler sadece gıda ve mutfak eşyası gibi ihtiyaç araçları ile veya magik (büyü) anlamlı sembolik motiflerle sınırlı kalmayıp, birer zevk kaynağı görevini de üstlendiği bir gerçektir. Örneğin, söğüt ağaçı ve onun çiçeği, badem tanesi, menekşe veya lale çiçeği çok görülen tasvirler sırasına girer.

Yukarıda sözünüğü ettiğimiz gibi, süzeneler daha çok nişanlılık döneminde gelin tarafından dikilerek, düğün sırasında damat ve gelinin beraber yaşayacağı odanın duvarlarına asılır ve böylece aylarca aynı odada asılı bulundurulur. Özellikle, Semerkant şehrinde genç çiftin yatak odasının tüm duvarlarını kaplayan süzenenin aynı yerde aylarca bulundurulduğu görülmüştür [Сухарева 2006: 19-21].

2. Baş giysilerindeki işlemeler.

Orta Asya toplulukları arasında el işlemeciliğinin en çekici örnekleriden birini de baş giysilerine yapılan bezekler oluşturur. En çok Özbek, Uygur ve Tacikler'de baş giysilerinin iğne yapımı çeşitli motiflerle bezetildiği ve şekilce benzerlik taşıdığı görülürken, Ka-

zak, Karakalpak ve Kırgızlar'da kendilerine özgü olan baş giysilerinin basma usulüyle süslendirildiği göze çarpar. Türkmenler'de ise baş giysileri Orta Asya'nın diğer topluluklarından farklılık taşıdığı ve daha çok Kafkasya topluluklarına yakınlık arz ettiği söz konusudur.

Özbek ve diğer Orta Asya Türklerinde genel adı *kalpak* (qalpaq) olan baş giysilerinin pek çok çeşitleri bulunmakta olup, onları yapmakla uğraşanlar *kalpakdüz* ve *doppidüz* diye adlandırılır. Bugünlerde Özbeklerde daha çok *doppi* veya *toppi* olarak söylenen baş giysilerinin şekilce esas olarak şu gibi çeşitleri bulunmaktadır: 1) dörtköşeli, 2) konik (mahruti), 3) yuvarlak.

Özbekler'de doppinin bölgelere göre farklılıklar taşıdığı bilinmekte olup, bu onların adlandırılmalarına da yansımıştır. Örneğin, Fergane vadisinde burada bulanan şehirlerin adlarıyla ilişkili olarak *Kokan (Hokand) doppi*, *Margilan doppi* ve Çüst doppi, meşhur şehirlere özgü olarak *Buhara doppi* veya *Semerkant doppi*, Güney Özbekistan'daki bir şehir adıyla bağlantılı olarak Şehrisebz doppi ve s. adlandırıldığına denk gelinir. Onların şekilce farklılıkları olduğu kadar süslemelerinin de bulunduğu bölgeye özgülük taşıdığı göze çarpar. Mesela, Fergane ve Taşkent'te yaygın olarak siyah renkli, bezemeleri beyaz iplerle dikilmiş üst kısmı kırmızı biber ve badem biçimindeki süslerle bezetmiş Çüst doppileri giyilir. Margilan doppisi ise Çüst doppisinden farklı olarak, üzerindeki kırmızı biber çizgileri şekilce nazik ve daha uzun yapılmıştır [Турсуналиев 1991: 4]. Daha çok Buhara, Semerkant ve yörelerinde giyilen Şehrisebz doppiler ise onlardan daha çok farklılık gösterdiği, şekilce köşeli değil, yuvarlak olduğu, bol çiçekler ve renklerle bezetilen motifleri baş giysisinin her tarafını kapladığı göze çarpar. Bununla beraber adı geçen her iki şehir ve civarlarında üzerine altın (zer) ve gümüş iplerle dikiş yapılan *zerdüzi* baş giysisi (doppi) de söz konusudur.

Kalpak yapma işiyle esas olarak kadınların, onları süsleme işiyle ise *kalamkeş* veya çizmekeş denilen meslek sahiplerinin uğraştıkları görülür. Her mahallenin kendi özel çizmekeşleri bulunur. İşbu meslekle uğraşanlar onu cetlerinden miras almışlar ve kendi nesillerine miras bırakmışlar. Böylece, işbu gekeneğin yaşatılması sağlanmıştır.

Kelime anlamı Eski Türkçe "top" – yuvarlaktan gelen Özbek baş giysisi – doppi veya toppinin en yakın benzerleri Uygur Türklerinde görülür. Onlarda da yörelere göre pek çok çeşitleri görülen ve farklı adlandırmaları olan Uygur baş giysilerinde de biber bir sembolik anlam taşıdığı bilinmekte ve böylece Özbek klasik baş giysileriyle hem süsce, hem şekilce aynılık arz etmektedir. Özellike,

Uygur baş giysilerinin Özbekler'in Fergane ve Taşkent doppilerine pek yakınlık taşıdığı ilgi çekicidir. Bilindiği gibi, Orta Asya Türkleri içinde işbu bölgeler (Taşkent, Fergane, Andican, Nemengan, Margilan, Hokand, Kaşgar, Yarkend, Hotan ve s.ler)de yaşayanlar çok eskiden yerleşik hayat sürdürmüşler, daha çok şehirlerde yaşamış ve aynı kültüre sahip olmuşlardır. Böylece, doppilerin yerleşik Türkler'e veya başka bir deyimle "kent Türkleri"na ait olduğunu söyleyebiliriz.

Sonuç

Özbek el işlemeciliğini bu gibi kısa bir inceleme sonucunda işbu sanat türünün oldukça zengin olduğuna ve mazisinin çok eskilere gittiğine şahit olmaktayız. Her çeşidi, her süsü veya bezeği adeta tarihin "dili" olan mezkur sanat türü Özbeklerin yaşadığı coğrafyayla ilişkili olmakla beraber millet olarak oluşmaları süreçlerini de yansıtmaktadır. Bilindiği gibi, onların yaşadığı topraklar İslam öncesi dönemlerde İrani asıllı Soğdlular ve yerleşik Türkler'in kaynaştığı bölge olmuş, erken orta çağlarda ise Araplar'ın bölgeye gelmeleriyle beraber İslam kültürünün geliştiği bir bölge halini almış, orta çağlarda ise burada Türk-Moğol asıllı göçebe Özbekler'in görülmeye başlamasıyla Orta Asya bozkır kültürüne ait gelenekleri de belirgin olmaya başlamıştır. İşte bu gibi tarihî birikimler Özbek el işlemeceliğinde kendi ifadesini bulmaktadır. Bir yandan mazisi ta İslam öncesine kadar giden süzeneciliğin daha çok Semerkant–Buhara, Taşkent–Fergane gibi şehircilik geleneği çok derin olan yörelerinde görülmesi hem de Uygur ve Tacik el işlemeciliğiyle çok yakınlık arz etmesi, diğer yandan Kazak, Kırgız, Karakalpak ve Türkmen gibi göçebe kültürü ağırlıklı toplumlara özgü nakışlar ve süslemelerin Özbekler'in daha çok köy ve hayvancılıkla uğraşan kesimlerinde görülmesi işbu tarihî süreçlerin sonucudur.

KAYNAKLAR

Абдуллаева Ш. Ручная вышивка Сурхандарьи 2 половины 20 века // Бойсун баҳори. Халқаро илмий конференция материаллари. Бойсун, 2002. С. 81-82.

Бабаяров, Гайбулла. Государственный строй Западно-Тюркского каганата. Автореф. дис... док. ист. наук. Ташкент: инс-т Востоковедения АН РУз, 2012.

Бобоёров, Ғайбулла. Чоч тарихидан лавҳалар. Тошкент: Янги нашр, 2010.

Гул, Эльмира. Шаҳрисабз кашталари // San'at. No. 1. Тошкент, 2000. Б. 10-12.

Гул, Эльмира. Бухоро сўзаналарида Ҳирот нақшлари // San'at. No. 2. Тошкент, 2002. Б. 26-27.

Жумаев, Қ. XIX аср охири – XX аср Ғиждувон анъанавий каштачиоиги // San'at. No. 2. Тошкент, 2002. Б. 16-17.

Мамадиёрова Ю. Шаҳрисабз ироқи каштачилиги // Мозийдан садо. 2008., №4. 8-бет.

Мошкова, В. Г. Ковры народов Средней Азии. Материалы экспедиций 1929-1945 гг. обработаны, дополнены и подготовлены к печати А.С. Морозовой. Ташкент, 1970

Назаров, Н. Ўзбек-лақайлари этномаданий қирраларини ўрганишнинг баъзи жиҳатлари // Ўзбекистон этнологиясининг долзарб муаммолари. Тошкент. Наманган."Акад.К.Шониёзов ўқишлари" туркумидаги 1У Республика илмий-назарий конференция материаллари. Тошкент, 2007. 96-бет.

Писарчик, А. К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975.

Сухарева, Ольга Александровна. Бухара XIX– начало XX в. Москва: Наука, 1966.

Сухарева, Ольга Александровна. История Среднеазиатского костюма. Самарканд (2ª половина XIX–начало XX в.). Москва, Наука, 1982.

Сухарева, Ольга А. Сузани среднеазиатская декоративная вышивка. Москва: Востояная литература, 2006

Турсуналиев К. Все цвета радуги. Ташкент, 1991.

Шониёзов, Карим. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. – Т.: Шарқ, 2001

Этнический атлас Узбекистана. Отв. ред. А. Ильхамов. Ташкент, 2002. С. 270

Фахретдинова, Д.А. Декоративно – прикладное искусство Узбекистана. Т., 1972.

Ўроқов, М.Б. Каштадўзлик ва тўқимачилик ҳунарларига оид атамалар// Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент, 1996. №6. Б. 47-49.

Ҳакимов А, Носирова З. Косонсой анъанавий каштачилиги // Мозийдан садо. №1. Тошкент, 2009. 8-10 бетлар.

ТҮРКІ ХАЛЫҚТАРЫНДАҒЫ БАҚСЫЛЫҚ (ҚАЗАҚ ЖӘНЕ СІБІРДІҢ ТҮРКІ ТІЛДЕС ХАЛЫҚТАРЫ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ)

Қалшабаева Бибизия Кенжебекқызы*

Shamanism at the Turkic-speaking peoples (on Materials of Kazakhs and Turkic peoples of Siberia)

ABSTRACT:

In article the Shamanism at Kazakhs and the Turkic-speaking peoples of Siberia, and his role and value among the population is considered. At the same time the terminological meaning of the word «baksy» at the Turkic people reveals, the main social functions of shamans, and the methods used by them, ways of treatment, and also a role of spirits patrons and spirits assistants are shown. Besides,

* Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Археология, этнология және музеология кафедрасының профессор м.а., т.ғ.д. e-mail: kalshabaeva_b@mail.ru

problems of training of new shamans, their value among the population are considered, the community and similarities of some elements of Shamanism at Kazakhs and the Turkic peoples are analyzed.

Key words: Kazakhs, Turkic Peoples of Siberia, baksy, spirits patrons and spirits assistants.

Қазіргі жаһандану мен интеграциялық қоғамда рухани дүниетанымымыз бен мәдениетіміздің сақталуын, ұрпақтан ұрпаққа жалғасуын, ерекшелігін, этникааралық қарым-қатынастағы мәдени өзара ықпалдастық нәтижелерін көрсету этнология ғылымының алдында тұрған маңызды міндеттердің бірі. Қай этнос болмасын өзінің халықтық ілім, білім тәжірибесін, түрлі шаруашылықты жүргізу тәсілдерін, заттай және рухани мәдениетін, таным-түсінігін ғасырлар бойы қалыптастыратыны белгілі. Бүгінгі күні, ата-бабаларымыздан қалған осы секілді мұраларды жаңа қырынан зерттеп жариялау ғылымда өзекті.

Ерте кезеңнен рухани мәдениеттің сабақтастығы ретінде түркі халықтарының арасында сақталып, жалғасын бертінге дейін тапқан мұралардың бірі бақсылық дәстүр. Бақсылық түркі халықтарының көпшілігінде сақталып, мазмұны көп өзгеріске түспей бертінге дейін жалғасты. Мәселен, XX ғасырдың басындағы «Дала уәлаяты» газетінде: «...бұрынғы өтіп кеткен шаман заманынан біздің қазақ халқының ойлаған ойында, ғұмырында әр түрлі рәсім қалды. ...Бақсылар тасаттық шалған малдарды бауыздап жүріп ем жасау әдістері осы күнге дейін кездеседі», -деп жазды [Дала уалаяты1994:340]. Бақсылық дәстүрдің тарихы тереңде, ол қазақ жерін мекен еткен көне тайпалардың дүниетанымының негізінде пайда болды.

Бақсы сөзінің пайда болуына байланысты да әр түрлі пікірлер бар. Мәселен, В.Н. Басиловтың пікірінше, «бақсы» сөзі XIV ғасырдан бастап кездесетіндігін айтады [Басилов 1992: 50]. Бақсы – шағатай тілінен аударғанда «бақшы» ежелгі түсінік бойынша тылсым әлеммен байланыс жасай алатын, балгерлік, тәуіпкерлік, көріпкелдік, сиқыршылық қасиеттері бар ерекше адам [Ұлттық энциклопедия:1999: 89]. Көне дәуірлерден келе жатқан әр түрлі халықтардың бәрінде кездесетін бұл емшілік дәстүрі шаман дінімен тығыз байланысты, дей келе Шоқан Уәлиханов: «шаман - көк пен аруақ қолдаған, басқалардан білімі көп, сиқырға жетілген адамдар болған, өзі ақын, музыкант, балгер және дәрігер болып саналған», -деп көрсетеді [Уалиханов 1985: 165.] Сол сияқты И. Кастанье, шаманизм Орта Азияның діни тарихында алғашқы қауымдағы анимизм дінімен біте

қайнасып жатыр. «Бақсы» сөзі монғол, танғұт тілінде дәрігер, әнші, музыкант, абыз, ал қазақтарда «шаман» деген ұғымды береді, -дейді [Кастанье 1912: 71,93]. Осыған байланысты белгілі ғалым Ә.Төлеубаев былай дейді: «жалпы ғылыми әдебиетте «шаманизм», «шаманство» деген түсініктер бар. Шаманизм жеп әдетте бірқұдайлық дінге дейінгі көпқұдайшылық, түрлі рухтар мен иелерге сенетін діни сенімдер мен дүниетаным, идеологияның атайды, ал «шаманство» түсінігі бақсы-балгерлердің емдеу, бал ашу, сәуегейлік іс әрекетіне сәйкес келеді», - дейді [Төлеубаев 2013:63]. Бақсы сөзі ел арасында көбінесе «бағу» - ауруды бағу, емдеу, деген ұғымдармен байланысты. Атақты ғұлама Ә.Х. Марғұлан ежелгі бақсы жыраулардың бір тобын «абыз» деп, бұлардың ерекшелігі – ескі заманның хаттарын, жазылған сөздерін тани білген... абыздар ескі замандағы оқымысты бақсылардың дәстүрін соңғы заманға дейін сақтап келген, солардың қалдығы деуге болады..., - деп көрсетеді [Марғұлан 1999: 293].

Халықтық дүниетанымда кім көрінген бақсы бола алмайды, себебі, бақсылық қасиет қуалап, атадан балаға, кейде бірнеше ұрпақ үзіліп қайта жалғасын табады. Ол жөнінде мына деректе: «...кейбір адамдар әуелі иесі науқасқа шалдығып, сонан соң бақсы болады. Кейде бір адамдардың бүкіл үрім-бұтағы бақсылық құрады. Кейбір әкенің бақсылығы екі я болмаса одан да көбірек балаға дариды [Досумбеков 1894: 2]. Бақсылықтың арғы түбін халықтық медицинамен байланыстырғанмен, ғалым Ә.Төлеубаев: «... Егер халықтық медицина халықтың ғасырлар бойғы ауру түрлерін емдеу жолдары жөніндегі рационалды ілім-білімдеріне сүйенсе, бақсылықтың негізі зиянкес және қолдаушы рухтар, жан, ие туралы түсініктерге құрылған. Бақсылықтың екінші бір сыры оның психотерапиялық қасиетінде», -деп жазды [Төлеубаев 2013:63].

Шығу тарихы отқа табыну мен аруақтарға сыйынудан пайда болған бақсылықпен емдеу тәсілінің басты атрибуты – зікір салу. Зікір салу – отырған жұртты есінен тандыру, өзіне сендіру, айқайлап аруақтарды атап шақыру, үйдің ішін айнала айналып билеу, түрлі ұрмалы аспаптарды қолдану арқылы көрсетілетін ритуал. Ауруға зікір салу барысында бақсылар әулиелерге сиынып, әруақтарын шақырып, дию, пері, шайтан, албасты, жын, марту сияқты тылсым күштерді қуады. Бақсылардың атқаратын қызметі мен қасиетіне келсек, ол келешекті болжайды, табиғи құбылыстарды тудырып, құрғақшылық кезде жауын жаудырады жын-шайтандарды қуады, сондықтан «жын

мен шайтан соқты» деген аурулардын бәрін бірдей емдейді

Ауру тудырушы бейнелердің сұлбасын қуыршақ түрінде жасап, оны малдың бас сүйегіне көшіру кең таралған. Бақсы ешқашан сұранып кісі емдемеген, үйінде сырқат бар адамның өтінішімен ғана келген. Сонымен қатар аурудың барлық түріне жын шақырып ойнай бермейтін [Тілеуқабылұлы 1996: 368]. Этнограф-археолог ғалым Ә.Т. Төлеубаев, бақсының көмекші рухтары қазақта арабтың «жын» сөзімен аталатындығын айта келе, «бақсының рухтарын «жын», «пері», «сайтан» деп атау кейінірек қазақ жеріне мұсылмандық енгеннен кейін қалыптасқан, ал ертеректегі атауы «ие» болса керек» деген ой тұжырымдайды [Төлеубаев 2005: 295].

Қазақ бақсыларының негізгі әуендік құралы – қобыз болған. Бақсы қобызының басын қозғағанда сыңғырлап дыбыс беретін салпыншақтар, қоңыраушалар, айна, кейде үкі де тағылатын болған. Сонымен қатар, бақсылар ем жасау кезінде қазақтың өзге де музыкалық сазды аспаптары: аса таяқ, даңғара, домбырамен қатар, кісі сескенерлік қамшы, пышақ та пайдаланған [Төлеубаев 2013: 261].

Қазақ бақсылары аң-құстың бітеу сойылған терілерінен арнайы жасалған ғұрыптық киім киген. Көбіне бақсылар сарыала киім киіп, сары ат мініп, сарыала қамшы ұстайды. Олар көбінесе шолақ жең, қысқа шапан, оның сыртынан жай ұзын шапан киіп жүрген. Киімдеріне әртүрлі дыбыс шығаратын әлпеншек, салпыншақтарды іліп алатын болған.

Қазақ бақсылығы өзінің қоғамдағы атқарған қызметі жағынан адамға тек жақсылық жасайтын, пайдалы, яғни «ақ бақсылыққа» жатады. Зиянкес – «қара бақсылық» қазақ арасында көп таралмаған. Әйтседе қазақ бақсыдан сескеніп, оны өкпелетсе, жындары қастандық жасау мүмкін деген сенім болған. Бақсы жындарын емдеу барысында бір сарынмен айтылатын ғұрыптық өлеңмен шақырған. Бақсы ойыны, әдетте, кешқұрым немесе іңір қараңғысында басталады, өйткені жындар әркез адамзат өміріне қарама-қайшы бағытта жүреді, яғни кешке қарай қимыл-қозғалысқа түсіп, адамдарға деген қастандық әрекетін іске асырады деп түсінген. Бақсы ойынына жұрт жиналып болған соң үйдің есігі жабылып, тұтқасы жіппен байланады. Бұл бақсыны жындары қысқан кезде қаскөй зиянкестер сырқаттың жанын есіктен ала қашуы мүмкін деген нанымға қатысты орныққан. Ортадағы ошаққа от жағады. Онан түскен сәуледен басқадай жарық болмайды, отқа кетпен, балта, күрек сияқты темір заттарды көміп, қыздыратын болған. Отқа

қақтаған пышақпен жынды қуады, кейде өзі сол ыстық пышақты аузына да салатын болған [Экспедиция материалдары 2007].

Бақсының сарын айтып, науқасты емдеу ойыны кезінде көмекке келетін жындардың сырт пішіні әртүрлі кейіпте болады. Бақсы жындары түрлі кейіпте – шегіркөзді қыран құс, азулы аң (бөрі, аң, қабылан, жолбарыс т.б.), құтпан аталық (құла айғыр, қара бура), алашұбар (қызылшұбар) айдаһар сияқты зооморфтық кейіпте қолданылып, символдық мәнге ие болады. Аталған жындарды бақсы белгілі тәртіппен шақырады. Алдымен болжаушы, кеңесші жындар шақырылып, олар ауру себебін анықтауға көмектеседі:

Ал, шақырдым, жын-дағы,
Жынды қылған Құдайым,
Кел бермен, жын мұндары,
Сенімен кеңес құрайын,
Ақ сөйлесең керек-ті,
Қара басты, қабақтым,
Лаңа шортан тамақтым,
Ал, шақырдым, Қараман,
Бұл ауруға не қылған?
Ішіндегі бүйрек деп,
Кеудедегі жүрек деп,
Өкпе менен бауырдан,
Қай жерінен ауырған?
Қарашы оңдап Тәңір ұрған,
Жын үлкені, Ер Шойлан,
Кідірмей бермен кел, Шойлан,
Өтірік айтпа, жын, ойлан.

Жындарын жеке-жеке атап шақырған кезде бақсы даңғыра, кепшік қағып, асатаяқпен жер түйгіштеп, қамшысымен осқылап, азан-қазан етеді. Жындары қасына келіп, олармен байланыс жасаған сәтінде бақсының бет-аузы қисайып, аузынан ақ көбік ағып, талып экстаздық күйге енеді, трансқа түседі. Кейбір бақсылар аузынан ақ көбік атқылап, жылқыша кісінеп, бура болып шабынып, әртүрлі жануарлардың дауысын салған. Екі қылыштың жүздерін жоғары қаратып қойып, жүзін науқас денесіне қайта басқан [Тілеуқабылұлы 1996: 368-369].

Ал, енді Сібірдегі түркі тілдес халықтардың бақсылық іліміне келетін болсақ, олардың да мазмұны мен мән мағынасында қазақ халқымен ұқсастық, үндестікті табуға болады. Мәселен, олардағы қорғаушы, көмекші рухтарға сену (қазақтарда әр түрлі образдағы жынға), емдеу тәсілдері (отпен,

дабылмен қатты дауыс шығару), болашақты болжау, т.с.с. құбылыстардың барлығы ұқсас болып келеді.

Жалпыякуттық сенім бойынша емдеу көбіне көмекке келетін аруақтардың әрекетімен жүзеге асады. Бақсылар «ұлылар», орташа және әлсіздерге бөлінеді [Кулаковский1979: 76]. Ұлы бақсылардың рух саны көп болған сайын, олардың аруағы ең мықты, күш деп саналды. Якуттық бақсының негізгі көмекшісі қорғаушы-рух, олар адамдар мен әртүрлі табиғаттан тыс жаратылыстардың арасында делдалдың ролін атқарады. Әдетте олар өлген бақсының тегінен болады. Оған әртүрлі көзге көрінбейтін, бірақ сұсты жаратылыстармен қарым-қатынасқа түсе алатын қасиет қонады. Якуттық шамандар емдеу салтында өздерінің қорғаушыларын шақырады. Бақсылардың айтуынша олар көзге көрінбей, әртүрлі образда. бұқа, айғыр, қыран, бұлан, қара аю мен қасқыр кейпінде тек «ұлы бақсыларға» келеді, делінеді. [Серошевский 1993: 156]. Әлсіз бақсыларға ит, тоқылдақ, көкек болып көрінеді [Попов 1949: 177] Тылсым күш иелері «қорғаушылар» мен «көмекшілердің» бейнесі металдан жасалынып, ғұрыптық бақсы киімдері тігіледі. Көмекші-рухтардың санына оның ұрмалы дабыл аспабы да жатады. Ол якуттардың пікірінше, салтты орындау кезінде жай адамдарға көрінбейтін атқа айналады. Бақсы оған мініп алып, рухтардың орналасқан жеріне барады, деп есептеген [Ксенофонтов 1928: 66]. Мұнан басқа көмекші-рухтардан басқа бақсылар ғұрыпты орындау барысында өз жағына ауру тұрған үйдің жергілікті рух- отбасы қожайынын жындармен бірлесіп күресуге шақырады. Әрбір қорғаушы-рухтың өзінің айналысатын «мамандығы» бар, бірі бала ауруын емдесе, енді бірі өкпе ауруын, т.с.с. Якут халқының шамандарының әрекеттері әр жағдайда әр түрлі болып келеді. Мысалы: болашақты болжау, жоғалғанды табу, есендік тілеу т.б. Тіпті оларды үйлену тойларына да шақырады. Бірақ шамандардың негізгі мақсаты – аурудан жазу. Олар қояншық, есінен тану, тырысқақ аурулары, бедеулік, әйел аураулары, сосын іш-құрылыстары аурулары; жүрек, бауыр, асқазан, ішек аурулары, сүйек сынған, бас көз аурулары, безгек сияқты дерттерді емдейді. Ал іш өту, қызамық, қызылша, шешек, мерез, құлақ бұлық және алапес ауруларын «үлкен дерттер» деп санап оларды емдеуден бас тартады [Серошевский 1993: 614]. Олардың түсінігінше, барлық аурулар зұлымдық арқылы адам жанына үйір болған деп, отпен аластайды. Емдеудің бұл тәсілі көптеген түркі тілдес халықтарға ортақ. Оны ісік, сүйек сынғанда немесе жаман жаралар сияқты дерттерде ем

ретінде жүргізеді. Отпен аластап емдеу якуттардың арасында кеңінен тараған, оның ішінде солтүстік аймақтарда кең тараған [Серошевский 1993: 614-615]. Емдеудің тағы бір түрі темір салдырлату, шу, қатты дауыстар шығару т.б. қолданылады. Адамға жағымсыз түстер енгенде де осындай дәстүрлерін іске асырған, бұл да қазақ бақсыларында кездесекен. Көбіне ем жүргізу кезінде қолданатын өзіндік құралдары: дабыл, балта, пышақ т.б. болып келеді. Шамандар дабылдың даусы анық, зор шығуы үшін отқа дабылды қақтап кептіреді. Дөңгелек пішінді бұл дабылдың сыртында отбасы суреті бейнеленген. Сыртын айнала былғарымен қаптаған дабылдың ішінде айқасып байланған темір тұтқа болады. Оны «тунгюр быэрик» деп атайды. Және тағы бір айта кетерлігі, дабылдың ішінде қосымша әдемі үн шығып тұруы үшін көп дабылшалар ілінген. Шаман сол қолына орташа келген қол тоқпақты ұстап дабылды ұрғылайды. Қол тоқпақ ағаштан жасалып, биенің терісі немесе бұғының аяқ терісімен қапталады [Серошевский 1993: 613].

Якут бақсыларының киімдеріне келсек, әртүрлі әшекей бұйымдар мен салпыншақтар, пластинкалар ілінген шекпен киген. Шекпен кеудеге белдік арқылы айқасып байланады. Алдыңғы жағында әр түрлі аң-құстардың, барлық, күн және темірлер өрнектелген. Ал солтүстік аймақтарда жоғарыда айтылған шекпеннен бөлек әйелдер «сангын» киеді. Бұл киім жұмсақ бұзау терісінен жасалып, сырты жібекпен қапталады. Кейде оның сыртынан күн, балық сияқты бейнелер ілінсе, әйелдердің омырауларында қос дөңгелек пішінді пластинкалар да тағылады. Ал әйелдердің құлақшыны бар бас киім киюі-солтүстік аймақтардың ерекшелігі болып табылады [Прокофьева 1971:82].

Жалпы якуттықтар түске қатты сенеді және одан қорқады. Түске кірген қорқынышты дүниелерден ада болуы үшін төсек астына пышақ, қайшы, кесетін темір құрал-саймандар жастанып жатады. Ал жанына таяқ, балта, қару мен тал шыбық қояды. Ең сенімді әрі жиі қолданатын қорғанысы, әрине от болып есептеледі. Олардың түсінігінше, от өлілер мен тірілер арасын бөліп тұрады деп сенген. Есіктің алдына быҚсып жанып жатқан оттың шаласын тастауда осы якуттарда көп кездеседі. Үйге жаман күштердің кіріп кетуіне бөгет болады деп есептеген Ал, тамақ, жұтқыншақ, тіл ісіктерінен зардап шегіп жүргендерге аттың жүгенін алып, ауыздығын науқас адамның аузына салса құлан-таза айығады, -деп сенген [Серошевский 1993: 615- 616]. Бұл әдіс те қазақ арасында әлі күнге дейін кездеседі.

Якуттық бақсылар кейде сиырды мүйіздерінен ұстап, жерге құлатып, кейін, оның үстіне мініп, ән айта дауылпаздатады; ол сиырдың аяқтарын тірідей кесіп, оның кеудесін жарып, одан алынған, лүпілі тоқтамай тұрған жүректі алақанына алып жоғарыға көтереді кейін жеп жатқан сиқыл көрсетіп өзінің беті мен қолын, киімін қанмен ластайды. Бұл өте көне және қазіргі уақытта қолданылмайтын «устуня» атты әдет – ғұрып. Жоғарыда айтылған әдеп-ғурып сиқыр мен дуалауда ғана қолданылып қана қоймай, әр-түрлі бақытсыздықтар мен қайғылардың алдын алу делінеді. Мал аурып, қырылып жатқан мезгілде де бақсы аула бойын айналып, ағаш қылышпен қаруланған адамдармен қабырғаларға киімдерді лақтырып: қылышпен тілеміз, пышақпен ұрамыз! Кет! Қалма бұл жерде! деп айқайлайды. Сондай ақ, жалпыға бірдей, ең арзан, және кең жайылған құрбандық, ол – малдың бөліктері, ет және т.б. Оларды отқа лақтырады немесе орманды ағашқа қадап қойып, отқа арақ, сүт, қымыз төгу, ағаштарға шашу уысын байлап ілу сияқты болып табылады [Алексеев 1992: 157].

Қай халықтың болмасын бақсыларының өзінің сенетін күші, қорғаушы және көмекші рухы болғандығы белгілі. Алтайлықтардың да қорғаушы-рухтары болғандығын, ол өлген бақсының орнына болатын жаңа үміткер не оның анасының руынан, екендігін А. В. Анохин жазады [Анохин, 1924, с. 27]. Өлген бақсының орнына кім болатындығын да қария, тәжірибелі бақсы шешетін. Тылсым күш иесі қорғаушыдан басқа оңтүстік-алтайлық бақсылардың көмекші-рухтары да болады, оған негізгі қорғаушы-рухтың руына кіретін өлген барлық бақсылар енеді. Алтайлық бақсылардың киіміне келетін болсақ, олар әртүрлі дауыс беретін арнайы салпыншақтар мен іліншектер ілінген киімдер мен дабылы (бубен) болады, оған әртүрлі зооморфтардың басы бар суреттер салынады [Чанчибаева 1978: 15]. Телеуттердің де діни сенім нанымы алтайлықтармен сәйкес, оларда қорғаушы-рух қайтыс болған өз руынан шыққан бақсылар деп есептеді. Телеут бақсылары емдеу барысында 7 қара құс пен үлкен бүркітті көмекке шақырады [Дыренкова 1949: 119, 124]. Солтүстік алтайлық құмандықтар да өздерінің қорғаушы-рухы деп, қайтыс болған не өздерінің руынан не ана руынан шыққан бақсылар деп білді. [Сатлаев 1974: 154-155]. Бұларда да көмекші –рухы болды. Алдымен бақсы бір немесе бірнеше рухты өзіне алатын. Жаңа рухты қорғаушының шешімімен жылына 3 рет – ақпанда, тамыз бен қарашада алады. Бұл айлар сондықтан да «чаргы айьг» - тағдыр айы деп аталды

[Сатлаев 1974: 155]. Бұлардың тылсым күш көмекшілерінің ішінде негізгісі – «кара куш» - қара құс. Бақсылар оны ең батыл әрі күшті жаратылыс деп сендірді. Құмандықтар да жеке көмекшілерінен басқа өз жағына жергілікті рухтарды, мәселен, ру қорғаушылары болып саналатын от қожайыны-рухын шақырады. Олардан бақсыны және ғұрыпқа қатысушыларды жаман құбылыстардан сақтауды сұрайтын. Қиын жағдайда құмандық бақсылар ғұрыпқа қатысушылардың өзінен көмек сұрайтын. Алтайлық бақсылардың тылсым күш көмекшілері жөніндегі мәліметтерін қорыта келгенде, якуттардағы сияқты дабыл (бубен) ғұрып кезінде мінетін аңға айналады [Потапов 1969: 354] .

Хакас, сагайлықтардың да қорғаушылары бақсылық қасиеті бар ата-бабаларының рухы саналды. Бұлар да бақсыға дайық адамды тауып, оны бақсы болуға мәжбүрлейтін. Нәтижесінде ол қайтыс болған барлық рухтардың көмегімен бақсыға айналатын. Көмекші-рухтар әртүрлі образда антропоморфты және зооморфты болып көрінетін. Олар қара (зұлым) және ашық (таза) рух болып бөлінеді. Қара рухтар аю, қасқыр, жылан және филин образында болса, таза рухқа ызых – антропоморфты жаратылыс, «қожайынның» қыздары не көкек образындағы рухтар болды [Бурнаков 2006: 178]. Қорғаушы-рухтармен көмекші-рухтар бақсының шақыруымен ғұрыпқа қатысады. Сағай бақсысы, ғұрыпты аяқтай келе былай дейді: « Мен сол есіктен шығамын, сен алтын есіктерді жап! Сіздер менің қорғаушыларым менің арқам мен мойнымды босатыңыздар! Зиянкестердің келуіне жол бермей, оларды күндіз қорғаңдар! т.с.с. сөздер айтады [Алексеев 2008:194]. Бұлар да басқа да алтайлықтар сияқты бақсының қорғаушылары мен көмекшілері барлық жақстан жындардан қорғайтындығына сенім болған.

Этникалық топ - шорлардың түсінігінше бақсылық қасиет мұралыққа беріледі. Ғұрып кезінде шорлық бақсыларға әртүрлі көмекшілер келеді. Олардың кескіндері бақсы дабылдарында бейнеленеді. Шорлардың түсінігі бойынша бақсылардың рухы әртүрлі антропоморфты, зооморфты бейнеде болады. Олардың да әрқайсысының өз мамандығы болды. Бақсының рухтарының саны оның күшімен байланысты, деп саналды. Бақсылар аурудың түрі мен аурудың жағдайына қарай әртүрлі рухтарды, кейде олардың жартысын не бәрін шақырады [Функ, Потапов 1995: 116].

Тувалықтардың сенімі бойынша, өлген бақсының рухы басқа адамның жанына енгенде ғана бақсы бола алады, ол

туысқандарға ғана беріледі. Тува бақсылары қорғаушы-рухтарының санына кейбір әулие таулардың рух-қожайындарын жатқызады. Мәселен, алаш және кара-хол бақсыларының рух-қожайыны «Хоор-Тайга» [Потапов 1969: 52]. Бақсылардың қорғаушы-рухтары тек емдеп қана қоймай, ұрыларды тауып, ұрланған малды қайтару, отбасының берекесі мен игілігі үшін дұға да оқиды. Дегенмен де бұларда да көмекші-рухтардың негізгі қызметі ауруды емдеу. Мәселен, борсық, моос – жылан тәріздес жаратылыстар көмегімен бақсы жан-жануарларды емдеді. [Потапов 1969: 77,82].

Айта кету керек, қорғаушы және көмекші рухтардан басқа Сібірдің түркі тілдес халықтарының бақсылары сол жердің рух қожайындарына, ру тауларының әулие рухтарына, отбасы қожайынының рухына да сенді. Сібірдің түркі тілдес халықтарының діни сенім нанымы бойынша адам «рухтардың еркімен» бақсыға айналады, деп сенді. Олар өздерінің таңдауын адамдар мен тылсым күш арасында делдал болуға мәжбүрлейді. Сондықтан да болашақ бақсылардың барлығы аруах жіберген психикалық аурудан запа шегіп, ғұрыпты бастауға мәжбүр болатын. Якуттар «бақсылық» аурудан адам тек бақсылықты ұстағаннан соң ғана жазыла алады, деп сенді .

Бақсылық жөніндегі материалдар Сібірлік түрік тілдес халықтарда негізгі қорғаушы-рух жөніндегі ұғымның ортақ болғандығын көрсетеді. Сондай ақ, Сібірдегі түркі тілдес халықтар бақсыларындағы дабылдың -мінетін сиқыршы жануарға айналуы да ортақ болды. Бақсылардың дабылы ертеде аңшылық кәсіпкершілігіндегі жабайы бұлан, маралдарға айналып, оларға қозғалыс құралы ретінде қызмет етті. Халықтың мал шаруашылығына өтуімен дабыл онан кейін атқа айналды.

Сібірдің түркі тілдес халықтары арасында бақсылар жеке әлеуметтік топ ретінде бөлініп алынатын, бұ бақсылықтың жетекші діні ретінде қалыптасуымен байланысты. Сондықтан да Сібір түріктерінің өмірінде бақсылар маңызды рол атқарды. Олар ең алдымен бұқара топтан дертті жіберген аруахтармен жеке байланысқа түсе алатын, және олардың бұйрығын орындайтын, бейнетін жеңілдететіп кейбір адамдар мен мал ауруларын емдейтін ғұрып өткізе алатын адамдардың ерекше тобы ретінде бөлінді. Айта кету керек, Сібірдің түркі тілдес халықтарында халық медицинасы жақсы дамыды. Олардың емшілері өсімдіктердің қасиетін жақсы білді, сүйектердің сынған шыққандарын өз орнына қойып, күрделі хирургиялық

операциялар жасайтын. Қай халықта болмасын бақсылар халықтық ілім, білімдердің көрегендері болды.

Қорыта келгенде көптеген түркі халықтарының исламға дейін ғасырлар бойы сеніп келген діні – шаманизм. Оның қашан шығып, қай заманнан бері тарағаны белгісіз. Бірақ басқа діндер сияқты, шанаизмнің негізі де құдайға, кереметке сену екені даусыз. Қазақ халқының да Тібірдің түркі халықтарында да шаманизмнің қалдығы бақсылық, балгерлік, тәуіптік ретінде осы кезге дейін сақталған. Қазақ жеріне ислам дінінің орнығуы халық арасындағы емшіліктің бақсылыққа сенуін жойып жібере алған жоқ, аруақтарға, көп «иелерге» құлшылық қылатын бақсылық сенім мен исламға деген сенім араласып бітісіп, бүгінде қазақ мәдениетінде синтезделгені белгілі. Ал, Сібір халықтарының діни сенім нанымдарының кешені басқа да әлемдік діндер сияқты олардың өмір салтының айнасы. Олардың діни ғұрыптарындағы архайкалық нанымдар сарқыншағы әлі күнге дейін үлкен ұрпақ санасында сақталған.

ӘДЕБИЕТ

Әлжанов О. Бақсылар, дуаналар. ДУГ. 1894. №36 //Дала уалаятының газеті. – Алматы: Ғылым, 1994. – 816 б.

Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1992. – 328 с.

Қазақстан. Ұлттық энциклопедия. – / бас ред. Ә. Нысанбаев. - Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 1998 . - 2 т. : Ә Г. 1999. - 720 б.

Уалиханов Ш.Ш. Таңдамалы шығармалар. – Алматы: Жазушы, 1985. – 2 т. – 560 б.

Кастанье И. Из области киргизских верований // Вестник Оренбургского Учебного Округа. -1913. - №1,3. – С.71-93 .

Төлеубаев Ә.Т. қазақ халқы этнографиясының мәселелері. Алматы:Servise Press, 2013. -496 б.

Марғұлан Ә. Қорқыт: аңыз және ақиқат // Қорқыт ата энциклопедиялық жинақ. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1999. – 34-89 б.

Досумбеков Б. Табиби и баксы//Киргизская степная газета, 1894.- №16.- С.2.

Тілеуқабылұлы Өтебойдақ. Шипагерлік баян. – Алматы: Жалын, 1996. – 464 б.

Төлеубаев Ә. Қазақтағы бақсылық / Қазақ халқының дәстүрлері мен
әдет-ғұрыптары. 1-том. Біртұтастығы мен ерекшелігі. – Алматы: Арыс, 2005. – 291-315 б.

Далалық этнографиялық кспедиция материалдары, 2007 ж.

Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов // А.Е. Кулаковский. Научные труды. – Якутск, 1979. – С. 7-101.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд., – М., 1993.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов б. Вилюйского округа. – М.; Л.: Изд-во АН ССР, 1949. – С. 255-323.

Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах. Приложение к «Очеркам

узичения Якутского края». – Иркутск, 1928. – Вып. 2. – С. 1-77. 16 Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные прдеставления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX в. – Л.: Наука, 1971. – С. 5-100.
Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязчных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 242 с.
Анохин А.В. материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. –Л., 1924. – Т.4. - вып.2. – 248 с.
Чанчибаева Л..В. Религиозные пережитки у алтайцев и вопросы атеистической работы : Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук : (07.00.07) // Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. - Ленинград : , 1978. - 30 с.
Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сб. МАЭ.- М.-Л., 1949. - Т. X. - С. 108-190.
Сатлаев Ф. Кумандинцы: историко этнографический очерк XIX-XX века. – Горно-Алтайское отд-ие Алтайского книжного издательства, 1974. – 198 с.
22 Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М: Наука, 1969, - 400с.
23 Бурнаков В.А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Институт археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 208 с.
Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. – М: Наука, 2008. -492 с.
Функ Д.А., Потапов Л.П. Шаманизм и ранние религиозные представления: к 90-летию доктора исторических наук, профессора Л.П. Потапова. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. -272 с.

ДОМ В ВОЗЗРЕНИЯХ ЧУВАШЕЙ И НАГАЙБАКОВ: ПАРАЛЛЕЛИ ТРАДИЦИИ

Медведев Владислав Валентинович*

House in the views of Chuvash and Nagaibaks: parallel traditions

ABSTRACT:
The purpose of the publication is contained in the analysis and systematization of materials for the ritual life of the Chuvash and Nagaibaks, relating to the domestic space, and studies cross-subjects of traditional culture.

KEY WORDS: Chuvashs, Nagaibaks, house, tradition, rites.

* Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Институт истории, филологии и иностранных языков, Лаборатория археологических и этнографических исследований. E-mail: vlad.etno@mail.ru.

Традиционная культура чувашей и нагайбаков содержит значительное количество сюжетов, подтверждающих географическое единство (историко-этнографический регион Урало-Поволжья) и генетическую близость, о чём свидетельствуют текущие антропологические исследования [Макеева 2013: 77–87]. Этнокультурные параллели находим и в традициях домостроительства двух народов. Как впрочем, и у других этносов тюркской, а также финно-угорской и славянской групп.

К сожалению, строительство жилища и его структурные элементы у нагайбаков в основном представлены только с позиции их материального восприятия. Так, описание дома и хозяйственных построек начала XX столетия составлено Е.А. Бектеевой [Бектеева 1902: 167]. О внешнем облике нагайбакского жилища этого времени можно судить благодаря фотоиллюстрациям М.А. Круковского, хранящимся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Среди фотографий встречаем такие изображения: «Дом зажиточного крестьянина» (№ 1919-377), «Дом бедняка» (№ 1919-378), «Вход в избу» (№ 1919-379), «Двор» (№ 1919-380), выполненные в нагайбакских поселениях.

Обзор конструкционных особенностей и типологии традиционных жилых помещений представлен статьёй Ю.Г. Мухаметшина [Мухаметшин 1995а] и монографиями И.Р. Атнагулова [Атнагулов 2007; Атнагулов 2015]. Одновременно, об обрядах домостроительства, бытовавших в прошлом и существующих в наши дни, и о воззрениях нагайбаков, связанных с пространством дома, двора и поселения в целом практически не сказано. Тем не менее, упоминания об этом встречаются, что позволяет проанализировать материалы и выявить перекрёстные пути традиционной культуры нагайбаков и чувашей. О традициях домостроительства чувашей в свою очередь собраны и обобщены значительные сведения. Это издания А.К. Салмина, Г.Б. Матвеева, П.П. Фокина, В.В. Медведева и других исследователей.

Перекрёстные линии в традиции двух народов мы встречаем довольно часто, и не только говоря о жилище и его составляющих. Процесс возведения нового дома либо хозяйственных построек, как и предшествующая этому заготовка материалов для строительства, проходили благодаря сбору родных и соседей на «помочи». Строительным процессом

руководил старший плотник. «Помочи» проводили для скорого выполнения трудоёмких хозяйственных работ. У чувашей односельчане собирались на ниме, несколько в иной форме – миме, а у нагайбаков – өмә.

О намечавшихся работах заранее сообщали в разговорах на улице или хозяин будущего дома лично обходил и приглашал на «помочи». Информантом упомянуто, что «выходили, заслышав стук топоров». Приходившие приносили с собой инструменты.

Определившись с местом будущей избы, чуваши закладывали фундамент. Действие сопровождал обряд никĕс пăтти «каша божеству фундамента». Серебряную монету и шерсть укладывали в тур кĕтесси «угол божества Турă» (юго-восточная сторона), или на столбе фундамента, или после первого, третьего венца. Серебро должно было наполнить дом достатком, шерсть – теплом [НА ЧГИГН, ед. хр. 150: 514; НАЧГИГН, ед. хр. 154: 238]. Чуваши Большешатминского прихода Ядринского уезда Казанской губернии, закладывая фундамент, в углах раскладывали медные крестики, оберегавшие от злых духов. В центре основания новой избы варили кашу и произносили молитву о благополучии семьи [Салмин 1994: 103]. При этом оборачивались лицом на восток.

Серебряную монету посвящали Хĕртсурту «хранителю домашнего очага». С принятием православия чуваши начинали заимствовать традиции русских. Начиная строительство, по углам совместно раскладывали монеты и крестики. Для освящения будущего или уже завершённого дома приглашали священника [НА ЧГИГН, ед. хр. 176: 357].

Монеты, размещённые под углы первых венцов жилища, называли пӳрт никĕсĕ. До начала возведения сруба чуваши начинали рыть подпол. Вокруг него собирали венец, внутри которого варили кашу *никĕс пăтти*. На кашу приглашали соседей и старика, возглавлявшего обряд. Обернувшись на восток, говорили слова молитвы. Старик бросал в огонь ложку каши, после чего приступали к трапезе и угощали пивом. Согласно замечанию В.К. Магнитского, помимо монет по углам закладывали по горсти ржи [Магнитский 1881: 108–109]. Если монета олицетворяла богатство, шерсть – тепло будущего здания, то рожь, естественно, подразумевала сытую жизнь и достаток в доме.

*Аналогично поступали нагайбаки, закладывая под первые венцы медные монеты [*Мухаметшин 1995а: 34]. *Известно и о проведении обряда нигез буткасы «каши фундамента», но здесь встречаем разногласия. Логичным было бы проведение*

действа именно при закладывании фундамента будущего дома или при укладке первых венцов сруба на землю, о чём свидетельствует словосочетание: нигез – фундамент, бутка – каша. Однако Ю.Г. Мухаметшиным оговаривается, что нагайбаки Чебаркульского района Челябинской области обряд проводили на новоселье. Сварив кашу и взяв немного *сливочного масла, относили в подпол дома для его покровителя* – Өй иясе [Мухаметшин 1995б: 136].

Во время полевых выездов информанты-чуваши вспоминали о том, что в подпол опускали выкопанный куст рябины вместе с корнями. Объясняют действо тем, что семья, как и куст с корнями, должна прочно закрепиться на новом месте. Рябина охраняла домочадцев и жилище. В беседе с этнографами Е.А. Ягафовой и И.Г. Петровым было высказано предположение о том, что куст рябины в данной ситуации выступал одной из форм домашнего божества Йӗрӗх. Неслучайно дерево использовали как оберег и хранили в доме, на усадьбе и сажали во дворе. Например, у новых ворот в пустоту металлических столбов бросают рябиновые ветви. Закладывают их и в фундамент *жилища наряду с монетами и шерстью.*

Поскольку для народной культуры свойственна вариативность, в разных поселениях известны разные вещи, используемые при закладывании дома, и разные углы, пригодные для этого. Характерно и разнообразие названий. Так, в с. Бишкаин Аургазинского района РБ обрядовые действия обозначают одним словом – никӗс «фундамент», «основание». Вариация встречается и в выборе человека, закладывающего предметы. В этой роли выступают будущий хозяин, старший в роду мужчина, старшая женщина или беременная женщина. В случае неимения при строительстве среди родных беременной женщины, её приглашали из числа соседей и близких друзей. При отсутствии в семье мужчины, старшая женщина накидывала на себя пиджак и, держа под левой подмышкой мужскую шапку либо рукавицу, проговаривала молитву и слова благопожелания строящемуся зданию и жителям. Дароприношение также совершал мастер, руководивший строительством.

Закладывание монет, шерсти или крупы практикуется и сейчас. В срубе их помещают под венцы, при кирпичной стройке – под первый ряд, следующий за фундаментом. Согласно преданиям, помимо монеты и шерсти чуваши жертвовали собаку или волка, которых зарывали под фундамент [НА ЧГИГН, ед. хр. 35: 89]. Жертва предметами на благо строящегося дома

и проведение моления встречается в культуре башкир. Имеют место подобные действа и у мордвы.

На возведённом срубе за один-два завершающих ряда водружали мачча кашти «матицу». Небольшие избы имели одну матицу, в более просторных срубах врубали по две. Под матицу использовали крепкое бревно или брус. Из добротного хвойного дерева чуваши укладывали одну матицу, из лиственных пород, например, осины, – две.

Несомненно, установка матицы символизировала окончание работы над срубом, поскольку стены были возведены, и одновременно начинался новый этап работы над кровлей дома.

Матица разграничивала территорию жилища. Она являлась рубиконом «внутренней», «передней» части и «внешней», «задней», связанной с входом/выходом. Посторонний человек, посетив дом, не должен преодолевать границу и заходить за матицу без приглашения хозяев [Байбурин 1983: 145]. У чувашей сваты, пришедшие в дом невесты, располагались на лавке у двери или под потолочной матицей. Только переговорив с хозяевами, получив приглашение к столу, они переступали границу и переходили в другую часть дома, находящуюся за матицей [НА ЧГИГН, ед. хр. 177: 67–68]. В нагайбакской традиции жених, переступив порог дома невесты в сопровождении родных и друзей, не должен заходить за матицу дома [Бектеева 1902: 170].

Справедлива идея А.К. Байбурина о том, что место под матицей и её центром необходимо считать серединой дома, топографическим центром, на котором совершали значительное число обрядов, не связанных с сидением за столом или с печью [Байбурин 1983: 146].

Поднятие матицы чувашами сопровождалось проведением обрядовых действий. Бревно, предназначенное для матицы, заворачивали в шубу и поднимали в таком виде. Этим приёмом выражали пожелание, чтобы дом сохранял тепло. «При подъёме матицы, как бы ни было тяжело, ни один из рабочих не должен ни охнуть, ни крикнуть. Когда кладут на место матицу, по ней не стучат ни топором, ни каким-либо другим предметом… Если не соблюдать этих требований, то, по мнению строителей, изба будет вонючей, угарной, сырой и дымной», – читаем в записях Н.В. Никольского [Никольский 1928: 38].

Известны разные способы подъёма матицы. Помимо укрывания шубой, подвешивали кувшин с пивом, хлеб либо

пирог хуплу, на концах матицы раскладывали по ложке каши. Подняв матицу, шнур перерезали. Каравай подхватывали или следили за падением и стороной, на которую падал хлеб. От этого зависела судьба домочадцев.

Информанты уверенно связывают установку матицы с окончанием одного из этапов строительства. Перед подъёмом на срубе рассаживались два, четыре либо шесть мастеров, задействованных в работе с матицей. При недостаточном количестве мужчин наверх поднимались взрослые женщины. Перед подъёмом в игровой форме чуваши объявляли: «Матка водку просит!». К матице верёвкой привязывали хлеб или хуплу и бутылку с самогоном, водкой или домашним пивом. Поднимали осторожно, проявляя взаимоуважение и соблюдая тишину. Плотники, сидящие на срубе, пили по рюмке и опускали бутылку вниз.

К матице помимо бутылки привязывали угощение, которое, попробовав, также спускали вниз. У верховых чувашей с. Антоновка Гафурийского района РБ под уложенной матицей в центре дома хозяева накрывали стол для строителей. В с. Наумкино Аургазинского района РБ за недостаточное угощение мастера прятали пустую бутылку с матицы на крыше дома горлышком к ветреной стороне, чтобы она гудела при сильных порывах.

Верёвку с подвешенным хлебом обрубали. Каравай, упавший плоской стороной вниз, был хорошим признаком, округлая сторона хлеба предвещала несчастье. Помимо пирога, хлеба, бутылки, закусок с установкой матицы связано закладывание монет и шерсти, т.е. повторяли те же действия, что и при закладке фундамента. Монета и шерсть символизировали достаток и тепло будущего здания. В с. Бишкаин Аургазинского района РБ в комок с шерстью скатывали муку, пшено и другие крупы. Подобное поведение при завершении подъёма матицы наблюдалось у нагайбаков, поднимавших наверх кашу и водку с последующим угощением всех участников помочей [Мухаметшин 1995а: 34].

Общим для чувашей и нагайбаков являются представления о божествах (духах), оберегавших дом. Чуваши называют их Хĕртсурт, нагайбаки – Өй иясе. Е.А. Бектеева о событиях рубежа XVIII–XIX вв. свидетельствовала: «Лет сто тому назад у нагайбаков был следующий обычай: в один из весенних дней нагайбачка варила кашу и в тот же день в доме должны были царить мир и спокойствие; татар и русских в доме быть не

должно. Затем, две женщины, надев чистое белье и положив кашу в две посуды, с зажжённой восковой свечой спускались в подпол и, кланяясь в пояс воображаемому домовому, просили его, чтобы он молился Богу за них и чтобы сам он отвратил от них в этом году все беды. Сказав такую речь, они несли кашу обратно и семейные тут же её съедали, причём молиться Богу после стола в этом случае запрещалось» [Бектеева 1902: 176]. Дароприношения совершали также по отношению к хозяевам леса, воды и бытовых построек.

О принесении жертвы и воззрении о домовом сказано в отрывке: «Вот отцовский дом. Там есть хозяева дома. Им каждый год закалывали одного гуся. После начал колоть один раз в два года, попросив прощения «Не обижайтесь». В этом году две курицы, одного петуха зарезал. Проводили поминание. Дальше смогу ли провести или нет. Когда проводят это, на кладбище ходить нельзя, можно сходить на второй или третий день. Опять же когда в дом переезжаешь нужно поставить воду, хлеб в уголочке подпола. После новоселья нужно сказать: «Вы мне дайте покоя. Всё это покушайте, наслаждайтесь домовой или домовиха» [Баязитова 1995: 116]. Сказано о разных ипостасях домашних покровителей (мужском и женском), что характерно и для других народов.

Обращение именно к подполу, как и сообщение по этому поводу Е.А. Бектеевой, свидетельствует о месте жительства Өй иясе в данном локусе. Вероятно, с этим также связан запрет громко топать ногами в доме, чтобы его не потревожить. Еще одним местом проживания духа является кухня, где для него оставляют пищу во время поминания покойных.

В традиционных представлениях закамских удмуртов бытовала вера в Коркамурта/Коркакузё – духа-покровителя жилища. Кроме того, наряду с ним существовал и другой тип домового – Гулбеч така «Подпольный баран», имевший облик животного и обитавший в подполе, а у северных удмуртов в подполе находилось существо под названием Гондыр «Медведь» [Садиков 2008: 89–90]. Локус аналогичен местожительству Өй иясе.

Разумное объяснение о возможности обитания покровителя дома именно в подполе на примере удмуртского материала представлено Р.Р. Садиковым. Он считает, что первоначально существовала жертва с целью выкупа земли под строительство дома, но впоследствии содержание жертвы (в данном случае, закалываемого чёрного барана) было переосмыслено и

приобрело образ существа, обитавшего в подполе [Садиков 2008: 90].

Адресовали покровителю дома жертву при неблагополучии семьи и тревоги, что связывали с его недовольством. Участницы ансамбля *«Сак-Сок» утверждают, что в таком случае дом обходили с зажжённой восковой свечой, затем на протяжении двух-трех дней читали молитвы. Вероятно, действа доверяли проводить старшим и наиболее уважаемым женщинам из родни. В завершении готовили кашу и относили в подпол вместе с частью других продуктов [*Полевой материал автора 2014].

Чуваши связывают представления о *Хĕртсурте с печью. В источниках, опубликованных изданиях, как и в словах информантов, отсутствует единое определение его места обитания. Довольно часто упоминают, что он проживает на печи или под ней. Его считают домашним покровителем, находящимся на всём пространстве дома. В современных условиях Хĕртсурт занимает кухню или котельную, т.к. во многих домах печи отсутствуют в связи с газификацией поселений.* Хĕртсурта иногда заменяет божество *Пирĕшти*, которое считают женским персонажем, а Хĕртсурт выступает только в роли мужчины.

Один из возможных образов Хĕртсурта представлял фигуру женщины, окрашенную чёрной краской. На голове – повязка, шею обрамляло ожерелье, руки вдоль туловища. Хранили фигуру, завернув в ткань, между двух лаптей. Название Ерехметь-Хĕртсурт, от ĕрехмет «благодать» + Хĕртсурт, т.е. божество, приносящее дому благо [РЭМ: коллекция 967].

Переход семьи в новый дом сопровождался просьбой к Хĕртсурту проследовать за ними. Чуваши отламывали от печи заштукатуренный кусок и забирали, в новом доме клали на печь, а сейчас нередко у отопительного устройства. Действо олицетворяло переход Хĕртсурта в дом. В с. Манеево Аургазинского района РБ, по сообщению этнографа И.Г. Петрова, крещёные чуваши на печь кладут ситцевую ткань и зовут божество. Полотно сворачивают и разворачивают на печи нового дома, выпуская Хĕртсурта.

Завершение работы над печью связано с проведением праздника Хĕртсурт пăтти «каша в честь Хĕртсурта». В таких случаях на печь бросали кусочки пищи. Возвращаясь из гостей, отщипывали от гостинцев три кусочка и откладывали на печь, после этого кушали сами. В другом варианте пищу бросали за

печь, поскольку Хĕртсурта связывали с данным местом. «Пусть будут носимы нам гостинцы, а мы всё будем есть да есть, на и тебе, Хĕртсурт», – приговаривали хозяева при этом [НА ЧГИГН, ед. хр. 174: 93, 550].

Дом – сложный организм, отвечавший нуждам человека и отражавший его мировоззренческую картину. Справедлива точка зрения Н.Е. Мазаловой, соотнёсшей представления, связанные с этапами жизни человека и периодами существования дома: рождение и детство – строительство и обживание, молодость, зрелость – длительность существования (возраст) дома, старость и смерть – постепенная обветшалость, разрушение здания [Мазалова 2001: 69]. Элементы жилища и его пространство имели индивидуальное знаково-символическое назначение. Выполнение обрядовых действ и почитание сверхъестественных сил, обитавших в доме, обеспечивало, по мнению чувашей и нагайбаков, стабильность жизни. Перечисленные сюжеты свидетельствуют о наличии единых пластов и воззрений в традиционной культуре двух народов.

ЛИТЕРАТУРА

Атнагулов И.Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. Магнитогорск: МаГУ, 2007. 244 с.

Атнагулов И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Челябинск: ЧГКМ, 2015. 217 с.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

Баязитова Ф.С. К реконструкции традиционной культуры нагайбаков (обряд и текст) // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. С. 94–117.

Бектеева Е.А. Нагайбаки (крещеные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Русского географического общества. Под ред. председательствующего в отделении этнографии В.И. Ламанского. 1902. Вып. II. С. 165–181.

Магнитский В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 266 с.

Мазалова Н.Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 192 с.

Макеева А.И. Первые дерматоглифические исследования нагайбаков // Вестник антропологии. 2013. № 2 (24). С. 77–87.

Мухаметшин Ю.Г. Этнографический обзор конструкции и типов традиционных жилищ нагайбаков и их ближайших соседей // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995а. С. 29–50.

Мухаметшин Ю.Г. Пища из животноводческих продуктов в системе питания

нагайбаков // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995б. С. 128–140.
Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН) Отд. I. Ед. хр. 35. Катанов Н.Ф. О чувашах. 1911–1935 гг. 117 л.
НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Никольский Н.В. Этнография. 1895–1919 гг. 590 л.
НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Никольский Н.В. Этнография, фольклор. 1892–1905 гг. 405 л.
НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Никольский Н.В. Этнография. Фольклор. 1908–1910 гг. 695 л.
НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Никольский Н.В. Религия. Археология. Грамматика. Этнография. Фольклор. 1905–1911 гг. 616 л.
НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Никольский Н.В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг. 804 л.
Никольский Н.В. Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928. Вып. 1. 226 с.
Полевой материал автора – 2014 (Челябинская область, Нагайбакский район, с. Фершампенуаз, ансамбль «Сак-Сок»).
Российский этнографический музей. Коллекция 967. Приобретена в 1906 г. в д. Вязовка Старо-Тепловской волости Бузулукского уезда Самарской губернии у собирателя Завражева. Изображения домашних духов. Регистрировала А. Рагозина.
Садиков Р.Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. 232 с.
Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары: ЧГИ, 1994. 339 с.

Сокращения
НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
РБ – Республика Башкортостан
РЭМ – Российский этнографический музей

БУХАРСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СОСТАВЕ ТАТАР СИБИРИ

Абдуллина Яна Борисовна*

Bukharian ethnic component in the Siberian Tatars

ABSTRACT:
The article discusses the features of the Bukhara population in Siberia, among the Siberian Tatars; appearance in Siberia Bukhara rural municipality or large vil-

* Магистр по направлению «Мировая политика», экскурсовод Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. E-mail: yana-sulkharnaeva@yandex.ru.

lages; support of Bukharians by the Russian State. Bukhara played a significant role in the cultural and spiritual life of the Siberian Tatars.

KEY WORDS: Bukharians of Siberia, Bukhara community, Bukhara settlement, government policy, Siberian Tatars.

В изучении истории сибирских татар особое место занимает этнокультурная группа бухарцев. Формирование данной группы происходило в XVII веке, а в середине XX века данная категория населения ассимилировалась среди сибирских татар. Н.А. Томилов писал, что до начала XX в. сложилось четыре территориальные группы сибирских бухарцев: тарская, тюменская, тобольская, томская. Немало исследователей уделяли внимание межэтническому и культурному взаимодействию бухарцев и сибирских татар. Процесс влияния друг на друга двух народов был длительным и многообразным.

Целью данной работы является выделение черт и традиций бухарского народа в составе сибирских татар.

Бухарцы, как и татары, принадлежали к тюркскому племени и причислялись к коренному населению. Еще до появления русских, они вели торговлю с Сибирью, снабжали сибирский рынок среднеазиатскими товарами. В 1595 году бухарцы были признаны покровительствующим торговым сословием и в течении XVII и XVIII веков пользовались различными льготами. Занимаясь преимущественно торговлей, также распространяя различные ремесла.

Часто бухарцы, приходящие с караванами, принимали российское подданство и оставались на постоянное жительство в Сибири.

Зачастую вновь прибывшие селились там, где уже сложилась бухарская община. Такие общины находились в Тобольске, Таре и Тюмени, где с XVII в. велась оживленная торговля, в том числе с купцами из Средней Азии. В царских наказах сибирским воеводам этих городов (особенно Тюмени и Тары) указывалось: «встречать ласково и привечать торговых бухарцев…». Такое отношение правительственной администрации и положило начало формированию крупных бухарских общин в городах Сибири [Клюева 2001: 44].

После облегчения условий принятия российского подданство численность бухарцев значительно возрастает, измеряясь уже и количеством дворов. Бухарцы нередко селились вместе с сибирскими татарами, но имелись особые «бухарские слободы» в Тобольске, Таре, Тюмени, или отдельные от татар

поселения.

Но все – таки, проживая на одной территории с сибирскими татарами, бухарцы отличались неполноправным положением. По «Уставу управления инородцев Сибири» в Тобольском и Тюменском уездах были созданы отдельные волостные органы – по правовым вопросам все бухарцы, независимо от места проживания, относились к ним.

Татары Тюменского уезда считали бухарцев населением пришлым и чуждым себе. Со временем утратив прежнее значение торгового сословия, бухарцы стали пользоваться земельными наделами и правами. Между тем, за исключением юрт Каскаринских и Искинских (где они имели особые земельные наделы и платили казенно-оброчную подать), в других местах бухарцы наделов не имели и были также обложены лишь волостными и губернскими сборами (частные землевладельцы платили поземельный налог). Такая разница обложения народностей, находящихся почти в одинаковых условиях являлась одной из причин враждебного отношения между татарами и бухарцами.

Национальная обособленность и различие в правах обеих народностей в отношении пользования землею и в податном обложении привели к необходимости создать особое административное управление для бухарцев, почти все население Тюменского уезда было объединено в одну Бухарскую волость. [Андронников 1911: 203].

Бухарцев в Тюменском уезде насчитывалось 3850 чел, из них 2016 мужчин и 1834 женщины. В большинстве случаев количество бухарцев в селениях исчерпывалось несколькими семьями. Самыми населенными юртами Бухарской волости являлись Ембаевская и Тураевская. [Обзор Тобольской губернии 1908: 23].

Бухарцев в Тюменском уезде, по отношению их к владению землею, можно было разделить на 4 группы: 1) бухарцы – собственники, владеющие землей на родовом начале, 2) бухарцы – общинники, имеющие земельные наделы в специально бухарских обществах, 3) бухарцы – общинники, пользующиеся землею совместно с татарами и 4) бухарцы – безземельные.

Бухарцы – собственники жили в юртах Матьяровских, Ново-Шабабинских, Ембаевских, Тураевских, Казаровских и Акияровских. Мелкие бухарские участки принадлежали не отдельным лицам, а родам, и вкраплены в татарское землепользование.

Тобольский уезд. Всего инородческих волостей в Тобольском уезде насчитывалось 9: Истяцкая, Вагайская, Тоболтуринская, Надцинская, Уватская, Карагайская, бывшая Эскалбинская, Бухарская и Оброчных Чувальщиков. Бухарская волость представляла из себя единицу административную, а не территориальную [Андронников 1911: 223].

Бухарцы, жившие в одних селениях с татарами, занимались главным образом торговлей; обороты торговли были незначительны, сама торговля ограничивалась скупкой и перепродажей кожи, а также снабжением мануфактурными товарами, чаем и различными предметами домашнего обихода. Часть бухарцев владели мелкими земельными участками, приобретенными путем наследования от предков, которым эти участки достались путем купли-залога и проч. Остальные, проживали в татарских селениях и не имели своей земли, арендовали также земли у татар.

По мнению исследователей одному из традиционных видов ремесла сибирских татар — кожевенному делу положили начало именно бухарцы. Долгое время кожевенных промыслов на территории Западной Сибири фактически не существовало, поскольку домашнее натуральное производство удовлетворяло потребности семьи. Умение изготовлять юфть (выделанную мягкую кожу) переняли от бухарцев сибиряки – русские и татары. Известно, что в XIX веке в Бухарской волости Тюменского уезда выделкой кожи занимались на самых больших предприятиях – в кустарных мастерских бухарцев Абдуллы Ниязова и Мухамедвали Муслимова. У Ниязова два мастера и четыре рабочих производили в год 500 юфтьиных кож, а прибыль достигала 2-3 тыс. руб.

Бухарцы имели прямое отношение к становлению тюменского феномена — длинноворсового ковра. Его генетические корни просматриваются в орнаментике. Бухарцы, а затем и сибирские татары для ковров брали коровью шерсть, придававшую поверхности жесткость. Перенявшие ковроделие русские мастера постепенно отказываются от геометрического начала, используя только цветочные мотивы на черном фоне.

Под влиянием бухарцев в семьях сибирских татар появляются шамаилы выполненные тушью или печатным способом на стекле или холсте, вышитые на полотне, такие картины помещали в жилых домах над дверными проемами или в мечетях. Сами бухарки были искусными рукодельницами. Изготовленная одежда долгое время сохраняла среднеазиатские

черты.

Бухарцы в течение длительного времени сохраняли вековые среднеазиатские обычаи и обряды. Богатые бухарцы имели двух-трех жен; свадебные обряды были такими же, как в узбекских ханствах. За невесту жених должен был давать «калым». При этом невест выбирали родители жениха. Семейные отношения носили патриархальный характер.

В Сибири поселялись узбеки, уйгуры, таджики. Доминирующим языком являлся узбекский. Этому способствовало не только наличие подавляющего большинства узбеков и уйгур, но и необходимость общения бухарцев с татарами [Зияев 1968: 54].

Таким образом, говоря об этнокультурном компоненте бухарцев в составе сибирских татар нужно отметить следующие моменты. В силу длительного повседневного общения бухарцы чувствовали на себе влияние сибирско-татарской культуры. Отсюда сходство языка и религии. Немаловажное значение имело то обстоятельство, что бухарцы женились на татарках. Их потомки считали себя бухарцами, но с течением времени это повлияло на изменение этнического состава бухарцев.

ЛИТЕРАТУРА

Андронников И. А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. 411 с.

Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Казань, 1993. 208 с.

Зияев Х. З. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.) Ташкент, 1968. 78 с.

Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Вып XVII. СПб., 1891.

Обзор Тобольской губернии за 1907 г. // Губернский Статистический Комитет. Тобольск. 1908 г.

Клюева В. П. Сибирские бухарцы Тобольской губернии (конец XVII—XIX вв.): демографический анализ // Словцовские чтения-2001: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2001.С 45-49.

Таможенные книги сибирских городов. Вып.3. Новосибирск, 2000.

Ярков А.П., Гарифуллин И.Б. Бухарцы в Западной Сибири // Топос, 2004.

ТЕНГРИАНСТВО БАШКИР И КАЗАХОВ: ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ И ОСОБЕННОСТИ УЧЕНИЯ

Султангареева Розалия Асфандияровна*

* Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail:

Tengrianism Bashkirs and Kazakhs: main components and features of exercise

ABSTRACT:
The main components of Tengriism are highlighted, its compliance with Islam, the modern transformation are disclosed in the article. Based on the analysis of materials the ideological and functional parallels of Tengrian world view of Bashkirs and Kazakhs are set up. We give a map of Tengrian values in an epic, ritual and proverbs folklore. The laws of humanity, honor, ancestor worship, etc. are highlighted.

KEY WORDS: Tengriism, folklore, ritual, cult of honor and humanity.

Верования, мифы и суеверные представления о мире являют собой функциональные и идейные первоосновы обрядовой практики. В первобытную эпоху, когда человек импульсивно организовывал свою жизнь, на основе избирательного опыта он устанавливал формы контакта с природой, с обществом и таким образом утверждал правильность функционирования действ, становящихся нормой. Отсюда в древности наибольшая комплексная связь мифа, веры, слов, действ и обрядового разрешения конфликтов или установления контактов с Природой, обществом, людьми.

В этой связи тэнгрианское мировосприятие маркирует знаковый этап формирования башкирских обрядов, пранорм, бытовавших уже в X в. в статусе норм (обрядов). Они были зафиксированы послом Багдадского халифата Ибн-Фадланом. Запечатлев культовое поклонение башкир двенадцати божествам (раббы): зимы, лета, ветра, деревьев, людей (человека), лошадей, воды, ночи, дня, смерти, земли и неба так же сведения о том, что «самый главный из них находится на небе» [Ковалевский 1956: 131-132], Ибн-Фадлан записал свидетельства о тэнгрианском мировоззрении башкир, родовых традициях (обрядах), устойчивых нормах поведения. Тэнгри как верховное божество, «бог, живущий на небе, повелитель судеб, счастья» известен с IV-III тысячелетий до н.э., охватывает шумерский пантеон, весь тюрко-монгольский мир [Султангареева 2006: 7]. Ибн-Фадлан по сути отметил о существовании тэнгри-хозяев Природы перечисленных сфер, непосредственно связанных с главным, который «объединяет всех и живет с остальными в согласии и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ» [Ковалевский 1956: 131]. Арабский посол, будучи исламским миссионером, избегает слова «тэнгри» и потому называет эти

sasania@mail.ru

божества словом «раббы», фактически являющихся тэнгри. Божеств могло быть и больше, а признание «Бога, живущего на небе», согласуется с тем, «что политеистическое мировоззрение не исключало в то же время существования верховного - божества - Тэнгри» [Юсупов 2002: 174].Так, монотеизм, как основа мироощущения, был обозначен у башкир уже в доисламскую эпоху. Наличие у башкир культовых поклонений различным богам, хозяевам сфер предполагал существование специальных природоведческих обрядов и ритуалов. Необходимо учесть, что в первобытном архаическом синкретизме значительные стихии, силы Природы сами осознавались как боги, «богом в древности чаще всего обозначалось само это явление: богом грома называли гром, богом дождя - дождь» [Салмин 2007: 385]. Отсюда все перечисленные тринадцать башкирских божеств означают одухотворенные сферы живой природы, а обряд, ритуал, празднества - формы контакта во имя гармонизации жизни. Бескрайнее небо само было божеством Тэнгри и признание главного Бога Тэнгри, «живущего на небе», согласуется с космологической классификацией, «составляющей основу каждой религиозной системы» [Салмин 2007: 386].

Имя верховенствующего бога этрусского пантеона Tin переводится как «великая гармония, тишина, всеобщий эквивалент» [Латыпов 1996: 58]. В таком осмыслении информативна проекция башкирских слов «тын» (тишина), «тенкэ» (глубинная гармония, состояние души) и тиҥ (равный, пара, ровня). В целом представляется понимание башкирами Бога Тэнгре-Тэнгри как всеобъемлющее, бесконечно покровительствующее и повелевающее начало, судья и гарант гармонии, духа, движения судеб и жизни, родство и главенство.

Очевидна этимологическая связь верховных божеств этрусского и древнетюркского пантеонов Tin и Тенгри с шумерским названием бога Tingir. Обязательные человеческие жертвоприношения, совершаемые во имя бога Тэнгри [Латыпов 1981: 268] (обряды отражены в башкирском эпосе «Урал-батыр»), согласуются с идеей умилостивления человекоподобного Бога (жертвой) и снятием противоречий, конфликтности, создаваемых между людьми с природой, между людьми и т.д.

Тенгрианство башкир - чрезвычайно устойчивое, не утратившее свою силу с принятием ислама, могучее мировоззрение. Отмечается, что в VIII-IX вв.еще учение касалось «существовавших в Южном Урале политических государственных образований во главе со своим каганом

(ханом) и единой религией во главе с богом Тэнгри [История Башкортостана 2004: 57]. Идеи и ритуалы тенгрианства не прописаны нигде, но заповеди этого вероучения запечатлены в мифах, эпосе, жанрах фольклора, этических воззрениях, обрядовых реалиях. Формулы и нормы осознания Тэнгри до сих пор устойчивы в памяти башкир и произносятся в решающие моменты жизни.

Эй,Тәңрем! Һин- бар , Һин –бер,	О,Тэнгри!Ты -есть , ты- един!
Тиңдәшең вә оҡшашың юҡ!	Нет тебе равного, нет тебе подобного,
Ни бойорһаң – була, бойормаһаң –юҡ!	Что повелишь-будет, а не прикажешь-не будет!
Бер ерҙә лә юҡһың, бар ерҙә лә барһың.	Нет Тебя нигде, но Ты-везде!
Төҫөң вә тауышың юҡтыр,	Нет у тебя цвета, нет и голоса у тебя,
Бер ерҙә лә күренмәйһең,	Не видно тебя нигде,
Барыһын да күрәһең,	Но видишь Ты все,
Тыумайһың, тыуҙырмайһың,	Не рождаешься,не рожаешь,
Беленмәйһең - барын беләһең,	Не видно тебя- а ты все знаешь,
Эй,Тәңрем ! Ярлыҡа!	О,Тэнгри! Прости!
Ярҙамыңдан ҡалдырма!	Не лишай помоши своей!

(Записано в 1992г в с. Худайбердино Кугарчинского р-на, в 1999 в с. Саитбаба Гафурийского р-на,в 2014г в с. Ишэй Ишимбайского р-на РБ). В таковых молебенных формулах проецируются основные особенности вероучения и осознания башкирами Бога Тэнгри-Великого и Всемогущего. Молитвенные обращения и таковые определения Всевышнего повторяются в обозначении Аллаха в сурах Аль-Корана (“Аль-Ихлас”, “Аль –Фатиха” и др). Так, первородные знания и представления о Высшей силе, формы словесного контакта с Ним с течением времени скорректированы исламским вероучением об Аллахе Всемилостивейшем и Милосердном. С другой стороны, ввиду вытеснения исламом понятия “тенгри” и слов, связанных с названием божества, явлений жизни, слово тенгри имеет редкое пользование, чем “Аллах”, “Ходай”. Однако устойчивость этого мировоззрения в фольклорной и бытовой памяти показательна Осознание мужского начала Тэнгри (Хисамитдинова 2015: 341) сохраняется в обиходных императивах, изречениях: “Тәңре атам бойорһон!” (“Отец Тэнгри пусть повелит!”). “Атабыҙ-Күктәңре, Анабыҙ-Һауа” (Отец наш-НебесныйТэнгри, Мать наша-Хава). Во власти Тэнгри посылать дитя и даровать дитя. Отсюда имена “Тәңребирҙе” (“Дан Тэнгри”ем), “Тәңреҡол” (“Раб Тэнгри”). Исянбай из эпоса “Идукай и Мурадым” говорит: “В старости нам Тэнгри послал двух детей, Идукай!” (Иҙүкәй менән

Моразым” 1994: 107). Культурные достояния, духовное благо и другие ценности также благословлены велениями Тэнгри: “Тел-Тәңре бүләге” (“Язык-дар Тенгри”). Судьбоносные решения или явления природы зависят от воли и приказовТэнгри: “Болот яумай, бойороҡ яуа” (“Не облако посылает дожди, а повеление дожди посылает”) или: “Тәңре эше фарман менән, бәндәнеке - дарман менән” (“Благословленное дело-от Тэнгри, дело человеческое –от желания и сил”) (БХИ 2006:126).

Обрядовый фольклор отличает особый консерватизм к изменениям и потому сохранность в его предметах арте- и ментефактов самой древней символики, затерянных во времени. Рассказ Ф.Нефедова «Ушкуль» является почти единственным культурным текстом, в котором сохранено описание ритуала поклонения и жертвоприношения Верховному божеству. Глава Арало-Табынского рода Хасан-Фатхулла собирает народ для обращения к Тэнгри с особыми просьбами и поручениями. Перед тем как принести жертвы, «становится лицом» к полудню (солнцу), подняв руки верху, громко взывает», обращаясь к Тэнгри: «Великий бог, живущий на небесах! Мы, башкиры, пришли на это священное место, чтобы принести тебе от наших чистых благодарных сердец любимые тобою жертвы. Вот непорочные бараны, янтарный мед, жемчужное просо и отборный ячмень. Прими наши жертвы и даруй своему народу благородство, мир и счастье, не отнимай у народа свободы; как свободными, по твоей воле люди родились на свет, так свободными бы они всегда и жили!» [Нефедов 1991: 134]. Далее люди просят дождей, тепла, корма скоту и благословения. Князь (бей) Фатхулла вновь произносит заклинательные обращения Тэнгри, которые громко повторяет весь народ. После этого бей закладывает трех баранов, высыпает на них ячмень, просо и обливает медом (международные обрядовые нормы освящения жертвы и обращений к божествам, Тэнгри). Эти молитвенные обращения и описания жертвенного обряда - редкое воспроизведение реалий поклонения башкир высшему божеству. В рассказе получили отражение традиции многобожия: Хасан-Фатхулла обращается к богу стад, богу лошадей, к солнцу, к богине лесов и многим другим, каждому из них посвящая жертвы.

Антропогенное восприятие живой Природы и ее сфер (воды, земли, огня, дня, ночи) под единоначалием главного Бога - Тэнгри впоследствии способствует формированию природоведческих обрядов. Весенние “Ҡаргатуй” (“Воронья свадьба”), “Кәкүк

сәйе”(“Кукушкин чай”), летние йыйыны (собрания), праздники солнцестояния, хабантуй, осенние мужские праздники “Ҡыҫыр ҡалын”, проводимые с обязательными жертвоприношениями вскладчину, являют массовые празднества, в истоках имеющие почитания Күктэнгри (Высшего Небесного божества). В том контексте, что поклонение единому небесному Богу служило объединению разрозненных племен в один народ [Аджиев 1984: 382], так же башкирский йола – обряд (семейно-бытовой, календарный, хозяйственный, также охранные, целительские, боевые, художественные ритуалы и т.д.) сплачивал родовой коллектив, формируя единые нормы жизни и тем самым обуславливая устойчивость макрокосма.

Тенгрианство как открытое мировоззрение и система принципов жизневедения, как вера, много веков поддерживающая духовно- нравственные, психологические ценности, особую близость и сходства обнаруживает в казахском, кыргызском и башкирском социумах.

1. Локус Тэнгри осознается безграничным пространством, обозначает Небесное, единение места (Күк) и цвета (күк-синий)-Күк Тэнгре. Однако «это не само Небо, а Небо как начало всего, Небо как единый Бог, абсолютная животворящая субстанция» (Аюпов 2007: 28).Сама жизненная сила олицетворяется благословлением Тэнгри. Отсюда пословицы, алгыси, поговорки как нравственные ориентиры, четко, без альтернативы обозначающие границы добра и зла, лжи и истины, жизни и смерти, верности и предательства. В них, как в формулах учения тенгрианства, четко обозначены все ценности духовного, морального значения. Благо и Покровительство судьбы находятся только в велении Тэнгри. Самое страшное наказание – быть отторгнутым от покровительства Тенгри Подлого, злостного человека проклинали «Көк соккыр!», у башкир: «Күк һуҡҡыр»! («Чтобы небо побило!»). Человеку, оказавшемуся в беде, покровительствовать, спасти может только Тэнгри: «Таниржарылкасын!» (у казахов), у башкир: «Тәңре ярлыҡаһын!» («Пусть Тэнгри спасет»).

2. Тэнгри-всемогущая сила, нравственный концепт и принцип жизнедеятельности, генотипическое осознание и придерживание которых предоставляет высокое чувство достоинства, мужество характера и истинной духовной свободы личности. Глубокая философия сильного, праведного и волевого Духа и истинного достоинства тенгрианца заложены в пронзительно мудром и емком изречении башкир: «Эттең

хужаһы бар, бүренең Тәңгреһе бар» (“У собаки –хозяин, у волка-Тэнгри”). Анологичное изречение, классически передающее идеи волевой и сильной, свободный натуры, имеются в этических воззрениях казахов, кыргызов.

3. Культовое обожествление природы-составная часть тенгрианского учения .Все стихии, основные природные сферы имеют своего тенгри (тенгри воды, воздуха, огня, земли). «Хозяева» этих сфер находятся в непосредственном иерархическом подчинении высшему божеству Тэнгри. Обожествление и признание наличия «хозяев» (трансформированное понятие от «бога-раббы» стихий) огня, воздуха и т.д., также леса, птиц, животных представляются как первородные формы экологического сознания и разумного пользования благами природы. Не потребительство ради потребления, а непрерывная забота о природе и отдача являются условием духовно-нравственной состоятельности тенгрианца. До сих пор в башкирском этикете практикуются правила и нормы поведения: «заходя в лес, громко приветствуй его хозяина -не заблудишься”, “перед купанием на воду брось монету или листок кувшинки – не утонешь, если нет ничего- брось, как дань, несколько волос”; “не поднимайся на гору без произнесения обета или невыпоненного обета –дух горы покарает”. При почтительном к «хозяевам» горы, огня, леса, воды, степи отношении Всевышний тенгри благосклонен к человеку, он не лишает покровительства того, кто сливается с этими стихиями и признает их могущество.

4. Культ предков - важная составляющая тенгрианства - учения о силе духа и почитания умерших предков, духа покровителей рода, страны, земли. Не помнящий родства – недостоин быть членом рода и не заслуживает быть им. Смерть осознается как переход в иной мир, представляется для рода условием приобретения нового покровителя-помощника. Почитание духа родового предка, осознание его бессмертия и реальной его помощи очерчивает круг почитания Человека в целом. Запреты на брак в среде семи колен кровно-родственных связей предупреждают кровосмешение в целях заботы о продолжении сильного и здорового рода (ырыу). Клятва родных братьев, родственных людей, обязательное поминовение духов родовых предков, жертвоприношения, обряды раздачи садака во имя памяти духов предков, паломничества на могилы усопших (БНТ 2010: 305-338] - это модели многовекового духовного опыта и поддерживания гармонии бытия, Древа родовой жизни. Резко

осуждались ссоры родственных людей, месть или стяжательство между родными по крови. «Туған туғанға бурысҡа бирмәй, туған туғанға ярҙам итә» («Брат брату не дает в долг, брат брату помогает»); Традиционное наставление «Ете ырыу, ете атаңды бел !» («Знай семь родов, семь отцов» обобщает определенные нормы отношений, призванные для укрепления родового единства и согласия. Существует у башкир верование, что, если не помнить и не возносить молитвы родовым духам, фамильным родным, не называя их имена, то души предков начинают «служить» чужому роду. Все эти предписания - суть принципы системного и сильного в своем совершенстве учения о культе предков,человечности и святости кровно-родственных связей, проработанных в тенгрианском мировоззрении.

5. Следующий концепт тенгрианства исходит от предыдущего. Это принцип «әҙәмсә, кешелеклелек» (башк.), у казахов – «адамгершілік». Человек крайне бережно должен относиться к другому как генетическому аналогу и почитать его на уровне двойника, святого: (“Үҙеңдән башҡаны әүлиә тип бел”) (“Узри в другом человеке провидца-авлию”). Правоценность человека приравнивается к божественному. Отсюда глубоко и грамотно проработанное учение о человеке, ценностности человека в праве - Кеше хаҡы, предписания об обязанностях личности, долге и нормах отношения человека к миру, понятия о статусе человека. «Кеше хаҡы-Тәңре хаҡы» («Ценностность человека – ценностность Тэнгри»), « Ир хакы – тәңре хакы» («Ценностность мужчины равна божественной») у башкир и у казахов. При этом выработано глубоко разумное учение, исключающее разлад и дисгармонию в обществе. Оно основано на разумном ограничении прав и обязанностей полов и возрастов. «Есть право (хак) мужчины- есть право (хак) женщины, «Есть хак старшего-есть хак младшего, их нельзя равнять». Человек, без приглашения попавший в твой дом- самый дорогой гость, он символ благословления самого Тэнгри: «Саҡырылмаған ҡунаҡ – тәңре ҡунағы» («Незваный гость - гость, посланный Тенгри»), примечают как башкиры, так и казахи. Таковая установка исключает негатив к пришедшему в дом гостю, призывает особый этикет и гостеприимство, почтительное отношение.

6. Ҡот (кут) – душа, эмбрион, жизненная сила, благополучие, красота. Кут завоёвывают, удерживают, его оберегают и почитают как самый жизнетворный дар Тэнгри. «Ҡотло кеше» (благополучный, благородный человек) – один из самых достойных, его отличает служение чести, благу общества, от

него исходит нур (свет), его деяния обозначены самим Тенгри – “Тәңре ҡанат ҡуйган кеше”. По тенгрианской логике, если человек справедливый, досточтимый, то отсюда и исходят его удачливость, победоносность, которые обеспечивают ему особый статус.

7. В отличие от исламского учения, когда высший суд застаёт инсана на том свете «ахират», в тенгрианстве «око Тэнгри» видит поступки и судит «здесь» и «сейчас». Отсюда отсутствие свободы выбора между добром и злом, минимализация возможных душевных волеизлияний и волевое, ясное поведение тенгрианца по закону Высшего божества. В борьбе –«курэш» нельзя партнеру ставить подножку - «Тэнгри покарает», в танце нельзя поднимать ногу выше пояса - это равноценно” пинать на Тэнгри”. Предательство и измена своей клятве равноценно смерти.

8. Одно из самых сильных духовно-нравственных норм тюрков - намыс. Кровно-родственный закон Намыс (греч. Nomos) в первую очередь обуславливает верность и преданность роду и родовым законам жизни. С нарушения отцовского слова и «из ряда вон выходящего проступка» (ғибрәт) Шульгана начинается эпос башкир «Урал-батыр». Башкирское “ғибрәт” тождественен древне-греческому драматическому термину hybris-проступок, оскверняющий кровно-родственный закон Номос-Намыҫ” (Галлямов 2007: 9). Согласно древнетюркским мифологическим преданиям, «вода ушла при потомке Памира по имени Аз (Мудрый)» (Сулейманов 2013:103), а младшего сына его звали «Ар» («честь», «мужество», «достоинство», «благородство» (Там же, 122). Полное имя его Ар-үя (соответствует учению о чести в родовом гнезде (уя, оя). Согласно этому учению, у человека не должно возникать и мысли о посягательстве на чужую собственность, “должно присутствовать чувство чести и совести (оят), воспитанное с детства” (Там же,123). С тех времен повелось распоряжаться властью и богатством только благородным личностям, которые руководствовались честью, совестью, достоинством и верностью слову. “Такое общество людей чести и совести стало называться “Ар каум” (Там же, 123). Слово каум- “ҡәүем” у башкир, как и во всех тюркских языках, вбирает понятия “народ, род, дом, сообщество, семья, племя”. Нэсел и намыс связываются в осознании их единства и неразделимости “Илен белмәгән белекһеҙ, нәҫелен белмәгән - намыҫһыҙ” (БХИ 2006: 182). Нормы учения Намыс отобразились в пословицах башкир, в кото-

рых понятие “стыд” (оят) как ответственность за родовое благо трансформируется в понятие нравственное –“Ояты барҙың намыҫы бар” (БХИ 2006: 318), «НамыҫҺыҙ –оялмаҫ,оятҺыҙ-намыҫланмаҫ» (Там же, 319). В народных изречениях задаются высокие нравственные критерии, когда общественная, родовая ответственность выше личной безопасности, самой жизни и материального благополучия. «Ир намыҫ тип үлә» (“Мужчина умирает за честь”). Казахский аналог - «Өлімнен үят күшті» (Сулейманов 2013: 124). В башкирской легенде «Ете ҡыҙ” («Семь девушек») повествуется о семи девушках, которые утопили себя в озере, чтобы не попасть в руки врагов. Сюжет этот не столько о трагической судьбе красавиц, сколько о цене Чести-Намыс, равной жизни. В песне легенды содержатся мотивы оправдывания их самоубийства - самого страшного греха, ибо он совершен в защиту чести: “Намыҫ һаҡлап күлгә батҡан , Ғәйеп итер ере юҡ”. («Во имя чести утонули в озере, Нет вины же на них»).

Издревле сформировавшееся сознание взаимозаменяемости смерти и чести закаляло несокрушимую волю степняка к победе, бесстрашие, принцип коллективизма «один за всех, все за одного». Если кто-нибудь один нарушал законы, межродовые договоренности о неприкосновенности собственности, то весь род платил угоном скота (наказанием рода и т.д.) При возвращении угнанного скота действовали особые нормы, регламентирующие отношения: если (мал) стадо успело пересечь реку, то хозяева не имели права далее преследовать угонщиков. Родовые распределения скотины – мал между казахами и башкирами, отразившиеся в барымта и карымта – это суть практики утверждения законов чести.

Фрагментарный анализ основных идеологических компонентов обнаруживает высокую самоценность и достоинства тенгрианского учения, еще в полной комплексности нераскрытого по сути. Двоеверие, свойственное духовной культуре тюрков, отражает органичное слияние тенгрианства и ислама, что наблюдается уже столетия и обретает вполне демократичные формы соответствия потребностям верующих в единого и одного Бога. Великое учение обеспечивало волевую крепость, сплоченность масс и силу государства по причине того, что править имели право честные, достойные, не позволяющие присваивать чужое добро и осквернять ложью подаренный Тэнгрием жизнь. На этом учении веками основывались сохранность, неприкосновенность земель

обетования и необычайное могущество, стойкость духовно-нравственных приоритетов коренных народов.

Эти могучие учения не противоречат друг другу, а в XXI веке, в эпоху глобализации, воссоздают своего рода прочный инструмент чести, истинной свободы совести, духа личности, истоками восходящий к многовековому духовному опыту Жизни и процветания степной цивилизации. В период духовного кризиса, когда слово честь – Намыс профанируется и человечество теряет человеческий облик, ценности древних учений могут быть использованы как наиболее объективные инструменты воспроизводства лучших духовно-нравственных качеств.

Философия тюркского духа и права, многогранно отображенная в тенгрианстве, при разумном прочтении его ценностей располагает огромным познавательным, воспитательным потенциалом в современности.

ЛИТЕРАТУРА

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу.- Харьков. 1956.

Султангареева Р.А. К вопросу о тенгрианстве башкир. Ватандаш // 2006. №2. С.123-138.

Юсупов Р.М. Антропологическая характеристика современных башкир. Уфа, 2008. С. 297-330.

Салмин А.К.Система религии чувашей. -Санкт-Петербург, 2007.

Хисамитдинова Ф.Г.Башҡорт мифологияһы һүҙлеге.-Өфө, 2015,412 б

Латыпов Ф.Р. Исследование этрусского и минойского языков на основе эволюционной пратюркской гипотезы комбинаторно-частотных методов. Уфа, Китап,1999.

История Башкортостана в 7т.- Уфа, 2004.

Башҡорт халыҡ ижады .Мәкәлдәр һәм әйтемдәр.Х том.Төҙ.,башһүҙ һәм коммент. Авт.Ф.Ә.Нәҙершина.-Өфө,Китап.2006.543б

Нефедов Ф.Д.Ушкуль // Башкирия в русской литературе .2 том –Уфа, Башкнигоиздат.1991, с. 128-183

Аюпов Н.Г.Тенгрианство // Эпическое наследие и духовная культура народов Евразии:истоки и современность.Тезисы докладов 1-Международной научно-практической конференции.(20-21 июня 2007). - Якутск, 2007, с. 27-30.

Галлямов С.А. «Урал-батыр» и шумерский эпос о Гильгамеше // Башкирский фольклор IVв.Под ред А.М.Сулейманова,Г.Р.Хусаиновой. –Уфа, Гилем, 2000.122-153с

Аджиев М.Полынь половецкого поля. - М., 1994.

Аюпов Н.Г.Тенгрианство //Эпическое наследие и духовная культура народов Евразии:истоки и современность.Тезисы докладов 1Международной научно-практической конференции.(20-21 июня 2007).-Якутск, 2007, с. 27-30.

Иҙүкәй менән Мораҙым .Текст әҙерл.,коммент. авт. Н.Т.Зарипов.-Өфө,1994,349

б.
Сулейманов М.-Х. Майкы-бий, учение «Жасау-isi» и истоки чингизизма.- Алматы, 2013, 279 с.

В ЭТНОМЕНТАЛЬНОЙ ПАМЯТИ КАЗАХОВ

Билялова Гульмира Николаевна *
Гереева Анель, Туррргазин Амантай **

ABSTRACT:
In the article are illuminated the idea of *Ұлы Дала елі* «The Great Steppe nation» President of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbayev, ethnicmental memory of Kazakhs, based on archetypes «Great steppe», «Steppe Knowledge», «Schanyrak», «Tengir», «Kut» and others.

KEY WORDS**:** ethnicmental memory, cultural archetype, The Great Steppe nation, «Great steppe», Steppe Knowledge.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев назвал народное имя нашей Родины – Республики Казахстан - «Ұлы дала елі». На церемонии празднования 550-летия казахского ханства Лидер нации отметил: «В XXI веке вновь преображается и процветает необъятное пространство степной Евразии. Мы зажгли новый маяк в нашей истории, поэтому сегодня и навсегда наш Казахстан это «Ұлы дала елі». Это страна великой преображенной степи, колыбель и дом всей многоэтнической нации родины. Именно такое народное имя нашей отчизны, отражает настоящее, прошлое и будущее нашей родины...

Нашу священную землю издревле называли «Великой степью», а нас – «детьми великой степи». Ее воспевали акыны, преобразуя народную любовь к любимым местам, чарующими мелодиями домбры, кобыза и жетыгена. Мы строим новый Казахстан с невероятно новыми возможностями и перспективами, которых никогда не было в истории наших предков» [Назарбаев 2015:1]. Глава государства показал, что в этом названии закреплен казахстанский характер и его основные черты: открытость, широта душ, гостеприимство и миролюбие, мудрость, рассудительность, трудолюбие и предприимчивость народа.

Этноментальная память является одной из глубинных основ этнического самосознания и памяти казахского этноса,

* Доктор философских наук, Казахская академия спорта и туризма
** Магистранты 2 курса Казахской академии спорта и туризма

основанного на архетипах. Сущность и бытие этнической ментальной культуры состоит в иерархии духовных ценностей, которые определяют концепции этнического миропонимания. Культурфилософ-ский анализ этнической памяти казахов включает раскрытие их архетипики и осмысления значимости этноментальной памяти как механизма постижения и создания культуры, поскольку в каждую историческую эпоху в ней отражались представления о мире и человеке.

Основные универсалии традиционного мировоззрения казахов как понятия пути, пространства и времени, сакрального центра, представление о месте человека в природе, обществе, характеризующиеся целостностью, вселенным единством человека и мира - это есть миропонимание и мировосприятие не конкретной индивидуальности, а коллектива - рода, племени, народа, но у каждого человека есть этнически субъективно-объективное понимание и воплощение ценностей этнической культуры.

Мир традиционной культуры казахов многолик и самые важные коллективные архетипы «Кен Дала (Широкая Степь)», «Жол (Путь)», «Жер-ана (Мать-Земля)», «Тәңір (Тенгри)», «Күт (Счастье и удача)», «Тайпа», «Род и племя», «ШаныраҚ (символ Дома)», «Ас (символ памяти о предках)», «Наурыз» и другие являются основными в мировоззрении казахского этноса. Культурфилософский анализ этих архетипов позволит понять и осмыслить: «Почему они затрагивают душу казахов? Почему они являются вечными архетипами казахского этнического сознания?».

«Степь» в архетипическом сознании казахов - «Кен дала», буквальный перевод обозначает «Широкий простор, широкая долина», а смысловой перевод «Великая Степь, Вечная Степь». В этой герменевтической интерпретации представляется огромное пространство, безмерные и широкие без границ дали, свободное мышление казахов, могучие силы природы и человека в ней, а также колоссальные тайны, которые познает Человек.

Профессор Б. Кокумбаева размышляет о том, что: «Степь (иситеп - от древнетюрк. істеп - делать дело, осваивать) - международный архаизм, характеризующий безбрежные пространства Евразии. Эквивалентом определению «Степь» является аутентичная дефиниция «Сары Арка». Сары - желтый, образное название Солнца, которое для всех древних народов являлось глубоко почитаемым божеством. Этот исходный

метаязык, сохранившийся во многих топонимах Великой Степи, экстраполирован культурой Цивилизации в слово «шар» (солнце, круг), геометрической символике космического явления. Таким образом, сары сохраняет свое универсальный характер и глубинный/ круговой смысл… Теоантропокосмическое бытие. Арка - буквально: спина. У казахов есть удивительное по смыслу и значению выражение «арка суйеу», «аркасы бар», оно означает «иметь поддержку, опору», которая живет в человеке всегда и не приходится сомневаться ни в мощи, ни в вечности этой опоры». Словосочетание Сары Арка, таким образом, сохраняет свою исходную духовную первооснову…» [Кокумбаева 2005: 133-134].

Как и во всех традиционных социумах, кочевник себя полностью отождествляет с «родовой» территорией как естественно-органическим продолжением своего природного бытия, мотивируя это унаследованностью ее от общих для всех родственников-общинников предков. «Қіндік қан *тамған жер»* (примерный смысл этой фразы: земля, впитавшая капли крови из пуповины моей, моих предков, моих соплеменников). Этническая и родовая территория представляется как «*Ата қоныс» или «Атамекен» (* земля предков) и являлась как этническо-родовое пространство. Кочевая, полукочевая и оседлая этноэкосистемы создавали этнотехнологии того времни для жизни, включая и культурные традиции.

Казахский этнос сакрализировал природные объекты, которые находились в родовой ойкумене, включая горные и водные массивы, культовые здания, курганы, беиты, сакрально веря в то, что духи предков - аруахтар и покровителей, зверей (қасқыр – волк) охраняют родовые земли. Этническая и родовая территория как родная земля были очень дороги для казахского этноса, как и в современное время родная земля есть самое главное богатство.

Этнокультурные архетипы казахов, отмечает известный казахстанский ученый, определяют систему мифологических символов – «Байтерек», орнамента, слов («Бата»), древних текстов, героев, имен, праздников, подарков, этнических символов, в том числе и цветовой гаммы, которые представляются как образы «сокровенного и неэксплицируемого смысла, уводящего в бессознательные глубины общественной психологии» [Мукашев 2006: 194].

Мировое дерево – это универсальный аксиологический культурный архетип, показывающий модель мира в бинарных

позициях, являющийся в традиционных этнических культурах символом мироздания в мифах и космогонии. Как мировая ось дерево соединяет Землю и Небо, образовывая мировое пространство, символизируя гармонию бытия, генеалогическое древо В казахской этнической культуре архетип-символ «Бай терек» представлен как олицетворение в древе жизни коллективного опыта прошлого, как «характерный для мифологического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира… Байтерек символизировал духовную субстанцию жизни народа и основы его сознания, психики. Индивиды при систематическом обращении к Байтерек как бы имели маяк, светящийся внутренним светом сохраненного бессознательного коллективного опыта, и в этом волшебном свете формировались в рамках интересов рода и племени.

Современное воплощение «Бай Терека» и его исторически предшествовавшие виды обнаруживают не только внешнее сходство, но и реальное архетипическое тождество. Человечность выражена в них символически и заключается в интенции формирования единения на уровне родоплеменных общественных отношений и других вытекающих из этого свойств индивида» [Мукашев 2006: 195-196].

Архетипом является Слово в вечности времени в казахской традиционной культуре «Благословении» или «Бата» человеку желали в разные моменты жизни счастья, мудрости, чтобы он был похож на своих предков, перечисляли при этом все их нравственные черты и подвиги, нарекали их именами новорожденных В современное время «Бата» также имеет сакральное значение, так как считается, что слова пожеланий, наставлений помогут человеку достичь целей, дадут жизненные блага. Какова же онтологическая, гносеологическая и аксиологическая основа ценностной культуры казахского этноса?

Казахстанский культуролог А. Кодар отмечает, что Степное Знание - «это, в первую очередь, знание, не оторвавшееся от своих носителей. Во-вторых, передаваемое изустно из поколения в поколение; в-третьих, это знание, неизбежно трансформирующееся в зависимости от своих передатчиков и встречающихся на пути явлений... Таким образом, Степное Знание – это изустное знание насельников Степи, где номадический гнозис переплетен с культурой оседлых народов и потому довольно часто представлен письменными образцами...

Что касается диалектики Степного Знания, в период с архаики и вплоть до XX в. оно функционировало в следующих модусах: 1) сакральное; 2) идеологическое; 3) маргинальное с тяготением к Востоку; 4) маргинальное с тяготением к Западу; 5) интеллектуально-реставрированное.

Суть Степного Знания в том, что оно не позволяет поглощать себя другим культурам, зато само поглощает их. Что касается типов носителей Степного Знания, то они, видимо, градировали в следующем порядке: а) баксы; б) сыншы; в) жырау; г) хаким; д) шайыр» [Кодар 1998: 57-58]. Испокон веков поклонение Матери-Земле - это самый священный долг казаха перед малой и большой Родиной. Земля кормит человека, на земле человек живет и в конце пути человек снова возвращается к земле. Современный человек, несмотря на постиндустриальное общество, так и не оторвался от земли, так как она его колыбель и основа его жизни.

Традиции казахов, обычаи и обряды родов и племен были святы и обязательны для всех и каждого, их постоянное функционирование означало социальный порядок и глубокое уважение к законам предков, ставших со временем кодексом морально-правовых отношений - «адат» как архетип права. Как проявление исполнения воли предков «адат» констатировал родовую память и отличие казахов от других тюркских племен, т. е. идентифицировал их как этнос.

Этническая самоидентификация характеризуется как рациональными, так и иррациональными свойствами, выражая эмоционально-психологическое слияние индивида с этносом, выражая свою особенность, самоценность и социальную значимость. Однако, индивидуальная самоидентификация может отличаться от официального определения национальности человека, и наиболее выражается в национальном сознании и культуре.

Этническая идентичность важна не только в религии, но и в области государственных и языковых отношений, символики, исторических и территориальных представлений, так как определяется как неотъемлемая часть «я» в человеческом и этническом измерении, и осознание, что «я»-«мы»-«этнос» представляет отличие в прежде всего в культурном. Самоидентификация казахов, являясь этнической, существенна для индивида, поскольку отражает основания и ориентиры жизни человека, его семьи в социально-культурном пространстве общества.

Социоисторический опыт различных обществ, формаций, цивилизаций доказывает, что именно этнокультурная самобытность народов наиболее устойчива и обладает фундаментальной и функциональной способностью к самоорганизации и саморазвитию. В современном мире индивид избирательно, осознанно или бессознательно овладевает культурными ценностями этноса в силу собственной идентификации, воспитания, образования, социализации.

Социокультурный феномен в казахском этносе - тайпа как мемориально-культовая общность казахского этноса и как архетип этнородственной организации, как и в основе любого единения, заложена этноисторическая память. «Мемориальный компонент чрезвычайно важен в тайповой структуре. Объясняется это тем, что казахская история сохранялась в основном в устном варианте. Тайпа и составляющие их роды являлись своеобразной картотекой исторических имен, закреплявших во времени и в пространстве события прошлого... Восточное цикличное летоисчисление из двенадцати годов и знание своей принадлежности к тайпа - кто от кого родился и чьим предком является - давало возможность достаточно точно выстроить историческую хронологию и панораму событий. Строгое требование помнить, как минимум семь колен и геральдический знак - тамгу. Единственной возможностью у кочевников не лишиться своей истории. Структура тайпа хранит в себе и глубинные, сакральные чувства нации. Культ предков в некоторых странах является важнейшей составной национальной идеологии, особенно в Восточной Азии. В этом ряду казахи выделяются особенно. Стараясь сохранить в Мусульманском мире свои древние культовые предпочтения, казахи придавали своим предкам черты святых. Казахские тайпа называются по именам легендарных патриархов - дух предков, во всех трудных житейских случаях обращаются к ним, В бой казахи шли, выкрикивая имена своих дедов. Перед тоем или поминальной трапезой, после чтения Корана, упоминаются и их имена» [Кусаинов 1998: 2].

Профессор Н. Шаханова, исследуя мир традиционной культуры казахов, с аксиологических позиций исследовала архетипы казахской ментальности в главных понятиях казахского мировоззрения, таких как «Шаңырақ», «Бақан», «Отау», «Аруақ», «Құт», «Ананың ақ сүті» и многих другие, проникновенно и глубинно показывая трепетное отношение и переживание в душе казахов этих этнических ценностей.

Поклонение отцу и матери отражалось в особом сакральном почитании отчего дома - *қара шаңырақ в смысле ««қара»* в значении «большой», «старший»... После смерти отца он переходил к младшему сыну (кенже) и почитался как отцовский дом (*қара шаныраҚ*) всеми другими родственниками независимо от их возраста по отношению к наследнику. Во время ежегодного зимнего убоя животных на мясо (со*ғым)* в честь «*қара шаныраҚ»* все близкие родственники приносили как бы его «долю» (сыбага). Когда остов юрты приходил в негодность, можно было менять практически любую деталь, за исключением *шаныраҚа:* он передавался из поколения в поколение. В казахском языке много фразеологизмов, связанных с *шаныраҚ*:

Шаңырағың биік болсын! - «пусть будет высоко поднят шанырак твоей юрты!» - благопожелание по поводу установки новой юрты, образования новой семьи;

Шаңырақ көтерді - «воздвиг, установил шанырак», т. е. стал самостоятельным хозяином, образовал семью;

Шаңырағы ортасына түсті - «шанырак, упал на середину юрты» в значении «разру-шение дома, семьи», «уход благополучия», «несчастье»;

Құлаған шаңырағын қайта көтерды - «снова поднял упавший шанырак» в значении «снова женился, восстановил семью, хозяйство» [Шаханова 1998: 24].

Архетипическими и символическими в казахской культуре являются числовые значения, о которых еще Пифагор во времена античности мыслил как о сущностях бытия, хотя это и был идеалистический взгляд на мир, осмысление и принятие этого тезиса, возможно, с точки зрения рациональности мировоззрения. Все бытие и жизнь человека и природу у тюркских этносов можно воспринять через числовые архетипы.

Этнокультурные казахские архетипы отражаются в синтезе этноментальных аксиологических архепитов числовых символов:

а) число «7» отражает семь этнических ценностей казахов в «*Жеті қазына* (семь богатств)»: 1) «*ер жіг*іт (удалой жигит); 2) *сұлу әйел* (красивая женщина); 3) ілім-бі*л*ім (знание); 4) *жүйрік ат* (конь-скакун); 5) *жүйрік тазы* (гончая собака - *тазы);* 6) *қыран бүркіт* (ловчая птица - беркут); 7) *берен мылтық* (меткое ружье)»;

б) число «3» отражается в архетипе «три»:

1) «*Үш қуат* (три энергии) – ақ*ыл* (разум); *жүрек* (сердце); *тіл* (язык). *Үш алып* (три дали): *жер мен көк* (земля и небо);

кәрілік пен жастық (старость и юность); *жақсы мен жаман* (хорошо и плохо)» [Д. Кшибеков 2006: 98]. Таким образом, этнокультурная память казахского этноса, сохраняя этнические моральные архетипы, являетя этноментальной памяти.

Профессор М.Ш. Хасанов в «Космосе казахской культуры» анализирует все числовые значения, начиная от 1 до 100 и доказывает, что каждое число имеет экзистенциальное значение для современного казахского сознания.Например, «шестьдесят лет - возраст мудрости, возраст пайгамбара (святого), возраст Мухаммеда. Эти восприятия вошли в жизнь казахов с принятием мусульманства, но мусульманская традиция наложилась на существовавшие архаичные представления казахов...» [Хасанов 1993: 67].

Архетип «Жол (Путь)» является древним символом тюркской культуры и экзистенциально соотвествует понятию «Ақжол (Светлый Путь)» как «Путь непрерывности развития этноса, жизни и культуры. Одним из механизмов сохранения тюркской культуры и предотвращения культурных кризисов является этническая память. Сложенная тысячелетиями духовность, традиции, религиозные верования и мировоззренческие установки имели, как отмечает доктор философских наук, профессор М. Орынбеков, в казахской цивилизации имеют этноконсолидирующую роль в порядке, роль фундамента, так как духовно-культурный уровень любого общества [Орынбеков 2001].

Казахский *ас как архетип памяти проводится в память обушедших*, представляя собой индивидуально-коллективный **ритуал** этноса, показывая истинную силу общеэтнических вечных ценностей, когда останавливается время, все земное и бренное уходит в небытие и только светлый образ ушедшего человека объединяет всех пристуствующих. В этом смысле ас как коллективный сакральный ритуал является воплощением гуманизма этноса и символ морального состояния социума. Философско-экзистенциальный смысл этого ритуала заключается в единстве этнического духа и традиций межпоколенной взаимосвязи в пространственно-временном измерении.

Важным элементом традиционной и ментальной культуры жизнеобеспечения являются народные знания, то их функции - познавательная, защитная, стимулирующая, программирующая, в значительной мере и регулятивная, - т.е. жизнеобеспечивающие функции в хозяйственно-куль-турной деятельности номадов, были чрезвычайно велики. Это выражалось в моделировании

космоса в магических ритуальных целях, наблюдении и фиксировать в памяти явления природы, передавать знания потомкам, выделять циклы практической деятельности. К числу наиболее важных компонентов традиционной культуры жизнеобеспечения казахов относится одежда, отличающаяся насыщенностью семантически значимыми знаками-символами и архетипами.

Устное творчество, которое представляет собой механизм воспроизводства этнической памяти, будучи вербальным текстом традиции, представляет собой наиболее универсальный и эффективный вербальный способ аккумуляции и трансмиссии межпоколенной информации, где эстетически в весьма выразительной, этически насыщенной форме получают обоснование священность и чтимость выработанных многими поколениями принципов и норм отношений людей друг к другу, внешнему миру, природе и т.д. Каждый жанр устного народного творчества будь то эпос, сказка, миф, легенда и т.д., по-своему моделирует уклад жизни Великих предков как идеальное социальное устройство, в котором верховенствуют богоугодные, а потому наиболее целесообразные жизненные принципы и нормы человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

Назарбаев Н. Сегодня и навсегда наш Казахстан - «Ұлы дала елі»//http://www.zakon.kz/4741787-nazarbaev-segodnja-i-navsegda-nash.html

Кокумбаева Б.Д. Онтология культуры.– Павлодар: ПГПИ,2005.– 268 с.

Мукашев З.А. Архетипы человечности в казахских мифах и фольклоре // Адам бол! Что это значит? – Алматы, 2006. – С. 193-210.

Ауезхан Кодар. Мировоззрение кочевников в свете Степного Знания // Культурные контексты Казахстана: история и современность. Материалы международного семинара, посвященного 100-летию М.О. Ауэзова / Составитель А. Кодар, 3. Кодар. - Алматы: Ниса, 1998. - С. 57-58.

Кусаинов Ш. Философия истории или о западных стандартах и восточном менталитете // Казахстанская, правда, 16 мая, 1998.

Шаханова Н.Ж. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). – Алматы: Казахстан, 1998. – 184 с. Ъ

Кшибеков Д. Истоки ментальности казахов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 204 с.

Хасанов М.Ш., Каракузова Ж.К. Космос казахской культуры. - Алматы, 1993. - 78 с.

Орынбеков М.С. Духовные основы консолидации казахов. – Алматы: Аркаим, 2001. – 252 с.

ВОЕННОЕ ДЕЛО ТЮРКСКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Если персы преуспели в деле управления государством, греки в науке, китайцы в ремесле, то тюрки в военном деле. аль- Джахиз.

Тунтеев Назарбек Сатарович*

The military business of the Turkic peoples

ABSTRACT:
The article gives an overview of the military history of the Turkic peoples, the analysis of military-political situation on the Eurasian continent where there were powerful empires created by geniuses Turkic peoples. According to the history of Turks, in order to revive their identity are given the embodiment of proposals that could contribute to closer integration or federalization and spiritual revival of Turkic-speaking states.

KEY WORDS: nation, empire, nomad, orda, yurt packs, warrior culture, unity and integration.

Среди народов мира насчитывается 45 тюркскоязычных народов. На наш взгляд эти народы точнее назвать гунноязычными. К сожалению за завесой истории мы не знаем самоназвания народа империи который в VI-II в. создал огромную империю от Тихого океана до Дун.Род Шанью Моде назывался Коён- заяц но не волк. Волк появился в V1 веке на Алтае.

Не рассматривая их политическую историю в рамках тезиса попытаемся кратко осветить военное дело кочевников Евразии которые в средние века стали называться общим термином тюркоязычные. Хотя на сегодня прямыми потомками Бумыня и Культегина являются алтайцы.

Если посмотреть историю степной полосы Евразии то каждые 600-800 лет происходил демографический взрыв. Кочевники объединяясь в огромные орды потрясали Китай и Европу.

После каждого похода они оседали в наиболее благоприятном для кочевого скотоводства в регионах Евразии: Туркестан, Венгрия и т.д.

В древности и в средневековье у кочевников была отработана стратегия и тактика, вооружение, боевая подготовка, управления войсками, тылы.

* Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин университета «Туран-Астана»

1. Стратегия исходила из тех задач, которые диктовались международным положением и нужд экономики. Это нужда в продукции оседлой культуры, мирные и не мирные взаимосвязи между соседями и география.

2. Тактика исходила из собственных возможностей и состояния противника. Боевое искусство и прекрасное адекватное мышление, направленное на сокрушение противника были основой высокого уровня военного дела. Когда малым количеством тюрки громили во много раз превосходящие силы (война шаньюя Моде против многочисленного ханьского войска, сражение Супатая, Жебе, Байджу, Байдара и др. в Евразийских походах против Китая и Европейских рыцарей и др. Только монгольский полководец тувинец Супатай от Хуанхэ до Адриатики выиграл 65 крупных сражений. Ни до ни после него ни один полководец мира не может похвастаться столь многочисленными победами в крупных судьбоносных победах

Благодаря своему уму и отработанной тактике монгольские полководцы сокрушилив 1242 году около Лигницы в Польше и Эрзруме в Турции во много раз превосходящие силы. Султан Египта кыпчак Бейбарс и Калаун окончательно изгнали крестоносцев с Ближнего Востока. Тюрки спасли арабов от Европейского порабощения. Железный хромец- Темирбек спас Русь от Золотой Орды и Европу от Османов. Тюрки волею судьбы оказавшись в среде других народов благодаря своим личным качествам быстро выдвигались в государи и полководцы.

3. Оружие Кочевников делилось на два вида: ближнего боя- сабли, копья, топоры, булава, аркан и дистанционного- луки, баллисты. Это результат производства железа которым они овладели в совершенстве. Слово «болот-сталь» тюркского происхожления.

“Перед решительным наступлением противника гуннские войны расступаются подобно стае птиц, для того чтобы собраться и снова вступить в бой. Отогнать их легко, разбить трудно, уничтожить невозможно” – стонали китайские полководцы.

4. Транспорт. Войско было конным. Конь это верный друг кочевника. Это транспорт, пища, сырье для производства необходимых вещей, говоря современным языком это был банк, так как лошади всегда были в цене у всех народов.. Конь крылья жигита Бог создал коня для кочевника. Войска кочевников в один или двуконь за один день могли пройти до 300 км. в день. В 1242г. Авангард Супатая в Венгрии за один день прошел 260

км. В 1910 г. в Кыргызстане решили испытать иноходцев отобрали свыше 10 жорго и рано утром дали старт в Токмоке к концу дня по горам и перевалам они финишировали в Атбаши. За световой день они прошли 300 км. со средней скоростью 30 км.в час. Сегодня в начале 21 в.в Чолпонате Кыргызстане есть чёрный иноходец по кличке «Патрон» который выиграл 20 джипов в качестве приза на всех Центральноазиатских бегах и нет ему равных. Работники конезавода говорят “Патроша нас всех кормит” Конь и кочевник это отдельная и большая тема.

Обоз и в случае обороны это 2- и 4 колесные повозки. Вьюк. жилище юрта - самое совершенное и красивое жилище для кочевника Где зимой тепло а летом прохладно. Пока ничего лучшего как передвижное и быстровозводимое жилище человечество не не придумало.

5. Учение. В мирное время осенью и зимой проводились облавные охоты- салбурун, это была проверка слаженности и взаимодействия большого количества всадников а так же заготовка мясо дичи на зиму(это хорошо показано в фильме Толомуша Океева «Потомок белого барса»).

6. Одежда. Нательное бельё из шёлка которое играло роль бронежилета. Стрела при попадании война входила в тело вместе с бельём при вытаскивании стрелы вытаскивали вместе с шёлком. Верхняя одежда простроченный шерстяной чапан, кольчуга, латы, шлём. Руку закрывало перчатка обтянутая снаружи железными пластинками – колчаком. Отсюда фамилия русского адмирала Колчака. Кол- это рука. Каждый кочевник это готовый воин который сменял в руке плетку-стимулятор на кылыч и копье.

7. Командный язык. Тюркский командный язык краток и точен: тур- встать, жат- лечь, жугур- беги, чык- выйти, ур- бей- русское «ура»

8. Религия. Народы у которых есть внутреннее «МЫ!» сумели сохранить свою религию и даже навязать его другим . Тюркоязычные народы забыли своего божественного небесного покровителя Кок-Тенира и поклоняются совершенно чужому далекому от тюрков арабскому Аллаху или Христу или Будде. Только когда им тяжело они вспоминают своих арбаков и Тенира и Умай-эне со словами «Помоги!» в иных случаях они и не вспоминают их. С третьего века до нашей эры до 18 в. н.э, т.е более 2000 лет тюрко язычные государства господствовали на континенте но, затем в результате междоусобиц, потери чувства патриотизма с выродившейся героической психологией, забыв

своего Тенира перейдя в мусульманство, буддизм, христианство принимая психологию других народов ныне находятся в раздробленности и в услужении других народов. Возрождение Тенгрианство было бы мощным фактором объединения и консолидации тюрков восстановления своей идентичности и самосознания.. Нельзя спасти народ который не желает спасти самого себя. Тюрки утеряли пассионарность.

В тему сегодняшней конференции на наш взгляд необходимо чтобы тюрскоязычные (гунноязычные) народы начали проводить целый ряд общетюркских мероприятий с целью возрождения и занятия достойного места в семье народов мира.

1. Воспитать чувство патриотизма национальной гордости, государственного мышления, проводить общетюркские дни. (дни Моде, Барсбека, Чингисхана, Темирбека, Едиге батыра Мустапа Кемаля и других в галерее выдающихся личностей тюркского мира.

2. Проводить общетюркские праздники кумыса который проводил султан Бейбарс вдали от родины в далёком Каире. День Тенира, Умай – эне, почтение арбаков, день согума и другие праздники ,фестивали искусств, спортивные игры кочевников которые сейчас уже проводятся в Кыргызстане и в Венгрии , выставка произведений искусства. .

3. Вернуться к приспособленному современному языку тюркскоязычных народов обще- тюркский орхоно-енисейский алфавит. Многие народы большие, малые сквозь тысячелетия истории сохранили свой алфавит(израильтяне, грузины, армяне, индийцы, китайцы, арабы, японцы, корейцы и др.) и тем самым они сохранили собственное «Я».

4. Вернуться к своему Тениру пусть другие народы поклоняются нашему Тениру. Где национальная гордость? Народ который, забыв своего небесного покровителя начинает искать его у других народов, похож на нищего который отирается у порога чужих народов. В этом нет ни чего хорошего. Тюргешский Сулук-каган говорил арабам «Ваша религия это религия сапожников и поваров, у меня же воины которым покровительствует наш Тенир».

5. Создать в столицах тюркскоязычных государствах музеи тюркских народов проводить чтения, конференции, создавать художественные фильмы на тему великих общетюркских военных и государственных деятелей. Здесь непочатый краи работы. Мероприятия надо проводить чаще а не от случая к случаю. Выработать обширный и

всесторонний завизированный Президентами тюркоязычных государств комплексный план. Мероприятия широко разрекламировать и неуклонно проводить его в различных прекрасных в природном отношении местах тюркоязычных государств и столицах и исторических местах.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд Кыргызы Москва 1927г.
Бичурин Н.Я Собрание сведений… М.Л 1950г.
Гумилёв Л.Н Хунну и средняя Азия в древние времена
Его же Древние тюрки М. 1967г.
Малов С.С памятники древнетюркской письменности. М.Л 1951
Карадаван. Чингисхан и его полководцы М.1994
Рахманалиев Р. Тамерлан М.1992

МОНГОЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сампилдондов Чулуун*

ABSTRACT:
In this paper there are some observations of archeological science in Mongolia. As well as the contribution of archeological findings to cultural heritage are analysed. Also current state, future of Mongolian archeological science and functions of international expeditions are interpreted.

KEY WORDS: Mongolia, archaeology, Mongolian Academy of Sciences.

Предыдующий период:

Условия проведения современных научных исследований в Монголии, в том числе в области древней истории и археологии сложились в начале XX века, когда по решению Народного Правительства, в 1921 году был основан Ученый комитет, положивший начало Монголькой Академии наук.

В 1924г., в структуре Ученого Комитета был создан Кабинет истории, на которого была возложена задача создать источниковую базу молодой науки и распространить научные знания среди масс. В целях выполнения своей задачи, Кабинет в первую очередь стремился установить связи со знатоками и хранителями монгольской истории и культуры, на руках которых находились уникальные исторические памятники и сочинения. Именно благодаря этим контактам и совместным усилиям

* Директор Института истории и археологии Академий наук Монголии, доктор (PhD), профессор

была начата работа по учёту и регистрации исторических и культурных памятников на местах.

Исследования древности Монголии с самого начала велись в тесном контакте с зарубежными странами и были достаточно открытыми для заинтересующих. В этом отношении, Ученый комитет МНР, поощряя сотрудничество с иностранными исследователями и научными организациями, достигал определенных результатов. Так, в 1920-ые годы, с Монгольской научной организацией сотрудничали российско-советские ученые В.И.Лисовский, В.А.Казакевич, Г.И.Боровка, С.А.Кондратьев, П.К.Козлов, С.А.Теплоухов, А.Д.Симуков, Б.Я.Владимирцов, Б.Барадин, Л.А.Амстердамская, Б.Б.Бамбаев, С.И.Руденко, Д.Д.Букинич и другие.

В 1925 году, под руководством Р.Ч.Эндрюса, в Монголии работала экспедиция американского музея Природы, которая провела первые палеонтолого-археологические исследованияв южном регионе страны.*1

По решению Президиума Малого Хурала МНР от 20 декабря 1930 г., Ученый комитет, был реорганизован и переименован в Комитет наук. По мере расширения масштаба деятельности Комитета наук, в 1936 г., в научном журнале была опубликована статья Ж.Цэвээн /Ц.Жамцарано-С.Ч/ "К вопросу об исследовании древности Монголии", что явилось первым трудом монгольского ученого в области отечественной археологии.

После второй мировой войны, в 1947 г., был подписан Договор о сотрудничестве между Комитетом наук МНР и Академией наук СССР. В этот период, монгольские ученые принялись за работой подготовки написания однотомной "Истории МНР", в связи с чем, совместно с советскими учеными и исследователями проводили широкомасштабные исследованияв центральной, восточной и южной частях Монголии с целью дополнения истории своей страны новыми археологическими материалами и фактами.

В это же время, в монгольскую науку пришел Х.Пэрлээ (1911-1982), вставший у начала отечественной археологии. Он, первым из монгольских ученых, стал заниматься исследованиями исторического и культурного наследия, хранящегося в недрах своейродины с точки зрения специальной науки-археологии. В 1942 г., в сомоне Авдарбаян Центрального аймака им было проведено археологическое обследование

* 1 Монгол улсын шинжлэх ухаан //Археологи. №32. Редактор Д.Цэвээндорж, У.Эрдэнэбат. Улаанбаатар, 2007.Тал 8.

с раскопкой древних могил в местности р.Хүйтэн[*2]. Так начались его самостоятельные экспедиции, по результатам которых были написаны многочисленные научные статьи, а в начале 1950-ых гг., была произведена первая Регистрация археологических памятников на территории Монголии, что составило важнейший справочный материал для дальнейшего исследования.

С1950-ых гг., начинается новый этап в развитии отечественной археологии. Монгольские археологи, подготовленные в вузах Москвы и Ленинграда, приступая к целенаправленному изучениюродной истории, организовывали не только собственно национальные, но и также совместные с учеными СССР, ГДР, Венгрии и Чехословакии экспедиции.

В 1957 г.,в монгольской науке произошло организационное изменение: в результате обьединения Комитета наук с Монгольским государственным университетом, была создана новая организация "Комитет науки и высшего образования", в составе которого функционировала "Научная организация по изучению истории и экономики". Именно ей принадлежали право и обязанности заниматься изучением древней истории Монголии. Достижением данного периода был выход специальных научных изданий по монголоведению, истории и языкознанию, одним из которых стал журнал "Studia Archaeologica", чей первый номер вышел в 1960 году.

1961 год ознаменовал собой создание Академии наук МНР. Среди ее первых 5 институтов находился Институт истории с самостоятельными структурными единицами, в том числе –Отдел археологии и этнографии. В научной деятельности Отдела большое место отводилось археологическому изучению страны. В этом деле неоценимую роль сыграла Монголо-Советская историко-культурная экспедиция, начавшая свою деятельность с 1969 года. В рамках совместной экспедиции, под руководством известных археологов и историков - академика А.П. Окладникова (1908-1981), А.П. Деревянко, Ш. Нацагдоржа (1918-2001) и Д.Доржа(1936-1991) работали крупные отряды[**3], проводившие широкомасштабное исследование, по всей территории Монголии. Поиски и исследования эти несомненно сыграли важную роль во выявлении и изучении памятников

* 2 Пэрлээ Х.Эртний монголчуудын үхэгсдээ оршуулж байсан зан үйлийн асуудалд // ШУХХ.- Б.,1956.тал 1-9.

** 3 Дорж Д.Монгол-Зөвлөлтийн түүх соёлын хамтарсан экспедици, үр дүн зорилт // ШУАМ. №3. УБ.,1984.тал 89-96, Окладников А.П. Монголынардтүмнийэртнийтүүхий нзамналаас // ШУАМ. №6. УБ.,1981. тал 9-14, Деревянко А.П. Монгол-Зөвлөлтийнтүү хсоёлынхамтарсанэкспедици, хэтийнтөлөв // ШУАМ. №6. УБ., 1987.тал 31-33.

древней и средневековой истории, археологи и этнографии нашей страны*4.

В 1978 г., Отдел археологии и этнографии Института истории АНМНР был разделенна 2 самостоятельные единицы-Сектор археологии и Сектор этнографии. В дальнейшем, по мере расширения рамок исследований, в 1998 г., Сектор археологии был переименован в Центр археологических исследований при Институте истории,а 2002 г.,реорганизован в отдельный Институт археологии Монгольской академии наук/МАН-С.Ч/. Однако, в 2015 г., в связи с реформой в научной области Монголии и некоторыми экономическими затруднениями страны, Институт археологии вновь был обьединен с Институтом Истории, и ныне функционирует как Институт Истории и археологии МАН.

Современный период

За 80 летний период археологическими исследованиями в Монголии, занимались лишь академические институты, и только с начала 2000-ого года, к самостоятельным исследованиям приступают преподаватели вузов и научные работники музеев, что было связано во-первых, с увеличением числа учебных заведений, выпускающих специалистов по данному профилю, и во-вторых,расширением рамок исследований.

Сегодня, общенациональные и международные проекты по археологии осуществляют 1 музей, 4 университета и 1 международный Институт.

В отечественной археологии успешно трудится около 30 ученых, которые в одном году организуют примерно 30 с лишним национальных и совместных международных экспедиций, по результатам которых, в среднем обнаруживают и изучают более 500 новых находок. За последние 20 лет, монгольской стороной самостоятельно и совместно с зарубежными странами было снаряжено больше чем полтаро ста /150/ экспедиций.

Благодаря сотрудничеству с научными институтами и вузами высокоразвитых зарубежных государств, нами достигнуты значительные успехи в подготовке квалифицированных специалистов-археологов. Так, в последние годы, в институтах Сибирского Отделения РАН, в Боннском университете Германии, Сеульском университете Республики Корея, в университете Нигата Японии, в университете Мачарата Италии, в университете Бургундии Франции, в Тайванском университете Тайбэй были подготовлены 10 докторов. Ныне,

* 4 Эрдэнэбат У. Археологийн үндэс, судалгааны арга зүй.УБ.,2012.тал 154.

в аспирантуре и докторантуре при университетов Ийел США, Боннском Германии, в Госуниверситетах г. Ухань и Внутренней Монголии КНР учаться еще несколько человек.

За минувший 20-летний период было сделано немало новых открытий, внесших значительный вклад не только в исследование древней истории Монголии, но также мировую археологическую науку. Итак.,

- Установление времени поселения древнего человека монгольской территории ***800 тыс.*** летием передвинуло вперед итоги предыдующих исследований на 300 тыс. летие,
- Обнаружение впервые на территории Монголии останков человека протоисторического периода, в мировой науке получило название “Монголантропус”;
- Были выявлены и объявлены научной общестности новые памятники и культуры эпохы бронзы, такие как “Хэмцэг”, “Цэнгэл”, “Сагсай”, “Квадратные могилы” и тд;
- Нахождение из Западной Монголии памятников, так.наз. ”Мумий мерзлоты” признано одним из 10-ти лучших научных открытий 2006 года;
- Количество погребальных комплексов и памятников гуннского периода на территории Монголии дошло 150. Были открыты уникальные памятники из погребальных комплексов гуннских аристократов ряда местностей, в частности Ноин-Ула, “Гол мод” и “Дуурлиг нарс”. Благодаря этим исследованиям, получены новые доказательства о том, что гунны были предками монголов;
- Новые находки, относящиеся ко времени сяньбийцев, обнаруженные на территории Баян-Ульгийского, Южногобийского и Орхонского аймаков были объявлены важнейшими открытиями для восстановления истории данного региона;
- Раскопки погребения тюркского Билгэ хана дали более 4000 ценных находок, большинство из которых было внесено в список бесценного наследия Монгольского государства;
- Обнаружение и изучение мемориального комплекса, содержащего более 80 печатей и 13 стел с 2500 надписями, посвященные аристократам Каганата восточных тюрок, несомненно обогатили наследие рунической письменности Центральной Азии;
- Музыкальный инструмент кочевников, найденный с Алтая прославил себя как “Алтайский ятга”- 14-ти струнный

инструмент, похожий на арфу;

- Из руин Хархорума обнаружены остатки разнобразных производств и жилых помещений, также буддийского монастыря /“Цогт эх гэрийн сүм”/с уникальными находками;
- Впервые во восточной части страны была открыта могила аристократа Великого Монгольского государства с богатыми принадлежностями;
- Начаты исследования монгольских городов XVII в. В результате раскопок монастыря “Сарьдагийн хийд”/ Сарьдак-хит/, обоснованного Ундур гегеном Занабазарбыли собраны уникальные материалы, относящиеся к названному периоду.

Все эти новые открытия были объявлены через авторитетные международные труды и заняли свое место в мировой археологической науке.

Дальнейшие задачи:

Таким образом, за 90 с лишним летний период, Монгольской археологической наукой были сделаны серьзные открытия, внесшие значительный вклад в исследование не только своей страны и региона, но и мировой истории.

Следовательно, перед нами стоит задача продолжить успехи и обогатить достигнутое.

Для этого, мы считаем первым делом разработать текущий и перспективный планы археологических исследований Монголии, и реализовать их на уровне государственной политики. В свете этих планов, определены задачи каждого из направлений:

<u>В области исследования древности:</u>

Прежде всего, изучение узловых проблем истории древности Монголии, таких как вопрос о происхождении, миграции и расселении протомонголов, о сдвигах и прогрессе в производстве, хозяйствеи культуре, их преемственности в последующие исторические периоды будет опираться на археологические находки /каменные орудия, стоянки и поселения/ и материалы палеоантропологии и палеозоологии. Большое внимание будет уделено проведению эксприментальной работы, обработки и реконструкции материалов по методологии современной археологической науки.

Особую важность для нас представляют исследования <u>,направленные на</u>

- Выявление новых находок каменных орудий, стоянок и

поселений, накладывавших на себе отпечатки заселения древнего человека территории своей страны,

- выяснение вопросов возникновения хозяйства, уровня производства и развития культуры древних людей,
- распознание взаимосвязей перехода основных периодов / палеолита, мезолита, неолита и энеолита/ и изменений окружающей среды,
- проведение работы по поиску Хоминид */lat. Hominidae/* находок, позволяющих выяснить происхождение древних монголов и монголоидов, сотрудничеству с учеными и научными организациями стран, первенствующих в своем научном развитии,
- более точное установление хронологических рамок местонахождений памятников и датировки находок путем использования методов естественных наук.

Кроме этого, пользуясь возможностями совместной деятельности с отечественными и зарубежными учеными, планируем осуществлять детальную работу над материалами палеоантропологии и палеозоологии, обнаруженных в ходе археологических поисков и раскопок. Работа эта включает в себя обследование и измерение останков костей древних людей и животныхс последующим их восстановлением, определение расовой принадлежности, возраста, пола, степени заболеваемости, рода хозяйственной деятельности, питания и погребальных ритуалов хозяйнов этих материалов, составление фотоснимок, рентгенограммы, генетических и томографических зарисовок и создание базы данных.

Необходимо сделать комплексное исследование по изучению археологических памятников Монголии эпохи бронзы и периода раннего железа, и тем самым уточнить археологическими находками хозяйство, общественный строй, искусство и культуру, вероисповедание и религию древних кочевников.

Если в целях выяснения степени культурной идентификации и диссимиляции древних кочевников, нужно провести сравнительное исследование на сопредельной с Монголией территории, то для изучения истории металлургии и искусства древних кочевников надо заниматься музейными коллекциями эпохи бронзы.

<u>В области исследования древней и средневековой</u> археологии:

Во нашем внимании, особое место будет занимать детальное

обследование многих проблем истории первого Монгольского государства- Хунну и последующих за ним древних государств, таких как общественно-политический строй, хозяйство, религия и вероисповедание, материальная и духовная культура.

Важно также углубить исследование малоизученнных или еще невыясненных вопросов древней истории Монголии, выявить особенности цивилизации империи Хунну, обобщить и ввести в научный оборот, имеющиеся материалы и результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, определить узловые проблемы истории, этногенеза и культуры сяньбийцев и жужаней, создавших свои государства после Хунну и сыгравших активную роль в этно-культурном процессе региона, обнаружить и изучать новые памятники, относящиеся к истории и культуре государств Сяньби и Жужаней, Тюрок, Уйгуров, Киданей и монгольских племен

Относительно изучения средневековой истории Монголии, основное внимание будет направлено на сравнительное изучение письменных источников на монгольском, китайском, русском, тюркском, арабском и персидском языках и исследовательских материалов с археологическими данными, и решению спорных вопросов путем выбора и всестороннего изучения определенных исторических периодов, местностей и событий в качестве объекта исследования. Также надо будет работать в том направлении, чтобы укрепить место и позицию монгольских историков в области исторических исследований, сделать их идеи, взгляды и новые подходы по средневековой истории достоянием мировой научной общественности. Исследование истории Монголии периода с VI до XVII вв., должно включать в себя такие основополагающие проблемы как политика, экономика, право, религия, обычаи, культура и внешние сношения. Вопросы эти, мы будем изучать и разработать на основе современной методологии как исторической так и археологической наук.

Если суммировать вышесказанное, то следует отметить, что при изучении узловых проблем истории Монголии и региона, мы придерживая политики сотрудничества с учеными разных стран, открывающей широкие просторы для научных исследований, должны исходить из закономерностей развития самой монгольской науки, и строить свои задачи соответственно программе ее развития.

Помимо научной политики и исследовательских задач, нами запланирован и отчасти реализуется ряд мер организационного

характера, таковых как:

Во-первых, в целях создания надлежащего менеджмента по сохранению, охране и изучению уникальных материалов, собранных в результате многолетних научных исследований, вместе с Правительством страны начата работа создания Монгольского Национального Археологического музея, соответствующего международным стандартам.

Во-вторых,имеется план выпускать специальные серии о новых открытиях отечественных и зарубежных ученых в области Монгольской археологии, и работать над созданием признанного на международном уровне, коллективного труда с названием “Монгольская археология”.

В-третьих, Мы считаем, что Монголия, являясь более открытой страной для международного сотрудничества в области археологических исследований, и имеющая при этом многолетний опыт, должна сохранить настоящую свою политику. Вместе с тем, мы должны также обратить внимание на научную значимость и качество совместных проектов с зарубежными коллегами, на обеспечение их стабильности, и самое главное, - на координацию с политикой Монгольской археологической науки.

В-четвертых, В региональном масштабе, за много тысячилетий, территория Монголии представляла собой важнейшее место как в историческом так и пространственном значении, что подтверждается археологическими данными и материалами. При этом, мы считаем, что материалы эти не должны выразить государственную политику и тенденцию нынешних стран относительно вопросов об этногенезе, а только лишь призваны решать узловые проблемы мировой и региональной истории. Это и есть суть нашей политики в данной научной области.

Во-пятых Наряду с планами усовершенствования информационной базы археологических памятников Монголии, установления контактов с аналогичными базами соседних государств и обмена информацией, у нас есть намерение проявлять инициативу создания региональной базы археологических данных. Мы надеемся, что такая единая база может стать важнейшим предметом изучения политических, экономических отношений между древними племенами и государствами, образа жизни и вопросов о происхождения родов и племен региона.

В-шестых, В условиях, когда не малое количество следов

и археологических памятников, оставленных государствами кочевников на протяжении длительного исторического периода находится за пределами нынешних границ, возникает проблема в их исследования. Вопрос состоит в том, что нужны координированные действия на международном уровне. В первую очередь необходимо обмениваться научной информацией, на следующем этапе, уже приступить к совместным раскопкам с государствами, где находится памятник. Таким образом работа эта будет занимать определенные этапы, что мы планируем реализовать в перспективе.

В- седьмых, Благодаря большому вниманию подготовке высококвалифицированных специалистов в развитых странах за последние годы, мы начали довольствоваться плодами своей работы. Тем не менее, перед нами стоит еще немало задач: нужно сократить совпадение в профилях, тесно увязывать кадровый вопрос с политикой современной археологической науки и проявить должное внимание подготовке специалистов внутри страны.

Во- восьмых, Со времени возникновения и развития, археологическая наука Монголии прилагая все усилия на обнаружение новых материалов и создание новых знаний, достигла значительных успехов. При этом, следует подчеркнуть, что эти новые материалы и знания опирались на относительно крупного размера древние могилы, погребения и поселения, находящиеся в большинстве своем на поверхности земли.

Значительное внимание в дальнейшем будет уделено исследованию стоянок и поселений рядовых граждан, составлявших большинство общества древних кочевников и ранних государств, благодаря чему появятся возможности определить политический строй, социальнув структуру и экономические отношения. В достижении настоящей цели, нами уже приняты меры по подготовке молодых ученых с новой методикой и современными теоретическими знаниями.

В-девятых, Также будем придерживать политику поощрения совместных международных проектов, опирающихся на современную теорию и методологию и работающих в направления археологических поисков, регистрации и учёта памятников, сбора информации, ведения рекогносцировочных географических исследований,создания менеджмента по охране памятников, и этно-археологических исследований.

ӘЛЕУМЕТТАНУ, САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ ЭКОНОМИКА/ СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

AVRASYA'DA BİLİMSEL İŞBİRLİĞİNİN YENİ PLATFORMU: TÜRK DÜNYASI İKTİSATÇILAR BİRLİĞİ

Muradov Adalat *

Avrasya, tarihte her zaman dünyadaki gelişim süreçlerinin merkezinde dayanmış ve bu süreçlerin belirleyicisi rolünde bulunmuş önemli bir coğrafyadır. Bugün kolaylıkla söylenebilir ki, tarih boyu dünyanın gelişimi ve gerilemesi Avrasya'daki gelişim ve gerileme süreçleriyle doğrudan bağlantılı olmuştur. Hiç kuşkusuz ki, ortaya çıkan bu süreçlerin önemli bir kısmı Avrasya coğrafyasının merkezinde bulunan "Büyük Bozkır" ve onun üzerinde kurulmuş uygarlıklara aittir. Bu bakımdan düzenlenmekte olan bu Formun "Büyük Bozkır"la ilişkilendirilmesi çok büyük önem taşımaktadır.

Bu coğrafyanın tarihi mirasının ve çağdaş gelişim sorunlarının daha detaylı bir şekilde öğrenilmesi bugün sosyal bilimler karşısında duran önemli görevler sırasındadır. Gerçekten de bu coğrafyanın günümüze kadar dünyaya kazandırdığı değerler ve bundan sonra dünyanın gelişimine verebileceği katkılar yeterince araştırılmamış ve gereğince değerlendirilmemiştir. Bu bakımdan Avrasya coğrafyasındaki sosyal bilimcilerin bu tip toplantılarla bir araya getirilmesi ve onların araştırma faaliyetlerinin ilişkilendirilmesi bu coğrafyanın dünya medeniyetinin gelişimine yaptığı ve bundan sonra da yapabileceği katkıların daha doğru değerlendirilmesine imkan tanıyabilir.

Hiç kuşkusuz ki, Avrasya coğrafyası ve onun merkezinde duran "Büyük Bozkır"ın öğrenilmesi en az 2500 yıldır bu coğrafyada yurt salmış, sayısız devletler ve imparatorluklar vücuda getirmiş Türkleri, onların yaratdıkları zengin medeniyeti, dünya düzeni, barışı ve rifahına yaptıkları ve bundan sonra da yapabilecekleri önemli katkıları araştırmadan mümkün değildir.

Türk Dünyası'yla ilgili yıllarca yapılan araştırmaların analizi ve değerlendirilmesi göstermektedir ki, bu coğrafyanın belki de en az öğrenilmiş alanı ekonomidir. Oysa, tarihe büyük medeniyet

* Prof. Dr., Türk Dünyası İktisatçılar Birliği (TÜRKİB) Başkanı, Azerbaycan Devlet İktisat Üniversitesi (UNEC) Rektörü

projeleriyle çıkmış, bugün de dünya kaynaklarının ve olanaklarının önemli bir kısmını kendi denetiminde tutan bu milletin geçmişi ve geleceği ile ilgili ekonomik temele dayanmadan sağlam bilimsel fikirler ileri sürmek hiç kuşkusuz ki, her zaman zor olacaktır. Bu ihtiyaçtan ileri gelerek de Azerbaycan Devlet İktisat Üniversitesi, Uluslararası Türk Akademisiyle birlikte uzun süren istişareler yapmış ve nihayet, Türk Dünyası'nda ekonomik araştırmaların teşvik edilmesi ve ortak ekonomik araştırmaların yapılması amacıyla yeni bilimsel işbirliği platformunun oluşturulması kararını almışlar. Böylece, 23 Aralık 2015 tarihinde Bakü'de gösterilen ihtiyacı karşılamayı amaçlayan Türk Dünyası İktisatçılar Birliği (TÜRKİB) kurulmuştur.

TÜRKİB, Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi'ne üye devletler ve diğer devletlerin ilgili iktisatçılarının gönüllü uluslararası birliği gibi kurulmuştur. Misyonu Türk Dünyası iktisatçılarının bilimsel işbirliğini güçlendirmek, onlar arasında ekonomik araştırmaların uluslararası standartlarını uygulamak ve gelişimini desteklemektir. TÜRKİB'e gösterilen ülkelerin iktisatçılarının ve onların ulusal birliklerinin üyelik hakkı vardır və bunun için TÜRKİB'in Bakü'de, Azerbaycan Devlet İktisat Üniversitesi'nde bulunan sekreterliğine başvuru yapmaları gerekmektedir.

TÜRKİB kendi faaliyetlerini aşağıdaki istikametlerde gerçekleştirmeği planlamaktadır:

- Ekonomi alanında bilimsel ve yenilikçi projelerin hazırlanması ve gerçekleştirilmesi için uygun imkanların oluşturulması,
- Sosyoekonomik araştırmalar alanında kapsamlı işbirliğinin geliştirilmesi,
- Makroekonomik ve bölgesel araştırmaların yapılması için önerilerin hazırlanması,
- Bilimsel projeler ve araştırmalar için uluslararası uzman raporlarının alınması,
- Bilimsel, analitik ve bilgi amaçlı yayınların basımı,
- Araştırma kültürünün geliştirilmesi: genç bilim adamlarının ve iktisat öğrencilerinin profesyonel becerilerinin geliştirilmesi ve desteklenmesi; bilim kurumlarında, kamu ve özel sektörde çalışan iktisatçıların analitik ve araştırma becerilerinin geliştirilmesi; araştırmalarda çağdaş istatistik ve ekonometri biliminin model ve yöntemlerinin profesyonel kullanımının desteklenmesi,
- Kamuoyu tarafından ekonomik olay ve süreçlerin doğru kavranılmasına yardım edilmesi ve bu konuda medya ile işbirliğinin güçlendirilmesi,

- Uluslararası bilimsel kongre, forum, sempozyum, seminer, yuvarlak masa vs. toplantıların düzenlenmesi.

Hiç kuşkusuz ki, TÜRKİB düzeyinde yapılan ve yapılacak faaliyetlerin odak noktası bilimsel faaliyetlerdir. Bu bakımdan gelecek faaliyetlerde aşağıdakı istikametlere özel önem verilecektir:

- *Türk Dünyası'nın iktisat tarihiyle ilgili araştırmalar:* Bu alanda yapılacak araştırmaların Türk Dünyası'nın bugünü ve geleceği ile ilgili yürütülecek iktisadi araştırmalar için temel teşkil edeceği ve onların başlıca istikametlerini belirleyeceğini düşünmekteyiz. Yapılan araştırmalar göstermektedir ki, dünyaya 16'dan fazla imparatorluk, 120'den fazla devlet kazandırmış bu milletin iktisadi tarihi hiç de yeterince öğrenilmemiş ve bu alanda bilim insanları için hala araştırılmasını bekleyen zengin hazineler bulunmaktadır. Eski Çin kaynaklarının "demirci" olarak isimlendirdiği, eski zamanlardan hayvancılık, tarım, madencilik, dokumacılık, dericilik ve zanaat alanlarında çalışan, "Büyük İpekyolu", "Kürk Yolu", "Baharat Yolu" gibi uluslararası ticaret yollarını kendi denetimi altında tutan bir milletin dünyanın üretim ve ticaret medeniyetine yaptığı önemli katkıların ortaya çıkarılması ve bilim dünyasına kazandırılması ister Türk iktisat tarhi, isterse de dünya iktisat tarihi bakımından büyük önem arz etmektedir.
- *Türk Dünyası'nın çağdaş iktisadi potansiyelinin değerlendirilmesi ve iktisadi kalkınma perspektifleriyle ilgili araştırmalar:* Bugün Türk cumhuriyetleri 140 milyon civarında nüfusu, 4.8 milyon km2 arazisi ve 1.5 trilyon dolarlık GSYİH'sı ile dünyanın ve bölgenin önemli ekonomik potensiyelini kendinde barındırmaktadır. Bu cumhuriyetler aynı zamanda da dünya enerji kaynaklarının toplandığı önemli coğrafyalardandır. Bugün dünya petrol rezervlerinin %3.5'i, doğalgaz kaynaklarının ise %6.9'u Türk cümhuriyetlerine aittir. Bununla birlikte, bu cumhuriyetlerin dünyanın önemli ticaret ve enerji koridorlarında yerleşmeleri tranzit ulaşım potansiyellerinin, geniş verimli topraklara sahip olmaları tarım potansiyellerinin, zengin tarih ve doğal güzelliklere sahip olmaları turizm potansiyellerinin ve oldukca genç, dinamik ve eğitimli nüfusa sahip olmaları insan potansiyellerinin yüksek olmasını doğurmaktadır. Bu potansiyellerin doğru değerlendirilmesi, onların ulusal ekonomik kalkınma programlarına yansıtılarak gerçekleştirilmesi hiç kuşkusuz ki, bu alanda ciddi

bilimsel çalışmaların yapılmasına bağlı olacaktır. Bize göre, TÜRKİB bu alanda Türk Dünyası iktisatçılarının imkanlarını birleştirerek ciddi araştırma projelerinin icra edilmesi için uygun ortam oluşturabilecektir.

- *Türkçe (Türkçenin tüm lehçelerinde) iktisadi araştırma ve eğitim-öğretim olanaklarının geliştirilmesi:* Bilindiği gibi, bugün dünya biliminde ve eğitim-öğretiminde İngilizcenin bir nevi hegamonyası bulunmaktadır. İngilizce araştırma ve yayın yapmak, İngilizce eğitim faaliyetlerini yürütmek geleneği yaygındır. Bu ise diğer milletler için, özellikle sosyal bilimlerin gelişimi alanında ciddi zorluklar yaratmaktadır. Bize göre, bir sosyal bilim olarak iktisat biliminin de Türkçe araştırma, yayın ve eğitim-öğretim olanaklarının geliştirilmesi gerekmektedir. Bu yönde TÜRKİB'in yapabileceği işler arasında Türkçe iktisat terimlerinin geliştirilmesi, Türkçe saygın iktisat dergilerinin oluşturulması, sosyal bilimler alanında Türk Dünyası atıf endekslerinin yapılması ("social science citation index" gibi), üniversitelerde kullanılacak ortak ders kitapları ve materiyellerinin oluşturulması büyük önem arz etmektedir. Bu amaçla atılacak en önemli adımlardan birisi de her yıl 3 Ekim tarihinde – "Türk Dili Konuşan Ülkelerin İşbirliği Günü"nde TÜRKİB bilimsel forumlarının yapılması olabilir. Bu forumların her birisinin Türk Dünyasının önemli bir şehrinde düzenlenmesinin daha etkili olacağını da düşünmükteyiz.

- *Türk Dünyası iktisatçıları arasında ansiklopedicilik kültürünün geliştirilmesi:* Ansiklopedicilik dünya biliminde köklü geleneği bulunan bir alandır. Malum olduğu üzere Avrupa'nın bilimsel yükselişinde, rönesansında bu faaliyetin ve bu faaliyet etrafında bir araya gelen bilim insanlarının büyük katkısı vardır. Türk Dünyası'nda ise bu faaliyet genelde o kadar da büyük gelişim gösterememiş, özellikle de iktisat alanında çok zayıf kalmıştır. Bize göre TÜRKİB'in en büyük katkılarından birisi de çok ciltlik "Türk Dünyası Ekonomi Ansiklopedisi"nin oluşturulması olabilir. Bilindiği gibi bu çok büyük çaplı ve zor bir iştir. Bizim artık bununla ilgili kararımız vardır ve Türk cumhuriyetlerindeki iktisatçıların yardımı ile bu ansiklopedinin ilk cildini Türk Dünyası iktisatçıları hakkında olmak üzere hazırlamaya çalışacağız. Bununla birlikte bu alanda yapılacak önemli işlerden birisinin Türk cumhuriyetlerinde yazılmış

ekonomi alanındaki tezlerin katalogunun hazırlanması olacağı kanaatindeyiz. Böyle bir yayının yapılması ve onun elektronik versiyonunun hazırlanması iktisatçılarımız arasında bilimsel işbirliğinin çeşitli yönlerde hızlı gelişimine neden olabilir.

- *Türk Dünyası'yla ilgili analitik yayınların ve raporların hazırlanması:* Türk Dünyası'nda iktisat alanında temel bilimsel araştırmalarla birlikte, analitik yayınların ve raporların hazırlanması ve geniş kitlelere ulaştırılmasının da ciddi önem arz ettiğinin farkındayız. Bunlar Türk coğrafyasında hem iktisadi tefekkürün gelişimine katkı sağlayabilir, hem de bu coğrafyada etkin ekonomik kararların alınması için uygun ve güvenilir bilgi kaynağı rölünü oyanayabilirler. Artık bu yönde de karar almış bulunmaktayız. İlk olarak bu yılın Eylül ayından TÜRKİB'in "Türk Dünyası Ekonomi Aylığı"nı (Turkic World Economic Monthly) elektronik şeklde yayınlamayı planlamaktayız. Aynı zamanda da her yıl "Türk Cumhuriyetlerinin Sosyal ve Ekonomik Göstergeleri" isimli istatistik raporunu hazırlama hedefimiz vardır.

Göründüğü gibi TÜRKİB'i oluşturmakla, Türk Dünyasında ve bütünlükte Avrasya coğrafyasında bilimsel işbirliğinin yeni bir platformunun temelini atmış bulunmaktayız. Böylece, bu kurum ve onun planlanan istikametlerdeki faaliyetlerinin ülkelerimizde iktisat ilminin ve tedrisatının gelişimi bakımından yeni olanaklar sunacağı ve devlet büyüklerimizin başta Türk Dili Konuşan Ülkelerin İşbirliği Konseyi olmakla, diğer çoktaraflı çerçevelerde bilim, eğitim ve ekonomi alanlarında aldıkları kararların gerçekleştirilmesine kendi katkılarını sağlayacağı kanaatindeyiz.

PROSPERITY AND SECURITY THROUGH REGIONAL COOPERATION IN CENTRAL EURASIA

Norman A. Graham *

Writing in his book, The Grand Chessboard, in 1997, Zbigniew Brzezinski argued that Central Eurasia was the key to stability in the emerging post-Cold War international system. As a PhD student at Columbia University in the 1970s where he taught for many years, I was always impressed by "Zbig's" ability to clarify complex and

* Michigan State University

confusing trends and relationships in world politics. His argument on Central Eurasia was one that has stayed with me throughout my professional career, as the region has developed and become enmeshed in the policies and interventions of great and medium powers from afar as well as nearby. Regional cooperation efforts have often not been very satisfying for meeting basic human needs and security, and the prospects for broad based prosperity in the near term often seem dim.

Brezezinski focused on the reality of the "unipolar moment" in the structure of the international system, seeking to offer a "comprehensive and integrated Eurasian geostrategy" for the U.S. to pursue in the late 1990s (Brzezinski, 1997, p. xiv). One can argue that some of his advice was followed, maybe with over-enthusiasm after the attacks of 9/11 on New York and Washington, but the original intent was lost, the implementation was somewhat misguided, and unintended consequences of specific actions were not anticipated. Now, as the U.S. joins Europe in fatigue and a certain inward looking, it is perhaps left to the principal states in the core of Central Eurasia to put new energy in the pursuit of stability and prosperity. Indeed, I would argue that this is even more crucial today, than it appeared to Brezezinski in 1997, and there is a need for both more effective institutional development and regional leadership if we are to avoid devastating conflict and widespread economic and social deprivation and suffering. The International Turkic Academy, as I understand its aims and work to date, may well be an important element in meeting some of the key challenges.

What is Missing from Past Efforts at Regional Cooperation in Central Eurasia?

Are there regional institutional options that might help facilitate international cooperation in the development of Central Eurasia? The CIS, SCO, ECO, EEU, CAS5 are the principal regional institutional candidates, but frankly there is little reason for confident optimism in each case for a variety of reasons. Essentially this is due to the weakness of the institutions now available in the region on the one hand, and the lack of perceived common interest and trust among the states that constitute the membership(s) on the other. Certainly, there is no common willingness to accept supranational authority and effective regulation to the extent that has emerged with the heady days of the European Union, and while individual states in Central Eurasia enjoy substantial income from oil and gas exports at times, the prospect for a substantial regional pool of fi-

nancial resources for investment in development and sustainability projects seems unlikely in the near term. Scientific expertise and technical assistance possibilities are available, but financial resources and political will are in short supply.

The **Commonwealth of Independent States (CIS)** was a modest effort to maintain some loose cooperation among successor states to the USSR after 1991. Little of substance has been accomplished, as the changing membership and bilateral tensions with the Russian Federation have emerged, particularly with Georgia and Ukraine. The Baltic States were uninterested in membership from the outset. The CIS offered initial potential as a collective security institution, but a common vision was never achieved. Turkmenistan and the Ukraine were always reluctant members, preferring to see the organization as a means for formalizing the break-up of the Soviet Union. Other members saw economic cooperation as a key prospect, but also sought to establish economic ties outside of the Commonwealth rather quickly. Russia has seemed ambivalent, seeking to preserve influence and security, but fearful of shouldering an undo financial burden. Russian leaders have been reluctant to reduce trade restrictions rapidly. Some members, most notably the Ukraine and Georgia, preferred to see themselves as future candidates for membership in the European Union.

The **Shanghai Cooperation Organization (SCO)** – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Russia and of course China -- met for a summit meeting in St. Petersburg in June 2002. But it was limited in activity as well as membership for some time. The presence of U.S. troops in the region, after 9/11, likely frustrated some of the ambitions that China and perhaps Russia may have had for SCO for security cooperation and influence in Central Asia. But the post-Andijan Crisis environment (especially with Uzbekistan) breathed new life into it, and the activities of SCO have grown in scope and intensity. India and Pakistan were approved for full membership in 2015. Observers to the organization have been established (now Afghanistan, Belarus, Iran, and Mongolia), and it has debated the prospect of full membership by Iran, under Russian sponsorship, perhaps to help balance the strength of China in the Organization. Armenia, Azerbaijan, Cambodia, Nepal, Sri Lanka and Turkey are now "dialogue" partners. Turkmenistan has been a guest attendee. The meetings of heads of state are regular, and there is common interest evident at times in combating terrorism and drug trafficking, but the SCO has not focused much on common developmental, environmental or natural resource challenges. China, and

to some extent Russia, tend to operate bilaterally with member states on concrete projects instead of under the auspices of the SCO. An SCO meeting in Moscow in October of 2014 in conjunction with the agriculture innovation technology Expo did lead to new impetus to implement a 2010 SCO agreement on agricultural cooperation.

The **Economic Cooperation Organization (ECO)** was established originally by Iran, Pakistan, and Turkey in 1985. In 1992, it expanded to include Afghanistan, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan to promote regional trade and economic development, with some emphasis on energy, transportation, agriculture and drug control. Thus far it has not focused much on environmental issues, and the level of economic integration and financial pooling is quite modest. A 2011 report prepared jointly by ECO and the Pakistan Institute of Development Economics stressed the need for trade liberalization among the members in line with the perceived trend toward regionalism in the world economy; it outlined areas of complementarity and comparative advantage, but paid little attention to agriculture and sustainable development.

The **Eurasian Economic Union (EEU)** was established in 2014 as an initiative of the Russian Federation, though President, Nursultan Nazarbayev, proposed the concept as early as 1994, and the EEU can be seen as the successor institution to the Eurasian Economic Community in place from 2000 to 2014. Seen largely as an effort to provide a Eurasian and Russia centric alternative to closer integration with the European Union, it has become the focal point for competition over regional loyalty and ambitions. The original signers beyond Russia were Belarus and Kazakhstan. Accession treaties for Armenia and Kyrgyzstan came into force in 2015. The 2014 crisis in Ukraine erupted in large part out of resistance to Russian pressure on the Ukrainian government to sign on as a member of the EEC rather than to sign an association agreement with the EU. The current economic challenges facing Russia, given economic sanctions and the dramatic decline in the price of oil during much of 2014 seem to have reduced President Putin's ambitions for the EEU (Birnbaum, 2014), but this institution may offer the prospect for significant regional trade liberalization in the long term along with considerable Russian expertise in aquaculture science and management, especially in the crucial sturgeon rehabilitation effort. The prospects for full regional membership are limited. Azerbaijan, Uzbekistan and of course Georgia and Ukraine seem unlikely to join as things now stand. Putin's original goal that it expand to include all post-So-

viet successor states, except perhaps the Baltic republics, seems a pipedream. But institutional development which includes investment by a Eurasian Development Bank to promote infrastructure modernization and maximization of energy development, including some modernization of the electricity grid and the goal of a single hydrocarbons market by 2025, is ambitious. Agricultural development has been discussed, but there appears to be little effort to date to tackle water and fishery remediation. And while the ambitions of the EEU are often stated to build an integration effort comparable to the EU in breadth and impact, the prospect of harmonization of agricultural or environmental policies, let alone anything like the EU's Common Fisheries Policy or Water Framework seems dim.

The **Caspian Five (CAS5)** is less an institution than a coalition (Russia, Iran, Azerbaijan, Kazakhstan, and Turkmenistan), prompted by President Putin's efforts to reassert influence over the Caspian basin. So far, its principle achievement was the 2014 vote not to allow any foreign military presence in the Caspian region at its IV Caspian Summit. There was some agreement to expand cooperation on meteorology, natural disasters, and environmental protection, but the details and follow up seem sketchy. (Geopolitical Monitor, Aug 31, 2015)

Inter-Governmental Organizations (IGOs) like the subsidiary and specialized agencies of the United Nations System: the World Bank (WB), the International Monetary Fund (IMF), the World Trade Organization (WTO), the Food and Agriculture Organization (FAO), United Nations Development Programme (UNDP), the United Nations Environment Programme (UNEP), have provided financial and technical assistance to the region. For example, the FAO's **Central Asian and Caucasus Regional Fisheries and Aquaculture Commission (CACFish)** is in some ways the most promising institutional development in the region for tackling the fisheries and water management crises. It is not burdened with the political agendas of key regional powers like China, Russia, Iran and Turkey, and is backstopped with the technical expertise and experience of FAO. CACFish began its work in 2010 after Armenia, Kyrgyzstan and Tajikistan ratified the founding agreement. There now have been several meetings of its Technical Advisory Committee which have reviewed various aspects of the status of fisheries and aquatic resources in the region. The Commission has the power to impose binding management and conservation recommendations, but it has limited itself up to now with a focus on data collection and review, such as its inland fisheries stock assessment discussed

in Bishkek in April, 2014. The membership now includes Azerbaijan and Turkey. Georgia, Kazakhstan, Mongolia, Ukraine and Uzbekistan also attended the Third Session of the Commission held in Baku, 2-4 June 2014.

Similarly, nearby regional intergovernmental organizations like the European Union (EU), the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), the North Atlantic Treaty Organization's Partnership for Peace (NATO-PFP), and the Asian Development Bank (ADB) have provided financial and technical assistance. Most notable here, perhaps, are the EU's Association Agreement and Neighborhood programs. But these have been burdened by historical baggage, and often seem to set off alarm bells in Moscow and Beijing, if not in the capitals of the Central Eurasian states.

The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) is an interesting prospective effort to support infrastructure investment in the Asia-Pacific Region. It now has 37 founding members with at least 20 more candidates for membership. Many of the states of Central Eurasia are in one or the other of these categories. The investment track record of this Chinese initiative is modest so far, but it has certainly attracted considerable interest as a potential alternative source of financial assistance to the WB and IMF.

What is needed?

In my humble opinion, what is needed is more effective national policies and programs that promote sustainable development and diversification of national economies, as well as more effective collective self-reliance among Central Eurasian States. President Nazarbaev's concept of Kazakhstan as "the Great Steppe" and its connection to his focus on sustainable development appears to be an important initiative in this respect. His early statements on "The Path to the Future-Nurly Zhol" outlined structural reforms and investments for infrastructure development and industrial development/diversification. An important emphasis here was on transportation systems, logistics and networks which ties in nicely with the regional focus on a New Silk Road linking East and Southeast Asia with Europe through Central Eurasia.

More recently, there is renewed attention to agricultural development in Kazakhstan, with a focus on sustainable improvements in productivity and rural employment. My employer, Michigan State University, with its "land grant to world grant" history and mission, has been engaged in several institutional partnerships recently to enhance the effectiveness of Central Eurasian universities which have significant footprints in agricultural and biotechnolo-

gy development. Recent workshops under our co-sponsorship on new applications of organic agriculture methods and technologies (in Bishkek, March 2016) and on renewable energy development (in Almaty, December 2015) are examples of information exchange and brain storming among experts and practitioners from several Central Eurasian countries. We hope to do more in the future, and believe that the International Turkic Academy may be an important vehicle for such activity. We are thus pleased to announce the signing of the TWESCO/MSU MOU signing we will celebrate this evening.

Reforms should never stop, and there are important advantages that flow from freedom and individual initiative and entrepreneurship. This raises a series of larger questions about the prospects for economic development and true broad-based prosperity in post-Communist Central Eurasia, as well as in Turkey. The key here, not surprisingly, may well be the proper role for the state to play in the economy.

The energy and broader trade network that has emerged between Europe and Central Eurasia, with Kazakhstan, Turkey and Azerbaijan at its heart, is a clear source of economic benefit for all concerned. It also continues to support the prospect for national political independence for Azerbaijan, Kazakhstan and other post-Soviet states in Central Eurasia. But the true test of sustainable and broad economic prosperity must extend beyond the production and marketing of fossil fuels. This takes us to the question of how to extend economic development beyond the carbon fuel sector -- indeed how to avoid the oil/natural resource curse? A few comments on how this relates to the future of the region potentially and indeed the world economy seem in order.

First, how sustainable are the Central Eurasian political economies as now configured? This obviously raises immediate questions of the size of oil and gas reserves, the volatility of oil pricing, and the security of transportation networks -- all of which are potentially constrained. There is no immediate crisis in each area as yet, but estimates of reserves suggest key deposits in Azerbaijan may be exhausted in a decade or so; many analysts suggest that oil prices may remain well under $100 a barrel for some time, as global production continues to increase when new technology is applied (hydraulic fracturing in the US and Europe) and political decisions make continued production levels high (in Saudi Arabia) and expand it elsewhere (Iran); and the possibility of transportation network disruptions in Georgia and Turkey are not out of the question.

With these potential constraints in mind, the incentive to look

for economic development and prosperity from other sectors is high. Kazakhstan and Azerbaijan have marshaled resources from previous energy exports for investments to this end. A preliminary review of these investments indicates considerable infrastructure development, improvements in K-2 and higher education institutions, ancillary enterprise development in the energy sector, but little exemplary economic development in non-energy sectors. There is high level public and private commitment to diversify the industrial and commercial bases in Central Eurasia, but like many oil and/or gas rich countries, the result is modest at best. Certainly, there is no evidence of an economic take-off in manufacturing, high technology innovation and commercialization, agricultural productivity or even indigenous service industries. What explains this?

The first part of the answer to this challenging question is that there is something critical missing in all post-Soviet states that have not liberalized economically and politically. As Linda Weiss reminded us in The Myth of the Powerless State (1998), state led industrialization can work under certain circumstances (e.g. in Germany, Japan, Korea), but more often than not it seems that states make poor investment decisions and waste resources on industrial and commercial dead ends. This is particularly true if the system is beset with corruption. Quite simply, the technological research promotion and entrepreneurial training are not accompanied by a larger political and economic environment that supports freedom of idea exchange and productive commercial development investment.

One may look, in contrast, to the more successful efforts underway in the last 10-15 years in Turkey, as an economic liberalization strategy was pursued, along with strategic investments in universities and university-industrial collaboration. TUBITAK, the Scientific and Technological Research Council of Turkey, encourages research partnerships with a wide range of grant programs, including the relatively new "Mevlana" program to promote faculty and student exchanges and research collaboration with North American and Asian universities. This is an ancillary effort to the European Union's Erasmus Program of which Turkey has made good use from its Association Agreement with the EU, still working through the "accession" process of its long time candidacy for full membership. Major Turkish universities like METU, ITU, Gazi University, Istanbul University, Koc University, Sabanci University, Haciteppi University, Seljuk University, Ankara University, and Ege University have developed high quality science and ABET accredited engineering degree programs and "Technoparks" for incubating new

companies and promoting industrial partnerships. Turkey's industrial and technological sectors have not fully matured, but in contrast to Russia, Turkey makes and grows things that other countries want to buy -- beyond oil, gas and timber (and weapons). A similar, indeed even more successful industrial and technological diversification strategy in China can also be documented.

Second, although the oil/gas rich governments of Central Eurasia have pursued some elements of economic liberalism, there is much yet to be done to ensure broad based prosperity and economic take-off. One can see impacts of the fossil fuel wealth in social programs and infrastructure development. The focus on educational reform and modernization seems sincere and stable, despite the effect of low energy prices. Industrial and technological partnerships with Chinese, Turkish and Western companies and research institutions are priority goals for the governments. But can this be done effectively without more emphasis on the value of freedom for entrepreneurial and innovative economic development?

ÜMUMTÜRK BIRLIYI: REALLIQLAR VƏ PERSPEKTIVLƏR

Feyziyev Cavanşir *

Turkic unity: realities and prospectives

ABSTRACT:

The economic globalization that has acquired an irreversible character stimulates the political globalization as well. The process of formation of the European Union and its expansion to the east together with NATO can serve as a proof of the fact that despite the contrary approach of some other countries to this phenomenon, it does not seem possible to stop the dialectical development of the world towards the unification.

KEY WORDS: globalization, integration, European Union, Turkic sivilization, Turkic unity, The Union of Turkic States.

Dünya sürətlə dəyişir və bəşəriyyətin möhtəşəm elmi-texnoloji, igtisadi və nəticə etibarilə həm də siyasi transformasiyalar ərəfəsində olduğu aydınca sezilmekdedir. XX əsrin son onilliklərində dönməz xarakter alan iqtisadi qloballaşmanın öz növbəsində siyasətin də qloballaşmasını şərtləndirən başlıca amilə çevrilməsi artıq göz qabağındadır. Bu tendensiyanın nəticəsi olaraq Avropa İttifaqının

* Dr. Milli Məclisin deputatı

və NATO-nun genişlənməsi prosesi bir sıra dövlətlərin, xüsusilə Rusiya, Çin, İran kimi dövlətlərin maraqlarına zidd olmaqla onlar tərəfindən kəskin müqavimətlə qarşılansa da dünyanın vəhdətə doğru dialektik inkişaf vektorunu dəyişmək və ya durdurmaq mümkünsüz görünür. Bu gün nə qədər çətin problemlərlə qarşılaşsa da, hesab etmək olar ki, Avropa İttifaqı – dünya dövlətlərinin iqtisadi, siyasi, hüquqi və sivilizasion əsaslarda planet miqyaslı birliyinin ən nümunəvi modelidir. Buna görə də alman filosofu Yurgen Habermas "Avropanın siyasi cəhətdən birləşməsinin uğurunu – dünyanın digər regionları üçün də örnək ola biləcək eksperiment xarakterində" olan hadisə sayır (Ю. Хабермас. Расколотый Запад. М.: Вес мир, 2008, s. 169). Bu səbəbdən də Avropa İttifaqının inkişaf perspektivinə hazırda XXI əsrin ən böyük siyasi layihəsi kimi baxılır. Avropa Parlamenti və Avropa Şurası avropadaxili məsələlərlə yanaşı, dünyada baş verən hadisələrə, ümumdünya siyasi yenidənqurma və demokratikləşmə proseslərinə də özünün fəal münasibətini bildirməklə qlobal siyasətin istiqamətverici güc mərkəzinə çevrilməkdədir.

XXİ əsrin qlobal siyasətə gətirdiyi dəyişiklik ab-havası türk dünyasından da yan keçməyib. Belə mürəkkəb proseslərin axarında Türkiyənin AB qapısında onilliklər ərzində növbə gözləməsi də bir tərəfdən başa düşülən olsa da, digər tərəfdən bütövlükdə türk dünyası üçün əlverişli görünmür. Çünki meqasosium formasında təşəkkül tapa biləcək istənilən uğurlu birlik mütləq mənada həmin birliyi təşkil edən dövlətlərin və millətlərin tarixi- sivilizasyon köklərindən qaynaqlanmalıdır. AB timsalında da üzv ölkələrin hamısının vaxtilə məhz Roma sivilazasiyasından – yəni eyni sivilizasiyadan qoparaq yaranmış etnoslar zəminində təşəkkül tapdığını və əlverişli tarixi şərait yarandıqda asanlıqla birləşə bildiyinin şahidi olduq. Bu baxımdan yanaşdıqda Türkiyənin AB-nə üzv olmasının nəzəri cəhətdən mümkünsüz və strateji baxımdan bütövlükdə türk dünyası üçün əlverişsiz olduğu ortaya çıxır. Belə bir qənaətə gəlirik ki, zaman-zaman çox müxtəlif səbəblər nəticəsində ayrılıb daha sonra yenidən birləşmək və daha qüdrətli bir şəkildə dünya birliyində özünə yer tutmaq üçün həmişə geriyə nəzər salmaq, keçmişimizi doğru-düzgün dəyərləndirmək və gələcəyimizin layihəsini məhz bu əsaslarda müəyyən etməliyik. O zaman görəcəyik ki, əcdadlarımızın yüzilliklər ərzində qoyub getdiyi tarixi-sivilizasyon qaynaqlarımıza dayaqlanan yol ən əlverişli və ən doğru bir yoldur. Bizim üçün bu yol məhz ümumtürk birliyi yoludur.

Hadisələrin bu günkü gedişi göstərir ki, dünya türk dövlətləri üçüncü minilliyə vahid siyasət və mədəniyyət strategiyası üzrə

hərəkət etmək və bu tendensiyanı uğur və qətiyyətlə davam etdirmək əzmi ilə ilə daxil olurlar. Bu baxımdan 2012-ci ildə Türkdilli Dövlətlərin Əməkdaşlıq Şurasının Bişkekdə keçirilən toplantısında dörd türk dövləti – Türkiyə, Azərbaycan, Qazaxstan və Qırğızstan tərəfindən ümumtürk bayrağının qəbul olunması da XXI əsrdə türk dünyasının bütövləşməsi, vahid gücə çevrilərək dünya siyasətində daha önəmli bir statusa yiyələnməsi yolunda atılmış ən mühüm addımlardan biridir. Ümumtürk vəhdətinə aparan bu bayraq "Böyük siyasət"də türk komponentinin mövcudluğunu, zəruriliyini və qüdrətini nümayiş etdirməklə vacib siyasi əhəmiyyət daşıdığı kimi, həm də dünyanın bütün vətənpərvər türkləri üçün böyük mənəvi əhəmiyyətə malikdir. Dünya türklərinin bu uğurlu yola çıxması və cəsarətlə irəliləməsi üçün min illər boyunca tarixin enişli-yoxuşlu yollarını şərəflə qət etmiş türk tarixinə nəzər saldıqda bu vəhdətin, bu birliyin labüd olduğunu və bu missiyanın məhz XXI əsr türklərinin üzərinə düşdüyünü dərk etmək heç də çətin deyil.

Ən qədim çağlarda Altay və onun hüdudlarında, daha sonrakı zamanlarda isə Asiya və Avropanı qovuşduran çox geniş coğrafiyada dövlət və imperiyalar yaratmış və bu sarsılmaz dövlətçilik ənənələrini bu günə qədər davam etdirərək təkmilləşdirmiş türk xalqlarının dünya tarixindəki əzəmətli həyatı, möhtəşəm mədəniyyəti, ümumdünya proseslərinə istiqamət verməsi – bütövlükdə türk sivilizasiyasının etno-kulturoloji və etno-siyasi potensiyasının tükənməzliyini göstərir. Müvafiq humanitar elmlər üzrə aparılan araşdırmalar da təsdiq edir ki, hələ islamaqədərki tarixində türklər böyük dövlətçilik mədəniyyətinin, maddi və mənəvi mədəniyyətin, xüsusilə mükəmməl yazı mədəniyyətinin, tranzit texnologiyasının sahibi olmuşlar. Şərqin üç böyük dilində - ərəb, fars, türk dillərində mədəniyyət yetişdirən, Şərqin bütün mütərəqqi meyl və tendensiyalarını özündə birləşdirən türklərin öz hərbi-siyasi və mədəni-mənəvi qüdrəti ilə Avrasiyada dominant sivilizasiya yaratması tamamilə təbii idi. Çünki türk imperatorluqları epoxasında Qərb imperializminə məxsus istismar rejimi, məğlub etnos və mədəniyyətlərin kökünü kəsmək strategiyası olmamışdır. Göytürk, Moğol, Atabəy, Osmanlı, Səfəvi imperiyalarından qopan bütün xalqlar öz tarixi-mədəni həyatını normal şəkildə, təbii axarında davam etdirə bilmişlər.

Türk tarixindəki etno-kulturoloji diferensiasiya prosesləri tarix boyu müəyyən itkilərlə müşayiət olunsa da, əsasən, öz ümumtürk köklərindən üzülməyən, ancaq getdikcə spesifikləşən türksoylu milli mədəniyyətlərinin yaranması ilə başa çatır. Həmin ümumtürk kökləri o qədər zəngin bir irsdir ki, müasir türk milli mədəniyyətləri

məhz onun əsasında ortaq dəyərlərə sahibdirlər. Prof. Dr. Mustafa Erkalın göstərdiyi kimi, «türk dünyasının ortaq mədəniyyət mirası» onun yenidən və daha güclü çağdaş təməllərdə birlik durumuna gəlməsinin ən başlıca faktorudur (M. Erkal. Küreselleşme, Kimlik ve Türk dünyası. Bakı, AzAtaM, 2003, s. 18-26).

Dünyanın ən seçkin mədəniyyət və siyasət ənənələrindən birinə malik olan türklərin yaradıcı düşüncəsi bütün zamanlarda effektiv modellərdə özünü qurmağı və işləməyi bacarıb. Belə ki, türk milli mədəniyyətləri nə qədər etno-kulturoloji diferensiasiyalara məruz qalsa da sonda yenə də ümumtürk mədəniyyətini formalaşdıra bilib və türk sivilizasiyası statusunda dünya mədəniyyətinin mühüm bir hissəsinə çevrilə bilib. Bu, digər müasir dünya sivilazasiyalarının da keçib gəldiyi uzun yol tarixi sınaqlardan çıxmış bir modeldir. Məsələn, Qərb mədəniyyəti ***Avropa, Şimali Amerika milli mədəniyyətləri – Qərb-ümumavropa mədəniyyəti – dünya mədəniyyəti*** vektoru ilə, Ərəb mədəniyyəti də öz növbəsində ərəb milli mədəniyyətləri – ümumərəb mədəniyyəti – dünya mədəniyyəti modelində təşəkkül tapmış məhz bu qanunauyğunluq əsasında qurulmuşdur. Türk milli mədəniyyətlərinin də harmoniyası – onların hər birinin özünəməxsusluğunu yaşatması və təbii şəkildə ümumtürk mədəniyyətinə qovuşması , ümumtürk mədəniyyətinin də öz növbəsində dünya mədəniyyyətinə inteqrasiyası ilə baş tutur. Dünya milli mədəniyyətlərinin universal-ümumbəşəri sivilizasiyada ahəngdarlaşmasının ən təbii, ən məntiqi və ən perspektivli yolu da elə budur. Çünki bu modeldə dünyanın qlobal inkişafı prosesində milli mədəniyyətlərin və milli dövlətçiliyin yaşaması qarantiyası və labüdlüyü vardır.

Bu gün türk dövlətlərinin birliyi ideyasının kökündə də bu dövlətləri yaratmış türk xalqlarının etno-genetik təməli, ulu sivilizasiya qaynaqları, böyük dövlətçilik təcrübəsi və ənənəsi, bütün tarix boyu davam etmiş etno-mədəni əlaqələri, tarixi diferensiasiya proseslərində itirmədikləri, qoruyub saxladıqları və daim inkişaf etdirdikləri ortaq dəyərləri dayanır. Bu elə bir möhkəm özüldür ki, tarixin ən amansız dövrlərində belə sarsılmamış, hazırda isə özünün güclü energetik potensialını yenidən və daha məqsədyönlü şəkildə hərəkətə gətirmək qüdrətindədir.

I Dünya savaşında Türkiyənin öz dövlətçiliyini qoruyub saxlaya bilməsi və Atatürk Cümhuriyyəti dövründə onun yeni, daha müasir əsaslar üzərində möhkəmləndirilməsi ümumtürk tarixinin ən çətin və ən şərəfli səhifələrindən olmaqla bərabər artıq kifayət qədər parçalanmış ümumtürk birliyinin bərpası üçün də yeni zəmin yaratmış oldu.

Mustafa Kamal Atatürk türk dünyasının özünüdərk və özünütəsdiq zərurətini modernləşmə proseslərinə uyğun şəkildə böyük siyasi uzaqgörənliklə belə bəyan etdi: "Ey Türk milləti! Sən yalnız qəhrəmanlıq və cəngavərlikdə deyil, mənəviyyat və sivilizasiyada da insanlığın şərəfisən. Tarix, yaratdığın sivilizasiyanın məğrurluğu ilə doludur. ...Yaddaşında minlərcə ilin xatirəsini daşıyan tarix, sivilizasiya mərhələsində layiq olduğun yeri sənə barmağı ilə göstərir. Oraya yürü və yüksəl. Bu – sənin üçün həm bir haqq, həm də bir borcdur" (Türk Tarihinin Ana Hatları, Mehtal Kısmı, 1931, s.74).

XX əsrin əvvəllərində -bəşəriyyətin yeni dövr tarixində ümumtürk birliyi ideyasını ilk dəfə beynəlxalq siyasət kontekstinə gətirən yenə də Mustafa Kamal Atatürk olmuşdur: "Biz bu gün Sovetlər Birliyi ilə dostuq, əməkdaşıq. Amma heç zaman unuda bilmərik ki, orada bizim qan, dil, mədəniyyət qardaşlarımız yaşayır. Və Sovetlər Birliyi bir imperiyadır. Bütün imperiyalar kimi o da dağılacaqdır. Biz hazır olmalıyıq ki, gələcəkdə öz qardaşlarımıza kömək edə bilək".

Mustafa Kamal Atatürkün böyük uzaqgörənliklə söylədiyi fikirləri tarix yalnız XX əsrin son onilliyində həqiqətə çevirdi. Sovet İmperiyasının çökməsi ilə tarixi türk yurdlarına da azadlıq və istiqlal gəldi, daha beş türk dövləti öz müstəqilliyini bəyan etdi. Bu gün türk dünyasının müasir dünya inkişafında özünə yer alması, beynəlxalq arenada yüksəlməsi və hər bir türk dövlətinin ümumtürk mənafeyi baxımından dünya birliyində uzlaşdırılmış siyasi xətlə çıxış etməsi konsepsiyası daha aktualdır. Bu konsepsiya çərçivəsində bütün siyasi səyləri bir araya gətirib hamını qane edən düzgün istiqamətləndirilmiş məqsədlər uğrunda birləşdirməklə, bütün türk dövlətləri öz milli siyasətləri ilə qlobal siyasətin harmoniyasını tapa bilər və beynəlxalq siyasətdə öz iradəsini ortaya qoyan nüfuzlu qlobal gücə çevrilə bilər. Türk dünyası özünün sıx konsolidasiyası ilə böyük və qüdrətli bir sivilizasiya məkanı, mütərəqqi ruhlu bir siyasi sistem kimi planetin qlobal inkişafı perspektivində aparıcı, yönəldici qüvvəyə çevrilə bilər. Bu münasibətlər kontekstində iyirmi beş il öncə müstəqilləşmiş türk dövlətləri arasında əlaqələrin intensivləşməsi gündən-günə daha zəruri xarakter alır. Xüsusilə son on ildə Azərbaycan, Qazaxstan və Türkiyə Respublikalarının reginal və qlobal siyasi arenada güclənməsini və onların arasındakı müttəfiqliyin ümumtürk və region dövlətləri üçün bir örnəyə çevrilməsini türk dünyasının bütünləşmə prosesinin stimullaşdırıcı amili hesab etmək olar.

Türk dünyasının birliyi ideyası, türk milli dövlətlərinin

vahid siyasi və mədəni mövqedən çıxış etmək strategiyası bu gün Qazaxstanda, Azərbaycanda, Türkiyədə və digər qardaş türk respublikalarında həm siyasi hakimiyyət, həm də ictimai-humanitar səviyyələrdə aktuallaşmaqdadır. Təbii ki, böyük və müstəqil dövlətçilik təcrübəsi olan, ən çətin dövrlərdə belə birlik ideologiyasını qoruyub inkişaf etdirmiş , dünya türklüyünün anayurdları sayılan Azərbaycan və Türkiyə Respublikalarında birlik ideyası və konsepsiyası daha möhkəm təməllərə və özünügerçəkləşdirmə gücünə malikdir. Bu siyasət Azərbaycanda və Türkiyədə müasir dünya reallıqlarına uyğun olaraq öz ölçüsündə, lakin ardıcıl və sistemli şəkildə aparılır. Hazırda bir çox iqtisadi, siyasi, mədəni layihələrin həyata keçirilməsi məhz bu iki dövlətin həmin strategiya əsasında ardıcıl səy və qətiyyət göstərməsi nəticəsində mümkün olur.

Azərbaycan qardaş ölkələrə sərmayə qoyan, Transxəzər layihələrini həyata keçirən və beləliklə də, türk dünyasının iqtisadi, siyasi və mədəni coğrafiyasını praktiki olaraq birləşdirən "həyat yoluna" çevrilməkdədir. Müasir türk dövlətləri məhz təbii ehtiyatlarla zəngin olan Xəzər hövzəsi üzərindən beynəlxalq iqtisadi əlaqələrin daha geniş meydanına çıxırlar. Bakı-Tbilisi-Ceyhan, Bakı-Tbilisi-Ərzurum neft-qaz kəmərləri bölgənin yeni enerji xəritəsini yaradır. Neft məhsulları bu yollar və dəhlizlər vasitəsilə Xəzər dənizinin şərq sahillərindən – Qazaxıstan və Türkmənistandan qərb sahillərinə, Azərbaycan ərazisindən Türkiyəyə, oradan da Avropaya nəql edilir, dünya bazarlarına çıxarılır. Tikilməkdə olan Bakı-Tbilisi-Qars dəmir yolu isə nəinki Türkiyəni Azərbaycanla, Türkiyəni və eləcə də Avropanı Orta Asiya ilə birləşdirəcək bir beynəlxalq marşrut olacaqdır. Tikilməkdə olan Cənub Qaz Dəhlizi isə Avropanın Rusiya qazından asılılığını zəiflədə, bütün türk dövlətlərinin Avropa üçün əhəmiyyətini isə qat-qat artıra bilər.

Ümumiyyətlə, türk dünyasının bütövlüyü, onun özünü vahid geosiyasi məkanda və platformada dərk etməsi və buradakı proseslərə birgə təsir imkanlarına malik olması TDB-nin daha işlək, daha səmərəli səviyyəyə yüksəldilməsindən və daha kəsərli hala gətirilməsindən əhəmiyyətli dərəcədə asılıdır. TDB-nin strukturlaşması və bu birliyə daxil olan ölkələr arasında qarşılıqlı siyasi-iqtisadi, mədəni-sosial əlaqələrin intensivləşməsi türk dövlətlərinin öz mövqeyini dünya miqyasında daha əsaslı şəkildə nümayiş etdirə bilməsi üçün yeni imkanlar açacaqdır.

Üçüncü minilliyin başlanğıcında yenidən beynəlxalq siyasətdə güc amilinin önə çıxması, eyni zamanda planetar sabitliyin qorunub saxlanması zərurəti açıq-aydın göstərir ki, türk sivilizasiyasına

mənsub olan dövlətlər yalnız vahid blokda olmaqla qloballaşma prosesində yeni güc mərkəzi kimi özünü təsdiq edə bilər. Avrasiya materikinin 1/5-də – 10,5 milyon kv.km.-lik böyük bir ərazidə yaşayan, 250 milyonluq türk xalqının böyük türklük ideyası ətrafında vahid siyasi blokda birləşməklə qloballaşma prosesinin avanqardında özünə yer alan supergüclərdən biri olmağa haqqı və qüdrəti çatır. Dünyanın bütün türk dövlətləri özlərinin tam müstəqilliyini saxlayaraq və beynəlxalq aləmlə hərtərəfli əlaqələrini inkişaf etdirərək, planetin geosiyasi manevrlər məkanında vahid siyasi blokdan çıxış etmələri ilə nəinki haqq və qüdrətlərini göstərmiş olar, həm də tarixin məntiqinə uyğun hərəkət etmiş olarlar. Bu baxımdan beş türk respublikasının – Azərbaycan, Qazaxıstan, Özbəkistan, Qırğızıstan və Türkmənistanın müstəqilləşməsindən sonra onların Türkiyə ilə çiyin-çiyinə verərək birgə addımlaması beynəlxalq münasibətlərin inkişafında qlobal əməkdaşlığın yeni imkan və perspektivlərini açan mütərəqqi bir hadisə sayıla bilər.

Böyük türk dünyasını yenidən və daha möhkəm əsaslar üzərində birləşdirməyə yönələn fəaliyyətlərin zərurəti ildən-ilə genişlənir. Ona görə də ötən iyirmi beş ili həm də beynəlxalq sistemin tədricən "ümumtürk komponenti" ilə möhkəmlənməsi tarixi hesab etmək olar. Qlobal siyasi arenada güc mərkəzləri sayılan dövlətlər də artıq başa düşürlər ki, bu gün dünyada mövcud olan türk dövlətlərinin ümumi mənafe birliyini nəzərə almadan, nə onların özlərinin, nə bütövlükdə region dövlətlərinin, nə də beynəlxalq subyektlərin qarşılıqlı əməkdaşlıq münasibətlərini istənilən səviyyəyə çatdırmaq mümkün olmaz. Artıq belə bir hal Qarabağ məsələsinə yanaşmada Azərbaycanın mənafeyinə uyğun şəkildə qardaş Türkiyənin beynəlxalq siyasət masasına qoyduğu prinsipial mövqe ilə öz təsdiqini tapmış oldu. Məhz belə bir prinsipial mövqeyi beynəlxalq siyasətin reallığına çevirmək üçün türk dövlətlərinin müttəfiqliyini möhkəmləndirən bütün təşəbbüslərin dəstəklənməsi olduqca vacibdir və bu onların yürütdükləri daxili və xarici siyasətin əsas istiqamətlərindən biri olmalıdır. Bu dövlətlərdən hər birinin güclənməsi ümumən türk dünyasının qüdrətinin artması deməkdir.

Hal-hazırda siyasi, iqtisadi və mədəni sahələrdə əməkdaşlıq üçün açılan geniş meydan ənənəvi türk təşəbbüskarlığını yeni mərhələyə yüksəldir, birgə fəaliyyətlərin daha əhatəli spektrini yaradır. 1993-cü ildən mütəmadi olaraq keçirilən Türk Xalqlarının Dostluq, Qardaşlıq və Əməkdaşlıq Qurultayları türk dünyasının birliyi ideyasının daha səmərəli təbliğ olunmasına, türk xalqları arasında dostluq və qardaşlıq ənənələrinin möhkəmlənməsinə əlavə stimul yaradır. Bu Qurultaylarda müzakiə edilən məsələlər və qəbul

olunmuş qərarlar türk xalqlarının problemlərinə baxışların bir-birindən fərqlənmədiyini nümayiş etdirir.

Türkdilli Ölkələrin Dövlət Başçılarının Zirvə Toplantıları da birbaşa bu birliyin gücləndirilməsinə və inkişaf etdirilməsinə xidmət edən uğurlu siyasi formatdır. Türkdilli Ölkələrin Dövlət Başçılarının X Zirvə Toplantısında Türkdilli Ölkələrin Əməkdaşlıq Şurası təsis edilmişdir. 2010-cu ilin sentyabrında İstanbulda keçirilən X Zirvə Toplantısının açılış mərasimində çıxış edən Türkiyə Prezidenti Abdullah Gül o zaman demişdi: "Biz artıq bir millət, altı dövlətik. Bu Şuranın yaradılması ilə «Əməldə birlik» şüarı reallaşacaq. Bütün türk dövlətləri bu quruma sahiblənməlidir. Burada məqsəd bürokratik bir qurum yaratmaq deyil. Məqsəd xalqların təşəbbüskar ruhunu və potensialını hərəkətə keçirməkdir" (http://www.anl.az/down/meqale/express/2010/sentyabr/133053.htm).

Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyev həmin Toplantıda türkdilli xalqların müasir dünyanın reallıqlarına uyğun, yüksək siyasi mədəniyyətlə öz sarsılmaz birliyini yaratmaq işində daha qətiyyətli olmağın vacibliyini vurğulamışdır: Prezident demişdi: "... bizi birləşdirən təkcə coğrafi koordinatlar deyildir. Bizi birləşdirən aramızdakı münasibətlərdir, qardaşlığımızdır, ortaq keçmişimizdir, bu günümüzdür. İyirmi ilə yaxındır ki, ölkələrimiz müstəqil dövlətlər kimi yaşayırlar. Bu müddət ərzində ölkələrimiz gücləndi, formalaşdı, dövlətçiliyimizin əsasları quruldu. Bu gün Azərbaycan, Qazaxıstan, Qırğızıstan, Özbəkistan, Türkmənistan kimi ölkələr öz növbəsində Türkiyəni gücləndirir, necə ki, böyük və güclü Türkiyə bizi gücləndirir. Bizim gücümüz bizim birliyimizdədir. Biz çalışmalıyıq ki, bütün sahələrdə bu birliyi daha da möhkəmləndirək" (http://www.president.az/articles/728).

Beləliklə, Türkdilli Dövlətlərin Əməkdaşlıq Şurasının yaranması bundan sonra türk birliyinin daha çox praktiki müstəvidə real fəaliyyətlərlə möhkəmləndirməsinə şərait yaradır. Keçən dövr ərzində Əməkdaşlıq Şurası çərçivəsində çoxsaylı sənədlər imzalanmışdır ki, bunlar da növbəti illərdə ölkələr arasındakı əlaqələrin daha da möhkəmlənməsi üçün müsbət rol oynayacaqdır.

Türk dünyasının humanitar əsaslarda birliyinin yaradılmasında TÜRKSOY-un da rolu əvəzsizdir. TÜRKSOY yarandığı vaxtdan bu günədək türksoylu millət və dövlətlər arasında sıx dostluq əlaqələri quraraq, ortaq türk mədəniyyətini, dilini, tarixini, incəsənətini və yaşarı ənənələrini araşdıraraq ortaya çıxarmaq, türk dünyasının zəngin mənəvi və mədəni sərvətlərini müasir sivilizasiyanın üstün dəyərləri sırasına qoşmaq, türk xalqlarının ortaq keçmişini, tarixi irsini, dil və ədəbiyyatını, çağdaş sənət yeniliklərini ciddi elmi

araşdırmalara cəlb etmək, ümumtürk mədəniyyəti və sivilizasiyasının inkişaf tendensiyalarını proqramlaşdırmaq məqsədlərini yüksək səviyyədə həyata keçirməkdədir. Eləcə də qeyri-türk dövlətlərin ərazisində kompakt halda öz tarixi torpaqlarında yaşayan türk xalqlarının (Rusiya, Ukrayna, Moldova, Makedoniya, Bolqarıstan, İraq, Gürcüstan) ana dilində ədəbiyyat və dərsliklərlə təmin edilməsi, onların milli-mənəvi dəyərlərinin, mədəni irsinin qorunub saxlanmasına yardım göstərilməsi dünyanın hər bir guşəsində yaşayan bütün türklərin mənəvi birliyini möhkəmləndirməkdədir.

Türkdilli Ölkələrin Parlament Assambleyası (TÜRKPA) da Avropa Birliyinin universal parlament quruculuğu təcrübəsindən yaradıcı şəkildə bəhrələnməklə türk dünyasının birlik hərəkatında mühüm rol oynamaqdadır. TÜRKPA 21 noyabr 2008-ci ildə Türkiyə Respublikasının İstanbul şəhərinin "Dolmabaxça Sarayı"nda Azərbaycan Respublikası, Qazaxıstan Respublikası, Qırğızıstan Respublikası və Türkiyə Respublikasının parlament rəhbərlərinin imzalamış olduğu Sazişlə təsis olunmuşdur. TÜRKPA-nın əsas məqsədləri –parlament diplomatiyası vasitəsilə dövlətlərimiz arasında siyasi əməkdaşlığın daha da inkişaf etdirilməsini təmin etmək, tarix, mədəniyyət və dil ümumiliyinə əsaslanaraq milli qanunvericiliklərin yaxınlaşdırılması və parlamentlərarası əməkdaşlıq sahəsində qarşılıqlı fəaliyyətin daha da sıxlaşdırılmasına nail olmaqdır. Bu məqsədlə TÜRKPA tərəfdaş ölkələrin qanunvericiliklərinin, o cümlədən mədəni irsin - tarix, incəsənət, ədəbiyyat və digər sahələrdə türkdilli ölkələr üçün ümumi əhəmiyyət kəsb edən dəyərlərin qorunması və gələcək nəsillərə ötürülməsinə yönəlmiş qanunvericiliklərin uyğunlaşdırılması üzrə tövsiyələr hazırlayır, tərəflər arasında siyasi, sosial-iqtisadi, mədəni, humanitar, hüquqi və digər sahələrdə əlaqələri dərinləşdirməyə çalışır.

Beləliklə, türk dövlətlərinin birliyini get-gedə gücləndirmək üçün, bütün dünya xalqları ilə yanaşı vahid türk millətinin də yüksək rifah cəmiyyətində yaşaması üçün və türk amilinin dünya siyasətinə təsir gücünün artması və nəticədə dünya siyasətində söz sahibi olan vacib bir güc mərkəzinə çevrilməsi üçün bütün tarixi-sivilizasion əsaslar və bu əsaslar üzərində böyük birliyi təmin etmək istiqamətində siyasi, iqtisadi, mədəni və s. istiqamətlərdə səy göstərən ciddi üstqurum institutları artıq fəaliyyətdədir. Müasir dünyada baş verən proseslərin ümumi tendensiyası da göstərir ki, beynəlxalq sistemi təşkil edən dövlətlərin qlobal siyasi, iqtisadi, mədəni məkanda, geniş əməkdaşlıq şərtləri daxilində strukturlaşması onların "sivilizasiya doğmalığını", milli-tarixi inkişaf ənənələrini ciddi şəkildə özündə

ehtiva edən praqmatik ideya layihələrinin gerçəkləşməsi ilə mümkündür. Ona görə də türk milli dövlətləri və xalqları da artıq əsası qoyulmuş vahid siyasət və mədəniyyət platforması ilə hərəkət edərək, bu strateji istiqamətdə öz maraq və mənafelərini uzlaşdırmağı bacarmalı və özlərinin koordinasiya olunmuş strategiyasını müasir dünya inkişafının aparıcı tendensiyalarından birinə çevirməlidir.

ҰЛЫ ДАЛА ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫ «МӘҢГІЛІК ЕЛ» ИДЕЯСЫНЫҢ НЕГІЗІ ЖӘНЕ ЖАСТАРДЫҢ ҰЛТТЫҚ ТӘРБИЕСІНІҢ ҚҰРАЛЫ

Әрінова Бақыт Айтуқызы*

ABSTRACT:
In this article is about the education in higher educational institutions in particular on the values of the Great Steppe. The author connects mononational idea of «Мәңгілік Ел» with the development of the culture of our country. As the article says about the education of national values.

KEY WORDS: national education, students, values, institutions of higher education.

Қазіргі заманауи талаптарға сәйкес жоғары оқу орындарында білімденуші студент жастарды қоғамымыздың кемелденуін, мемлекетіміздің өркендеуін қамтамасыз ететін күш ретінде қарастыра отырып, оларды ұлттық идея, ұлттық болмыс, ұлттық сана-сезім, ұлттық намыс, ұлттық патриотизм негізінде тәрбиелеудің қажеттігі күн санап арта түсуде. Студент жастардың тұлғалық әлеуметтенуі қазақстандағы ғана күрделі мәселе емес, бұл бүкіл әлемдік өркениетке тән құбылыс болып саналады. Сондықтан жастар мәселесі біздің елімізде адамзат тарихындағы өзгерістердің басты факторы және әлеуметтік құнды топ ретінде қарастырылады. Жастар мемлекет дамуында белсенділік танытатын субъект ретінде өмір жалғасы, болашақ тізгіні және келешекте ата-бабамыздың игілік жолын жалғастырушы мұрагер деп танылады. [ҚР «Жастарды тәрбиелеу» тұжырымдамасы, 1999:1].

Ұлы дала құндылықтарына негізделген «Мәңгілік Ел» жалпыұлттық идеясында қазақстандық елжандылық, азаматтық, ізгілік, жалпыадамзаттық және ұлттық құндылықтар арқылы жоғары адамгершілік қасиетке ие, бәсеке айдынында кәсіби

* Педагогика ғылым кандидаты, доцент, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Т.Тәжібаев атындағы Этнопедагогика және этнопсихология ҒЗО директоры E-mail: baxit-@mail.ru

құзіреттілігі биік маманды қалыптастыру - мемлекетіміздің асқақ мұраттарын жүзеге асырудың алғышарты болады. Сол себепті де , әрбір ұлттың болашағы оның білімді де іскер, талантты да мәдениетті, кісілік қасиеттерді бойына сіңіре білген аға ұрпақтың тағылымды тәрбиесімен ержеткен өнегелі жастардың қолында екені дау тудырмаса керек. Сондықтан да болар тәуелсіздігіміздің 25 жылдық тарихында жастардың ұлттық тәрбиесі ұрпақтар бірлігі мен сабақтастығы жылы болып жарияланған 1999 жылдан бастап, Елбасының Қазақстан Халықтарына әр жылғы Жолдауларында, «Мәңгілік Ел» және «Ұлт жоспары 100 нақты қадам» сияқты құжаттарда орын алып, оқу тәрбие ісінің өзегіне айналуда.

Студент жастарға ұлттық тәрбие берудің негізгі идеялары ҚР Тұңғыш Президенті Н.Ә.Назарбаевтың «Қазақстан-2050 стратегиясы: қалыптасқан мемлекеттің жаңа саяси бағыты» атты халыққа Жолдауында айтылған білім беру, денсаулық сақтау, тілдерді дамыту және жұмыспен қамту сияқты халықтың әл-ауқатын арттырып, денсаулығын қорғауға, жастарымыз бен балаларымыздың сапалы білім, саналы тәрбие алуына, салауатты өмір салтын өрістетуге арналған міндеттермен сабақтасады. [Н.Ә.Назарбаев 2012:2]. Олай болса, отандық жоғары білім беру жүйесіндегі басымдықтар Ұлы дала құндылықтарына, ұлттық идеяға, ділге, болмысқа, ана тіліне және халқымыздың салт– дәстүрлеріне негізделіп, оқыту мен тәрбиелеу үдерісі «Мәңгілік Ел» жалпыұлттық идеясын жүзеге асыруға бағытталуы тиіс. Елбасының «Нұрлы жол-болашаққа бастар жол» атты Қазақстан халқына Жолдауында: «Біз Жалпыұлттық идеямыз–Мәңгілік Елді басты бағдар етіп, тәуелсіздігіміздің даму даңғылын Нұрлы Жолға айналдырдық. Мәңгілік Ел– елдің біріктіруші күші, ешқашан таусылмас қуат көзі. Ол «Қазақстан 2050» стратегиясының ғана емес, XXI ғасырдағы Қазақстан мемлекетінің мызғымас идеялық тұғыры! Жаңа Қазақстандық патриотизм дегеніміздің өзі – Мәңгілік Ел! Ол барша Қазақстан қоғамының осындай ұлы құндылығы... Мәңгілік Ел идеясының бастауы тым тереңде жатыр. Осыдан 13 ғасыр бұрын Тоныкөк абыз «Түркі жұртының мұраты – Мәңгілік Ел» деп өсиет қалдырған. Бұл біздің жалпыұлттық идеямыз мемлекеттігіміздің тамыры сияқты көне тарихтан бастау алатынын көрсетеді»,- деген тұшымды ойы бұған дәлел болады. [Н.Ә.Назарбаев 2014:3].

Осы тұрғыда түркі халықтарының басын біріктіретін ұлы мұрат сонау ықылым замандардан бастап, бүінгі жаңа дәуірде

де барша түркі баласының өмір-тіршілігінде жалғасын тауып келе жатқан жасампаздық, ұлы дала құндылықтарының бастауы болып қала береді. Көне түркі жазба ескерткіштеріндегі тасқа жазылған Күлгегін, Тоныкөк жырларындағы тағылымды тәлім, ұлағатты тәрбиелік тұжырымдар елдіктің, ерліктің дастаны болса, ғұлама ғалым әл-Фарабидың философиялық түйіндері түркі елдерінің дүниетанымының мәйегі деп танылады. Ал Жүсіп Баласағұнның «Құтты білік» дастанындағы басты қағидалар мемлекеттік заңнамалардың іргетасы іспеттес. Тарих қойнауындағы деректерге жүгінетін болсақ, ұлттық ұлағаттың қайнар көзі сонау көне дәуірден бастау алып, бүгінгі қазақ ұлттық мәдениетінің қалыптасуына негіз болғандығын байқаймыз. Ұрпақ тәрбиесі тарихта болған ойшылдардың дүниетанымы мен қазақ жерінде туған ой-пікірлердің негізінде дамып қалыптасты. Ұрпақ тәрбиесі туралы айтылған ой-пікірлердің барлығы адамгершілік идеяларына бағытталып, жақсы адам болуды нысана тұтқан. Қазақ халқының тұрмыс-тіршілігінде өнеге мен өсиетке негізделген нақыл сөздер, тәрбиелік иірімдер ұлттық келбет пен ұлттық мінезден туындап отырған. Бұл дәстүр ата-бабаларымыздың сара жолы, болашақ ұрпағына қалдырып кеткен аманаты және ұлттық мұраты, сондықтан біз бүгінгі таңда айтылып отырған «Мәңгілік Ел» жалпыұлттық идеясын қазақ халқының ғасырлар тоғысындағы ежелі арманымен бірлікте қарастырыруымыз әбден орынды.

Ұлттық тәрбие беруде өзінің құндылығын жоймай келе жатқан халық тәжірибесінің , дала даналарының ой-пікірлерінің орны ерекше болуы да осыдан. Атап айтқанда ұлы ойшыл, ғұлама ғалым, асқан философ Әбу Насыр Әл-Фараби өзінің ғылыми еңбектерінде парасаттылық туралы ой толғап, адам деген ардақты атты алып жүруді үлкен бақыт деп есептеген. Ол үлкендердің кішілерге, жастарға беретін тәрбиесін «Үлкендер ұлағаттылығы» деп атаған. Ғалым жастарға тәрбиенің мәнін түсіндіруде оның қоғам дамуындағы алатын орнына, ең алдымен адамгершілік тәрбиесіне және жеке тұлғаның өзін-өзі дамытуына байланыстылығын дәлелдеген.Сөйтіп, ғұлама ғалым тәрбиенің мәнін, тұлға қалыптастырушылық орнын философиялық, психологиялық-педагогикалық тұрғыдан дәйектеген. Қазақ халқының тәлім-тәрбиелік ой-пікірі тарихында Шығыстың ойшыл философы Ж. Баласағұнидің «Құтты білік» атты еңбегі қоғамдық- әлеуметтік мәні бар түрлі ережелер мен заңдарды, әдет-ғұрыптады, мәдениет және т.б. мәселелерді өз дәуірінің талап-тілектері тұрғысынан көрсете

білген рухани мұра болып табылады. Ж.Баласағұнидың бұл мұрасында имандылық, рухани–адамгершілік қасиет-сапалар, сонымен қатар мейірімділік, достық тәрізді ұғымдардың мәні айқындалып, жалпы тәрбиенің, адамның өзін-өзі тәрбиелеуінің алатын орны нақты көрсетілген. Осы бағытта орта ғасырлық ғұламалардың бірі- Махмұт Қашқаридің «Диуани лұғат ат-түрік» атты түсіндірме сөздігіндегі адамгершілік, ар-намыс, махаббат құндылықтарының адам тәрбиесіндегі ұлттық өрнектермен өрімдеген өрелі ойдың өрнегі екендігін де айтып кетпеске болмайды. Ал ұрпақ тәрбиесінің қазақ халқының төл әдебиетінде айрықша айшықталғандығын философ, ойшыл ғұлама Ахмед Жүйнекидің «адамгершілікке тәрбиелеу кодексі» деп бағаланған «Ақиқат сыйы» атты еңбегінен көреміз. Аталған еңбегінде А. Жүйнеки адамның жеке тұлға болып қалыптасуын этикалық мәселелермен байланыстырып, бұл дүниедегі ең ірі құндылық-адамның өмірі екендігін дәлелдеген.

Төл әдебиеттің тағы бір терең тамырын XII ғасырда өмір сүрген ірі тұлға- Қожа Ахмет Яссауидің еңбектерінен табамыз. Ол «Диуани хикмет» («Даналық кітабы») атты еңбегінде рухани байлықты қоғамдық өмірдің дамуымен байланыстыра отырып, адам тәрбиесі туралы ережелерді қорытындылаған. Қожа Ахмет Яссауи шығармасында сөз бен істе шыдамды, төзімді болу, жақсы мен жаманды айыра білу, надандық, сараңдық, дүние құмарлық, жалған сөйлеп имансыз болудан сақтандыру басты нысана болғандықтан бұл еңбектің мазмұнын қазіргі ұлттық тәрбиенің негізі десек те болады.Сол сияқты адамгершілік қағидаларына негізделген тәрбие мәселесі қазақ хандығы дәуіріндегі жыр маржанын төгілткен жыраулардың әдеби мұраларында туған жер, сыртқы жаулармен болған азаттық күрес, өз дәуірінің шындығы, ерлік, ел бірлігінің жырлануы жастарды елжандылыққа, рухы биік азаматтықа тәрбиелейді. XIX ғасырдағы қазақ әдебиетінің мол мұрасында өз халқының азаттығын, тәуелсіздігін аңсап, жастарды ерлікке үндеген Дулат Бабатайұлы,Шортанбай Қанайұлы, жақсы адам бойындағы қасиеттер мен жаман адам бойындағы кемшіліктерді қарама-қарсы қойып, адамгершілік ізгі қасиеттерді ардақтаған Сүйінбай Аронұлы шығармаларында күрескерлік, жауынгерлік, азаматтық үн басым. Махамбет Өтемісұлы т.б. ұрпағына қалдырған өршіл, өткір мұралары бүгінгі жастардың рухани игілігі және ұлттық тәрбие негізі болып табылады.

XIX ғасырдағы қазақ халқының рухани өмірінде өз халқының әдет-ғұрпын, әлеуметтік жағдайын, адамдармен

қарым-қатынас ерекшеліктерін, діни көзқарастарын, адамгершілік қасиет-сапаларын жан-жақты ашып көрсеткен Шоқан Уәлихановтың есімі әдеби мұраларда ерекше аталады. Оның «Мұсылмандық туралы», «Қазақ шежіресі», «Жоңғария очерктері», «Этнографиялық очерктер» және т.б. миф, аңыз, өлең, жыр, мақал-мәтел, жұмбақ шежірелері халықтың рухани мұраларының бірі болып саналады. Қазақ жастарының адамгершілік жағынан өнегелі, инабатты, адал, еңбексүйгіш азамат болып тәрбиеленуіне аса мән беріп, адам тәрбиесін ең жоғарғы міндет деп есептеген ағартушы ұстаз Ыбырай Алтынсариннің қазақ балаларын тәрбиелеудегі еңбегі шексіз екені сөзсіз. [Әбен Е.2001: 4].

Ұлт мақтанышы Абайды жастарды тәрбиелеу туралы құнды пікірлер айтқан ойшыл деп танимыз. Абайдың рухани әлемі, оның негізгі зерттеу нысаны - адам. Ол адамның мінез-құлқын, адамгершілік ізгі қасиеттерін тәрбиелеуді өмір бойы басты мұрат етіп ұстанды. Абайдың жастарды адамгершілікке тәрбиелеу жөніндегі ұлағатты ойларын ақынның кез келген өлеңінен, қарасөздерінен табуға болады.

XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басындағы қазақ халқының рухани-мәдени өмірінде Абайдан кейінгі ірі тұлғалардың бірі - Шәкәрім Құдайбердиевтің өлеңдері мен аудармаларының негізгі тақырыбы мен мазмұны адамгершілік философиясы мен мәдениетіне , әлеуметтік орта, болашақ ұрпақ тәрбиесі мәселелеріне арқау болған.

XX ғасырдың классикалық әдебиетінде қазақ әліпбиінің атасы Ахмет Байтұрсынов «Қырық мысал», «Маса» т.б. еңбектерінде халықты оқуға, өнер, білімге шақырып, адамгершілікті, мәдениетті уағыздаса, Жүсіпбек Аймауытов «Қартқожа», «Ақбілек» романдары, «Күнекейдің жазығы» повесі, «Мансапқорлар», «Шернияз» драмасы т.б шығармалары және педагогикалық-психологиялық еңбектерінде ұлттық тәрбиенің негізін қалады. Ұлтын сүйген елжанды ақын М. Жұмабаев «Педагогика» атты оқулығында баланың жеке тұлға болып қалыптасуына тәрбиенің қажеттігін ғылыми тұрғыдан негіздеп, «әр тәрбиешінің қолданатын құралы-ұлт тәрбиесі... әрбір ұлттың бала тәрбиесі туралы ескіден келе жатқан тақтақ жол болғандықтан, әрбір тәрбиеші сөз жоқ, ұлт тәрбиесімен тәрбие беруге міндетті» -, деп тұңғыш рет «Ұлттық тәрбие» ұғымын енгізді. [Жұмабаев М.1992: 5].

Қазақ халқының төл мәдениетінде өшпестей із қалдырған әдебиет тарландары мен ұлт зиялылырының рухани

мұраларында айтылған ой-тұжырымдар қай уақытта болмасын ұлттық тәрбиенің өзегі болып қала бермек. М.Әуезовтің «Абай жолы» эпопеясында көрініс тапқан ұлттық сипат қазақ халқының біртұтас болмыс – бітімін көрсетсе, ХХ ғасырдағы классиалық көркем туындылар мазмұны қазақ халқының ұлттық ұлағатын, тәрбиелік тағылымын таныта білді. Бүгінгі таңда ХХI жаңа ғасырдағы тәуелсіз, егемен елдің еркін әдебиеті ел ертеңі болашақ ұрпақтың, жасампаз жастардың ұлттық тәрбиесіне нәр беретін көркем туындыларын әкеле бастады. Міне, осындай тағылымдық сипатына қарай Ұлы дала құндылықтарының бірі ретінде көркем әдебиеттің тәрбиелік рөлі арта түсері сөзсіз.

Қорыта айтқанда, Ұлы даланың әдеби көркем мұралары мемлекет құрушы ұлттың рухани құндылықтары ретінде қазіргі студент жастар тәрбиесінде аса маңызды болып қала береді. Әсіресе, қазіргі жаһандану жағдайында жастардың көркем әдебиеттен нәр алуы сөз әлеміндегі көркемдік тұтастықты түсіне отырып, еліміздің тарихи өткенін оқып-үйренуге, қоғамдағы қайшылықтарды ажырата негіз болады. Ендеше, ұлттық діл, ұлттық болмыс, ұлттық мәдени мұралар ұлттық тәрбиенің күретамыры ретінде егемен еліміздің қазіргі жастарының азаматтық тұлғасын, ұлттық бейнесін көрсететін біртұтас жүйені құрауға негіз болады деп тұжырымдай аламыз.

ӘДЕБИЕТ

Қазақстан Республикасының Президенті – Елбасы Н.Ә.Назарбаевтың «Қазақстан-2050» стратегиясы қалыптасқан мемлекеттің жаңа саяси бағыты» атты Қазақстан халқына Жолдауы. 14.12.2012.

ҚР-ның «Жастарды тәрбиелеу» тұжырымдамасы, 1999.

Н.Ә.Назарбаев. «Нұрлы жол – болашаққа бастар жол». Астана.12 қараша. 2014 ж.

Әбен Е. Дала даналары. Алматы: Қазақстан даму институты,2001

Жұмабаев М. Педагогика.-Алматы,1992

ЛАКАЙЦЫ: НЕКОТОРЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЕ

Назаров Насриддин *

ABSTRACT:

* Доктор политических наук, г. Ташкент, Узбекистан

This article discusses some aspects of ethnic culture lackey's nationality. As one of the main components of the Uzbek nation, lackeys have rich traditions and ethnic values, some of which have no analogues in other ethnic cultures or different in detail. In addition, ethnonyms common in lackey`s promotes the study and comparison of general and special signs in the culture of the Turkic-speaking peoples.

KEY WORDS: Turkic peoples, lackeys, ethnic group, nationality, culture, rituals, traditions, culture musician, livestock, ethnic features.

Тюркские народы состоят из похожих друг на друга, и в то же время отличающихся своеобразными обычаями, укладом жизни народностей и этнических групп. Эти народности и этнические группы не только обеспечивали целостность, естественную красоту и дух население суперэтноса, но и показывает разнообразности традиции в тюркском суперкультуре. Одной из таких народностей являются лакайцы, проживающие в южном Таджикистане и северном Афганистане, которые составляють одно из основных компонентов узбекской нации [Кармышева 1954: 6-19].

Лакайцы достигли определенных успехов в животноводстве, и в результате, вывели лошадей породы Лакайи [Хитенков 1937: 3-47] также они вывели сорт дынь Лакайи [Энциклопедияи хочагии кишлоки Точикистон. 1989: 477). Однако больше всех прославить народ могут лишь его храбрые сыновья, созидательное творчество таких сыновей. Так, в начале XX столетия войска лакайцев во главе с Мухаммадом Ибрагимбеком лет десять прославляя свой народ храбро воевали против большевиков [Абдуллаев 2009: 179-237; Назаров 2006: 4-194].

Образцы прикладного искусства также служат фактором, определяющим культурный уровень народа. Мапремеч, жук чаригич, серпе, жук бети, айнахалта, бугжама и другие швейные изделия обеспечивают пропаганду культуры лакайцев даже за океаном. Особенно, известны образцы этнокультуры как торлама, бостирма и шавдурак такия – национальные головные уборы лакайцев. Обычаи, традиции, неповторимый фольклор и своеобразный диалект лакайцев требуют систематических исследований.

У тюркоязычных народов Таджикистана, в частности и у лакайцев, особое внимание исторической традиции – знать своих поколений, осознавая свою принадлежность системе определенных родов. Родовое деление присущи, в основном, народам-животноводам, позже процесс оседания активно обеспечил общие аспекты. Лакайцы состоять из крупных

этнических групп, которые, в свою очередь, разделяется на поколений и звеньев, иногда эти звенья состояли из ветвей.

Лакайской народность возникла как общественно-историческое, военно-политического единства четырех крупных этнических групп, и в процесса исторического развития обрела свое место и статус среди народов региона*[1]. Эсенходжа, Бадрахли, Байрам и Тортуул, объединившись, обеспечили процесс этнического развития лакайской народности.

1. Эсенходжа состоит из родов курдек, нарин, аксари, узден, туечи, кулбачче, мирзагул, алтмиш, малыш, кунтув, кулумбет, кармиш, муллабачче, надирбачче, яхшиликбачче, байкучкар.

2. Бадрахли являясь самым крупным, состоит из родов каттемерген, киччимерген, кизилбай, келекей, парча, жунус.

3. Байрам состоит из родов туртата, шакей, давет, чегене.

4. Туртуул состоит из родов учувул, суюндук, бурундук, чал, косе, гургуре.

Низшие ступени родов именовали ата, бала, небере, чебере, дубере и др., а предков – ата, чалата и т.д. В древности у лакайцев была традиция – знать семь своих предков. Смута начала прошлого века, войны с большевиками, этническая разрозненность, имевшая место в Афганистане и бывшем Союзе затмило данную грань национального менталитета. Но знание семи предков сохраняется среди некоторых представителей народности в качестве обязательной традиции.

Раньше в социальной жизни лакайцев ведущее место принадлежало охотничеству. Также особое внимание обращали породистых овец. По мнению специалистов, в разведение овца породы хисари есть и вклад лакайцев в этой сфере [Азаров, Бригис 1930: 61].

Образцы прикладного искусства лакайцев и некоторые их обычаи ценны как таинственные свидетели древней истории. Лакайцы во дворе вешали череп барана, хранили «карижилик», в их такия имели место кружевные узоры в виде рогов овец, все это свидетельствует о том, что они рассматривали органы овец как средство против всяких бед. Эти обычаи сформировавшиеся в течении веков, и заняли место в сознании и представлениях народа, являясь также историческим подтверждением особого места представителей народности в развитии животноводства. Сохранившееся среди представителей народности «Топик войин» также является свидетельством древнего прошлого, и ведущего места животноводства в жизни народа. В процессе игры

[1] История народности требует отдельного исследования, поэтому не углубляясь в данном вопросе, обратим внимание на этно-родовые особенности.

«топик» в основном кость овцы передают товарищу, знакомому или напарнику, и востребуют в любое время обратно*[2]. Если тот, кто взял кость, покажет её при первом же требовании того, кто её отдал, он выигрывает, иначе проигрывает. О том, что эта игра древняя, и присуща тюркским народам писал Махмуд Кошгарский, подтверждая о том, что некоторые люди носили кость даже в бане, и даже если там, с него требовали кость, её предъявляли [Кошгарий 1960: 198].

Как известно, вышивание занимает важное место в быту лакайцев, является ярким образцом народных промыслов. В нем отражается эстетический мир представителей народности, а также их религиозные и светские представления. Образцы прикладного искусства лакайцев как илгич, напрамеч (мапрамеч), жук чаригич, изделия, вывешимаемые на дверях, такия(тюбетейки мальчиков, девочек, женщин и мужчин), айнахалта, чайхалта, вышивки для украшения юрты, серпе, жук бети и другие опредаляют их эстетический вкус, и как неотъемлемая часть этноисторических ценностей - свидетельство древней истории народа. Умение прочитать эту историю, сравнивая общее и частное в вышивке тюркских народов, требует высокое мышление, развитый вкус и ясность ума**[3].

Традиционными музыкальными инструментами лакайцев являются бомбра, най, чанковуз и дап. Домбра имеет место у многих тюркоязычных народов и составляет важный пласт музыкальной культуры региона.

В формировании музыкальной культуры основную роль играла семья, где получали начальное музыкальное образование. Мужчины учились играть на домбре, женщины – на чанковузе и дап. Отец-мать, чалата-каттайене, братья-сестры-снохи мотивируя молодых учиться играть на инструментах, выполняли обязанности первого учителя. Далее «музыкант», получивший начальное образование в семье, овладевал данным ремеслом среди соседей и родственников, проявляя свои способности на соревнованиях в масштабах кишлака. Так совершенствовали

[2] Игра «топик» - резали барана, во время пира кому доставалась кость с костным мозгом, заявлял «кто возьмет эту кость, тому, кто выиграет, отдам барана». Претенденты даже дрались за кость. Два друга играя в кость в жаркий летний день, пошли купаться в озеро. Доплыли до середины озера, тот, что отдал другу кость, стал требовать её обратно. Друг достал изпод языка кость, и выиграл барана. Выигрыш, в основном, резали, и устраивали пир для людей. Основным призом были теплые слова людей.

[3] С 30 ноября по 31 декабря 2006 года в столице Узбекистана – Ташкенте проходила выставка образцов прикладного искусства лакайцев. Выставка была организована по инициативе арт-галереи «Карвон» при поддержке Программы по развитию культуры и искусства Швейцарии и республиканского объединения «Хунарманд».

музыкальные способности.

Най чабана (пастуха) имеет большое значение для животноводства, он отражает мечты и надежды чабана, определяет направление движения скота. Так, даже скот учился подчиняться мелодии музыки. Кроме того, с помощью ная чабан повествовал о том, в каких местах он находится, по нему ориентировался тот, кто нес ему еду.

Кобиз, чанкобиз – губной музыкальный инструмент, изготовленный из дерева или жести, со струной из шерсти. Звучность его голоса зависит от движения пальцев и языка играющего. Раньше игра на кобизе была очень распространена, но сегодня данное занятие достаточно редко. На кобизе играли, в основном, женщины и девушки. По словам людей старшего возраста, раньше на сайилах (массовых гуляньях) особенно весной женщины собирались на холмах и играли на чанковузе. Мать рассказывала, как её сестру выдали из кишлака Тавашар из Кизилмазорского района на другой берег Кизилсув (Сурхоб). Весной, из за невозможности перейти реку, сестры собирались на холме и играли на чанковузе, на том берегу сестра узнав голос чанковуза, тоже выходила на холм, так родственницы на расстоянии семи-восьми километров общались посредством данного музыкального инструмента. Раньше ни одну свадьбу нельзя было представить без саки или домбриста. В последние годы из-за большого количества эстрадных групп, а также экономических сложностей свадьбы проходят, практически, без национальных мелодий. Занятие саки не стимулируется. Эти факторы оказывают отрицательное влияние на этномузыкальной традиции.

Лакайцы, наряду с общими с тюркоязычным населением, имеют и отличительные этнические особенности. Это требует постоянного, систематического и продолжительного исследования. В частности, устная история и устная народная творчества хорошо развита среди лакайцев, аксакалы рассказывают молодым о многом. Обращение внимание на данные аспекты особенно актуально и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. – Сталинабад, 1954.

Хитенков Г.Г. , Локайская лошадь. Конские породы Средней Азии. – Москва – 1937.

Энциклопедияи хочагии кишлоки Точикистон. Чилди якум. – Душанбе – 1989. Сах. – 477.

Абдуллаев К. От Синьцзяня до Хорасана: Из истории среднеазиатской

эмиграции XX века. – Душанбе, «Ирфон», 2009. – Стр. 160-251;
Назаров Н. Мухаммад Иброхимбек Лакай – Тошкент, ИФЕАК, 2006.
Азаров С.Г., Бригис О.И. Овцеводство Таджикистана. – М., 1930. –С. 61.
Кошгарий М. Девону луготит-турк. (Словарь тюркских наречий) узб. –Т.: Фан. 1960. С.198.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КАЗАХОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Атнагулов Ирек Равильевич*

Ethnic AND demographic characteristics and self-identification of kazakhs of the Chelyabinsk region

ABSTRACT:
The Kazakhs of the Chelyabinsk region historically settled in its southern regions, which are adjacent to the borders of the Russian Federation with the Republic of Kazakhstan. These lands form part of a single ethnic territory of the Kazakhs. In 2010 the number of Kazakhs in the region was 35297 peoples. A significant part resides in areas of historic settlement in the area, in Agapovsky, Nagaybaksky, Bredinsky, Kizilsky, Kartalinsky, Verhneuralsky, Varnensky, Chesmensky and Troitsky districts. The Kazakhs, like other people of the region affected urbanization processes and constitute the population of the cities of Magnitogorsk, Chelyabinsk, Troitsk, Verkhneuralsk and Kartaly.

KEY WORDS**:** Demography, identity, Kazakhs, Chelyabinsk region.

Казахи Челябинской обл. исторически расселены в её южных районах, что географически соответствует зоне распространения лесостепного ландшафта – привычной экологической нише этноса. Кроме того, эти земли примыкают непосредственно к границам Российской Федерации с Республикой Казахстан, составляя часть единой этнической территории казахов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. численность казахов в области составляла 35297 чел. Большая их часть постоянно проживает в местах исторического расселения, в районах: Агаповском – 3077, Нагайбакском – 2839, Брединском – 2836, Кизильском – 2463, Карталинском – 2163, Верхнеуральском – 2043, Варненском – 1454, Чесменском – 1448, Троицком – 1249, Уйском – 436, Октябрь-

* Кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории, руководитель Лаборатории археологических и этнографических исследований Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: i.atnagulov@mail.ru

ском – 284, Пластовском – 239, Чебаркульском – 205 и Увельском – 200 чел. [Всероссийская перепись населения 2010 г.: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php].

Казахи, как и всё остальное население области, подвержены урбанизационным процессам и составляют население городов Магнитогорска, Челябинска, Троицка, Верхнеуральска и Карталов. Эти города находятся непосредственно в зоне их исторического расселения, либо несколько севернее, например, в областном центре – г. Челябинске.

Наибольшее число казахов зафиксировано в Магнитогорске – 4130 и Челябинске – 2866 чел. Магнитогорск является крупным центром промышленности и образования на юге области. Близость к малой родине и возможность учиться и работать в крупном городе объясняет выбор значительной части казахской молодёжи. Присутствие второй по численности, компактно расселённой группы казахов в Челябинске, объясняется, также, исключительно экономическими соображениями.

На третьем месте находится Троицк – 1559 чел. Он, как и Магнитогорск, расположен в непосредственной близости от мест исторического расселения казахов. С самого начала возникновения города в 1743 г. и установления Троицкой ярмарки присутствие торговцев из Среднего жуза здесь было постоянным [Рычков 1762: Ч. II 150]. Троицк для казахов являлся не только торгово-экономическим, но и культурно-просветительским центром [Гизатуллин: http://www.fergananews.com/articles/6477]. В городе существовали общественные организации казахов, на рубеже XIX-XX вв. начала издаваться литература на казахском языке. В настоящее время Троицк привлекает казахское сельское население возможностью получения образования и трудоустройства.

Заметно меньшее число казахов проживает в городах Карталы и Верхнеуральске. Однако и сама численность населения этих городов значительно ниже. Верхнеуральск возник как крепость в 1734 г. в ходе кампании по строительству линии укреплённых сооружений вдоль р. Яик (Жайық), по которой проходила этническая граница межу башкирами и казахами. Верхнеуральск, таким образом, находился на окраине этнической территории казахов. Карталы расположены непосредственно на тех землях, где предки современных казахов имели постоянные летние кочевья. Относительно недалеко от Карталов и Верхнеуральска расположены сельские населённые

пункты со значительным числом казахов. Этот фактор, безусловно, влияет на этнодемографическую картину данных городов.

Несмотря на процессы урбанизации, казахи продолжают сохранять глубокие связи с родными сёлами. Тесные контакты обусловлены крепким сохранением элементов традиционного уклада, ценностных ориентаций, а также необходимости выполнения комплекса обрядово-праздничных ритуалов, требующих непременного забоя домашнего скота и приготовления молочных продуктов при глубокой ферментационной переработке. Наиболее высокое относительное число казахов фиксируется в районах: Нагайбакском – 14 %, Кизильском – 10 %, Брединском – 10 %, Агаповском – 9 %, Чесменском – 7 %, Варненском – 5 %, Верхнеуральском – 6 %, Троицком – 4,5 % и Карталинском – 4 %. *[1]Если Агаповский р-н является лидером по абсолютной численности, то Нагайбакский по относительной доле. На территории Нагайбакского р-на во второй половине XIX – начале XX в. возникло несколько казахских аулов: Арасламбаевский (Каракупа), Копал, Кужебай, Бесенбаевский (Беркут), Кинжебаевский (Байчунус) и Арзакуловский [Плешков 1928: 38-41]. Из них последние три ныне не существуют. В настоящее время наиболее крупные группы казахов Нагайбакского р-на проживают в населённых пунктах: Фершампенуаз – 294, Арасламбаевский – 270, Нагайбакский – 140, Балканы – 133, Придорожный – 125, Куропаткинский – 120, Арсинский – 112, Петровский – 109, Подгорный – 105 чел.**[2]

Из трёх территориальных подразделений на территории Челябинской обл. расселены казахи Среднего и Младшего жузов. На крайнем юго-западе и юго-востоке области проживают казахи Младшего жуза объединения жетыру родов жагалбайлы и телеу. Вдоль р. Уй, в верховьях Тогузака и Аята, на юго-востоке области проживают казахи Среднего жуза объединения кыпшак, родов каракыпшак, карабалык, кольденен и др. Родоплеменные группы казахов Младшего жуза на территории Челябинской обл. являются потомками преимущественно ногайского населения, а казахи Среднего жуза мигрировали в Зауралье из центрального Казахстана под нашествием джунгар [Попов 1861: 172]. Значительную часть родоплеменной структуры составляют родовые подразделения жагалбайлы и группы объединения кипчак. В середине XVIII в.

* 1 Подсчитано автором по: Всероссийская перепись населения 2010 года // http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
** 2 То же.

они были вовлечены в торговлю с Россией и постепенно перешли к полуоседлому образу жизни [Рычков 1762: Ч. I 144-145].

По материалам экспедиционных исследований, проведенных в 2013 – 2014 гг. в п. Арасламбаевском, Балканском, Придорожном, Петровском и 50 лет Октября Нагайбакского р-на собран материал по родоплеменной структуре местного населения. Большинство их принадлежат к Младшему жузу, объединению жагалбайлы. Меньшая часть – к Среднему, объединениям жаппас и кыпчак. Такое соотношение представителей Младшего и Среднего жузов можно объяснить географическим положением района – юго-запад Челябинской обл., где проходит территория традиционного расселения казахов объединения «жагалбайлы». В перечисленных населённых пунктах было опрошено определённое число семей: в Придорожном – 19, Петровском – 13, Арасламбаевском – 11, 50 лет Октября – три, Балканах – 18. Наиболее крупные подразделения: в Придорожном – бескрек шуылдак, бозбет шыны, бозбет жадыгер и бозбет есенгельды; Петровском – бескрек шуылдак, ак кожа и бозбет шыны; Арасламбаевском – бозбет шыны и бескрек шуылдак; 50 лет Октября – ак кожа, бескрек шуылдак, бескрек аю табан, бозбет жадыгер и есенгельды; Балканах – ак кожа, бескрек ала калпак, бескрек шуылдак, бозбет есенгельды, бозбет шыны, есыркожа, кипчак каратчак.*3

В рамках полевых исследований 2015 г. был проведён опрос, целью которого являлось определение идентификационной базы современных казахов. Опрос проводился среди жителей п. Балканы. Были выделены несколько различных уровней самоидентификации, среди которых: религиозный, политико-географический, этнический и языковой.

Отношение к религии остаётся одним из важнейших параметров самоидентификации. Казахи, как известно, в подавляющем большинстве относятся только к одной из религиозных конфессий – мусульманству суннитского направления. В советский период истории они, как и другие народы СССР, находились под влиянием государственной атеистической политики. Несмотря на это в быту казахов продолжали сохраняться многие мусульманские обычаи и традиции. Особенно это было связано с такими событиями как рождение ребёнка, свадебный и погребально-поминальный обрядовые циклы. Групповое ощущение принадлежности к

* 3 ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, 2013-2015. Орфография дана по версии информаторов.

мусульманской культуре регламентировали многие стороны повседневной и празднично-ритуальной жизни. Начиная с 1990-х гг. интерес к религии среди казахов Челябинской обл. значительно возрос. В 1993 г. в Нагайбакском р-не, в одном километре восточнее п. Арасламбаевский была построена мечеть, которая обслуживает религиозные потребности всех местных мусульман, среди которых преобладают казахи [Атнагулов 2015: 136]. Религиозное состояние казахов п. Балканы отражено в трёх вариантах ответов – «верующие», «атеисты» и колеблющиеся». Подавляющее большинство назвали себя людьми верующими – 80, атеистами – 13, колеблющимися – 7 %. Религиозную принадлежность как главный идентификационный признак назвали 23 % респондентов.

Политико-географический вид самоидентификации включает три уровня – локальный (ощущение принадлежности к населению района), региональный (области) и политико-государственный (Российской Федерации). На первое место поставили: локальный уровень – 17, региональный – 10 и политико-государственный – 17 % респондентов.

Этническую самоидентификацию мы также подразделяем на три уровня – общеэтнический, жузовый и родоплеменной. Главным идентификационным признаком общеэтнический назвали 17, принадлежность к жузу – 4 и родоплеменной группе – 10 % опрошенных*4.

Языковая идентичность отражает ощущение принадлежности к какому-либо языковому пространству. Среди респондентов ответили, что разговаривают чаще на казахском – 10, чаще на русском – 50, в равной степени на обоих – более 30 %. Казахско-русское двуязычие является результатом этнического взаимодействия за последние примерно сто шестьдесят лет. Особенно ситуация стала меняться с 1920-х гг., когда на территории района стали появляться новые населённые пункты. Они возникали в связи с освоением целинных земель и строительством колхозов. Этнический состав в них был смешанным. Сюда переселялись русские, нагайбаки, казахи, украинцы и др. В настоящее время большинство казахов района проживают в этнически смешанных посёлках [Атнагулов 2015; С. 99-100]. Это повлияло на развитие лингвистической ситуации среди казахов в пользу увеличения сферы функционирования русского языка.

Картину уровней самоидентификации казахов Нагайбакского

* 4 ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, 2013-2015.

р-на дополняет краткое описание особенностей этнической культуры. Несмотря на русские влияния, казахи, тем не менее, продолжали сохранять этнические признаки, сформировавшиеся у них в виде комплекса культурных черт. В первую очередь это относится к материальной культуре и хозяйственной деятельности. Несмотря на переход на оседлость и развитие земледельческого сегмента, скотоводство играет главную роль в хозяйстве казахов до настоящего дня. В отличие от прошлого, нынешнее скотоводство казахов имеет не кочевой, а пастбищно-стойловый характер. Такой тип домашнего животноводства сформировался под влиянием русских и нагайбаков. Однако в отличие от русских у казахов сохранился традиционный для них состав стада – лошади и мелкий рогатый скот. Гораздо меньше по сравнению с русскими и нагайбаками казахи держат крупный рогатый скот и домашнюю птицу.

Сохранение традиций в хозяйственной деятельности связано с развитием системы питания, которая является наиболее консервативной частью этнической культуры. Система питания казахов исторически сложилась в рамках традиций обширной группы этносов – кочевников-скотоводов степной и лесостепной части Евразии. Особенность этой системы в том, что здесь решительно преобладает пища животного происхождения, которую принято делить на три большие группы – это мясо, молоко и рыба [Атнагулов 2007; 35]. У казахов наиболее широко представлены первые две, и по объёму потребляемой массы занимают едва ли равное соотношение. Предпочтительным способом термической обработки мяса и мясопродуктов является варка, обычно в котле, а в настоящее время и с использованием современной посуды. Наиболее предпочтительными сортами мяса являются конина и баранина, присутствующие, как на повседневном, так и на празднично-ритуальном столе. Другой вид пищи животного происхождения традиционно присутствует в виде молочнокислых продуктов. Пища из растительного сырья представлена широким спектром мучных изделий из пшеницы. За последние десятилетия система питания казахов района претерпела влияния кухонь соседних народов – в первую очередь русских и нагайбаков. Это отразилось, например, в увеличении ассортимента мучных изделий, употреблении в свежем и консервированном виде овощей и фруктов[*5]. Казахи, как и прочее население района, регулярно приобретают продукты питания в магазинах. Это в известной мере сближает кухню казахов с

* 5 ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, 2013-2015 гг.

другим народами и унифицирует повседневный и празднично-ритуальный рационы. Обычной в казахской кухне стала продукция промышленного производства – мясные, молочные, кондитерские изделия и т.п. В числе прочих был задан вопрос о том, как часто готовятся или употребляются традиционные казахские блюда. Было предложено три варианта ответов – ежедневно, часто (еженедельно два-три раза) и редко (реже одного раза в неделю). Ежедневно готовят и употребляют казахскую национальную пищу – 20, не каждый день, но еженедельно несколько раз – 70 и редко – 10 %.

Культурные стратегии в повседневных практиках отображаются, в том числе, и в выборе авторитетных или знаковых персон из близких людей или известных деятелей. Примерно 80 % респондентов считают, что наиболее авторитетными для них являются близкие родственники (мужчины старшего поколения – отцы, деды). Среди остальных ответов по мере убывания – В.В. Путин, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.К. Жуков. Наиболее знаменитыми или известными среди представителей казахского этноса, по мнению респондентов, по мере убывания являются: президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, хан Абулхаир, Джамбул, Абай Кунанбаев и Роза Рымбаева. Около 20 % респондентов затруднились ответить на вопрос.

Этническая и другие виды идентичностей неизбежно взаимодействуют друг с другом. В определённых обстоятельствах она может проявляться отчётливо, а иногда и вовсе никак не отражаться. Всё зависит от степени интегрированности этноса в общую социальную среду. Чем более представители этноса включены в различные отношения с окружающим их обществом, тем менее проявляется и играет роль фактор их собственной этнической идентичности. На вопрос «Были ли случаи в Вашей жизни, когда Ваша этническая принадлежность помешала Вам в чём-либо?» абсолютное большинство – свыше 90 % ответили отрицательно. Остальные единичные случаи связаны с ситуациями при бытовых взаимоотношениях. На вопрос «Были ли случаи в Вашей жизни, когда Ваша этническая принадлежность помогла Вам в чём-либо?» также более 90 % ответили отрицательно. Из положительных ответов несколько человек отметили, что в личной дружбе, один имел такой случай в армии и ещё несколько сказали, что подобные случаи были, но предпочли умолчать о том, в каких конкретных ситуациях это происходило. Исследуемая группа казахов по этим показателям проявляет вполне выраженную тесную и

органичную интеграцию в российское общество. Отсутствие проблем, связанных с этнической принадлежностью в решении многих важных жизненных вопросов является также и важным показателем отношения к казахам со стороны окружающего населения.

Нагайбакский р-н по своему составу населения является полиэтничным. Жителям, через средства массовой информации, а также в рамках различного рода мероприятий на протяжении длительного времени предлагается парадигма общего культурного пространства всех народов. Идея культурного единства даёт положительные результаты. Здесь не существует проблем в межэтнических взаимоотношениях. Обычным стало обозначение населения района, независимо от их этнической принадлежности таким этниконом как – «нагайбакцы». Несмотря на то, что численно преобладающими этносами здесь являются русские и нагайбаки, главой района до 2015 г. на протяжении более чем двадцати лет являлся этнический казах – К.Х. Сеилов, общественный рейтинг которого неизменно высок и поныне.

И, наконец, последний вопрос анкеты касался роли семьи, общества и государства по вопросу о предупреждении проявления ксенофобии. Мнения респондентов разделились значительно. Больше половины опрошенных – 60 % считают, что главным в этом деле должно быть семейное воспитание. Около 40 % считают, что этим должно заниматься общество (школа, трудовой коллектив и т.п.) и 1 % уверены, что всё зависит от политики государства.

Подводя итоги исследования современных идентичностей казахов п. Балканы Нагайбакского р-на необходимо сделать следующие выводы. Одной из главных маркирующих в самоидентификации исследуемой группы является конфессиональная. Другими важными уровнями самоидентификации являются политический, географический и собственно этнический. Очень важно, что этнический уровень самоидентификации среди опрошенной нами группы населения оказался равным по числу ответов политико-государственному.

Этнический фактор как социальное препятствие или, наоборот, элемент, способствующий более успешной реализации возможностей, обычно актуализируется в этнократических государствах, либо в обществах, разделяющих демократические ценности, но с заметными пережитками этнократий прошлого. Результаты нашего анкетирования показывают, что абсолютное

большинство респондентов не имело такого опыта, когда бы их этническая принадлежность каким-либо положительным или отрицательным образом повлияла на жизнь. Это свидетельствует о том, что казахи России в основном являются неотъемлемой органической частью всего общества, которое не испытывает к ним неприязни в виде социального «выталкивания». Предупреждение межэтнических конфликтов, по мнению большинства наших респондентов, возможно только через семейное воспитание. Это свидетельствует о сохранении среди казахов глубоких семейно-родственных традиций, домашнего образования и приоритета традиционных ценностей.

Общая историческая судьба – строительство колхозов, совхозов, промышленных предприятий, участие в Великой Отечественной войне и других важных событиях в жизни страны заметно сблизило казахов со всем населением. Повышение материального благосостояния значительно уменьшило и даже свело до минимума культурно-бытовые различия между казахами и другими народами региона*.

ЛИТЕРАТУРА

Всероссийская перепись населения 2010 года // http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым / П.И. Рычков. Ч II. – СПб: Императорская Академия наук, 1762. – 262 с.

Гизатуллин Р.Н. Российский город Троицк – город на границе тюркского и славянского миров // http://www.fergananews.com/articles/6477

Плешков А.М. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ / А.М. Плешков, М.П. Антонов, И.Н. Гридин и др. – Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных Исполкомов, 1928. – 86 с.

Попов Н. В.Н. Татищев и его время / Н. Попов. – М.: Тип. В. Грачёва, 1861. – 804 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым / П.И. Рычков. Ч. I.– СПб: Императорская Академия наук, 1762. – 331 с.

Атнагулов И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика / И.Р. Атнагулов. Мин-во культ. Челяб. обл., Челяб. гос. краевед. музей. – Челябинск, 2015. – 217 с.

Атнагулов И.Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. / И.Р. Атнагулов. – Магнитогорск, 2007. – 244 с.

Список сокращений:

* ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, 2013-2015.

Г. – город
Обл. – область
П. – посёлок
ПМА – полевые материалы автора
Р. – река
Р-н – район
Т. – том
Ч. – часть
Чел. – человек

К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Бадретдинова Светлана Анатольевна*

To the question of cross-cultural interaction of Turkic-speaking peoples at the turn of XX-XXI centuries

ABSTRACT:
The article reveals the problem of cultural dialogue of the Turkic countries and peoples. Special attention is paid to cooperation in the cultural sphere of the Turkic republics of the former USSR and some regions of the Russian Federation with predominantly Turkic population. Identification of areas of such cooperation, its achievements and challenges associated with the modern geopolitical situation.

KEY WORRDS:
Turkic culture, cultural dialogue, cultural interaction, cultural cooperation, the international organization of Turkic culture.

В настоящее время, согласно демографическим данным, на планете живет около 200 млн. людей тюркского происхождения. Занимая значительную часть евразийского континента, тюркоязычное пространство на всем протяжении истории было средоточием плюроэтнизма и многообразия культур. Культурологические исследования последних лет свидетельствуют о том, что после низвержения социалистических идеалов тенденции консолидации культур на их этносом уровне особенно усилились [Международная организация…].

В 1991 г. пять тюркских республик бывшего Советского

* Кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры всеобщей истории и философских дисциплин Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Российская федерация). E-mail: bca1978@rambler.ru

Союза (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан и Азербайджан) создали суверенные государства. До этого момента только Турецкая республика была независимым тюркоязычным государством. В 1992 г. во время встреч в Стамбуле и Баку министров культуры вышеуказанных шести стран зародилась идея создания Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (по-турецки Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi, отсюда аббревиатура). Договор о ее создании страны-учредители подписали в Алма-Ате 12 июля 1993 года [Договор… 1993]. Он был нацелен, прежде всего, на возрождение традиций духовного общения между родственными народами и странами тюркоязычного ареала. Среди основных задач ТЮРКСОЙ — развитие и укрепление связей между тюркоязычными странами в сфере культуры и искусства, совместное осуществление в этих целях различных программ и проектов, усиление научных исследований в области изучения этногенеза, истории и культуры тюркоязычных народов. В 2009 г. было принято новое название организации – «Международная организация тюркской культуры» [Информация…].

Кроме стран-учредителей, в Организацию в качестве наблюдателей входят пять субъектов Российской Федерации (Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Республика Хакасия, Республика Тыва) а также автономная область Молдавии — Гагаузия и Турецкая Республика Северного Кипра. Штаб квартира Международной организации тюркской культуры располагается в Анкаре, ее высшим руководящим органом является Постоянный совет министров культуры стран-членов ТЮРКСОЙ, который проводится два раза в год в одной из стран-членов этой организации. Данный Совет избирает Генерального секретаря (на три года) [Договор… 1993]. Первым генеральным секретарем стал Полад Бюль-Бюль оглы – бывший министр культуры Азербайджана, нынешний посол Азербайджанской республики в России. Он трижды переизбирался на свою должность, как и его преемник - бывший министр культуры Казахстана Дюсен Касеинов, который является генеральным секретарем с 2008-го года по настоящее время [Бек 2014].

В 1996 г. было начато официальное сотрудничество исследуемой организации с ЮНЕСКО, включая совместные консультации и взаимное представительство. В 2009 г. ТЮРКСОЙ вошла в состав Тюркского совета – геополитической

организации тюркских стран. В 2012 г., а затем и в 2014 г. в Москве были подписаны Меморандумы о взаимопонимании между Министерством культуры Российской Федерации и Международной организацией тюркской культуры [В Москве подписан Меморандум… 2014], направленные на укрепление гуманитарного сотрудничества между субъектами России и ТЮРКСОЙ, а также на развитие контактов в области культуры и искусства.

Анализ географии и масштабы проводимых ТЮРКСОЙ мероприятий приводит к выводу, что ее международная деятельность с каждым годом расширяется. Данная организация стремится ознакомить с достижениями культуры тюркоязычных стран широкую публику в Европе и на других континентах. Большую роль в этом активное взаимодействие со всеми подразделениями Организации Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры. Впервые делегации Национальных комиссий по делам ЮНЕСКО стран-членов ТЮРКСОЙ встретились в Анкаре в 2010 году. В рамках объявленного ЮНЕСКО в 2010 г. Года сближения культур Международная организация тюркской культуры провела празднования Навруза в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже и в Страсбурге. Этот известный всем тюркским народам древний весенний праздник еще в 2009 г. был включен в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, а годом позже 21 марта был объявлен Генеральной Ассамблеей ООН Международным днем Навруза. В 2015 г. в связи с 70-летием Организации Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры, решено в ее штаб-квартире собрать для празднования Навруза артистов из всех тюркоязычных стран и республик.

В ежегодных Совещаниях Национальных комиссий по делам ЮНЕСКО стран-членов ТЮРКСОЙ стала принимать участие и российская делегация, представлявшая те субъекты РФ, которые являются наблюдателями Международной организации тюркской культуры. Регионы России участвовали и в Семинарах по нематериальному культурному наследию, организуемых ТЮРКСОЙ. Фольклор, искусство и ремесла стран и народов тюркского мира обладают длительной историей и богатейшими традициями, в целях сохранения и развития которых Международная Организация формирует реестр мастеров художественных ремесел. В этом реестре – множество художников из Российской Федерации -

уникальные мастера по войлоку (Башкортостан), кожевенному делу и ювелирному искусству (Татарстан), национальным музыкальным инструментам (Якутия, Хакасия), обработке дерева и кости (Алтай), резьбы по кости, мозаике из меха (Якутия), традиционному жилищу и костюму (Тува). Фестивали, выставки, научные симпозиумы, посвященные сохранению нематериального наследия тюркских народов, проводятся и на территории России [Информация…].

Помимо развития народных ремесел, декоративно-прикладного искусства, рассматриваемая организация проводит мероприятия, связанные с другими видами и жанрами как самодеятельного, так и профессионального искусства. Так, с 1997 г. ежегодно организуются творческие лаборатории художников тюркоязычных стран. Их работы стали частью художественной коллекции исследуемой организации, насчитывающей более 800 картин, которая в будущем может стать основой для Художественного музея данной организации. Выставки картин из художественной коллекции экспонируются во многих культурных центрах мира и вызывают большой интерес любителей изобразительного искусства. Кроме того, на заседаниях Постоянного Совета ежегодно определяют автора лучшей работы и присуждают Международную премию ТЮРКСОЙ в области изобразительного искусства [Шафигуллина 2012].

Не обошла стороной Международная организация тюркской культуры и фотографическое искусство. Ежегодно ею проводятся творческие лаборатории фотохудожников. Их работы затем становятся иллюстративным материалом для многочисленных изданий международной организации. Особо следует отметить VI Международную творческую лабораторию фотохудожников стран-членов ТЮРКСОЙ, проведенную в 2010 г. в Республике Башкортостан. Это первая подобная лаборатория, организованная в России и СНГ. Место ее проведения было выбрано неслучайно. Помимо того, что данный год посвящался известному башкирскому общественного деятелю и ученому Ахмедзаки Валиди, немаловажным фактором явилось и то, что в республике сложилась сильная фотографическая школа, накоплен большой опыт по проведению подобных мероприятий. Для участия в лаборатории в республику приехали фотохудожники из Турции, Северного Кипра, Азербайджана, Ирана, Казахстана, Татарстана, Хакасии, Тывы, Чувашии, которые вместе с ведущими башкирскими фотографами в

течение нескольких дней снимали людей, природу, культуру и обычаи народов нашей республики. Маршрут творческой лаборатории был проложен по 24 районам. А в восьми районах был запечатлен башкирский национальный праздник – Сабантуй [Информационный отчет… 2010].

Немалое внимание ТЮРКСОЙ уделяет развитию музыкального искусства. Так, одним из известных мероприятий, проводимых на территории РФ, является Международный музыкальный фестиваль тюркской молодежи «Урал моно». Оно берет свое начало еще с 1992 г., и с тех пор ежегодно Уфа собирает талантливых исполнителей эстрадной песни из тюркских стран, тюркских республик России. В эти дни столица Башкортостана становится центром единения тюркской молодежи. Цель «Урал моно» – пропаганда современного национального музыкального творчества, сохранение традиций тюркских народов, развитие культурных связей между ними, расширение досуга молодежи. С 2001 г. данный фестиваль стал проводиться под эгидой «ТЮРКСОЙ» [Бадретдинова 2009: 187]. К другим известным музыкальным мероприятиям, организованным Международной организацией тюркской культуры на территории Башкортостана, относятся Международный конкурс-фестиваль оркестров и ансамблей народных инструментов «Зов Урала», Международный фестиваль балетного искусства имени Рудольфа Нуреева.

С 1997 г. ТЮРКСОЙ ежегодно проводит «Дни оперного искусства», собирая оперных солистов из тюркских стран и республик, которые дают совместные концерты в нескольких городах. С 2010 г. впервые в истории тюркоязычных народов был создан международный молодежный камерный оркестр ТЮРКСОЙ. Наряду с шедеврами классической музыки, мировая музыкальная общественность могла познакомиться с произведениями выдающихся тюркских композиторов. С 2011 г. стал проводиться Международный конкурс этно-эстрадной музыки тюркоязычных стран, целью которого является «выявление новых талантливых певцов, популяризация этно-музыки тюркского мира» [Международная организация …].

Международная организация тюркской культуры оказывает содействие и в проведении международных фестивалей тюркоязычных театров, которые проходят в турецком городе Конья («Тысяча дыханий – один голос»), в Уфе («Туганлык») и Казани («Навруз»). Данные мероприятия проходят как праздники сценического искусства республик и

стран, сохраняющих высокую театральную культуру, дружбу и добрососедские отношения, основанные на общности культурно-языковых корней и исторической принадлежности к тюркскому миру.

Активными формами литературных обменов являются совместный перевод и книгоиздание. С целью привлечения интереса к переводам тюркских классиков, современных поэтов и прозаиков организуются конкурсы, конференции переводчиков стран ТЮРКСОЙ. Так, например, в Башкортостане проводится Международный конкурс переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна». Благодаря сотрудничеству между Министерством культуры РБ и ТЮРКСОЙ подготовлено и издано более десяти книг на башкирском и турецком языках - башкирский народный эпос «Урал-батыр», книга о жизни и творчестве выдающегося поэта и полководца Салавата Юлаева, сборники стихов поэта Мифтахетдина Акмуллы, «Башкирские шежере» и образцы башкирского народного творчества [Отчет… 2013]. С 2011 г. в Анкаре по проекту ТЮРКСОЙ начал выходить многотомный биобиблиографический словарь тюркологов Евразии на турецком и русском языках. Первая книга первого тома полностью посвящена российским тюркологам XIX-XX веков.

Ежегодно Организация проводит конгрессы главных редакторов литературных журналов, которые собирают писателей и редакторов из стран и регионов тюркского мира для совместного анализа литературного процесса, обмена в сфере переводов на тюркские языки, а также выборов лауреата премии «Писатель года в тюркском мире». С 2008 г. стал издаваться на трех языках (русском, турецком и английском) журнал ТЮРКСОЙ. Он рассказывает о деятельности организации и важнейших событиях в культурной жизни тюркоязычных стран и регионов. На страницах издания часто можно ознакомиться с материалами, поступающими из российских регионов [Информация…].

С 2010 г. Международной организацией тюркской культуры стали проводиться годы выдающихся деятелей, вокруг имени и творчества которых выстраивается целая программа — концерты, спектакли, выставки, конференции. Первым отметили таким образом башкирского тюрколога Ахмедзаки Валиди Тугана, в 2011 г. —татарского поэта Габдуллу Тукая, в 2012 г. - азербайджанского драматурга, видного общественного деятеля и просветителя Мирзы Фатали Ахундзаде, в 2013 г. – казахского композитора Мукана Толебаева, 2014 г. - классика

туркменской литературы Махтумкули Фраги и киргизского акына, композитора Токтогула Сатылганова, 2015 г. - турецкого писателю и драматургу Халдуну Танеру и хакасского сказителя-хайджи Семена Кадышева. Нынещний год решено посвятить 1000-летию кыргызкого философа, поэта и энциклопедиста Юсуфу Баласагуни.

Начиная с 2012 года, стало традицией выбирать столицу тюркской культуры. В течение года в ней проводятся основные крупные мероприятия — конгрессы, литературные чтения, встречи художников, конференции, посвященные известным деятелям, показы мод. Там же стал организовываться и своеобразный аналог «Евровидения» - фестиваль песни «Тюрквидение», в котором соревнуются певцы из более чем двадцати стран. Первой такой столицей была определена Астана (Казахстан), в 2013 г. - турецкий город Эскишехир, в 2014 г. – Казань (Россия, Республика Татарстан), в 2015 г. - туркменский город Мары (Мерв), в прошлом служивший перекрестком цивилизаций на Великом шелковом пути, в нынешнем году – азербайджанский город Шеки [Международная организация …].

Следует отметить, что первоначально планировалось передать в 2016 г. эстафету культурной столицы тюркского мира Уфе (Россия, Республика Башкортостан). Однако ноябрьские события прошлого года разрушили данные планы и пришлось срочно «переигрывать» [Аукенов 2015].

27 ноября 2015 г. Министр культуры РФ Владимир Мединский направил правительственную телеграмму главам республик Алтай, Башкортостан, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва, Хакасия о незамедлительном прекращении контактов с Международной организацией тюркской культуры из-за событий в Сирии, где турецкими ВВС был сбит российский самолет [Минкультуры РФ… 2015]. Буквально через несколько дней на рекомендацию центра откликнулись Алтай, Хакасия, Тува и Башкирия.

«Мы прекратили бы эти контакты, даже если бы этого письма не было. Конечно, Алтай — колыбель тюркской цивилизации, но в первую очередь это неотъемлемая часть великого Российского государства», — отмечает глава республики Александр Бердников. По его словам, нужно плотнее заняться укреплением тюркского братства внутри России, а не под негласным контролем Анкары. Министр культуры Башкортостана Амина Шафикова также считает принятое

решение верным. По ее словам, культурное сотрудничество с тюркоязычными регионами и странами СНГ не прекращается и будет осуществляться в прежнем режиме [Цит. по: Свой или ТюрКСОЙ?... 2015].

Что касается Татарстана, то пока его руководство не дало официальной реакции на телеграмму В. Мединского. За последние годы эта республика обзавелась не только самыми плотными культурными, религиозными и образовательными связями с Турцией, но и крупными бизнес-проектами. Президент России В.В. Путин, отвечая 17 декабря 2015 г. на пресс-конференции на вопрос татарского издания от отношении к ТЮРКСОЙ, так же не дал однозначного ответа, но отметил, что народ Турции как был партнером России, так и остается. «На межгосударственном уровне я не вижу возможностей наладить отношения с Турцией, а на гуманитарном, конечно. Хотя и здесь есть проблемы», — сказал президент [Полный текст речи… 2015].

Руководство Организации раннее не раз подчеркивало, что не преследует политических целей: «У ТЮРКСОЙ нет ни политических амбиций, ни географических притязаний. Мы — люди культуры и хотим общаться, развивать и хранить нашу духовность» [Козловский 2005: 2]. Однако известны факты, что некоторые круги турецкой политической и интеллектуальной элиты задумывались о создании совершенной модели тюркского единства [Шафиуллина 2012]. Отмечалось также, что рассматриваемая организация выступала как «мягкая сила» Турции в ее геополитических устремления [Свой или ТюрКСОЙ?... 2015].

Но Дюсен Касеинов заявлял, что ТЮРКСОЙ - это не турецкая, а тюркская организация. В неё, помимо Турции, входят страны, которые являются стратегическими партнерами России. Также генсек Организации отмечал, что «принципиально неверно рассматривать ТЮРКСОЙ как организацию исламскую» [Борисов 2014]. Действительно, среди ее участников наряду с теми, где превалирует ислам, есть и мультиконфессиональные, и буддистские, и православные.

Политические процессы, по идее, не должны влиять на межкультурные взаимоотношения между народами. Однако в реальности ситуация складывается иначе. Но и саму сферу культуры можно использовать как «мягкую силу» в политике. Она позволяет государствам влиять на

ситуацию и решать вопросы, находящиеся вне компетенции силовых структур, в том числе и в развитии дружественных отношений между странами. Разорвать отношения, серьезно не разобравшись, можно достаточно быстро, а вот налаживать их, приходится, как правило, гораздо дольше.

ЛИТЕРАТУРА

Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ): официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: http://www.turksoy/org/tr/ru/turksoy/about_us

Договор о создании и принципах функционирования ТЮРКСОЙ (12 июля 1993 г., г. Алматы) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.oguz-news.net/?p=2509

Информация о Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) // Министерство культуры Республики Татарстан: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: http://mincult.tatarstan.ru/file/Справка%20по%20ТЮРКСОЙ%202014%20(2).docx]

Бек Т. Дюсен Касеинов вновь переизбран Генеральным секретарем ТЮРКСОЙ // Казахстанская правда. – 2014. – 26 ноября. - [Электронный ресурс]. — URL: http://www.kazpravda.kz/news/mir/dusen-kaseinov-vnov-pereizbran-generalnim-sekretarem-turksoi

В Москве подписан Меморандум о взаимопонимании между Минкультуры России и Международной организацией тюркской культуры// Министерство культуры РФ: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: http://mkrf.ru/press-tsentr/novosti/ministerstvo/detail.php?ID=573927

Шафигуллина Л. ТЮРКСОЙ: развитие международного культурного сотрудничества Татарстана в 1990-2000 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков: научно-документальный журнал. – 2012. - №3/4 [Электронный ресурс]. — URL:http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2012_3_4/01/02/

Информационный отчет о деятельности *РЦНТ за 2010 год //* Республиканский центр народного творчества Республики Башкортостан: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://rcntrb.ru/files/otchet2010.doc

Бадретдинова С.А., Халфин С.А. История культуры Башкортостана. Выпуск 14. Деятельность клубных учреждений Башкортостана (1985-2005 гг.). – Уфа: Уфимская государственная академия экономики и сервиса, 2010.

Отчет о результатах социально-экономического развития Министерства культуры Республики Башкортостан за 9 месяцев 2013 года // Министерство культуры Республики Башкортостан: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: http://minkult.itufa.ru/upload/doc/Отчет%20за%201%20квартал%202013%20год_в%20Правительство%20и%20МЭР.doc

Аукенов А. ТЮРКСОЙ на фоне сбитого российского бомбардировщика. 2015. – 2 декабря [Электронный ресурс]. — URL: http://forbes.kz/life/observation/tyurksoy_na_fone_sbitogo_rossiyskogo_bombardirovschika

Минкультуры РФ прекращает сотрудничество с организацией тюркской культуры ТюрКСОЙ. – 2015. – 27 ноября [Электронный ресурс]. — URL: http://tass.ru/kultura/2480269

Свой или ТюрКСОЙ? Власти тюркских регионов выбирают между Россией и Турцией. – 2015. – 27 декабря. [Электронный ресурс]. — URL: http://nazaccent.ru/content/18885-svoj-ili-tyurksoj.html
Полный текст речи Владимира Путина на пресс-конференции 17 декабря 2015 года [Электронный ресурс]. — URL: http://newsland.com/user/4296757178/content/4896289
Козловский М. В ТЮРКСОЙ могут войти новые члены // Республика Татарстан. – 2005. – 2 июня. – С. 2.
Борисов С. Россию приглашают в ТЮРКСОЙ // Российская Федерация сегодня: Общественно-политический журнал Федерального Собрания РФ. – 2014. - № 23-24 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.russia-today.ru/article.php?i=1249

ТЮРКСКИЙ МИР В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Булекбаев Сагади Байузакович*

ABSTRACT:
In this article, the authors, based on the research of outstanding scientists in Turkic studies, open a huge contribution of Turkic peoples into the world culture and civilization which had not only a huge impact, but also set starting conditions for development of other civilizations, first of all the European.

KEY WORDS: Turks, Turkic history, culture and civilization, martial arts, politics, diplomacy, language, conquest.

Гёте в свое время справедливо писал, что «В наши дни не остается никакого сомнения в том, что всемирную историю время от времени придется переписывать. Подобная необходимость проистекает не вследствие того, что со временем выявляются все новые и новые события, а оттого, что появляются новые взгляды, побуждающие передового человека нового времени занять такую точку зрения, с которой он мог бы совершенно по-новому видеть и оценивать прошлое». Такая необходимость нового прочтения и переосмысления места и роли новых независимых государств в мировой истории сегодня совершенно очевидна. Оно важно и для Казахстана, особенно с точки зрения определения своей исторической, культурной и национальной идентичности. Последнее возможно лишь тогда, когда ты знаешь свою историю, свои истоки и свои корни.

* Доктор философских наук, профессор, Каз УМО и МЯ имени Абылай хана

Знание своей реальной истории сегодня очень важно и в плане патриотического воспитания тюркской молодежи, поскольку патриотизм, любовь к своей Родине, Отчизне возникает всегда, как правило, на основании признания, уважения и чувства гордости за свой народ. И совершенно очевидно, что до развала Союза, история Казахстана, в силу его колониального статуса, не рассматривалась объективно. Поэтому, на наш взгляд, и история, и культура Казахстана, должна быть рассмотрена в контексте новых реальностей, в контексте новых подходов, не зашоренных мифологией и стереотипами европоцентризма. Также и в контексте выявления их вклада в мировую культуру и цивилизацию. Ведь по большому счету, как справедливо говорит профессор Нарымбаева А. К. «у каждого народа, как и у каждой личности, своя судьба, своя история: он переживает как периоды взлета, так и периоды падения. Но всемирная история должна сохранять в своей памяти вклад народа, который когда бы то, ни было, был внесен в мировую сокровищницу, тем самым, обогатив и создав основу для дальнейшего развития и процветания общечеловеческой культуры!» [Нарымбаева, 2009. - с. 675-676].

Свое видение этого вопроса мы попытаемся дать в этой статье. Это взгляд не историка, а взгляд философа, который делает попытку рассмотреть историю тюрков с позиции философии истории, которая, как известно, в общем плане имеет три задачи:

- обобщение исторического процесса, сведение отдельных «историй» в единую всемирную историю;
- отыскание смысла истории;
- методология исторического познания.

В контексте этого подхода я пытаюсь показать, во-первых, роль тюрков в мировой истории, во-вторых, их вклад в мировую культуру и цивилизацию, а в-третьих, отметить, что и казахи, как часть тюркского народа по праву занимает свою место в тюркской истории. Здесь я имею в виду то, что казахи, как народ, исторически проживающий в Великой Степи, в центре Евразии, где в основном начинались и вершились важнейшие исторические события, часто менявшие ход мировой истории, был всегда одним из основных субъектов великой тюркской истории. Отсюда и история казахов неотделима от тюркской истории. Поэтому он по праву должен разделять как исторические успехи, так и поражения своих предков - тюрков.

История тюрков, как известно, начинается с V века. С эпохи

Тюркских каганатов, которые, согласно Л. Гумилеву, стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества» [Цит. По книге Уали, 2009- С.218.]. Здесь имеется в виду то, что Тюркский мир, контролируя огромную территорию между Востоком и Западом, всегда был тем мостом, который на базе Шелкового пути, проходящий через ее огромную территорию, связывал культуры и цивилизации Востока и Запада. Это стало возможным лишь в конце VI века, поскольку именно тогда границы тюркского каганата сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и даже Индией, а на востоке с Китаем

Вполне соглашаясь с тем, что тюркский мир являлся тем мостом, который соединял две великие культуры Востока и Запада, вполне признавая их влияние и воздействие на тюркскую, на мой взгляд, исследователи, как правило, недостаточно указывают на то, что и тюрки создали в свое время великую цивилизацию. Отмечая это, Л. Гумилев категорически заявлял: «Пора прекратить рассматривать народов Центральной Азии только как соседей Китая и Ирана. Надо, наконец, сделать практический вывод из того бесспорного положения, что их история и культура развивались самостоятельно. Только так можно понять, как они жили, чувствовали, торжествовали и погибали». Более того, как убедительно показывают новые новейшие открытия в области археологии, истории, культурологи, в частности, как Аркаим, Берель, Иссык и др. тюрки, оказывается в самом центре Евразии, создали несколько очагов мировой культуры и цивилизации, которые оказали существенное влияние и на другие цивилизации, в первую очередь европейскую. Задав, как говорят многие известные ученые, в частности, как Джавахарлал Неру, С. Максуди, Вернадский В. И, ей стартовые условия развития.

Суть заданных стартовых условий заключается в том, что тюрки привнесли с собой более высокие для того времени образцы и элементы культуры. Особо здесь следует отметить переход от века камня и бронзы к веку железа. Он пришелся на V- III века до новой эры. Именно в это время алтайские тюрки придумали свою технологию добычи железа, которая используется во всем мире поныне. Они додумались железную руду не выжигать, как это делалось до сих пор, а плавить в горнах, последовательно получая чугун и сталь. Это давало колоссальную выгоду и увеличивало выход металла. С этой поры началась новая эра в истории человечества. Железо в руках тюрков уже не было драгоценностью, как у египетских

фараонов, оно превратилось в рабочий металл.

Говоря о тюркском вкладе в мировую цивилизацию, Л. Н.Гумилева писал: «Нереально думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники вообще, а хунну и тюрки в частности, изобрели такие вещи, которые ныне вошли в обиход человека как нечто само по себе подразумевающееся. Первое усовершенствование одежды- штаны - сделаны еще в глубокой древности. Стремя появилось в центральной Азии между 200 и 400гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках заменилась сначала коляской, а потом вьюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая прямой меч, и длинный составной лук, метавшей стрелы на расстоянии до 700 метров. Наконец, круглая юрта в течении времена считалась наиболее совершенным видом жилища [Гумилев, 1993- С.86].

Стартовая позиция для европейской цивилизации была задана и культурными достижениями Востока. В этом плане Тюрки в значительной степени содействовали проникновению восточной культуры в Европу. Вернадский обращает в этой связи особое внимание на открытие и распространение книгопечатания, от которой собственно, начинает свое летоисчисление современная научно-техническая эпоха. «Огромное всемирно- историческое значение» «монгольского нашествия» состоит в том, что благодаря нему в рамках единого государственного целого соединились «народы различной, нередко очень высокой культуры». Вместе с ксилографическим способом печатания монголы способствовали проникновению в Европу бумаги, гречихи, буровых скважин [Вернадский, 1968- С. 91-92].

К сказанному добавим и слова казахского философа Касымжанова А. Х., который говорил: в ландшафтной зоне евразийских степей сформировалась особая цивилизация, связанная, конечно, с пастбищным скотоводством в силу природных условий, но включающая в себя, помимо этого, технологические и культурные достижения, «конную культуру», плавку железа, города, ремесла, земледелие, в том числе ирригационное искусство. Добавьте к этому образование мировых империй и влияние на мировые миграционные демографические процессы» [Касымжанов, 1999- С. 88].

На мой взгляд, все должны знать, особенно тюркские народы, что они представители народа, который уже в глубокой

древности раньше других освоил дерево и металл, приручил животных. Что эти открытия их предков, по существу, явились научно-техническими революциями для человечества. Что именно благодаря этим открытиям человечество значительно обогатилось и продвинулось вперед в своем развитии.

Раскрывая роль тюрков в мировой истории, нельзя не сказать и о том, что Тюрки своими историческими завоеваниями не раз существенно влияли на ход и развитие мировой истории. Здесь имеется в виду то, что ни один народ в мире не может сравниться с тюрками в области обширности своих завоеваний. Ни один народ не покорил столько государств и народов и ни один народ не смог удерживать столько лет под своим господством покоренные народы. Его завоеванные территории простираются от Тихого Океана до Атлантики. В частности, это владения тюркского каганата, империя Чингисхана, империя Тимуридов, империя Газневидов, империя Моголов, империя Жалаиров в Иране, Османская империя и т. д. Секрет того, что тюрки сумели не только завоевать, но и господствовать в течение столетий почти полмиром, лежит в том, что они умели управлять народами. Необходимость последнего было вызвано тем, что во вновь созданных огромных империях, перед тюрками вставала задача организации, управления и контроля завоеванными народами. Поэтому они должны были совершенствовать свою систему государственного и административного управления. Отмечая это Л. Гумилева говорит: тюрки создали для своего времени более сложные и более совершенные формы общественного бытия и социальные институты: эль, удельно-лестничная система, иерархия чинов, кочевая демократия, налоговую систему, денежное обращение, дипломатия, книгопечатание и т. д. [Гумилев, 2004 - С. 7]. К примеру, именно в период могущества тюркского каганата была создана и установлена удельно-лествичная система, благодаря которой тюркская держава смогла более ста лет удерживать первенствующее положение в Азии и соперничать с великими державами VI – VII вв.

Здесь на наш взгляд, вполне уместно отметить и такой факт, что часто вектор мировой политики менялся в зависимости от того, чью сторону занимали тюрки в крупнейших военных компаниях того времени, то есть в качестве союзников или наемников. Можно привести множество свидетельств, когда важнейшие победы в сражениях тех лет одерживались либо за счет, либо с помощью тюрков. Эти факты, к сожалению,

историки этих народов часто «забывают». Достаточно вспомнить победу Александра Невского, которую он одержал не без помощи Сартака, арабов за счет мамлюков во главе с Бейбарсом и т. д. Вот только, если арабы не забывают говорить о Бейбарсе как о «защитнике Веры, защитнике Ислама», то христиане нигде не упоминают, забывая, что лишь благодаря султану Бейбарсу монголы не захватили Иерусалим и Гроб Господня, находясь, лишь в 35километров пути от нее. Захвати монголы Иерусалим, то неизвестно как в дальнейшем сложилась бы история христианства, говорит известный кинорежиссер А. Турсынов.

В отличие от таких историков, Ш. Монтескье, отмечая судьбоносную роль тюрков в мировой истории, с восхищением писал: «Ни один народ в мире ... не превзошел татар своей славой или величием своих завоеваний… Под именем турок они совершили необъятные завоевания в Европе, Азии и Африке; и они господствуют над этими тремя частями света. А если углубиться в более отдаленные времена, то мы увидим, что от них же произошли некоторые из народов, уничтоживших Римскую империю. Что значат завоевания Александра в сравнении с завоеваниями Чингисхана»? [Монтескье, 1993].

Монтескье прав, действительно, только завоевания Чингисхана значительно превосходят завоевания семи великих европейских полководцев, признанных всем миром - Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря, шведского короля Карла XII, Фридриха Великого, А.В.Суворова и Наполеона Бонапарта. Согласно исследованиям монгольского ученого Жадамбына Энхбаяра: «...семь великих полководцев мира завоевали на семерых территорию 6 900 000 кв. км, в то время как 7 770 000 кв. км были покорены только одним Чингисханом. Таким образом, «ни один из «великолепной семерки» полководцев не идет ни в какое сравнение с Чингисханом и Бату-ханом ни по площади покоренной территории, ни по устойчивости созданного государства, ни по следу, оставленному в истории» [Цит. по Козыбаев, С. 49-50.].

Мы здесь уже не говорим о других великих тюркских полководцах, в частности, Тюркского Каганата, Османской империи, Тамерлана или Великих Моголов, чьи завоевания меняли ход и вектор мировой политики. Понятно, что эти завоевания существенно влияли на общественное бытие и социальные институты покоренных народов. На это приходиться обращать внимание потому, что многие европоцентристски ориентированные исследователи, сводят завоевания тюрков,

с одной стороны, только к грабежу и разорению, а с другой, к оправданию отсталости развития своих стран. Как правило, полностью забывая о том, что любое явление или событие имеет две стороны - хорошую и плохую. Это зависит от точки зрения. Именно обращая внимание на эту сторону, Джавахарлал Неру писал, что тюрки не только «опустошали Европу – но и цивилизировали Европу» [Садри, 2004- С. 7]. Другими словами, тюркская культура оказала заметное влияние на становление и развитие европейской цивилизации.

Еще один аспект, на которое, не обращают внимание тюркологи. Это то, как и за счет чего тюрки помимо силы власти и жесткого контроля могли удерживать столь длительное время под своим господством покоренные народы? В чем «секреты» их управленческого долголетия? На мой взгляд, это связано и с мировоззренческими основаниями тюрков, точнее, их философией. Как сказано уже в сказании огузов, для тюрков «небо – наш шатер, а солнце – наше знамя». Исходя из этой посылки, тюрки всегда своей родиной считали регионы своего проживания, и не рассматривали рядом проживающие общности отдельно от своего этноса. Отсюда они всегда стремились к тому, чтобы заставить самые разные народы жить вместе, в гармонии, оставляя им, правда, под своей централизованной до предела и деспотической властью их идентичность, язык, культуру, религию, а часто и правителей. Их толерантность проистекает из специфики тюркской философии. Другими словами, они не считали, что «все дороги ведут в Рим». Отсюда они, взойдя на вершины власти, благодаря праву завоевателя, не гнушались обращаться за помощью к вассалам, когда те были более цивилизованными, чем они сами, и часто доверяли им важные дела; они также не стеснялись заимствовать у них то, что могло быть полезным: иногда технику, иногда образ жизни, иногда религию или язык.

Здесь нужно также отметить и то, что тюркское государство, каким бы большим оно ни было, у ней всегда была цель. Этой целью, уже начиная с орхонских надписей, была провозглашено: безопасность, порядок и справедливость. Иначе говоря, тюрки, стремясь овладеть миром, одной из своих важных целей считали привнесение в него мира, порядка и справедливости. Они это обеспечивали путем налаживания порядка, четкой административной и таможенной системы, безопасной торговли по всей империи и с соседними государствами.

Следует отметить, что на завоеванных землях чаще всего наблюдался невиданный расцвет, к примеру, Китай под властью Табгача, Иран под сельджуками, Египет под мамлюками, Индия под владычеством Великих Моголов; что касается Османской империи – то это была одна из крупнейших тюркских держав мира, которая сначала являлась для ислама мечом, затем – щитом. Да и для России, с точки зрения евразийцев и некоторых современных историков, татаро-монгольское «иго», явилось благом, поскольку надолго воцарился мир, порядок, торговля и безопасность для страны, где русские княжества постоянно и «увлеченно», как говорит Бушков, воевали друг с другом. Короче говоря, благодаря татаро - монголам создались условия и предпосылки становления российского государства.

Нужно также отметить, что тюрки привнесли с собой высокую для своего времени не только духовную культуру, но и материальную. Согласно Р. Рахманалиеву, именно при владычестве тюркской династии Вэй в Китае сформировалась одна из лучших скульптурных школ в пещерах Юньгана и Лунмэня; тюрками были созданы самые прекрасные и экспрессивные монументы Азии – большая мечеть Пятницы в Исфахане, мавзолей Ахмету Ясави в Туркестане, Тадж-Махал в Агре, Регистан в Самарканде и мечеть Сулеймана в Стамбуле… [Мурат, 2008- С.190].

Расцвет был возможным потому, что, во-первых, прекращались все междоусобные войны в пределах завоеванных государств, а во-вторых, обеспечивался мир и безопасность в завоеванных территориях, в-третьих, налажена административная система, безопасная торговля по всей империи и с соседними государствами, в-четвертых, отлажена четкая таможенная система и денежное обращение. По общему признанию, административная система, покоящаяся на чингисидской дисциплине и организации и уйгурском делопроизводстве стала важным вкладом в мировую цивилизацию. Поэтому имеются все основания для утверждения, что Чингисхан железом и огнем он открывал древние мировые пути для шествия будущей цивилизации.

Как видно уже из вышесказанного, достижения тюрков во всех областях культуры и цивилизации весьма внушительны, и вряд ли их можно перечислить в одной статье. Мы и не ставим такую задачу. Для нас важно обратить внимание тюркских народов на настоятельную необходимость создания конкретной, вполне осуществимой программы возрождения

духовного наследия тюркских народов. Возрождения его самосознания, духовного возвышения, а не унижения человека, формируемого современной потребительской цивилизацией запада

ЛИТЕРАТУРА

Нарымбаева А. К. Туран – колыбель древних цивилизаций. – Алматы, 2009. - с. 675-676.

Цит. По книге Уали М. Тюркские мотивы. Алматы: «Галым», 2009. С.218.

Гумилев Л. Н. Тысячелетия вокруг Каспия. М., 1993. С.86 .

Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд., М., 1968, с. 91-92 /. (Из книги Касымжанова А. Х. стр150).

Касымжанов А. Х. Самоопределение и духовное наследие// Саясат, март 1999. С. 88.

Монтескье Ш. «Персидские письма»/Перевод с французского под редакцией Гунста Е.А. – Москва: Издательство «ИОЛОС», 1993. (М. 2008 г., изд-во «Идея-пресс»).

Цит. по Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков. С. 49-50.

Садри Максуди Тюркская история и право//Казань, Издательство «Фэн»,2002 – с.10

Гумилев Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. с. 7.

Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. – М.: РИПОЛ классик, 2009.

Мурат Аджи. С. Азиатская Европа. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. с.190.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. с. 65.

См. подр. Барманкулов М. Тюркская вселенная. – Алматы: Білім, 1996. с. 182-187.

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ – ПРОСТРАНСТВО ДРУЖБЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ: ИСТОКИ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Махмудов Ягуб Микаил оглы*
Алиева Севиндж Исрафил гызы**

* Член-корр.НАНА, доктор исторических наук, проф., Директор Института Истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана. E-mail: ymahmudov@mail.ru; Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History named A.A.Bakihanov National Academy of Sciences of Azerbaijan.

** Доктор исторических наук, заведующая отделом «История азербайджано-российских отношений» Института Истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана. E-mail: a.sevemin.i@mail.ru; The doctor of historical sciences, head of the department "History of the Azerbaijani-Russian relations" of the Institute of History named A.A.Bakihanov National Academy of Sciences of Azerbaijan.

Great Steppe - space of friendship Turkic peoples: origins and challenges of the present

ABSTRACT:

The Turks took a fateful part in the history of many peoples. The history of the Great Steppe from the earliest times to the present day shows that this region is a single entity, with a unique centuries-old culture and worldview. Despite the changing boundaries of state formations, observed a similar cultural and ideological peculiarities of the peoples of the Turkic world since ancient times. An important task for the integration of the Turkic countries and organizations, joint efforts, mutual understanding is the expansion project to create a unified Turkic history. All this contributes to the exchange of cultural experiences, attached to the cultural heritage of the various Turkic peoples and mutual enrichment of the language. The main idea of such associations is the preservation and development of the Turkish language as an integrating component of its speakers.

KEY WORDS: Turkic world, Turkish language, integration, single textbook Turkish history.

Великая степь - сердцевина Евразии – один из красивейших и манящих ареалов мира – был на протяжении многих веков территорией тюркских цивилизаций.

Тюрки приняли судьбоносное участие в истории многих народов и вписали особые страницы в дастаны и салнаме тюркских, летописи и сказания соседних народов. Ведь степи и лесостепи, пустыни и полупустыни Великой Степи воспели различные народы тюркского, монгольского, славянского, иранского и финно-угорского происхождения.

Огромный историко-культурный регион Великой степи включает Причерноморско-Каспийскую степь, Дикое поле, Восточно-европейскую равнину, Барабинскую степь, Казахскую степь, калмыцкие степи, различные ложбины, низины.

История Великой степи с древнейших времен и до наших дней показывает, что этот регион представляет собой единое целое, с уникальной многовековой культурой и мировоззрением.

Несмотря на меняющиеся границы государственных образований, наблюдаются схожие культурные и мировоззренческие особенности народов тюркского мира с древнейших времен. Тюрки издревле зарекомендовали себя мощной, многочисленной и сильной степной армией. На Кавказе локализовались в основном в степях Северного Кавказа.

Наиболее прочное политическое влияние тюрков на историю Кавказа обнаружилось с появлением гуннов в этом регионе в середине IV века. Гуннские воины привлекались на службу местных правителей в многочисленных региональных

и международных войнах. Так, албанцы воспользовались помощью гуннов во время восстания против Пероза (458 – 484).

Тюркские племена Западной Сибири и Центральной Азии активно заполняли Понто-Каспийские степи, образовывая новые тюркские федерации в Западно-Евразийских степях. Среди них, в частности, были тюрки-огуры – часть большого племенного союза Тле-ле китайских источников, теснимые из-за экспансии Юань-Юании в Монголии. Тюрки-огуры занимались торговлей мехами, пр., преуспевали в сельском хозяйстве и изготовлении военного снаряжения. В византийских и сирийских источниках сообщается об «огурах», «оногурах, «сарагурах», «утургурах».

В начале первой четверти V века огуры на Кавказе соединились с сабирами. Сабирский союз племен в основной своей массе откочевал в степи Северного Кавказа, частично укрепились на Волге, в дальнейшем органично влившись в Булгарский племенной союз – Сувар. Сабиры участвовали в византийско-сасанидских войнах на территории Южного Кавказа.

Затем их стеснил другой тюркский массив – авары, распространившие свою гегемонию на Северном Кавказе. Но вскоре и они были вытеснены в Паннонию тюрками, свергнувшими власть Аварского (Жуань-жуаньского) каганата в Монголии в 552 году. Тюркский каганат расстилался на территории от Маньчжурии до Боспора, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Тюркский каганат надолго установил господство в регионе, превратившись в важный объект международной политики и экономики. В руках тюрок сосредотачивалась торговля шелком и производство оружия. Тюрки объединили многочисленные тюркские племена сабиров, огуров, аваров, др. племен западноевразийских степей в мощную конфедерацию под управлением правителя западной части тюркского объединения Ябгу Когана – представителя правящего клана Ашина. В 603 году империя распалась на два государства - Восточно-тюркский каганат (Монголия и Южная Сибирь) и Западно-тюркский (Центральная Азия и Джунгария). В VII веке на Кавказе образовались два крупных тюркских союза – хазаров и булгар.

В 630 - 640 годы распалась Хазарско-Оногуро-Булгарская конфедерация, в 659 году Тюркский каганат, чьи правители управляли тюркскими подразделениями на Кавказе, подчинился Китаю, и, наконец, началась серия поражений от арабов, установивших контроль на Кавказе. Хазары двинулись на Северный

Кавказ, вели серию войн с булгарами, подчинили северокавказских гуннов и другие тюркские племена. В 737 году омеядский предводитель Марван разгромил Хазарский каганат и захватил его столицу Итиль. Хазарский халифат принял ислам.

Почти все тюрки с VIII века исповедовали ислам. Так, к началу VIII века северные границы Арабского государства проходили по Главному Кавказскому хребту до Дербента. Процесс распространения ислама среди тюркоязычных народов Нижнего и Среднего Поволжья, Северного Кавказа завершился в 922 году с принятием ислама в Великой Булгарии. Тюркское Поволжье и Северный Кавказ являлись форпостом средневековой мусульманской цивилизации.

В последней четверти VIII века вследствие падения Второго Тюркского каганата в 741 году в районе Сыр-Дарьи сформировалась конфедерация Огузов. Впоследствии они объединились с печенегами, прикаспийскими асами, др. и разгромили в 965 году Хазарский каганат. Осевшие на Волге Огузы, в свою очередь, были стеснены на запад куманами и распавшимися племенами кимекского союза. Огузы были мусульманами и в дальнейшем они образовали Сельджукидский султанат.

Тюрки-Сельджуки в 1029 году дошли до территории Азербайджана и в 1054 – 1056 годы подчинили практически весь Южный Кавказ. Турки-Сельджуки полностью управляли на Южном Кавказе, включив этот регион в империю Сельджуков.

В начале XIII века на Кавказе предстали новые тюркские племена – кыпчаки. А с 1222 – 1223 годов – вестники татаро-монголов, подчинившие в 1231 – 1240 годы Южный Кавказ. В управляемых монголами государствах основное население представляли тюркоязычные племена и народности. Монголы и многочисленные тюркские племена из Центральной Азии господствовавшие в регионе пополнялись за счет местных тюркских народов Азербайджана и Северного Кавказа. Местные тюркские народы Кавказа уже долгое время исповедовали ислам, а прибывшие татаро-монголы обратились в мусульман, последовав их примеру. В основном это произошло во время правления Газан хана (1295 – 1304).

С распадом мощного тюркского государства Золотой Орды появились следующие тюркские государства: ханства - Астраханское (60-е годы XV века), Крымское (с 1443 года), Казанское (с 1436 года), Казахское (с середины XV века), Сибирское ханство (со второй половины XV века), а также

Большая Орда (со второй половины XV века), Ногайская Орда (с конца XIV века) и государство Абулхайр хана.*1

В дальнейшем на территории Кавказа возникали различные государственные образования тюрков: Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. В середине XV века на Южном Кавказе усилились два тюркских государства: Оттоманы на западе и Сафавиды на востоке.

Итак, связи тюрок с Кавказом были регулярными. Тюрки коренным образом повлияли на ход военно-политической и экономической истории Кавказа и этнолингвистические характеристики многих народов этого региона.

Стоит отметить, что на протяжении I тысячелетия нашей эры существовали две группы тюркских языков - восточная (тюрки Алтая, огузы, карлуки, кимаки, др.) и западная (авары, хазары и булгары, др.).

Всего в мире тюрок насчитывается, по одним данным - свыше 110 миллионов, по другим – 300 миллионов. В России, по официальным данным, проживает около 30 тюркских народов численностью примерно 14 миллионов человек.

В царское и советское время противоречивое и мягко говоря, недружественное отношение к Османской империи (русско-турецкие войны, роль султана в международном противостоянии Российской империи, борьба за сферы влияния и пр.) породили надуманный, предвзятый образ тюрков – кочевников, мусульман, построивших свое государство во владениях православной Восточной Римской империи – Византии, а также включивших в состав своего государства западных славян. Москва, провозглашенная после падения Константинополя «третьим Римом», по определению противостояла Османской империи – тюркскому государству, собравшему под своей сенью около 300 этносов.

Борьба с Османской империей и тюркскими династиями Ирана вылилась в цепь известных событий, приведших к присоединению этого Великой Степи к Российской империи. При этом тюркские народы Великой Степи не оказались разобщены, по-прежнему сохранялось единство тюркского, мусульманского мира, скрепленного духовными, культурными, идейными нитями. Именно российские тюрко-мусульмане стали генератором идей тюркости, воплотившейся в идее: единство

* 1 Из состава Золотой Орды в XIV веке выделились также образования – княжество Валахия (Мунтянское), которое входило в состав Османской империи с начала XIV века и княжество Молдавия – в составе Османской империи с XVI века.

в делах, мыслях и языке. Идея национально-культурного самоопределения вызвала у российских властей угрозу целостности государства. Идея этнокультурного единства тюркских народов было заклеймено терминами «пантюркизм» и «панисламизм». В научных же кругах идее И.Гаспринского о единстве в языке, идеологии и деятельности тюркских народов была противопоставлена идея полигенетичности тюрков, т. е. происхождения их от разных этнических предков, а также их «отюреченности» в более позднее время, что должно было привести к расколу общетюркского движения.

Тюркские народы Кавказа вызывают пристальный интерес, прежде всего, как аналог тюрко-исламской цивилизации в регионе, сумевшей консолидироваться и взаимодействовать с дагестано-вайнахской и адыгской общностями, образовав вместе с ними единую мусульманскую умму, что ярко проявилось во времена национально-освободительного движения XIX-XX вв., Имамата Шамиля, Горской Республики и пр.

После окончательного утверждения власти большевиков в 1921 г. X съезд РКПб охарактеризовал национально-освободительное движение тюркских народов как «уклон в сторону буржуазно-демократического национализма» [ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1941: 386]. И хотя Первый тюркологический конгрессе в Баку в 1926 г. признал необходимость создания общей письменности для всех тюркских наречий, в конечном счете было решено создавать отдельные алфавиты на латинской основе, что и было осуществлено к 1928 году. Кроме того, многие диалекты тюркского языка были квалифицированы как языки, что еще больше способствовало дезинтеграции тюркских народов СССР [Беннигсен 1983: 118]. Переход на кириллицу усугубил этот процесс.

Стоит отметить, что именно в советское время, начиная с 1920-х годов, наблюдается небывалый интерес к изучению тюркских народов и языков. В 1960-е годы развитие кавказоведения дало новый импульс изучению истории, этнографии и языка тюркских народов. Однако, упор делался на этнографию, а не историю тюркских народов.

По справедливой оценке академика В.Б.Виноградова, «последствием этого пагубного проявления тоталитаризма стало безоглядное засилье лингвистической концепции сплошной ираноязычности древних кочевников Восточной Европы, активная разработка и широкое внедрение которой фактически совпало со становлением сарматоведения в качестве особой

отрасли археолого-исторических знаний, монотонно окрасив его и предрасположив к огульному отрицанию, игнорированию любых иных версий и аргументов» [Виноградов 1994: 32].

Дальнейшее развитие объективное и серьезное изучение тюркских народов в 1920-1930-е годы не получило. Научные исследования были фактически приостановлены по причине небывалых репрессий, с которыми столкнулись кавказские и в частности тюркские народы - карачаевцы, балкарцы, кумыки, азербайджанцы и др. Репрессии обрушились и на представителей науки, в частности, таких выдающихся историков и этнографов как Б.Чобан-заде, Р.Капланов, А.-Г. Н. Батырмурзаев, А.Сатыбалов, которых заклеймили ярлыками «пантюркистов» [Алиев 2001: 9].

Лишь в 1960-е годы развитие кавказоведения дало новый импульс изучению истории, этнографии и языка тюркских народов. Хотя идеи «марризма» еще сохраняли свое влияние, в частности, в трудах С.Ш.Гаджиевой, появляются исследования, опровергающие тюркизацию на Северном Кавказе дагестанских племен и утверждающие гунно-хазарское и гунно-булгарское происхождение тюркских народов данного региона [Гумилев 1978; Токарев 1958; Лавров 1978].

В 1960 году И.Алиев отмечал, что «иранизм всех сарматов находится под большим вопросом…». В.Н.Гамрекели в 1961 году подчеркивал, что «ряд собственно кавказских племен причислялся к сарматам». О.Н.Трубачев в 1981 году писал: «Скифы были иранцы по языку. Сейчас мы выражались бы осторожнее: часть скифов (и сарматов) говорила по-ирански» [Трубачев 1984]. По замечанию И.В.Куклиной, Скифия – «политический союз разноэтничных племен».

Ученый из АН Азербайджанской ССР З.Ямпольский еще в 1965 году обнародовал тезисы, в которых утверждал, что тюрки проживали на территории Южного Кавказа и Ирана в XIV в. до н.э. а также позже, в период Урарту. По его мнению, по нормам ассирийского и урартского языков (которых, он, кстати, не знает) названия «турукки» и «турухи» встречающиеся в клинописных текстах, означали тюркские племена. Вслед за ним А.Гусейни предположил, что в Азербайджане найдены тюркские рунические надписи [Ямпольский 1973; Письмо академика З.Буниятова 1990].

С 1970-х годов в науке усилилось понимание сложности и многовариантности формирования этнокультурного облика кочевых племен, в том числе сарматов, и их преемников. Но

версии в этом направлении практически не разрабатывались [Виноградов 1994: 31-33].

В 1971 году советский историк Е.Д.Еремеев отмечал, что в III – IV веках, т.е. еще до образования турецкого народа, на территории Малой Азии, на Кавказе и на Балканах проживали некоторые тюркоязычные племена, являющиеся многочисленными и постоянными жителями тех мест [Еремеев 1971: 21-23]. З.Ямпольский проследил упоминания об азербайджанских тюрках в древних источниках [Ямпольский 1973].

Но в науке и в обществе по-прежнему доминировал отрицательный образ тюрка. Негативные оценки роли тюрков (кыпчаков, татаро-монголов, ногайцев) порождали образ вечного врага, «поганых» притеснителей христиан.

Когда в 1975 году вышла книга писателя Олжаса Сулейманова «АЗиЯ», впервые была сделана попытка создать новый образ и генеалогию кыпчаков (половцев русских летописей). Автор на основании языковых данных проследил тюркизмы в «Слове о полку Игореве» и просветил массового советского читателя о родственных отношениях кыпчаков и русских князей, военно-политических союзах между ними [Сулейменов 1975: 7-178].

При этом в обществе доминировал отрицательный образ тюрка. Негативные оценки роли тюрков (кыпчаков, татаро-монголов, ногайцев) порождали образ вечного врага, «поганых» притеснителей христиан.

Между тем, языковые данные, тюркизмы в «Слове о полку Игореве» указывают на родственные отношениях кыпчаков и русских князей, военно-политических союзах между ними.

Надо отметить, что в Институте Истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана разрабатывается и исследуется история тюркских народов Кавказа и их взаимоотношения с Азербайджаном. В 2010 году вышла монография Алиевой С.И. «Ногайские тюрки» и «Азербайджан и народы Северного Кавказа», в 2015 году - «Взаимоотношения Азербайджана и народов Северного Кавказа», в том же году сдана в печать коллективная монография «История Дербента», в Институте регулярно обсуждаются статьи и работы по истории кавказских регионов и народов, в том числе тюркских. Научный коллектив отдела принимает участие в международных конференциях по истории и культуре тюркских народов, налажены тесные и плодотворные связи. Все это свидетельствует о серьезной научной базе и актуальности

изучения тюркских народов в наше время.

Самые актуальные вопросы изучения тюркских народов связаны не только с этногенезом, но с их политической историей. В лице тюрков российская цивилизация столкнулась с мусульманским фактором, предопределившим взаимоотношения двух цивилизационных полей. Тюрки не были аморфным скопищем:

- они имели уникальную письменность: на основе древнетюркского рунического алфавита, некоторые пользовались уйгурской письменностью, и только с принятием ислама стали повсеместно пользоваться арабской графикой;

- государственные образования, сильную власть, организованные органы, военные силы, институты власти и способность поглотить менее развитые общества.

В эпоху Киевской Руси известны браки князей с дочерьми кыпчакских ханов, военные союзы и т.д. Угроза княжеской, славянской власти, 300-летнее нахождение под монголо-татарской властью и породили образ врага в лице тюрков, оформленный в XVIII веке, когда было обнаружено «Слово о полку Игореве», памятник XII века.

Между русскими и кыпчаками существовали отношения мирного соседства, сношений и взаимной пользы. Но эти отношения искажались церковью, для которой половцы (кыпчаки русских летописей) часто были враги, которые «губят землю русскую и проливают христианскую кровь беспрестанно. Когда же князья узнавали их ближе – половцы превращались в сватов.

Нельзя не согласиться с теми, кто считает, что красивое название «Золотая Орда» было придумано не татаро-монголами (они своё государство называли Улус Джучи), а русскими, ведь ненавистному государству красивое название не дают [Теляшов 2001: 181].

С 1991 года идеи консолидации тюркских народов воплотились в жизнь созданием «Ассамблеи тюркских народов СССР». Представители тюркских народов Кавказа, как и всего пост-советского пространства, начиная с 1990-х годов, участвовали также в работе всемирных тюркских конференций и съездов. Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТИКА), действующее с января 1992 года при турецком МИДе помогает многим тюркским республикам, регионам и отдельным народам в реализации различных научных, учебных и просветительских проектов, в возрождении культуры

тюркских этносов [Киреев 2002: 24].

Азербайджанская республика с восстановлением своей независимости в 1991 году тесно сотрудничает с современными тюркскими государствами и с такими организациями как Тюркский Совет, Содружество Тюркских Государств, Объединённая администрация тюркских искусств и языков и т.д. Напомним, Тюркский Совет был создан 3 октября 2009 года в Азербайджане (Нахичевань). В Баку в 1998 году была образована Парламентская Ассамблея тюркоязычных стран.

Важной задачей на пути интеграции тюркских стран и организаций, объединения усилий, расширения взаимопонимания является проект создания единой тюркской истории. Инициатор этой идеи директор Института Истории Национальной Академии наук Азербайджана, член-корр. Ягуб Махмудов выдвинул предложение начать преподавание общей истории тюркских народов еще в средней школе. Так как большинство достижений тюркского мира относятся к эпохе средневековья, то первоначально должна стоять задача подготовки учебника по общей тюркской истории средних веков. Эту идею поддержал Центр изучения Ататюрка (АТАМ). Благодаря слаженным действиям, работа над этим проектом подходит к концу. Все это способствует обмену культурным опытом, приобщению к культурному наследию различных тюркоязычных народов и взаимообогащению языка. Главной идеей подобных объединений является сохранение и развитие тюркского языка, как интегрирующего компонента его носителей.

Ведь тюрко-исламский мир Великой степи сыграл огромную роль в истории Евразии, оказал цивилизационное влияние на славянские и другие народы, внес огромный вклад в создание российской государственности, сохранил самобытные черты и главное – имеет все перспективы для возрождения и интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, М., 1941.

Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Париж. 1983.

Виноградов В.Б. К состоянию этнолингвистической атрибуции сарматов// Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1994.

Алиев К. Проблема происхождения кумыков в советской идеологии и историографии. КНКО: Вести. Вып. № 5, Махачкала, 2001.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1960.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958.
Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Ленинград. 1978
Трубачев О.Н. Свидетельствует лингвистика// «Правда», 13 декабря 1984.
Ямпольский З. Древние источники – об азербайджанских тюрках. Баку, 1973.
Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М., 1971.
Сулейменов О. АЗиЯ. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975.
Теляшов Р. От индейцев и гуннов до Золотой Орды. СПб, 2001.
Киреев Н. Турция: поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества// Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 1 (19).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Муратова Роза Ашимовна*

ABSTRACT:
The article covers the basics of formation of economic relations in the Kazakh Khanate. Analyzes the main stages in the formation of trade relations in the Great Steppe.

KEY WORDS: Formation of economic relations, Kazakh Khanate. Trade relations in the Great Steppe.

Казахстан исторически находящийся на перекрестке цивилизаций занимал и занимает ведущее место в экономическом развитии центрально азиатской части евразийского континента. Географическое пространство Казахстана современные историки относят к Великой степи. Сложившийся способ ведения хозяйственных операций определяет в той или иной степени уровень развития производительных сил и общественного уклада. Именно традиционный уклад жизни кочевника, номада придает оттенок романтизма, лирической линии, создают образ человека, осваивавшего громадные просторы и открывающего все новые горизонты. Это отражено в народном фольклоре, протяжных и печальных напевах степи.

Формирование экономических отношений происходило в условиях становления казахской государственности. Этот период принято отсчитывать от начала отделения от узбекского улуса казахских султанов Керея и Жанибека. Этот исторический шаг привел к началу формирования правовых и экономических основ казахской государственности.

* Кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры «Менеджмент и маркетинг» Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана

В 15 веке процесс становления хозяйственного, социального, политического развития средневекового Казахстана, в том числе этнической истории казахов происходил во времена всеобщей неопределенности формирования цивилизаций.

Авторам работы «Казахстан, летопись трех тысячелетий» [Кляшторный, Султанов, 1992: С. 378] ход процесса образования Казахского ханства представлен эпохальным историческим событием: отделением султанов Керея и Джанибека с частью племен и родов от главы кочевых Абулхайыр-хана и их перекочевки в западные пределы Моголистана и тем самым заложило основы формирования государственного устройства.

Таким образом, образование Казахского ханства не было единовременным актом, а было сложным по характеру и продолжительным по времени многоаспектным процессом. В нем политические события развивались одновременно с этническими и переплетались с ними.

В этом плане Казахское ханство представляет собой синтез экономического уклада хозяйствования и изменений в социальных отношениях, связанных с этногенетическими процессами на основе начала процесса национальной самоидентификации.

Закономерности общественно-экономического развития и формирования народности, в некоторой степени зарождения классовых противоречий в структуре общества и общеполитическая обстановка в ходе распада Золотой Орды, возрождение торгово-экономических центров Юга и Юго-Востока после ущерба, нанесенного монгольским нашествием, походами Тохтамыша и Тимура в XIV в., явились важнейшими условиями возникновения Казахского ханства.

В последней трети XV в. продолжался процесс постепенного включения племен и родов Семиречья в Казахское ханство. Государство Моголистан под натиском казахских правителей и в силу внутренних причин распалось и к началу XVI в. могольские правители были вытеснены в Восточный Туркестан. Одновременно казахские ханы начинают усиленную борьбу со среднеазиатскими владетелями за сырдарьинские города. В XVI-XVII вв. Казахское ханство укрепилось, расширились его границы, охватившие основную часть этнической территории казахов. По данным вполне достоверных источников, в Казахское ханство 1695 года входило 32 города.

«Кочевые племена, имеющие общий язык, религию, бытовые традиции и единый хозяйственный уклад, но не состояв-

шие в одном союзе, не подчинявшиеся друг-другу, находящиеся в составе трех разных государств, объединяются в новый политический союз»,отмечает Абиш Кекильбаев.

Основу экономической системы государственного объединения составляют ,как справедливо отмечают единство хозяйственного управления и единство традиций, верований , менталитета, формирующих принципы будущего государства.

Следует отметить и выдающуюся роль хана Касыма, форму правления этого замечательного политика именовали «светлой путью хана Касыма». Конец XVII в. и начало XVIIIв., когда правил хан Тауке, ознаменовались особым духовным подъемом, расцветом и сполоченностью страны. Система государсвтенного устройства требовала и основ формирования финансовй ой системы. В формировании любого государства экономическое благостостояние определяется уровнем развития налоговых отношений, зачатков современной налоговой системы в форме взимания зякета

Общественные отношения казахского ханства носил патриархально-феодальный характер (феодализм преобладал на юге, а патриархальность больше у кочевников). Сыгнак – столица в начальный период. Столица ханства в 17в - г. Туркестан. Все ханство принадлежит правящему роду Чингизидов. Хан – распределяет земли и не относится ни к каким племенам, избирается из султанов. Ханство делилось на улусы во главе с султанами. Султаны освобождались от повинностей в пользу хана и имели судебно-административную власть. Бий – управитель рода.

Каждый кочевник считался воином и должен был всегда быть готовым к походам. При хане – совет улусных султанов и вождей кочевых племен – ежегодный курултай.

Система государственного управления основана на обычном праве – адате, кроме которого действовали нормы мусульманского права. Основой законодательства стал свод законово Тауке хана «Жеті жарғы»

Исторические реалии середины XVII века резко подняли роль биев. Потому в 1680 году при хане Тауке был утвержден совет биев. Создавая единое Казахское государство, он узаконил политический ханский совет, «Алты-Алаш». Формирование экономического уклада строилось на основе кочевого хойствования и главного вида хозяйственной деятельности – скотоводства. Молодое казахское ханство в условиях постоянной борьбы за независимость акцентировало экономический

уклад на скотоводство, как наиболее приемлемом и мобильном способе хозяйствования, отвечающем потребностям кочевого образа. С развитием и укреплением государственности стал вопрос о формировании внешних границ и были заложены основы урбанизации и укреплении городов и развитию ремесел.

Следует отметить и начало процесса развития и металлургии, выплавки сельскохозяйственных орудий, военного снаряжения, народных ремесел,о изготовления ювелирных украшений из золота и серебра, являющихся обязательным атрибутом национальной одежды, зарождение ремесел, началась разработка полезных ископаемых, нефтяных месторождений Урало-Эмбинского региона, карагандинского и жесказганского угольных бассейнов. Процессы разработки и промышленного колониальными правами и, по-существу, хищнически эксплуатировали природные богатства страны.

На Западе Российская империя, которая при Петре I возвела в ранг государственной политики присоединение казахских земель к себе.

Немаловажная ача агрессии исходила и со стороны Китайской империи. Воспользовавшись таким сложным международным положением и подстрекаемые недоброжелательными соседями, джунгары-калмыки осуществляли постоянные набеги на казахские земли в 1599 — 1750 гг. в течение 150 лет.

Существовавшие в Великой степи экономические отношения и процесс формирования казахской государственности был связан с основными жизненными потребностями родственных племен, так как вопросы сохранения этнической и территориальной целостности, обеспечение безопасности, создание условий для повседневной хозяйственно-бытовой деятельности не были решены ни в период существования Белой Орды, ни в Ханстве Абулхаира, ни в Ногайской Орде. Внутри этих государственных объединений не было политической стабильности.

Образование Казахского ханства было подготовлено всей предшествующей историей развития и функционирования таких государств, как Золотая Орда, Ак-Орда и Могулистан. Но само появление на политической карте Центральной Азии кочевого Казахского ханства было неразрывно связано с именами чингизидов: хана Абулхаира Шибанида и близкородственных султанов, потомков Джучи - Жанибека и Керея.

Возможность внимательно вглядеться в прошлое своего народа, переосмыслить его, позволяют труды известного

историка-востоковеда, профессора Санкт-Петербургского университета Т.И. Султанова. Ученый много лет изучал тюркские и персидские источники, которые лежат в основе четырех его книг по истории Казахского государства.

Средневековый автор пишет о происходивших в тот период событиях так: “Когда Абулхаир Махмуд ибн-Вали одержал верх над сыновьями своих врагов в областях Дешт-и Кыпчака, некоторые из потомков Джучи-хана, например, Керай-хан (так в тексте) и Жанибек-хан вышли из круга подчинения и повиновения и предпочли покинуть родину. Отказавшись от унаследованной (от предков) страны, они ступили на дорогу, ведущую на чужбину. С группой людей, достойных признания, они выбрали путь в Могулистан”. [Тулибаева, 2006: С.256]

По казахским преданиям, непосредственным поводом для откочевки султанов послужило убийство представителя влиятельного рода аргынов Акжол бия, организованное каракипчаком Кобыланды, и неправые действия в тех событиях хана Абулхаира. Он не хотел терять опору среди многочисленных кипчакских беков и уклонился от справедливого решения тяжбы, чем вызвал возмущение другой стороны. Раздорами среди крупных родов, а также нерешительностью Абулхаира вовремя воспользовались строптивые султаны. Процесс противостояния конфликтующих сторон красочно описан в прекрасной эпопее казахского писателя Ильяса Есенберлина “Кочевники”.

Экономические отношения отражали сформировавшиеся этапы исторического развития, а сам термин «кочевничество-номадизм» определяется по степени оседлости

- Полностью кочевое хозяйство
- полукочевое и полуоседлое (когда земледелие уже преобладает) хозяйство,
- отгонное (когда часть населения живёт, кочуя со скотом),
- яйлажное (казахский термин - жайляу) (от тюркс. «яйлаг» — летнее пастбище в горах).

Способ кочевания в Казахстане зависит от природно-климатических зон и соответственно от условий жизнедеятельности

В географическом контексте можно говорить о шести больших зонах, где распространено кочевничество.

1. евразийские степи, где разводят так называемые «пять видов скота» (лошадь, крупный рогатый скот, овца, коза, верблюд). однако наиболее важным животным считается конь (тюрки, монголы, казахи, киргизы и др.). Кочевники этой зоны

создали могущественные степные империи (скифы, хунну, тюрки, монголы и др.);

2. Ближний Восток, где номады разводят мелкий рогатый скот, а в качестве транспорта используют лошадей, верблюдов и ослов (бахтияры, бассери, курды,пуштуны и др.);

3. Аравийская пустыня и Сахара, где преобладают верблю доводы (бедуины, туареги и др.);

4. Восточная Африка, саванны к югу от Сахары, где обитают народы, разводящие крупный рогатый скот (нуэры, динка, масаи и др.);

5. высокогорные плато Внутренней Азии (Тибет, Памир) и Южной Америки (Анды), где местное население специализируется на разведении таких животных как як (Азия), лама, альпака (Южная Америка) и др.;

6. северные, в основном субарктические зоны, где население занимается оленеводством (саамы, чукчи, эвенки и др.).

Наиболее действенные факторы влияния торговой сферы на политические выявляются при изучении процесса присоединения Казахстана к России. Уже при первых шагах российской дипломатии, встретивших в казахской среде сильную партию недоброжелателей (основные причины заключались в очень сильных субъективных шагах самого Абулхаира, не посоветовавшегося с представителями родов), Тевкелеву пришлось искать сторонников. В этот момент в защиту Тевкелева выступил батыр Бугенбай, руководитель крупнейшего рода табын (из союза жетыру) и скотовод, ведший к тому же обширную торговлю с Россией.

В «Дневнике» А.Тевкелева содержатся сведения, удостоверяющие связь Букенбай батыра с российскими рынками. Во время жесткой блокады посольства казахами — противниками присоединения Тевкелеву удалось передать письмо Уфимскому воеводе именно через торговых агентов Букенбая: «... у Букенбай батыра был один житель Уфимскому уезду киргизец для торгу своего Чавбарс Касбо- латов. И переводчик Тевкелев тайным образом послал к нему, Чавбарсу, башкирца Таймаса и велел ему объявить тайно, что он хочет ево отправить в город Уфу...» .

Поддержка Букенбай батыра фактически решила положительной исход посольства Тевкелева и саму судьбу подданства. При огромном противодействии со стороны недовольных действиями Абул- хаира поддержка крупнейшего

родоправителя Младшего жуза была чрезвычайно важной для успеха российской дипломатии.

Однако стремлению казахов наладить торговые отношения с Россией мешали внешнеполитические отношения с башкирами и калмыками /волжскими/ на северо-западных границах Орды. Это видно опять же на материалах дневника А.Тевкелева, где он описывает случай ограбления казахских послов, отправленных в Уфу башкирскими барымтовщиками: «И оные Абулхаир хана и Букенбай- батыря людей и уфинского жителя киргизца, которые ехали из Уфы, оные воровские башкирцы поймали, и связали, и хотели их убить до смерти, а ханского человека у Букенбай-батыря человека же ранили копьями...».

В источниках часто отмечаются в качестве посредников в казахско-российских торговоэкономических отношениях казахи, проживающие в районе Уфы и Казани.

Таковы причины первых официальных переговоров России и Казахской Орды, за ними стояли прежде всего проблемы экономического характера. Еще в период переговоров Тевкелева с Абулхаиром русским послом была высказана идея сторительства г. Оренбурга. Этот примечательный во всех отношениях разговор состоялся 17 декабря 1731 г. В этот день Абулхаир сообщил Тевкелеву свое намерение отправить своего сына, султана Нурали, к хивинскому хану Эльбарсу с предложением принять русское подданство «с подданными своими, и договориться о коммерции, дабы как российские купцы в Бухарию, так и бухарские в Россию через киргизскую орду караванами ездили свободно». Однако Тевкелев высказал возражение хану, мотивировав тем, что торговать через Казахские степи почти невозможно из-за «разбойничьих шаек», которые «страху от ханов не имеют». Посол высказал предположение, что добиться безопасной торговли можно только тогда, когда у впадения в р. Орь в Яик (Урал) будет построена крепость, которая, с одной стороны, обеспечит безопасность караванов, с другой — безопасную жизнь самому хану и его приближенным и, в третьих, от города «киргис-кайсаки будут находиться в немалой степени страху». Эта идея, безусловно, понравилась Абулхаиру. Вероятно, будущий город на устьях р. Орь представлялась ему в виде Туркестанских, где казахские правители испокон веков имели традиции общежития с местным оседло-городским населением. Города служили как в качестве спокойного зимнего кыстау, так и хорошего источника обогащения. Между кочевниками и оседлыми жителями

городов складывались своеобразные даннические отношения .

Однако когда формировалась Оренбургская экспедиция и началось строительство этого города (в 1734 г.), Россия уже рассматривала его в качестве плацдарма в своем движении на юг. Оренбург строился не для Абулхаира, а для выполнения колониальных задач России. Как отмечал бригадир И.Кириллов: «город закроет за собою Башкирцев, и все набеги воровских киргис-кайсаков, которые теми местами проходили, пресечет».

Вторая задача заключалась в развитии торговли. Считалось, что строительство города будет способствовать распространению «внутренней коммерции». Оренбург рассматривался И.Кирилловым как выгодная точка для ведения торговли с Туркестаном (Ходжент), который раньше торговал с Россией через Бухару. В этом плане дальние перспективы связывались с Индией, Бадахшаном и т.д. [Панков, 1927; Басин, 1971].

Но дальнейшие события показали более перспективный характер русско-казахской торговли, которая по объему оборота на всем протяжении XVIII-XIX вв. была многократно большей, чем торговля с восточными странами.

Как отмечает Ч.Ч.Валиханов: «Вся так называемая среднеазиатская торговля России есть не более, не менее, как торговля наша: на долю Бухары, Коканда и других стран Центральной Азии приходится весьма незначительная пропорция в общем торговом балансе». [Валиханов, 1984.]

Со вступлением в Оренбург тайного советника В.Н.Татищева отмечено разрастание объема торговли, проходящей через Оренбург. Уже в 1738 г. вне крепости был построен меновый двор с достаточным количеством лавок для казахских купцов и прибывающих для этих целей хивинцев и ташкентцев. В этом же году были приняты основополагающие документы, касающиеся пошлин и прочих сборов. Попытка же самой России вести торговлю за пределами своего влияния на территории Средней Азии встречала активное сопротивление определенной части казахских владельцев. Так, в 1738 г. отправленный в Ташкент русский караван с провожатыми хана Абулхаира был разграблен южнее города Туркестана.

Казахи, соприкасаясь с русскими населенными пунктами на границе, без каких-либо предварительных условий вступали в торговые сношения. Большинство же обращений казахских правителей к России в эти годы было продиктовано стремлением казахского населения к этой торговле. Таким образом, такие

города, как Оренбург, Троицк и другие, построенные вначале как крепости, в скором времени стали центром русско-казахской и русско-среднеазиатской торговли.

В Оренбурге казахи покупали в основном продукцию русской промышленности, заключающуюся в чугунных, железных, медных котлах, таганах, ковшах, топорах, мотыгах, капканах, ножницах, посуде, стременах, удилах и т.д.

Русско-казахская торговля в России выгодно отличалась от торговли казахов в Джунгарии с маньчжурской администрацией. Прежде всего, в русско-казахской торговле операции осуществляли непосредственно купцы, в то время как в Джунгарии эти операции проводили маньчжурские власти, причем скот, например, продавался по ранее установленным и неизменным ценам. Если оренбургская администрация разрешала русским и казахским купцам торговать всеми товарами, в том числе и металлическими, то маньчжурские власти не давали возможности казахским купцам покупать изделия из металла. [Левшин, 1996].

Таким образом, рассмотренные в данной статье вопросы охватывают, по мере возможности, основы зарождения экономических отношений в Великой степи. Основы экономической политики современного Казахстана, государства со сложившейся многоукладной экономикой разительно отличаются от первоистоков экономики Великой степи ; но несмотря на отдаленность во времени, истоки экономических отношений были заложены в тот сложный и замечательный период нашей истории.

ЛИТЕРАТУРА

А Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Издательство: Алматы, ‹Рауан› Год: 1992 Страниц: 378

Тулибаева Ж.М. Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана XIII–XIX вв. – Астана: ЕНУ им.Л.Н. Гумилева, 2006. 256 с

Панков А.В. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI-XVII вв. // В.В.Бартольду туркестанские друзья и почитатели. – Ташкент, 1927.

Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI-XVIII вв. – Алма-Ата, 1971.

Валиханов Ч. Собрание сочинений: В 5-т. – Т. IV. – Алма-Ата, 1984.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы, 1996. / Под общ. ред. М. К.Козыбаева

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДА)

Овчар Надежда Андреевна*

АННОТАЦИЯ:
В работе представлены оценки социального самочувствия волгоградцев в ходе ряда исследований 2014-2015 гг. и предпринят анализ этих результатов, исходя из особенностей Волгограда как полиэтничного пограничного социокультурного пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Социальное самочувствие, социокультурное пространство, социальная идентичность, этнос, социальное настроение.

Социокультурное пространство города представляет собой совокупность пространственных факторов, оказывающих влияние на горожан. Рассматривая город как социальную общность, а его жителей как элементы этой общности, следует отметить, что город представляет собой совокупность элементов, имеющих значительное количество объединяющих их параметров, обусловленных не только территориально-географическим фактором, но и культурным, предполагающим особенности национальных культур и религиозных традиций. Это обусловлено местоположением города, представляющего собой, если не конечную цель, то промежуточный пункт движения мигрантов, интересов людей разных национальностей и конфессий. Такая роль Волгограда, в прошлом, Царицына, обусловлена историческими обстоятельствами – пограничным местоположением, соединяющим Запад и Восток – европейскую и азиатскую культуры, христианство и ислам. Через территорию Волгоградской области проходили и проходят значительные миграционные потоки из Средней и Центральной Азии, Закавказья, Северного Кавказа. Примечательно, что с течением времени такое значение города не меняется, и влияние миграционных процессов из соседних государств с иной, нежели характерна для Центральной России, ментальностью, с иными ценностями, продолжает оказывать влияние на социокультурное пространство Волгограда. Это подтверждается и данными переписей населения 2002 и 2010 гг.

Так, на территории г. Волгограда на 2002 г. насчитывали

* Кандидат социологических наук, доцент кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета. E-mail: onadine@mail.ru

120 национальностей, в Волгоградской области – 160 [Самчук 2007], а в 2010 г. примерно 190 [Доклад об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года по Волгоградской области 2012: 13]. Город аккумулирует на своей территории большинство населения, представителей бóльшей части всех наций и народностей, проживающих на территории Волгоградской области. За период с 2002 по 2010 гг. произошли количественные изменения в составе этнонациональных групп [Национальный состав и владение языками, гражданство населения Волгоградской области 2006: 7-10; Доклад об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года по Волгоградской области 2012: 47-51]Эти изменения отражены в таблице.

Таблица Численность представителей различных этносов в Волгоградской области по результатам переписей 2002 и 2010 гг., чел. [Самчук 2015: 84].

Национальность	Результаты переписи		Изменения
	2002 г.	2010 г.	+/-
Русские	2399300	2309253	-90047
Казаки	20648	18452	-2196
Казахи	45301	46223	+922
Украинцы	56281	35607	-20674
Армяне	26974	27846	+872
Татары	28641	24557	-4084
Немцы	17051	10102	-6949
Азербайджанцы	14257	14398	+141
Белорусы	12232	7868	-4364
Корейцы	6066	7044	+978
Марийцы	6028	4233	-1725
Молдаване	3367	3139	-228
Мордва	3601	2273	-1328
Таджики	2057	4674	+2617
Турки	4049	5252	+1203
Удмурты	3073	2150	-923
Узбеки	3012	6947	+3935
Цыгане	7258	8216	+958

Чеченцы	12256	9649	-2607
Чуваши	8439	5851	-2588
Даргинцы	2604	3501	+897

Таблица наглядно подтверждает, что Нижнее Поволжье является мультикультурным поликонфессиональным территориальным образованием.

Длительный исторический процесс освоения территории различными этносами, приносившими в город свои традиции, обычаи, формы деятельности, уклад, сообщающими, воспроизводящими, транслирующими определенную субкультуру, и успешность этого процесса освоения территории Волгограда фиксируется в понятиях идентичность, социальное самочувствие, настроение.

Пограничное положение региона и его столицы, Волгограда, делает весьма трудно решаемой проблему социальной самоидентификации его населения, значительная часть которого не является коренными жителями данного города. Самоидентификация играет не последнюю роль в оценке социального самочувствия населения Волгограда и Волгоградской области в целом.

Формирование чувства идентичности в отношении территории проживания обеспечивается наличием общих ценностей, норм, традиций, общностью языка и быта, в этом смысле сошлемся на высказывание Ф. Фукуямы, что «общность не образуется каждый раз, когда группе людей случается взаимодействовать друг с другом; истинную общность скрепляют ценности, нормы и опыт, которые члены данной общности разделяют. Чем глубже заложены эти общие ценности, тем сильнее чувство общности» [Фукуяма 2004: 20]. Освоение городского пространства новыми жителями города происходит в процессе социализации и завершается принятием этого пространства как «своего», идентификации с ним. Э. Гидденс отмечает, что «интенсификация социальных отношений в масштабе всего мира» усиливает «тенденцию к локальной автономии и региональной культурной идентичности» [Добрякова 2001: 54-55].

Локальные субкультурные общности, являясь подсистемами социальной системы Нижневолжского региона, должны выполнять, наряду с интеграционной функцией, коммуникативную функцию, связывая разрозненные элементы

системы, реализуясь в процессах аккультурации, ассимиляции и аккомодации. Однако, как показывает история этнокультурного заселения территории региона, зачастую реализуется стратегия культурной автономии между этносами и векторы взаимодействий между общностями смещаются в сферу универсальных, общих для всех экономических, политических отношений.

Социальные связи, возникающие между индивидами в данных сообществах, обусловлены не только территорией, но и территория создает предпосылки и возможности для формирования общих интересов, традиций, способов отстаивания собственных прав.

При изучении идентификации людей с определенными сообществами используются, например, самоопределение индивида, или понятие «мы»-идентификации [Гидденс 2005: 83-95]. Н. Ф. Наумова считает, что в условиях нестабильного общества идентификация с группой «мы» (то есть определение референтной группы) выполняет две функции. На личностном уровне – это поиск защиты, понимания, помощи. Для личности этот процесс важен как стабилизирующий, укрепляющий ее внутренние и внешние позиции. Влияние его на стабильность социальной системы зависит от того, насколько отработан механизм согласования групповых интересов [Наумова 1999: 116].

В свою очередь, личностный статус предполагает опору на ценностные предпочтения, личные контакты и связи индивида. Особенность тут заключается в том, что идентификация происходит сознательно, и первично здесь не членство в группе, а ценности и установки индивида, которые им осознаются и позволяют ему признавать «своими» других людей со схожими взглядами, жизненными принципами и т.д.

Земляческие отношения способствуют конструированию территориального сообщества и формированию прочных социальных связей внутри его, приводят к укреплению социальной стабильности.

Польский социолог Я. Щепаньский определяет понятие социально-территориальной общности как общность людей, «члены которой связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории» [Щепаньский 1969: 160].

Исследованиями, проведенными в Псковской области, Санкт-

Петербурге подтверждается наличие локальной идентичности, проявляющейся в особенностях речи (диалектах), поведении, обычаях, праздниках, внешнем виде, самоназвании общности - «сибиряки», «ярославцы», «скобари», которые можно отнести к разновидности «субэтнической идентичности» из-за смешения нескольких этносов, или исключительно территориальной идентичности - «петербуржцы», «питерцы», «ленинградцы» [Кувенева 2003, Рабжаева 2003].

Локальная территориальная идентичность волгоградцев проявляется в негативных оценках жизни в городе и регионе, депрессивности настроений, негативном социальном самочувствии. Так, если рассматривать место Волгограда в рейтингах, в сравнении с другими городами России, то его место выглядит примерно следующим образом.

По рейтингу департамента социологии Финансового университета при правительстве Российской Федерации в 2014 г. Волгоград признан самым депрессивным городом России [Рейтинг городов России по качеству жизни в 2014 году]. В числе показателей рейтинга состояние системы здравоохранения, работа образовательных учреждений и ЖКХ, благоустройство города, материальное благополучие его жителей. По данным этих же исследователей за 2015 г. положение Волгограда не изменилось – город опять последний в списке [Рейтинг городов России по качеству жизни в 2015 году].

Волгоград оказался внизу рейтинга и в исследовании Росгосстраха «Качество жизни в российских городах в 2015 году» [Волгоград – один из худших городов России по качеству жизни 2015] и определен как город, где жители чувствуют себя наихудшим образом. В ходе исследования респондентам было предложено оценить работу местных чиновников, способность населения влиять на органы городской власти, а также ответить на вопросы, которые касаются деятельности медицинских, образовательных и досуговых учреждений в регионе, оценить уровень благоустройства города, качество коммунальных услуг и качество дорог.

Таким образом, оценивая социальное самочувствие горожан, надо сказать, что оптимизма в исследованиях не присутствует. И если рассматривать территориальную идентичность волгоградцев, то она не может являться ресурсом, обеспечивающим положительную социальную динамику. Но, следует иметь ввиду, что наряду с территоральной идентичностью, которая в силу пограничного расположения

региона имеет проблемы формирования, у полиэтничного населения может сохраняться национальная идентичность. Поэтому Волгоград, как перекресток цивилизаций, культур, торговых путей, является территорией пересечения и смешения идентичностей – национальных, территориальных, государственных. И процесс самоидентификации, переживаемый населением города, повышает уровень неопределенности, нестабильности в жизни горожан, что, помимо объективных статистических показателей доходов населения, количества объектов социальной инфраструктуры, оказывает влияние на снижение социального настроения и самочувствия горожан.

ЛИТЕРАТУРА

Самчук, М.М. Духовное поле региона: полиэтничность /М.М. Самчук. // Человек, культура, общество: Межвуз. сб. научн. тр. / Отв. ред. Н.В. Дулина, И.А. Небыков, О.В. Естрина / Волгоград. гос. техн. ун-т. – Волгоград, 2007. – Вып.5. – С. 57-66.

Доклад об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года по Волгоградской области. – Волгоград, 2012. – 58 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство населения Волгоградской области // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – Официальное издание. – Т. 2. – Волгоград, 2006. – 205 с.

Самчук, М.М. Динамика численности и этнического состава населения Волгограда и Волгоградской области в межпереписной период 2002-2010 гг. / М.М. Самчук, Е.В. Ануфриева // Известия ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 20 : межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. - Волгоград, 2015. - № 2 (155). - С. 81-84.

Фукуяма, Ф. Великий разрыв /Ф. Фукуяма. - М.: Издательство АСТ, 2004. – 480 с.

Добрякова, М. С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации / М. С. Добрякова// Социология: 4 М. – 2001. - № 13. – С. 27-59.

Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структурации. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.

Наумова, Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Н. Ф. Наумова. - М.: УРСС, 1999. – 176 с.

Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии/ Я. Щепаньский. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.

Кувенева, Т. Н. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе / Т. Н. Кувенева, А. Г. Манаков // Социс. – 2003. - № 7.

Рабжаева, М. В. Какая идентичность у жителей Санкт-Петербурга? / М. В. Рабжаева, В. Е. Семенков // Социс. – 2003. - № 3.

Рейтинг городов России по качеству жизни в 2014 году [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://fa.ru/chair/priklsoc/Documents/8_Best_Cities_of_Russia_2014.pdf

Рейтинг городов России по качеству жизни в 2015 году [Электронный ресурс].

– режим доступа: http://www.fa.ru/dep/press/about-us/Documents/30_Life_Quality_2015.pdf
Волгоград – один из худших городов России по качеству жизни [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://bloknot-volgograd.ru/news/volgograd-odin-iz-khudshikh-gorodov-rossii-po-kach-699970
Овчар, Н.А. Территориальная идентичность как фактор формирования общности / Н.А. Овчар // Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект: матер. всерос. конф. «XVII Уральские социологические чтения» / Уральский гос. техн. ун-т (УГТУ-УПИ) [и др.]. - Екатеринбург, 2008. - Т. II. - С. 226-228.

К ИСТОРИИ БАШКИРО-ТАДЖИКСКИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Сабирова Зухра Рамилевна*

The history of Bashkir-Tajik socio-economic and cultural ties

ABSTRACT:
The article is devoted to the history of the development of socio-economic and cultural relations between two interesting and attractive in different spectra regions – Bashkortostan and Tajikistan, in aggregate are components of a large Turkic world. The presence of mutual needs to continue and strengthen these relations at different levels of interstate communication indicates the relevance of the study this partnership

KEY WORDS: Bashkortostan, Tajikistan, socio-economic and cultural ties.

Башкортостан и Таджикистан не имеют общих границ, однако географически всегда тяготели друг к другу через страны Средней Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизию) [Абдрафикова 2015: 210-219; Исянгулов 2015: 26-32; Сулейманова 2015: 117-121]. Великий шелковый путь в свое время соединил в единую нить экономических, политических и культурных связей многие народы Евразии, благодаря чему в развитие отношений между этими территориями включились Поволжье, Урал и др.

Торгово-экономические и на этой почве дипломатические отношения между Средней Азией и Россией стали ширится с XVI в. Инициатива в установлении связей с Россией в то время

* Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: timerbulat2009@mail.ru

исходила преимущественно от Средней Азии, нуждавшейся в развитии торгово-экономических отношений. Открывались новые торговые пути из России в Среднюю Азию, в том числе через Оренбург, Казалинск. В XVIII в. уже в среднем каждые 5-6 лет прибывали торговые посольства из Средней Азии в Москву, Петербург, особое значение приобретает торговля через торговые города исторического Башкортостана — Оренбург и Троицк. Несомненно важным элементом торговли являлся хлопок, а также продукты виноградарства, бахчеводства, каракулеводства, шелководства [Раджабов 1954: 7-9]. Из России в Туркестан уходили чай, сахар, шерстяные изделия, сундуки, посуда, предметы из металлов, текстиль [Волков 2015]. Быстрее других новые веяния добирались до Северного Таджикистана, в частности города Ходжента (затем Ленинабад). Оренбург-Ташкентская и Среднеазиатская железные дороги, на которых работали в начале XX века половина всех рабочих Туркестана, способствовали дальнейшему укреплению экономических отношений Башкирии и Таджикистана [Раджабов 1954: 20]. Усиление не только торгово-экономических, но и политических отношений происходит в 60-х гг. XIX в., с присоединением Туркестана и других территорий Средней Азии к России. В 1864 г. города Туркестан, Аулие-Ата и прилегающие к ним районы были присоединены к Оренбургскому генерал-губернаторству, тогда же и Уфимская губерния была выделена из состава Оренбургской. [Раджабов 1955]. Население Туркестана втягивалось в общее русло революционных преобразований.

Исторические связи башкирского и таджикского народов нашли отражение в разных временных рамках. Торгово-экономические отношения, развивавшиеся с XVI в. сменились общественно-политическими в период революций начала XX в. и Гражданской войны, басмаческого движения.

Среди идеологов басмачества был бежавший из Башкортостана лидер башкирского национального движения А. З. Валидов, к нему присоединились А. Варисов, А. Инан, Х. Игликов, А. Г. Ишмурзин, С. Я. Магазов, И. И. Мутин, У. Н. Терегулов, М. Шахкули, позже примкнули Х. Аликаев, А. Харисов, И. Исхаков, Х. Янбухтин, занимавшие руководящие посты в Бухарской и Хивинской народных республиках (созданы после падения в 1920 г. Бухарского эмирата и Хивинского ханства) и др. Как известно, организационное и идеологическое оформление движения произошло к 1920 г. Партии «Эрк» (Узбекистан), «Алаш» (Казахстан),

сторонники джадидизма и др. весной 1921 г. объединились в Федерацию мусульманских национальных обществ Средней Азии (Туркестанское национальное объединение). ЦК Федерации возглавил Валидов. Выработанная им платформа предполагала создание единой независимой демократической республики Туркестан с собственной армией и самостоятельным управлением, предусматривала развитие системы национального образования, культуры и отделение религии от государства. В составе вооруженных отрядов басмачей действовали и башкирские батальоны. Однако принятие общей программы не обеспечило единства движения. Среди них нашлись сторонники сверженного бухарского эмира, которые вероломно убили офицеров башкирского запасного полка (братьев Еникеевых, У. Мамлеева, С. Сакаева, братьев Суюндуковых и др.) и 40 курсантов бухарского военного училища во главе с И. Ибрагимовым, что привело к снижению активности участников — выходцев из Башкортостана [Заки Валиди Тоган 1998: 27]. По данным С. М. Исхакова, 18-20 сентября 1922 г. был создан Национальный союз Туркестана, целью которого было создание на политической базе Бухарской НСР самостоятельной демократической Тюркской республики от Башкирии до границ Афганистана [Романов 2012: 23]. На пути к самоопределению башкиры часто оказывались «между двух огней» [Сабирова 2015: 174-181]. Так случилось и в басмаческий период. На стороне советской власти в это время в Туркестане воевал хорошо всем известный, глубокоуважаемый военачальник, родом из айлинских башкир, Минигали Мингазович Шаймуратов.

Потомки башкир, бежавших от Гражданской войны или добровольно переселившихся в Таджикистан в силу определенных обстоятельств (репрессии, вторая мировая война), были заняты в различных сферах экономики и культуры Таджикистана. Они, находясь на чужбине, под стать своим отцам стали людьми образованными и внесли немалый вклад в экономику и культуру той земли, которая когда-то приютила их. Наряду с материально-технической помощью Советскому Туркестану, правительство РСФСР в 1919-1920 гг. приняло ряд решений о посылке в Туркестан партийных, советских работников, рабочих различных специальностей, инженеров, агрономов, работников «идеологического фронта» и т. д. [Раджабов 1954: 102]. Среди них был и Шариф Ахметьянович Манатов [Рахматуллина 2008: 181-190]. Направлялись

специалисты и квалифицированные рабочие, которые помогали готовить национальные кадры, создавать промышленные очаги, научные и культурные учреждения. Таким образом, в Таджикистан ушла вторая волна наших земляков. Эта волна повторялась неоднократно впоследствии по мере строительства больших народнохозяйственных объектов, как, например, нефтепроводов Бухара-Урал, Средняя Азия - Центр или Кайраккумская ГЭС «Дружба народов». Несмотря на голодные годы на Урале и Поволжье, в течение 1921-1922 гг. Туркестанская республика получила от правительства РСФСР для населения хлопкосеющих районов 4,5 млн. пудов хлеба [Раджабов 1973: 88-89, 187]. Сюда, в Таджикистан, были направлены новейшие машины, тракторы, комбайны, турбины, паровозы, станки, сконструированные и построенные также и на Урале [Раджабов 1955: 173], переезжали молодые специалисты по распределению. В 1920-1921 гг. республики стали теснее сближаться с РСФСР, заключать союзные договоры. Если в 1918-1920 гг., в период Гражданской войны и иностранной интервенции взаимное сотрудничество советских республик принимало форму военно-политического союза, то с конца 1920 г. и середины 1922 г. оно характеризуется как военно-хозяйственный союз [Раджабов 1973: 88-89, 187].

С 1925 г. были начаты подробные геологические исследования Таджикистана. Большой вклад в дело исследования и выявления многочисленных месторождений полезных ископаемых внесла Таджикско-Памирская экспедиция Академии наук СССР. В составе этой экспедиции работал Туйгун Тагиров (1924 г.р.). Уроженец Уфы, сын имама-хатыпа Нуриагзама Тагирова, политического деятеля, соратника А.-З. Валидова, занимавшего различные посты в Башкирском правительстве, Башкирской кавбригаде, Наркомпросе БАССР, до ареста — члена Коллегии защитников при Башглавсуде [Ученые записки 1956: 61]. Туйгун Тагиров проработал какое-то время старшим техником в Таджикском геологическом управлении. По окончании Сталинабадского индустриального техникума, Туйгун Тагиров был приглашен профессором Г. М. Сафроновым в указанную выше экспедицию, где занимал ответственные должности. Во время переезда на Памир в местность райцентра Калай-Хумб (погранзона) он встретил своего соотечественника — заместителя коменданта по тылу, башкира Урала Ахметовича Исхакова. Памирская экспедиция в качестве самостоятельной производственной единицы стала функционировать в 1939 г. В

ее задачу входили поиск и разведка очень ценного полезного ископаемого — пьезооптического кварца. Условия работы были сезонные и нелегкие — при малоснежной зиме здесь господствовал арктически холод (- 40 градусов и ниже). Все добываемое сырье уходило на нужды военно-промышленного комплекса, поэтому долгие годы сведения о местонахождении, запасах в недрах и размерах добычи его строго засекречивались. Потребность промышленности в нем из года в год росла, особенно с развитием ракетной и космической техники. За успехи в Памирской экспедиции в 1953 году Т. Тагиров был награжден Почетной грамотой Верховного Совета Таджикской ССР (тогда высшая награда союзной республики), а в 1964 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный геолог Таджикской ССР» [Тагиров 2004: 110-113, 126]. Одновременно с экспедицией Т. Тагиров продолжил обучение в Таджикском университете. Позже он совмещал работу в Академии наук Таджикистана с преподавательской деятельностью. Совет Министров Таджикской ССР удостоил его персональной пенсией [Тагиров 2004: 128].

К слову сказать, в этой крупнейшей, почти полувековой Памирской экспедиции были задействованы не только силы Таджикистана, но и людские ресурсы из самых разных уголков Союза, в том числе и Башкортостана. Были и добровольцы, горящие идеей созидания, люди самых разных профессий. Ведь дело организации экспедиции творилось не только в Москве и Ленинграде. С многих городов, с заводов, с фабрик, промыслов готовились и отправлялись в Таджикистан эшелоны с консервами, рыбой, копченостями, сапогами и т. д. [www.skitalets.ru]. А в 90-е годы, когда, к сожалению, путь на Памир стал горячей точкой, на памирском дальнем рубеже СНГ крайне трудную воинскую службу несли и призывники из Башкортостана.

После Памирской экспедиции в 60-е годы, уже, будучи заместителем председателя Госгортехнадзора ТаджССР, Т. Тагиров работал над проблемой напорного бассейна Фархадской ГЭС. Там он встретил еще земляков, сына и жену близкого друга и соратника своего отца по гражданской войне, башкира Хидията Сибагатовича Сагадиева. Х. С. Сагадиев был участником башкирского национального движения, народным комиссаром просвещения Башкирской АССР (1920-1922), членом Башкирского Главсуда (1923-1930), перед репрессией проживал в Киргизии [Романов 2012]. Очевидно

после повторной репрессии отца, после которой он уже был расстрелян, семья Сагадиевых переехала в Таджикистан. Туйгун Хидиятович Сагадиев во время встречи с Т. Тагировым был руководителем работ академических сейсмологов. Он стал разработчиком исходных данных для проектирования первой в бывшем Союзе высотной, трехсотметровой плотины Нурекской ГЭС на реке Вахш в Таджикистане [Тагиров 2004: 130].

По итогам Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. таджики проживали в Башкортостане в количестве 735 (2 939 и 4 127 человек), а также в соседних Челябинской области 870 (5 125 и 7 375 человек), Оренбургской области 411 (2 455 и 4 093 человек).

Численность башкир в Таджикистане по данным 1989 г. была 6,8 тыс. человек, 2000 г. - 0,9 тыс. человек [https://ru.wikipedia.org/wiki/Расселение башкир; Юсупов 2015]. С конца 80-х годов наблюдается процесс добровольной этнической миграции башкир из Таджикистана. Сейчас башкиры, проживающие в Таджикистане, в основном локализуются в г. Душанбе, Согдийской и Хатлюнской областях, районах республиканского подчинения. Образование получают в школах с русским языком обучения. Родным языком владеют 65,7% башкир, дополнительно владеют двумя языками: русским (100%) и таджикским (16%). Абсолютное большинство из них исповедуют ислам [www.minority.tj.].

Крупными организациями соотечественников в Республике Таджикистан являются «Совет российских соотечественников Таджикистана» (СРСТ), татаро-башкирский национально-культурный центр «Дуслык», объединение «Совет российских соотечественников г.Куляб», а также организации Согдийской области - татаро-башкирский культурный центр «Дусти», русский культурный центр г.Чкаловска и др. [http://www.mid.ru]. Татаро-башкирский общественно-культурный центр «Дуслык» основан 23 ноября 1991 г. в г.Душанбе, зарегистрирован был 16 мая 2002 г. Его возглавляет уроженка Кугарчинского района Республики Башкортостан Римма Фуатовна Хамзина. Центр организует культурно-просветительную работу по изучению родного языка, литературы, истории, культуры, оказывает помощь пенсионерам и участникам Великой Отечественной войны, бесплатную медицинскую помощь ветеранам труда. Политический и экономический кризис в начале 1990 г. привел к выезду татар и башкир из Таджикистана, частой смене руководства центра, к ослаблению его деятельности. В 2003-

2004 гг. деятельность его активизируется. Теперь он помогает решить вопросы отправки на лечение нуждающихся пожилых в Россию и в санатории Таджикистана. Оказывает помощь в распределении гуманитарной помощи для нуждающихся семей. Отправляет на летний отдых в дома отдыха России детей.

В Республике Башкортостан работает Таджикский национально-культурный центр им. И. Сомани. Ежегодно он организует праздничные мероприятия. Одно из таких прошло 7 сентября 2014 г. в рамках Года культуры в Республике Башкортостан и РФ в Саду культуры и отдыха им. С. Т. Аксакова.

Никогда не прерывались литературные связи башкирского и таджикского народов. Таджикским писателям (С. Айни, Джами, А. Лахути, А. Рудаки) в 50-60-е гг. посвятили свои работы А. Харисов, С. Кудаш, К. Фахретдинов [Харисов 1960; Кудаш 1958; Фахретдинов 1965; Эдэби Башкортостан 1957: 102-103; Совет Башкортостаны 1957; Гареев 1958: 71-73]. Башкирские писатели и поэты переводили стихи таджикских литературных деятелей [Совет Башкортостаны; Эдэби уда 1931; Эдэби Башкортостан 1958: 57]. Поэзии А. Рудаки уделили внимание в своих книгах Р.Гарипов и М.Басиров [Гарипов 1958: 135; Басиров 1965: 59]. К произведениям М. Турсун-Заде и некоторых других авторов обращались Х. Биккулов и С. Алибаев, Г. Сулейманова [Совет Башкортостаны 1965; Голос Азии 1962; Алибаев 1970: 90; Башкортостан кызы 1972: 8].

В свою очередь башкирские писатели и поэты популяризировались среди таджиков. Так, целый ряд произведений М. Карима были переведены на таджикский язык [Взаимосвязи башкирской советской литературы с литературами народов СССР 1987: 167]. Уделили в Таджикистане внимание и произведениям А. Бикчентаева, Ф. Исангулова, С. Кудаша, И. Абдуллина [Взаимосвязи башкирской советской литературы с литературами народов СССР 1987: 167-168].

На государственном уровне Башкортостан и Таджикистан движутся сейчас по пути постоянного сотрудничества и диалога. 7 декабря 2012 г. Делегация Башкортостана во главе с вице-премьером Правительства Илшатом Таджитдиновым побывала с деловым визитом в городе Худжанд Согдийской области Таджикистана. Речь шла о возможности экономического сотрудничества двух республик, в частности, партнерстве с многопрофильным научно-техническим обществом «Нур», авиауслугах на базе аэропорта в Сибае и др.

26 мая 2014 г. Президент Республики Башкортостан

Р. З. Хамитов встретился с Генеральным консулом Таджикистана в Уфе С. А. Имомовым в связи завершением срока его полномочий в качестве главы генконсульства. 10 сентября 2014 г. делегация Республики Башкортостан (РБ) во главе с врио Президента РБ Р. З. Хамитовым посетила г. Душанбе (Республика Таджикистан). На встрече с Премьер-министром Таджикистана К. Расулзаде глава Республики Башкортостан обсудил вопросы сотрудничества в сфере экономики и сельского хозяйства, а также выступил на заседании Правления Делового совета Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). 2-3 декабря 2014 г. в Уфе находилась делегация Республики Таджикистан во главе с Послом Таджикистана в России И. М. Сатторовым. На встрече с Президентом Республики Башкортостан Р. З. Хамитовым обсуждались вопросы расширения двустороннего сотрудничества, а также был представлен вновь назначенный Генеральный консул Республики Таджикистан в Уфе О. Шамсов. В ходе визита также состоялись встречи с руководством Управления Федеральной миграционной службы по РБ и Администрации города Уфы [http://www.ufa.mid.ru/arkhiv_2014.html].

Распоряжение о создании дипломатического представительства страны-участницы СНГ подписано в правительстве РФ. Это уже третье таджикское консульство в стране. Кроме Башкирии в него вошли территории еще 13 регионов: Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Пермский край, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская области. Власти субъектов РФ и полномочный представитель президента России в ПФО Григорий Рапота также одобрили предложение МИДа.

Открытие консульства позволит расширить экономическое сотрудничество как с Башкортостаном, так и с другими регионами консульского округа. Консульство берет на себя также и функции ЗАГСа, нотариальные действия.

Как видим, дипломатические, экономические, культурные, политические связи Башкортостана и Таджикистана имеют давние исторические корни. Эти связи развивались несмотря на государственное положение республик, в составе России и вне ее. Это говорит о несомненном незатухающем интересе двух суверенных единиц друг к другу и укрепляет надежду на дальнейшее мирное созидание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрафикова Г. Х. Башкирско-узбекские и башкирско-киргизские литературные связи // Исторические и историко-культурные связи башкир с народами стран ШОС и БРИКС. Уфа, 2015.
2. Исянгулов Ш. Н. Башкиро-кыргызские этногенетические связи // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 65: История. Челябинск, 2015.
3. Сабирова З. Р. На перепутье: споры национальной интеллигенции об образовании башкирской автономии // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 2015.
4. Сулейманова Р. Н. Связи Республики Башкортостан со странами ШОС и БРИКС в советский и постсоветский период // Исторические и историко-культурные связи башкир с народами стран ШОС и БРИКС. Уфа, 2015.
5. Раджабов З. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад, 1954.
6. Волков И.В. Торгово-экономические связи России с Туркестаном (вторая половина XIX — начало XX века) // cyberleninka.ru — дата обращения 13.05.2015.
7. Раджабов С. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955.
8. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Кн.2. Уфа, 1998.
9. Романов В. Он стоял у истоков народного образования республики. К 125-летию со дня рождения Хидията Сагадиева // www.bashinform.ru/news/480447 – 27 июля 2012 г.
10. Рахматуллина З.Р. От идеализма к реализму // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана. Сборник научных трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. Вып.III. Уфа, 2008.
11. Раджабов С.А. Образование и развитие СССР — торжество ленинской национальной политики. Душанбе, 1973.
12. Ученые записки Таджикского государственного университета. Т. XIII. Серия гуманитарных наук. Сталинабад, 1956.
13. Тагиров Т. Н. Суровая проза жизни. Уфа: Китап, 2004.
14. www.skitalets.ru/books/pamir_luknitsky/02.htm – дата обращения 13.05.2015.
15. https://ru.wikipedia.org/wiki/Расселение башкир.
16. Юсупов Р. М. Диаспоры башкир // башкирскаяэнциклопедия. рф/index.php/component/content\article\2-statya\17361-diaspory Bashkir – дата обращения 13.05.2015.
17. www.minority.tj.сайт национального меньшинства Таджикистана – дата обращения.
18. http://www.mid.ru/ bdomp/nsrsng.nsf/ 6bc38aceada6e44b432569e700419ef5/7bb53f629aa2910ec3257456001fc68e.
19. Харисов А. На земле Гулистана // Ленинец. 1960. 29 декабря.
20. Кудаш С. Садритдин Айни // Кызыл тан. 1958. 27 апреля.
21. Фахретдинов К. Звездный Джами // Совет Башкортостаны. 1965. 27 января.
22. А. Лахути // Эдэби Башкортостан. 1957. №10. С.102-103.
23. Абульгасан Рудаки — основатель таджикской и иранской классической поэзии // Совет Башкортостаны. 1957. 14 августа.

24. Гареев Ю. Абульгасан Жаффар Рудаки // Эдэби Башкортостан. 1958. № 10. С.71-73.
25. Газель; Украденная мысль: Стихи из цикла «Новый сад» / Пер.Р.Гарипова // Совет Башкортостаны. 1965. 27 января.
26. Максиму Горькому: Стихи / Пер. Б.Файзи // Эдэби удар. 1931. Май.
27. Новому Египту: Стихи / пер. Ю.Гареева // Эдэби Башкортостан. 1958. №8.
28. «Не любишь, но ждешь блаженства...»: Стихи // Гарипов Р. Каменный цветок. Уфа, 1958.
29. Из Рудаки // Басиров М. Я — твой, жизнь. Уфа, 1965.
30. Моя дорога: Стихи / Пер. Х.Биккулов // Совет Башкортостаны. 1960. 24 августа.
31. Голос Азии: Стихи и поэма / Пер. Х.Биккулова. Уфа, 1962.
32. Родина: Стихи / Пер. С.Алибаева // Алибаев С. Радуга. Уфа, 1970.
33. Сулейманова Г. Бухара: Стихи // Башкортостан кызы. 1972. №12.
34. Взаимосвязи башкирской советской литературы с литературами народов СССР. (1917-1972). Ч.II: Связи башкирской литературы с литературами нерусских народов СССР. Уфа, 1987.
35. http://www.ufa.mid.ru/arkhiv_2014.html.

KÜRESELLEŞME SONUCUNDA OLUŞAN ÇOKKÜLTÜRLÜLÜK PARADİGMASI (Kazakistan örneği)

Toleubayeva Ainur*

The paradigm of multiculturalism formed as a result of globalization (Kazakhstan sample)

ABSTRACT:
Multiculturalism and cultural diversity with post-modern facility provided by the media, has become a topıc of discussıon not only in Kazakhstan society but all over the world. The social changes brought by globalization process reveal the plural structure of our society. In this context, referring to the major proponents of multiculturalism, the article will attempt to handle the politics of multiculturalism.

KEY WORDS: Multiculturalism, diversity, postmodernism, globalization and society.

Dünyada son yıllarda çok tartışılan bir konudur. Kavram olarak yeni, fakat içeriği ve mantığı önceki yüzyıllarda inşa edilmiştir. Muhteva açısından bakarsak küreselleşme bügüne ait bir olgu değildir. Kapitalizmin arkaplanını feodalizm oluşturur. Feodalizm kapitalizme kaynaklık etmiştir. Feodalizm kökenine bakarsak Batı Hıristiyan toplumunu karakterize eden politik ve sosyal rejimdir.

*Marmara Universitesi, Sosyal bilimler Enstitüsü, Doktora öğrencisi, e-mail: aynur_abiltay@mail.ru

Yani, feodalizm batı toplumu tarihinde kapitalizmden önce gelen, Endüstri devriminden önce gelen aşamadır. Peki kapitalizm dönemi ne zaman çıkmıştır? Kapitalizm ise Batı Avrupa da para ve ticareti yöneten toplumun içinde ortaya çıkmıştır. Yani, Batı Avrupada feodal döneminin üretim tarzının tasfiyesi sonucunda kapitalist üretim tarzı olarak ortaya çıkmıştır. Bir sözcük olarak kapitalizm çıkmıştır. 19 yüzyılda Büyük sanayileşmenin gelişmesine yol açan kapitalist sistem sermayenin merkezileşmesi ve mülksüzleştirmeyle yoksulluk, şiddet, sefalet, savaş, baskı, kölelik gibi olumsuz tarafları da beraberinde getirmiştir. Marxist bir düşünür insanoğlunun karşı karşıya kaldığı başlıca sorunlar - yoksulluk, sosyal adaletsizlik, ekonomik istikrarsızlık, savaş hepsi aynı kaynaktan - yani kapitalist sistemden geldiğini söylemiştir. Kapitalist sistemde «insan» kavramı yoktur, sadece daha fazla «kar» elde etmek vardır yani sermayeyi çoğaltmak vardır. Kapitaizm ilk önce 16 yüzyılda İngilterede ortaya çıkmıştı ve 19 yüzyılda ise Batıda bir sistem haline gelmişti. Günümüzde, bakarsak, bütün dünyayı kaplamaktadır.

Yani, sonuçta bu dünya pazarının yaratılmasına yol açan kapitalizm günümüzde küreselleşme olgusunun temelini oluşturmaktadır. Bu nedenle küreselleşme olgusunun kapitalizmden soyutlanarak analiz etmek yada düşünmek yanlış olmaktadır.

Küreseleşme - kendisini sömürgecilik, emperyalizm temelinde geliştiren kapitalizmin devamıdır. Kapitalizm - sömürgeleşme aşamasına geldiği andan itibaren küreselleşmeye dönmüştü. Geniş çapta herbir sosyologik sözcüklerin basında küresel mephumun konulduğunu görüyoruz. Mesela: küresel toplum, küresel devlet, küresel kültür, küresel bilinç, küresel tabakalaşma v.b. Küreselleşme günümüzde her yerde toplumumuzun karşısına çıkmaktadır. İster politik, sosyal hareketlerde, ister ekonomik etkinliklerde. Küreselleşme ile aynı zamanda «amerikanlaşma», «tarihin sonu», «geç kapitalizm», «postmodernism», «neoliberalism» gibi anlayışlar tartışılmaya başlamıştır. Küreselleşme yani yeni dünya düzeni arasındaki ilişki yakın ikisin aynı kavram olarak düşünmemiz lazım. Yeni dünya düzeninin vatanı - Amerikadır. «Amerikanlaşma» - Amerika kültürünün dünya üzerindeki kurduğu hegemonyası demektir. En göze çarpan örnek verirsek McDonalds, Coca-cola, pepsi-cola vs. Postmodernism ve küreselleşme yakından ilgilidir. Küreselleşmenin temelinde neoliberal görüşler yatmaktadır. Yine de neoliberalizmnin kaynağı Amerikadır. Küreselleşmenin ana düşüncesi serbest piyasa kapitalizminin dünyaya yayılmasıdır.

Post-modernlik fikri, Batı'daki çağdaş entellektüel tartışmaların merkezinde yer almaktadır. Post-modernliği savunanlar ve

eleştirenler son on yılda özellikle resim, mimari, bale, tiyatro, sinema, edebiyat ve felsefe alanında ateşli tartışmalara girmiş ve fikir alışverişinde bulunmuşlardır. Batılı bakış, biliş ve temsil ediş tarzlarının son zamanlarda radikal bir değişikliğe uğradığı hususunda genel bir kanaat bulunmaktadır; fakat, bunun ne anlama geldiği ve Batı kültürünün bugün aldığı istikamet konusunda çok az görüşbirliğine rastlanmaktadır. Modernlik gerçekten bir çıkmaza mı girdi yoksa sadece görünümü değiştirdi? Enformasyon sistemleri teknolojisinin küresel yaygınlık kazanması, kitle iletişim araçlarının güçlü bir tesire sahip olması ve Batılı ekonomilerin endüstrisizleşmesi, kültür ve toplum hayatında kalıcı bir değişimin göstergeleri mi yoksa bizatihi modernliğin mantığının bir parçası mıdır? Eğer bugün tarihte modernliğin sonuna geldiğimiz noktasında birleşirsek modernlikle birlikle anılan problemlerin de onunla beraber geride kaldığını söyleyebilir miyiz? Bu tartışma son derece önemlidir ve sonuçlarının gelecek üzerinde derin etkileri bulunmaktadır [G.Vattimo 1999: 7-8].

Bu konuyu başlamadan önce küreselleşme sürecinde ortaya çıkan çokkültürlülük, çokkültürcülük kavramlarına farklı tanımlamalar veren birkaç teorisiyenlere başvurmakta fayda vardır. En çok bu konuyla ilgili sadece çokkültürlülük konusu ile sınırlı kalmayıp, sanayi devrimi sonrası modern zamanların ortaya çıkardığı değişen birey ve toplumla ilgili konularla ilgilenmiştir. Neredeyse Bauman'ın eserlerinin başlıca ana temaları ise katı modernlik olarak niteleyen - modern dönem, akışkan donem olarak nitelediği - postmodern dönem ve küreselleşme sürecidir. Kendine özgü düşünme biçimleriyle kuramsal çerçeveyle bu temalarda kültür, toplum, sosyolojik düşünme, kapitalizm, siyaset, postmodern etik ve kimlik, tanınma konuları üzerinde çalışmıştır. Ayrıca, çalışma etiği, yoksulluk, tüketimcilik, akışkan modernlik, akışkan zamanlar, çokkültürlülük, göç, bireysellik ve bireyselleşmiş toplum, asimilasyon vb birçok konular hakkında eserler kaleme alan düşünürdür. Sosyoloji alanında kendi yerini almıştır. Z. Bauman «Akışkan modern toplumda kültür» adlı eserinde kendisi üreten 'akışkan dünya' kavramı çerçevesinde kültür kavramını tarihi seyiri içinde anlamları farklılıklarıyla birlikte, akışkan dünyada özellikle toplumun moda ile etkileşiminden söz etmektedir. Ayrıca moda, kimlik problemleri üzerinde durarak, ulus-devlet bağlamında ulus oluşturmada kültür kavramının rölün vurgulamıştır. Bauman farklı kültürlerin çok uluslu yapılarla etkileşim sonucunda ortaya çıkan çokkültürlü yapının oluşumundaki onun topluma yararları ve olumsuz etkileri üzerinde durmuştur.

Çokkültürcülük, İngilizce «multiculturalism» kelimesinin karşılığı olarak kullanılmaktadır. Bu kelime 90'lı yılların ürünüdür ve Türkçe'ye bire bir çevrildiğinde karşımıza «çokkültürcülük» anlamı ortaya çıkmaktadır. «Multiculturalism», bir toplumda farklı kültürlerin bir arada yaşamasını onaylayan bir «tanınma politikası» nı yansıtmakta ve kelime kendi içinde bir tavır alma anlamını barındırmaktadır. Çokkültürlü kavramının çok farklı tanımlamalarına dikkat çeken bu alanın önde gelen araştırmacılarından Kymlicka, kavramın çeşitli nedenlerle eğemen toplumdan dışlanmış ya da kenara itilmiş etnik olmayan çok çeşitli sosyal grupları da içine alacak şekilde oldukça geniş bir anlamda kullanıldığını belirler. Bu kullanım özellikle Amerika'da çok yaygın olduğunu söyleyen Kymlicka'ya göre çokkültürlü bir gündemin yandaşları, bu terimi sıklıkla sakatlar, gayler ve lezbiyenler, kadınlar, işçi sınıfı, ateistler ve komünistler gibi grupların tarihsel dışlanışını tersine çevirme gayretlerinden dolayı kullanmaktadır [Dr. N. Altaş 2003: 13-15].

Kymlicka bu farklılıkların bazı bölgelerdeki özel durumlara göre oluştuğını düşünmektedir. Mesela, Kanada'da kavram, esas olarak göçmenlerin ön yargı ya da ayrımcılık korkusu duymaksızın etnik kimliklerini ifade etme hakkı olarak algılanırken, Avrupa'da genelde ulusal cemaatler arasında güçlerin paylaşımı olarak anlaşılmakta, Amerika'da ise sıklıkla marjinalleşmiş sosyal grupların taleplerini karşılamak için kullanılmaktadır [W. Kymlicka 1998:48].

Diğer bir çokkültürlülük teorisyeni Charles Taylor'un görüşlerine gelirsek, Amy Gutmann Charles Taylor «çokkültürlülük tanınma politikası» kitabının giriş kısmında çokkültürlülüğün getirdiği zorlamalarla bugünkü demokratik toplumların karşısında duran tanınma politikası üzerinde yoğunlaştığını söylüyor. Bu zorlama liberal demokrasilere özgüdür, zira liberal demokrasinin ilkesi herkesin eşit olarak temsil edilmesidir. Aslında her bir toplumun siyasi alanda kültürel grupların tanınıp tanınmaması ya da nasıl tanınması gerektiğiyle alakalı sorular bugün birçok demokratik ve demokratikleşmekte olan toplumun gündeminde duran en çarpıcı sorunlardır.

Taylor'un çoğulcu çokkültürlü toplum yorumuna göre, tarafsızlığı bir dünya görüşü olarak önermemektedir. Bunun yerine kültürel (ve dini) geleneklerin bir aradalığını ve işbirliğini hareket noktası olarak almaya daha yakındır. Onun yorumu, gücün paylaşımındaki fiili durumu görmezden gelmemektedir, bunun yerine çoğunluk kültürünün, azınlıklarla uygun bir ilişki içerisinde olması gerektiğini savunmaktadır [R. Kaymakcan 2006:174].

Çokkültürlülük siyaset felsefesi içinde kültürel ve dini çeşitliliğe

uygun şekilde cevap veren düşünce bedenidir [P. Brooker 2003:169].

Tipik çokkültürlülük teorileri farkı ve kültürel çeşitliliğin devam eden tartışmaları ve çeşitli siyasi yaklaşımları yansıtan belli ikilemler açısından anlaşılır. Bu ikilemler farklı teoriler ve siyasi yaklaşımlarda merkezi yeri olan bazı diğerleri üzerinde yönlerinde öncelik veren değerleri ve fikirleri içerir. Bu üç tür ikilemler çokkültürlülük için daha önemli olarak ortaya çıkmaktadır. Bu ikilemler şunlardır: özcülük (essentialism) ve akışkanlık, evrensellik ve tikelcilik, tanıma veya dağılma. Her kutup bu çokkültürlülük politikasına bir siyasi tatmin edici bir çözüm için "düşman" hakim gerektiğine inanır. Ama bu ikilemler bütün sorunları anlatamıyor, bu ikilemler açısından kültürel çeşitliliğe gelince kültürel çeşitliliğin dinamik doğasını ve toplumdaki değişen konumunu önemsemeyen bir kısır savaş içine kilitlenir. Ayrıca, bizim açımızdan kültürel çeşitliliğin onlar medya ve kültürel çeşitliliğin arabuluculuk rolünü görmezden gelme eğilimindedir. Bu arabuluculuk kültürel çeşitlilik, temsil ve iletişim çeşitli medya aracılığıyla üretilen, temsil edildiği anlamına gelir ve aynı zamanda, kültürel çeşitlilik kendisi üreten ve kendini temsil eden ve eleştirel ya da başka türlü temsilleri yanıt vererek bu döngüye aktif olarak katılmaktadır [E. Siapera 2010:46-47].

Aynı zamanda demokrasi, eşit konumda «tanınma politikasını da» birlikte getirdi. Şimdi ise kültürlerin ve cinslerin eşit olarak tanınması talebine dönüştü. Ne var ki, XVIII. yüzyılın sonunda bireysel kimliğin yeni bir biçimde anlaşılmasıyla dönüşüme uğradı ve yoğunluk kazandı. Bireyselleşmiş bir kimlikten söz edilebilir burada. [C.Taylor 2014:49] Nitekim cemaatçi çok kültürlülügün önemli isimlerinden biri sayılan ve çok kültürlügü bir tanınma politikası olarak ele alan Taylor, çokkültürlülügü, bireysel düzlemde degil, daha çok kültürel eksende tanımaktadır [C. Taylor 2014:71].

Charles Taylorun çoğulculuk anlayışı ise, farklı yaşam pratikleri içinde oluşan kültürel farklılıkların siyasal düzeyde tanınması ve eşit ölçüde saygıdeğer kabul edilmesi esaslarında tanımlanmaktadır. Farklı olana «müsamaha» etmeyi, farklı olana «katlanmayı» ifade eden bu anlamda kültürel mensubiyet farklılıkları arasında eşitliğe değil, bir kültürün üstünlüğüne dayalı hiyerarşik yaklaşımı bünyesinde taşıyan «hoşgörü» (tolerance) anlayışına karşı Taylor, kültürel kimliklerin eşdeğer saygı esasına göre değerlendirilmesi gerektiğini ileri sürmektedir. [C. Taylor 2014:12-13]

Bugün çokkültürlülügü bir devlet politikası olarak tanıyan ya da tanımayan ülkelerin uygulamakta oldukları çeşitli çogulculuk biçimleri bulunmaktadır. Liberal gelenek içinde oluşturulmuş olan bireysel haklar çerçevesinde çeşitliligi savunan ve bireyi bir yurttaş

kimliği çerçevesinde haklara kavuşturan yaklaşım ile cemaati, hakların temeline oturtan cemaatçilik (communitarianism) yaklaşımı birbirleri ile rekabet içinde gelişimlerini sürdürmektedirler. Bu anlamda çağdaş siyaset teorisinde temelde iki farlı çokkültürlülük ve yurttaşlık modelinden söz edebilmek mümkündür. Bunlardan ilki kökeni John Locke, Thomas Hobbes, Montesquieu, Vico ve Herder gibi düşünürlere dayanan ve günümüzde J. Rawls, J. Raz, Kymlicka gibi düşünürler tarafından temsil edilen Liberal sözleşmeci çokkültürlülük ve yurttaşlık modeli, öteki de günü- müzde Charles Taylor ve Michael Walzer, Alasdair MacIntyre gibi kuramcılar tarafından seslendirilen cemaatçi/komüniteryanist yaklaşımıdır.

Çokkültürlü projeye bağlı kalan teorisyenlere göre çokkültülülük projesi başta çelişkili görünse de uzun süre toplumların devamını sağlayan bir avantaj hale gelmektedir [B. Parekh 2000:198].

Kültürel yaşam biçimlerindeki çeşitliliğin, etnik grupların, mezheplerin ve dünya görüşlerinin sayısı ve etkinlikleri gün geçtikçe artmaktadır. [Mustafa Kemal 2006:70] Küreselleşme, farklılıkların tek bir potada eritildiği, homojenleştirildiği dolayısıyla etnik çatışmalara yol açan uygulamalar olduğu tespitinden hareket eden yeni post-modern kimlik arayışlarına kapı araladı [Dr.M.Z.Duman, 598]. Küreselleşme, bir yanda kültürel çoğulluğu, farklılığı ve bireysel kimliği merkeze alarak kendilerini ifade etme olanağını sunmaktadır.

Günümüz bağımsız Kazakistan durumuna gelirsek, tarihsel olarak baktığımızda Kazaklar genetik kaynaklarının kendine özgü özellikleri ve doğal tipolojik görünümleri, kendilerine özgü orijinal kültürel özellikleri ve dilleri ile ayrı bir millet, topluluk oluştırmaktadır. Bağmsız ve eğemen Kazakistan Cumhuriyetinin kuruluşu, ülkenin sosyo- ekonomik, politik ve kültürel hayatında önemli değişimlere neden oldu. Bunlar birçok tarihi olay ve olgunun çalışılmasına yeni yaklaşımlar getirdi [E. Valikhanov 2007:96].

Kazakistan kendi etnik bölgesini ve demografik yapısını oluşrurma süreci sırasında karmaşık ve zor tarihi bir yolda geçmiştir. Bunun hepsi bir makaleye sığdırmak mümkün değil. Kazakistan Cumhuriyeti kurulmadan önce nüfüs hesapsız demografik değişimler geçirmiştir. Bu değişimlerin sonucunda nüfusun ulusal yapısı cok karmaşık duruma gelmiştir.

Kazakistan çok uluslu bir ülke, burada yüzden fazla milliyetin temsilcisi yaşamakta. Ulusal birliğe ulaşma uğruna mevcut birçok etnik grubun asimile edilmesi demek olan, belirli tek bir kazak ulusunun oluşması için çaba göstermiyoruz. Bizim siyasetimiz, Kazaistanlıların siyasal ve vatandaşlık hak ve sorumlulukların yana

birliğine ulaşmayı hedeflemektedir. Diğer bir deyişle, Kazakistan halkı farklı milliyetlere mensup vatandaşların oluşturduğu bir topluluk olarak görülmektedir, yeni bir etnik topluluk olarak değil. Bunu yaparken temel aldığımız gerçek ülkemizin insanlarının tarihteki anavatanları ile kültürel ve diğer bağlarını sürdürdükleridir. Bu nedenle Kazakistan yönetimi, BDT'nin diğer ülkeleri ile kültürel, bilgi alışverişine yönelik, bilmsel ve insani bağlarını devam ettirmeye büyük önem vermektedir. BDT ile imzalanan ve çoğu KAzakistan tarafından önerilen anlaşmalar, birçok gerçek eğitimsel, kültürel ve bilimsel işbirliği mekanizmasını öngörmektedir [M. Tazhin 2007:176-177].

Bugünkü Kazakistan nüfusunun 18 milyonu aştığı söylenmektedir, fakat bu rakam bazi etnik toplulukların anavatanlarına dönme sonucunda azalmıştır. Kazaklar %53,4, Ruslar %30, Ukraynlar %3,7, Özbekler %2,5, Almanlar %2,4, Tatarlar %1,7, Uygurlar %1,4, Beyaz Ruslar %0,7, Koreliler % 0,7, ve kalanı diğer azınlıklar teşkil etmektedir. *1[Prof.Dr. M. Saray 2004:13]

Kazakistan Halklar Asamblesi, 820'den fazla etnik-kültürel cemiyeti bütünleştirerek, toplumsal hoşgörünün anahtar unsuru olmakta ve devlet ile sivil toplumu bir araya getirmeyi amaçlamakta olan bir yapı [www.http://turkkazak.com/site/?p=39441] Günümüz Kazakistan Cumhuriyetinin Kazakistan Halklar Asamblesi 14 yıllık varlığı sürecinde büyük bir evrim geçirmiş, çok milletli yapının Kazakistan'a ait modeli oluşturulduğunu belirtmiştir. Kazakistan'da yaşayan farklı etnik unsurlanın uyum ve kaynaşmasının toplumun ekonomik, toplumsal-siyasi ve sosyal hayatında önemli sonuçlar olacağı muhakkaktır [E.L. Tugjanov 2011:589]. Cumhurbaşkanı Nursultan Nazarbayev, Kazakistan Halklar Asamblesi'nin 20. kuruluş yıldönümü münasebetiyle Astana Devlet Sanat Üniversitesi'nde konuşma yapan Nazarbayev, "Kazakistan Halklar Asamblesi, Kazakistan'da yaşayan bütün etnik-kültürel cemiyet için barış ve uyumun sağlam bir temelidir. Halklar Asamblesi, ekonomik reformlar, siyasi ve sosyal alanlarının modernleşme sürecinde önemli katkıda bulunduğunu belirtti. Ayrıca Halklar Asamblesi, Kazakistanlılarda birlik, hoşgörü ve vatanseverlik gibi duyguların oluşmasını sağladığını dile getirdi.

Sonuç

Kısacası cokkültürlülük politikası postmodern teoriden esinlenen politika olarak karşımıza çıkmaktadır. Küreselleşme sürecinin olumsuz tarafları olarak karşımıza çıkan kimlik sorunları

* 1 Geniş bilgi için bak.,www.kazakhstan-gateaway.org

birçok ülkenin gündemde duran sorunları yaratmaktadır. Şu an diğer ülkelerdeki etnik, dini-mezhepsel çatışmalar yer almaktadır. Bu gittikçe küreselleşen dünyanın heterojen yapısından kaynaklanmaktadır. Bu açıdan bakıldığında Kazakistan'ın sağlam bir politika yürüttüğünü savununyorum. Ülkemizde farklı etnik milletlerin kültürü, geleneği korunmaktadır. Bu ülkede yaşayan diğer etnik gruplara tanınan toleransın simgesidir. Toplumun çeşitlilik, huzur ve barış içinde bir araya gelmesi zenginlik kaynağın oluşturmaktadır.

KAYNAKÇA

Gianni Vattimo. Modernliğin sonu, çeviren Şehabettin Yalçın, İz yayıncılık, İstanbul 1999

Dr. Nurullah Altaş Çokkültürlülük ve din eğitimi, Nobel yayınları, Ankara 2003

Will Kymlicka. Çokkültürlü yurttaşlık: Azınlık haklarının liberal teorisi, çev. Abdullah Yılmaz, Ayrıntı yayınları, İstanbul 1998

B. Parekh. Rethinking multiculturalism, 2000

Recep Kaymakcan. Çokkültürlülük: eğitim, kültür ve din eğitimi, İdem yayınları, İstanbul 2006

Peter Brooker. A Glossary of cultural theory, New York, 2003

Eugenia Siapera. Theories of Multiculturalism, 2010

Charles Taylor. *Çokkültürcülük*, Haz.A.Gutmann, Yapı Kredi Yayınları, İstanbul, 2005

Mustafa Kemal Şan, Milel ve Nihal. İnanç, kültür ve mitoloji araştırmaları dergisi «Farklılık ve Çokkültürlülük Siyasetleri Üstüne Bir Deneme», Cilt/Volume 3 Sayı/Number: 1-2 Aralık/December 2005 – Haziran/June 2006 ISSN: 1304-5482

E.L. Tugjanov. Kazakistan Cumhuriyeti Milli Politikasının Temel özellikleri hakkında, Sosyoloji Dergisi, 3. Dizi, 22. Sayı, 2011

Kazakistan tarihi makaleler, Kazak halkının Rus sömürgeliğine karşı ulusal kurtuluş mücadelesi, E. Valikhanov Ankara 2007

Mehmet Saray. Kazakların uyanışı Ankara 2004

www.http://turkkazak.com/site/?p=39441

M. Zeki Duman. ULUSLARARASI EĞİTİM FELSEFESİ KONGRESİ, International Congress on Philosophy of Education.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Фадеева Алина Александровна*

History of integration processes development in Central Asia

ABSTRACT:

* Лингвист-переводчик, аспирант Национальной Академии Наук Кыргызстана E-mail: alina.fadeeva1092@gmail.com

This article examines the processes of regional integration in post-Soviet Central Asia. After the fall of the Soviet Union, the two largest Central Asian states of Kazakhstan and Uzbekistan took the initiative for Central Asian integration. In January 1994 an agreement was signed in Tashkent for the creation of a Central Asian Union, with Kyrgyzstan joining shortly thereafter. This marked the start of Central Asia's integration process, aiming to develop and implement projects to deepen economic integration. Nowadays, many integration initiatives were not realized and some scientists consider the idea of integration as dead. However, there are numerous projects such as SCO, EEU, CSTO, etc. that are constantly developing and considered as full-fledged integration progects.

KEY WORDS: regional integration, Central Asia, SCO, EEU, CSTO.

Понятие Центральная Азия довольно широко трактуется, но все же пять постсоветских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) являются неотъемлемой частью данного региона [Постников 2007:79]. Интеграционные процессы в Центральной Азии как явление ярко проявились после распада Советского Союза. К интеграции в регионе отношение всегда было двоякое-одни продвигают идею интеграции, другие твердят о ее несостоятельности. Интеграционная идеология 1990-х гг. основывалась на идентичности проблем, обрушившихся на ставшие независимыми республики региона, которые имеют общее досоветское и советское прошлое, и это составило содержательный аспект интеграционных проектов. Доминирующей стала идея евразийства (Евразийского Союза), выдвинутая президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым в 1994 г [Назарбаев 1997:32], но исторический опыт показал, что интеграция в регионе пошла по другому пути. Многие интеграционные идеи не нашли практического применения, но гораздо больше проектов в данное время успешно функционируют и дают основу для дальнейших перспектив развития в этом направлении.

Идея евразийства в разное время проявляла себя в различных формах. Это направление появилось в 20-е гг. XX века и заново приобрело актуальность после распада СССР как реакция на либеральные реформы российского правительства. Классические евразийцы такие как Г. В. Вернадский, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий видели перспективу трансформации Советского Союза в Евразийский посредством смены идеологий [Дугин 2004:10]. Таким образом, новая идеология базируется на совместном решении проблем экономического развития, экологии, региональной безопасности. К тому же действовала (и продолжает действовать) логика следования общемировым

тенденциям глобализации и ориентации на Европейский Союз.

В начале 1990-х гг. результатом активного сотрудничества в области безопасности между странами стало образование таких,действующих по сей день, международных организаций как Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). СНГ было образовано в 1991 с участием 11 бывших союзных республик [Назарбаев 1997:10]. Как организация ШОС была образована в 2001 г. и в нее вошли все, кроме Узбекистана, члены «Шанхайской пятёрки», основанной в результате подписания в 1996—1997 гг. между Казахстаном, Кыргызстаном, Китаем, Россией и Таджикистаном соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы. 10 июля 2015 года было объявлено о начале процедуры вступления в ШОС Индии и Пакистана, бывших государств-наблюдателей, что ознаменовало новый этап в развитии организации. Помимо сотрудничества в области безопасности, ШОС нацелена на развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия. [Зимонин 2008: 202]. ОДКБ была основана в 1992 после подписания Договора о коллективной безопасности в Ташкенте главами Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. [Быстренко 2015:12]. Таким образом, можно заметить, что успешными становятся те интеграционные проекты, в которых участвуют не только страны региона. Данная тенденция сохранилась и по сей день.

Экономические проблемы также всегда подталкивали страны региона к тесному сотрудничеству, у которого устойчивые исторические предпосылки. Хозяйственные и торговые связи нарабатывались в регионе даже куда дольше, чем существовал Советский Союз. Все советские республики некогда являлись частями другой великой страны — Российской империи. Так что и опыт совместного существования намного больше, чем 75 лет жизни СССР, и историческая память глубже. В регионе многие хозяйственные связи наработаны еще до образования Союза. [Назарбаев 1997:40].

Идея региональной интеграции воспринималась в качестве одного из важных элементов стратегии развития и укрепления экономической самостоятельности. Экономики центральноазиатских государств, взятые по отдельности, в тот момент не представляли существенного интереса для

крупных инвесторов, и только объединение в более крупное экономическое пространство могло бы способствовать привлечению инвестиций необходимого масштаба для модернизации экономических систем этих стран. Это понимание нашло свое отражение в стремлении государств ЦА создать региональное экономическое сообщество и единое экономическое пространство. В 1995 году руководители Казахстана, России, Белоруссии, а чуть позже Киргизии, Узбекистана и Таджикистана, подписали первый договор о создании Таможенного союза. 10 октября 2000 года в Астане (Республика Казахстан) главами государств (Беларусь, Казахстан, Россия, Таджикистан, Киргизия) был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), который вступил в силу 30 мая 2001 года [Дугин 2004:8]. В Договоре заложена концепция тесного и эффективного торгово-экономического сотрудничества для достижения целей и задач, определённых Договором о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Предусмотрены организационно-правовые инструменты реализации достигнутых договоренностей, система контроля за реализацией принимаемых решений и ответственности сторон. 24 октября 2013 года президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на заседании Высшего Евразийского экономического совета предложил распустить Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), поскольку с созданием Евразийского экономического союза России, Белоруссии и Казахстана ЕврАзЭС как организация, во многом дублирующая его функции, не будет нужна. 10 октября 2014 года главы России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана в Минске подписали документы о ликвидации Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в связи с началом функционирования Евразийского экономического союза с 1 января 2015 года. Состав стран в этих организациях меняется, например, в новом Евразийском экономическом союзе не участвуют Таджикистан, Узбекистан, хотя они были участниками ЕврАзЭС.

Помимо этого, многие ученые сходятся во мнении о том что в мировом экономическом и политическом пространстве государства региона действуют не коллективно, а скорее автономно и на индивидуальной основе. Заметно полное несовпадение их экономических стратегий: Кыргызстан проводит курс на снижение регулирующей роли государства. Казахстан, придерживаясь этой тенденции, в последнее время

формирует модель совместного участия государственных структур и бизнеса в дальнейшем реформировании экономики. Узбекистан действует в обратном направлении - он стремится максимально сохранить за государством его функции. В Туркменистане государственная структура и экономическая политика зависят от авторитарного режима. Таким образом, темпы развития экономик государств региона являются камнем преткновения в осуществлении интеграционных инициатив. Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым в 2005 году была выдвинута идея создания Союза Центральноазиатских Государств (СЦАГ), которая схожа с идеей туркестанского федерализма и представляет особый интерес с культурной точки зрения [Шайхутдинов 2006:30]. Но эта концепция не получила практического применения в силу того что, учитывая традиции интеграционной идеологии 1990-х гг., в интеграции главную роль играла «самодостаточность» экономик интегрирующихся стран.

Но экономическая разнонаправленность всегда была далеко не единственной проблемой региональной интеграции. Интеграция означает еще и политические «уступки» стран региона, которые берегут свою независимость. Таким образом, отсутствует фактор политической воли в развитии интеграции, что, в частности, предполагает признание приоритетности регионального интереса в отношении национального [Закржевская 2007]. В регионе такая политика привела к ряду проблем, в частности, к возникновению проблемы использования трансграничных водоемов, которая не решена до сих пор.

Также существовали неудавшиеся попытки применения на практике различных интеграционных инициатив. Главным образом, проект самого Евразийского Союза пока остается только на бумаге. Кроме того, в январе 1994 г. в Ташкенте принято решение о создании Центральноазиатского союза (ЦАС) на базе Казахстана и Узбекистана; в июне 1994 г. к ним присоединился Кыргызстан. ЦАС создавался на основе заимствования институтов Евросоюза, включая структуры наднационального интегрирования. В 1995 г. созданы Государственный совет ЦАС и другие каркасные структуры: Совет министров иностранных дел и обороны. В период 1994—1996 гг. были разработаны и приняты 180 документов, имевших целью практическое воплощение интеграционной идеологии. в 1996 г. наступил период взаимного охлаждения и разочарования вследствие невозможности реализовать ни одно из решений, касающихся

интеграции. С 1998 г. начался период переосмысления интеграционной идеологии, отказ от амбициозных проектов, сосредоточение на тех проблемах, решение которых может стать основой интеграции — создан Центральноазиатский экономический союз (ЦАЭС) с подключением Таджикистана. В 2001 г. И. Каримов предложил перереформировать ЦАЭС в Центральноазиатский экономический форум (ЦАЭФ), который также не состоялся. В 2002 г. ЦАЭС/ЦАЭФ трансформировался в Организацию Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). В октябре 2005 г. было принято решение об объединении ОЦАС с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС) [Закржевская 2007].

Как показывает на сегодняшний день рост дисбалансов в международно-политической, финансовой, энергетической, коммуникационных и прочих сферах, мир перестраивается. Модель его будущего функционирования зависит от множества факторов, она еще до конца не сформулирована, и находится в стадии активного становления. По мнению эксперта РСМД Н.Межевича, хорошие экономические а следовательно и политические перспективы будут лишь у стран, выстраивающих альтернативные модели глобального сотрудничества, выступающих совместно с другими странами-партнерами в роли составляющих крупных общих проектов [Межевич 2015].

Эксперты отмечают, что в настоящее время взаимодействие стран в регионе ЦА преимущественно строится в формате двусторонних договоренностей. Выдвигается мнение, что отсутствие реальных результатов в развитии институциональной интеграции нередко компенсируется развитием трансграничного взаимодействия, т.е. интеграцией «снизу» [Либман 2009:6]. Несмотря на возникающие трудности и не слишком яркие достижения можно сказать что процесс интеграции стран Центральной Азии, медленно, но все же происходит. Несмотря на пессимистичные прогнозы многих ученых, по причине того что первые попытки потерпели неудачу, на отрицательную реакцию некоторых лидеров стран региона интеграционный процесс находится на стадии развития. Неудивительно что интеграционное развитие стран Центральной Азии будет абсолютно непохожим на развитие европейских интеграционных процессов, ведь регион прошел непростой исторический путь и в нем переплетено много процессов, которые, в результате неизбежных грядущих преобразований придадут интеграции уникальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Болятко А.В. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития : Материалы кругл. стола. —М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. – С. 12-41. – ISBN 978-5-8381-0143-3.

Быстренко В. И. ДКБ – ОДКБ – непростой путь к коллективной безопасности // Наука и Мир. – 2015. – Т. 2. — № 2 (18). – С.12

Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. – М., 2004. 288с URL: http://evrazia.org/FTP/1-288_polosi.pdf

Закржевская О.Г Интеграция Центральной Азии: ожидания, реалии, тенденции. //«Послание Президента РК Н.А. Назарбаева «Новый Казахстан в новом мире» — стратегия очередного этапа развития страны». – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2007.URL: http://kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/integraciya-central-noy-azii-ozhidaniya-realii-tendenci

Зимонин В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития : Материалы кругл. стола. – М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. – С. 202. – ISBN 978-5-8381-0143-3.

Постников А. В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII—XIX вв.). — Москва: Памятники исторической мысли, 2007. — 464 с.

Рудов Г.А. Региональная безопасность: место и роль союза России и Казахстана в Центральной Азии // Казахстан и Россия: перспективы стратегического партнерства: Материалы Международной научной конференции. – Алматы, 2006. – С. 49.

Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. – М., 2001. Гл. 7.

ГОРОД И СТЕПЬ: НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО

Дулина Надежда Васильевна*
Парамонова Вера Александровна**
Наумов Игорь Николаевич***

The city and the steppe: the impossible is possible

ABSTRACT:
Article is devoted to the analysis of two main models of medieval city settle-

* Доктор социологических наук, зав. кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического ун-та. E-mail: nv-dulina@yandex.ru.
** Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социология» Волгоградского государственного университета. E-mail: paramonova69@yandex.ru.
*** Кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического ун-та. E-mail: naumov1510@yandex.ru.

ments. The «closed city» model was created within the European social development. The «open city» model was formed in a steppe zone of the territory of the Golden Horde. Use of these various sciences (history, sociology, cultural science, economy and so on) allows to reveal specifics of formation of the cities in Volga region steppes since the most ancient times, as throughout long time, in this territory distribution was gained by a nomadic way of life which isn't a factor of formation of city settlements.

KEYWORDS: Middle Ages, settlement, city, Golden Horde, Europe.

Быстрый рост городов в XX в. поставил на повестку дня комплекс задач, решение коих невозможно без понимания процессов городского развития, чьи истоки коренятся в далеком прошлом «городской цивилизации». Любой человек, имеющий представление (хотя быв общих чертах) об эволюции человечества, легко согласится с утверждением, что само появление «городской цивилизации» было обусловлено переходом от кочевого образа жизни к оседлому.

Каким будет город будущего можно только предполагать, но строить прогнозы можно только на крепком фундаменте, коим является прошлое, которое, по мнению В. Г. Белинского [Цитаты и афоризмы], и содержит намек на будущее. Именно потребность в понимании нынешних реалий и возможность прогнозировать будущее в развитии человеческих поселений, и определяет необходимость обращения к прошлому – к истории становления и развития города, во всем его многообразии форм и видов.

Обращение к прошлому помогает также понять общее и специфичное изучаемого объекта в процессе его исторического развития. Т. И. Алексеева подчеркивает, что любые населенные пункты «несмотря на резкие социально-экономические, историко-культурные различия, представляют единые в своей основе социально-пространственные системы, находящиеся в разных фазах развития. В каждой из фаз превалируют те действия генетического механизма развития, которые необходимы и последовательно органичны для данной фазы, смена последней актуализирует и новые социальные аспекты жизни поселений, городов» [Алексеева 1995: 38–39].

Город появляется в истории развития цивилизации как феномен с четко очерченными границами в физическом пространстве: «поставить город» значит не что иное, как «о-градить» пространство, возвести «о-грады», укрепления. Очевидно, что в самом понятии города заложена онтологическая необходимость существования некоего предела, границы,

стены, отделяющей город от «не-города» [Стародубцева 1995: 248]. Можно предположить, что, начиная с первых стационарных поселений (протогородов) наличие разнообразных ограждений (ров, вал, частокол, стена и т. п.) обеспечивало определенную безопасность находящимся за этими фортификационными сооружениями. В связи с этим в древнем и средневековом мире наибольшее распространение получила модель «закрытый город». Свою «закрытость» город позиционировал миру через архитектуру: так, в археологическом музее-заповеднике Танаис (Ростовская область) представлены античные городские ворота, рассчитанные на прохождение через них одномоментно только одного человека, настолько они узки, да и их высота (ниже среднего роста современного человека) «требовала» от входящего совершить поклон городу. Подобная «закрытость» города была обусловлена потребностью в безопасности. Ведь как указывает В. П. Даркевич, города «служили опорными пунктами-убежищами для близлежащих деревень: в случае военной угрозы крестьянское население укрывалось за их стенами» [Даркевич 1995: 128]. Причем городские ограждения позволяли определить «свое» социально-символическое пространство в бесконечном море пространства «чужого», а значит потенциально опасного. Наличие городских укреплений является свидетельством: во-первых, наличия постоянной внешней угрозы, а значит существовавшие на тот момент государственные образования не обладали достаточной мощью для обеспечения безопасности своих населенных пунктов, в том числе и городов, которым приходилось обзаводиться собственными фортификационные сооружениями. Во-вторых, на этой стадии развития государственных образований центростремительные силы были достаточно сильны, что вело к ослаблению единой центральной власти. В-третьих, фортификационные сооружения являлись своеобразным показателем уровня развития как наступательного, так и оборонительного оружия.

И, как отмечает И. Е. Данилова [Данилова 1995: 241, 247], Европе потребовалось не одно столетие, чтобы перейти от модели «закрытого города» к модели «открытого города». Своеобразным символическим актом подобного перехода стал отказ от наглухо закрытых городских ворот, им на смену пришел новый вид городского архитектурного сооружения – арка, которая располагалась на границе территории города и не-города. И если ворота средневекового европейского города наглухо отго-

раживали город от близлежащих территорий, то арка «распахнула» город для окрестностей и окрестности для горожанина. Арка предложила, в отличие от глухих средневековых ворот, войти в город. Мир европейских городов сделал шаг в сторону своей открытости.

Средневековый мир предложил наряду с моделью закрытого города и противоположную модель открытого города. Средневековые источники [Тизенгаузен 1884: 289; Рашид-ад-Дин 1960: 40; Марко Поло 1955: 280] сообщают, что в то время как в средневековой Европе получила распространение первая модель («закрытый город»), то в крупных средневековых империях приоритетной была вторая модель («открытый город»). Так, например, империи монголов «города, как в центральных землях, так и в периферии страны, строились вообще без укреплений, ибо, как считали монголы, город защищали не укрепления, а сама страна» [Калан 2012: *57]*. В средневековье лишь крупное и сильное государство могло позволить себе использовать модель открытого города, т. к. было в состоянии обеспечивать безопасность внешних угроз. Отсутствие городских укреплений являлось показателем низкого уровня центростремительных сил, приводящих к феодальной раздробленности и ослаблению государства, с одной стороны, а с другой, от власти не требовалось дополнительных усилий для подавления освободительных движений покоренных народов. И хотя в крупных империях города могли обходиться от крепких городских стен, однако, ряд фортификационных сооружения (рвы, валы и т. п.) все же сохраняются и выполняют функцию обеспечения безопасности, пусть и символической безопасности, т. к. подобные сооружения разделяют пространство на «свое» и «чужое». Отсутствие стен придавало всем городам империи монголов, так же и Улусу Джучи, совершенно особый колорит и приводило в крайнее изумление иностранных путешественников. В то время, когда жители государств Европы и Азии соревновались между собой в возведении как можно более высоких и толстых стен из камня и дерева, в Золотой Орде, посреди ровной степи располагались огромные незащищенные стенами города, набитые ценностями, свезенными со всех концов мира [Калан 2012: 48, 57].

Средневековые города в степях Улуса Джучи в отличие от западных средневековых городов были «открытыми» городами, открытыми всем ветрам и любопытным взглядам. И, несмотря на такую отличительную особенность, «степные» города Золотой

Орды, как и иные города, являлись местом концентрации власти и капитала, источниками духовного влияния и инноваций, локусами пересечения разнообразных потоков (транспортных, денежных, информационных и т. д.).

Археологи [Егоров 1985: 94; Федоров-Давыдов 1991: 20–42] обнаружили более 30 городов Золотой Орды. Как подчеркивает Г. А. Федоров-Давыдов, до середины XIII в. городскими центрами Улуса Джучи «были города в окраинных оседлых завоеванных землях, т. е. Болгар, Хорезм (Ургенч) и Крым, но уже в XIV в. возникает город «на “пустом месте”» [Федоров-Давыдов 1991: 10] в дельте Волги – Сарай. Появление городов в степи, по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, обусловлено тем, что, во-первых, в «старых» городах монгольской империи Джучидам (ханам Золотой Орды) пришлось бы «делить с баскаками или даругами, присланными из каракоруского дворца великого князя» [Федоров-Давыдов 1991: 10], в новых («ханских») городах золотоордынские властители были бы полными хозяевами. Во-вторых, территория Нижней Волги представляет собой перекресток торговых путей, а значит и определила желание золотоордынских ханов держать под неусыпным вниманием столь значимую магистраль.

Отличительная особенность городов Золотой Орды от средневековых городов Запада и Востока, по замечанию исследователей [Егоров 1990: 95–97; Федоров-Давыдов 1991: 12], состоит в том, что они формировались, в первую очередь, как административные и военные центры, т. е. как «узловые центры» власти хана в покоренных странах. Исследователи [Крамаровский 1989: 141] также отмечают, что значительную роль «в урбанизации коренных областей государства» играла принудительная концентрация городских центров. У исследователей [Крамаровский 1989: 141] золотоордынских городов получила распространение концепция «двух путей городского строительства»: это «степной» путь развития, отражающий тенденции характерные для территорий Поволжья, Северного Кавказа и части Днестровско-Прутского междуречья – отсутствие собственно городских традиций и «автохтонный», территории на окраинах Улуса Джучи, на которых располагались «старые» города. Если традиционно города средневековья вырастали в результате длительного экономического развития, то ордынские «степные» города появлялись на местах, в которых отсутствовала традиция оседлой жизни. К такому выводу исследователи пришли благодаря данным археологических экспе-

диций, которые доказали, что «степные» города Золотой Орды «не имеют подстилающего культурного слоя» [Крамаровский 1989: 141–142; Федоров-Давыдов 1991: 13].

В. Л. Егоров [Егоров 1969: 48–49] анализируя становление и развитие городов у монголов, приходит к выводу, что истоки градостроительства следует искать в изменении в обществе самих кочевников. До образования империи кочевой образ жизни не затруднял выполнение административных функций, но при расширении территории, передвижение бюрократического аппарата затруднено. Зимняя ставка хана становится стационарным населенным пунктом, превращаясь в административный центр. Первоначально, по мнению В. Л. Егорова [Егоров 1969: 45–46], небольшой административно-политический центр трансформируется в ремесленный центр, а затем уже в многолюдный город. Золотая Орда являлась частью монгольской империи со столицей в Каракоруме, то для нее, как полагает В. Л. Егоров [Егоров 1969: 44–45], характерны аналогичные процессы формирования городов.

Данные археологических экспедиций и письменные средневековые источники свидетельствуют о распространенности модели «открытый город» на территории Золотой Орды. В результате захвата монголо-татарскими полчищами «старых» городов, все оборонительные сооружения уничтожались. Так, Ал-Омари (XIV в.) [Тизенгаузен 1884: 241] указывает на отсутствие стен вокруг Сарая, а в русских летописях отмечается, что Секкиз-бек в Запьяньи «укрепился рвом» [Федоров-Давыдов 1991: 42], здесь важно понимание того, что глагол «укрепился» предполагает отсутствие на более раннем этапе заградительных сооружений. В свою очередь Марко Поло отмечал, что «Во всех областях Китая и Манги и в остальных его (Хубулая) владениях есть довольно предателей и неверных, готовых взмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города, в четыре или пяти милях; а города не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск» [Поло 1955: 280].

Г. А. Федоров-Давыдов [Федоров-Давыдов 1991: 43] полагает, что объяснить ориентацию в монгольской империи на модель «открытый город» можно тем, что, во-первых, сильная центральная власть могла обеспечить безопасность не только столицы, но и других городов империи; во-вторых, отсутствие укреплений в городах периферии и замках феодалов не позволяло активизировать центробежные поползновения

местной власти. «Открытость» средневековых городов крупных евразийских империй было обусловлена политическими реалиями – потребностью безопасности центральной власти; сильной военно-политической власти тягаться с которой, до определенного момента, не могло ни одно рядом находящихся государств. Городские укрепления жителями сильной империи воспринимались как свидетельство страха перед внешней угрозой, о чем свидетельствует диалог по поводу башни одного из итальянских городов: «“Не кажется ли тебе эта вещь замечательной?” Купец усмехнулся и ответил: “Ба! Кто боится, тот и строит башни!”» [Барбаро 1971: 148]. И хотя данные археологических экспедиций и свидетельствуют о незначительных фортификационных укреплениях городов (ров до 1,5–2 метров глубиной или небольшой вал) монгольской империи, однако, Г. А. Федоров-Давыдов [Федоров-Давыдов 1991: 43] предлагает рассматривать их (укрепления) не как сооружения, имеющие оборонное значение, а как городскую границу, посредством которой отделяется город от не-города. И лишь в 60-х гг. XIV в., по мнению исследователей [Крамаровский 1989: 142; Егоров 1980: 195], возникает потребность в возведении крепких городских укреплений в империи монголов, что было обусловлено феодальными междоусобицами, а ведь «в чингизидский период монголы не строили крепостей и срывали стены старых городов» [Крамаровский 1989: 142].

Следует согласиться с Г. А. Федоровым-Давыдовым, что только при сильной центральной власти ханов Золотой Орды оказался возможным симбиоз «кочевой степи и городов» [Федоров-Давыдов 1991: 17]. Исследование «степных» городов позволило исследователям [Федоров-Давыдов 1991: 21–24; Федоров-Давыдов 1983: 215–220] выявить их специфические особенности:

1) появление по повелению хана, в кратчайшие исторические сроки, городов «на пустом месте»;

2) существенный процент рабского труда в общественном производстве;

3) отсутствие городских укреплений;

4) децентрализация денежного дела;

5) скорость угасания «степных» городов по сравнению со «старыми» городами, чей рост был обусловлен не только и не столько политической волей властителей, сколько экономической сферой;

6) полиэтничность «открытых городов», формировавшая-

ся постоянным поступлением новых рабов с захваченных территорий и свободных людей (торговцев, дипломатов и т. п.);

7) эти города оказались не в окружении народов, ведущих оседлый образ жизни, а в окружении кочевников;

8) определять облик такого города как полуаграрный, и хотя земледелие было основой торговли с кочевниками, из этого не следует проводить аналогию между «степными» городами и «большими селами», т. к. в подобных населенных пунктах было развито и ремесленное производство, лавки и базары для торговли, а также перерабатывалась продукция животноводства, поставляемая кочевниками.

Подводя итоги выше сказанному, необходимо обратить внимание на следующее. До сих пор бытует точка зрения, что генезис городов обусловлен исключительно оседлым образом жизни. Следовательно, оседлая и кочевая культуры не совместимы. Однако, как свидетельствуют средневековые источники и данные археологических экспедиций, «общепринятая» точка зрения по данному вопросу не отражает исторических реалий возникновения «степных» городов в империи кочевников.

Более того, вполне здравой представляется точка зрения В. Л. Егорова, который защищал тезис о том, что специфический экономический потенциал, обеспечивший Улусу Джучи мощь и могущество на протяжении ряда веков, формировался именно в результате тесного взаимодействия города и кочевья – бурного развития ремесла и караванной торговли, когда каждый сектор города или кочевье «отвечало» за свое звено в экономической системе государства.

Заметим, что современные «степные города» (среди которых далеко не последнее место занимает и Волгоград), открытые всем ветрам, до сих пор сохраняют специфику, заложенную еще в средневековье. Понимание исторических корней города способствует более глубокому его «прочтению» в сложных координатах «культурного пограничья».

ЛИТЕРАТУРА

Цитаты и афоризмы о будущем и прошлом. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://millionstatusov.ru/aforizmy/proshloe.html – 2013. – 3 декабря. – Заглавие с экрана.

Алексеева, Т. И. Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы / Т. И. Алексеева // Город как социокультурное явление исторического процесса / РАН, Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры»; Отв. ред. д. историч. н. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1995. – С. 38–46.

Стародубцева, Л. «Городская стена» как духовная конструкция / Л. Стародубцева // Город как социокультурное явление исторического процесса / РАН, Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры»; Отв. ред. д. историч. н. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1995. – С. 248–258.

Даркевич, В. О некоторых спорных проблемах происхождения и развития древнерусских городов (X–XIII вв.) / В. Даркевич // Город как социокультурное явление исторического процесса / РАН, Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры»; Отв. ред. д. историч. н. Э. В. Сайко. – Москва: Наука, 1995. – С. 126–136.

Данилова, И. К вопросу о сложении пространственной модели итальянского ренессансного города (Флоренция XV в.) / И. Данилова // Город как социокультурное явление исторического процесса / РАН, Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры»; Отв. ред. д. историч. н. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1995. – С. 240–247.

Тизенгаузен, В. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды / В. Тизенгаузен. – Санкт-Петербург: Изд. на иждивение гр. С. Г. Строганова, 1884. – Т. 1. – 564 с.

Рашид-ад-дин Сборник летописей: [В 3 т.] / Рашид-ад-дин; [Отв. ред. С. П. Толстов]. – [Репр. воспроизвед. изд. 1946–1960 гг.]. – М.: Ладомир, 2002. – 340 с.

Поло, М. «Книга» Марко Поло / Пер. старо-фр. текста И. П. Минаева; Ред. и вступ. статья И. П. Магидовича. – М.: Географгиз, 1955. – 376 с.

Калан, Э. Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV вв. / Отв. ред. проф. Ф. Ш. Хузин. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 156 с.

Егоров, В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. / В. Л. Егоров / Отв. ред. д.историч. наук, проф. В. И. Буганов. – М.: Наука, 1985. – 246 с.

Федоров-Давыдов, Г. А. Золотоордынские города Поволжья / Г. А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 232 с

Егоров, В. Л. Золотая Орда: мифы и реальность / В. Л. Егоров. – М.: Знание, 1990 – 62 с.

Крамаровский, М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций государственного Эрмитажа: Сборник научных трудов / Науч. ред. Г. И. Смирнова; Государственный Эрмитаж. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1989. – С. 141–157.

Егоров, В. Причины возникновения городов у монголов в XII–XIV вв. / В. Егоров // История СССР. – 1969. – № 4. – С. 44–49.

Барбаро и Контарини о России: [Итал. тексты и переводы]: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи [с. 3–109], подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской; АН СССР; Ин-т истории СССР; Ленингр. отд-ние – Ленинград: Наука, 1971. – 275 с.

Егоров, В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой / В. Л. Егоров // Куликовская битва: Сборник статей / Отв. ред. Л. Г. Бескровный (и др.). – М.: Наука, 1980. – С. 174–211.

Федоров-Давыдов, Г. А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. / Г. А. Федоров-Давыдов // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии:

Материалы всесоюз. совещ., 13–15 мая 1981 г., Алма-Ата / [Редкол.: Б. А. Тулепбаев (гл. ред.) и др.]. – Алма-Ата: Наука, 1983 – С. 215–220.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Шахбазов Тахир Сеидали оглы*

On the problems of studying and protection of th e historical and cultural values of Turkic peoples in the context of globalization

ABSTRACT:

One of the world's most ancient and rich cultures is the common Turkic culture. Unfortunately, for many years because of different reasons, this culture has not been stydied objectively. The ethnogeny of Turks, their ethnic history, including a range of issues relating to their homeland either was deliberately mixed or non-objectively presented. Moreover, in today's globalized world events directly affect the culture: the historical and cultural monuments created for thousands of years are being destroyed, moral values are appropriated either by others, or gradually forgotten. The article deals with all these issues, as well as other topical problems of Turkish history and culture.

KEY WORDS: globalization, historical geography, Altay, ethnogeny, ethnic history.

Тюркская история и культура является одной из самых богатых и древних культур мировой цивилизации, несмотря на то, что, в силу многих причин это историко-культурное наследие до сих пор недостаточно изучено. Эта история и культура была создана тюркскими народами, живущими на огромном географическом пространстве - от Лены до Дуная, от Таймыра до Персидского залива, в основном на тех же территориях, которые населяли их предки с древнейших времен. По этой же территории – через Казахстан, Центральной Азию, Персию, Кавказ и Турцию пролегал Великий шелковый путь, соединявший Азию и Европу. На Кавказе - на территории Азербайджана Великий Шелковый путь делился на две ветви: одна шла вверх по течению реки Куры в сторону Колхиды и Иберии, вторая ветвь сворачивала и шла вдоль западного побережья Каспийского моря через Дербент и Кавказские степи.

* Доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института Археологии и Этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана. E-mail: sh-tahir@rambler.ru, sahbazov.1965@mail.ru

Исторически тюркские народы объединяли не только дороги, мосты, торговые и экономические отношения. Духовное единство, т.е. общий язык, схожесть обычаев и традиций, литературные памятники и религия всегда являлись главным фактором сближения этих народов. Как известно, в древности наши предки поклонялись силам природы, солнцу, огню, воде, богине плодородия, быку и другим рогатым животным, коню. Широко был распространен тенгрианство и культ предков. Арабское завоевание тюркских территорий в VII-VIII веках сопровождалось исламизацией населения, что в корне поменяло общественный и культурный уклад населения, законы, частично изменило обычаи. Почти все тюркские народы исповедали исламскую религию. Религиозное единство, в конечном счете, сказалось на схожести канонов архитектуры, литературы, миниатюрной живописи, законов, а главное – на схожести менталитета и мировоззрения наших народов [Бретаницкий Л.С. 1966: 103]. Кроме того, фактор длительного пребывания в составе единого государства - Халифата способствовало более тесным связям в сфере науки и культуры.

Большую роль в истории мира, в том числе, Европы и Азии сыграли государства и империи, созданные тюркскими народами в различные исторические периоды. Тюркский Каганат - одно из крупнейших в истории человечества древних государств в Азии, в конце VI века, контролировало территории Китая, Монголии, Алтая, Восточного и Западного Туркестана (Средней Азии), Казахстана и Северного Кавказа [Западно-тюркский каганат (атлас] 2013: 10-26). В середине XI века Азербайджан и Центральная Азия вошли в состав империи Великих Сельджуков. А в конце XII века усилилось государство Хорезмшахов в Азии, государство Ильденизидов в Азербайджане (1136–1225 гг.). Высокого культурного и экономического развития достигло государство Ширваншахов (861-1538 гг.). Глава Государство Атабеков Джахан-Пехлеван (1175-1186) и Хорезмшах Текиш (1172-1200), поддерживали дружеские отношения [Буниятов З.М. 1986: 5]. Кроме того, в течение длительного исторического периода на значительной части Азии и Европы Османская империя и Азербайджанское государство Сефевидов играли доминирующую роль.

О большой роли древних тюрков в истории Евразии и всего мира, в развитии мировой культуры неоднократно отмечали многие ученые. Например, известный историк Д.Е.Еремеев писал: «...Перемещаясь на огромные расстояния, смешиваясь с

оседлыми народами, кочевники, или как его называют, номады, не раз перекраивали этническую карту целых континентов, создавали гигантские державы, изменяли ход общественного развития, передавали культурные достижения одних оседлых народов другим, наконец, и сами внесли свой вклад в историю мировой культуры» [Еремеев Д.Е 1980: 9].

Одновременно, с этим следует отметить, что советская историография оставила в наследство современной науке очень много проблем, порой запутанных сознательно, решение которых представляет собой довольно сложную задачу. В первую очередь, это вопросы, связанные с этногенезом и этнической истории, а также с локализацией прародины тюрков. Относительно этих вопросов среди ученых нет пока единого мнения, хотя во всех тюркских странах проведены достаточно широкие исследования, написано множество книг. Некоторые учёные считают, что прародина древних тюрков находилась на Алтае. Другие размещают её в областях, примыкающих к северу Чёрного и Каспийского морей, третьи — в Передней Азии, а четвертые – на территориях к западу и востоку от Урала. Некоторые азербайджанские ученые утверждают, что исторической прародиной древних тюрков является Южный Кавказ [Гумбатов Г. 2012: 405]. Кроме того, прародиной тюрок называют Малую Азию, Кавказ и Балканы [Еремеев Д.Е. 1971: 21-23]. А турецкий историк М.С.Энгин сопоставляя хеттский и греческий пантеоны исходил из такой предпосылки, что, Анатолия стала родиной тюрков после палеолита, в энеолите и бронзовом веке этот процесс усилился, а в досельджукскую эпоху произошла сплошная тюркизация Анатолии [Енгин М.С. 1943: 775].

Одним словом, в качестве прародины тюрков называются более десяти регионов [Закиев М.З. 2008: 57]. Выдающийся ученный А.С.Малов еще в прошлом веке по этому поводу писал: «Я не могу ответить, где впервые появились, образовались и жили тюрки... Могу только сказать, что и за пять веков до н. э. тюрки жили там же, где они живут главным образом (с малыми исключениями) и теперь» [Малов А.С. 1952: 135-143].

Но, это еще не все. Некоторые ученые, в основном представители русской науки пишут о том, что предки современных тюрков были изначально монголоидами, а другие утверждают, что они были европеоидами. В религиозном отношении, большинство говорящих на тюркских языках — мусульмане. Вместе с тем, чуваши — православные христиане,

следовательно, как считают ряд исследователей, они всегда будут не с другими тюрками, а с другими православными. Тувинцы же — северные желтошапочные буддисты (ламаисты), и у них единство будет с буддийскими народами, а не с мусульманами-тюрками. Кроме того, одни ученые пишут, что, азербайджанцы, говорящие на языке огузской группы, вовсе не тюрки по происхождению. Казахи, уйгуры, туркмены, кумыки, карачаевцы, балкарцы, гагаузы, тувинцы и другие тюркоязычны, но это вовсе не означает, что все они тюрки.

Вот такая картинка вокруг этногенеза тюрков сложилась среди научной общественности. Считаем что основная причина данной ситуации обусловлена тем, что до недавнего времени исследовнием нашей истории занимались не мы сами, а чужие, в том числе, ученные не имеющие любви ни к нам, и ни к нашей истории. И сегодня мы не должны позвалять, чтобы это неприятная тенденция продольжалась.

Кроме этого, сегодня в мире происходят процессы, которые непосредственно влияют на материальную и духовную культуру народов. В этом плане особое внимание привлекает процесс «глобализации культур», или межкультурная интеграция. Этот процесс имеет позитивные и негативные стороны. Так, если расширение культурных контактов, общение и познание способствует сближению народов, приводит к обмену положительным опытом, обогащению собственной культуры, подъему ее на более высокую ступень развития, то черезмерно активное заимствование может привести к ее культурному истощению за счет унификации и стандартизации, распространения одинаковых культурных образцов по всему миру [Кравченко А.И. 2000: 117-118].

В такой сложной ситуации больше научное и практическое значение имеет правильное понимание происходящего, особую актуальность приобретает новая разработка проблем истории и культуры, которые могут послужить сближению тюркских народов. Для этого, на наш взгляд, в первую очередь, необходимо по всей территории проживания тюрков организовать комплексные стационарные экспедиции с привлечением археологов, этнографов, лингвистов, нумизматов, эпиграфов, палеонтологов и представителей других смежных наук. Регулировать деятельность этих экспедиций необходимо из одного центра, например, Международной Тюркской Академии.

Кроме того, сегодня как никогда актуально изучение этнокультурных связей народов Прикаспийских стран и

историческая роль Каспия в межэтнических контактах народов региона, о важности которых писали еще в 20-х годах XX столетия академик В.В.Бартольд, и немного позднее Л.И.Лавров.

Пристальный интерес представляет тюркские народы Кавказа - кумыки (более 550 тыс. чел.), карачаевцы (235 тыс. чел.), балкарцы (140 тыс. чел.), ногайцы (105 тыс. чел.), а также гагаузы и крымские татары. Сегодня они как бы остались в стороне от интеграционных процессов среди тюркских народов и естественно по объективным причинам. Но эти народы являются потомками скифо-гунно-болгаро-хазарских и кипчакских племен, которые издревле населяли Кавказ и крымский полуостров, имели государственность, и их тысячелетнее проживание здесь наложило свой отпечаток на судьбу и историю регионов.

На наш взгляд, настало время учредить ассоциацию археологов и этнографов тюркских стран и координировать их научную деятельность для решения различных научных проблем. Так, еще много неясного в сфере шаманизма, особенно применительно к Азербайджану. «Шаманизм» до сих пор остается одной из запутанных и сложных проблем духовной культуры. Среди специалистов не утихают споры о том, является ли шаманизм религией.

Большой интерес представляет изучение места и роли Новруз байрамы (праздник Навруз) в быту и культуре тюркских народов. К большему сожалению, по данному вопросу также до сих пор продолжаются жаркие споры. Так, некоторые ученые не считает Новруз тюркским праздником. В то время как весеннее равноденствия с древнейших времен отмечается у всех тюркских народов. Достаточно отметить, что в далеком прошлом казахи называли Навруз «Великим днем улуса».

Очень важно сравнительное изучение этнотопонимов тюркской географии, традиционной материальной и духовной культуры, традиционного ремесла, семейно-бытовых традиций, что может дать богатый материал для разработки многих вопросов этнографии, в том числе, этногенеза и этнической истории наших народов. Кроме того, проблемы изучения современных этнических и этнодемографических процессов, процессы национальной консолидации, происходящие сегодня в тюркских стран также привлекают пристальный интерес.

Большую пользу может принести развитие археолого-этнографического туризма в тюркских странах, исследование и пропаганда регионов и городов, имеющих общекультурное

значение для наших народов. Для этого необходимо выработать совместные меры для продвижения на рынке туризма этих мест и лучше пропагандировать культурное наследие тюркского мира.

Ровно 90 лет назад, с 26 февраля по 5 марта 1926 года в столице Азербайджана – в Баку проходил Первый (к сожалению и последний) Тюркологический съезд. Прошедший после Съезда период ознаменован формированием новых концепций в области исследований по тюркологии и созданием научно-теоретической основы культурно-духовного единства тюркских народов. Считаем, что сегодня восстановив тюркологические съезды можно добиться очень многого в области тюркской истории, языкознании, этнографии, этнической археологии (этноархеология) и это будет, на наш взгляд, выражением почтения памяти тех выдающихся ученых, которые стали жертвой тоталитарного режима сразу после съезда.

Наконец, острой проблемой, затрагивающей тюркскую историю и культуру, является судьба памятников истории и культуры Азербайджана на оккупированных территориях Арменией. На оккупированных территориях Азербайджана Армения уничтожает и фальсифицирует культурное наследие, что противоречит принятой в 1954-м году Гаагской конвенции (О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта) и конвенцию ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия». До оккупации на этих территориях было зарегистрировано 8 памятников мирового, 166 государственного и 588 местного значения. Однако за последние годы на территории Карабаха около 100 храмам албанского периода был присвоен статус армянской церкви. Более 500 памятников в окрестностях Шуши были зарегистрированы как «армянские памятники». А памятники, относящиеся к исламскому периоду, уничтожаются с особой жестокостью.

Не довольствуясь этим, армяне проводят археологические раскопки на оккупированных территориях. Согласно официальной справке министерства культуры и туризма Азербайджанской Республики первые поселения древнего человека – пещеры Азых и Таглар, а также курганы Гаракепяк и Узярликтепя умышленно используются в военных целях, и тем самым разрушаются.

Еще одним направлением политики Армении по уничтожению культурного наследия на оккупированных

территориях Азербайджана является разграбление бесценных исторических экспонатов, драгоценных образцов искусства и культуры, хранившихся в музеях. Только в Шуше армяне разрушили и разграбили 8 музеев - дома-музеи Натаван, Бюльбюля, Абдуррахим бека Ахвердиева, картинные галереи, Шушинский и Ханкендинский краеведческие музеи. Музеи памяти видного композитора Узеира Гаджибекова (более 300 предметов), основателя вокального искусства Азербайджана великого певца Бюльбюля (около 400 предметов), видного музыканта и художника Мир Мевсума Навваба были разграблены. Памятники Узеиру Гаджибекову, Бюльбюлю, Хуршудбану Натаван были вывезены из Карабаха в Армению и здесь, в нарушение всех норм морали и нравственности эти памятники были расстреляны. Их даже давили тяжелой техникой. Позднее, большими усилиями удалось перевезти их в Баку. Очевидно, что и в этом вопросе есть острая необходимость в совместной программе деятельности тюркских народов и государств.

В завершении необходимо отметить, что в нынешние сложные времена одной из важных задач, стоящих перед тюркскими народами и государствами, является минимизация негативных последствий глобализации, переориентировать интеграцию в направлении Запада на межтюркскую интеграцию не только в сфере культуры, но и в области политики, экономики, дипломатии.

ЛИТЕРАТУРА

Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XIII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. Москва, Искусство, 1966

Западно-тюркский каганат (атлас). Астана, Serviçe-Press, 2013

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231). М., Наука. 1986. Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы (очерки о турции и турках). М., Наука. 1980

Гумбатов Г. Историческая прародина тюрков. От Арана до Алтая. Б., Элм ве тахсил. 2012

Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М., Наука, 1971

Енгин М.С. Ети ве грек дини системлеринин мукайисеси. 2 ТТК. Истанбул, 1943

Малов А.С. Древние и новые тюркские языки //Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI., вып. 2. М., 1952. с. 135-143

Закиев М.З. История татарского народа (этнические корни, формиравание и развитие). М., Инсан. 2008

Кравченко А.И. Культурология: Словарь. М., Академический Проект, 2000.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Косых Елена Семеновна*

National integration in the conditions of ethno-cultural diversity (on the example of Republic Bashkortostan)

ABSTRACT:
This paper aim to study the Russian policy in the region of Bashkortostan of the ethno-religious relations and to parse the multicultural problems. It is shown that the policy of multiculturalism in Europe has failed, there is a quick Islamization.

KEY WORDS: liberty of conscience, ethnos, multiculturalism, confession, intercultural and interreligious dialogue, cultural diversity, Bashkortostan.

Национальное развитие любого общества сопряжено с рядом проблем и сложностей, поскольку такое общество представляет собой совокупность различных культур, существующих в едином пространстве, и подразумевает способность уживаться в рамках единой территории людей, различных в национальном, религиозном и культурном отношении. В связи с этим актуализируется проблема взаимодействия культур, а также ставятся вопросы о роли и месте отдельных культур в рамках мультикультурного общества, о степени и механизмах их влияния друг на друга.

Россия – полиэтничное государство, на ее территории проживают более 190 этносов и этнических групп. Веками складывалась этническая пестрота Поволжья, Урала, Сибири и Севера. Российское общество изначально формировалось как мультикультурное. Мультикультурализм – это политика, направленная на сохранение и развитие в государстве и в целом в мире культурных различий. По словам И.А. Мальковской, «любые теоретические и практические диалоги, связанные с пониманием так называемой «плюралистической парадигмы» мультикультурализма, исходят из безусловного признания различий, множественности и многоликости культурного и социального бытия, прав и свобод гражданина, веротерпимости, диалога культур» [Мальковская].

* Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета. E-mail: kossES@yandex.ru.

Одним из российских регионов со сложным по этническому составу населения является Республика Башкортостан. По переписи 2010 г. в Башкортостане проживали представители свыше 160 национальностей и 13 входящих в них этнических групп общей численностью 4072292 тыс. чел. На три национальности (русские, башкиры и татары) приходится 90% населения республики. Из них русские составляют 36,0%, башкиры – 29,5%, татары – 25,4%, чуваши – 2,7%, марийцы – 2,6%, украинцы – 1,0%, мордва – 0,5%, удмурты – 0,5%, белорусы – 0,3%, лица других национальностей – 1,4% [Итоги Всероссийской переписи…].

Народы Башкортостана принадлежат к различным религиозным и культурным традициям – христианской и мусульманской. Здесь проживают представители славянской группы индоевропейской языковой семьи – русские, украинцы, тюркской группы алтайской языковой семьи – башкиры, татары, чуваши, финно-угорской группы уральской языковой семьи – мордва, марийцы, удмурты и др. Конституция Российской Федерации (ст.19) гарантирует «равенство прав человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [Конституция РФ].

Содержание этнических процессов в Башкирии определяется факторами этнокультурного развития и межэтнического взаимодействия трех этносов: русских, башкир и татар, составляющих доминанту этнического состава республики. Эти национальности находятся в состоянии активного взаимодействия со всеми другими народами республики. Формирование мультикультурной и полиэтнической структуры населения республики началось в XVI в., после вхождения башкирских племен в состав Российского государства, и продолжается до сих пор. Полиэтничный состав населения сформировался в результате крестьянской колонизации территории Башкирии переселенцами из Среднего Поволжья и Центральных районов России в XVII – начале XX вв. Государство, официально запрещая переселение на башкирские земли, на деле не препятствовало ему. Этот запрет был отменен только в середине XIX века. Еще Л.Н. Гумилев

отмечал терпимость русского человека к нравам и обычаям других народов [Гумилев 2006: 25]. Колонизация этих регионов ничем не напоминает завоевание англичанами и испанцами Америки или Ост-Индии, местное население не обращалось в рабов. А толерантность выражалась в конкретных действиях: «Если местные жители хотели соблюдать языческие обряды – к тому не было никаких препятствий» [Гумилев 2006: 241]. Если возникали конфликты с русскими, то они достаточно быстро улаживались. Христианство присоединенным народам проповедовалось, некоторые приняли его, сохранив значительные пережитки язычества (марийцы, удмурты, чуваши), мусульманские народы (башкиры, татары) смогли сохранить свою религию и обычаи. В целом русские предпочли найти общий язык с местными жителями.

Миграционные процессы отдельных этносов способствовали формированию этнически смешанных зон, в которых складывались новые этнографические группы с присущими им культурными особенностями [Хабибуллина 2010: 26]. Отсутствие четко выраженных зон проживания этносов требует особых подходов к проведению современной этнокультурной политики. Среди участников межрелигиозных и межкультурных отношений сформировалось несколько уровней: низший – рядовые граждане; средний – гражданский актив; высший – административные органы управления религиозных и национальных организаций и их ответственные представители [Нестерова 2012: 134].

В этой связи российский опыт должен быть интересен для западных стран, где не прекращается дискуссия о провале политики мультикультурализма.

Современный мультикультурализм берет свое начало в послевоенные десятилетия, когда на волне отвращения к нацизму и колониализму в европейском общественном мнении возобладали подходы, которые должны были снять комплекс у европейцев в отношении «инородцев». Во второй половине XX века в Европу хлынули огромные волны иммигрантов, прежде всего из мусульманских стран. Политика мультикультурализма должна была помочь им адаптироваться и ассимилироваться в иноэтничном окружении.

В соответствии с концепцией мультикультурализма иммигранты имеют право и должны сохранять свою культуру и самобытность, что делает современные европейские нации похожими на «культурную мозаику». Люди разной этничности,

религии, расы должны были научиться жить бок о бок друг с другом, сохраняя свое культурное своеобразие.

В США возобладал другой подход. В Америку иммигранты приезжали в огромную страну, где быстро растворялись и ассимилировались (концепция «плавильного котла»). В США мусульманские общины рассеяны географически, раздроблены и разобщены в этническом смысле, а в финансовом – представляют собой достаточно благополучную группу. На Европейском континенте переселенцы в большинстве случаев собраны в изолированные анклавы: турки в Германии, алжирцы во Франции, марокканцы в Испании и пакистанцы в Великобритании [Косых 2011: 193]. При этом мигранты цепко держатся за свои веру, обычаи, язык и уклад жизни. Они стали частью «глобализированного ислама», по выражению французского востоковеда О. Руа [Паин].

Мигранты с Востока четко осознают свою национальную и религиозную идентичность и воспроизводят свой традиционный образ жизни в Европе, часто в более консервативной форме, чем в своих странах. Мигранты-мусульмане не стремятся интегрироваться в европейское культурное пространство, а их жены часто не знают и государственного языка страны проживания. Во многих странах мира возникли замкнутые моноэтнические, или монорелигиозные, или монорасовые кварталы и учебные заведения. В студенческих столовых возникают столы «только для черных». Мигранты заведомо неконкурентоспособны на общем уровне страны [Косых 2011: 194]. Это порождает у мусульманской молодежи чувство второсортности. Молодые люди не могут адаптироваться к западным ценностям и вместо этого хватаются за нож или надевают пояс шахида. Немало выходцев из европейских стран, большей частью, мусульмане, сражаются в Сирии на стороне ИГИЛ. Самый известный из них – британский поданный Мухаммад Эмвази (Джихади Джон), палач организации «Исламское государство» [«Исламское государство»…].

Все это заставило европейцев внимательнее взглянуть на проблему эмигрантов [Майоров]. По результатам социологического исследования, проведенного по заказу германского правительства среди мигрантов в 2011 году, выяснилось, что каждый четвертый турок в Германии не знает немецкого, а каждый второй практически не общается с немцами [Германия променяла…]. Главное противоречие современной Европы – это столкновение между

мультикультурализмом и европейским либерализмом, между принципом неприкосновенности частной жизни и требованиями национальной безопасности [Лаумулин].

Все эти проблемы еще больше обострились с начала 2015 года, в связи с миграционным кризисом. В Европу хлынул неконтролируемый поток беженцев в основном из стран Северной Африки и Большого Ближнего Востока. Кроме экономического бремени, нужно учитывать, что беженцы вызвали всплеск преступности во многих европейских городах, особенно в Германии, на которую пришелся основной поток мигрантов. По мнению экспертов, многие из этих людей никогда не смогут интегрироваться в германское общество, так как не имеют никаких навыков для того, чтобы найти работу. Еще большую опасность представляет возможность возникновения параллельных обществ по всей стране, когда для сдерживания мигрантов будут тратиться огромные деньги – деньги налогоплательщиков – на пособия [Керн].

Для многонациональной России межнациональные отношения являются актуальным вопросом. Сложные проблемы общественной жизни могут породить огромный межэтнический конфликтный потенциал. В этой социокультурной ситуации очень важно понять, в каком обществе живут люди и каковы их возможности.

На декабрьском (2010) Госсовете, посвященному взрыву русского национализма, Д. Медведев назвал это развитием «общероссийского патриотизма», а на февральском 2011 года Госсовете в Уфе — задачей становления «российской нации». По его словам, для России «вопрос сосуществования различных народов – это не вопрос приезжих, которые так или иначе появляются в любом государстве и в России тоже. Это вопрос внутренней гармонии, которая создавалась на протяжении столетий и которую, как нам в определенный период казалось, мы смогли вывести на принципиально новый уровень» [Медведев рассказал…].

Российская версия политики мультикультурализма древнее и намного сложнее по своим последствиям, чем европейская. Мультикультурализм как форма поощрения групповой, общинной идентичности был неотъемлемой частью как государственной политики как до революции, так и после нее, в советские времена.

В Республике Башкортостан мы видим хороший наглядный пример для изучения такого опыта совместного проживания

людей различных национальностей. В середине XVI века башкирские племена добровольно приняли подданство Русского государства. Постепенно край стал многонациональным. В XVII–XIX вв. сюда переселилось значительное число людей из центральных, приволжских и западных районов страны – в основном крестьян разных национальностей – русских, татарских, чувашских, марийских, мордовских, удмуртских, украинских и др. Контакты местного населения с пришлым благоприятствовали хозяйственному и культурному росту башкир, их переходу к оседлому образу жизни, к земледелию. Развивались этнокультурные контакты и межэтнические коммуникации, взаимосвязи между этносами.

Официальной религией в Российской империи было православие. Лица разных вероисповеданий и конфессий в Российской империи попадали под действие различных правовых норм в зависимости от предписаний своей религии. Вместе с тем в отношении к исламу в Российской империи в целом проводился курс политики религиозной терпимости. Российские мусульмане могли жить в соответствии с установлениями шариата, в том числе и в области брачно-семейных отношений. Вопросами регистрации браков мусульман, рождения и смерти, наследования и раздела семейного имущества занималось Оренбургское магометанское духовное собрание, образованное в 1788 г. в Уфе. Государство в религиозные традиции не вмешивалось, проводило умеренную и разумную политику.

Для представителей многих народов Башкортостан стал вторым домом, здесь они нашли свою родину, приобрели друзей и получили возможность сохранять и развивать национальные традиции и обычаи. В городах и районах республики проводятся сабантуи, праздники родословной – «Шежере-байрамы», дни, недели, декады национальных кухонь. По данным Управления записи актов гражданского состояния по Республике Башкортостан, в 2010 году в республике почти 70 тысяч человек связали себя семейными узами – это 34819 браков. Из них межнациональных – 13222. Чаще свадьбы играют татары и русские – 3224 семьи, за ними идут башкиры и татары – 3212 браков. Меньше всего семейных союзов заключается между башкирами и марийцами – всего 51 свадьба [Бурханова 2014: 101]. Так как графа «национальность» была исключена из паспортов, то при регистрации брака не все пары заполняют данную графу.

Россияне – общность многонациональная, более широкая, чем нация, обладающая собственными чертами. Она сформировалась в процессе межэтнической интеграции. В то же время россияне не представляют собой нечто искусственное, оторванное от национальной почвы. В общности «россияне» диалектические сочетаются этническое и социальное, национальное и интернациональное.

С 2005 г. реализуется Концепция национального образования и принципов изучения родных языков в РБ. В школах республики организовано изучение 14 родных языков: башкирского, русского, татарского, чувашского, марийского, удмуртского, мордовского, немецкого, украинского, белорусского, латышского, иврита, польского и армянского [Хабибуллина 2010: 28]. Работают воскресные национальные школы – украинские, немецкие, чувашские, армянская, польская, латышская и др. Село Золотоношка Стерлитамакского района является культурным центром украинцев Башкортостана. Здесь в школе преподаются украинский язык и литература, изучаются народные традиции, работает музей. В селе существует свой фольклорный ансамбль «Зоряний світ».

В вузах республики вместе в одной студенческой аудитории учатся представители минимум 5-6 национальностей: русские, татары, башкиры, чуваши, нередко мордва, удмурты, украинцы, а в последние годы все чаще среди студентов встречаются армяне и азербайджанцы. В 2015 году в нашем вузе – Стерлитамакском филиале Башкирского государственного университета – появились студенты из Киргизии и Узбекистана, что связано с проведением в Уфе саммита стран ШОС летом 2015 года.

Долгое время обычный россиянин, занятый разрешением проблем повседневности, не задумывался над тем, откуда он. В 90-е гг. наиболее активная часть граждан захотели узнать о своем происхождении, своих предках. Поток запросов в архивы отразил важное общественное явление – желание через судьбы предков познать историю своей страны. В 2000-е гг. начался настоящий бум генеалогических исследований. В Башкирии ежегодно отмечается праздник «Шежере-байрамы» – праздник родословной. В 2012 году этот праздник был посвящен родословным участников Отечественной войны 1812 года [В Стерлитамаке прошел праздник…]. Праздники родословных проводят татары и чуваши. В школах дети составляют свое генеалогическое древо.

Многие проблемы России, в том числе и этнические

конфликты, во многом являются следствием массового социального невежества. Современный человек не всегда может успешно адаптироваться к сложной и конфликтогенной социокультурной обстановке без знания межэтнических отношений. В то же время накопленный веками опыт толерантности в российском обществе помогает избежать тех острых проблем, с которыми столкнулись европейские страны. Через приобщение к народным истокам воспитывается патриотизм, уважительное отношение к культуре, к национальным характерам.

ЛИТЕРАТУРА

Мальковская И.А. Проблемы образования в поликультурном обществе. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=556

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef21f378d622/ (дата обращения 12.03.2016).

Конституция Российской Федерации. URL: http://constitution.kremlin.ru/.

Гумилев Л.Н. От Руси до России. Москва: АСТ, 2006. 320 с.

Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан: Автореферат дис. ... д. ист. наук: 07.00.07. Ижевск, 2010. 52 с.

Нестерова А.А. Построение межкультурных отношений в мультикультурных регионах: опыт России и европейских государств // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2012. № 3 (18) 135. С.132-137.

Косых Е.С. Крах европейского мультикультурализма // Культура мира на современном этапе: материалы Республиканской научно-практической конференции (Уфа, 28 апреля 2011 г.). Уфа: Вагант, 2011. С.192-196. URL: http://window.edu.ru/resource/740/77740/files/Sbornik_2011_Kultura19.aprelya2011.pdf#9

Паин Э. К вопросу о «крахе политики мультикультурализма» в Европе. URL: http:// http://madan.org.il/node/1547

«Исламское государство» подтвердило гибель Джихади Джона. URL: http://www.rbc.ru/society/20/01/2016/569eb1589a794786252dbd6d (дата обращения: 14.03.2016)

Майоров Е. Мультикультурализм в Германии умер. URL: http: // http://www.inright.ru/articles/politics/20101018/id_395

Германия променяла мультикультурализм на Четвертый рейх. URL: http://ttolk.ru/?p=475

Лаумулин М. Закат мультикультурализма. Наступает эра европейского ислама. URL: http://www.continent.kz/2006/05/9.htm_

Керн С. Криминальная волна мигрантов: полиция капитулирует. URL: http://club.berkovich-zametki.com/?p=19861

Медведев рассказал о Российском мультикультурализме. URL: http://actual-comment.ru/news/29837/

Бурханова Ф.Б. Создание семьи: современные тенденции в Башкортостане // Вестник института социологии. 2014. № 18. С. 91-107.

В Стерлитамаке прошел праздник «Шежере байрамы». URL: http://sterlegrad.ru/str/society/34008-v-stelitamake-proshel-prazdnik-shezhere-bayramy.html|

DEMİR İPEKYOLU

İlyas Demirci*
N. Ahmet Kuşhanoğlu**

2010 ASTANA; Türk Dünyası Mimarlık ve Şehircilik Kurultayı Sonuç Bildirgesi doğrultusunda, Türk Dünyası Mühendisler ve Mimarlar Birliği'nin oluşturulması kararı alınmış ve 01 ağustos 2011 tarihinde, 28 ülke temsilcilikleri ile birlikte TÜRK DÜNYASI MÜHENDİSLER VE MİMARLAR BİRLİĞİ kurulmuştur.

Türk Dünyası Mühendisler ve Mimarlar Birliği ana faaliyetlerini tarihi İpekyolu ve bu yolun üzerinde kurulmuş İPEKYOLU MEDENİYETLERİ ekseninde gerçekleştirmektedir. Özellikle, Uluslararası Kaşgar'dan Endülüs'e Türk–İslâm Şehirleri Şehrengiz toplantılarında Kıta Aşan Projelerle Demir İpekyolu ana teması işlenerek bu büyük koridorun tarihteki ve gelecekteki önemi defalarca dile getirilerek farkındalık gündemi oluşturmaktadır. Peki Demir İpekyolu nedir?

Demir İpekyolu:

Uygarlıkların yeryüzü haritasına çektiği bereketli çizgilerdir… Ticari, ekonomik, sosyal ve kültürel hayat o çizgiler üzerinden akışını devam ettirir.

Bir yere ulaşmak için açılan her yol, sahip olduğumuz kültür ve uygarlıkların daha da gelişmesini, evrensel bir değere dönüşmesini sağlar.

İnsanların toplu yaşama bilincine kavuştukları ilk günlerden bu yana; tarihin ve coğrafyanın, kentlerin ve ülkelerin kimliğinde en belirgin unsur yollar olur.

Yol tayini, insan için bir nevi kader tayinidir. Kısa olsun uzun olsun, dar olsun geniş olsun her yol elbette mesafesi ölçüsünde ulaştırır; kendince bir değere ve etkinliğe sahiptir.

Ancak, dünyanın ortak mirasında hiçbir yol, İpek Yolu kadar insanlığın birbirini tanımasına, kültürlerin buluşmasına, coğrafyanın derinlik kazanmasına katkı sağlamamıştır.

En genel anlamıyla Doğu ile Batının etkileşimi İpek Yolu'nun

* Dr. Türk Dünyası Mühendisler ve Mimarlar Birliği Genel Sekreteri

** Türk Dünyası Mühendisler ve Mimarlar Birliği Ulaştırma Komisyonu Başkanı

tanıklığında gerçekleşir.

İnançların doğuşuna ve yayılmasına, ulusların yeni yurtlar edinmesine, yüzyılların bir kitap sayfası gibi okunup çevrilmesine tanıklık eden İpek Yolu, eski dünya diye bildiğimiz Avrasya ve Afrika'nın çevre yollarla zenginleştirdiği bir ana yol olma özelliğini bin yıllardır korumayı başarır.

İpek Yolu, Önce Mısırlıların, ardından Romalıların ülkelerine Uzak Asya'dan ipek ve baharat taşımasıyla adına kavuşur; ünlenir.

İlerleyen yüzyıllarda Doğu-Batı ticaretinin tek merkez aksını Çin'den Batı Avrupa'ya uzanan İpek Yolu oluşturur.

Diğer bir deyişle İpek Yolu kıtalararası ticaretin atar ve toplardamarıdır.

İpek, baharat, porselen, kâğıt ve değerli taşlar başta olmak üzere yüzlerce ticari eşya, deve ve katır kervanlarının uzun ve büyülü yolculuğunda daha bir değerlenerek Orta Asya ülkelerinden ağır adımlarla geçer.

Kervanlar, bozkırın, dağların, ovaların kokusunu alarak Hazar Deniz'ine; Küçük Asya üzerinden Akdeniz ve Karadeniz'e ulaşır.

Sonra kervanların yerini gemiler alır.

Varış limanlardan başlayan yeni kervanlar menzile ulaştığında, aradan mevsimler hatta yıllar geçmiş olsa bile bu büyülü yolculuk; aynı anda iki yöne akan bir ırmak ahengiyle Batıdan Doğuya devam eder.

Kervanlar yollarda, hanlarda, kervansaraylarda karşılaşır; aynı güzergâhı iki yönden izleyerek, aynı kentlerden, aynı köprülerden, aynı kavşaklardan ancak farklı bir tazelikle geçerek tarihin akışına eşlik etmeyi sürdürür.

Binlerce kilometrelik güzergâh üzerindeki kentler, konuk ettiği kervanların; ağırladığı, her dilden, her ırktan ve her inançtan insanın doğal katkısıyla kent kimliğine kavuşur.

Kentler bir yana, yalnızca kervanlar için yapılan konaklama mekânları bile, bu büyük ticari hareketin destansılığını tarihe direnen soylu duruşlarıyla anlatmaya devam etmektedir.

Yüzyıllar geçer…

İnsanoğlunun kullandığı ve tükettiği pek çok şey değişir, çeşitlenir.

Ticaretin şekli değişir.

Ürünler sınır tanımaz.

Kentlerin ve ülkelerin nüfusu artar.

Güneş Doğu'dan aynı güzellikle doğmaya, Batı'dan aynı tazelikle yeniden doğmak için batmaya devam eder.

Asya Avrupa'ya, Avrupa Asya'ya daha da yakınlaşır.

Ve İpek Yolu küreselleşen dünyada daha da önem kazanır.

İpek Yolu güzergâhındaki en çevre dostu, en ekonomik, en insani ve en avantajlı ulaşım seçeneğini ise demiryolu ulaşımının, diğer bir deyişle **Demir İpek Yolu**'nun oluşturacağı düşüncesi somutluk kazanır.

Türkiye, Azerbaycan, Gürcistan, Kazakistan ve Çin Devletlerinin ortak işbirliğiyle, dünya kamuoyunda "İpek Demiryolu" yahut "Demir İpek Yolu" olarak anılan Bakû-Tiflis-Kars demiryolu projesinin temeli 2007 yılında atıldı ve yapımı hızla devam ettirilmektedir.

Böylece, Pekin'den, Astana'dan Londra'ya uzanan demiryolu ağının kayıp halkalarından ilkinin hayata geçmesi takvime bağlandı.

Bakû-Tiflis-Kars Demir İpekyolu yalnızca üç ülkeyi birbirine demir yoluyla bağlamakla kalmıyor, bu demirden bağ, İpek Yolu güzergâhındaki bütün ülkeler için aynı derecede önem taşıyor.

Türkiye, Bakû Tiflis Kars Demir İpekyolu projesiyle eş zamanlı olarak; doğu sınırı Kars'tan Batı sınırı Edirne'ye kadar hızlı tren projesi geliştirdi.

Başkent Ankara'yı merkeze alarak Doğu-Batı aksında ülke içi demiryolu koridorunu hızlı tren ağıyla zenginleştirmek için öncelikli olarak Ankara-Eskişehir-İstanbul ve Ankara- Konya Yüksek Hızlı Tren projesi devreye alındı ve yapımı tamamlandı.

Ankara-Eskişehir arasında yüksek hızlı tren işletmeciliğine 13 Mart 2009 tarihinde, başlandı.

Eskişehir-İstanbul yüksek hızlı tren yolu ise 2013 yılında yapımı tamamlanarak işletmeye açıldı.

Hemen ardından bu defa Ankara-Konya yüksek hızlı tren yolunun altyapı ve üstyapı inşaatı tamamlanarak hizmete açıldı.

Ankara-Sivas yüksek hızlı tren yolunun yapımına başlandı; Sivas-Erzincan-Erzurum-Kars hızlı tren yolunun ise projeleri hazırlanarak yapımına başlandı.

Diğer yandan; Ankara-İstanbul yüksek hızlı tren projesiyle ve Marmaray'la entegre olacak şekilde İstanbul-Edirne hızlı tren yolunun projeleri tamamlandı ve hizmete açıldı.

Demir İpekyolu'nun en ilginç bağlantısını kuşkusuz Marmaray oluşturuyor.

Her yönüyle bir mühendislik harikası olan Boğaz Tüp Geçişi projesinin tarihi oldukça eski…

1860 yılında düşünülen, 1902 yılında bugünkü haline yakın projesi çizilen bir buçuk asırlık rüya Marmaray nihayet gerçek oldu.

Tamamlanan ve hizmete açılan Marmaray'la Demiryolu ulaşımı iki kıta arasında herhangi bir aktarma ve kısıtlama olmadan, Boğazın

60 metre altından, her iki yöne kesintisiz ulaşım sağlamaktadır.

Böylece, Demir İpekyolu ile Astana'dan veya Pekin'den kalkan trenlerin Londra'ya; Londra'dan kalkan trenlerin Astana'ya veya Pekin'e kadar her hangi bir doğal ve fiziki engelle karşılaşmadan ulaşması sağlanmış olacak.

Tarih, İpek Yolu'nun İpek Demiryolu formunda yeniden doğmasına, efsanevi kuş Anka gibi küllerinden yeniden dirilmesine tanıklık ediyor.

Demir İpekyolu Projesi 2010 yılının Mayıs ayında Astana'da Kazakistan Cumhurbaşkanı Nursultan NAZARBAYEV'in himayelerinde ve Türk Cumhuriyetleri Cumhurbaşkanlarının yüksek huzurlarında düzenlenen Türk Dünyası Mimarlık ve Şehircilik Kurultayı'nda, 36 ülkeden gelen Bilim Adamlarının oy birliği kararı ile Türk Dünyasının En Büyük Mühendislik Projesi seçilerek, TÜRK DÜNYASI MÜHENDİSLİK ÖDÜLÜ'ne layık görülmüştür.

Türk-İslam Dünyası coğrafyasında büyük öneme sahip olan bu anlamlı projenin mühendislerine, yürütücüsüne ve yapımcısına kadar emeği geçen herkese Türk Dünyası Mühendisler ve Mimarlar Birliği adına ayrı ayrı teşekkür ederken, gelecek zaman içinde bu tarihi proje ile birlikte saygıyla anılacaklarını ifade etmek isterim.

ASYA - AVRUPA KORİDORUNDA DEMİR İPEK YOLU

Bakü – Tiflis – Kars (BTK) Demir İpek Yolu Projesi

Bakü-Tiflis-Kars (BTK) demiryolu projesi bölgedeki taşıma potansiyelini değerlendirerek, Asya ile Avrupa arasındaki asırlarca kapalı olan büyük tarihi İpek Yolu'nun canlanması, üzerinde bulunan ve birbiri ile tarihten gelen dostlukları, kültürel ve ekonomik beraberlikleri olan, devletleri ve milletleri arasındaki ilişkileri daha da kuvvetlendirecek ve ticaretin geliştirilmesine katkıda bulunacaktır.

Bakü-Tiflis-Kars (BTK) Yeni Demiryolu Projesi, Türkiye-Gürcistan-Azerbaycan'nın sürdürdüğü müşterek gayretler olumlu sonuç vermiş olacaktır. Projenin gerçekleştirilmesi ile Avrupa ve Türkiye-Gürcistan-Azerbaycan üzerinden Orta Asya ve Uzak Doğu arasında demiryolu ile istikrarlı yük ve yolcu taşımacılığı sağlanarak, bölgesel işbirliği gerçekleştirilecektir.

BTK demiryolu projesi, güzergâhının uluslararası olması ve Çin'den İngiltere'ye kadar bütün ülkelerin bu demiryolundan beklentisinin bulunması yanı sıra Marmaray Projesi ile birlikte İngiltere'den Çin'e kadar kesintisiz demiryolu hizmeti sağlaması beklenmektedir.

Bu projesi; sadece bir demiryolu projesi değil, tarihi büyük İpekyolu'nu tekrar canlandırma, bölge ülkelerinin ekonomik, sosyal

ve kültürel ilişkilerini daha da pekiştirme projesidir. Kazakistan ve Çin de dâhil olduğu ve kamuoyunda "İpek Demiryolu Projesi" olarak nitelendirilen bu proje; enerji kaynaklarının dünyaya ulaşımı sağlarken, uluslararası ulaşımda Türkiye, Gürcistan, Azerbaycan ve içerisinde Kazakistan'ın da bulunduğu Orta Asya Ülkeleri önemli bir avantaj temin edecektir.

Kazakistan Cumhurbaşkanı Sayın Nursultan NAZARBAYEV konu ile ilgili "Kazakistan kıtaların ve değerlerin buluştuğu bir noktadadır. Kazakistan'ı tüm dünyaya tanıtan büyük İpekyolu'nu yeniden canlandırmalıyız, onun için dünyanın diğer bölgelerini bize yaklaştıran yeni yollar inşa etmeliyiz. Avrupa'yı Pasifik Okyanusuna Bizim üzerimizden bağlayan yeni denizyolu demiryolu ve karayolu inşaatı çok önemlidir." Demektedir. BTK projesi Sayın Cumhurbaşkanının bahsettiği bu projelerden biridir. İçinde BTK'nın da bulunduğu Büyük İpekyolu Projesi gerçekleştirildiği takdirde, ABD'nin Kuzeyden Güneye İpekyolu projesini de destek vereceği dile getirilmektedir.

Bu şekilde, demiryolu taşımacılığının getireceği güvenli ve ekonomik taşıma modeli, Avrasya Bölgesindeki ülkelerin ticaret hacimlerinin artmasına ve zenginleşmesine katkıda bulunacaktır. Projenin hayata geçirilmesi, 29.12.2004 tarihinde Gürcistan'ın başkenti Tiflis'te; Türkiye-Gürcistan-Azerbaycan Ulaştırma Bakanlarının katılımı ile yapılan Karma Ulaştırma Komisyonu Toplantısında kararlaştırılmıştır.

Bakü-Tiflis-Kars Demiryolu Projesi'nde yeni inşa edilecek demiryolunun toplamı 105 km olup, Türkiye kesimini oluşturan ve yeni inşa edilecek Türkiye-Gürcistan arası (Kars-Sınır) Demiryolu 76 km uzunluğundadır. Gürcistan tarafında yeni inşa edilecek demiryolu 29 km, rehabilitasyonu yapılacak bölüm ise 155 km'dir. Proje; altyapısı ve üstyapısı çift hat, elektrikli ve sinyalli olarak inşa edilmektedir.

Bu demir yolunun inşası ile "Tek kuşak ve tek yol" sloganına dönüşen büyük İpekyolu'nun canlandırılması doğu ile batı arasındaki ticaretin geliştirilmesine Demir İpekyolu olarak büyük destek verecektir.